P. o. russ. 65 a

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

95 G b/av
Fg I/78/6434

P. o. russ. 65 a

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ИЗЪ ДЕРЕВНИ

11 ПИСЕМЪ

(1872—1882 гг.)

А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1882

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2.

I.

1872 — 1882 г.

Вы хотите, чтобы я писалъ вамъ о нашемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ. Исполняю, но предупреждаю, что рѣшительно ни о чемъ другомъ ни думать, ни говорить, ни писать не могу, какъ о хозяйствѣ. Всѣ мои интересы, всѣ интересы лицъ, съ которыми я ежедневно встрѣчаюсь, сосредоточены на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ, навозѣ... Намъ ни до чего другаго дѣла нѣтъ.

5-го февраля я праздновалъ годовщину моего прибытія въ деревню. Вотъ описаніе моего зимняго дня.

...Поужинавъ, я ложусь спать и, засыпая, мечтаю о томъ, что черезъ три года у меня будетъ тринадцать десятинъ клеверу намѣсто облогъ, которыя я теперь подымаю подъ ленъ. Во снѣ я вижу стадо пасущихся на клеверной отавѣ холмогорокъ, которыя народятся отъ бычка, обѣщаннаго мнѣ однимъ извѣстнымъ петербургскимъ скотоводомъ. Просыпаюсь съ мыслью о томъ, какъ бы прикупить сѣнца подешевле.

Проснувшись, зажигаю свѣчку и стучу въ стѣну—баринъ, значитъ, проснулся, чаю хочетъ. „Слышу!“ отвѣчаетъ Авдотья и начинаетъ возиться съ самоваромъ. Пока баба ставитъ самоваръ, я лежу въ постели, курю папироску и мечтаю о томъ, какая отличная пустошь выйдетъ, когда срубятъ проданный мною ныньче лѣсъ. Помечтавъ, покуривъ, надѣваю валенки и полушубокъ. Домъ у меня плоховатъ: когда вытопятъ печи, къ вечеру жарко до-нельзя, къ утру холодно, изъ-подъ полу дуетъ, изъ дверей дуетъ, окна замерзли, совершенно какъ въ крестьянской избѣ. Я-было сначала носилъ нѣмецкій костюмъ, но скоро убѣдился, что такъ нельзя, и началъ носить валенки и полушубокъ. Тепло и удобно. Наконецъ, баба, позѣвывая, несетъ чай. Одѣта она, какъ и я, въ валенки и полушубокъ.

— Здравствуй, Авдотья. Ну, что?

— А ничего!

— Холодно?

— Не то чтобы очень; только мятетъ.

— Иванъ ушелъ на скотный?

— Давно ушелъ: чай ужъ кормъ задали.

— Что это Лыска вчера вечеромъ лаяла?

— А Богъ ё знаетъ. Такъ, ничего. Волки, должно, близко подходили.

Я заказываю обѣдъ. Авдотья, жена старосты Ивана, у меня хозяйка въ домѣ. Она готовитъ мнѣ кушанье, моетъ бѣлье, завѣдуетъ всѣмъ хозяйствомъ. Она же доитъ коровъ, завѣдуетъ молочнымъ скопомъ, бьетъ масло, собираетъ творогъ. Авдотья — главное лицо въ моемъ женскомъ персоналѣ и всѣ другія бабы ей подчинены, за исключеніемъ „старухи", которая хозяйкой въ застольной.

Обѣдъ заказанъ. Баба уходитъ. Я пью чай и мечтаю о томъ, какъ будетъ хорошо, когда нынѣшнею весной вычистятъ низины на пустошахъ и облогахъ, черезъ что покосъ улучшится и сѣна будетъ больше.

Пью чай, курю и мечтаю. Иванъ староста пришелъ; одѣтъ въ валенки и полушубокъ.

— Здравствуй, Иванъ. Ну, что?

— Все слава Богу. Кормъ скоту задали. Корова бурая бѣлобокая телилась.

— А! Благополучно?

— Слава Богу. Схолилась какъ слѣдуетъ. Въ маленькій хлѣвокъ поставили.

— Телечку телила?

— Телочку—буренькая, бѣлоспиная... Ничего телочка.

Я достаю изъ стола записную книгу, записываю новорожденную телочку въ списокъ нынѣшнихъ телятъ: „$\frac{№\ 5}{72}$ бурая бѣлоспиная телечка $\frac{8}{11}$ 72 отъ № 10" и смотрю по календарю, когда телочкѣ будетъ шесть недѣль, что отмѣчаю въ книгѣ.

— Что, хорошо съѣли вечернюю дачу?

— Хорошо съѣли, только былье осталось. Пустошное сѣно, сами изволите посмотрѣть, роговой скотъ хорошо будетъ съѣдать: кромѣ былья ничего не останется, потому въ немъ вострецу нѣтъ.

— Что это Лыска вчера вечеромъ лаяла?

— Такъ, ничего. Волки, должно, подходили.

Молчаніе. Говорить больше не о чемъ. Иванъ, выждавъ, сколько

требуетъ приличіе, и видя, что говорить больше нечего, беретъ чайную посуду и уходитъ къ Авдотьѣ пить чай.

Послѣ чая я или пишу, или читаю химическіе журналы, собственно, впрочемъ, для очищенія совѣсти: неловко какъ-то, занимавшись двадцать лѣтъ химіей, вдругъ бросить свою науку. Но не могу не сознаться, что очень часто, читая статью о какомъ нибудь паро-хлоръ-метаталуйдинѣ, я задумываюсь на самомъ интересномъ мѣстѣ и начинаю мечтать, какъ бы хорошо было, еслибы удалось будущею осенью купить пудовъ 500 жмаковъ... навозъ-то, какой былъ бы!

Обутрѣло. Кандитеръ Савельичъ пришелъ печи топить. У меня печи топитъ кандитеръ, настоящій кандитеръ, который умѣетъ дѣлать настоящіе конфекты. Попалъ этотъ кандитеръ ко мнѣ случайно. Когда-то, лѣтъ пятьдесятъ или шестьдесятъ тому назадъ—за старостью, кандитеръ самъ позабылъ сколько ему лѣтъ—Савельичъ учился кандитерскому ремеслу въ одной изъ лучшихъ кандитерскихъ въ Москвѣ, былъ кандитеромъ въ одномъ изъ московскихъ клубовъ, потомъ былъ взятъ помѣщикомъ въ деревню, гдѣ проходилъ различныя должности: былъ поваромъ, кучеромъ, буфетчикомъ, выѣзднымъ лакеемъ, истопникомъ, судомойкой и т. п. Жениться Савельичъ не успѣлъ, хозяйствомъ и семействомъ не обзавелся, собственности не пріобрѣлъ — у господъ былъ всегда на застольной—подъ старость оглохъ и по несчастному случаю потерялъ челюсть, которую ему вынулъ какой-то знаменитый хирургъ, вызванный изъ-за границы для пользованія одного богатаго больного барина. Случилось какъ разъ въ это время, что Савельичу ударомъ какого-то механизма на круподернѣ, гдѣ онъ升 дралъ крупу, раздробило лѣвую челюсть; сдѣлалась рана, и раздробленную челюсть пришлось вынуть, что и исполнилъ знаменитый хирургъ. Операція удалась. Савельичъ остался живъ и исправно жуетъ одною челюстью. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, Савельичъ сдѣлался вольнымъ и съ тѣхъ поръ жилъ все больше около церкви. Сначала былъ церковнымъ старостой, потомъ ходилъ съ книжкой собирать на церковь. Послѣдніе же два года Савельичъ жилъ какъ птица небесная, со дня на день, перебиваясь кое-какъ. Лѣтомъ и осенью нанимался за мужиковъ караулить церковь, за что очередной дворъ давалъ ему харчи и платилъ по 5 копеекъ за ночь, варилъ иногда купцамъ въ городѣ варенье, за что ему тоже перепадали кое-какія деньжонки. Зимой же—самое трудное для Савельича время—жилъ на капиталъ, заработанный лѣтомъ. Квартировалъ на своихъ харчахъ у какого нибудь знакомаго мужика и за квартиру помогалъ мужику въ домашнихъ работахъ — за водой сходитъ, дровъ нарубитъ, люльку качаетъ—старикъ во дворѣ никогда не лишній; кормился же своимъ кандитерскимъ ремесломъ: купитъ на зара-

ботанныя лѣтомъ деньжонки нѣсколько фунтовъ сахару, надѣлаетъ леденцовъ и носитъ по деревнямъ (разумѣется, безъ торговаго свидѣтельства). Дастъ старухѣ конфекту для внучатъ—она его накормитъ. Разумѣется, плохо ѣлъ всегда, голодалъ иногда, но милостыни, говоритъ, не просилъ. Ко мнѣ Савельичъ попалъ такимъ образомъ: захожу какъ-то въ прошедшемъ году великимъ постомъ въ избу, гдѣ живутъ работники и работницы, вижу сидитъ, въ одной рубахѣ, высокій, худой, истощенный отъ плохаго харча, лысый старикъ и третъ въ деревянной ступѣ табакъ. „Кто это?" спрашиваю.—„А старикъ", говоритъ староста, „по знакомству зашелъ; я ему табакъ далъ стереть—пообѣдаетъ за это съ нами". Подъ вечеръ, отдавая отчетъ по хозяйству, староста заговорилъ о старикѣ, разсказалъ, что старикъ бывшій дворовый, что онъ кандитеръ, при господахъ живалъ, господскіе порядки знаетъ и попросилъ позволенія пригласить старика къ свѣтлому празднику разговѣться, „а онъ за это поможетъ Авдотьѣ къ празднику столъ готовить", прибавилъ староста. Я, разумѣется, позволилъ. Авдотья была въ восторгѣ, что старикъ придетъ къ празднику и поможетъ ей все приготовить хорменно (форменно), какъ у господъ бываетъ. Чтобы все было хорменно, какъ у господъ,—это конёкъ Авдотьи.

Поселившись въ деревнѣ, я рѣшился не заводить ни кучеровъ, ни поваровъ, ни лакеевъ, то-есть, всего, что составляетъ принадлежность помѣщичьихъ домовъ, что было одною изъ причинъ раззоренія небогатыхъ помѣщиковъ, неумѣвшихъ послѣ „Положенія" повести свою жизнь иначе, чѣмъ прежде, что было одною изъ причинъ, почему помѣщики побросали хозяйства и убѣжали на службу. Поселившись въ деревнѣ, я повелъ жизнь на новый ладъ.

Въ имѣніи я нашелъ старосту; у старосты, разумѣется, оказалась баба, которая вела его хозяйство, готовила ему кушанье, мыла бѣлье. Я перемѣстилъ старосту съ бабой изъ избы въ домъ и сдѣлалъ Авдотью моею хозяйкой, кухаркой, прачкой. По хозяйству — молочное дѣло, выпойка телятъ и пр.—учить ее мнѣ было не чему: я самъ у нея учусь и долженъ сознаться, что отъ нея научился гораздо большему, чѣмъ по книгамъ, гдѣ говорится, что „у молочной коровы голова бываетъ легкая, съ тонкими рогами, ноги тонкія, хвостъ длинный и тонкій, кожа и волосы мягкіе и нѣжные, вообще-же весь видъ *женственный* и пр."; но по части кухни я ей нѣсколько помогъ. При помощи моей (недаромъ-же я химикъ: все-таки, и въ поваренномъ дѣлѣ могу понять суть), Авдотья, обладающая необыкновенными кулинарными способностями и стараніемъ, а также присущими каждой бабѣ знаніями, какъ слѣдуетъ печь хлѣбъ, дѣлать щи и пироги, стала отлично готовить мнѣ кушанье и разные запасы на зиму—пикули, ма-

ринованные грибки, наливки, консервы изъ рыбы и раковъ, варенье, сливочные сыры. Я ей объяснилъ, что при приготовленіи сиропа изъ ягодъ, главное—варить до такой степени, чтобы, подъ вліяніемъ кислоты, кристаллическій сахаръ перешелъ въ виноградный и сиропъ сгустился настолько, чтобы броженіе не могло происходить; объяснилъ, что гніенія въ консервахъ, плѣсени въ пикуляхъ и проч., какъ показалъ Пастёръ, не будетъ, если изъ воздуха не попадутъ зародыши низшихъ организмовъ; объяснилъ дѣйствіе высокой температуры на зародыши, бѣлковину и т. п. Все это Авдотья прекрасно поняла. Все идетъ у насъ отлично: и масло выдѣлываемъ превосходное, и бархатный сливочный сыръ дѣлаемъ такой, что Эрберу не грѣхъ было бы подать своимъ посѣтителямъ, и раковъ маринуемъ, и ветчину солимъ, и гусей коптимъ, и колбасы чинимъ, и рябчиковъ жаримъ не хуже, чѣмъ у Дюссо. Въ одномъ только мы съ Прохоровной не сходимся: я забочусь только о вкусѣ, а она, кромѣ того, и о томъ, чтобы все было форменно, какъ у господъ бываетъ, чтобы насъ не осудили. Кандитеръ, который живалъ при господахъ, былъ для нея истинною находкой, и она съ волненіемъ ожидала, разрѣшу ли я пригласить кандитера къ свѣтлому празднику: праздникъ большой, попы пріѣдутъ, а у насъ не форменно будетъ.

Кандитеръ пришелъ за три дня до праздника. Зарѣзали барана; я съѣздилъ на станцію и купилъ крупчатки, сандалу, изюму, миндалю,—началась стряпня; кандитеръ вырѣзалъ изъ разноцвѣтной бумаги украшенія для кулича и бараньяго окорока; я, вмѣстѣ съ однимъ изъ друзей химиковъ, пріѣхавшимъ изъ Петербурга ко мнѣ въ гости на праздникъ, сдѣлали изъ розовой чайной бумаги цвѣтокъ розанъ, надушили его превосходными духами и воткнули въ куличъ. Все вышло отлично,—и куличъ, и пасха, и поросенокъ, и баранина, а главное, все было форменно и передъ попами мы не ударили лицомъ въ грязь. Авдотья была на верху блаженства и ходила съ сіяющимъ лицомъ, наряженная въ яркій сарафанъ. Кандитеръ только сплоховалъ—взялся онъ сдѣлать какой-то сладкій англійскій тортъ, но тортъ не вышелъ, то есть, вышелъ очень плохъ. Замѣтивъ на другой день, что все было съѣдено, за исключеніемъ англійскаго торта, кандитеръ такъ сконфузился, что, не говоря ни слова, куда-то скрылся.

Лѣтомъ кандитеръ жилъ гдѣ-то при церкви, недалеко, верстахъ въ десяти отъ меня. Я про него забылъ совершенно. Только въ августѣ, когда понадобился сторожъ для озимей, картофеля и гороха, я вспомнилъ про кандитера. Дай, думаю, возьму его къ себѣ на зиму—не объѣстъ вѣдь, а все что нибудь въ домѣ сдѣлаетъ. Съ ав-

густа кандитеръ поселился у меня и оказался очень полезнымъ человѣкомъ: осенью горохъ и картофель караулилъ, лошадей чужихъ съ озими выгонялъ, конечно, ни одной лошади въ потравѣ не поймалъ (старъ, отъ худыхъ харчей съ тѣла спалъ и силу потерялъ), но все-таки полевой сторожъ, — мужики опаску имѣютъ и лошадей такъ зря не пускаютъ, а если зайдетъ какая по нечаянности, старикъ выгонитъ. Осенью домъ конопатилъ, двойныя рамы вставлялъ. Теперь печи топитъ, Авдотьѣ помогаетъ, комнаты убираетъ, кошекъ школитъ, если провинится, платье чиститъ, посуду моетъ, а иногда конфекты дѣлаетъ.

Кандитеръ затопилъ печи. Авдотья изъ-подъ коровъ пришла. Хлѣбы въ печь сажаетъ. Стряпать собирается. Пришелъ Иванъ.

— Что?

— Надумался за Днѣпръ сегодня съѣздить. Сѣна не удастся-ли дешево купить. Говорятъ, съ выкупными сильно нажимаютъ. Становой въ волости былъ. Теперь, по нуждѣ, сѣно, можетъ, кто продастъ, а то какъ заплатятъ недоимки—не купишь, потому ныньче и у крестьянъ корму вездѣ умаленіе.

— Какіе же теперь выкупные?

— Да это все осенніе, пеньковые выбиваютъ. Пеньку продали да не расплатились. Пеньки ныньче плохи. Хлѣба нѣтъ. Другой пеньку продалъ, а подати и выкупные не уплатилъ, потому что хлѣба купилъ. Вотъ Ѳедотъ куль-то бралъ—заплатилъ изъ того, что за пеньку выручилъ, а выкупные не внесъ. Теперь и нажимаютъ.

— Ну, поѣзжай, покупай сѣно. Да въ волость не заѣдешь ли? Что же наши оброки?

— Недавно былъ. Волостной обѣщалъ. Вотъ, говоритъ, казенные выберу,—за ваши примусь. У Марченка самъ былъ.

— Ну, что-жъ?

— Да, что-жъ, ничего. Я ему говорю: что-жъ ты,—пеньку продалъ, а недоимку не несешь?

— Ну?

— Денегъ, говоритъ, нѣту. За пеньку двадцать рублей взялъ, пять осьминъ хлѣба купилъ — и хлѣбъ показалъ. Самъ, говоритъ, знаешь, что у меня шестеро дѣтей;—вѣдь ихъ кормить нужно. Это вѣдь, говоритъ, не скотина, не зарѣжешь да не съѣшь, коли корму нѣтъ. Что хочешь дѣлай, а корми.

— А другіе что?

— Другіе извѣстно что говорятъ: коли платить, такъ всѣмъ платить поровну, что слѣдуетъ. Коли милость баринъ сдѣлаетъ съ Марченка подождать, такъ за что же мы будемъ раньше его платить.

У Марченка еще бычокъ есть — пусть продастъ. Пороть его нужно. Народилъ дѣтей—умѣй кормить.

— Хорошо. Ну, поѣзжай съ Богомъ. Хлопочи насчетъ сѣна.

Полученіе оброковъ дѣло очень трудное. Кажется, оброкъ — вѣрный доходъ, все равно, что жалованье, но это только кажется въ Петербургѣ. Тамъ, въ Петербургѣ, худо ли, хорошо,—отслужилъ мѣсяцъ и ступай къ казначею, получай что слѣдуетъ. Откуда эти деньги, какъ они попали къ казначею — вы этого не знаете и спокойно кладете ихъ въ карманъ, тѣмъ болѣе, что вы думаете, что ихъ заслужили, заработали. Тутъ же не то; извольте получить оброкъ съ человѣка, который ѣстъ пушной хлѣбъ, который кусокъ чистаго ржанаго хлѣба несетъ въ гостинецъ дѣтямъ... Прибавьте еще къ этому, что вы не можете обольщать себя тѣмъ, что заслужили, заработали эти деньги...

Конечно, получить оброкъ можно,—стоитъ только настоятельно требовать; но вѣдь каждый человѣкъ—человѣкъ и, какъ вы себя ни настраивайте, однако, не выдержите хладнокровно, когда увидите, какъ рыдаетъ баба, прощаясь съ своею коровой, которую ведутъ на аукціонъ... Махнете рукой и скажете: подожду. Разъ, другой, а потомъ и убѣжите куда нибудь на службу; издали требовать оброкъ легче: напишете посреднику, скотъ продадутъ, раздирательныхъ сценъ вы не увидите...

Староста ушелъ. Я иду на скотный дворъ. Скотъ уже напоили и начинаютъ закладывать вторую дачу корма. Я захожу въ каждый хлѣвъ, смотрю, чисто ли съѣдена утренняя задача. Вторую задачу даютъ при мнѣ. Я смотрю, какъ скотъ ѣстъ, не отбиваютъ ли однѣ коровы другихъ, не слѣдуетъ ли которую поставить въ отдѣльный хлѣвокъ для поправки. Захожу въ телятникъ, въ овчарню, въ скотную избу, гдѣ, кромѣ скотника, скотницы (его жены) и ихъ семерыхъ дѣтей, помѣщаются еще новорожденные телята и ягнята.

Кромѣ старосты, у меня есть еще скотникъ Петръ съ женой Ховрой и дѣтьми. У скотника семеро дѣтей: Варнай — 14 лѣтъ, Аксинья — 11 лѣтъ, Андрей — 10 лѣтъ, Прохоръ—8 лѣтъ, Солошка — 6 лѣтъ, Павликъ—4 лѣтъ, Ховра — еще нѣтъ году. Все это семейство, до Солошки включительно, работаетъ безустанно съ утра до ночи, чтобы только прокормиться.

Самъ скотникъ Петръ лѣтомъ, съ 1-го мая по 1-е октября, пасетъ скотъ, зимой же, съ 1-го октября по 1-е мая, кормитъ и поитъ скотъ. Въ этой работѣ ему помогаютъ два старшіе сына, Варнай (14 лѣтъ) и Андрей (10 лѣтъ). Лѣтомъ, скотникъ, вставъ на зарѣ до солнечнаго восхода, выгоняетъ скотъ въ поле и при помощи двухъ

старшихъ ребятъ (скота нынче будетъ 100 штукъ) пасетъ его (младшій, Андрей, обыкновенно носитъ ружье противъ волковъ). Въ 11 часовъ онъ пригоняетъ скотъ на дворъ, гдѣ скотъ стоитъ до 3-хъ часовъ. Въ 4 часу онъ опять гонитъ скотъ въ поле и возвращается домой на ночь. И такъ изо дня въ день, въ теченіи цѣлаго лѣта, и въ будни, и въ праздники, и въ зной, и въ дождь, и въ холодъ. Для скотника нѣтъ праздника ни лѣтомъ, ни зимой; праздникъ отличается у него отъ будничныхъ дней только тѣмъ, что въ праздничные и воскресные дни онъ получаетъ порцію (1/100 ведра) водки передъ обѣдомъ. Зимой скотникъ, опять-таки при помощи двухъ старшихъ ребятъ, кормитъ и поитъ скотъ: вставъ до свѣту, онъ задаетъ первую дачу корма; когда обутрѣетъ, бабы доятъ скотъ, послѣ чего скотникъ поитъ скотъ, гоняя на водопой каждый хлѣвъ особенно. Послѣ водопоя онъ задаетъ вторую дачу корма, обѣдаетъ и отдыхаетъ. Подъ вечеръ, вторично поитъ скотъ и задаетъ третью дачу корма на ночь. Ночью зимой скотникъ не имѣетъ настоящаго покоя, потому что, не смотря ни на морозъ, ни на вьюгу, онъ въ теченіе ночи долженъ нѣсколько разъ сходить въ хлѣвы посмотрѣть скотъ, а когда коровы начнутъ телиться (декабрь, январь, февраль), онъ долженъ постоянно слѣдить за ними и всегда быть на чеку, потому что его дѣло принять теленка и принести его въ теплую избу. Старшіе ребята помогаютъ скотнику раздавать кормъ, и даже десятилѣтній Андрей работаетъ настоящимъ образомъ, по мѣрѣ своихъ силъ запрягаетъ лошадь, помогаетъ брату накладывать сѣно на возъ — самъ скотникъ Петръ въ это время носитъ кормъ мелкому скоту, потому что для мелкаго скота сѣно нужно выбирать, а въ этомъ на ребятъ положиться нельзя — водитъ лошадь и въ хлѣвахъ разноситъ кормъ и закладываетъ его въ ящики. Разумѣется, Андрей, по мѣрѣ силъ, забираетъ маленькія охапочки сѣна; но посмотрѣли бы вы, какъ онъ бойко ходитъ между коровами, какъ покрикиваетъ на быка—и быкъ его боится, потому что у Андрея въ рукахъ кнутъ. Лѣтомъ Андрей носитъ за отцомъ ружье, но при случаѣ и самъ выстрѣлитъ. Разъ, лѣтомъ, я былъ въ полѣ недалеко отъ стада, которое разсыпалось между кустами. Вдругъ слышу выстрѣлъ. Бѣгу на выстрѣлъ и вижу Андрей (ему тогда только-что десятый годъ пошелъ) держитъ въ рукахъ дымящееся ружье. „Въ кого ты стрѣлялъ?"—„Въ волка".—„Гдѣ?"—„Да вотъ за ровкомъ; выскочилъ изъ моложи по ту сторону ровка, остановился на бичажку, стоитъ и смотритъ на меня, лохматый такой, я и выстрѣлилъ". — „Какъ же ты стрѣлялъ?"—ружье у скотника тяжелое, длинное, одноствольное, еще съ 12-го года французское, солдатское. „На сучекъ положилъ да и

выстрѣлилъ. Что-жъ? Такъ и подралъ; да вонъ по полю дуетъ". Дѣйствительно, смотрю, волкъ несется по паровому полю.

Жена скотника, скотница Ховра, доитъ коровъ вмѣстѣ съ Авдотьей и подойщицами, поитъ телятъ, кормитъ ягнятъ, готовитъ кушанье для своего многочисленнаго семейства—одного хлѣба сколько нужно испечь—обмываетъ и обшиваетъ дѣтей. Въ этихъ работахъ ей помогаетъ старшая дочь, Аксюта (12 лѣтъ), и младшая, Солошка (6 лѣтъ), спеціальная обязанность которой состоитъ въ уходѣ за маленькой Ховрой, которую она качаетъ въ люлькѣ, таскаетъ по двору, забавляетъ и няньчитъ. Прохоръ (8 лѣтъ) тоже помогаетъ по хозяйству: онъ рубитъ дрова, и такъ-какъ силенки у него мало, то онъ цѣлый день возится, чтобы нарубить столько дровъ, сколько нужно для отопленія одной печки. Только Павликъ и маленькая Ховра ничего не дѣлаютъ.

За все это скотникъ получаетъ въ годъ 60 рублей деньгами, 6 кулей 6 мѣръ ржи, 2 куля овса, $1^1/_2$ куля ячменя, держитъ на моемъ корму корову и овцу, имѣетъ маленькій огородъ, который долженъ обработать самъ, получаетъ мѣсто для посѣва одной мѣрки льна и одной осьмины картофеля, получаетъ 2 порціи водки—на себя и на жену—по воскресеньямъ и праздникамъ, получаетъ творогу, молока снятого, сколотинъ, сколько будетъ моей милости дать (этого нѣтъ въ договорѣ). Такъ какъ скотнику на его семейство нужно не менѣе 11 кулей ржи въ годъ, то ему слѣдуетъ прикупить еще 4 куля 2 мѣрки ржи, что составляетъ по нынѣшнимъ цѣнамъ 34 рубля. Такимъ образомъ, за расходомъ на хлѣбъ, у него изъ 60 рублей жалованья остается всего 26 рублей, изъ коихъ онъ уплачиваетъ за дворъ 20 рублей оброку (прежде, когда у него было меньше дѣтей, онъ платилъ 40 рублей), а 6 рублей въ годъ остается на покупку соли, постнаго масла, одежду.

Немного, какъ видите. Недорого оплачивается такой тяжелый трудъ, какъ трудъ скотника со всѣмъ его семействомъ. Изъ этого примѣра вы видите, что въ нашей мѣстности положеніе крестьянъ, получившихъ по $4^1/_2$ десятины надѣла, вовсе не блестящее, потому что будь какая нибудь возможность Петру жить на своемъ надѣлѣ, онъ, разумѣется, не попалъ бы за такую плату въ должность скотника, гдѣ ему нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью. Съ другой стороны, и положеніе скотоводства у помѣщиковъ незавидное, потому что при теперешнемъ его состояніи нельзя дать большую плату скотнику, такъ какъ и при такой ничтожной платѣ за трудъ скотъ въ убытокъ. То-же самое можно сказать и относительно другихъ отраслей хозяйства. Помѣщичье хозяйство въ настоящее время ведется такъ плохо, даже

хуже, съ меньшимъ толкомъ и пониманіемъ дѣла, чѣмъ въ крѣпостное время, когда были хорошіе старосты-хозяева — что оно только потому еще кое-какъ и держится, что *цѣны на трудъ баснословно низки*. Кажется, немного получаетъ мой скотникъ, а и то ему завидуютъ, и откажи я ему, сейчасъ-же найдется пятьдесятъ охотниковъ занять его мѣсто.'

Я всегда съ удовольствіемъ бываю въ скотной избѣ. Мнѣ ужасно нравится этотъ „дѣтскій садъ", гдѣ всѣ дѣти постоянно заняты, веселы, никогда не скучаютъ, не капризничаютъ, хотя въ „саду" нѣтъ никакой „Gärtnerin", которая выбивалась бы изъ силъ, чтобы занять дѣтей безполезными работами и скучными сантиментальными пѣсенками, какъ въ петербургскихъ дѣтскихъ садахъ, гдѣ на нѣмецкій ладъ дрессируютъ будущихъ гражданъ земли русской.

Осмотрѣвъ все на скотномъ дворѣ, потолковавъ съ скотникомъ, скотницей, полюбовавшись ребятами, телятами, ягнятами—вы не можете себѣ представить, какъ милъ маленькій Павликъ, когда онъ играетъ на полу съ ягнятами—я возвращаюсь въ домъ. Авдотья, вся раскраснѣвшись, взволнованная, въ забвеніи чувствъ, отчасти даже сердитая, хлопочетъ около плиты, на которой все кипитъ и клокочетъ.

— Обѣдать буду подавать: готово.

— Подавай.

Авдотья накрываетъ столъ и подаетъ обѣдъ. Подавъ кушанье, она стоитъ и въ волненіи ждетъ, что я скажу — хорошо-ли. Въ особенности волнуется она, если подаетъ новое какое нибудь кушанье: въ эти минуты она находится въ такомъ-же возбужденномъ состояніи, какъ ученикъ на экзаменѣ, какъ химикъ, который дѣлаетъ сожженіе какого нибудь вновь открытаго тѣла. Она стоитъ и смотритъ на меня: что будетъ. Обыкновенно всегда бываетъ все очень хорошо. Авдотья на верху блаженства. Если-же случится, что у меня гости, то мнѣ даже жалко становится Авдотьи: она волнуется до такой степени, что у нея отъ разстройства нервъ дѣлается головная боль.

Вся жизнь Авдотьи заключается въ хозяйствѣ, которымъ она завѣдуетъ. Принимая все, начиная отъ неудавшагося масла и кончая худо-вымытымъ чулкомъ, къ сердцу, она вѣчно волнуется, страдаетъ и радуется. Скупа она до невозможности и бережетъ мое добро, какъ свое собственное. Честна безукоризненно. Откровенна, прямодушна, никогда не лжетъ, горда, самолюбива и вспыльчива до невѣроятности; она всегда была вольною и у нея нѣтъ тѣхъ недостатковъ, которыми отличаются бывшіе крѣпостные: никакого раболѣпства, подобострастія, фальши, забитости, страха, приниженности. Въ концѣ обѣда иногда является сюрпризъ—это кандитеръ сдѣлаль что нибудь сладкое, „на

закуску“, какъ говоритъ Авдотья. Съ кандитеромъ у насъ въ нѣкоторомъ родѣ дружба; насъ сближаетъ, какъ мнѣ кажется, сходство положенiй, что мы оба втайнѣ чувствуемъ, хотя никогда другъ другу не высказывались. Весь мой хозяйственный персоналъ—староста, скотникъ, лѣсничiй, работникъ, хозяйка, скотница, старуха, подойщицы—изъ мужиковъ; одинъ только кандитеръ Савельичъ изъ дворовыхъ, изъ старинныхъ дворовыхъ, изъ природныхъ дворовскихъ, какъ говоритъ Авдотья. Вслѣдствiе этого, Савельичъ, точно такъ-же какъ и я, баринъ, пользуется особеннымъ уваженiемъ, оказываемымъ „бѣлой кости“. Савельичу, точно такъ-же какъ и мнѣ, даже староста говоритъ „вы“. Савельичъ сознаетъ свою родовитость, свое превосходство по происхожденiю и держитъ себя соотвѣтственно, серьёзно, строго, особнякомъ, потому что „коли ты архiерей, то и будь архiереемъ“. Вотъ, значитъ, первая точка сближенiя. Савельичъ человѣкъ бывалый, много жилъ, много видѣлъ, всего испыталъ, живалъ при господахъ разныхъ, у генерала служилъ, бывалъ и въ Москвѣ, и въ Питерѣ, царя видѣлъ. Я, баринъ, тоже человѣкъ бывалый, много жилъ, много видѣлъ, бывалъ въ положенiяхъ разныхъ, а главное, когда-то былъ военнымъ, что особенно уважается народомъ: „былъ военнымъ, значитъ, видалъ виды, всего попробовалъ, всего натерпѣлся и холоду и голоду, можетъ, и пороли въ корпусѣ“. Это вторая точка сближенiя. Савельичъ убѣжденъ, что только онъ, человѣкъ бывалый, при господахъ служившiй, понимаетъ господское обхожденiе, что только онъ знаетъ, что и какъ мнѣ нужно. Савельичъ убѣжденъ, что если я разговариваю съ другими, если я доволенъ услугами мужиковъ, составляющихъ мой хозяйственный и вмѣстѣ съ тѣмъ придворный штатъ, то только по снисходительности, вслѣдствiе моей простоты. Долженъ сознаться, я самъ чувствую къ Савельичу особенное расположенiе и именно вслѣдствiе сходства нашихъ положенiй, сходства, Савельичу неизвѣстнаго. Я—отставной профессоръ; онъ — отставной кандитеръ. Вмѣсто того, чтобы читать лекцiи, возиться съ фенолами, крезолами, бензолами, руководить въ лабораторiи практикантами, я продаю и покупаю быковъ, дрова, ленъ, хлѣбъ, вожусь съ телятами и поросятами, учу Авдотью дѣлать пикули, солить огурцы, чинить колбасы. Онъ, Савельичъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать конфекты, пирожки, безе, зефиры—караулитъ горохъ, гоняетъ лошадей изъ зелени, топитъ печи. Масса спецiальныхъ знанiй, прiобрѣтенныхъ многолѣтнимъ трудомъ, остается безъ приложенiя какъ у меня, такъ и у него. И онъ, и я многое забываемъ, отстаемъ. Разница только въ томъ, что я еще недавно бросилъ свою спецiальность и потому не все забылъ, могъ бы, пожалуй, еще возвратиться къ старымъ занятiямъ,

хотя уже чувствую, что отстаю, годика через два, думаю, все позабуду, совсѣмъ отстану, а главное, не буду въ состояніи взяться за старое дѣло съ необходимою энергіей. Онъ же, Савельичъ, давно уже бросилъ свое кандитерское ремесло, почти все позабылъ и отсталъ совершенно, такъ что нынѣшній молодой кандитеръ сталъ бы смѣяться надъ его произведеніями.

Послѣ обѣда я курю сигару, пью пуншъ и мечтаю... Съ января, когда солнце начинаетъ свѣтить по-весеннему и пригрѣваетъ, послѣ обѣда я выхожу, въ ясные дни, грѣться на солнышкѣ. Сидишь на крылечкѣ, на солнечной сторонѣ, и грѣешься. Морозецъ легенькій, градусовъ въ 8—10; тихо. Солнце свѣтитъ ярко и пригрѣваетъ. Хорошо. Нужно прожить въ деревнѣ одному октябрь, ноябрь, декабрь, эти ужасные мѣсяцы, когда цѣлый день темно, никогда не видно солнца на небѣ, а если и проглянетъ, то тусклое, холодное, когда то морозъ, то оттепель, то дождь, то снѣгъ, то такъ моросить, когда нѣтъ проѣзду, грязь или груда, гололедица или ростопель, чтобы научиться цѣнить хорошій санный путь въ декабрѣ и первый лучъ солнца въ январѣ. Вы въ Петербургѣ и понятія объ этомъ не имѣете. Вамъ все равно, что ноябрь, что январь, что апрѣль. Самые тяжелые для насъ мѣсяцы—октябрь, ноябрь, декабрь, январь, для васъ, петербуржцевъ, суть мѣсяцы самой кипучей дѣятельности, самыхъ усиленныхъ удовольствій и развлеченій. Вы встаете въ одиннадцатомъ часу, пьете чай, одѣваетесь, къ двумъ часамъ отправляетесь въ какой-нибудь департаментъ, комиссію, комитетъ, *работаете* часовъ до пяти, обѣдаете въ шесть, а тамъ — театръ, вечеръ, вечернее засѣданіе въ какой пибудь комиссіи — время летитъ незамѣтно. А здѣсь, что вы будете дѣлать цѣлый вечеръ, если вы помѣщикъ, сидящій одиночкой въ вашемъ хуторѣ—крестьяне, другое дѣло, они живутъ обществами—читать? но что же читать?

Съ января уже весной потягиваетъ. На васильевъ вечеръ день прибавляется на куриный шагъ, какъ говоритъ народъ. Въ концѣ же января дня уже сильно прибавилось, и хотя морозы стоятъ крѣпкіе, но солнце грѣетъ. Въ февралѣ—недаромъ онъ зовется бокогрѣй—послѣ того, какъ зима съ весной встрѣтилась на Срѣтеніе, въ хорошіе ясные дни, солнце грѣетъ такъ сильно, что съ крышъ начинаетъ капать. Съ каждымъ днемъ все ближе и ближе къ веснѣ. Мартъ уже весенній мѣсяцъ. Съ Алдакей (1-го марта—Евдокія) начинается весна и пойдутъ весенніе дни: Герасимъ „грачевникъ" (4-го марта), грачи прилетятъ; грачъ—первый вѣстникъ весны, дорогая, долго ожидаемая птица. Сороки (9-го марта), день съ ночью мѣряется, жаворонки прилетятъ, весну принесутъ. Алексѣй „съ горъ

вода“ (17-го марта), ручейки потекутъ—снѣгъ погонитъ, ростопель начнется, на солнцѣ грѣетъ такъ, что хоть полушубокъ снимай, а къ ночи подмораживаетъ. Дарья „обгадь проруби“ (19-го марта), около прорубей, гдѣ поятъ зимой скотъ, такъ обтаетъ, что сдѣлается видѣнъ навозъ, который скотъ зимой оставлялъ во время водопоя. Благовѣщеніе (25-го марта) — весна зиму поборола. Ѳедулъ (5-го апрѣля)—теплый вѣтеръ подулъ. Родивонъ (8-го апрѣля)—ледоломъ. Василій Парійскій (12-го апрѣля)—землю паритъ. Ирина „урви берега“ (16-го апрѣля). Егорій теплый (23-го апрѣля)—ужъ со дня на день ждемъ лѣта. Но мы, посидѣвъ безъ свѣту три мѣсяца, уже въ февралѣ чувствуемъ приближеніе весны и оживаемъ Чуть только ясный солнечный день, все оживаетъ и стремится воспользоваться живительнымъ солнечнымъ лучемъ. Въ полдень, когда на угрѣвѣ начинаетъ капать съ крышъ, куры, утки и вся живность высыплетъ— на дворъ грѣться на солнцѣ; воробьи тутъ же шмыгаютъ между крупною птицей и весело чиликаютъ; корова, выпущенная на водопой, остановится на солнцѣ, зажмурится и грѣется. Въ хлѣвѣ всѣ телята толкутся противъ окошка, обращеннаго на солнечную сторону. Быки, чувствуя приближеніе весны, ревутъ, сердятся, роютъ навозъ ногами. Сидишь себѣ на крылечкѣ въ полушубкѣ, подставивъ лицо теплымъ солнечнымъ лучамъ, куришь, мечтаешь. Хорошо.

Погрѣвшись на солнцѣ, я второй разъ отправляюсь по хозяйству и прежде всего захожу къ „старухѣ“. „Старуха“—старая баба лѣтъ семидесяти съ хвостикомъ—она помнитъ разоренье и любитъ разсказывать, какъ бабы ухватами кололи француза, что не мѣшаетъ ей, однако, относиться къ французамъ дружелюбно, потому что, говоритъ она, французы народъ добрый—но еще здоровая, бодрая, энергичная, дѣятельная. „Старуха“ хозяйка въ застольной, гдѣ обѣдаютъ всѣ люди за исключеніемъ скотника, который съ семействомъ ведетъ свое хозяйство. Старуха печетъ хлѣбы и готовитъ кушанье для застольной, смотритъ за свиньями, утками и курами, которыя всѣ состоятъ подъ ея командой, ухаживаетъ за больнымъ скотомъ и каждая заболѣвшая на скотномъ дворѣ скотина передается на попеченіе старухи, въ вѣдѣніи которой состоятъ хлѣвы, построенные подлѣ застольной избы. Старуха-же, какъ хозяйка въ застольной, подаетъ „кусочки“.

У меня нѣтъ правильно организованной раздачи печенаго хлѣба нищимъ съ вѣса, какъ это дѣлается, или, лучше сказать, дѣлалось, въ нѣкоторыхъ господскихъ домахъ. У меня, просто, въ застольной старуха подаетъ „кусочки“, подобно тому, какъ подаютъ кусочки въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ, гдѣ есть хлѣбъ—пока у крестьянина

есть свой или покупной хлѣбъ, онъ, до послѣдней ковриги, подаетъ кусочки. Я ничего не приказывалъ, ничего не зналъ объ этихъ кусочкахъ. Старуха сама рѣшила, что „намъ“ слѣдуетъ подавать кусочки, и подаетъ.

Въ нашей губерніи, и въ урожайные годы, у рѣдкаго крестьянина хватаетъ своего хлѣба до нови; почти каждому приходится прикупать хлѣбъ, а кому купить не на что, тѣ посылаютъ дѣтей, стариковъ, старухъ въ „кусочки“ побираться по міру. Въ нынѣшнемъ же году у насъ полнѣйшій неурожай на все: рожь уродилась плохо и переполнена была метлой, костеремъ, сивцомъ; яровое совсѣмъ пропало, такъ что большею частію только сѣмена вернули; корму—вслѣдствіе неурожая яровой соломы и плохаго урожая травъ отъ бездождія—мало, а это самое трудное для крестьянъ, потому что, при недостаткѣ хлѣба, самому въ міру можно еще прокормиться кое-какъ кусочками, а лошадь въ міръ побираться не пошлешь. Плохо,—такъ плохо, что хуже быть не можетъ. Дѣти еще до Кузьмы-Демьяна (1-го ноября) пошли въ кусочки. Холодный Егорій (26-го ноября) въ нынѣшнемъ году былъ голодный—два Егорья въ году: холодный (26-го ноября) и голодный (23-го апрѣля). Крестьяне далеко до зимняго Николы пріѣли хлѣбъ и начали покупать; первый куль хлѣба крестьянину я продалъ въ октябрѣ, а мужикъ, вѣдь извѣстно, покупаетъ хлѣбъ только тогда, когда замѣсили послѣдній пудъ домашней муки. Въ концѣ декабря, ежедневно паръ до тридцати проходило побирающихся кусочками: идутъ и ѣдутъ, дѣти, бабы, старики, даже здоровые ребята и молодухи. Голодъ не свой братъ: какъ не поѣси, такъ и святыхъ продаси. Совѣстно молодому парню или дѣвкѣ, а дѣлать нечего,—надѣваетъ суму и идетъ въ міръ побираться. Въ нынѣшнемъ году пошли въ кусочки не только дѣти, бабы, старики, старухи, молодые парни и дѣвки, но и многіе хозяева. Ѣсть нечего дома,—понимаете-ли вы это? сегодня съѣли послѣднюю ковригу, отъ которой вчера подавали кусочки побирающимся, съѣли и пошли въ міръ. Хлѣба нѣтъ, работы нѣтъ, каждый и радъ бы работать, просто изъ-за хлѣба работать радъ бы, да нѣтъ работы. Понимаете—нѣтъ работы. „Побирающійся кусочками“ и „нищій“—это два совершенно разныхъ типа просящихъ милостыню. Нищій—это спеціалистъ; просить милостыню—это его ремесло. Онъ, большею частью, не имѣетъ ни двора, ни собственности, ни хозяйства и вѣчно странствуетъ съ мѣста на мѣсто, собирая и хлѣбъ, и яйца, и деньги. Нищій все собранное натурой—хлѣбъ, яйца, муку и проч.—продаетъ, превращаетъ въ деньги. Нищій, большею частью калѣка, больной, неспособный къ работѣ человѣкъ, немощный старикъ, дурачекъ. Ни-

щій одѣтъ въ лохмотья, проситъ милостыню громко, иногда даже назойливо, своего ремесла не стыдится. Нищій—божій человѣкъ. Нищій по мужикамъ рѣдко ходитъ: онъ трется больше около купцовъ и господъ, ходитъ по городамъ, большимъ селамъ, ярмаркамъ. У насъ настоящіе нищіе встрѣчаются рѣдко—взять имъ нечего. Совершенно иное побирающійся „кусочками". Это крестьянинъ изъ окрестностей. Предложите ему работу, и онъ тотчасъ-же возьмется за нее и не будетъ болѣе ходить по кусочкамъ. Побирающійся кусочками одѣтъ, какъ и всякій крестьянинъ, иногда даже въ новомъ армякѣ, только холщевая сума черезъ плечо; сосѣдній-же крестьянинъ и сумы не одѣваетъ—ему совѣстно, а приходитъ такъ, какъ будто случайно безъ дѣла зашелъ, какъ будто погрѣться, и хозяйка, щадя его стыдливость, подаетъ ему незамѣтно, какъ будто невзначай, или, если въ обѣденное время пришелъ, приглашаетъ сѣсть за столъ; въ этомъ отношеніи мужикъ удивительно деликатенъ, потому что знаетъ,—можетъ и самому придется идти въ кусочки. Отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся. Пробирающійся кусочками стыдится просить и, входя въ избу, перекрестившись, молча стоитъ у порога, проговоривъ обыкновенно про себя, шепотомъ: „подайте Христа ради". Никто не обращаетъ вниманія на вошедшаго, всѣ дѣлаютъ свое дѣло или разговариваютъ, смѣются, какъ будто никто не вошелъ. Только хозяйка идетъ къ столу, беретъ маленькій кусочекъ хлѣба, отъ 2-хъ до 5-ти квадратныхъ вершковъ, и подаетъ. Тотъ крестится и уходитъ. Кусочки подаютъ всѣмъ одинаковой величины—если въ 2 вершка, то всѣмъ въ 2 вершка; если пришли двое за разъ (побирающіеся кусочками ходятъ, большею частью, парами), то хозяйка спрашиваетъ: „вмѣстѣ собираете?"; если вмѣстѣ, то даетъ кусочекъ въ 4 вершка; если отдѣльно, то рѣжетъ кусочекъ пополамъ.

У побирающагося кусочками есть дворъ, хозяйство, лошади, коровы, овцы, у его бабы есть наряды—у него только *нѣтъ въ данную минуту хлѣба;* когда въ будущемъ году у него будетъ хлѣбъ, то онъ не только не пойдетъ побираться, но самъ будетъ подавать кусочки, да и теперь, если, перебившись съ помощію собранныхъ кусочковъ, онъ найдетъ работу, заработаетъ денегъ и купитъ хлѣба, то будетъ самъ подавать кусочки. У крестьянина дворъ, на три души надѣла, есть три лошади, двѣ коровы, семь овецъ, двѣ свиньи, куры и проч. У жены его есть въ сундукѣ запасъ ея собственныхъ холстовъ, у невѣстки есть наряды, есть ея собственныя деньги, у сына новый полушубокъ. Съ осени, когда еще есть запасъ ржи, ѣдятъ вдоволь чистый хлѣбъ, и развѣ уже очень разсчетливый хо-

зяинъ ѣстъ и по осени пушной хлѣбъ—и такихъ я видѣлъ. Придетъ нищій — подаютъ кусочки. Но вотъ хозяинъ замѣчаетъ, что „хлѣбы коротки“. Ѣдятъ поменьше, не три раза въ сутки, а два, а потомъ одинъ. Прибавляютъ къ хлѣбу мякины. Есть деньги, осталось что нибудь отъ продажи пенёчки за уплатой повинностей,—хозяинъ покупаетъ хлѣба. Нѣтъ денегъ—сбивается какъ нибудь, старается достать впередъ подъ работу, призанять. Какіе проценты платятъ при этомъ, можно видѣть по тому, что содержатель сосѣдняго постоялаго двора, торгующій водкой, хлѣбомъ и прочими необходимыми для мужика предметами и отпускающій эти предметы въ долгъ, самъ занимаетъ на оборотъ деньги, для покупки, напримѣръ, ржи цѣлымъ вагономъ, и платитъ за одинъ мѣсяцъ на пятьдесятъ рублей два рубля, то есть 48°/о. Какой же процентъ беретъ онъ самъ? Когда у мужика вышелъ весь хлѣбъ и нечего больше ѣсть, дѣти, старухи, старики надѣваютъ сумы и идутъ въ кусочки побираться по сосѣднимъ деревнямъ. Обыкновенно, на ночь маленькія дѣти возвращаются домой, болѣе взрослые возвращаются, когда наберутъ кусочковъ побольше. Семья питается собранными кусочками, а что не съѣдятъ, сушатъ въ печи про запасъ. Хозяинъ между тѣмъ хлопочетъ, ищетъ работы, достаетъ хлѣба. Хозяйка кормитъ скотъ — ей отъ дому отлучиться нельзя; взрослые ребята готовы стать въ работу чуть не изъ-за хлѣба. Разжился хозяинъ хлѣбомъ, дѣти уже не ходятъ въ кусочки и хозяйка опятъ подаетъ кусочки другимъ. Нѣтъ возможности достать хлѣба,—за дѣтьми и стариками идутъ бабы, молодыя дѣвушки и уже самое плохое (это бываетъ съ одиночками). сами хозяева; случается, что во дворѣ остается одна только хозяйка для присмотра за скотомъ. Хозяинъ уже не идетъ, а ѣдетъ на лошади. Такіе пробираются подальше, иногда даже въ Орловскую губернію. Ныньче въ срединѣ зимы часто встрѣчаемъ подводу, нагруженную кусочками, и на ней мужика съ бабой, дѣвкой или мальчикомъ. Побирающійся на лошади собираетъ кусочки до тѣхъ поръ, пока не наберетъ порядочную подводу; собранные кусочки онъ сушитъ въ печи, когда его пустятъ ночевать въ деревнѣ. Набравъ кусочковъ, онъ возвращается домой, и вся семья питается собранными кусочками, а хозяинъ въ это время работаетъ около дома или на сторонѣ, если представится случай. Кусочки на исходѣ — опять запрягаютъ лошадь и ѣдутъ побираться. Иной такъ всю зиму и кормится кусочками, да еще на весну запасъ соберетъ; иногда, если въ домѣ есть запасъ собранныхъ кусочковъ, подаютъ изъ нихъ. Весной, когда станетъ тепло, опять идутъ въ кусочки дѣти и бродятъ по ближайшимъ деревнямъ. Хозяевамъ же весной нужно работать—вотъ

тутъ-то и трудно перебиться. Иначе какъ въ долгъ, достать негдѣ, а весной опять повинности вноси. Станетъ теплѣе, грибы пойдутъ, но па однихъ грибахъ плохо работать. Хорошо еще, если только хлѣба нѣтъ. Нѣтъ хлѣба—въ міру прокормиться можно *кое-какъ* до весны. Съ голоду никто не помираетъ, благодаря этой взаимнопомощи кусочками. „Были худые годы", говорила мнѣ нынѣшнею осенью одна баба, у которой въ октябрѣ уже не было хлѣба, „думали, всѣ съ голоду помремъ, а вотъ не померли; дастъ Богъ и ныньче не помремъ. Съ голоду никто не умираетъ". Но вотъ худо, когда не только хлѣба, но и корму нѣтъ для скота, какъ ныньче. Скотъ въ міру не прокормишь.

Вотъ выдержка изъ письма одного крестьянина къ сыну, который находился въ Москвѣ на заработкахъ (письмо сочинено самимъ крестьяниномъ): „Милый сынъ В. И., свидѣтельствуемъ мы тебѣ нижайшее почтеніе и увѣдомляемъ мы тебя, что у насъ въ домѣ такъ плохо, такъ худо, какъ хуже быть не можетъ—нѣтъ ни корму, нѣтъ ни хлѣба, словомъ сказать, нѣтъ ничего, сами хоть міромъ питаемся кое-какъ, а скотъ хоть со двора гони въ чистое поле. Купить незачто, денегъ нѣтъ ни гроша и самъ не знаю какъ быть". Нынѣшній годъ такая безкормица, что теперь въ мартѣ не ѣздятъ въ кусочки на лошадяхъ, какъ ѣздили въ срединѣ зимы, потому что кусочки подаютъ, а для лошади никто клочка сѣна не дастъ. Изъ всего сказаннаго ясно, что „побирающійся кусочками" не нищій—это просто человѣкъ, у котораго нѣтъ хлѣба въ данную минуту; ему нельзя сказать: „Богъ подастъ", какъ говорятъ нищему, если не желаютъ подать; ему говорятъ: „сами въ кусочки ходимъ", если не могутъ подать; онъ, когда справится, самъ подаетъ, а нищій никому не подаетъ. Не подать кусочекъ, когда есть хлѣбъ — *грѣхъ.* Поэтому, и „старуха" стала подавать кусочки, не спросясь у меня, и я думаю, что еслибы я запретилъ ей подавать кусочки, то она бы меня выбранила, да, пожалуй, и жить бы у меня не стала.

Кусочки старуха подаетъ всѣмъ одинаковой величины — только солдатамъ (отставнымъ, безсрочнымъ, отпускнымъ) старуха подаетъ кусочки побольше, кажется, потому, что солдатамъ запрещается или запрещалось прежде (я этого навѣрно не знаю) просить милостыню.

„Старуха" командиръ—иначе я ее не могу назвать—въ застольной избѣ, при которой состоятъ также свиньи и птицы. Старуха вѣчно возится и, кажется, даже ночью не спитъ. Жалостлива она до крайности и любитъ всякую скотину донельзя. Зато и въ порядкѣ у нея все—и куры, и утки, и свиньи. Цѣлый день она ихъ кормитъ, поитъ, щупаетъ. Хотя всѣ утки сѣрыя, но старуха знаетъ

каждую утку въ лицо. Лѣтомъ она то и дѣло считаетъ цыплятъ и утятъ, путается въ счетѣ и при этомъ непомѣрно волнуется. Пропадетъ цыпленокъ или утенокъ — коршакъ унесетъ — старуха ищетъ, ищетъ, десятки разъ пересчитываетъ всѣхъ птицъ (а у меня ихъ не мало — въ теченіе прошедшаго года я съѣлъ 83 цыпленка) и когда всѣ поиски оказываются тщетными, смущенная приходитъ доложить мнѣ, что утенокъ пропалъ, плачетъ, что недосмотрѣла, и проситъ вычесть изъ жалованья (она получаетъ полтора рубля въ мѣсяцъ). Свиньи тоже на рукахъ у старухи и она съ ними тоже постоянно возится: то моетъ поросятъ, то кормитъ, то выгоняетъ на солнце, то гоняетъ въ воду купаться. Наконецъ, на ея же попеченіи находится ребенокъ, родившійся у одной изъ подойщицъ и помѣщающійся въ люлькѣ тутъ же въ застольной, и съ ребенкомъ старуха находитъ время возиться, но больше муштруетъ мать, чтобы опрятно держала соску, почаще мыла ребенка, не слишкомъ закачивала и т. п.

Знаетъ старуха, что нужно каждой птицѣ, каждой скотинѣ, до тонкости. Лечитъ она скотъ превосходно. Заболѣетъ скотина—сейчасъ ее къ старухѣ. Смотришь, черезъ недѣлю, двѣ, поправилась. Просто даже удивительно. И лекарствъ старуха никакихъ не употребляетъ, развѣ что иногда припарку изъ какихъ-то травъ сдѣлаетъ или языкъ коровѣ мѣднымъ купоросомъ помажетъ. Обыкновенно, возьметъ корову въ теплую избу, въ экстренныхъ случаяхъ даже на ночь оставляетъ въ избѣ подлѣ своей кровати — окропитъ святою водой изъ трехъ селъ (на крещеніе привозятъ воду изъ трехъ разныхъ селъ и берегутъ ее круглый годъ; безъ этой воды нельзя обойтись въ хозяйствѣ, потому что ею надо обрызгать каждаго новорожденнаго теленка и ягненка), окуритъ свѣчкой, вымоетъ и начинаетъ кормить то тѣмъ, то другимъ: сѣнца мякинькаго дастъ, хлѣба печенаго, овса съ мякиной, овсяной муки, мучнаго пойла, воды чистой. Ходитъ за ней, приглядываетъ, ласкаетъ, замѣчаетъ, что корова ѣстъ — смотришь и поправилась. Я увѣренъ, что даже профессоръ Бажановъ, который написалъ столько книгъ по скотоводству, не лучше умѣетъ ухаживать за скотомъ, чѣмъ моя старуха. Самъ профессоръ — но у насъ нѣтъ профессора-спеціалиста по части откармливанія скота — самъ профессоръ Грувенъ, который собралъ всѣ опыты относительно кормленія въ своемъ „Kritische Darstellung aller Fütterungs-Versuche“, едва ли откормитъ свинью, гуся или утку до такого безобразія, какъ старуха. Главное, старуха дѣлаетъ все это какъ-то на глазъ, по-просту, не развѣшивая кормовъ, не разсчитывая, сколько нужно дать протеину, углеводовъ и проч. У меня, долженъ сознаться, и вѣсовъ-то нѣтъ въ хозяйствѣ, на которыхъ можно было бы взвѣ-

шивать скотъ и кормы. Все дѣлается на глазомѣръ—такъ уже привыкли всѣ. „Здѣсь 27 аршинъ будетъ“, говоритъ плотникъ; мѣряю—выходитъ 27 аршинъ съ четвертью,—не стоитъ и мѣрять, потому что четверть не имѣетъ значенія. Скотникъ и скотница думаютъ, что старуха „знаетъ“, то есть, что она умѣетъ ворожить; но это вздоръ. Старуха просто-на-просто, какъ говорятъ мужики, „понимаетъ около скота“; она до тонкости знаетъ его природу, любитъ скотъ, обладаетъ громадною опытностью, потому что пятьдесятъ лѣтъ жила между коровами, овцами, свиньями, курами. Старуха лечитъ скотъ чистымъ воздухомъ, солнечнымъ свѣтомъ, подходящимъ кормомъ, мягкою подстилкой, внимательнымъ уходомъ, лаской; изучаетъ индивидуальность каждой скотины и, сообразно этому, ставитъ ее въ тѣ или другія гигіеническія условія, кормитъ тѣмъ или другимъ кормомъ. Я такъ вѣрю въ знанія старухи, что если она сказала: „Богъ дастъ, пройдетъ“, я совершенно убѣжденъ, что скотина поправится. Старухѣ я повѣрю скорѣе, чѣмъ ветеринару, который думаетъ, что его лекарства суть специфическія средства противъ болѣзней.

Иногда я захожу къ старухѣ — она это любитъ. Старуха сообщаетъ мнѣ свои радости—такая-то курица нестись начала, больная корова, Господь съ ней, поправляется—и горести — уткѣ ногу отдавили, котенокъ что-то скученъ — и ведетъ въ хлѣвки показать свиней, гусей, утокъ. У старухи всегда все въ порядкѣ — въ хлѣвахъ постлано, посуда чиста, свиньи, Богъ съ ними, растутъ хорошо.

Осмотрѣвъ все у старухи, я второй разъ иду на скотный дворъ. Скотъ напоили второй разъ и задаютъ кормъ на ночь. Смотрю, хорошо ли съѣдена вторая дача, какъ принимается скотъ за вечернюю дачу. Смотрю, какъ поятъ телятъ, доятъ коровъ.

Вечерѣетъ. Я возвращаюсь домой пить чай. Приготовить самоваръ къ моему приходу дѣло Савельича, потому что Авдотья въ это время подъ коровами. До сихъ поръ не было случая, чтобы кандитеръ запоздалъ съ самоваромъ. Вхожу въ кухню—самоваръ кипитъ. Это Савельичъ порадѣлъ.

Во вермя вечерняго чаепитія у меня докладъ. Прежде всего является Авдотья и докладываетъ, сколько надоили молока, въ какомъ положеніи коровы и телята, какія коровы причинаютъ, какія понazначились, каковъ у той или другой коровы причинъ и проч. и проч. Такъ какъ дѣлать зимой вечеромъ нечего, то докладъ бываетъ продолжительный, подробный и обстоятельный. Послѣ Авдотьи является съ докладомъ Иванъ и сообщаетъ, что сдѣлано сегодня по хозяйству, что будетъ дѣлаться завтра. Съ нимъ мы толкуемъ ежедневно по-

долгу: совѣтуемся о настоящемъ, обсуждаемъ прошедшее, дѣлаемъ предположенія о будущемъ. Онъ же сообщаетъ мнѣ всѣ деревенскія новости.

— Сегодня, А. Н., судъ въ деревнѣ былъ.

— По какому случаю?

— Василій вчера Ефёрову жену Хворосью избилъ чуть не до смерти.

— За что?

— Да за Петра. Мужики въ деревнѣ давно уже замѣчаютъ, что Петръ (Петръ, крестьянинъ изъ чужой деревни, работаетъ у насъ на мельницѣ) за Хворосьей ходитъ. Хотѣли все подловить, да не удавалось, а сегодня поймали. (Мужики смотрятъ за бабами своей деревни, чтобы не баловались съ чужими ребятами; съ своими однодеревенцами, ничего—это дѣло мужа, а съ чужими не смѣй). А все Иванъ. Замѣтили въ обѣдъ, что Петра въ кабакѣ нѣтъ и Хворосьи нѣтъ. Догадались, что должно быть у Морѣича въ избѣ—того дома нѣтъ, одна старуха. Нагрянули всѣмъ міромъ къ Морѣичу. Заперто. Постучали—старуха отперла, Хворосья у ней сидитъ, а больше никого. Однако, Иванъ нашелъ. Изъ-подъ лавки Петра вытащилъ. Обсмѣяли.

— Что же мужъ, Ефёръ?

— Ничего. Ефёра Петръ водкой поитъ. А вотъ Василій взбелѣнился.

— Да Василью-то что?

— Какъ что. Да вѣдь онъ давно съ Хворосьей живетъ, а она теперь Петра прихватила. Подъ вечеръ Василій подкараулилъ Хворосью, какъ та по воду пошла, выскочилъ изъ-за угла съ полѣномъ, да и ну ее возить; ужъ онъ ее билъ, билъ, смертнымъ боемъ билъ. Еслибы бабы не услыхали, до смерти убилъ бы. Замертво домой принесли, почернѣла даже вся. Теперь на печкѣ лежитъ, повернуться не можетъ.

— Чѣмъ же кончилось?

— Сегодня міръ собирался къ Ефёру. Судили. Присудили, чтобы Василій Ефёру десять рублей заплатилъ, работницу къ Ефёру поставилъ, пока Хворосья оправится, а міру за судъ полведра водки. При мнѣ и водку выпили.

— А что-жъ Хворосья?

— Ничего, на печкѣ лежитъ, охаетъ. Еще Листара побили. Листаръ, выпивши, надъ Кузей куражиться сталъ. Панасъ ему и говоритъ, что ты куражишься? Листаръ и похвались: отчего мнѣ не куражиться — я ни Царю, ни пану не виноватъ. А! говоритъ Панасъ, такъ ты съ меня панскія деньги взыскивать хочешь. Бацъ его въ рыло. Кузя тутъ ввязался, Ефёръ, Михалка — всѣ на Листара навалились; ужъ они его били, били—а Михалка все приговариваетъ: не

ходи къ чужой женѣ, не ходи—въ кровь избили. Я имъ говорю: что это вы, ребята, всѣ на одного. Такъ ему, говорятъ, и надо: мы знаемъ, говорятъ, за что бьемъ.

Иванъ ушелъ, чаепитіе кончилось. Скучно. Сижу одинъ и читаю романы Дюма, которыми меня снабдилъ одинъ сосѣдній помѣщикъ. Авдотья, Иванъ, Савельичъ, напившись чаю, собираются идти ужинать. „Мы ужинать пойдемъ", говоритъ Авдотья, вошедшая убирать постель, „а я вамъ ужинъ поставила въ столовой". Люди ушли въ застольную. Я иду въ столовую. Кошки, зная, что я дамъ имъ за ужиномъ лакомый кусочекъ, бѣгутъ за мной. У меня двѣ кошки — большой чернобѣлый котъ и черно-желто-бѣлая кошечка; такую кошечку національнаго цвѣта я завелъ для опыта. Говорятъ, что только кошки бываютъ черно-желто-бѣлаго цвѣта и что котовъ такого цвѣта никогда не бываетъ; говорятъ, что когда народится котъ черно-желто-бѣлаго цвѣта, то значитъ скоро свѣтопреставленіе. Я хочу посмотрѣть, правда-ли это. Первый признакъ близости свѣтопреставленія, это, какъ извѣстно, появленіе большаго числа нытиковъ, то-есть, людей, которые все ноютъ; второй — рожденіе черно-желто-бѣлаго кота. Послѣ „Положенія" появилось множество нытиковъ. Хочу посмотрѣть, не народится-ли черно-желто-бѣлый котъ.

Кошки у меня пріучены такъ, что когда я сажусь ужинать, то онѣ вспрыгиваютъ на стулья, стоящіе кругомъ стола, за которымъ я ужинаю: одна садится по правую сторону меня, другая — по лѣвую. Выпивъ водки, я ужинаю и во время ужина учу кошекъ терпѣнію и благонравію, чтобы онѣ сидѣли чинно, не клали лапокъ на столъ, дожидались, пока большіе возьмутъ и т. п.

А на дворѣ вьюга, метель, такая погода, про которую говорятъ: „хоть три дня не ѣсть, да съ печки не лѣзть". Вѣтеръ воетъ, слышенъ наводящій тоску отрывистый лай Лыски: „гау", „гау", черезъ полминуты опять „гау, гау", и такъ до безконечности. Волки, значитъ, близко бродятъ.

Поужинавъ, я ложусь спать и мечтаю...

II.

Я описалъ вамъ мой зимній день. Утромъ чаепитіе, потомъ прогулка на скотный дворъ, обѣдъ, прогулка къ „старухѣ" и на скотный дворъ, вечернее чаепитіе и докладъ, ужинъ...

И такъ изо-дня въ день...

Съ утра до ночи голова наполнена хозяйственными соображе-

ніями. Интересовъ, кромѣ хозяйственныхъ, никакихъ. Какъ? скажете вы. Какъ никакихъ интересовъ! А дворянскія дѣла, земскія дѣла, дѣятельность новыхъ судебныхъ учрежденій, наконецъ, политика?!

Никакихъ-съ. Позвольте. Во - первыхъ, я не желаю служить—я исключительно посвятилъ себя хозяйству и посредствомъ хозяйства желаю заработывать средства для своего существованія—и потому службы по земству, мировымъ или дворянскимъ учрежденіемъ не ищу. Ни въ предсѣдатели упрывы, ни въ предводители, ни въ мировые, ни даже въ члены опеки я не мѣчу. Если разъ я не желаю заполучить мѣстечко, какое же мнѣ дѣло до земства, мировыхъ и дворянскихъ учрежденій? Какое мнѣ дѣло?—вѣдь я, повторяю, ни въ какія должности не мѣчу. Во-вторыхъ, я живу въ деревнѣ, въ городѣ никогда не бываю, слѣдовательно, о земствѣ, которое находится въ городѣ, ничего не знаю. А можно-ли интересоваться тѣмъ, о чемъ ничего не знаешь? Какъ ничего не знаете? скажете вы, да вѣдь окладной листъ получаете? Получаю—ну такъ что-жъ?

Политика? но позвольте васъ спросить, какое намъ здѣсь дѣло до того, кто императоръ во Франціи: Тьеръ, Наполеонъ или Бисмаркъ?

Разумѣется, не каждый день проходитъ совершенно одинаково. Случается, придетъ кто нибудь; но, разумѣется, по дѣлу, и всегда по одному и тому-же. „Мужикъ пришелъ изъ Починка", докладываетъ Авдотья. Я иду въ кухню. Мужикъ кланяется и говоритъ:

— Здравствуйте, А. Н.

— Здравствуй. Что? хлѣба?

— Ржицы-бы нужно.

— Куль?

— Куликъ бы.

— Восемь рублей.

— Подешевле нельзя-ль?

— Нѣтъ, дешевле нельзя. Позаднюю бери безъ полтины.

— Да что ужъ позадняя. Хорошей возьму. Извольте деньги.

Мужикъ достаетъ восемь засаленныхъ билетиковъ—у мужиковъ все больше билетики (рублевыя бумажки), трояки и пятерки тоже бываютъ, красный билетъ (10 руб.) рѣдкость, четвертной (25 руб.), еще рѣже, а билетъ (100 руб.) бываетъ только у артелей—и идетъ со старостой въ амбаръ получать хлѣбъ.

„Мужикъ пришелъ изъ Дядина", докладываетъ Авдотья. Иду въ кухню.

— Здравствуйте, Ал. Н.

— Здравствуй. Что? хлѣба?

— Хлѣбца бы нужно.

— Осьмину?

— Да хоть осьминку бы.

— Четыре рубля.

— Денегъ нѣтъ. Отпустите подъ работу. Кустиковъ нѣтъ-ли почистить?

— Кустиковъ нѣтъ. Работы всѣ сданы, только полдесятины льну не сдано.

— Знаю. Мы ленку бы взяли.

— Нельзя. Ты одинъ съ женой и дочкой, у тебя только пара лошадей. Не сдѣлаешь.

— Да оно точно что пара.

— Нельзя. Не сдѣлаешь. Ленъ, самъ знаешь, много работы ко времю требуетъ.

— Да ужъ сдѣлаемъ. Взявшись, нельзя не сдѣлать. Свои работы бросимъ, а по договору сдѣлаемъ. У сосѣда лошадей прихвачу. Только бы теперь перебиться.

— Нѣтъ, нельзя. Не сдѣлаешь. Тебѣ ленъ не подъ силу. Да и живешь далеко—за семь верстъ. Ищи тебя тогда. Нельзя, не сподручно.

— Оно точно не сподручно. Трудно со льномъ одиночкѣ. Точно— не сдѣлаешь. Дѣло-то плохо. Хлѣба нѣтъ, а въ кусочки идти не хочется. А тутъ скотъ продать грозятся за недоимку. Что ты будешь дѣлать.

Мужикъ уходитъ пытать счастья въ другомъ мѣстѣ.

„Панасъ пришелъ изъ Бардина", докладываетъ Авдотья. Иду въ кухню.

Этотъ уже и здравствуй не говоритъ, а начинаетъ прямо.

— А. Н., дай хлѣба хоть пудикъ—ѣсть нечего.

— Да вѣдь за тобой и безъ того долгу много.

— Отдамъ. Ей-Богу отдамъ. Самъ знаешь, отдамъ. Дай, Ал. Н. Ѣсть нечего. Жена съ дѣвочкой въ кусочки пошли, много-ли они выходятъ — старуха да дѣвочка — развѣ что сами прокормятся. Сноха дома — скотъ убираетъ. Мы съ сыномъ дрова возимъ. Ей-Богу, сегодня, что было мучицы, послѣднюю замѣсили. Дай, А. Н. Справлюсь, отдамъ. Овцу бы продалъ — хозяйство свести не хочется. Можетъ, какъ и перебьюсь, а тамъ, дастъ Богъ, и хлѣбушка уродится.

— Ну, хорошо. Мѣру дамъ.

Панасъ доволенъ. Теперь онъ на нѣсколько дней обезпеченъ, а тамъ можетъ жена съ дѣвочкой кусочковъ принесутъ, а тамъ... но мужикъ безъ хлѣба не думаетъ о далекомъ будущемъ, потому что

голодный, какъ мнѣ кажется, только и можетъ думать о томъ, какъ бы сегодня поѣсть.

И такъ каждый день. Приходитъ мужикъ: работы дай, хлѣба дай, денегъ дай, дровъ дай. Нынѣшній годъ, конечно, не въ примѣръ, потому что неурожай и безкормица, но и въ хорошіе года къ веснѣ мужику плохо, потому что хлѣба не хватаетъ. А тутъ еще дрова съ проведеніемъ желѣзной дороги дорожаютъ непомѣрно — въ три года цѣна на дрова упятерилась, а дровъ вѣдь у мужика въ надѣлѣ нѣтъ. Луговъ у мужика тоже въ дѣлѣ нѣтъ, или очень мало, такъ что и относительно покоса, и относительно выгона онъ въ зависимости отъ помѣщика. Работы здѣсь около дома тоже нѣтъ, потому что помѣщики послѣ „Положенія“ опустили хозяйства, запустили поля и луга и убѣжали на службу (благо, теперь мѣстъ много открылось и жалованье даютъ непомѣрно большое), кто куда могъ: кто въ государственную, кто въ земскую. Попробуйте-ка заработать на хозяйствѣ 1,000 рублей въ годъ за свой трудъ (не считая процентовъ на капиталъ и ренты за землю)! тутъ нужна, во-первыхъ, голова да и голова, во-вторыхъ, нужно работать съ утра до вечера — не то, что отбывать службу—да еще какъ! Чуть не сообразилъ что нибудь — у тебя рубль изъ кармана и вонъ. А между тѣмъ, тысячу рублей вѣдь даютъ каждому — и предсѣдателю управы, и посреднику. Понятно, что всѣ, кто не можетъ управиться съ своими имѣніями — а вѣдь теперь не то что прежде: недостаточно умѣть только „спрашивать“—побросали хозяйство и убѣжали на службу. Да что говорить: попробуйте-ка, пусть профессоръ земледѣлія или скотоводства, получающій 2,400. рублей жалованья, заработаетъ такія деньги на хозяйствѣ; пусть инспекторъ сельскаго хозяйства заработаетъ на хозяйствѣ хотя половину получаемаго имъ жалованья. Помѣщики хозяйствомъ не занимаются, хозяйства свои побросали, въ имѣніяхъ не живутъ. Что же остается дѣлать мужику? Работы нѣтъ около дома;—остается бросить хозяйство и идти на заработки туда, гдѣ скопились на службѣ помѣщики — въ города. Такъ мужики и дѣлаютъ...

Пришелъ мужикъ — значитъ хлѣба или работы проситъ. У меня есть только одинъ знакомый мужикъ, который никогда ни хлѣба, ни дровъ не проситъ — если и проситъ иногда, то порошку, но, впрочемъ, всегда предлагаетъ за порохъ деньги; съ этимъ мужикомъ мы никогда не говоримъ о хозяйствѣ, которое его нисколько не интересуетъ.

Мужикъ этотъ — зовутъ его Костикъ — спеціалистъ. Онъ охотникъ и воръ. Онъ занимается охотой и воровствомъ. Охотится онъ пре-

имущественно на волковъ и лисицъ — ловитъ капканами и отравляетъ. Весной стрѣляетъ тетеревей и утокъ, собираетъ для меня кости (для удобренія), исполняетъ разныя порученія — что прикажешь — токъ тетеревиный высмотритъ и т. п. Воровствомъ занимается во всякое время года. Воруетъ что попало и гдѣ попало. У Костика есть дворъ, есть надѣлъ; нынче, впрочемъ, онъ двора лишился, потому что послѣднюю кобылу продалъ и сѣно продалъ. Онъ пашетъ, коситъ, даже беретъ иногда на обработку полкружка (не у меня, конечно, а у какой нибудь помѣщицы), но хозяинъ онъ плохой. Такъ все больше перебивается. Костикъ пьяница, но не такой, какъ бываютъ въ городахъ пьяницы изъ фабричныхъ, чиновниковъ, или въ деревняхъ — изъ помѣщиковъ, поповскихъ, дворовыхъ, пьяницы, пропившіе умъ, совѣсть и потерявшіе образъ человѣческій. Костикъ любитъ выпить, погулять; онъ настолько же пьяница, насколько и тѣ, которые, налюбовавшись на Шнейдершу, ужинаютъ и пьютъ у Дюссо. Вообще нужно замѣтить, что между мужиками-поселянами отпѣтые пьяницы весьма рѣдки. Я вотъ уже годъ живу въ деревнѣ и настоящихъ пьяницъ, съ отекшими лицами, помраченнымъ умомъ, трясущимися руками, между мужиками не видалъ. При случаѣ, мужики, бабы, дѣвки, даже дѣти пьютъ, шпарко пьютъ, даже пьяные напиваются (я говорю „даже", потому что мужику много нужно, чтобы напиться пьянымъ — два стакана водки бабѣ ни почемъ), но это не пьяницы. Вѣдь и мы тоже пьемъ — посмотрите у Елисѣева, Эрбера, Дюссо и т. п. — но вѣдь это еще не отпѣтое пьянство. Начитавшись въ газетахъ о необыкновенномъ развитіи у насъ пьянства, я былъ удивленъ тою трезвостью, которую увидалъ въ нашихъ деревняхъ. Конечно, пьютъ при случаѣ — Святая, никольщина, покровщина, свадьбы, крестины, похороны, но не больше, чѣмъ пьемъ при случаѣ и мы. Мнѣ случалось бывать и на крестьянскихъ сходкахъ, и на съѣздахъ избирателей землевладѣльцевъ — право, не могу сказать, гдѣ больше пьютъ. Числомъ полуштофовъ крестьяне, пожалуй больше выпьютъ, но необходимо принять въ разсчетъ, что мужику выпить полштофъ ни почемъ—галдѣть только начнетъ и больше ничего. Проспится и опять за соху. Я совершенно убѣжденъ, что разныя мѣры противъ пьянства — чтобы на мельницѣ не было кабака, чтобы кабакъ отстоялъ отъ волостного правленія на извѣстное число саженъ (экая штука мужику пройти нѣсколько саженъ — я вотъ за 15 верстъ на станцію ѣзжу, чтобы выпить пива, котораго нѣтъ въ деревнѣ) и пр. и пр.—суть мѣры ненужныя, стѣснительныя и безполезныя. Все, что пишется въ газетахъ о непомѣрномъ пьянствѣ, пишется корреспондентами, преимущественно чиновниками, изъ городовъ.

Повторяю, мужикъ, даже и отпѣтый пьяница — что весьма рѣдко — пьющій иногда по нѣскольку дней безъ просыпу, не имѣетъ того ужаснаго вида пьяницъ, ведущихъ праздную и сидячую комнатную жизнь, пьяницъ съ отекшимъ лицомъ, дрожащими руками, блуждающими глазами, помраченнымъ разсудкомъ. Такіе пьяницы, которыхъ встрѣчаемъ между фабричными, дворовыми, отставными солдатами, писарями, чиновниками, помѣщиками, спившимися и опустившимися до послѣдней степени, между крестьянами — людьми, находящимися въ работѣ и движеніи на воздухѣ—весьма рѣдки, и я еще ни одного здѣсь такого не видалъ, хотя, не отрицаю, при случаѣ крестьяне пьютъ шпарко. Я часто угощаю крестьянъ водкой, даю водки помногу, но никогда ничего худого не видѣлъ. Выпьютъ, повеселѣютъ, пѣсни запоютъ, иной можетъ и завалится, подерутся иногда, положительно говорю ничѣмъ не хуже, какъ если и мы закутимъ у Эрбера. Напримѣръ, въ зажинъ ржи я даю вечеромъ жнеямъ по два стакана водки—хозяйственный разсчетъ: жней должно являться по 4 на десятину (плата отъ десятины), но придетъ по 2, по 3 (не штрафовать-же ихъ); если-же есть угощеніе, то придетъ по 6 и отхватаютъ половину поля въ одинъ день — и ничего. Выпьютъ по два стакана подъ рядъ (чтобы скорѣй въ голову ударило), закусятъ, запоютъ пѣсни и веселыя разойдутся по деревнямъ, пошумятъ, конечно, полюбезнѣе будутъ съ своими парнями (а у Эрбера развѣ не такъ), а на завтра опять, какъ роса обсохнетъ, на работу, какъ ни въ чемъ не бывало.

Я уже сказалъ, что Костикъ занимается охотой. Мы съ нимъ по этому случаю и познакомились. Сошлись мы съ нимъ потому, что это былъ первый человѣкъ, отъ котораго я услыхалъ въ деревнѣ химическое слово. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ деревню—когда дрова, хлѣбъ, навозъ, еще не вытѣснили изъ моей головы крезолъ, нитрофенолъ, антраценъ и т. п.—Костикъ принесъ мнѣ продавать зайца и просилъ—мы разговорились съ нимъ объ охотѣ—чтобы я ему досталъ для отравы лисицъ „стрихнины", которая, по его словамъ, дѣйствуетъ отлично. Не скрою, слышать слово стрихнинъ мнѣ, привыкшему толковать о дифенилъаминахъ, летицинахъ и т. п., было чрезвычайно пріятно, точно родное слово услыхалъ на чужбинѣ. Мнѣ кажется, что слово „стрихнинъ" было причиной, почему я тотчасъ почувствовалъ къ Костику особенное расположеніе, выразившееся, разумѣется, угощеніемъ водкой не въ счетъ платы за зайца. Потомъ Костикъ сталъ носить мнѣ тетеревей, утокъ, рябцовъ, весной собиралъ для меня кости — кости онъ, однако, не носилъ самъ, а присылалъ съ мальчикомъ, потому что хозяину неловко, неприлично, продавать та-

кой пустой товаръ—дрова мнѣ рубилъ передъ Святой, чтобы заработать на нѣсколько полуштофовъ къ празднику.

Я сказалъ уже, что, кромѣ охоты, Костикъ занимается еще воровствомъ. Онъ плутъ и воръ, но не злостный воръ, а добродушный, хорошій. Онъ сплутуетъ, смошенничаетъ, обведетъ если можно — на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ — но сплутуетъ добродушно. Онъ украдетъ, если плохо лежитъ—не клади плохо, не вводи вора въ соблазнъ — но больше по случаю, безъ задуманной напередъ цѣли, потому что нельзя назвать обдуманнымъ воровство при случаѣ. Костикъ всегда готовъ украсть, если есть случай, если что нибудь плохо лежитъ: мужикъ зазѣвался, Костикъ у него изъ-за пояса топоръ вытащитъ и тотчасъ пропьетъ, да еще угоститъ обокраденнаго. Попадется—отдастъ украденное или заплатитъ; шею ему наколотятъ, поймавъ въ воровствѣ—не обидится. Мнѣ кажется, что Костикъ любитъ самый процессъ воровства, любитъ хорошенькое обдѣлать дѣльце.

Въ нынѣшнемъ году Костику, однако, не посчастливилось въ воровствѣ—должно быть, не удалось ничего украсть въ Благовѣщеніе. Извѣстно, что на Благовѣщеніе воры заворовываютъ для счастья на весь годъ, подобно тому, какъ на Бориса (2-го мая) барышники плутуютъ, чтобы весь годъ торговать съ барышемъ. Нынче Костикъ попался въ порядочномъ воровствѣ, такъ что и кобылы послѣдней рѣшился; не знаю ужъ, какъ онъ теперь будетъ хозяйничать.

Разъ осенью иду я на молотьбу, вдругъ смотрю Матовъ верхомъ скачетъ. Матовъ — мѣщанинъ-кулакъ, все покупающій и продающій, содержатель постоялаго двора верстахъ въ шести отъ меня. Завидѣвъ меня, Матовъ, который было уже проскакалъ мимо моего дома, остановился и соскочилъ съ лошади.

— Здравствуй, баринъ.

— Здравствуй, Василій Ивановичъ. Что?

— Къ тебѣ, баринъ. Бычки, говорилъ ты, продажные есть.

— Есть.

— Пойдемъ, покажи.

— Пойдемъ.

Мы пошли на скотный дворъ. Ну, думаю, не за бычками ты, братъ, пріѣхалъ, потому что если мѣщанинъ или мелкій купецъ пріѣхалъ за дѣломъ, то онъ никогда не начнетъ прямо говорить о томъ дѣлѣ, за которымъ пріѣхалъ. Напримѣръ, пріѣхалъ мѣщанинъ. Входитъ, крестится, кланяется, останавливается у порога, не садится, несмотря на приглашеніе (мелкій, значитъ, торгашъ) и, поздоровавшись, говоритъ:

— Поторговаться не будетъ ли чѣмъ съ милостью вашей?

— Что покупаете?

— Ленку нѣтъ ли продажнаго?

— Есть.

— А какъ цѣна будетъ милости вашей?

— Три.

— Нѣтъ-съ. Такихъ цѣнъ нѣту. Прикажите посмотрѣть.

— Извольте.

Мѣщанинъ отправляется съ старостой или Авдотьей въ амбаръ смотрѣть ленъ и возвращается черезъ нѣсколько времени.

— Ленокъ не совсѣмъ-съ, коротенекъ. Безъ четвертака два можно дать-съ.

Начинается торгъ. Покупатель хаетъ ленъ, говоритъ, что ленъ коротокъ, тонокъ, не чисто смятъ, перележался, цвѣтомъ не выходитъ, прибавляетъ по пяти копѣекъ — два безъ двадцати, два безъ пятнадцати, два безъ гривенничка, догоняетъ до двухъ. Я хвалю ленъ и понемногу спускаю до двухъ съ полтиной. Если отдамъ за два, то мѣщанинъ купитъ ленъ, хотя вообще льномъ не занимается. Но почему же не купить, если дешево: онъ даетъ небольшой задатокъ и тотчасъ же перепродаетъ ленъ настоящему покупателю. Торгуя ленъ, мѣщанинъ мимоходомъ замѣчаетъ:

— Кожицу и опоечекъ я у васъ въ амбарѣ видѣлъ. Не изволите-ли продать?

— Купите. Четыре рубля.

— Нѣтъ-съ. Столько денегъ нѣтъ. Кожица плоховата. Третьячка. Три рублика извольте.

— Чѣмъ же плоховата. Рѣзаная.

— Это мы видѣли-съ, что рѣзаная. Три десять извольте.

Начинается торгъ. Купецъ торгуетъ ленъ и кожи, наконецъ, покупаетъ кожу и опоечекъ за три съ полтиной.

Онъ пріѣзжалъ за кожами.

Не за быками, думаю, пріѣхалъ Матовъ; но не показать быка нельзя. Идемъ на скотный дворъ. Выгоняютъ быка. Матовъ смотритъ его, щупаетъ, точно и въ самомъ дѣлѣ купить хочетъ. Я прошу за быка пятьдесятъ рублей; онъ даетъ пятнадцать, между тѣмъ какъ одна кожа стоитъ восемь. Нечего и толковать. Быкъ ему, очевидно, не нуженъ. Возвращаемся домой.

— Продай ты мнѣ, баринъ, два кулика ячменя.

— Не могу.

— Сдѣлай милость, продай. Свиней подкормить нечѣмъ.

— Не могу, самому нуженъ.

— Ну прощай.

— Прощай.

Матовъ отвязываетъ лошадь и, занося ногу въ стремя, обращается ко мнѣ.

— Совсѣмъ заморился сегодня.

— Что такъ. Да откуда ты это ѣдешь, — ишь лошадь какъ загонялъ.

— По дѣлу ѣзжу, вора ищу; у меня третьеводни четыре верха (кожа съ саломъ) украли.

— На кого-жъ думаешь?

— Мужикъ тутъ есть въ Бабинѣ, Костикомъ зовутъ,—ты его не знаешь. На него думаю. Онъ у меня третьяго дня вечеромъ былъ, когда кожи пропали, а теперь вотъ ужъ двѣ ночи дома не ночуетъ. Пьянствуетъ гдѣ-нибудь. Я всѣ кабаки, кажись, объѣздилъ, — нѣтъ нигдѣ.

— Костикъ? Знаю, да онъ сегодня у меня былъ.

— Костикъ? въ какое время былъ?

— Да вотъ недавно былъ: пороху заходилъ просить.

— Пороху? Ахъ онъ с... Ну, да теперь онъ недалеко долженъ быть—навѣрно въ дубовскомъ кабакѣ.

Матовъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ въ Дубово. „Ну, думаю, этотъ поймаетъ“. Я пошелъ на молотьбу и разсказалъ Ивану о встрѣчѣ съ Матовымъ.

— Это Костикъ укралъ.

— Почемъ ты знаешь?

— Да онъ сегодня сюда заходилъ ко мнѣ на токъ. Зарядовъ просилъ у меня. Я ему говорю, что у насъ у самихъ пороху мало. Пристаетъ, продай, говоритъ, по гривеннику за зарядъ дамъ. А я, смѣясь, и говорю: да вѣдь у тебя денегъ нѣтъ. Есть, говоритъ. А ну, покажи. Показываетъ; дѣйствительно три билетика. Вотъ, говорю рабочимъ, поспорь съ нимъ, что у него въ карманѣ денегъ нѣтъ. При всѣхъ деньги показалъ. Навѣрно онъ кожи у Матова укралъ и уже гдѣ-нибудь продалъ. Откуда у него могутъ быть деньги!

— Это костиково дѣло, проговорилъ одинъ изъ рабочихъ; — мы съ Евменомъ его вчера рано утромъ встрѣтили, когда на молотьбу шли. Смотримъ, идетъ Костикъ и что-то несетъ за спиной, я еще пощупалъ,—мягкое что-то. Что ты это несешь? спрашиваемъ. Вещи, говоритъ, нанялся со станціи донести въ Иваново. А это онъ кожи, значитъ, несъ — въ Слитьѣ продалъ. Вотъ откуда у него деньги. Поймаетъ же его теперь Матовъ, навѣрно въ Дубовѣ пьянствуетъ.

Матовъ Костика поймалъ и пожаловался волостному. Через нѣсколько времени моего старосту, гуменщика и рабочихъ вызвали сви-

дѣтелями въ волость. Былъ судъ надъ Костикомъ. Костикъ сначала запирался, но въ виду явныхъ уликъ сознался, что укралъ у Матова четыре кожи, изъ коихъ двѣ спряталъ въ лѣсу, а двѣ продалъ содержателю постоялаго двора. Матовъ и Костикъ помирились на томъ, какъ мнѣ разсказывали, что Костикъ долженъ возвратить спрятанныя въ лѣсу кожи и заплатить за двѣ другія, имъ проданныя. Костикъ же заплатилъ и свидѣтелямъ—кажется, угостилъ ихъ водкой.

Недавно, проѣздомъ на станцію, я зашелъ въ кабачекъ Матова выпить водки. Смотрю, Костикъ, пьяненькій, веселый, самымъ дружелюбнымъ образомъ бесѣдуетъ съ Матовымъ, который тоже пропустилъ уже одну, другую.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, А. Н. Здравствуйте, баринъ, заговорилъ Костикъ, обрадованный встрѣчей со мной.

— Здравствуй, Костикъ, что ты тутъ дѣлаешь?

— А вотъ барышки запиваемъ: кобылку Василію Ивановичу продалъ.

— За кожи, значитъ, разсчитались?

— Нѣтъ, за кожи прежде разсчитались, проговорилъ Матовъ: — а теперь кобылу на деньги купилъ. Пожалуйте. Фимья, дай бараночка закусить.

— Хозяину начинать.

Матовъ налилъ стаканчикъ водки, перекрестился, дунулъ въ стаканъ (чтобы отогнать бѣса, который сидитъ въ водкѣ), проговорилъ: „будьте здоровы", отпилъ глотокъ и, наполнивъ стаканъ вровень съ краемъ, подалъ мнѣ съ поклономъ.

— Ну, будьте здоровы.

Костикъ сталъ мнѣ разсказывать про свои неудачи на охотѣ за лисицами въ нынѣшнемъ году и въ особенности жаловался на то, что ему не удалось нынче взять ни одной изъ отравленныхъ лисицъ. А все оттого, что „стрихнины" у него нѣтъ.

Не правда-ли, прелестно? Просто главное. Практично.

У Матова украли кожи. Онъ прежде всего раскидываетъ умомъ, кто бы могъ украсть. Какъ содержатель кабака и постоялаго двора, скупающій по деревнямъ все, что ему подходитъ, и сѣмя, и кожи, и пеньку, и счёски, онъ знаетъ на двадцать верстъ въ округѣ каждаго мужика до тонкости, знаетъ всѣхъ воровъ. Сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла и заподозривъ Костика, онъ, не говоря никому ни слова, слѣдитъ за нимъ и узнаетъ, что Костикъ пропалъ изъ дому. Подозрѣніе превращается въ увѣренность. „Это онъ", говоритъ Матовъ и скачетъ по кабакамъ разузнать, гдѣ проданы кожи и гдѣ

пьянствуетъ Костикъ. Попадаетъ случайно на меня — ѣхалъ мимо, случайно увидалъ, отчего же не спросить — находитъ важныхъ свидѣтелей, которые видѣли у Костика деньги (а всѣмъ извѣстно, что у Костика денегъ быть не можетъ), которые видѣли Костика съ ношей. Заручившись свидѣтелями, обѣщавъ имъ, что дѣла далѣе волости не поведетъ, свидѣтелей по судамъ таскать не будетъ и, получивъ, такимъ образомъ, увѣренность, что Костику не отвертѣться, Матовъ жалуется въ волость. Вызываютъ въ волость Матова, Костика, свидѣтелей—въ волость свидѣтелямъ сходить недалеко и отъ работы ихъ не отрывали, потому что судъ былъ вечеромъ. Свидѣтели уличаютъ Костика, и тотъ, видя, что нельзя отвертѣться, сознается. Дѣло кончается примиреніемъ, и всѣ довольны. Матовъ получилъ обратно кожи, которыя Костикъ не успѣлъ продать, навѣрно вдвое получилъ за проданныя кожи, да еще, пожалуй, стянулъ что нибудь съ содержателя постоялаго двора, который купилъ у Костика краденныя кожи. Свидѣтелямъ Костикъ или заплатилъ, или поставилъ водки, а главное, ихъ не таскали по судамъ: сходить же въ волость, да и то вечеромъ или въ праздникъ (волостной, вѣдь, тоже мужикъ, и знаетъ, что въ будни днемъ работать нужно), свидѣтелямъ ни почемъ. Костикъ доволенъ, потому что разъ воровство открыто, ему выгоднѣе заплатить за украденное, чѣмъ сидѣть въ острогѣ. Мы довольны, потому что еслибы Костикъ посидѣлъ въ острогѣ, то изъ мелкаго воришки сдѣлался бы крупнымъ воромъ.

Совсѣмъ другое вышло бы, еслибъ Матовъ, вмѣсто того, чтобы самому разыскивать вора, принесъ жалобу въ полицію, какъ дѣлаютъ, большею частью, помѣщики и въ особенности помѣщицы. Пріѣхалъ бы становой, составилъ бы актъ, сдѣлалъ бы дознаніе, тѣмъ бы, по всей вѣроятности, дѣло и кончилось. Какія же у становаго съ нѣсколькими сотскими средства открывать подобныя воровства? Да еслибы у становаго было не 24, а 100 часовъ въ сутки, и онъ бы обладалъ способностью вовсе не спать, то и тогда ему не было бы возможности раскрывать безчисленное множество подобныхъ мелкихъ кражъ. Становому впору только повинности съ помѣщиковъ собрать: пишетъ-пишетъ, съ сотскими наказываетъ, самъ пріѣзжаетъ...

Положимъ, помѣщики вызываютъ становаго, обыкновенно ничего не разузнавъ о кражѣ, и не представляютъ никакихъ данныхъ, даже и подозрѣнія основательнаго высказать не могутъ; но Матовъ, казалось бы, разузнавъ все предварительно и имѣя свидѣтелей, могъ бы принести жалобу мировому и вообще куда слѣдуетъ. Какъ бы не такъ. Матовъ, какъ человѣкъ практическій и самъ судовъ боящійся, очень хорошъ знаетъ, что еслибы свидѣтели только знали, что Ма-

товъ будетъ судиться съ Костикомъ и таскать ихъ, свидѣтелей, по судамъ, такъ они бы притаились и ничего бы не сказали. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что еслибы, вслѣдствіе жалобы Матова, свидѣтелей, то есть, старосту, гуменщика и работниковъ, потребовали куда-нибудь за 30 верстъ къ становому, мировому или на съѣздъ—благодарили ли бы они Матова? Вы представьте себѣ положеніе хозяина: старосту, у котораго на рукахъ все хозяйство, гуменщика, безъ котораго не можетъ идти молотьба, и рабочихъ потребуютъ свидѣтелями! Всѣ работы должны остановиться, все хозяйство должно остаться безъ присмотра, да въ это время, пока они будутъ свидѣтельствовать, не только обмолотить, но просто увезти хлѣбъ съ гумна могутъ. Да и кто станетъ держать такого старосту или скотника, который не знаетъ мудраго правила: „нашелъ—молчи, потерялъ—молчи, увидалъ—молчи, услыхалъ—молчи", который не умѣетъ молчать, болтаетъ лишнее, вмѣшивается въ чужія дѣла, котораго будутъ таскать свидѣтелемъ къ мировому, на мировой съѣздъ или въ окружной судъ. Вы поймите только, что значитъ для хозяина, если у него, хотя на одинъ день, возьмутъ старосту или скотника. Вы поймите только, что значитъ, если мужика оторвутъ отъ работы въ такое время, когда за день нельзя взять и пять рублей: поѣзжай свидѣтелемъ и оставь ниву незасѣянною во-время. Да если даже и не рабочее время,—очень пріятно отправляться, въ качествѣ свидѣтеля, за 25 верстъ, по 25 градусному морозу, или, идя въ городъ на мировой съѣздъ свидѣтелемъ, побираться христовымъ именемъ. Прибавьте къ этому, что мужикъ боится суда и все думаетъ, какъ бы его, свидѣтеля, храни Богъ, не засадили въ острогъ или не отпороли. Матовъ ни за что не открылъ бы воровства, еслибы свидѣтели не знали Матова за человѣка практическаго, который по судамъ таскаться не станетъ. Да и какая польза была бы Матову судиться съ Костикомъ? Посадили бы Костика въ острогъ, — а Матову что? Кожи такъ бы и пропали. Костикъ на судѣ во всемъ заперся бы и кожи, разумѣется, не отдалъ бы, и кому ихъ продалъ — не сказалъ бы. Матовъ остался бы ни при чемъ, въ глазахъ же крестьянъ сильно бы потерялъ, что неблагопріятно отозвалось бы на его торговыхъ дѣлахъ. Не лучше ли кончить все полюбовно, по-божески?

У насъ, къ счастію, много дѣлъ кончается такимъ образомъ. Позвольте разсказать еще другой случай: содержатель сосѣдняго кабака долженъ былъ куда-то уѣхать вмѣстѣ съ женой. Уѣзжая, онъ заперъ каморку, гдѣ стояла бочка водки, и поручилъ смотрѣть за кабакомъ своему работнику, которому оставилъ четверть водки для продажи. Вечеромъ въ кабакъ зашли мужики, однодеревенцы работ-

ника, взяли водки, выпили и угостили работника. Закутили. Пили-пили; водки, оставленной на продажу, наконецъ, не хватило, а выпить хочется. Ночью, работникъ съ двумя товарищами—пьяные, разумѣется—рѣшились украсть водки изъ боченка, запертаго въ каморкѣ. Выломали топоромъ двѣ доски въ перегородкѣ, достали изъ каморки водки и баранокъ, задѣлали взломъ и ну кутить. Пріѣзжаетъ черезъ нѣсколько дней содержатель кабака и открываетъ воровство. Воровство со взломомъ, совершенное лицомъ, которому поручено храненіе имущества, ночью, при содѣйствіи другихъ лицъ — вѣдь это окружнымъ судомъ и острогомъ пахнетъ. Дѣло, однако, окончилось благополучно: помирились на томъ, что работникъ и его товарищи обязались уплатить содержателю кабака за украденную водку вдвое.

И я, и самъ содержатель кабака, и сосѣди-мужики—всѣ знаютъ, что работникъ, совершившій воровство со взломомъ, человѣкъ превосходный, какихъ рѣдко, пречестнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, но любитъ выпить, а выпивши, хочетъ еще выпить, и чтобы достать водки, готовъ на воровство водки, но не чего нибудь другого. Дѣло кончилось миромъ, и работникъ до сихъ поръ живетъ у *того же содержателя* кабака; а пойди содержатель въ судъ, то вѣдь работника засадили бы, пожалуй, въ острогъ. Конечно, присяжные могли бы и оправдать, но пока еще они оправдаютъ, придется, можетъ, годъ сидѣть въ острогѣ, а для мужика нѣтъ ничего ужаснѣе острога.

„Случаи“, нарушающіе нашу хозяйственную тишину и заставляющіе насъ думать и говорить о другомъ, весьма рѣдки, хотя отъ скуки мы рады всякому случаю. Я говорилъ выше, что мужики ходятъ обыкновенно съ просьбой о работѣ, хлѣбѣ и дровахъ, но есть еще предметъ, о которомъ тоже часто приходятъ просить — это лекарства. Чуть кто нибудь заболѣлъ на деревнѣ, идутъ ко мнѣ за лекарствомъ. Хотя я не лечу и толку въ леченіи не понимаю, но, все-таки, обращаются ко мнѣ съ просьбой дать лекарства. Ты, говорятъ, человѣкъ грамотный, ученый, все больше нашего понимаешь— дай что-нибудь.

И я даю: касторовое масло, англійскую соль, березовку, перцовку, чай,—что случится. Помогаетъ.

Прошедшимъ лѣтомъ распространился слухъ, что у насъ будетъ холера. Пришелъ отъ начальства приказъ, чтобы въ каждой деревнѣ выбрали избу, вымыли ее, вычистили и содержали въ порядкѣ для того, чтобы помѣщать въ нее холерныхъ больныхъ—всѣмъ этимъ мы обязаны, кажется, дѣятельности нашего земства. Мужики собрались на сходку, выбрали избу, выгнали бабъ ее вычистить и вымыть; но

холеры, къ счастью, не было и изба простояла цѣлое лѣто пустая. Заболѣвали поносомъ, гнетухой — лѣто было сухое, безъ дождинки, работа шла сильная, харчи плохіе—многіе переболѣли животами, но никто не умеръ. Приходили ко мнѣ: тому дамъ стаканъ пуншу, тому касторовaго масла, тому истертаго въ порошокъ и смѣшаннаго съ мелкимъ сахаромъ чаю—помогало.

Насчетъ леченья, въ случаѣ болѣзни, въ деревнѣ очень плохо не только крестьянину, но и небогатому помѣщику. Докторъ есть въ городѣ за 30 верстъ. Заболѣли вы;—извольте посылать въ городъ. Нужно послать въ городъ на тройкѣ или, по крайней мѣрѣ, на парѣ, въ приличномъ экипажѣ, съ кучеромъ. Привезли доктора; за визитъ ему нужно дать 15 рублей и уже мало — 10 рублей. Нужно отвезти доктора въ городъ и привезти лекарство. Сосчитайте все—сколько это составитъ, а главное, нужно имѣть экипажъ, лошадей, кучера. Но вѣдь, въ случаѣ серьезной болѣзни, одного визита мало. Очевидно, что докторъ теперь доступенъ только богатымъ помѣщикамъ, которые живутъ по старопомѣщичьи, имѣютъ экипажи, кучеровъ и пр., то есть, для лицъ, у которыхъ еще осталось старое заведеніе, для лицъ, у которыхъ сохранились деньги или выкупныя свидѣтельства, у которыхъ еще есть лѣса, осталось много отрѣзковъ, на счетъ которыхъ они ведутъ хозяйство, или для лицъ, которыя, живя въ деревнѣ, занимаютъ какія нибудь должности съ жалованьемъ. Небогатые помѣщики, напримѣръ, такіе, которые имѣли 300 заложенныхъ душъ крестьянъ, арендаторы мелкихъ имѣній, прикащики управляющіе отдѣльными хуторами, попы, содержатели постоялыхъ дворовъ и тому подобные зажиточные, сравнительно съ крестьянами, люди не могутъ посылать въ городъ за докторомъ; эти, большею частью, пользуются хорошими, то-есть, имѣющими въ околоткѣ извѣстность, фельдшерами, преимущественно изъ дворовыхъ, фельдшерами, которые завѣдывали аптеками и больницами, имѣвшимися у богатыхъ помѣщиковъ во время крѣпостнаго права. Однако, и такіе фельдшера для массы нашихъ бѣдныхъ крестьянъ тоже недоступны, потому что и фельдшеру нужно дать за визитъ три рубля съ его лекарствомъ, а то и пять рублей. Къ такимъ фельдшерамъ прибѣгаютъ только очень зажиточные крестьяне. Затѣмъ, слѣдуютъ фельдшера втораго разряда, лечащіе самоучкой, самыми простыми средствами,—дѣды, бабы и всѣ, кто маракуетъ хотя немного. Остаются еще случайные доктора: какой нибудь лекарь или медицинскій студентъ, пріѣхавшій на побывку къ роднымъ, и т. п. Заболѣетъ мужикъ—ходитъ, перемогается, пока есть сила. Свалился—лежитъ. Есть средства—сыскиваетъ фельдшера или дѣда, а нѣтъ—просто ле-

житъ или къ кому нибудь изъ помѣщиковъ, у которыхъ есть лекарство, пошлетъ попросить чего нибудь. Иные вылеживаются, выздоравливаютъ. Другіе умираютъ. Лежитъ, лежитъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ.

Самое худое, что, поправившись, отлежавшись, опять заболѣваютъ, и во второй разъ рѣдко уже встаютъ, потому что, не успѣвъ хорошенько поправиться, начинаютъ работать, простуживаются (замѣчу, между прочимъ, что у крестьянъ отхожихъ мѣстъ нѣтъ и самый трудный больной для отправленія нужды выходитъ, выползаетъ или его выносятъ на дворъ, какова бы ни была погода) и, главное, не получаютъ хорошей пищи, да что говорить хорошей, не получаютъ мало-мало сносной пищи.

У меня есть работница Хима изъ сосѣдней деревни. У нея во дворѣ — а дворъ-то бѣдный-пребѣдный, съ Покрова уже хлѣба не было — осталась за хозяйку дочка, молоденькая, красивая дѣвушка Аксюта, мужъ-хозяинъ и трое дѣтей, которые всю нынѣшнюю зиму ходили въ кусочки. Осенью, на одной свадьбѣ, Аксюта сильно простудилась. Сдѣлался кашель, Аксюта стала харкать кровью и слегла. За попомъ посылали. Аксютѣ все хуже, да хуже. Ѣздили къ какому-то бывшему дворовому человѣку, который, говорятъ, помогаетъ. Тотъ далъ питье—кислое-прекислое, говорила мнѣ Хима—помогло. Аксюта стала поправляться и можетъ выздоровѣла бы, еслибы ей дать питательную пищу, удобное помѣщеніе и поберечь отъ простуды, а то приходитъ разъ ко мнѣ Хима.

— Что тебѣ, Хима?

— Да насчетъ дочки пришла.

— Что-же дочка?

— Поправляться стала. Ходитъ. Только пушнаго хлѣба ѣсть не можетъ. Пожуетъ, пожуетъ, да и выплюнетъ—проглотить не можетъ. Прислала мальчишку, пусть, говоритъ, матка барина попроситъ, не дастъ ли картошки.

Пушной хлѣбъ приготовляется изъ неотвѣянной ржи, то-есть, смѣсь ржи съ мякиной мелется прямо въ муку, изъ которой обыкновеннымъ образомъ приготовляется хлѣбъ. Хлѣбъ этотъ представляетъ тѣстяную массу, пронизанную тонкими иголками мякины; вкусомъ онъ ничего,—какъ обыкновенный хлѣбъ, питательность его, конечно, меньше, но самое важное неудобство—это, что его трудно глотать, а непривычный человѣкъ и вовсе не проглотитъ, если-же и проглотитъ, то потомъ все будетъ перхать и чувствовать какое-то неудобное ощущеніе во рту. И такимъ-то хлѣбомъ, или еще хуже, сухими, собран-

ными мѣсяцъ тому назадъ, пушными кусочками долженъ питаться выздоравливающій больной. Какъ-же тутъ поправиться?

Вскорѣ Аксютѣ, которая стала-было поправляться, опять стало хуже. Не оправившись отъ болѣзни, она стала носить воду, мять пеньку, убирать скотъ. Простудилась и опять слегла. Въ деревнѣ всѣ рѣшили, что Аксюта умретъ. Мать, которая очень любила и баловала Аксюту, относилась къ этому совершенно хладнокровно, то есть, съ тѣмъ, если можно такъ выразиться, безчувствіемъ, съ которымъ одинъ голодный относится къ другому. „А и умретъ, такъ что-жъ— все равно, по осени замужъ нужно выдавать, изъ дому вонъ; умретъ, такъ расходу будетъ меньше“ (Похоронить стоитъ дешевле, чѣмъ выдать замужъ).

Аксюта пролежала всю зиму и умерла въ мартѣ. Бѣдному во всемъ несчастье: ужъ умерла бы осенью, а то цѣлую зиму расходъ, а къ веснѣ, когда дѣвка могла бы работать, умерла. Крестьяне и замужъ-то дѣвокъ отдаютъ по осени, главнымъ образомъ, потому, что *какой-же разсчетъ,* прокормивъ дѣвку зиму, отдать ее весной, передъ началомъ работъ, замужъ—это все равно, что продать дойную корову весной.

Очень часто, хорошая пища, теплое помѣщеніе, избавленіе отъ работъ были бы самымъ лучшимъ средствомъ для излеченія; но, все-таки, я думаю, что тѣ молодые доктора, отъ которыхъ мнѣ случалось слышать, что имъ нечего дѣлать въ деревняхъ, потому что лекарства не могутъ помогать, если у больного нѣтъ хлѣба и проч., не совсѣмъ правы. Часто, очень часто, во-время поданная помощь могла бы принести огромную пользу. Но необходимо, чтобы докторъ жилъ близко (нужно, чтобы въ каждой волости былъ докторъ, или, если хотите, фельдшеръ, но фельдшеръ образованный, гуманный — не нужно много медицинскихъ познаній, но главное, чтобы былъ человѣкъ образованный съ независимыми мнѣніями), самъ давалъ лекарства, ѣздилъ къ больнымъ въ томъ экипажѣ, который пришлютъ, то есть, въ простой телегѣ, чтобы онъ бралъ небольшую плату за визитъ вмѣстѣ съ лекарствомъ, не требовалъ денегъ тотчасъ, а ожидалъ уплаты до осени, какъ, напримѣръ, дѣлаютъ хорошіе попы, въ крайнихъ случаяхъ лечилъ даромъ, не отказывался отъ уплаты за леченье деревенскими продуктами, приносимыми по силѣ возможности (даромъ лечить онъ долженъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, а то никакого толку не выйдетъ, потому что, въ большинствѣ случаевъ, мужикъ не пойметъ, чтобы можно было давать лекарства даромъ), чтобы онъ не былъ казенный докторъ и не ѣздилъ вскрывать трупы и вообще не участвовалъ при слѣдствіяхъ (для этого

есть уѣздные доктора); хорошо было бы, еслибъ докторъ имѣлъ свое хозяйство, такъ,—чтобы мужикъ могъ отработать за леченье. Понятно, что, все-таки, доктору волость должна была бы давать жалованье и средства для покупки лекарствъ и содержаніе больницы. Я увѣренъ, что, хорошо взявшись за это, можно было бы устроить дѣло, но для этого необходимо, чтобы всѣ лица, живущія въ одной волости—помѣщики, попы, мѣщане, арендаторы, крестьяне—словомъ, всѣ живущіе на извѣстномъ пространствѣ земли, составляли одно цѣлое, были связаны общимъ интересомъ, лечились бы однимъ и тѣмъ-же докторомъ, судились однимъ судьей, имѣли общую кассу для своихъ мѣстныхъ потребностей, выставляли въ земство общаго представителя (или представителей) волости и пр. и пр. Пока этого нѣтъ—и медицинской помощи въ деревняхъ не будетъ, потому что земство, въ теперешнемъ его видѣ, ничего настоящаго по этой части не сдѣлаетъ—я въ этомъ увѣренъ. Я не могу себѣ представить, чтобы живущій въ городѣ предсѣдатель управы или членъ (я разсуждаю вообще, не имѣю въ виду земскихъ лицъ уѣзда, въ которомъ живу, и прошу не принимать этихъ разсужденій на чей-либо личный счетъ), у котораго есть подъ рукой докторъ и аптека, могъ живо принимать къ сердцу положеніе, не говорю мужика, умирающаго на печкѣ, но хотя бы меня, лежащаго безъ помощи, потому что я, не имѣя приличнаго экипажа (я, напримѣръ, кромѣ телеги и бѣговыхъ дрожекъ, другого экипажа не имѣю), лошадей и кучера для посылки за докторомъ, не имѣя средствъ платить 15 рублей за визитъ, да, кромѣ того, и физически не будучи въ состояніи, за разливомъ рѣкъ, добыть доктора, живущаго за 30 верстъ, вынужденъ, заболѣвъ, лежать и ждать, авось пройдетъ, или обратиться къ фельдшеру, живущему въ сосѣдствѣ, или къ моей „старухѣ". Я не могу себѣ представить, чтобы живущій въ городѣ земскій дѣятель могъ живо принимать къ сердцу положеніе мужика, которому нечего ѣсть, и принимать мѣры къ обезпеченію продовольствія, да и *когда* еще онъ узнаетъ о томъ, что мужику ѣсть нечего, да и много-ли такихъ, которые понимаютъ бытъ мужика. Я встрѣчалъ здѣсь помѣщиковъ—про барынь ужъ и не говорю—которые лѣтъ 20 живутъ въ деревнѣ, а о бытѣ крестьянъ, о ихъ нравахъ, обычаяхъ, положеніи, нуждахъ никакого понятія не имѣютъ; болѣе скажу,—я встрѣтилъ, можетъ быть, всего только трехъ-четырехъ человѣкъ, которые понимаютъ положеніе крестьянъ, которые понимаютъ, что говорятъ крестьяне, и которые говорятъ такъ, что крестьяне ихъ понимаютъ. Я не могу себѣ представить, чтобы земскіе дѣятели, не связанные съ нами, такъ сказать, органически, могли живо чувствовать и принимать къ сердцу наши, если можно

такъ выразиться, территоріальные волостные интересы; другое дѣло, еслибы они были представители волостей, то есть, единицъ, состоящихъ изъ людей разныхъ сословій, живущихъ на одномъ пространствѣ земли и потому необходимо связанныхъ общимъ интересомъ. Конечно, я самъ выбираю гласнаго отъ землевладѣльцевъ; но зачѣмъ я его выбираю—я и самъ не знаю. Приказано, потому и выбираю. Мужики тоже выбираютъ гласнаго отъ сельскаго сословія, потому что приказано, и молятъ: „отпустите вы насъ только поскорѣе, потому что у насъ покосъ, уборка хлѣба". Еслибы меня выбрали въ гласные, то я и самъ не зналъ бы, зачѣмъ меня выбрали и что я тамъ буду дѣлать. Наконецъ, гласный отъ землевладѣльцевъ, гласный отъ крестьянъ, никакой инструкціи отъ избирателей не получаетъ, никакого отчета имъ не отдаетъ: говори тамъ, батюшка, что хочешь; спасибо, что идешь въ гласные. Мнѣ кажется, что совсѣмъ бы другое было, еслибъ гласный былъ представитель волости. Началъ бы нашъ гласный толковать о необходимости исправлять дороги, напримѣръ—мы бы ему сейчасъ и сказали: что ты, любезный, толкуешь! у насъ въ волости всего одинъ баринъ есть, у котораго остались коляски и держатся кучера и которому, слѣдовательно, нужны хорошія дороги, а мы всѣ, и мужики, и мелкопомѣстные, и бывшіе средней руки помѣщики, и попы, ѣздимъ теперь одиночками въ телегахъ—для насъ дороги хороши. Началъ бы онъ... да онъ и не говорилъ бы того, о чемъ ему его избирателями не поручено. Еслибы земскіе люди были, дѣйствительно, люди, излюбленные земскими обывателями, еслибъ это, дѣйствительно, были представители лицъ, живущихъ на извѣстныхъ пространствахъ, еслибы это были лица, которыя бы знали, для чего ихъ избираютъ, еслибы и избиратели знали, зачѣмъ избираютъ,—тогда другое дѣло. При теперешнемъ-же устройствѣ, когда лица разныхъ сословій, живущія въ одной волости, ничего общаго между собою не имѣютъ, подчинены разнымъ начальствамъ, разнымъ судамъ,—ничего путнаго быть не можетъ. Волостной плохъ, жметъ крестьянъ, деспотствуетъ надъ ними—мнѣ что за дѣло; да еслибы я, по человѣчеству, и принялъ сторону крестьянъ, что-же я могу сдѣлать? еще самъ поплачусь—произведутъ меня въ возмутители крестьянъ и отправятъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ, а крестьянъ перепорютъ. Разумѣется, въ такихъ случаяхъ, когда идетъ война между крестьянами и волостнымъ, каждый, и зная, что крестьяне правы, отходитъ въ сторону, да и крестьянамъ посовѣтуетъ не горячиться. Мировой посредникъ плохъ до крестьянъ, а мнѣ что? Волостной судъ пьянствуетъ и пр. и пр., а мнѣ что? да и что я сдѣлаю? Попъ прижимистъ... но мы не можемъ перемѣнить попа и т. д.

А вотъ, еслибы: волость-единица, волостной старшина выборный, административное начальство въ волости, которому въ опредѣленномъ закономъ отношеніи подчинены всѣ живущіе въ волости, и крестьяне, и помѣщики, и попы и пр. Свой волостной судья, въ волости живущій. Свои выборные попы волостные. Своя внутренняя волостная полиція. Свой волостной совѣтъ. Тогда бы скорѣе могъ бы явиться свой волостной докторъ, своя волостная школа, своя волостная ссудная касса...

Ежемѣсячно ко мнѣ пріѣзжаютъ попы. „Попы" не значитъ попъ во множественномъ числѣ. Словомъ „попы" обозначаютъ всѣхъ принадлежащихъ къ духовному званію, всѣхъ, кто носитъ длинные волосы, особеннаго покроя поповское платье; тутъ и попъ, и дьяконъ, и дьячекъ, и пономарь, настоящіе и заштатные, и всѣ состоящіе при селѣ. На Святой или на Рождество, гдѣ есть обычай, за попомъ по приходу ходитъ многое множество такого поповскаго народу. Слово „попы" имѣетъ такое же значеніе, какъ и слово „воронье". Воронъ, грачъ, ворона, галка, сорока, все это пернатое царство — „воронье" Я люблю, когда пріѣзжаютъ попы. Попы бываютъ у меня ежемѣсячно, для совершенія водосвятія на скотномъ дворѣ. Обычай уже такой есть изстари (издревле, какъ говоритъ дьяконъ), чтобы каждый мѣсяцъ совершать на скотномъ дворѣ водосвятіе. Каждое первое число, или около того, пріѣзжаютъ попы—священникъ, дьяконъ, два или три дьячка—совершаютъ на скотномъ дворѣ водосвятіе—на дворѣ, въ хлѣву или въ избѣ — и обходятъ съ пѣніемъ тропаря „Спаси, Господи, люди твоя" весь дворъ, причемъ священникъ заходитъ въ каждый хлѣвъ и кропитъ святою водой. Если я дома, то обыкновенно присутствую при службѣ и, затѣмъ, приглашаю поповъ къ себѣ закусить и выпить чаю. Закусываемъ, пьемъ чай, бесѣдуемъ. Я люблю бесѣдовать съ попами и нахожу для себя эти бесѣды полезными и поучительными. Во-первыхъ, никто такъ хорошо не знаетъ бытъ простого народа во всѣхъ его тонкостяхъ, какъ попы; кто хочетъ узнать настоящимъ образомъ бытъ народа, его положеніе, обычаи, нравы, понятія, худыя и хорошія стороны, кто хочетъ узнать, что представляетъ это никому неизвѣстное, неразгаданное существо, которое называется мужикомъ, тотъ, не ограничиваясь собственнымъ наблюденіемъ, долженъ именно между попами искать необходимыхъ для него свѣдѣній; для данной же мѣстности попы въ этомъ отношеніи неоцѣнимы, потому что въ своемъ приходѣ знаютъ до тонкости положеніе каждаго крестьянина. Во-вторыхъ, послѣ крестьянъ, никто такъ хорошо не знаетъ мѣстнаго практическаго хозяйства, какъ попы. Попы—наши лучшіе практическіе хозяева, — они даже выше крестьянъ стоятъ въ

этомъ отношенiи, и отъ нихъ-то именно можно научиться практикѣ хозяйства въ данной мѣстности. Хозяйство для поповъ составляетъ главную статью дохода. И чѣмъ же будетъ жить причетникъ, даже дьяконъ, на что онъ будетъ воспитывать дѣтей, которыхъ у него всегда множество, если онъ не будетъ хорошiй сельскiй хозяинъ. Конечно,

Поповъ пирогъ съ начинкою,
Попова каша съ маслицомъ,
Поповы щи съ снѣткомъ...

Но это только у попа-батьки, а не у причетника, который перебивается со дня на день.

Не знаю, какъ въ другихъ мѣстахъ, но у насъ церквей множество, приходы маленькiе, крестьяне бѣдны, поповскiе доходы ничтожны. Какъ невелики, по крайней мѣрѣ, у насъ, поповскiе доходы, видно изъ того, какую низкую плату получаютъ попы за службу. За совершенiе ежемѣсячно водосвятiя на скотномъ дворѣ я плачу въ годъ три рубля, слѣдовательно, за каждый прiѣздъ попамъ приходится 25 коп. Эти 25 коп. дѣлятся на 9 частей, слѣдовательно на каждую часть приходится по $2^3/_4$ копѣйки ($^1/_4$ копѣйки останется ежемѣсячно). Священникъ получаетъ четыре части, значитъ 11 копѣекъ дьяконъ двѣ части, значитъ $5^1/_2$ копѣекъ, три дьячка по одной части, слѣдовательно, по $2^3/_4$ копѣйки, каждый. Такимъ образомъ, дьячекъ, прiѣзжающiй изъ села за семь верстъ, получаетъ за это всего $2^3/_4$ копѣйки. Положимъ, что попы объѣдутъ за разъ, въ одинъ день, три помѣщичьихъ дома и совершатъ три водосвятiя, при этомъ имъ придется сдѣлать 25 верстъ, то и при такихъ благопрiятныхъ условiяхъ дьячекъ заработаетъ $8^1/_4$ копѣекъ, дьяконъ—$16^1/_2$ коп. и самъ священникъ—33 копѣйки. Я привелъ эти цифры, чтобы показать, какъ незначительны доходы поповъ въ нашей мѣстности. Отъ крестьянъ попы, разумѣется, получаютъ болѣе. У крестьянъ службы не совершаются ememѣсячно, но два или три раза въ годъ попы обходятъ всѣ дворы. На Святой, напримѣръ, попы обходятъ всѣ дворы своего прихода и въ каждомъ дворѣ совершаютъ одну, двѣ, четыре службы, смотря по состоянiю крестьянина — на рубль, на семь гривенъ, на полтинникъ, на двадцать копѣекъ—это ужъ у самыхъ бѣдняковъ, напримѣръ, у бобылекъ, бобылей. Разсчетъ дѣлается или тотчасъ, или по осени, если крестьянину нечѣмъ уплатить за службу на Святой, Относятся здѣшнiе попы, въ этомъ отношенiи, гуманно и, у насъ по крайней мѣрѣ, не прижимаютъ. Разумѣется, кромѣ денегъ, получаютъ еще яйца и всю недѣлю, странствуя изъ деревни въ деревню, кормятся. Такъ какъ службы совершаются быстро и въ утро попы

легко обойдутъ семь дворовъ (у насъ это уже порядочная деревня), то на Святой ежедневный заработокъ порядочный, но, все-таки, доходъ въ суммѣ ничтожный. Понятно, что, при такихъ скудныхъ доходахъ, попы существуютъ, главнымъ образомъ, своимъ хозяйствомъ, и потому, если дьячекъ, напримѣръ, плохой хозяинъ, то ему пропадать надо. Я замѣтилъ, что причетники, въ особенности пожилые, всегда самые лучшіе хозяева—подборъ совершается, какъ и во всемъ.

Ѣзжу иногда къ помѣщикамъ или, лучше сказать, къ помѣщицамъ, потому что теперь въ помѣстьяхъ остались по преимуществу барыни, которыя и ведутъ хозяйство. Сначала я толковалъ съ помѣщиками все больше о хозяйствѣ, которое для насъ дѣло самое интересное, потому что какое-же намъ дѣло до политики, не все-ли намъ равно, здоровъ принцъ Вельскій или нѣтъ, какое намъ дѣло до того, кто лучше поетъ, Лукка или Шнейдеръ, какое намъ дѣло, чьего изобрѣтенія гороховая колбаса питательнѣе и т. п.; но скоро я убѣдился, что говорить съ помѣщиками о хозяйствѣ совершенно безполезно, потому что они, большею частью, очень мало въ этомъ дѣлѣ смыслятъ. Не говорю уже о теоретическихъ познаніяхъ — до сихъ поръ я еще не встрѣтилъ здѣсь ни одного хозяина, который бы зналъ, откуда растеніе беретъ азотъ или фосфоръ, который бы обладалъ хотя самыми элементарными познаніями въ естественныхъ наукахъ и сознательно понималъ, что у него совершается въ хозяйствѣ—но и практическихъ знаній, вотъ что удивительно, нѣтъ. Ничего нѣтъ, понимаете. Мужикъ хоть практику понимаетъ и здравый смыслъ въ дѣлѣ хозяйства имѣетъ. Есть нѣкоторые, которые занимаются хозяйствомъ или, лучше сказать, разоряются *по агрономіи,* какъ у насъ говорятъ (здѣсь у практиковъ мелкопомѣстныхъ хозяевъ сложилось убѣжденіе, что кто занимается по агрономіи, тотъ непремѣнно разорится, какъ это обыкновенно и бываетъ), то есть, нахватавшись внѣшнихъ формъ такъ-называемаго раціональнаго хозяйства изъ разныхъ книжекъ, преимущественно, кажется, изъ „Земледѣльческой Газеты", вводятъ разныя новости: машины ненужныя выписываютъ, турнипсы и лупины сѣютъ. Разумѣется, ничего путнаго не выходитъ, а если нѣкоторые изъ такихъ агрономовъ еще держатся, то только благодаря отрѣзкамъ, лѣсамъ и старому заведенію. О хозяйствѣ, значитъ, говорить много не приходится, развѣ только цѣны узнаешь, про ходъ дѣлъ у сосѣда спросишь.

На станцію желѣзной дороги ѣзжу. Тамъ, въ 100 саженяхъ отъ вокзала, есть постоялыкъ, вѣчно наполненный народомъ — покупателями и продавцами дровъ, прикащиками, пріемщиками дровъ, дровокладами, возчиками. Этотъ постоялыкъ—нашъ Дюссо, съ тою только

разницей, что, вмѣсто того, чтобы слышать, какъ у Дюссо, comme elle se gratte les hanches et les jambes — здѣсь вѣчно слышимъ: по пяти взялъ за швырокъ. Безъ 20-ти семь продали на мѣстѣ. Онъ мнѣ 70 за десятину; извольте, говорю.

Вся наша торговля сосредоточивается на дровахъ. Теперь только и разговору о продажахъ лѣса. Вся станція завалена дровами, всѣ вагоны наполнены дровами, по всѣмъ дорогамъ къ станціи идутъ дрова, во всѣхъ лѣсахъ на двадцать верстъ отъ станціи идетъ пилка дровъ. Лѣсъ, который до сихъ поръ не имѣлъ у насъ никакой цѣны, пошелъ въ ходъ. Владѣльцы лѣсовъ, помѣщики, поправили свои дѣла. Дрова дадутъ возможность продержаться еще десятокъ лѣтъ даже тѣмъ, которые ведутъ свое хозяйство по агрономіи; тѣ-же, которые поблагоразумнѣе, продавъ лѣса, купятъ билетики и будутъ жить процентами, убѣдившись, что не господское совсѣмъ дѣло заниматься хозяйствомъ. Несмотря на капиталы, приплывшіе къ намъ по желѣзной дорогѣ, хозяйство нисколько не улучшается, потому что одного капитала для того, чтобы хозяйничать, недостаточно.

Вотъ такъ-то. Сижу я все у себя въ деревнѣ, никуда далѣе 15-ти верстъ не ѣзжу, и даже въ своемъ городѣ уѣздномъ былъ всего только одинъ разъ. Понятно, что я ни о чемъ другомъ, кромѣ хозяйства, писать не могу.

Я сказалъ, что постоянно сижу въ своей деревнѣ и далѣе 15-ти верстъ никуда не ѣзжу... Не хочу грѣшить,—разъ былъ въ сосѣднемъ уѣздѣ на съѣздѣ земскихъ избирателей для выбора гласныхъ отъ землевладѣльцевъ. Поѣхалъ я на этотъ съѣздъ потому, что хотѣлъ повидаться съ моими родственниками и знакомыми — я самъ родомъ изъ того уѣзда,—которые должны были собраться на съѣздъ. На съѣздѣ ничего интереснаго не было. Выбирали гласныхъ. Прочитаютъ имя, отечество и фамилію, закричатъ: „просимъ, просимъ", и начинаютъ класть шары; кому много накидаютъ, кому мало. Впрочемъ, еслибы на съѣздѣ и было что нибудь интересное, то я не могъ бы замѣтить, потому что, сами посудите: меня звалъ пріѣхать на съѣздъ одинъ богатый родственникъ, который и прислалъ за мною лошадей въ приличномъ экипажѣ съ кучеромъ. Къ вечеру я пріѣхалъ къ родственнику. Поужинали, рейнвейну, бургунскаго выпили; еще есть и у насъ помѣщики, у которыхъ можно найти и эль, и рейнвейнъ, и бутылочку-другую шипучаго. На другой день встали на зарѣ и отправились. Отъѣхавъ верстъ 12-ть—холодно, потому что дѣло было въ сентябрѣ—выпили и закусили. На постояломъ дворѣ, гдѣ насъ ожидала подстава, пока перепрягали, выпили и закусили. Не доѣзжая верстъ восемь до города, нагнали стараго знакомаго,

мироваго посредника, сейчасъ коверъ на землю—выпили и закусили. Въ городъ мы прiѣхали къ обѣду и остановились въ гостинницѣ. Разумѣется, выпили и закусили передъ обѣдомъ (непрошеная). Къ обѣду, за table d'hôte (каковы мы,—настоящая Европа!) собралось много народу, все богатые помѣщики (и какъ одѣты! какiя бархатныя визитки!). За обѣдомъ, разумѣется, выпили. Послѣ обѣда пуншъ, за которымъ просидѣли вечеръ. Поужинали—выпили. На другой день было собранiе. Выборъ гласныхъ происходилъ въ довольно большой залѣ, въ верхнемъ этажѣ гостинницы, въ той залѣ, гдѣ бываетъ table d'hôte. Черезъ комнату отъ залы собранiя буфетъ, гдѣ можно выпить и закусить; что значитъ образованiе! тутъ-же, подлѣ, и буфетъ устроенъ, потому что безопасно, никто не напьется! А посмотрите у мужиковъ: здѣсь волостное правленiе, а кабакъ долженъ быть отставленъ на 40 саженъ, потому, говорятъ, нельзя иначе,—мужикъ сейчасъ напьется, если кабакъ будетъ рядомъ съ волостью, а тутъ, все-таки же, сорокъ саженъ нужно пройти. Выборы продолжались далеко за полночь. Обѣдать было некогда и негдѣ, все закусывали. На другой день были выборы кандидатовъ въ гласные. Послѣ выбора кандидатовъ обѣдали настоящимъ образомъ и пили хорошо. На третiй день ничего не было по части общественныхъ дѣлъ, но вечеромъ въ той-же залѣ былъ балъ. Танцовали. Ужинали. Пили. Я боюсь, однако, чтобы мое выраженiе „выпили" не было принято дурно. Оговорюсь: пилъ собственно я, да еще два-три человѣка, а другiе были заняты *серьезнымъ* дѣломъ — выборами гласныхъ.

На четвертый день былъ съѣздъ мировыхъ судей. Боже мой, что это за великолѣпiе и какая разница отъ присутственныхъ мѣстъ! Большая, свѣтлая, великолѣпная зала, превосходная мебель для публики, мѣсто, гдѣ возсѣдаетъ судъ, отдѣлано великолѣпно, судьи всѣ въ блестящихъ мундирахъ, украшены орденами и разными знаками — все бывшiе дѣятели, въ ополченьи, при освобожденiи крестьянъ, въ западномъ краѣ. Отлично. Разбиралось дѣло какого-то мужика, который укралъ лошадь. Мужиченко небольшой, въ лаптяхъ, въ худомъ зипунишкѣ, представлялъ такой контрастъ съ великолѣпiемъ суда—это и хорошо: великолѣпiе поселяетъ въ массахъ уваженiе къ предмету; заграницей университетъ и вообще учебныя заведенiя, большею частью, суть самыя великолѣпныя зданiя въ городахъ. Но то-то, я думаю, мужику страшно было. Бѣда, вѣдь, это, крый Господи, подъ судъ попасть. Стоитъ мужикъ — его съ одной стороны, его съ другой, и все это такъ вѣжливо „вы" (а это еще страшнѣе). Прокуроръ сталъ мнѣнiе подавать—этотъ посердитѣе говоритъ. Ушли, потомъ опять при-

шли: въ тюрьму, говорятъ; однако сроку сбавили. Другого подавай. Отлично.

Удивительно это хорошая вещь новое судопроизводство. Главное дѣло хорошо, что скоро. Годъ, два человѣкъ сидитъ, пока идетъ слѣдствіе и составляется обвинительный актъ, а потомъ вдругъ судъ и въ одинъ день все кончено. Обвинили: пошелъ опять въ тюрьму — теперь уже это будетъ наказаніе, а что прежде отсидѣлъ, то не было наказаніе, а только мѣра для пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія. Оправдали — ты свободенъ, живи гдѣ хочешь, разумѣется, если начальство позволитъ. Отлично.

III.

Сентябрь. Бабье лѣто наступило. Лѣсъ расцвѣтился пестрыми красками, листъ на деревьяхъ сдѣлался жестокъ и шумитъ по осеннему, но еще не тронулся — морозовъ не было. Небо сѣро, моросить осенній мелкій дождичекъ, солнышко если и выглянетъ, то сквозь туманъ, и свѣтитъ, и грѣетъ плохо. Мокро; но это слава Богу, потому что „коли бабье лѣто ненастно—осень сухая". Со дня на день ждемъ морозовъ: мы въ деревнѣ всегда чего нибудь ждемъ: весною ждемъ перваго теплаго дождика, осенью — перваго мороза, перваго снѣга; хоть морозъ намъ вовсе не нуженъ, но нельзя же осенью безъ мороза, какъ-то неспокойно, что нѣтъ мороза; все думается, не было бы отъ этого худа. Через-чуръ что-то хорошо нынче: весна стала съ первыхъ чиселъ апрѣля, осень еще не началась въ сентябрѣ, пять мѣсяцевъ не было морозовъ. Къ добру ли это? ворчитъ „старуха", — нѣтъ, нѣтъ морозовъ, а потомъ какъ хватитъ! Все Божья воля, прибавляетъ она, спохватившись, что не слѣдуетъ роптать... все Божья воля: Богъ не безъ милости,—онъ, милосердный, лучше насъ знаетъ, что къ чему.

Но вотъ и бабье лѣто кончилось. Прошли „Ѳедоры — зомочи хвосты". Уже и по календарю наступила осень, а морозовъ настоящихъ все нѣтъ какъ нѣтъ,—скучно даже. Наконецъ, на Вздвиженіе ударилъ настоящій морозъ; ночью сильно прихватило. Проснулся по утру—свѣтло, ясно, весело. Смотрю въ окно—все бѣло, подсолнечники уныло опустили головы, листъ на настурціяхъ, бобахъ, ипомеяхъ почернѣлъ—только горошки и лупины еще стоятъ. После мороза лѣсъ пошелъ быстро оголяться: тронулась липа, осина; еще морозъ—пошла и береза. Листъ такъ и летитъ; съ каждымъ днемъ въ рощахъ все дѣлается свѣтлѣе и свѣтлѣе; опавшій листъ шумитъ подъ ногами;

лѣтнія птицы отлетѣли, зимнія сбились въ стаи; заяцъ началъ бѣлѣть; около дома появились первыя зимнія гостьи—синички.

Удивительный нынче годъ! въ концѣ сентября опять вернулось лѣто. Вотъ уже нѣсколько недѣль стоитъ великолѣпная погода: небо ясно—ни облачка, солнце печетъ какъ въ покосъ, только по вечерамъ чувствуется, что дѣло идетъ не на лѣто, а на зиму. Передъ Казанской прихватило было, но потомъ опять отпустило, и скотъ еще послѣ Родительской ходитъ въ полѣ.

Какъ попривыкнешь, хорошо въ деревнѣ и осенью—вольно, главглавное.

Съ полей давно уже убрались. Лошадямъ приволье—бродятъ неспутанныя, гдѣ хотятъ. Народъ веселъ — хлѣбъ родился хорошо, тяжелыя полевыя работы окончены. Конечно, мужикъ и теперь не безъ работы, но день малъ, а ночь длинна—не такъ утомляется на работѣ днемъ и есть когда отдохнуть ночью; хлѣбъ чистый, вольный. Съ огородовъ и овиновъ несутся звуки веселыхъ осеннихъ свадебныхъ пѣсенъ; бабы уже рѣшили, кто на комъ долженъ жениться, и въ пѣсняхъ, по своему усмотрѣнію, сочетаютъ имена парней и дѣвокъ, которымъ пора жениться нынѣшней осенью.

Въ комнатахъ—сейчасъ видно, что осень—господствуетъ тотъ особенный запахъ, который вы ощущаете осенью, входя на постоялый дворъ или въ чистую избу зажиточнаго мужика, попа, мѣщанина, — запахъ лука, гороха, укропа и т. п. Въ одномъ углу навaленъ лукъ, въ другомъ, на рядинахъ, дозрѣваютъ бобы, сѣмена настурцій. Въ столовой весь полъ заваленъ кукурузой, подсолнечниками—все это у насъ нынче выспѣло. На окнахъ, на столахъ, на полкахъ разложены цвѣточныя и огородныя сѣмена, образчики сѣна, льна, хлѣбовъ. Стѣны увѣшаны пучками укропа, тмина, петрушки.

Идетъ уборка огороднаго. Авдотья совсѣмъ про меня забыла; она до такой степени занята „огороднымъ“ и льномъ — на обязанности Авдотьи лежитъ брать „спытки“ льну со стлища и опредѣлять „лежился ли ленъ“ — что готова оставить меня безъ обѣда. Забѣжитъ по утру.

— Я вамъ, А. Н., сегодня щи съ бараниной сдѣлаю.

— А еще что?

— Баранины зажарю.

— Да ты бы, Авдотья, хоть утку съ рыжиками сдѣлала, а то все баранина да баранина.

— Какъ прикажете, начинаетъ сердиться Авдотья:—вы всегда не во-время загадаете: сегодня бабы пришли капусту рубить, а тутъ утку... Воля ваша, какъ прикажете, только насчетъ огороднаго не

спрашивайте. Извольте, утку сдѣлаю, а ужъ капусту, значитъ, оставимъ. Понапрасну только пироги пекли.

— Ну, хорошо, хорошо, жарь баранину, да только не забудь чесночкомъ нашпиговать.

— Не забуду, весело отвѣчаетъ Авдотья и торопливо убѣгаетъ въ застольную, откуда черезъ минуту слышится ея звонкій голосъ:— вы, бабочки, идите капусту возить, а я сейчасъ, только спытокъ сомну.

Черезъ какихъ нибудь полчаса, Авдотья уже прибѣгаетъ ко мнѣ съ двумя горстями льну.

— Какой это ленъ?

— Трощенковъ. Вчера спытокъ взяла; по моему, лежился; особенно, который побуйнѣйшій. Мелкій-то еще не совсѣмъ, а буйный хорошо лежился—сами извольте посмотрѣть.

— Что-жъ, подымать будемъ.

— Воля ваша, а по моему пора подымать — еще въ кладкѣ что нибудь дойдетъ—послабѣетъ.

Авдотья бѣжитъ на огородъ, откуда опять слышится ея голосъ:

— Вы, бабочки, какъ свезете капусту, позавтракайте, да и начинайте рубить, а я сейчасъ, только барину кушанье сготовлю.

Авдотья готовитъ кушанье, но мысли ея далеко—въ избѣ, гдѣ рубятъ капусту. Какъ только кушанье готово, она чуть не въ одиннадцать часовъ утра подаетъ, обѣдать, и не дождавшись, пока я кончу обѣдъ, предоставивъ все убрать Савельичу, бѣжитъ въ застольную угощать бабъ водкой и пирогами, потому что бабы пришли убирать огородное „изъ чести“. До обѣда было тихо, но, выпивъ водки и пообѣдавъ, бабы, работая, „кричатъ“ пѣсни. Долго послѣ солнечнаго заката, до поздней ночи, изъ избы несется мѣрный стукъ сѣчекъ и слышатся звонкія пѣсни.

Зеленая рутушка, желтый цвѣтъ,
Что тебя, Сидорка, долго нѣтъ,
Давно тебя Анисья къ себѣ ждетъ...

поютъ бабы. Бабы рѣшили, что Сидоръ, молодой парень изъ сосѣдней деревни, служащій у меня въ качествѣ кучера, огородника, мясника — онъ рѣжетъ телятъ и барановъ — и вообще по особымъ порученіямъ, непремѣнно долженъ въ нынѣшнемъ году жениться, потому что, за выходомъ замужъ Сидоровой сестры, въ его дворъ нужна работница. Бабы рѣшили, что Сидоръ долженъ жениться на молодой дѣвушкѣ изъ той же деревни, Анисьѣ, которой въ нынѣшнемъ году тоже слѣдуетъ выходить замужъ. Сидоръ, слушая пѣсни, ничего, только ухмыляется, но одна изъ моихъ работницъ солдатка,

которая находится съ Сидоромъ въ интимныхъ отношеніяхъ, не можетъ скрыть своей досады. Бабы это замѣчаютъ и съ особеннымъ наслажденіемъ „точатъ“ солдатку. Прокричавъ „рутушку“, бабы заводятъ:

Переманочка уточка
Переманила селезня
На свое озеро плавати.
Но не я жъ-то его манила,
Самъ ко мнѣ селезень прилетѣлъ,
На меня, утицу, глядючи,
На мои тихіе наплывы,
На мои сѣрыя перушки,
На сизыя крылушки.
Перепросочка Анисья
Перепросила Сидора
На свою улицу гуляти.
Нѣтъ, не я его просила.
Самъ молодецъ ко мнѣ пришелъ,
На меня дѣвицу глядючи и т. т.

Солдатка изъ себя выходитъ. Сказать бабамъ ничего нельзя, придраться не къ чему, а бабы, понимая это, такъ и пробираютъ, такъ и пробираютъ: Анисья-то и молода, Анисья-то и хороша, Анисья-то Сидору подъ пару, толкуютъ бабы и опять заводятъ пѣсню. Въ какихъ нибудь двѣ недѣли капустенскихъ вечеровъ, солдатка, женщина тихая и добрая, озлобилась до такой степени, что и не подходи къ ней: взбѣсилась, какъ говоритъ Авдотья, похудѣла, почернѣла; со всѣми ссорится, бранится, придирается къ пустякамъ, а не на комъ сорвать злобу, такъ мучитъ свою грудную дочку — плодъ преступной любви. Совсѣмъ одурѣла баба, да оно, впрочемъ, и понятно. Дошло до того, что солдатка пришла наконецъ ко мнѣ просить разсчета...

— Пожалуйте мнѣ разсчетъ, А. Н. Всѣмъ я вами довольна, а жить больше не могу. Обижаютъ меня всѣ.

— Кто-жъ тебя обижаетъ?

— Всѣ обижаютъ, старуха обижаетъ,—все не такъ, говоритъ, дѣлаю; скотница обижаетъ; всѣ обижаютъ.

— Изволь.

Солдатка въ слезы — и плачетъ, и злится. Жалко мнѣ ея стало: ужь, должно быть, хорошо ее бабы пробрали, если она рѣшилась уйти и разстаться съ Сидоромъ.

Призываю Авдотью.

— Что это, спрашиваю, съ солдаткой?

— Богъ ее знаетъ. Взбѣсилась. И сердишься на нее, и жалко.

Просто съ ума сошла. Вчера дочку въ хлѣвѣ бросила посреди коровъ. Пропадай она, говоритъ,—мнѣ все равно. Еще чего не сдѣлала бы.

— Да съ чего это съ ней стало?

— Совсѣмъ одурѣла, отъ дѣла отбилась, злится все.

— Это все ваши пѣсни.

— Ну, конечно. Да вѣдь нельзя же, А. Н., ротъ другому зажать, а и Сидору не оставаться же холостымъ.

— Да какое же вамъ, бабамъ, до этого дѣло?

— А вотъ—хотятъ, поютъ; что же она бабамъ подѣлаетъ? такъ вотъ ее и испугались! Она себѣ злись! начинаетъ сердиться Авдотья.

Кое-какъ успокоилъ солдатку, обѣщалъ дать черезъ недѣлю разсчетъ; потомъ дѣло уладилось, кончилась уборка капусты, бабы перестали къ намъ собираться и солдатка успокоилась. Теперь весела, добра и разсчета не спрашиваетъ.

Во время уборки огорода, Авдотья совсѣмъ меня вытѣснила, точно не я и хозяинъ; дошло до того, что она уже и въ домъ переѣхала съ своей капустой. Просыпаюсь разъ по утру, слышу какой-то шумъ за стѣной, таскаютъ что-то, передвигаютъ.

— Что это? спрашиваю Авдотью.

— А капусту будемъ въ кухнѣ рубить.

— Какую капусту?

— Бѣлую; будемъ шинковать и рубить бѣлую капусту, для васъ. Въ застольной грязно, а для васъ нужно почище сдѣлать — я вотъ и надумалась въ кухнѣ рубить.

— А я-то куда дѣнусь?

— Въ поле пойдете теперь, а вечеромъ что же вамъ все однимъ сидѣть. Весело будетъ: бабы пѣсни играть будутъ,—я самыхъ лучшихъ игрицъ позвала, „Селезня“ съиграемъ.

— А споете: „Чтобы рожь была колосиста, чтобы моя жена стоючи жала, спины не ломала“? смѣюсь я.

— Сыграемъ и эту. Авдотья на все согласна, лишь бы я не запретилъ шинковать капусту въ домѣ: ей ужасно хочется, чтобы капуста у насъ вышла хорошая, не хуже чѣмъ у сосѣднихъ помѣщицъ.

Я, разумѣется, разрѣшилъ рубить капусту въ домѣ. Авдотья заняла всѣ комнаты и готова была даже въ мой кабинетъ поставить какую-нибудь кадку, но кабинетъ я отстоялъ. Вечеромъ было весело. Въ чистыхъ двухъ комнатахъ Авдотья засадила дѣвочекъ лущить бобы и перебирать лукъ; въ кухнѣ, на Авдотьиной половинѣ, шинковали и рубили капусту. Бабы и дѣвочки пѣли пѣсни и, наконецъ, покончивши съ капустой, плясать пустились. Всѣмъ распоряжалась Авдотья, и даже ея мужъ, староста Иванъ, ни во что не вмѣши-

вался, потому что капуста — бабье дѣло. Все вышло очень хорошо; нарубили и нашинковали двѣ огромныхъ кадки, которыя и поставили въ кухнѣ. На другой день я уѣхалъ въ гости и возвратился черезъ нѣсколько дней. Вхожу въ комнаты—вонь страшнѣйшая, продохнуть нельзя.

— Что это у тебя, Авдотья, такъ воняетъ въ комнатахъ?

— Помилуй Господи!

— Вѣдь войти въ домъ нельзя.

— Не знаю. Ничего такого нѣтъ, развѣ капустой пахнетъ, капуста закисаетъ, бруда идетъ. А то ничего нѣтъ.

Дѣйствительно, это капуста закисала.

Все „огородное" бабы изъ двухъ сосѣднихъ деревень убирали у меня „изъ чести"; только картофель убирали „за потравы".

Работа „изъ чести", толокой, производится даромъ, безплатно; но, разумѣется, должно быть угощеніе, и конечно, прежде всего водка. Загадавъ рубить капусту, чистить бураки и пр., Авдотья приглашаетъ, „проситъ" бабъ придти на „помочи". Отказа никогда не бываетъ: изъ каждаго двора приходитъ по одной, по двѣ бабы, съ ранняго утра. Берутъ водки, пекутъ пироги, заготовляютъ обѣдъ получше, и если есть изъ чего, то непремѣнно дѣлаютъ студень—это первое угощеніе. „Толочане" всегда работаютъ превосходно, особенно бабы—такъ, какъ никогда за поденную плату работать не станутъ. Каждый старается сдѣлать какъ можно лучше, отличиться, такъ сказать. Работа сопровождается смѣхомъ, шутками, весельемъ, пѣснями. Работаютъ какъ бы шутя, но, повторяю, превосходно, точно у себя дома. Это даже не называется работать, а „помогать". Баба изъ зажиточнаго двора, особенно теперь, осенью, за деньги работать на поденщину не пойдетъ, а „изъ чести", „на помощь", „въ толоку", придетъ и будетъ работать отлично, вполнѣ добросовѣстно, по-хозяйски, еще лучше, чѣмъ баба изъ бѣднаго двора, потому что въ зажиточномъ дворѣ у хорошаго хозяина и бабы въ порядкѣ, умѣютъ все сдѣлать, да и силы больше имѣютъ, потому что живутъ на хорошемъ харчѣ. Нельзя даже сказать, чтобы именно водка привлекала, потому что приходятъ и такія бабы, которыя водки не пьютъ; случается даже, что приходятъ безъ зову, узнавъ, что есть какая нибудь работа. Конечно, все это происходитъ оттого, что мужикъ и теперь всегда въ зависимости отъ сосѣдняго помѣщика: мужику и дровецъ нужно, и лужокъ нуженъ, и „уруга" (выгонъ) нужна, и деньжонокъ перехватить иногда, можетъ быть, придется, и посовѣтываться, можетъ быть, о чемъ нибудь нужно будетъ, потому что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ—вдругъ, крый Гос-

поди, къ суду какому нибудь притянутъ—какъ же не оказать при случаѣ уваженіе пану! И въ деревнѣ вѣдь то же самое: къ богатому мужику всѣ „изъ чести“ пойдутъ на толоку, потому что нельзя же—то за тѣмъ, то за другимъ придется къ нему обратиться. Я замѣтилъ, что чѣмъ богаче деревня, чѣмъ зажиточнѣе и замысловатѣе крестьяне, тѣмъ болѣе стараются они о хорошихъ отношеніяхъ къ помѣщику, ближайшему сосѣду. Зажиточный мужикъ всегда вѣжливъ, почтителенъ, готовъ на всякія мелкія услуги—что ему значитъ прислать бабу на день, на два въ такое время, когда полевыя работы окончены? Конечно, онъ не возьмется работать за безцѣнокъ, но если цѣна подходящая, выгодная и онъ взялъ работу, то работаетъ превосходно.

Когда я, два года тому назадъ, пріѣхалъ въ деревню, то первую же весну, разливомъ рѣки, у меня промыло плотину и такъ испортило дорогу, что я, какъ петербуржецъ, думалъ, что по ней и ѣздить нельзя. Конечно, я скоро убѣдился, что можно ѣздить по всякой дорогѣ, потому что, если нельзя проѣхать въ телегѣ, то можно проѣхать на передкѣ—весною обыкновенно крестьяне ѣздятъ на тележномъ передкѣ, на ось котораго ставится небольшая корзинка—а верхомъ, или пройти пѣшкомъ всегда можно; но тогда, когда я былъ еще вновѣ, услыхавъ, что староста предлагаетъ проѣзжему помѣщику, который желалъ перебраться на ту сторону рѣки, переѣхать на нашей лошади верхомъ, причемъ убѣждалъ, что это совершенно безопасно, потому что лошадь умна, осторожна, привычна, знаетъ дорогу и переплыветъ гдѣ глубоко,—я былъ крайне смущенъ и порѣшилъ, тотчасъ какъ спадетъ вода, поправить дорогу и задѣлать прорву въ плотинѣ. По моему разсчету, для поправки плотины и дороги не пошло бы болѣе двадцати кубовъ земли и, если взять землекоповъ, грабаровъ, какъ ихъ здѣсь называютъ, то работа обошлась бы рублей тридцать; но землекоповъ вблизи не было, а мнѣ, какъ петербуржцу, казалось, что нельзя оставлять дорогу въ такомъ видѣ и необходимо исправить ее тотчасъ же, а потому я пригласилъ сосѣднихъ крестьянъ и предложилъ имъ взять на себя эту работу. Крестьяне запросили за работу сто рублей. Я предлагалъ тридцать, предлагалъ пятьдесятъ, отказались наотрѣзъ: менѣе 100 рублей не пойдемъ, говорятъ. Ну, думаю, прижимаютъ. Знаютъ, что негдѣ взять землекоповъ, и потому жмутъ: я вѣдь тогда все воображалъ, что дорогу-то непремѣнно нужно тотчасъ чинить и что крестьяне, зная это, потому и прижимаютъ. Теперь, когда я пишу эти строки, мнѣ даже смѣшны мои тогдашнія волненія, потому что, если теперь испортилась дорога, я уже хладнокровно говорю: придетъ лѣто, дастъ Богъ хорошую погоду, дорога сама исправится, а теперь чини кто хочетъ.

Да и кто же весной ѣздитъ? зачѣмъ въ такую пору ѣздить. Къ мировому привлечь могутъ—привлекай,—чтожъ? можно и къ мировому, мировой тоже человѣкъ, понимаетъ, что я противъ стихіи Божьей не властенъ. Мировой! а развѣ у него въ имѣніи дорога лучше моей? Извѣстное дѣло, проселочная дорога—проѣхать можно. Кое-какъ поладимъ, въ телегѣ проѣхать можно—живетъ. Да и зачѣмъ намъ такая дорога, чтобы удобно было въ каретахъ ѣздить, когда во всемъ околодкѣ существуютъ кареты у двухъ-трехъ человѣкъ, да и то старыя, до „Положенья“ построенныя. Да и что значитъ „починить“ проселочную дорогу? въ какой именно видъ ее привести? Чтобы въ каретахъ на лежачихъ рессорахъ можно было ѣздить? Но если всѣ проселочныя дороги держать въ такомъ порядкѣ, то и пахать некому будетъ: всѣмъ придется постоянно сидѣть на дорогахъ и ихъ чинить. Но если некому будетъ пахать, не будетъ ни у кого и каретъ,—зачѣмъ же тогда дороги чинить? Хочешь въ каретахъ ѣздить—чини самъ, а мы на колесахъ — есть такой экипажъ, который называется „колеса“, потому что въ немъ, кромѣ колесъ, ничего нѣтъ—вездѣ проѣдемъ. Разумѣется, когда начальство ѣдетъ: губернаторъ, архіерей, исправникъ—тогда, понятно, слѣдуетъ уваженіе оказать, дорогу починить, тогда не то, что худую, а и хорошую дорогу починимъ! Повторяю, теперь я привыкъ ко всему этому; знаю, что осенью и весной ѣздить не слѣдуетъ, да и лѣтомъ, отправляясь въ дорогу, нужно перекреститься—но тогда, вновѣ, я ужасно волновался. Нужно чинить дорогу—а за починку требуютъ несообразную цѣну—сто рублей. Что тутъ дѣлать? крестьяне такъ и уперлись на ста рубляхъ.

На другой день, приходитъ ко мнѣ одинъ крестьянинъ, съ которымъ первымъ я сошелся по пріѣздѣ въ деревню. Крестьянинъ этотъ въ крѣпостное время былъ взятъ изъ деревни въ дворню и служилъ при мнѣ въ „мальчикахъ“ въ домѣ, гдѣ я воспитывался до пятнадцати лѣтъ. Въ малолѣтствѣ мы были друзьями и когда-то вмѣстѣ играли, бѣгали, дрались. Потомъ меня свезли въ Петербургъ, а Степка попалъ въ поваренки, былъ поваромъ, служилъ при одномъ изъ молодыхъ господъ, съ которымъ, какъ онъ выражался, отломалъ два похода: венгерскій и крымскій. Послѣ крымской войны, Степанъ получилъ вольную, служилъ долго въ Петербургѣ при одной изъ гимназій, наконецъ, заболѣлъ, пролежалъ восемь мѣсяцевъ въ больницѣ и, поправившись, по совѣту доктора, отправился въ деревню—дворъ его зажиточный,—въ нѣсколько лѣтъ сдѣлался ствершеннымъ крестьяниномъ, научился пахать, косить, рубить. Человѣкъ онъ былъ—нынѣшей зимой онъ умеръ—очень умный, добросовѣстный работникъ, отличный хозяинъ, понаметался около людей, все хорошо понималъ

и пользовался громаднымъ уваженіемъ въ деревнѣ. Когда я пріѣхалъ въ деревню, Степанъ явился ко мнѣ поздравить съ пріѣздомъ: я ему очень обрадовался, стали мы припоминать старое время, какъ вмѣстѣ лазили на голубятню, вмѣстѣ воровали вишни и дразнили стараго садовника Осипа. Я, конечно, угостилъ Степана и водочкой, и чайкомъ. Потомъ Степанъ иногда навѣдывался ко мнѣ по праздникамъ вечеркомъ покалякать: пили чай, болтали о Петербургѣ, о старомъ и новомъ времени, о хозяйствѣ. Степанъ много мнѣ разъяснилъ изъ деревенскихъ отношеній, много далъ хорошихъ совѣтовъ. „Теперь еще лучше можно хозяйничать, чѣмъ прежде, когда были крѣпостные, говаривалъ Степанъ:—теперь все стало дороже, особенно какъ дорогу провели; вы не опасайтесь, что будетъ недостатокъ въ рабочихъ, не бойтесь, что земля запустуетъ—все обработаютъ; дѣлайте такъ, чтобы и вамъ было выгодно, и мужику было выгодно, тогда у васъ все пойдетъ хорошо.

— Да какъ же это сдѣлать?

— Хозяиномъ нужно быть для этого. Коли сдѣлаетесь хозяиномъ, такъ и будетъ все хорошо, а если хозяиномъ не можете сдѣлаться, такъ не стоитъ и въ деревни жить. По-деревенски только все дѣлайте, а не по-петербургски. Здѣсь иначе нельзя, сами увидите.

Послѣ разговора съ крестьянами на счетъ поправки плотины и дороги, на другой день Степанъ пришелъ ко мнѣ и принесъ зайца.

— Я вотъ зайца убилъ, А. Н., вамъ принесъ — русачокъ.

— Спасибо, вотъ и отлично, самъ его и зажаришь, вмѣстѣ и закусимъ.

Степанъ зажарилъ зайца, выпили, сѣли закусить и, разумѣется, разговорились о прорывѣ плотины. Я жаловался, что крестьяне прижимаютъ и требуютъ сто рублей за такую работу, которая стоитъ много тридцать рублей.

— Не такъ вы сдѣлали, А. Н., заговорилъ Степанъ.—Вы все по-петербургски хотите на деньги дѣлать; здѣсь такъ нельзя.

— Да какъ же иначе?

— Зачѣмъ вамъ нанимать? Просто позовите на толоку; изъ чести къ вамъ всѣ пріѣдутъ, и плотину, и дорогу поправятъ. Разумѣется, по стаканчику водки поднесете.

— Да вѣдь проще, кажется, за деньги работу сдѣлать? Чище разсчетъ.

— То-то, оно проще по-нѣмецки, а по-нашему выходитъ не проще. По-сосѣдски, намъ не слѣдуетъ съ васъ денегъ брать, а „изъ чести" всѣ пріѣдутъ,—повѣрьте моему слову.

— Хорошо, положимъ, я толоку сдѣлаю... нужно угощеніе хо-

рошее, а ты самъ знаешь,—у меня никакого заведенія нѣтъ, столовъ даже нѣтъ.

— Ничего этого не нужно. Всѣ знаютъ, что у васъ еще нѣтъ заведенія, и потому пріѣдутъ по-завтракавши дома; вы имъ поднесете по стаканчику водки — самимъ вамъ нужно, какъ хозяину, на работу придти. Тутъ дѣло не въ водкѣ—„изъ чести“ пріѣдутъ; водки для того только нужно, чтобы веселѣе было работать.

— Мнѣ кажется, гораздо проще за деньги дѣлать. Теперь такое время, что работъ полевыхъ нѣтъ, все равно на печи пролежатъ. Цѣну вѣдь я даю хорошую?

— Конечно, цѣна хороша, да мужикъ-то „изъ чести“ скорѣе сдѣлаетъ. Оттого и цѣну такую несообразную сто рублей запросили. Да позвольте, вотъ я самъ: за деньги совсѣмъ не поѣду на такую работу, а „изъ чести“, конечно, пріѣду, да и много такихъ. Изъ чести всѣ богачи пріѣдутъ; что намъ значитъ по человѣку, да по лошади съ двора прислать? время теперь свободное,—все равно гуляемъ.

— Постой, но вѣдь хозяйственныя же работы полевыя всѣ на деньги дѣлаются?

— Хозяйственныя, то другое дѣло. Тамъ иначе нельзя.

— Не понимаю, Степанъ.

— Да какъ же. У васъ плотину промыло, дорогу попортило — это, значитъ, отъ Бога. Какъ же тутъ не помочь по-сосѣдски? Да вдругъ у кого—помилуй Господи — овинъ сгоритъ, развѣ вы не поможете лѣскомъ? У васъ плотину прорвало — вы сейчасъ на деньги нанимаете, значитъ по-сосѣдски жить не желаете, значитъ все по-нѣмецки на деньги идти будетъ. Сегодня вамъ нужно плотину чинить— вы деньги платите; завтра намъ что нибудь понадобится — мы вамъ деньги плати. Лучше же по-сосѣдски жить—мы вамъ поможемъ, и вы насъ обижать не будете. Намъ безъ васъ тоже вѣдь нельзя: и дровецъ нужно, и лужекъ нуженъ, и скотину выгнать некуда. И намъ, и вамъ лучше жить по-сосѣдски, по-божески.

— Ну, хорошо.

— Одно только неладно сдѣлали, что они, дураки, деньги съ васъ выпросили; имъ бы прямо сказать: помилуйте, А. Н., что тутъ за деньги дѣлать, мы и такъ изъ чести пріѣдемъ. Если бы вы въ нашу деревню прислали, то мы такъ бы и сказали. Да вы вотъ попробуйте: скажите, что согласны дать сто рублей, посмотрите какъ головы зачешутъ. Они съ васъ сто рублей возьмутъ и вы не забудете, что они васъ прижали; тогда ужъ, значитъ, не по-сосѣдски жить будемъ. Вотъ вы въ грибы запретите къ вамъ ходить; конечно, вамъ съ грибовъ пользы не будетъ, даромъ погніютъ, еще сторожа нужно

держать, а мужику безъ гриба нельзя. Вы и вѣники запретите у васъ въ моложахъ брать, и мху на постройку не дадите, и въ ягоды не пустите, и скотъ на своей землѣ, чуть перейдетъ, брать станете въ хлѣвъ. Вы со всѣхъ сторонъ мужика нажать можете. Сто рублей своихъ, конечно, не вернете, да мужику-то отъ васъ житья не будетъ, и пойдутъ у насъ съ вами ссоры да непріятности. Куда лучше по-сосѣдски, по-божески жить: и мы вамъ поможемъ, и вы насъ не обидите. Дураки они, чтовы просили деньги,—наши бы никогда этого не сдѣлали. Посылайте-ка завтра, А. Н., въ нашу деревню звать на толоку.

Я послушался Степана и послалъ старосту звать двѣ сосѣднія деревни на толоку поправлять плотину и чинить дорогу. На другой день явилось двадцать пять человѣкъ, всѣ саженные молодцы пришли, потому что и богачи прислали своихъ ребятъ, съ двадцатью пятью лошадьми, и въ одинъ день все сдѣлали. Съ тѣхъ поръ, мы стали жить по-сосѣдски, и вотъ уже скоро два года ни ссоръ, ни непріятностей никакихъ не было.

Я сказалъ выше, что картофель у меня убирали „за потравы". Вопросъ о потравахъ считается однимъ изъ важныхъ въ хозяйствѣ и въ прошедшемъ году предложенъ для разработки петербургскимъ собраніемъ сельскихъ хозяевъ. „Второе распространенное въ Россіи зло (первое-то зло—дороговизна рабочихъ рукъ)—говоритъ собраніе—это потрава какъ луговъ, такъ и полей, особенно гдѣ много мелкихъ землевладѣльцевъ. Штрафы ведутъ только къ непріятнымъ столкновеніямъ, а большею частію они и невозможны, такъ какъ крестьяне не всегда въ состояніи бываютъ платить за потравы. Не могутъ ли быть—спрашиваетъ собраніе — указаны мѣры болѣе прочныя и обоюдовыгодныя для сосѣдей"? Я, конечно, не могу взяться за разработку предложеннаго собраніемъ вопроса, ибо все, что я могу сказать, будетъ относиться лишь къ одной мѣстности, гдѣ живу. Безъ сомнѣнія, кто нибудь изъ спеціалистовъ, чиновниковъ департамента сельской промышленности, куда стекаются хозяйственныя свѣдѣнія со всѣхъ концовъ Россіи, лучше разработаетъ этотъ вопросъ и представитъ собранію обстоятельный докладъ, но и мнѣ хотѣлось бы внести свою лепту, разсказать, какъ я устроился съ потравами.

Начну съ того, что, занимаясь хозяйствомъ какъ дѣломъ, въ которое влагаю душу, которымъ живу (да и не въ матеріальномъ только отношеніи), я не могу легко относиться къ потравамъ. Мои цвѣты, мои овощи, мой ленъ, мой клеверъ, мой хлѣбъ дороги мнѣ до такой степени, что, еслибы мнѣ предложили за мою капусту вдвое противъ того, что она стоитъ, лишь бы я позволилъ свиньямъ сво-

бодно рыться въ моемъ огородѣ, я не согласился бы на такую сдѣлку. Еслибы мое имѣніе находилось въ такой мѣстности, гдѣ бываютъ маневры, и мнѣ бы ежегодно вытаптывали поля, то хотя бы за вытоптанное платили втрое, я все-таки бросилъ бы хозяйство. Все это я говорю для того, чтобы не подумали, что я легко отношусь къ потравамъ. Повторяю, потравы я такъ близко принимаю къ сердцу, разумѣется, когда потравой нанесенъ существенный вредъ, что серьезно огорчаюсь, серьезно страдаю, если мои же куры заберутся въ мой полисадникъ и разроютъ клумбы, на которыхъ я посадилъ цвѣты. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что вы задумали что нибудь новое, ну хоть, напримѣръ, удобрили лужокъ костями, хлопотали, заботились, и вдругъ, въ одно прекрасное утро, вашъ лужокъ вытравленъ. Крестьяне къ потравамъ тоже относятся чрезвычайно строго. Извѣстно, что крестьяне въ вопросѣ о собственности самые крайніе собственники, и ни одинъ крестьянинъ не поступится ни одной своей копѣйкой, ни однимъ клочкомъ сѣна. Крестьянинъ неумолимъ, если у него вытравятъ хлѣбъ; онъ будетъ преслѣдовать за потраву до послѣдней степени, возьметъ у бѣдняка послѣднюю рубашку, въ шею наколотитъ, если нечего взять но потраву не проститъ. Точно такъ же крестьянинъ признаетъ, что травить чужой хлѣбъ нельзя, что платить за потраву слѣдуетъ, и если потрава *дѣйствительно* сдѣлана, то крестьянинъ заплатитъ и въ претензіи не будетъ, если вы возьмете штрафъ по-божески. Конечно, крестьянинъ не питаетъ безусловнаго, во имя принципа, уваженія къ чужой собственности, и *если можно,* то пуститъ лошадь на чужой лугъ или поле, точно такъ же какъ вырубитъ чужой лѣсъ, если можно, увезетъ чужое сѣно, если можно,—все равно, помѣщичье или крестьянское — точно такъ же, какъ и на чужой работѣ, если можно, не будетъ ничего дѣлать, будетъ стараться свалить всю работу на товарища; поэтому крестьяне избѣгаютъ, по возможности, общихъ огульныхъ работъ, и если вы наймете, напримѣръ, 4-хъ человѣкъ рыть канаву издѣльно, съ платой посаженно, то они не станутъ рыть канаву вмѣстѣ, но раздѣлятъ на 4 участка и каждый будетъ рыть свой участокъ отдѣльно. *Если можно,* то крестьянинъ будетъ травить помѣщичье поле—это безъ сомнѣнія. Попавшись въ потравѣ, крестьянинъ, хотя внутренно и признаетъ, что за потравленное слѣдуетъ уплатить, но, разумѣется, придетъ къ помѣщику просить, чтобы тотъ простилъ потраву, будетъ говорить, что лошадь нечаянно заскочила и т. п., въ надеждѣ, что баринъ, по простотѣ, то-есть по глупости, какъ не хозяинъ, какъ человѣкъ своимъ добромъ недорожащій—извѣстно баринъ!—посердится, посердится, да и проститъ.

Конечно, если баринъ простъ, не хозяинъ, и за потравы не будетъ взыскивать, то крестьяне вытравятъ луга и поля, и лошадей въ садъ будутъ пускать. Почему же и не кормить лошадей на господскомъ полѣ, если за это не взыскивается? почему же не пускать лошадей зря, безъ присмотра, если это можно? Зачѣмъ же крестьянинъ станетъ заботиться о чужомъ добрѣ, когда самъ хозяинъ не заботится.

Я никакъ не могу согласиться съ петербургскимъ собраніемъ, „что штрафы ведутъ только къ непріятнымъ столкновеніямъ“. Никакихъ непріятныхъ столкновеній не будетъ, если хозяинъ требуетъ вознагражденія за свое добро, если беретъ штрафъ соразмѣрно съ дѣйствительной потравой, подобно тому какъ беретъ мужикъ съ другого мужика, одна деревня съ другой деревни (я до сихъ поръ еще не видалъ случая, чтобы мужикъ не взялъ съ другаго мужика за потраву или одна деревня не взяла съ другой — и никакихъ непріятныхъ столкновеній между двумя мужиками или двумя деревнями при этомъ не бываетъ), если нѣтъ придирокъ, каприза, вымогательства, желанія посредствомъ штрафовъ заставить крестьянъ отбывать какую нибудь работу на невыгодныхъ для нихъ условіяхъ, такъ называемаго, стремленія пріучить крестьянъ къ исполненію и уваженію закона и т. п. Причиною непріятныхъ столкновеній обыкновенно бываютъ: капризъ, прижимки, ссора.

— Не хочу, чтобы по моей землѣ ваши лошади ходили. Не смѣть пускать лошадей на мой паръ!

— А! Вы не хотите у меня работать, такъ я васъ прижму. Носу вамъ показать некуда будетъ. Пять сторожей найму...

Начинается война, и такъ какъ мужикъ не любитъ безпокойства и въ особенности судовъ, то обыкновенно покоряется; но я думаю, что еслибы мужикъ уперся, то и пану пришлось бы уступить, потому что насколько мужику нуженъ выгонъ и пр., настолько же пану нужны руки.

Если вникнуть въ положеніе крестьянъ, узнать деревенскій бытъ, отбросить понятія, заимствованныя изъ нѣмецкихъ книгъ о хозяйствѣ, то дѣло и насчетъ потравы разрѣшится довольно просто. Разумѣется, когда крестьяне разбогатѣютъ, будутъ сѣять клеверъ, будутъ огораживать поля живыми изгородями, кормить лѣтомъ скотъ на стойлахъ, тогда и потравъ не будетъ; но теперь нужно дѣлать такъ, чтобы выходило сообразно съ мѣстными условіями. Крестьянскій скотъ всегда пасется съ пастухомъ; конечно, пастухъ обыкновенно плохой, но всетаки при пастухѣ—если онъ не травитъ нарочно—серьезной потравы быть не можетъ. Только въ жаркое время, когда скотъ *зикуетъ*, мо-

жетъ случиться, что стадо бросится въ разсыпную и понесется куда глаза глядятъ, отыскивая или воду, или чащу, гдѣ можно было бы укрыться отъ зноя и оводовъ,—тутъ, конечно, пастухъ иногда не можетъ удержать скотъ, но такіе случаи вообще рѣдки (въ два года у меня только одинъ разъ былъ подобный случай), а если и случится что нибудь подобное, то всегда выходитъ много шуму изъ ничего: скотъ пробѣжитъ по полю или по лугу и бросится въ воду—потрава ничтожная. Случается, что по оплошности пастуха одна-другая корова отобьется отъ стада и зайдетъ на лугъ или въ хлѣбъ; тутъ, конечно, штрафъ. Крестьяне, разумѣется, взыщутъ этотъ штрафъ съ своего пастуха, точно такъ же, какъ они взыскиваютъ штрафъ съ своего пастуха, если онъ потравитъ и ихъ поля. Если потрава сдѣлана скотомъ, который ходитъ съ пастухомъ, то штрафа нельзя не взять уже потому, что деревенскій пастухъ, видя, что баринъ не беретъ за потраву, подумаетъ, что онъ простъ, то есть дуракъ—а дурака слѣдуетъ учить — и будетъ просто на просто кормить скотъ на господскомъ лугу (точно такъ же и мой пастухъ запустилъ бы скотъ на крестьянскій лугъ, еслибы онъ не былъ увѣренъ, что крестьяне не простятъ и возьмутъ штрафъ, но такъ какъ мой пастухъ знаетъ, что крестьяне не пропустятъ потраву даромъ, то онъ не только не пуститъ скотъ кормиться на крестьянскій лугъ—это ему даже и въ голову придти не можетъ—но будетъ смотрѣть во всѣ глаза, какъ бы случайно какая нибудь скотина не заскочила). Но какъ ни строги крестьяне къ потравамъ, однако, если мой скотъ въ зной, *зикуя,* забѣжитъ на ихъ лугъ, то они штрафа не возьмутъ, разумѣется, если между нами нѣтъ войны. Этимъ опредѣляются всѣ отношенія. Потрава скотомъ, овцами, даже свиньями, если только усадьба не примыкаетъ къ деревнѣ непосредственно, случается рѣдко, когда пастухъ знаетъ, что смотрятъ строго и потраву не простятъ. Другое дѣло — лошади. Лошади у крестьянъ не пасутся со скотомъ. Въ покормку крестьянинъ, спутавъ, пускаетъ лошадей кормиться, а самъ ложится отдыхать; присмотръ за лошадьми при этомъ поручается ребятишкамъ, и каждый дворъ самъ смотритъ за своими лошадьми и, разумѣется, *только за своими,* такъ что, еслибы мальчикъ съ Панасова двора, стерегущій своихъ лошадей, увидалъ, что лошади съ Семенова двора зашли въ чужой хлѣбъ, онъ ихъ не выгонитъ: „самъ смотри за своими лошадьми, намъ какое дѣло“. Ночью лошадей гоняютъ въ ночное, гдѣ опять-таки каждый дворъ смотритъ за своими лошадьми. Съ ночного лошади чаще всего и попадаются въ потравѣ; съ вечера ребятишки, которымъ обыкновенно поручается надзоръ за лошадьми въ ночномъ, хорошо смотрятъ за лошадьми, да и лошади, пока не

наѣдятся, не отходятъ далеко, но потомъ ребятишки, набаловавшись, заснутъ на зарѣ, а лошади разбредутся. Поэтому, чаще всего попадаются лошади; но если присмотръ хорошій, если староста или сторожъ ежедневно на разсвѣтѣ объѣзжаетъ поля и луга, если хозяинъ самъ часто бываетъ въ полѣ и самъ увидитъ, что вытравлено, а увидавъ, не спуститъ старостѣ, если взятыхъ лошадей не отдаютъ даромъ, то нельзя сказать, чтобы потравы случались часто. Лошади зажиточныхъ крестьянъ, строгихъ хозяевъ, имѣющихъ много и хорошихъ лошадей, рѣдко попадаются въ потравѣ, потому что хозяинъ или самъ ѣздитъ въ ночное, или посылаетъ „старика"—въ богатомъ дворѣ почти всегда есть какой нибудь старикъ, дѣдъ или дядя хозяина, потому что зажиточные мужики большею частію доживаютъ до глубокой старости—или работника, или если и ребятъ, то ребята у строгаго хозяина не набалованы и лошадей не упустятъ. Мужику не столько важенъ штрафъ, сколько потеря времени, когда лошадь окажется взятою: ищи ее, иди на панскій дворъ, дожидайся, пока отдадутъ. Да кромѣ того и совѣстно: хорошъ хозяинъ, коли за лошадьми усмотрѣть не можетъ. Вѣдь если лошадь могла уйдти на чужое поле, то ее точно такъ же могли и украсть. Лошади зажиточныхъ крестьянъ, повторяю, попадаются очень рѣдко: гораздо чаще попадаются лошади бѣдняковъ, плохихъ хозяевъ, недоумковъ, или потому, что присмотрѣть некому, или потому, что ребята набалованы и хозяинъ не умѣетъ держать ихъ въ строгости.

Такъ какъ я знаю пословицы: „на то и щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ", „не клади плохо, не вводи вора въ соблазнъ"; такъ какъ я знаю, что всякій считаетъ обязанностію „учить дурака"; такъ какъ я изъ опыта знаю, что если не брать штрафа, то вытравятъ и поля и луга — будутъ пригонять лошадей кормиться на мой лугъ или на мой овесъ — то я всегда строго взыскиваю за потравы. А какъ денегъ у крестьянъ обыкновенно не бываетъ, да и я не желаю брать деньги, потому что въ сущности штрафъ берется для страху, чтобы имѣли опаску и лошадей зря не пускали, то лошадь, взятую въ потравѣ—на некошеномъ лугу или въ хлѣбѣ — староста отдаетъ крестьянину, когда тотъ принесетъ въ закладъ что нибудь: полузипунникъ, кушакъ, шапку. Весною, какъ выпустятъ скотъ въ поле, обыкновенно на первый разъ попадается много лошадей; загонятъ нѣсколько штукъ, возьмутъ заклады, крестьяне станутъ строже смотрѣть за своими лошадьми. Недѣли три, четыре крестьяне смотрятъ строго, потравъ нѣтъ, потомъ опустятся; опять загонятъ нѣсколько штукъ, возьмутъ заклады, станутъ опять строже смотрѣть — и такъ все лѣто. Осенью, когда у крестьянъ менѣе работы, староста зоветъ

тѣхъ, чьи у него лежатъ заклады, копать „за потраву“ картофель или убирать огородное и, по исполненіи работы, возвращаетъ заклады. Интересно, что когда позовутъ попавшихся въ потравѣ копать картофель, то приходятъ, на день, на два—картофеля у меня немного—не только тѣ, у которыхъ попадались лошади въ потравѣ, но и тѣ, у которыхъ не попадались. Нынче одна сосѣдняя деревня, гдѣ большая часть крестьянъ зажиточны, безъ зову, прислали по бабѣ со двора копать картофель, хотя изъ этой деревни въ теченіе цѣлаго лѣта не попалось въ потравѣ ни одной лошади. Закладъ, очевидно, берется только „для страху“—не будешь строго смотрѣть за лошадьми, можно штрафъ деньгами по закону взять—потому что если „позвать“, то всѣ сосѣди осенью и безъ того придутъ копать картофель.

У меня потравы, какъ видите, не составляютъ „зла“ и если сосчитать все, что въ дѣйствительности вытравлено въ теченіе двухъ лѣтъ, то едва ли я имѣлъ отъ потравъ убытку болѣе чѣмъ на пять рублей, которые, конечно, вознаградились съ избыткомъ сдѣланными „за потравы“ и „изъ чести“ разными мелкими работами. Для поясненія нужно, однако, прибавить, что сосѣднимъ крестьянамъ, которые у меня работаютъ, я дозволяю пасти скотъ и лошадей, за исключеніемъ свиней, по моему пару, по скошеннымъ лугамъ и убраннымъ полямъ. Кромѣ того, мѣста особенно для меня дорогія: садъ, огородъ, дворъ, телячій выгонъ, я огородилъ крѣпкими изгородями и плетнями; наконецъ, посѣявъ нынче клеверъ—чего крестьяне очень боялись,—я нанялъ особеннаго сторожа смотрѣть за клеверомъ послѣ уборки ржи, но не для того, чтобы сторожъ, который и жилъ на полѣ въ шалашѣ, ловилъ крестьянскихъ лошадей, а для того, чтобы онъ выгонялъ ихъ, когда зайдутъ на клеверъ, потому что ежели крестьянамъ предоставлено пускать лошадей въ мое ржище, то какъ же тутъ крестьянинъ усмотритъ за тѣмъ, чтобы лошадь не взошла на тѣ десятины, которыя засѣяны клеверомъ? Лошади сначала бросились было на клеверныя десятины, но сторожъ скоро ихъ отучилъ и онѣ заходили на клеверъ только во время его отсутствія, когда сторожъ ходилъ обѣдать.

Мнѣ кажется, что потравы только воображаемое „зло“, и взглядъ петербургскаго собранія хозяевъ на этотъ предметъ не совсѣмъ вѣренъ. Дѣло гораздо проще, если на него посмотрѣть вблизи. Если самъ хозяинъ знаетъ каждую десятину въ своемъ полѣ, часто осматриваетъ поля, умѣетъ оцѣнить, какъ великъ вредъ, причиненный потравой, относится къ потравамъ хладнокровно, не капризничаетъ, не нажимаетъ крестьянъ, если сторожъ строгъ,—то никакихъ непріятныхъ столкновеній не будетъ. Первое зло — дороговизна рабочихъ;

второе зло — потравы; третье зло — несоблюденіе рабочихъ договоровъ; — такъ говорятъ и пишутъ. На дѣлѣ же выходитъ не то: рабочіе дешевы, такъ дешевы, что рабочій никогда не заработываетъ настолько, чтобы имѣть кусокъ мяса за обѣдомъ, постель на ночь, сапоги и хотя сколько нибудь досуга. Потравы? — но съ потравами, какъ сказано выше, *хозяинъ* всегда можетъ уладить дѣло. Несоблюденіе договоровъ рабочими? — но отчего же зажиточные крестьяне, нанимая работниковъ, никакихъ договоровъ не дѣлаютъ и ничего отъ того не происходитъ? Конечно, къ пану мужикъ относится не такъ, какъ къ другому мужику; конечно, у мужика существуетъ извѣстнаго рода затаенное чувство къ пану...

Мужику не подъ силу платить повинности, а кто ихъ наложилъ? Паны, говоритъ мужикъ. Продаютъ за недоимки имущество — кто? Опять паны. Мировой присудилъ мужика за покражу двухъ возовъ сѣна къ тремъ съ половиною мѣсяцамъ тюремнаго заключенія; мужикъ проситъ написать жалобу на съѣздъ и никакъ не можетъ понять, что нельзя жаловаться на то, что за 2 воза мировой присудилъ къ $3^1/_2$ мѣсяцамъ тюрьмы.

— За два-то воза на три съ половиною мѣсяца?

— Да, законъ такой есть.

— Помилуйте, гдѣ-жь такой законъ? Ну, сами посудите, по-божески ли это будетъ!

— Понимаешь ты, въ законѣ написано.

— Въ какомъ это законѣ? Кто-жъ этотъ законъ писалъ? Все это паны написали.

И такъ во всемъ. Все—и требованіе недоимокъ, и требованіе поправки дорогъ, и требованіе посылать дѣтей въ школу, рекрутчина, рѣшенія судовъ, — все отъ пановъ. Мужикъ не знаетъ „законовъ“; онъ уважаетъ только какой-то божій законъ. Напримѣръ, если вы, поймавъ мужика съ возомъ украденнаго сѣна, отберете сѣно и наколотите ему въ шею — не воруй — то онъ ничего; если кулакъ, скупающій пеньку, найдетъ въ связкѣ подмоченную горсть и тутъ же вздуетъ мужика—не обманывай—ничего; это все будетъ по-божески. А вотъ тотъ законъ, что за возъ сѣна на $3^1/_2$ мѣсяца въ тюрьму,— то паны написали мужику на подпоръ.

Живя въ деревнѣ, хозяйничая, находясь въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ мужику, вы постоянно чувствуете это затаенное чувство, и вотъ это-то и дѣлаетъ деревенскую жизнь тяжелою до крайности... Согласитесь, что тяжело жить среди общества, всѣ члены котораго, если не къ вамъ лично, то къ вамъ, какъ къ пану, относятся непріязненно. Но, впрочемъ, оставимъ это...

Нынѣшній годъ у насъ урожай, какого давно не было; все уродилось отлично, даже грибы и орѣхи. Богъ, по милосердію своему, не далъ Касьяну взглянуть на насъ, а извѣстно, „Касьянъ грозный: на что ни взглянетъ—все вянетъ", за что ему, Касьяну немилостивому, бываетъ въ четыре года одинъ праздникъ, тогда какъ Николѣ, Благому чудотворцу, два праздника въ году. Но лѣто нынѣшняго года для хозяина, особенно горяченькаго, невыработаннаго, было ужасное. Повѣрите ли, я нынѣшнимъ лѣтомъ чуть съ ума не сошелъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Взявшись два года тому назадъ за хозяйство, я скоро разсчиталъ, что хозяйничать по-старому, то есть сѣять рожь и овесъ, держать скотъ для навоза и кормить его тѣмъ, что достанется съ половины покосовъ, словомъ,—вести хозяйство, какъ оно до сихъ поръ ведется въ нашей мѣстности у большинства помѣщиковъ, хозяйствомъ незанимающихся и добывающихъ деньги службою государственной или земской—не стоитъ. Простой разсчетъ показалъ скоро, что нужно измѣнить систему хозяйства, ввести новые хлѣба, улучшить скотъ. Я не буду здѣсь говорить о разныхъ соображеніяхъ по этому предмету—это завлекало бы насъ слишкомъ далеко—скажу только, что я съ перваго же года хозяйства началъ вводить посѣвъ льна. Крестьяне, разумѣется, были противъ этого нововведенія, говорили, что ленъ у насъ не будетъ родиться, что я не найду охотниковъ обработывать ленъ, что ленъ портитъ землю и пр. Въ прошедшемъ году я посѣялъ двѣ хозяйственныхъ десятины; ленъ хотя и не былъ особенно хорошъ, но все-таки каждая десятина дала тридцать пять рублей чистаго дохода, тогда какъ прежде эти десятины—ленъ сѣется на облогахъ — давали не болѣе какъ на 3 рубля сѣна. Послѣ льна посѣяна рожь по небольшому удобренію—1000 пудъ на хозяйственную десятину—и зелень на этихъ десятинахъ лучшая въ полѣ. Въ нынѣшнемъ году я уже сѣялъ четыре хозяйственныхъ десятины льну. Осенью прошедшаго года я выбралъ подъ ленъ четыре детятины облогъ, отчасти заросшихъ березнякомъ; съ осени березнякъ вычистили, сожгли, золу разбросали по десятинѣ и облоги подняли на зиму. Мѣсто было выбрано отличное, по старонавозью, земля превосходная, работа выполнена мастерски. За зиму облоги отлично промерзли и весною распушились превосходно. День для посѣва былъ отличный; посѣяли и задѣлали какъ нельзя лучше. Мы сѣяли ленъ 2, 3 и 4 мая; вечеромъ 4-го мая, когда послѣдній ленъ уже былъ задѣланъ, прошелъ теплый проливной дождь, который хорошо смочилъ и прибилъ сильно распушенную землю; 5-го было пасмурно, 6-го шелъ дождь, 7-го начали показываться всходы. 8-го мая утромъ, осматривая цвѣты и овощи въ огородѣ, я былъ пораженъ

тѣмъ, что всѣ молодые листья на ревенѣ оказались сильно продыравленными. Всматриваюсь — вижу на листьяхъ сидятъ маленькіе темнокоричневые блестящіе прыгающіе жучки—земляныя блохи—какихъ я прежде не видалъ, совершенно отличныя отъ хорошо извѣстныхъ намъ земляныхъ блохъ съ золотистыми полосками на спинѣ, поѣдающихъ всходы рѣпы и редиса. Осмотрѣвъ одинъ огородъ, маленькій подлѣ дома—бѣлый, какъ называетъ староста, потому что въ этомъ огородѣ я занимаюсь самъ и развожу въ немъ разнообразные господскіе овощи—я пошелъ въ другой, сѣрый городъ, гдѣ у меня, между прочимъ, былъ засѣянъ небольшой участокъ льну. Ленъ этотъ былъ посѣянъ раньше полеваго, хорошо взошелъ и уже поднялся на вершокъ отъ земли. Смотрю—на льнѣ сидятъ тѣ же земляныя блохи, что и на ревенѣ, и точатъ молодые листики. Это что еще, думаю, за напасть? и побѣжалъ въ поле. Глянулъ на ленъ, и чуть въ обморокъ не упалъ: представьте себѣ,—все поле покрыто неисчислимымъ количествомъ земляной блохи, которая напала на молодой всходъ льна; на каждомъ только что вышедшемъ изъ земли растеньицѣ сидитъ нѣсколько блохъ и точатъ молодые листики... Гдѣ мѣсто пониже, посырѣе, гдѣ ленъ уже поднялся,—тамъ блохи меньше; гдѣ посуше, гдѣ ленъ и безъ того идетъ туго,—тутъ-то она, проклятая, и точитъ. На глазахъ ленъ пропадаетъ. Ну, думаю, конецъ: въ два-три дня все объѣстъ — вотъ тебѣ и ленъ, вотъ тебѣ и нововведеніе. Мы говорили, скажутъ, что по нашимъ мѣстамъ льны не идутъ, что у насъ и дѣды льнами не занимались. Тутъ, конечно, дѣло не въ деньгахъ: потеря ста рублей, заплаченныхъ за обработку четырехъ десятинъ, меня бы не разорила, но дѣло бы затянулось, а при введеніи чего нибудь новаго — первая вещь успѣхъ. Одно вышло хорошо, другое, третье вышло хорошо—и вотъ пріобрѣтается уваженіе, довѣріе къ знанію. „Это—малый, голова“, скажутъ, „это хозяинъ“, и на всякую новость будутъ уже смотрѣть съ меньшимъ недовѣріемъ, а если въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ все будетъ идти успѣшно, то можно пріобрѣсти такое довѣріе, что всякую новость принимать будутъ.

Понятно, какъ я былъ пораженъ этой неожиданной незадачей.

Что дѣлать? Досыта наглядѣвшись, какъ блохи ѣдятъ ленъ, я побѣжалъ домой.

— Ну, Авдотья, пропалъ нашъ ленъ.

— Помилуй Господи!

— Да. Ужъ я тебѣ говорю, что пропалъ. Гдѣ Иванъ?

Авдотья испугалась; она подумала, что ея мужъ, староста Иванъ, что нибудь не подладилъ.

Отыскавъ Ивана, я, ни слова не говоря, повелъ его въ поле ко льну.

— Видишь?—Что это такое?

Иванъ сначала не могъ понять, о чемъ я его спрашиваю. Я показалъ ему на блоху.

— Вижу, теперь вижу, козявочки сидятъ.

— Да, козявочки, а видишь-ли ты, что козявочки эти ѣдятъ ленъ?

Иванъ усомнился; но, разсмотрѣвъ внимательнѣе, и онъ согласился, что дѣйствительно козявочки точатъ листики на льнѣ.

— Это ничего.

— Какъ ничего? Да развѣ ты не видишь, что ѣдятъ? ну, и съѣдятъ все. Пропадетъ нашъ ленъ.

— Крый Господи! Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? да такъ, что объѣдятъ все, и ничего не останется — вотъ тебѣ и ленъ. Вѣдь рѣпу въ прошедшемъ году всю съѣли.

— То рѣпа,—рѣпу всегда объѣдаетъ, а на льнѣ никогда этого не бывало; сколько льновъ ни сѣялъ, никогда не бывало.

— Мало-ли что не бывало, а можетъ быть, и бывало, да вы не замѣчали.

— Развѣ что!

Иванъ однако на этотъ разъ не убѣдился, что блоха дѣйствительно можетъ съѣсть ленъ. „Такъ козявочки—мало ли ихъ лѣтомъ бываетъ“.

Въ этотъ день я разъ десять бѣгалъ смотрѣть ленъ—точатъ.

На другой день блохи появилось еще болѣе, а между тѣмъ наступила засуха. Ни дождинки; солнце жжетъ; каждый день дуетъ сильный южный вѣтеръ, суховѣй. Земля высохла, потрескалась; ленъ и безъ того идетъ плохо, а блохи все прибываетъ, да прибываетъ. Который ленъ пораньше вышелъ изъ земли, тотъ ничего еще,—стоитъ, только листики подточены и росту нѣтъ; который позже началъ выходить — не успѣетъ показаться изъ земли — уже съѣденъ. Даже крестьяне дивились. Блохи всюду появилось такое множество, что ею былъ усыпанъ не только ленъ, но всякая былинка въ полѣ.

Я просто думалъ, что съ ума сойду. Гдѣ бы я ни былъ, что бы ни дѣлалъ,—всюду мнѣ мерещились земляныя блохи. Пью чай, задумаюсь, а передъ глазами тучи земляныхъ блохъ прыгаютъ; бросаю недопитый стаканъ и бѣгу въ поле—ѣдятъ. Сонъ даже потерялъ: лягу, только забудусь,—передъ глазами миріады земляныхъ блохъ, которыя скачутъ, кружатся: вотъ онѣ ростутъ, ростутъ, выростаютъ

величиною съ слоновъ... Душно, жарко; измученный кошмаромъ, вскакиваю. Свѣтаетъ. Накидываю халатъ и бѣгу въ поле. Роса еще не обсохла, съ блохой какъ будто полегче, попряталась, сидитъ кучками на комочкахъ земли; оживленный росой ленъ повеселѣлъ. Успокоенный возвращаюсь домой и засыпаю. Проснувшись довольно поздно, зову Ивана.

— Ну, что?

Иванъ пожимаетъ плечами. Сначала онъ считалъ это пустяками— „такъ козявочки, мало ли ихъ бываетъ"; но, видя, что блоха, напавъ на выходящіе изъ земли первые листики (сѣмядоли), отъѣдаетъ ихъ начисто, вслѣдствіе чего корешокъ засыхаетъ, онъ убѣдился, что блоха дѣйствительно портитъ всходъ и тоже началъ сомнѣваться. Но я вижу, онъ думаетъ: это не съ проста.

— Ѣдятъ?

— Точатъ; съ утра полегче было, должно росы боится, а теперь опять навалилась? И откуда ея такая пропасть берется?

— Пропадаетъ нашъ ленъ.

— Господня воля.

— Что же мы будемъ дѣлать?

Иванъ молчитъ, переминается съ ноги на ногу и, стараясь отклонить мои мысли отъ льна, заводитъ разговоръ о посѣвѣ овса, которому такъ благопріятствуетъ погода. Иванъ, какъ человѣкъ бывалый, въ старостахъ давно уже служащій, около господъ понатершійся, всегда заботится о хорошемъ расположеніи духа барина. Первую зиму, когда я только-что пріѣхалъ, дѣла по хозяйству не было, и я цѣлые дни сидѣлъ у себя въ комнатѣ, читалъ и писалъ письма, Иванъ всегда, бывало, подвернется вечеромъ.—Вамъ должно быть скучно, А. Н.?—Да, невесело.—Вы бы чайку попили.—Чтожь, дай чаю. Подастъ Иванъ чаю, а самъ тутъ же стоитъ.—Къ сосѣдямъ бы съѣздили, познакомились,—барыни тоже есть,—а то все одни изволите сидѣть.—Кто-жь тутъ сосѣди? Иванъ начинаетъ пересчитывать сосѣдей и въ особенности налегаетъ на сосѣдокъ: „въ А. берыня, въ В. барыня, въ Г. барыня—тутъ почитай все барыни; господъ совсѣмъ нѣтъ: кои померли, кои на службѣ находятся. А то другой разъ придетъ Иванъ.—Папиросы на исходѣ, А. Н.; я думаю бабенку позвать изъ деревни, пусть напробуетъ: не мудреное дѣло, сдѣлаетъ; Дарочку думаю позвать—вотъ, что сегодня приходила, вы изволили видѣть. Теперь Иванъ, думая отклонить мои мысли отъ льна, на другія стороны хозяйства налегаетъ.

— Скотъ какъ отлично наѣдается! Новая корова, что недавно купили, должно, телится скоро. Вотъ еслибы Богъ далъ телку!

Я молчу.

— Отлично земля идетъ нынче къ раздѣлу. Рѣдко такой сѣвъ бываетъ. Рожь такъ и претъ. Если Господь совершитъ все,—урожай будетъ отличный.

— Да что мнѣ твоя рожь, если ленъ пропадетъ.

— Пшеница тоже отлично идетъ,—вы бы изволили сходить посмотрѣть.

— Я знаю, что пшеница хороша; не даромъ мужики такъ на пшеницу лѣзутъ. Отчего ей быть худой?

— Не всегда такъ бываетъ; иной разъ и лядо хорошо, да не задается. Все воля Господня.

Что мнѣ рожь?—я всю весну ни разу даже въ ржаномъ полѣ не былъ; что мнѣ овесъ?—я опять бѣгу смотрѣть ленъ. Ѣдятъ: не успѣютъ еще листики развернуться, какъ на нихъ сидитъ уже цѣлая куча блохъ и точатъ.

Что дѣлать? Всѣ книги перерылъ, отыскивая способы уничтоженія земляныхъ блохъ. Способовъ предлагаютъ нѣмцы множество. „Для уничтоженія ея—т. е. земляной блохи — посыпаютъ всходы льна золою", читаю въ одной книгѣ. Зову Ивана.

— Ты, Иванъ, вотъ все не вѣришь, что блоха съѣстъ ленъ, а и въ книгѣ сказано, что всходы льна истребляетъ земляная блоха. Нѣмцы-то вотъ замѣтили, а ты говоришь: никогда не бывало.

— Никогда не бывало, сколько льновъ ни сѣялъ.

— Да, вотъ ты не вѣришь!

— Отчего не вѣрить, все бываетъ—вотъ у Б. барыни—сами изволите знать—нынѣшней весной сороки были напущены.

Сначала Иванъ не придавалъ блохамъ *никакого* значенія, но потомъ, убѣдившись, что козявочки дѣйствительно подъѣдаютъ листики, вслѣдствіе чего ленъ пропадаетъ, онъ высказалъ, что это не настоящія какія нибудь блохи — никогда этого до сихъ поръ не бывало — что это не простыя козявочки, а *напущенныя* злыми людьми изъ зависти, подобно тому, какъ бываютъ напущенныя сороки, крысы. Дѣйствительно, нынѣшней весной у одной моей сосѣдки былъ такой случай—были *напущены* сороки. Ни съ того ни съ сего, весною, когда скотъ и безъ того былъ плохъ, еле вставалъ, появилось множество сорокъ, которыя стали летать въ хлѣвы и расклевывать у коровъ спины: заберутся въ хлѣвъ, усядутся у коровъ на спинахъ и клюютъ точно падаль—у всѣхъ коровъ спины изранили страшнѣйшимъ образомъ. Что ни дѣлали, ничто не помогало (вотъ и заводи тутъ симентальскій скотъ!); гоняли, стрѣляли, надоумилъ кто-то, за дѣдами посылали... наконецъ помѣщица пригласила попа служить съ большимъ

требникомъ. Потомъ, чрезъ нѣсколько недѣль, встрѣтивъ у одного богатаго помѣщика на имянинахъ священника, я ему разсказалъ о сорокахъ. — Бываетъ это; все дѣло въ томъ, *какія сороки,* замѣтилъ священникъ глубокомысленно; — если напущенныя — это нехорошо. Тоже недавно у насъ былъ случай: у одного арендатора, поляка, появились въ хлѣвахъ крысы; бѣгаютъ по коровамъ, шерсть объѣдаютъ, на спинахъ гнѣзда дѣлаютъ; возился-возился и, хотя католикъ, поповъ призывалъ для совершенія на скотномъ дворѣ водосвятія, чего прежде не дѣлалось.

— По твоему, это значитъ напущенныя блохи? У васъ все напущенныя, разсердился я;—телята дохнутъ—хлѣвъ не на мѣстѣ стоитъ; корова заболѣла—сглазили.

— Поживите въ деревнѣ, сами изволите узнать, А. Н., все бываетъ. Отъ злого человѣка не убережешься.

— Ну, да что тутъ толковать: вотъ и въ книгѣ сказано, что поѣдаютъ. Я знаю только, что если мы ничего не будемъ дѣлать, то пропадетъ нашъ ленъ.

— Да что же дѣлать, А. Н.?

— Совѣтуютъ посыпать золой. Ты какъ думаешь?

— Тэкъ-съ.

— „Для уничтоженія ея посыпаютъ всходы льна золой", медленно читаю я въ книгѣ.

Иванъ молчитъ.

— Что же ты молчишь?

— Какъ прикажете. Испытаніе сдѣлать можно; бабы, можетъ, еще не всю золу изъ печей повыгребли, сколько нибудь найдется.

— Не всю повыгребли, не всю повыгребли! ступай—ты!

Иванъ уходитъ. Дѣйствительно, откуда же взять золы, чтобы посыпать четыре десятины? Опять начинаю рыться въ книгахъ: „въ другихъ мѣстахъ распускаютъ сѣрный цвѣтъ съ водою и поливаютъ всходы. Равнымъ образомъ большую пользу приноситъ въ этомъ случаѣ поливка всходовъ льна водой, въ которой распущенъ гуано". Ну, гуано у насъ достать нельзя; а не попробовать ли сѣрный цвѣтъ? Зову Ивана.

— Вотъ что, Иванъ. Золы, конечно, теперь на четыре десятины не достанетъ, а вотъ тутъ въ книгѣ сказано, что хорошо поливать всходы льна сѣрнымъ цвѣтомъ, распущеннымъ въ водѣ. Какъ ты думаешь?

Иванъ молчитъ.

— Можно послать въ городъ купить сѣрнаго цвѣту. Передѣлаемъ

двѣ бочки такъ, чтобы удобно было поливать—вѣдь ты видалъ, какъ поливаютъ шоссе?

Иванъ молчитъ.

— Что же ты молчишь? Вѣдь ты видалъ, какъ шоссе поливаютъ въ Петербургѣ?

— Бочки можно приладить, досточку сзади сдѣлаемъ.

— Ну, да, приладимъ; вѣдь это хорошо будетъ, вѣдь ты самъ замѣтилъ, что она боится мокроты, а тутъ еще сѣрный цвѣтъ.

— Много воды нужно, А. Н.

— Конечно, но вѣдь самъ знаешь, безъ работы ничего не достается; жаль только, что въ книгѣ не сказано, сколько сѣрнаго цвѣта на десятину нужно. Пуда по два, я думаю довольно будетъ?

Иванъ молчитъ.

— Пошлемъ Сидора сегодня въ городъ; завтра вечеромъ онъ вернется — на саврасомъ пусть ѣдетъ, тотъ лучше бѣжитъ — а мы тѣмъ временемъ двѣ бочки приладимъ.

— Какъ прикажете, можно Сидора послать.

— Только достанетъ ли онъ тамъ сѣрнаго цвѣту?

— Сколько ни на есть достанетъ; если въ лавкахъ нѣтъ, въ аптекѣ можно достать. Я для собакъ въ аптекѣ бралъ — на десять копѣекъ порядочно въ бумажку отсыпали.

Молчаніе. Я перелистываю книгу. Иванъ переминается.

— Сѣрнаго цвѣту если не достанетъ, селитры можно взять: селитра въ лавкахъ всегда есть.

— Селитры? Какой селитры?

— Да что въ солонину кладутъ; эта всегда въ лавкахъ бываетъ, потому что въ солонину кладутъ: червякъ не заводится,—червякъ селитры боится. Тоже бура хороша, отъ прусаковъ помогаетъ.

— Нѣтъ, не нужно; ступай.

Иванъ уходитъ. Я опять роюсь въ книгахъ: ищу, нѣтъ ли чего въ курсахъ огородничества. „Къ уничтоженію этихъ насѣкомыхъ способствуютъ частыя вспрыскиванія водой, посыпка известью или табакомъ, особенно дѣйствительнымъ оказалось средство, рекомендованное Буше, а именно: вспрыскиваніе растворомъ полыни; другіе хвалятъ вспрыскиваніе чесночной водой“. Все не идетъ; гдѣ тутъ вспрыскивать водой—пока другую бочку привеземъ, первая и высохнетъ; извести нѣтъ, полыни нѣтъ, чесноку и для огурцовъ то не всегда достанешь. Табакомъ развѣ посыпать? Не идетъ: когда его натрешь, да и разсыпать неудобно—всѣ глаза запорошитъ. Я начинаю бѣситься, проклинаю нѣмцевъ, а еще больше русскихъ составителей ученыхъ руководствъ по сельскому хозяйству. „Распускаютъ

сѣрный цвѣтъ въ водѣ и поливаютъ ею всходы"—скажите пожалуйста! А вѣдь навѣрно учениковъ заставляютъ все это заучивать и нули ставятъ, ученыхъ степеней не даютъ, если они не знаютъ средствъ для уничтоженія вредныхъ насѣкомыхъ, этихъ бичей хозяйства...

Опять роюсь въ книгахъ—все еще старая привычка по книгамъ доходить — перелистывая, даже въ глазахъ отъ напряженнаго вниманія темно стало; ну, вотъ кажется подходящее средство: „дѣлаютъ двѣ рамы шириною въ гряду и вышиною въ 1′, натягиваютъ на нихъ прочную парусину, которую съ обѣихъ сторонъ намазываютъ очень липкимъ веществомъ, напримѣръ, дегтемъ или птичьимъ клеемъ. Къ передней части рамы придѣлываютъ ручки въ 3′ длиною, а на задней втыкаютъ мелкій хворостъ. Когда эти рамы проводятъ нѣсколько разъ по грядѣ, то множество этихъ прыгающихъ жучковъ прилипаетъ къ липкой поверхности парусины". Кажется, что будетъ хорошо; это предлагается для огородовъ, но, думаю, если сдѣлать рамы побольше, обить крѣпкимъ холстомъ, намазать дегтемъ и возить на колесахъ по полю, блохи будутъ подпрыгивать и прилипать къ дегтю. Отлично, думаю: когда наберется много блохъ, рамы можно очистить, опять помазать дегтемъ и снова возить по полю. И блохъ, сколько наберется при очисткѣ рамъ, не бросимъ—въ компостъ употребимъ, вѣдь употребляютъ же нѣмцы въ компостъ майскихъ жуковъ, которыхъ просто обираютъ руками. Побѣжалъ въ поле—ленъ покрытъ блохой; ударилъ по землѣ палкой — блохи подпрыгиваютъ. Отлично; замѣтилъ и на какую высоту они прыгаютъ. Такъ, думаю, и рамы устроимъ.

Прибѣжавъ домой, зову Ивана и говорю ему о рамахъ.

Иванъ молчитъ.

— Вѣдь это, кажется, хорошо будетъ. Устроимъ рамы на колесахъ, понимаешь, намажемъ дегтемъ, и будемъ возить по полю.

Иванъ молчитъ.

— Какъ налипнутъ онѣ, такъ и очистимъ скребкомъ; только пожалуйста скажи ты Сидору — онъ будетъ возить рамы — чтобы все, что очистилъ съ рамъ, собиралъ въ одно мѣсто, плетянку дай, и потомъ свезъ бы въ ту кучу, куда носятъ... Вѣдь тутъ все азотистыя вещества, а по изслѣдованіямъ вольно-экономическаго общества первое дѣло — азотистыя вещества. Компостъ потомъ для луговъ употребимъ.

Иванъ молчитъ.

— Да что же ты молчишь? Ты скажи, какъ ты думаешь? Вѣдь не трудно же рамы устроить? Не трудно?

Иванъ молчитъ.

— Да что же ты молчишь? Ѣдь ѣдятъ!

— Ѣдятъ; На Кузиной десятинѣ, почитай, весь край объѣли. Такъ и точатъ.

— Ну?...

— Какъ прикажете, только по моему, А. Н., лучше бы всего за попами спосылать, богомолебствіе совершить. Богъ не безъ милости, дастъ дождика, и все будетъ хорошо; сами изволили замѣтить,—она божьей росы боится.

Въ нѣсколько дней я совершенно измучился, отъ сна и ѣды отбился, похудѣлъ и даже заговариваться началъ, въ московскій комитетъ сельско-хозяйственной консультаціи писать хотѣлъ...

Что дѣлать? думалъ я, думалъ, и наконецъ, пославъ къ чорту всѣхъ нѣмцевъ, какъ настоящихъ, такъ и переводныхъ, надумался.

— Ну, Иванъ, говорю, я надумался: если завтра не будетъ дождя, если блохи не убавится, мы будемъ отсѣвать; выскородимъ опять хорошенько и отсѣемъ,—еще не поздно.

Иванъ сначала воспротивился такому рѣшенію, но я его разбилъ на всѣхъ доводахъ, которые главнымъ образомъ состояли въ томъ, что, можетъ, Богъ дастъ, обойдется и такъ. Наконецъ, я ему предложилъ такой ультиматумъ: если не будетъ еще нѣсколько дней дождя, то блоха съѣстъ ленъ, поэтому слѣдуетъ послать за сѣменами; если же ты, Иванъ, старый и опытный хозяинъ, думаешь, что отсѣвать не нужно, то будь по твоему, только бери ленъ за себя — и барыши, и убытки твои. Если возьмешь ленъ за себя, то можешь дѣлать что хочешь: за попами посылать, за дѣдами, что хочешь.

Иванъ пошелъ въ поле, въ сотый разъ осмотрѣлъ ленъ и вернулся съ отвѣтомъ:

— Нѣтъ, оставимъ такъ, не будемъ отсѣвать.

— Такъ значитъ, ты берешь ленъ за себя? Хорошо — вотъ тебѣ еще до завтра день сроку: подумай, посмотри.

Иванъ въ этотъ день нѣсколько разъ ходилъ на ленъ. Вечеромъ, когда онъ пришелъ съ докладомъ, я тотчасъ замѣтилъ, что и онъ началъ сомнѣваться. Выслушавъ докладъ о работахъ, я ни полслова обо льнѣ. Иванъ самъ заговорилъ.

— Да что же тутъ толковать: по моему ленъ долженъ пропасть, слѣдуетъ отсѣять, и если льняныхъ сѣмянъ не достанемъ, то овсомъ отсѣять; но если ты берешь ленъ за себя — завтра дай окончательный отвѣтъ—и будь по твоему.

На другой день, я не пошелъ смотрѣть ленъ. Иванъ это замѣтилъ.

— Что же вы, А. Н., на ленъ сегодня не ходили? заговорилъ

— Да что же его смотрѣть. По моему, нечего смотрѣть—отсѣвать нужно; но если ты за себя берешь—пусть будетъ по твоему.

Однако, вижу, Иванъ труситъ—Авдотья настроила. Молчу.

— Сегодня еще больше объѣла.

— Ну, такъ какъ же?

— Надумался и я: должно быть, отсѣвать придется.

— Ну, отсѣвать, такъ отсѣвать. Хорошо, собирайся и поѣзжай. Если льняного сѣмяни не достанемъ, овсомъ отсѣемъ, или подъ озимь къ будущему году пустимъ.

Пообѣдавъ, Иванъ поѣхалъ за 60 верстъ доставать сѣмени. День былъ солнечный, знойный, но подъ вечеръ стало натягивать съ запада, и къ ночи набѣжала туча, которая разразилась такимъ проливнымъ дождемъ, что щепки поплыли. На завтра задулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, стало холодно, цѣлый день моросилъ дождикъ; блоха попряталась и ленъ сталъ оживать—откуда что берется. Когда Иванъ вернулся съ сѣменами, то отсѣвать было уже ненужно и невозможно. Пошли дожди, блоха пропала, ленъ ожилъ, поправился и урожай вышелъ хорошій. Та десятина, которая была сильно подъѣдена, за которую мы очень боялись, дала, за вычетомъ сѣмянъ, на 40 рублей льнянаго сѣмени и на 85 рублей льну, всего на 125 рублей, а такъ какъ обработка стоитъ 25 р., то съ десятины получилось чистаго дохода 100 рублей, то есть втрое болѣе чѣмъ стоитъ самая земля. Интересно, что на одной изъ десятинъ, гдѣ блохи было гораздо менѣе—блоха нападала на самые сильные всходы — урожай вышелъ гораздо хуже. Конечно, все земля правитъ.

Ленъ даетъ громадный доходъ, и даже при плохомъ урожаѣ—въ прошедшемъ году я получилъ по 35 рублей чистаго дохода съ десятины—окупаетъ землю; только совершенное отсутствіе хозяевъ—всѣ на службѣ, и это правильно, потому что, по моимъ разсчетамъ, служба безъ всякаго риску даетъ еще болѣе дохода чѣмъ ленъ—причиною, что земля пустуетъ, зарастаетъ березнякомъ, вмѣсто того, чтобы производить ленъ. Всѣ земли, которыя запущены послѣ „положенія“ и пустуютъ, могли бы быть теперь обращены подъ ленъ или пшеницу, и еслибы это сдѣлали, то народъ въ нашей мѣстности не голодалъ бы и не долженъ былъ бы отправляться на дальніе заработки. Вы не повѣрите, какъ тяжело хозяину смотрѣть на такое положеніе: превосходныя земли, которыя могли бы производить ленъ и хмѣль, пустуютъ, зарастаютъ кустами, березнякомъ, а тутъ же рядомъ измученные люди болтаютъ кое-какъ пустую землю, которая не даетъ имъ куска чистаго хлѣба. То же самое количество работы, то же число пудо-футовъ работы въ одномъ случаѣ дало бы на 100 рублей

продуктовъ, а въ другомъ даетъ только на 10 р. Не обидно ли, что работа прилагается такъ безплодно? Мнѣ постоянно говорятъ здѣшніе хозяева, что они ленъ не сѣятъ, потому что онъ истощаетъ землю. Не знаю, откуда явилось такое ложное мнѣніе (послѣ льна хлѣбъ родится еще лучше), но если даже допустимъ, что это вѣрно, если допустимъ, что ленъ портитъ землю, то это все же ничего не значитъ. Если я получу отъ льна 100 р. чистаго дохода съ десятины, то не все ли мнѣ равно, что земля истощится—да хоть бы она совсѣмъ провалилась—когда я за эти 100 рублей могу купить три такихъ же десятины. Но, разумѣется, веденіе льна требуетъ много хлопотъ, затраты хотя небольшого капитала и пр. и пр. Конечно, гораздо проще быть предсѣдателемъ земской управы, мировымъ судей—за 500 р. можно найдти писаря, который все знаетъ, а если что нибудь не такъ сдѣлаетъ, то на мировомъ съѣздѣ поправятъ и т. д.

Оказалось, что мы напрасно безпокоились насчетъ блохи—урожай льна вышелъ отличный. Когда пришло время молотить, то мнѣ просто хоть не показывайся на токъ: старикъ гуменщикъ Пахомычъ проходу не давалъ. Чуть я на токъ, Лавренъ сейчасъ:

— Посмотрате-ка, баринъ, сколько льну съ Деминской десятины навозили, а вы говорите весною — ленъ пропалъ. Отсѣвать хотѣли; противъ Бога идти думали. Поправлять дѣло божье хотѣли; а Господь милосердный ишь сколько ленку уродилъ. Такъ-то, баринъ.

— Однако же, Пахомычъ, ты вѣдь самъ видѣлъ, что блоха подъѣдала всходъ; еслибы не пошелъ вдругъ дождь, нужно было бы отсѣвать.

— Какая тамъ блоха, выдумали блоху!

Да вѣдь ты самъ видѣлъ!

— Видѣлъ. Все воля Господня, значитъ оно такъ и нужно было. Господь указалъ блохѣ быть, значитъ ей и нужно быть. А вы отсѣвать хотѣли, противъ Бога думали идти, поправлять хотѣли. Нѣтъ, баринъ, все воля божья: коли Богъ уродитъ, такъ хорошо, а не уродитъ—ничего не подѣлаешь.

— Однако же, и мужики говорятъ, что „навозъ и у Бога крадетъ“.

Оно такъ, да нѣтъ, все воля божья. Поживите—увидите. Вотъ и нынѣшній годъ—вѣдь думали, всѣ помремъ съ голоду, а вотъ живы, новь ѣдимъ и водочку съ нови пьемъ. Такъ-то. Богъ не безъ милости.

Богъ не безъ милости, говоритъ народъ, давно уже такого года не бывало. Богъ не безъ милости.

Разъ весною, въ самую ростопель, возвращаясь домой послѣ осмотра

полей, встрѣтилъ я бабу Панфилиху изъ сосѣдней деревни, — везетъ на колесахъ мѣшокъ.

— Здравствуй, А. Н.

— Здравствуй, Панфилиха; что везешь?

— Изъ гамазеи овесъ. По осьминѣ на дворъ выдали, скотъ кормить нечѣмъ.

— Что-жъ такъ, сѣна нѣтъ?

— Какое сѣно,—соломы нѣтъ, послѣднюю съ крышъ дотравливаемъ. Посыпать было нечѣмъ, вотъ, слава Богу, по осьминѣ на душу что-наибѣднѣйшимъ дали.

— Плохо дѣло, а вѣдь не скоро еще скотъ въ поле пустимъ!

— Воля божья. Господь не безъ милости — моего одного прибралъ, — все же легче.

— Котораго-жь?

— Младшаго, на дняхъ сховала. Богъ не безъ милости, взглянулъ на насъ сиротъ своихъ грѣшныхъ.

Я не выдумываю; я сообщаю факты; если не вѣрите, вспомните, что отвѣчала въ Тверской губерніи баба комиссіи, изслѣдовавшей, по поводу моей статьи, вопросъ объ артельныхъ сыроварняхъ.

— Это вы, господа,—говорила баба — прандуете дѣтьми; у насъ не такъ: живутъ—ладно, нѣтъ—„Богъ съ ними“.

— Да что-жъ тебѣ младшій—вѣдь онъ грудной былъ, хлѣба не просилъ?

— Конечно, грудной хлѣба не проситъ, да вѣдь меня тянетъ тоже, а съ пушного хлѣба какое молоко, самъ знаешь. И въ кусочки ходить мѣшалъ: побольшенькихъ пошлешь, а сама съ груднымъ дома. Куда съ нимъ пойдешь?—холодно, тоже пищитъ. Теперь, какъ Богъ его прибралъ, вольнѣе мнѣ стало. Самъ знаешь, сколько ихъ Панфилъ наstругалъ, а кормить не умѣетъ. Плохо —Божья воля; да Богъ не безъ милости. И баба ударила кнутомъ кобыленку.

Весною нынѣшняго года крестьянамъ пришлось совсѣмъ погибать. Ни хлѣба, ни корму; даже богачамъ пришлось прикупать хлѣбъ; всю солому съ крышъ потравили, кислой капустой, у кого оставалась, овецъ кормили—сами весной щавелькомъ перебьемся — даже сѣмя льняное, у кого было оставлено для посѣва, все потравили: толкли и посыпали рѣзку. Каждый думалъ уже не столько о себѣ, сколько о скотѣ, какъ бы поддержать скотъ до выгона на пастбище. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля положеніе было ужасное; если бы весна была обыкновенная, то большая часть скота должна была бы погибнуть отъ безкормицы, но Богъ не безъ милости! Весна въ нынѣшнемъ году наступила такъ рано, какъ и не запомнятъ старики. Въ чистый чет-

вергъ, 13-го апрѣля, было тепло какъ лѣтомъ, даже жарко; прошелъ теплый проливной дождь, прогремѣлъ громъ. Въ этотъ день въ первый разъ выпустили скотъ въ поле и—вещь неслыханная—съ 12-го апрѣля весна установилась и скотъ уже не пришлось болѣе оставлять дома; было, правда, нѣсколько холодныхъ дней на святой, но съ Егорья скотъ уже сталъ наѣдаться въ полѣ. Весна въ нынѣшнемъ году—настоящая весна, теплая, радостная, зеленая, наступила тремя недѣлями ранѣе, чѣмъ обыкновенно. Не будь этого, крестьяне совершенно бы разорились, особенно бѣдняки, потому что кормы были потравлены еще до Евдокей и весь мартъ пришлось кормить скотъ соломенной рѣзкой, посыпанной мукой, а муку-то нужно было покупать, такъ какъ даже богачамъ своего хлѣба не хватило! Счастье еще, что желѣзная дорога поддержала: былъ, во-первыхъ, заработокъ — пилка и подвозка дровъ, отправляемыхъ отсюда въ Москву — а вовторыхъ, вслѣдствіе подвозки хлѣба по желѣзной дороги, степная рожь не подымалась выше 7 рублей, мѣстная же шла въ 8 рубляхъ. Не будь желѣзной дороги, рожь достигла бы, какъ въ прежніе годы, 12 рублей.

Повторяю, положеніе было ужасное. Крестьяне, кто побѣднѣе, продали и заложили все, что можно—и будущій хлѣбъ, и будущій трудъ. Процентъ за взятыя взаймы деньги платили громадный, по 30 копѣекъ съ рубля и болѣе за 6 мѣсяцевъ. Мужикъ прежде всего старается занять, хотя бы за большой процентъ, лишь бы перевернуться, и уже тогда только, когда негдѣ занять, набираетъ работы. Въ апрѣлѣ ко мнѣ пришелъ разъ довольно зажиточный мужикъ, у котораго не хватило хлѣба, съ просьбой дать ему взаймы денегъ на два куля ржи.

— Дай ты мнѣ, А. Н., пятнадцать рублей денегъ взаймы до Покрова; я тебя деньги въ срокъ представлю, какъ сѣмя продамъ, а за процентъ десятину лугу уберу.

— Не могу. А если хочешь, возьмись убрать три десятины лугу: по 5 рублей за десятину дамъ. Деньги всѣ впередъ.

— Нелья, А. Н.

— Да вѣдь хорошую цѣну даю, по 5 рублей за десятину; самъ знаешь, какой лугъ; если 100 пудовъ накосишь, такъ и слава Богу.

— Цѣна хороша, да мнѣ-то невыгодно. Возьму я три десятины лугу убирать, значитъ свой покосъ упустить долженъ,—хозяйству разстройство. Мнѣ бы теперь только на переворотку денегъ, потомъ, Богъ дастъ, конопельку къ покрову продамъ, тогда вотъ я тебѣ десятину уберу съ удовольствіемъ.

Дѣйствительно, крестьянину очень часто гораздо выгоднѣе занять

денегъ и дать большой процентъ, въ особенности работою, чѣмъ обязаться отрабатывать взятыя деньги, хотя бы даже по высокой цѣнѣ за работу. При извѣстныхъ условіяхъ, мужикъ не можетъ взять у васъ работу, хотя бы вы ему давали непомѣрно высокую цѣну, положимъ два рубля въ день, потому что, взявъ вашу работу, онъ долженъ упустить свое хозяйство, разстроить свой дворъ, каковъ бы онъ ни былъ; понятно, мужикъ держится и руками, и зубами. Когда мужику нужны деньги, онъ даетъ громадный процентъ, лишь бы только перевороти́ться, а тамъ—Богъ хлѣбушки народитъ: пенёчка будетъ. Если мужикъ вынужденъ брать деньги подъ большіе проценты, это еще не вовсе худо; а вотъ когда плохо,—если мужикъ наберетъ работъ не подъ силу. Въ нынѣшнемъ году было множество и такихъ, которые готовы были взять какую угодно работу, только бы деньги впередъ. Хлѣба нѣтъ, корму нѣтъ, самому ѣсть нечего, скотъ кормить нечѣмъ, въ долгъ никто не даетъ—вотъ мужикъ и мечется изъ стороны въ сторону: у одного берется обработать кругъ, у другого десятину льна, у третьяго убрать лугъ, лишь бы денегъ впередъ получить, хлѣбушки купить, „душу спасти". Положеніе мужика, который зимою, „спасая душу", набралъ множество работы, лѣтомъ самое тяжелое: его рвутъ во всѣ стороны—туда ступай сѣять, туда косить,—конца работы нѣтъ, а своя нива стоитъ.

Утро. Прелестное весеннее утро;—роса, воздухъ наполненъ ароматами, птицы начинаютъ просыпаться. Солнце еще не взошло, но Аврора ужъ не спитъ и „изъ подземнаго чертога съ яркимъ факеломъ бѣжитъ". Мужикъ Дёма всталъ до свѣту, подъѣлъ хлѣбушки, запрягаетъ на дворѣ лошадь въ соху, думаетъ въ свою ниву ѣхать—у людей все вспахано, а его нива еще лежитъ. Не успѣлъ Дёма обрядить лошадь, а уже староста изъ Ба́рдина, прискакавшій верхомъ выгонять обязавшихся работой, тутъ какъ тутъ—стучитъ въ ворота.

— Эй, Дёма!

— Чего?

— На скородьбу ступай. Что-жь ты до сихъ поръ на скородьбу не выѣзжаешь—люди выѣхали, а тебя нѣтъ.

— Ослобони, Гаврилычъ, ей-богу своя нива не пахана.

— Что мнѣ до твоей нивы—скородить, говорю, ступай.

— Есть ли на тебя хрестъ, Гаврилычъ? Ей-богу, нива не вспахана—люди всѣ подняли, а моя лежитъ.

— Ступай, ступай. Обвязался, такъ ступай, а не то знаешь Сидорыча (волостной),—тотъ сейчасъ портки спуститъ.

Дёма почесывается, но дѣлать нечего — обязался работой, нужно ѣхать, волостной шутить не любитъ, да и староста такъ не уѣдетъ.

Староста дожидается, пока Дёма не запряжетъ лошадей въ бороны и не выѣдетъ на улицу.

— Ну, поѣзжай, да хорошенько, смотри, выскороди, я ужо заверну. Выпроводивъ Дёму, Бардинскій староста поскакалъ въ другую деревню, выгонять какого нибудь Панаса.

Ѣдетъ Дёма на скородьбу въ Бардино и думаетъ о своей непаханой нивѣ.

— Стой, Дёма, куда ты? встрѣчаетъ Дёму Фединскій староста, тоже прискакавшій выгонять на работу въ Федино. — Что же ты не выѣзжаешь до сихъ поръ ленъ сѣять—вѣдь я тебѣ заказалъ вчера.

— Я, Павлычъ, къ вамъ и собирался, да вотъ Гаврилычъ набѣжалъ, скородить въ Бардино выгналъ.

— Да мнѣ-то что за дѣло до Бардинскаго старосты! Вѣдь ты у насъ обвязался на ленъ, такъ и работай. Мы вѣдь тоже не щепками платимъ. Какое намъ дѣло до Бардинскаго старосты! Ступай ленъ сѣять, люди всѣ выѣхали, а тебя одного нѣтъ. Ступай, а не то знаешь... Сидорычъ долго думать не будетъ.

— Ей Богу, Павлычъ, сейчасъ Бардинскій староста былъ, на скородьбу выгналъ, тоже волостнымъ пужаетъ.

— Какое намъ дѣло! Ступай, ступай, запрягай телегу.

Фединскій староста, чтобы не упустить Дёму, ждетъ, пока тотъ не запряжетъ, и торжественно ведетъ его въ Федино, а баринъ на дворѣ уже сердится.

— Что же ты, Дёма, такъ запоздалъ? Видишь, утро какое тихое, самый сѣвъ, ступай насыпай.

— Да я и то, Микулаичъ, спѣшилъ: кони на пустоши были, кобыла путы оборвала, бѣгалъ, бѣгалъ, насилу поймалъ — не дается, волкъ ее заѣшь — оттого и припоздңился. Сейчасъ насыплюсь, намъ недолго посѣять, къ вечеру задѣлаемъ, —уроди только Господи.

На другой день Дёма скородитъ въ Бардинѣ, а его нива стоитъ непаханою. Нѣтъ, ужъ это послѣднее дѣло, когда мужикъ долженъ набирать работы не подъ силу — тутъ во всемъ хозяйствѣ упущеніе, и смотришь черезъ нѣсколько лѣтъ мужикъ совершенно провалился. Но что же дѣлать? за то „душу спасъ“, зимою съ голоду не умеръ. Единственный случай, когда мужику выгодно взять подъ работу, даже непосильную, это если онъ беретъ хлѣбъ на сѣмена. Въ нынѣшнемъ году весною, во время посѣва, овесъ доходилъ до 5 рублей за куль, такъ что мужикъ за куль овса для посѣва брался убрать десятину луга, и ему все-таки выгоднѣе, разумѣется, въ случаѣ урожая, упустить свой покосъ, чѣмъ оставить поле непосѣяннымъ. Однако, нынче

все-таки много осталось нивъ незасѣянными, потому что и за высокую плату сѣмянъ добыть негдѣ было.

Нынѣшняя ранняя весна всѣхъ, даже опытныхъ стариковъ крестьянъ, поставила въ тупикъ. Все шло ранѣе обыкновеннаго на три недѣли. 13-го апрѣля слышали первый громъ, появились мухи, начали пахать подъ яровое, gagea разцвѣла, кукушки закуковали. Съ 15-го овцы уже стали наѣдаться въ полѣ. 18-го жабникъ былъ въ полномъ цвѣту. 20-го появились майскіе жуки. Къ 23-му березнякъ одѣлся, лѣсъ зазеленѣлъ, ласточки показались, крупный скотъ сталъ наѣдаться. 25-го листъ на осинѣ уже трясется—значитъ, лошади въ полѣ будутъ сыты. 28-го затрубили медвѣдки, запѣли соловьи. 29-го козелецъ зацвѣлъ на жирныхъ мѣстахъ, черемуха въ полномъ цвѣту—ягнятъ стричь пора. Къ первому мая липа одѣлась, головли трутся. Къ 5-му „коровій напоръ“ былъ въ полномъ цвѣту — самое молоко значитъ, рожь начала колоситься, черные грибы показались, закричали коростели и перепела. Такой ранней весны никто не запомнитъ. Обыкновенно, посѣвъ ярового у насъ начинается съ царя (21-мая, св. царей Константина и Елены). Въ обыкновенные годы это число совпадаетъ у насъ съ полнымъ развитіемъ весенней теплоты, проявляющемся въ извѣстномъ развитіи растительной и животной жизни. Овсяный сѣвъ, признакомъ котораго считается разцвѣтаніе козельца, ходъ головлей, появленіе грибовъ березовиковъ обыкновенно бываютъ въ 20-хъ числахъ мая. Въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе теплой, ранней весны, земля отошла ранѣе, растительная и животная жизнь опередила обыкновенные годы на цѣлыхъ двѣ недѣли и не дождалась „царя“.

Сѣять или не сѣять? вотъ вопросъ, который занималъ всѣхъ насъ. До царя еще далеко, а уже наступили всѣ признаки овсянаго сѣва: тепло, и козелецъ цвѣтетъ, головли трутся и коростели кричатъ, а еще Никола не прошелъ. Неслыханное дѣло, чтобы у насъ сѣяли до Николы.

Сѣять или не сѣять?

Посѣемъ рано — овесъ можетъ попасть подъ засуху, не нальетъ хорошо, не своимъ спѣхомъ поспѣетъ, поспѣетъ вмѣстѣ съ рожью, такъ что два хлѣба за разъ убирать придется.

Опоздаемъ посѣвомъ—можетъ морозомъ захватить овесъ во время налива, и тогда все пропало — примѣры этому были — а по ранней веснѣ можно ожидать и раннихъ морозовъ. Сдѣлалось уже совершенно тепло, лѣто установилось, а еще не отошло 40 утренниковъ, которые должны быть послѣ сороковъ (9 марта, сорока мучениковъ) — было всего только 36 морозовъ, что съ точностію опредѣлила моя „старуха“,

которая на „сороки“ спекла сорокъ колбановъ—шариковъ изъ ячной муки—и каждый день, когда морозъ, давала одинъ колбанъ коровѣ. Пришло лѣто, а у старухи осталось еще 4 колбана, значитъ было всего 36 морозовъ; можно было еще ожидать 4 мороза (примѣта нынче не оправдалась, все лѣто морозовъ не было). Сѣять или не сѣять?

28-го апрѣля у насъ было первое совѣщаніе съ Иваномъ насчетъ сѣва. Вечеръ былъ теплый, превосходный, совершенно майскій вечеръ, соловьи такъ и заливались въ олешникѣ подлѣ пруда, медвѣдки трубили во всю мочь. Хорошо весной въ деревнѣ! Право, еслибы мнѣ предложили теперь быть директоромъ департамента, то я не согласился бы. Я сидѣлъ на балконѣ, наслаждался весеннимъ вечеромъ, курилъ и прихлебывалъ чай. Иванъ внизу балкона, съ стаканомъ чаю въ рукахъ — Иванъ при мнѣ *никогда* не садится, и если я ему предложу чаю, то онъ всегда пьетъ стоя — докладывалъ о дневныхъ работахъ.

— Ну что, Иванъ, когда сѣять будемъ? Не начать ли съ будущей недѣли, ты какъ думаешь?

— Рано еще, А. Н. Сколько лѣтъ живу, никогда такъ рано не сѣяли. Нельзя до Николы сѣять. Послѣ Николы тамъ, что Богъ дастъ. Ленъ до Николы попробуемъ.

— Отчего же рано? Мало ли, что никогда объ эту пору не сѣяли— вѣдь никогда и весны такой ранней не было. Не ждать же царя? Зацвѣтетъ козелецъ, и сѣять.

— Зачѣмъ царя будемъ ждать;—но все-таки рано еще. Ленъ посѣемъ.

Сѣять или не сѣять?

Написалъ одному опытному хозяину—вы не думайте однако, что у насъ вовсе нѣтъ хорошихъ хозяевъ: есть такіе, что такъ деньги и гребутъ! — прося его совѣта насчетъ времени сѣва. Тотъ отвѣчалъ, что ждать царя нечего, а нужно сѣять, когда земля сдѣлается „посѣвна“, будетъ тепла, будетъ издавать „посѣвный запахъ“.

„Когда земля сдѣлается посѣвна“! А почемъ это узнать? — Вотъ для этого-то и нужно быть *хозяиномъ*. Будешь хозяиномъ, будешь и денежки загребать; это не то, что въ департаментѣ — чиркнулъ перомъ, и готово. Пожалуйте жалованье получать.

Между тѣмъ, узнаю, что одинъ изъ моихъ сосѣдей уже посѣялъ 29-го апрѣля. Опять совѣщаніе съ Иваномъ—тотъ уже не такъ упорно стоитъ, чтобы сѣять непремѣнно послѣ Николы.

— Можно, говорятъ, и до Николы сколько нибудь посѣять.

— Въ Фединѣ, говорятъ, посѣяли.

— Слыхалъ, что посѣяли, только у нихъ, говорятъ, овесъ особенный, чужестранный, который рано сѣютъ. Посѣемъ и мы сколько нибудь до Николы. Ленъ съ понедѣльника закажу.

Обращаюсь къ книгамъ; беру руководство къ практическому сельскому хозяйству и отыскиваю статью „овесъ". Читаю, узнаю, что овесъ принадлежитъ къ классу Triandria Dyginia, что слово Avena неизвѣстно откуда происходитъ, но Пекстонъ полагаетъ, что оно происходитъ отъ цельтическаго слова Etan, что значитъ: ѣсть; узнаю, что существуетъ 54 разности овса, что овесъ можно сѣять послѣ всѣхъ хозяйственныхъ растеній, и что это служитъ яснымъ доказательствомъ того, что овесъ можетъ питаться самыми грубыми началами почвы, которыя, такъ сказать, не годятся для питанія другихъ сельско-хозяйственныхъ растеній... Ей-Богу не вру, все это я буквально выписываю изъ книжки—не говорю изъ какой, потому что какую ни возьми, все равно. Просмотрѣвъ рубрики „климатъ", „почва", „мѣсто въ сѣвооборотѣ", „обработка поля", нахожу, наконецъ, „время посѣва". Вотъ оно, вотъ это-то мнѣ и нужно! Прочиталъ разъ, прочиталъ другой, — чортъ знаетъ, что такое! написана цѣлая страница, а толку нѣтъ! „Самое лучшее время для посѣвовъ овса апрѣль и май". — Тэкъ-съ. „На низменныхъ и сырыхъ почвахъ его сѣютъ въ маѣ, а на сухихъ въ апрѣлѣ"... и все въ такомъ родѣ, а въ заключеніе сказано: „такъ-какъ весьма важно опредѣлить настоящее время овсянаго посѣва, то потому и необходимо при этомъ брать во вниманіе многія мѣстныя условія".

Да какія же условія нужно брать во вниманіе?

Вотъ для этого-то и нужно быть хозяиномъ. Будешь хозяиномъ, будешь и деньги загребать, а то по книгамъ захотѣлъ... Странное дѣло, отчего это наши агрономическія книги такъ плохи? Все-то у насъ есть: и цѣлый департаментъ, и два — не то три — инспектора сельскаго хозяйства, и академія, и институтъ, и школы агрономическія, профессоровъ сколько, наукъ сколько—домоводство, растеньеводство, скотоводство,—это главныя,—да еще сколько спеціальныхъ: луководство, піявководство—а книгъ хорошихъ нѣтъ.

Уѣзжая изъ Петербурга, я взялъ съ собою множество агрономическихъ книгъ; кажется, у меня есть почти все, что издано по этой части на русскомъ языкѣ; получаю три хозяйственныхъ журнала — тоже вѣдь казна деньги на нихъ отпускаетъ—а повѣрите ли, всякій разъ, когда я обращаюсь къ книгѣ, въ концѣ концовъ дѣло сводится на то, что я швыряю книгу подъ столъ. Читаешь, читаешь, написано много, а того, чего ищешь, никогда не найдешь. Единственныя книги, которыя мнѣ приносили пользу—это книги и статьи по садоводству

и огородничеству Регеля, Грачева и друг.; даже брошюрка о разведенiи огородныхъ растенiй, которую магазинъ Запѣвалова присылаетъ вмѣстѣ съ огородными сѣменами, оказалась очень полезною, а изъ агрономическихъ книгъ ничего извлечь не могу. Во всей этой массѣ книгъ и журнальныхъ статей поражаетъ отсутствiе здраваго смысла, практическихъ знанiй и даже способности вообразить реальное дѣло. Ну, полижимъ, самымъ дѣломъ не занимаешься на практикѣ, такъ неужели же нельзя, пишучи статью, вообразить себя въ положенiи человѣка, который долженъ выполнять то, о чемъ пишется на дѣлѣ? Ну, положимъ, пишешь статью о разведенiи клевера—неужели нельзя вообразить себя въ положенiи человѣка, которому дѣйствительно приходится сѣять клеверъ, которому нужно прежде всего купить сѣмена, а слѣдовательно нужно умѣть различить, хороши ли они, и т. д. Тянутъ, тянутъ, пишутъ, или, лучше сказать, переводятъ—одна строчка изъ Шварца, другая изъ Шмальца — безъ всякаго толку. Сейчасъ видно, что всѣ эти книги пишутся людьми, которые никогда не хозяйничали, которые не знаютъ, что въ половинѣ августа бываютъ морозы, что въ сентябрѣ бываютъ зазимки, при которыхъ наваливаютъ снѣгу на 3 аршина, что зимою навозная жижа замерзаетъ, что при 30 градусахъ мороза нельзя работать на дворѣ, и если человѣкъ въ такой морозъ слѣзаетъ съ печи, то потому только, что „неволя велитъ и сопливаго любить". Ничего своего, все изъ нѣмцевъ взято; такой-то нѣмецъ говоритъ то-то—давай сюда; другой нѣмецъ говоритъ совершенно противоположное—давай сюда, третiй нѣмецъ говоритъ... тащи сюда, вали все въ кучу, кому нужно—разберетъ. Учености въ каждой статьѣ тьма, а дѣла нѣтъ. Совершенное отсутствiе практическихъ знанiй и какая-то воловья вялость — точно всѣ эти книги пишутся кастратами. Мнѣ много разъ случалось слышать отъ ученыхъ агрономовъ, что на лекцiяхъ, въ книгахъ и статьяхъ, нельзя излагать практическое хозяйство, но это неправда. Я теперь собственнымъ опытомъ убѣдился, что и книги, сообщающiя чисто-практическiя свѣдѣнiя, даже книги, написанныя чистыми практиками, вовсе незнакомыми съ научными изслѣдованiями, незнающими ни состава почвы, ни состава растенiй, могутъ быть очень полезны практику; я убѣдился въ этомъ на книгахъ о садоводствѣ и огородничествѣ. Прiѣхавъ на хозяйство, я не имѣлъ никакихъ практическихъ знанiй по полеводству, скотоводству и огородничеству; моимъ помощникамъ — Ивану, Сидору, Авдотьѣ—всѣ эти части хозяйства были извѣстны въ равной степени и даже огородничество менѣе всего, потому что у нашихъ крестьянъ огородничество въ плохомъ состоянiи. Мнѣ часто приходилось обращаться къ книгамъ за совѣ-

томъ и, странное дѣло, отчего же только книги по огородничеству, отчего статьи Грачева, Запѣвалова и другихъ, людей, которые едва-ли знаютъ, какой составъ имѣютъ сѣмена рѣпы и огурцовъ, не сходятъ у меня со стола, между тѣмъ, какъ книги по скотоводству и полеводству, за весьма небольшими исключеніями — за исключеніемъ, напр., книги Совѣтова о кормовыхъ травахъ, которая оказалась мнѣ очень полезною, хотя въ научномъ отношеніи не выдерживаетъ самой снисходительной критики (теперь мнѣ понятно, отчего эта книга имѣла 3 изданія)—валяются подъ столомъ? Отчего же можно написать такую статью о разведеніи огурцовъ, которая мнѣ, практику, приноситъ непосредственную пользу, и нельзя написать такую же статью о разведеніи клевера? Отчего статью по огородничеству можно написать такъ, что она непосредственно относится къ нашимъ мѣстнымъ условіямъ, а статью по полеводству такъ написать нельзя? Отчего Регель и Грачевъ даютъ мнѣ такія указанія относительно ризведенія земляники, смородины, капусты и пр., которыя я могу непосредственно примѣнить съ пользою на практикѣ, а какой нибудь агрономъ или скотоводъ даетъ такіе совѣты, которые я выполнить не могу? Отчего огородникъ не посовѣтуетъ мнѣ сдѣлать то, что можно сдѣлать только въ Италіи — я, разумѣется, исключаю книги по огородничеству, переведенныя съ нѣмецкаго профессорами, и говорю только о статьяхъ нашихъ (иногда написанныхъ и нѣмцами) садоводовъ и огородниковъ — а какой нибудь агрономъ, нѣтъ, нѣтъ, да и посовѣтуетъ сѣять рожь въ концѣ сентября или накачивать насосомъ на гноевищѣ замерзшую навозную жижу? Отчего въ статьяхъ по садоводству и огородничеству чуется живая струна, а отъ агрономическихъ статей пахнетъ мертвечиной, кастратскою вялостію? Отчего Авдотья вѣритъ въ книги по огородничеству, точно такъ, какъ вѣритъ въ поваренныя хозяйственныя книги—вотъ еще книги, которыя мнѣ принесли пользу — и часто проситъ меня посмотрѣть въ „книжку", какъ слѣдуетъ посадить то-то и то-то, и не вѣритъ въ книги по скотоводству? Не оттого ли это, что статьи по огородничеству пишутся людьми, которые занимались своими огородами, а иногда отъ огородовъ своихъ только и получали средства для своего существованія, между тѣмъ какъ статьи по агрономіи и скотоводству пишутся людьми, которые клеверъ сушили только для гербаріевъ, и много если разводили на грядкахъ, скотъ видѣли только на выставкахъ, а сливки видѣли только кипяченыя — съ пѣнками?

Мнѣ часто думается, не эта ли мертвая вялость, которою несетъ отъ книгъ, причиною, почему наши агрономическія заведенія выпускаютъ такъ мало людей, идущихъ въ практику? Мнѣ все ка-

жется, что профессоръ, который никогда самъ не хозяйничалъ, который съ первыхъ дней своей научной карьеры засѣлъ за книги и много если видѣлъ, какъ другіе хозяйничаютъ на образцовыхъ фермахъ, который не жилъ хозяйственными интересами, не волновался, видя находящую въ разгаръ покоса тучу, не страдалъ, видя какъ забило дождемъ его посѣвъ, который не несъ матеріальной и нравственной отвѣтственности за свои хозяйственныя распоряженія — мнѣ кажется, что такой профессоръ, хотя бы онъ прочелъ всѣ книги, написанныя Шверцами и Шмальцами, никогда не будетъ чувствовать живого интереса къ хозяйству, не будетъ имѣть хозяйственныхъ убѣжденій, смѣлости, увѣренности въ непреложности своихъ мнѣній, всего того, словомъ, что дается только „дѣломъ". Агрономъ, который никогда не прилагалъ своихъ знаній на дѣлѣ, будетъ похожъ на химика, который изучилъ химію по книгамъ, но никогда самъ въ лабораторіи не работалъ. Занятіе агрономіей по книгамъ, подобно тому какъ занятіе химіей или анатоміей по книгамъ, есть онанизмъ для ума. Мнѣ кажется, что такіе профессора, сами не интересуясь живо предметомъ, не имѣя подъ собой почвы, не могутъ возбудить интереса къ „дѣлу" и въ своихъ ученикахъ, вслѣдствіе чего тѣ, окончивъ курсъ въ агрономическомъ заведеніи, не идутъ въ хозяйство, а, копируя своихъ профессоровъ, поступаютъ въ чиновники. Недостатокъ агрономическихъ книгъ у насъ полнѣйшій, хотя книгъ много. Бѣда тому, ко начнетъ хозяйничать при помощи этихъ книгъ; не даромъ сложилось у насъ понятіе, что кто хозяйничаетъ „по агрономіи", тотъ разоряется.

Не найдя въ книгахъ ничего путнаго относительно времени посѣва овса, выругавшись и, разумѣется, помянувъ нѣмцевъ — нѣмцы-то тутъ, впрочемъ, ни въ чемъ не виноваты, потому что они пишутъ для себя: вольно же намъ, не пережевавъ, все таскать отъ нихъ въ свою утробу! — я пошелъ бродить по полямъ и лугамъ. Весна въ полномъ разгарѣ, всюду зелень и благоуханіе, черемуха въ полномъ цвѣту, козелецъ зацвѣтаетъ, въ лѣсу стоитъ весенній гулъ отъ пѣнія птицъ, жужжанія насѣкомыхъ, земля тепла, хоть босикомъ ходи, на пашнѣ пахнетъ земляными червями—вотъ онъ, посѣвный запахъ. Возвращаясь домой, встрѣтилъ „дѣда"; бѣжитъ босикомъ, въ одной рубахѣ и мокрыхъ портахъ, и тащитъ что-то въ ведерочкѣ, должно быть раковъ или рыбу. — Вотъ, думаю, кто мнѣ скажетъ насчетъ посѣва. „Дѣдъ" — старикъ изъ ближайшей деревни, совсѣмъ сивый, какъ у насъ говорятъ, былъ уже взрослымъ мальчикомъ въ разоренный годъ и хорошо помнитъ французовъ—„обходительный, говоритъ народъ!"—потому что держалъ лошадей, которыхъ его отецъ ковалъ

проходящимъ французскимъ кавалеристамъ. „Дѣдъ“—хорошій хозяинъ, знаетъ всѣ примѣты, и его мнѣніе всегда уважается на совѣтѣ „стариковъ“, который рѣшаетъ когда сѣять коноплю, овесъ, рожь и ленъ: у крестьянъ всегда бываетъ предварительное совѣщаніе, когда начать сѣвъ, особенно конопли, которую сѣютъ всѣ за разъ, и какъ рѣшатъ старики, такъ и дѣлается. „Дѣдъ“—рыболовъ, лѣтомъ постоянно доставляетъ мнѣ рыбу и раковъ, а на заработанныя деньги балуетъ ребятъ, своихъ внучатъ, которыхъ всегда самъ возитъ на сельскія ярмарки и тамъ угощаетъ на свои, рыбою и раками заработанныя деньги.

— Здравствуй, дѣдъ! что, рыбки принесъ?

— Рыбки, рыбки свѣженькой.

— Небось головли?

— Головлики, головлики.

— Чтожъ, трутся?

— Трутся, трутся.

— А вѣдь рано ныньче пошелъ головль?

— Рано,—и не помню такой ранней весны.

— Сѣвъ, значитъ, овсяный?

— Да сѣвъ, головль трется,—скоро сѣвъ.

— Когда же сѣять будемъ?

— А когда пора придетъ, когда пора придетъ. Рано ныньче сѣять будемъ.

— Я думаю сѣять.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, рано еще, обожди маленько, когда матушка начнетъ выколашиваться; ты не смотри, что въ Фединѣ посѣяли: тамъ овесъ заморскій; обожди маленько, а ленъ сѣй, ленъ сѣй.

Вечеромъ, при докладѣ, Иванъ началъ сдаваться насчетъ посѣва.

— Обходилъ рожь сегодня,—отлично набирается, скоро колоситься начнетъ, козелецъ зацвѣтаетъ, никогда еще такой ранней весны не было. Два сѣва сдѣлаемъ, А. Н.,—одинъ до Николы, а другой послѣ Николы.

4-го мая мы засѣяли половину поля овса, 10-го—вторую половину, 17-го—посѣяли ячмень. Посѣвъ ярового окончился благопріятно. Задѣлали хорошо. Ну, теперь все кончено, можно отдохнуть, только бы Богъ далъ благопріятную погодку. Послѣ сѣва вскорѣ наступила засуха. Съ утра до ночи печетъ солнце, постоянно дуетъ сухой юго-западный вѣтеръ. Земля высохла, потрескалась. Скоро, превосходные вначалѣ, всходы овса начали желтѣть. Недѣля прошла другая—бѣда! если еще нѣсколько дней засухи, то яровое выгоритъ какъ въ прошедшемъ году. Тяжело хозяину въ такое время; ходишь, на небо

посматриваешь, въ поле хоть не ходи, овесъ заострился, желтѣетъ, трава на лугахъ не ростетъ, отцвѣла ранѣе срока, зрѣетъ не своимъ спѣхомъ, сохнетъ. Чуть сдѣлается пасмурно, набѣжитъ тучка,—радостно смотришь на небо. Упало нѣсколько капель дождя... Ну, слава тебѣ Господи, наконецъ-то дождь! Нѣтъ, небо нахмурилось, походили тучи, погремѣлъ громъ въ отдаленіи, и опять нѣтъ дождя, опять дуетъ суховѣй, опять солнце жжетъ, точно раскаленное желѣзо. Вотъ опять набѣжала тучка, брызнуло нѣсколько капель дождя, а потомъ опять солнце, опять зной, а по сторонамъ все тучи ходятъ. Ну, наконецъ будетъ дождь: совсѣмъ стемнѣло; съ запада медленно надвигается темная грозовая туча, сверкнула молнія, разъ, другой; громовые удары слѣдуютъ одинъ за другимъ, все ближе и ближе надвигается туча, старуха въ застольной уже зажгла страстную свѣчу и накурила ладономъ, вотъ пахнуло холодомъ, поднялся вихрь,—сейчасъ польетъ дождь. Нѣтъ, туча прошла мимо и въ пяти верстахъ разразилась проливнымъ дождемъ и градомъ, который отбилъ рожь. Насъ Богъ помиловалъ, а въ окрестностяхъ много полей отбито градомъ, такъ что засѣвать нечѣмъ было, и крестьяне должны были покупать рожь на посѣвъ.

Уже началась вывозка навоза, а дождя нѣтъ какъ нѣтъ, трава посохла, овесъ желтѣетъ и видимо чахнетъ. Наконецъ, на второй день возки навоза, подъ вечеръ набѣжала туча и разразилась проливнымъ дождемъ, который хорошо промочилъ землю. Къ утру все зазеленѣло. На другой день, съ утра зарядилъ обкладной дождь, такъ что послѣ обѣда пришлось прекратить возку навоза, потому что повозничи—мальчики и дѣвочки 7 — 12 лѣтъ, которые водятъ лошадей съ возами навоза — размякли, а повозничи такой народъ, что какъ размякнутъ, да озябнутъ, убѣгутъ и лошадей побросаютъ— что съ ними подѣлаешь!

Прошло нѣсколько дней; яровые поправились; но травы уже не могли поправиться — отавы за то хороши были потомъ — все время навозовъ шли дожди, перемежаясь съ хорошими днями. Наступило время покоса, а дожди все идутъ. Передъ Петровымъ днемъ какъ-то выскочило нѣсколько хорошихъ дней,—начали косить. Только что подкосили лучшій лугъ—дождь. Черезъ день опять погода и пошло такъ: вечеромъ помочитъ, утромъ паритъ, только что повернемъ, опять дождикъ—сѣногной. Просто измучились; лугъ, который обыкновенно убирался въ 5 дней, убирали 2 недѣли, да и то большая часть сѣна убрана сильно испортившагося—а травы-то и безъ того были плохи. Не успѣли еще покончить съ главными покосами, наступило жнитво. Выскочило нѣсколько хорошихъ дней, и у меня въ три дня сжали

все поле; еще два хорошихъ дня — и весь хлѣбъ будетъ въ сараѣ. Не тутъ-то было—пошелъ дождь и намочилъ снопы. Пришлось накрывать, разставлять, пересушивать; къ счастію, выскочило три сухихъ дня съ вѣтромъ: въ два дня снопы высохли, на третій всѣ 450 телѣгъ ржи были свезены и уложены въ сарай. Уфъ! Когда положили послѣднюю телѣгу и Иванъ, замкнувъ сарай и перекрестившись, проговорилъ: „теперь только разлучи Господи съ дымушкомъ", точно камень съ сердца свалился. Не успѣли мы съ Иваномъ дойти отъ сарая до дому, какъ пошелъ дождь. Съ уборкой ржи кончились всѣ наши волненія. Послѣ того погода благопріятствовала всѣмъ работамъ: и поздніе покосы, и посѣвъ озими, и уборка льновъ и яровыхъ шли хорошо. Конечно, не безъ того, чтобы мы не волновались; въ особенности насъ безпокоили льны, потому что мы, на основаніи того, что весна была ранняя, ожидали ранней осени и раннихъ зазимковъ; но если весна была такая, что и старики не запомнятъ, то осень тоже стояла превосходная, на рѣдкость: скотъ ходилъ въ полѣ до 1-го ноября, слѣдовательно былъ въ полѣ 6½ мѣсяцевъ:

За исключеніемъ травъ и мѣстами картофеля, все нынче уродилось хорошо.

Въ нынѣшнемъ году, крестьяне, какъ я писалъ въ первыхъ письмахъ, пережили ужасную зиму — ни хлѣба, ни корму. Только необыкновенно ранняя весна спасла скотъ. Когда скотъ весной рано пошелъ въ поле, одной заботой стало меньше; нужно было только прокормиться до нови, но это-то и есть самое трудное. Зимою, кто побѣднѣе, кормились въ міру кусочками; теперь же, когда наступило время работъ, въ кусочки ходить некогда, да теперь и не подадутъ, потому что у всѣхъ хлѣбы подобрались. Перебивались кое-какъ. Кто позамысловатѣе, какъ говоритъ Авдотья, тѣ еще съ зимы запасли хлѣба на рабочее время — приберегали свой хлѣбъ, а сами ходили въ кусочки. Весною, кто скотину лишнюю продалъ и хлѣба купилъ, кто работою обязался и на полученный задатокъ купилъ хлѣба, кто въ долгъ набралъ до нови; но было множество и такихъ, которые перебивались изо дня въ день. Раздобудется мужикъ гдѣ нибудь пудикомъ мучицы, въ долгъ возьметъ, работу какую нибудь сдѣлаетъ, ягненочка продастъ, протянетъ нѣсколько времени, работаетъ, потомъ денекъ-другой голодаетъ, бѣгая, гдѣ бы еще достать хоть пудикъ, хоть полпудика, гдѣ нибудь на поденщину станетъ—хорошо еще, если можно хоть поденную работу найдти—заработаетъ пудъ муки и опять дома сидитъ, свою ниву пашетъ. Разумѣется, тутъ не до хорошаго хлѣба; замѣситъ баба съ вечера хлѣбъ; не успѣетъ закиснуть—ѣсть-то хочется, дѣти пищатъ —

прѣсныхъ лепешекъ напечетъ, а то и просто болтушку сдѣлаетъ. Въ праздникъ въ кусочки сбѣгаетъ, по окрестнымъ деревнямъ дѣтей пошлетъ, а то и такъ около своихъ однодеревенцевъ, у которыхъ хлѣбъ есть, перебивается: сработаетъ что нибудь—покормятъ, скибку хлѣба дадутъ; иной разъ и просто зайдетъ къ кому нибудь во время обѣда—не ѣлъ, скажетъ, сегодня; покормятъ—потомъ въ покосъ, въ жнитво поможетъ, поработаетъ. А бабы... „А что-жъ ты будешь дѣлать говоритъ Авдотья:—и... не умирать же съ голоду"!

Грибы пошли, полегче стало: все-таки подспорье. Нынѣшній годъ грибы показались рано и урожай на нихъ былъ необыновенный; конечно, на однихъ грибахъ, безъ хлѣба, не наработаешь много, но все-таки же продержаться, пока достанешь хлѣба, можно, да и къ хлѣбу подспорье — все же лучше, чѣмъ одинъ сухой хлѣбъ. Въ моихъ рощахъ грибы родятся во множествѣ. Лѣтомъ чуть свѣтъ всѣ бабы изъ окрестныхъ деревень прибѣгаютъ въ мои рощи за грибами, такъ что, навѣрно, каждый день въ рощахъ перебываетъ человѣкъ до полутораста. Разумѣется, бабы еще до свѣту обшарятъ всѣ рощи и всѣ грибы, въ особенности бѣлые, выберутъ такъ, что къ утру ничего не останется. Авдотья, какъ баба, какъ Коробочка, по жадности, все уговаривала меня заказать рощи, т. е. запретить въ нихъ брать грибы. Я на это не согласился. Мнѣ кажется, что помѣщику — не говоря уже о томъ, что голодные только грибами и питаются—нѣтъ разсчета запрещать брать грибы въ своихъ владѣніяхъ, и что вотъ подобные то запрещенія и влекутъ къ непріятнымъ столкновеніямъ. Извѣстно, что народъ, не только у насъ, но даже въ Германіи, не признаетъ лѣсъ частною собственностію и порубъ лѣса не считаетъ за воровство; даже и по закону у насъ порубъ лѣса не считается воровствомъ,—что же сказать о грибахъ! Положимъ, что лѣсъ ростетъ самъ собою, по волѣ божьей; но, такъ какъ лѣсъ ростетъ медленно, то нужно его беречь, чтобы дождаться извѣстнаго результата; я могъ бы срубить 25-лѣтній лѣсъ, но я ждалъ, давалъ ему рости до 100 лѣтъ, слѣдовательно, такъ сказать, отрицательно тратилъ на него. Кромѣ того, еслибы я вырубилъ лѣсъ, то земля изъ подъ лѣса давала бы мнѣ доходъ, и, разъ земля считается собственностію, то, если я оставляю ее подъ лѣсомъ, я несу извѣстный расходъ.

Но что же сказать о грибахъ? Грибъ выростаетъ самъ собою, никто его не садитъ, никто за нимъ не ухаживаетъ, никто даже не знаетъ, гдѣ онъ выростетъ; сберечь грибъ нельзя—не взялъ его сегодня, завтра онъ никуда не годится; ожидать, чтобы онъ выросъ, нельзя; помѣшать тому, чтобы онъ не выросъ на извѣстномъ мѣстѣ, тоже нельзя, да и срубить грибы какъ лѣсъ для того, чтобы во-

спользоваться землею, нельзя. Слѣдовательно, если даже лѣсъ не признается собственностію, а похищеніе лѣса воровствомъ, то похищеніе грибовъ нельзя даже поставить на одну степень съ порубомъ. Очевидно, что грибъ, по волѣ божьей, ростетъ на общую потребу, и запрещать брать грибы какъ то зазорно. Конечно, владѣлецъ лѣса можетъ запретить брать въ его лѣсу грибы, но это ужъ значитъ снимать пѣнки... Но если даже и не принимать во вниманіе, такъ сказать, неуловимость такой собственности, какъ грибъ, все-таки нѣтъ разсчета запрещать. Если запретить брать грибы, то это неминуемо поставить владѣльца въ военныя, такъ сказать, отношенія къ крестьянамъ, что невыгодно; запрещеніе брать грибы особенно тяжко отзовется на бѣднякахъ, которые безъ грибовъ положительно существовать не могутъ; оно отзовется также и на работахъ, потому что работающіе въ имѣніи и суть тѣ, которые наиболѣе пользуются грибами. Наконецъ, люди будутъ голодать, а грибы будутъ пропадать безполезно, потому что выбрать всѣ грибы невозможно, да и невыгодно этимъ заниматься. Барыни-помѣщицы обыкновенно запрещаютъ брать въ своихъ рощахъ грибы, потому что такъ же плохо разсчитываютъ, какъ Авдотья, которая никакъ не могла понять, что мнѣ выгоднѣе покупать грибы у бабъ, чѣмъ собирать своими работницами.—За свои-то грибы, да еще и деньги платить! цѣлое лѣто твердила Авдотья. Грибовъ было ныньче дѣйствительно множество; Авдотья съ двумя работницами не могли бы выбрать и тысячной доли того, что нарождалось. Какъ много грибовъ, видно изъ того, что послѣ того, какъ утромъ по рощамъ пройдетъ до полутораста человѣкъ, да еще днемъ бродитъ много праздношатающагося, неимѣющаго дѣла разнаго двороваго люда, все-таки вечеромъ, объѣзжая верхомъ рощи и собирая только тѣ грибы, которые увижу не слѣзая съ лошади, на опушкѣ, я обыкновенно привозилъ штукъ 30 бѣлыхъ грибовъ, что отчасти успокоивало Авдотью.

Впрочемъ, и я извлекъ выгоду изъ грибовъ. Въ одной изъ моихъ рощъ случился порубъ: крестьяне изъ сосѣдней деревни срубили 10 березъ и испортили 1 ель для разсохи. Призвалъ я ихъ:

— Лѣсъ порубили?

— Не могимъ знать, А. Н.

— Мимо шли, видѣли?

— Шли, видѣли.

— Вами?

— Не могимъ знать.

— То-то не могимъ знать. Если еще будетъ порубъ, въ грибы не пущу, такъ и бабамъ скажите.

— Слушаемъ, А. Н., будьте покойны.

Съ тѣхъ поръ порубовъ не было.

Такъ, грибами, добытымъ гдѣ нибудь пудикомъ мучицы, постоянно голодая, никогда не наѣдаясь досыта, бѣднякъ перебивается до „нови". Будь я художникомъ-живописцемъ, сколько бы типичныхъ картинъ представилъ я на академическую выставку! Вотъ мужикъ Дёма—у него жена и двое дѣтей — цѣлую весну онъ перебивался кое-какъ. Скоро „новь", а Дёма третьяго дня съѣлъ послѣднюю крошку хлѣба и побѣжалъ раздобыться хотя пудикомъ мучицы. Пробѣгавъ вчера цѣлый день, онъ нигдѣ не могъ достать ни въ долгъ, ни подъ работу; сегодня, въ числѣ другихъ, онъ пришелъ ко мнѣ наниматься чистить лугъ. Посмотрите на эту группу: сытые двое торгуются, а голоднаго Дёму беретъ нетерпѣніе и страхъ, что вотъ я откажу работу, если не наймутся за мою цѣну, — онъ толкаетъ локтемъ сытаго Бабура: бери. Дёмѣ все равно, какая цѣна, лишь бы добыть сегодня ковригу хлѣба, а завтра пудикъ мучицы. Еслибы я умѣлъ рисовать, я нарисовалъ бы на выставку „жницу", да не такую, какъ обыкновенно рисуютъ. Узенькая нивка, тощая рожь, солнце жжетъ, баба въ одной рубахѣ, мокрой отъ поту, съ осунувшимся, „почернѣвшимъ" отъ голоду лицомъ, съ запекшеюся кровью на губахъ, жнетъ, зажинаетъ первый снопъ — завтра у нея хотя еще и не будетъ хлѣба, потому что смолоть не успѣетъ, но уже будетъ вдоволь каши изъ пареной ржи.

Тяжелѣе всего мужику предъ новью. Вотъ-вотъ, не сегодня, такъ завтра, рожь поспѣетъ хотя на столько, что можно будетъ зеленую кашу ѣсть, а вотъ тутъ-то и нѣтъ хлѣба; пудъ муки, и то трудно достать въ это время, потому что каждый запасалъ хлѣба только до нови. Годъ плохой—всѣ жмутся.

Но вотъ, наконецъ, смолотили первую рожь и повезли „новь" на мельницы, — едва ли одинъ изъ ста вернулся съ мельницы не выпивши. Оно и понятно: человѣкъ голодалъ цѣлый годъ, а теперь хлѣба—по крайней мѣрѣ до Покрова—вволю. Намъ, которые никогда не голодали, намъ, которые дѣлаемъ передъ обѣдомъ прогулку для возбужденія аппетита, конечно, не совсѣмъ понятно положеніе голодавшаго мужика, который, наконецъ, дождался „нови". Представьте, однако, себѣ, что Дёма, который недѣлю тому назадъ бѣгалъ, хлопоталъ, кланялся, на колѣнахъ ползалъ передъ содержателемъ мельницы, выпрашивая пудикъ мучицы, теперь счастливый, гордый—самъ чортъ ему не братъ — сидитъ на телегѣ, въ которой лежатъ два мѣшка новаго чистаго хлѣба! Содержатель мельницы, который недѣлю тому назадъ, несмотря на мольбы, не одолжилъ

Bayerische Staatsbibliothek München

Дёмѣ пуда муки, встрѣчаетъ теперь его ласково, почтительно величаетъ Павлычемъ. Дёма, кивнувъ головой мельнику, медленно слѣзаетъ съ телѣги, сваливаетъ мѣшки и въ ожиданiи очереди—нови то навезли на мельницу гибель—когда придется ему засыпать, идетъ на мельничную избу, откуда слышатся пѣсни и крики подгулявшихъ замельщиковъ.—А! здравствуй, Демьянъ Павлычъ! здравствуй Дёма! что, новь привезъ? Ну, сами посудите, какъ тутъ не выпить! Поймите же радость человѣка, который всю зиму кормился кусочками, весну пробился кое-какъ, почасту питаясь одной болтушкой изъ ржаной муки и грибами, когда у этого человѣка вдругъ есть *цѣлый* куль чистаго хлѣка, —*цѣлый куль*! Въ избѣ Дёму толпа подгулявшихъ замельщиковъ зоветъ за свой столъ. Дёма требуетъ стаканъ водки, калачъ, огурцовъ; ему съ почтенiемъ подаютъ и водку, и закуску, не требуя денегъ впередъ, какъ это обыкновенно водится, потому что его рожь стоитъ на мельницѣ. На тощiй желудокъ водка дѣйствуетъ быстро; послѣ одного стакана Дёма охмѣлѣлъ, требуетъ еще водки. Черезъ полчаса Дёма уже пьянъ... Когда проспится, расплачивается рожью.

Такъ-какъ ежегодно часть ржи пропивается крестьянами на мельницахъ—что отзывается на ихъ благосостоянiи, ибо при промѣнѣ на водку рожь идетъ по очень низкой цѣнѣ: гарнецъ ржи за стаканъ водки и ломоть хлѣба да пару огурцовъ—такъ-какъ у пьянаго мужика содержатель мельницы легко можетъ отсыпать хлѣба (нужно же и ему заработать на патентъ, торговое свидѣтельство, аренду), то, для охраненiя народнаго благосостоянiя и нравственности, промѣнъ хлѣба на водку и вообще продажа водки на мельницахъ воспрещается. Но на дѣлѣ этого не бываетъ, и водки на мельницахъ всегда есть, и промѣнъ водки на рожь ежедневно совершается, да и нельзя иначе, потому что *на такую мельницу, гдѣ нѣтъ водки, никто не повезетъ молоть новь*. Такъ-какъ мельница безъ водки существовать не можетъ—въ „новь"-то и бываетъ главный заработокъ на мельницѣ—то правило какимъ-нибудь образомъ обходятъ. Обыкновенно, кабакъ устраивается въ нѣкоторомъ разстоянiи отъ мельницы, иногда и рядомъ съ избой мельника, но только кабакъ имѣетъ особый входъ,—патентъ берется на другое имя. Если кабака подлѣ мельницы нѣтъ, если, напримѣръ, помѣщикъ, заботясь о благосостоянiи крестьянъ, начитавшись въ газетахъ о вредѣ пьянства, не дозволяетъ содержателю мельницы имѣть кабакъ, то онъ торгуетъ водкой тайно, безъ патента; если надзоръ ужь очень строгъ, то хозяинъ не продаетъ водки, но угощаетъ по знакомству водкой замельщиковъ, которые къ нему привозятъ молоть свою новь. Разумѣется, за угощенiе хозяину отсыпаютъ

рожью. Акцизные знаютъ, конечно, что правило относительно непродажи водки на мельницахъ нигдѣ не соблюдается и соблюдаемо быть не можетъ, ибо никто на нее возить молоть не будетъ. Мнѣ не разъ случалось говорить объ этомъ съ акцизными, но они какъ-то странно относятся къ этому. Когда доказываешь, что на мельницахъ водку продаютъ и мѣняютъ на рожь, когда объясняешь, что безъ этого мельница существовать не можетъ, то акцизный соглашается: нельзя не согласиться, когда фактъ существуетъ; но если начнешь говорить о томъ, что акцизнымъ слѣдуетъ представлять высшему начальству о непримѣнимости какъ этого, такъ и многихъ другихъ правилъ, придуманныхъ съ цѣлью уменьшенія пьянства, но цѣли недостигающихъ, правилъ безполезныхъ, стѣснительныхъ даже вредныхъ, акцизный уже не то.

— Вѣдь мужикъ, когда у него есть новь, непремѣнно выпьетъ съ радости?

— Выпьетъ.

— И напьется?

— Напьется.

— Вѣдь, еслибъ васъ сдѣлали акцизнымъ генераломъ—поставили бы вы бутылочку, другую холодненькаго?

— Ну, конечно, улыбается акцизный.

— А вѣдь мужикъ генераломъ себя чувствуетъ, когда везетъ новь на мельницу?

— Пожалуй.

— Нельзя же ему не выпить съ нови, и ужь, конечно, онъ не поѣдетъ молоть туда, гдѣ нельзя раздобыться водкой?

— Пожалуй, что не поѣдетъ.

— Водка, значитъ, непремѣнно должна быть на мельницѣ; безъ того и мельница существовать не можетъ?

— Пожалуй, что такъ.

— Ну, почему же не дозволить торговли водкой на мельницахъ?

— Нѣтъ, нельзя дозволить; вѣдь, согласитесь, это большое зло, если дозволено будетъ на мельницахъ держать водку. Мужикъ привозить молоть хлѣбъ, напивается пьянъ, промѣниваетъ хлѣбъ на водку, его при этомъ обираютъ, а потомъ зимой у него нѣтъ хлѣба.

— Но вѣдь это зло существуетъ, потому что правило не исполняется и исполнено быть не можетъ; такъ-какъ никто хлѣба не повезетъ, если водку продавать въ мельничной избѣ не дозволяется, то нужно на извѣстномъ разстояніи отъ мельницы выстроить кабакъ: расходъ, значитъ, безполезная трата денегъ, потому что кабакъ стоитъ только для виду, а потраченныя деньги мельникъ все же дол-

женъ выбрать съ того же мужика. Слѣдовательно, правило не достигаетъ цѣли, и къ тому же еще болѣе способствуетъ обѣдненію мужика, потому что всякое стѣснительное правило, чтобы быть обойденнымъ, требуетъ нѣкотораго расхода, который все-таки платитъ тотъ же мужикъ.

— Оно такъ, но вѣдь согласитесь, что продажа водки на мельницахъ—зло!

— По моему нѣтъ; да кромѣ того, правило не уничтожаетъ зла: водка вѣдь на мельницахъ есть.

— Однакоже...

По этому случаю я припомнилъ разсказъ о томъ, какъ нѣмецъ показывалъ публикѣ въ звѣринцѣ бѣлаго медвѣдя.

— Сей есть левъ, житель знойной Африки, кушаетъ живыхъ быковъ, говоритъ нѣмецъ монотоннымъ голосомъ, указывая палочкой на льва.

— Сей есть бѣлый медвѣдь, житель полярныхъ странъ, очень любитъ холодно; его каждый день отъ двухъ до трехъ разъ обливаютъ холодной водой.

— Сегодня обливали? спрашиваетъ кто-то изъ публики.

— Нэтъ.

— Вчера обливали?

— Нэтъ.

— Что-жь, завтра будутъ обливать?

— И нэтъ.

— Да когда же его обливаютъ?

— Его никогда не обливаютъ, сей есть бѣлый медвѣдь, житель полярныхъ странъ, очень любитъ холодно; его каждый день отъ двухъ до трехъ разъ обливаютъ холодной водой, продолжаетъ нѣмецъ.

И сколько такихъ правилъ—бѣлыхъ медвѣдей, которыхъ каждый день обливаютъ холодной водой.

Мы всѣ удивительно какъ привыкли къ этому; каждый и говоритъ, и дѣлаетъ такъ, какъ будто онъ не сомнѣвается, что бѣлаго медвѣдя, котораго никогда не обливаютъ, ежедневно отъ двухъ до трехъ разъ обливаютъ холодной водой. Дорога, пролегающая по моимъ полямъ. теперь у меня въ большомъ порядкѣ — вездѣ прорыты канавки, сдѣланы мостики, поставлены вѣтки, хозяйственно обдѣлано, хоть въ каретѣ шестерикомъ поѣзжай, самъ становой приставъ похвалилъ. Лѣтомъ, въ нынѣшнемъ году разнесся слухъ, что будетъ проѣзжать губернаторъ; изъ волости прислали десятскаго, чтобы поправить дороги... черезъ нѣсколько времени староста, давая отчетъ о произведенныхъ

граборами работахъ, говоритъ: „1 поденщина на починку дороги — 45 копѣекъ".

— Гдѣ это ты чинилъ?

— На горкѣ; губернаторъ, говорятъ, поѣдутъ.

— Пойдемъ, покажи.

Прихожу, и вижу, что подлѣ дороги, которая достаточно хороша для проѣзда — по ней мимо меня очень часто проѣзжаетъ богатая сосѣдка въ каретѣ на лежачихъ рессорахъ четверкой врядъ, не дурна значитъ дорога—срѣзанъ дернъ и брошенъ въ боковую рытвину.

— Для чего ты это тутъ накопалъ? дорога и безъ того хороша.

— Да какъ же-съ? губернаторъ поѣдутъ, чинить дорогу нужно-съ.

— Такъ что-жъ что поѣдетъ—дорога вѣдь хороша?

— Дорога ничего. Ф. барыня третьяго дни четверкой въ каретѣ проѣзжали, даже не выходили.

— Такъ зачѣмъ же чинить, когда хороша?

— Губернаторъ изволятъ ѣхать.

— Наконецъ, какая же польза, что срѣзали дернъ и побросали въ рытвину—вѣдь рытвину все равно не засыпали?

— Оно такъ. Все-таки же чинили, уваженіе значитъ оказали.

И всѣ убѣждены, что когда ѣдетъ губернаторъ или архіерей, то дорогу—хоть бы она и была хороша — нужно починить, то есть поковырять землю то здѣсь, то тамъ заступомъ, уваженіе оказать. Послѣ такой починки, гдѣ дорога была хороша и остается хороша, гдѣ была худа — и остается худа, развѣ только на самыхъ непроѣзжихъ мѣстахъ зачинятъ настолько, что дорога простоитъ недѣлю, другую.

Даже животныя у насъ привыкаютъ къ извѣстнымъ порядкамъ. У меня есть старый пѣгій конь, на которомъ я верхомъ объѣзжаю мои владѣнія; конь этотъ чрезвычайно смиренъ и уменъ, такъ что имъ и править не нужно — бросилъ поводья, онъ самъ знаетъ, куда идти. Пѣганъ изъ опыта знаетъ, какъ ненадежны мостики на дорогахъ, и потому, если предоставить ему идти вольно, онъ никогда не пойдетъ черезъ мостикъ, а старается обойдти стороной. На моихъ полевыхъ дорогахъ всѣ мостики въ исправности, но Пѣганъ — какъ ни уменъ—все-таки обходитъ и мои мостики.

Попробовавъ „нови", народъ повеселѣлъ, а тутъ еще урожай, осень превосходная. Но недолго ликовали крестьяне. Къ Покрову стали требовать недоимки, разныя повинности — а все газеты виноваты: прокричали, что урожай — да такъ налегли, какъ никогда. Прежде, бывало, ждали до Андріана, когда пеньки продадутъ, а теперь съ Покрова налегли. Обыкновенно, осенью, продавъ по времени конопельку, сѣмячко, лишнюю скотинку, крестьяне расплачиваются съ

частными долгами, а ныньче всѣ должники просятъ подождать до пенекъ, да мало того, ежедневно, то тотъ, то другой приходятъ просить въ долгъ — въ закладъ коноплю, рожь ставятъ или берутъ задатки подъ будущія работы — волость сильно налегаетъ. Чтобы расплатиться теперь съ повинностями, нужно тотчасъ же продать скотъ, коноплю, а цѣнъ нѣтъ. Мужикъ и обождалъ бы, пока цѣны подымутся — нельзя, деньги требуютъ, изъ волости нажимаютъ, описью имущества грозятъ, въ работу недоимщиковъ ставить обѣщаютъ. Скупщики, зная это, попридержались, понизили цѣны, перестали ѣздить по деревнямъ; вези къ нему на домъ, на постоялый дворъ, гдѣ онъ будетъ принимать на свою мѣру, отдавай за что дастъ, а тутъ у него водочка... да и какъ тутъ не выпить! Плохо. И урожай, а все-таки поправиться бѣдняку врядъ ли. Работа тоже подешевѣла, особенно сдѣльная, напримѣръ, пилка дровъ, потому что нечѣмъ платить—заставляйся въ работу. На скотъ никакой цѣны нѣтъ, за говядину полтора рубля за пудъ не даютъ. Весною бились, бились, чтобы какъ нибудь прокормить скотину, а теперь за нее менѣе даютъ, чѣмъ сколько ее стоило прокормить прошедшей весной. Плохо. Неурожай—плохо. Урожай—тоже плохо...

IV.

Весна. Опять прилетѣли грачи, опять потекли ручейки, опять запѣли жаворонки, опять у крестьянъ нѣтъ хлѣба, опять...

— Ты что, Фока?

— Осьмину бы ржицы нужно: хлѣбца нѣтути, разу укусить нечего.

— Отдавать чѣмъ будешь?

— Деньгами отдамъ. Къ свѣтлой отдамъ, братъ изъ Москвы пришлетъ.

— А какъ не пришлетъ?

— Отслуживать будемъ, что прикажете.

— Ну, хорошо, работы у меня ныньче много, розочту „что людямъ“, то и тебѣ.

— Благодаримъ.

— Ступай за лошадью.

— Лошадь сбилъ лѣсъ возючи,—на себѣ понесу.

— Какъ знаешь, неси мѣшокъ.

— Мѣшокъ есть.

Фока, ухмыляясь, вытаскиваетъ мѣшокъ изъ-подъ полы: онъ шелъ съ увѣренностью, что отказа не будетъ, — ныньче никому почти от-

каза нѣтъ,—и только для приличія, что не въ свой закромъ идетъ, спряталъ мѣшокъ подъ зипунъ. Фока насыпался и потащилъ мѣшокъ въ четыре съ половиною пуда на плечахъ.

— А ты что, Ѳедотъ?

— Хлѣбца бы нужно.

— Ты вѣдь бралъ!

— Мало будетъ; еще два куля нужно до нови.

— А чѣмъ отдавать будешь?

— Деньгами отдамъ по осени: половину къ Покрову, другую къ Николѣ; за могарычъ десятину лугу уберу.

— Что-жъ такъ много могарычу сулишь, или деньги замотать хочешь?

— Зачѣмъ замотать,—отдадимъ. Все равно безъ могарычу никто въ долгъ не дастъ, лучше вамъ пользу сдѣлать. Въ третьемъ годѣ я у П*** попа два куля бралъ тоже за могарычъ; ему садъ косилъ, болѣе десятины будетъ, а хлѣбъ-то еще плохой, сборный съ костеремъ. Мы съ братомъ насовѣтывалися: лучше, чѣмъ на сторонѣ брать, у васъ занять: дѣло ближнее, покосъ подъ самой деревней, косите вы рано; намъ десятину убрать ничего не стоитъ, лучше своему барину по сосѣдству послужить.

— Ну, хорошо; я тебя, впрочемъ, облегчу, — рожь въ шести съ полтиной поставлю.

— За это благодаримъ.

— Ступай за лошадью.

— Ячменцу бы еще съ осминку нужно. Я за ячмень вамъ отработаю.

— На какую работу?

— Что прикажете,—ленъ будемъ брать, мять будемъ; можетъ сами въ городъ ставить будете—отвезу.

— Хорошо. Разсчетъ „какъ людямъ“.

— Благодаримъ.

Ѳедотъ ушелъ и черезъ четверть часа вернулся въ сопровожденіи Клима, Панаса, Никиты и почти всѣхъ остальныхъ хозяевъ сосѣдней деревни: онъ былъ посланъ впередъ развѣдчикомъ.

— Нашимъ всѣмъ до нови хлѣба нужно. Мы всѣ возьмемъ: Климу $1^1/_2$ куля, Панасу 1 куль, Никитѣ 2.. Мы вамъ за могарычъ весь нижній лугъ скосимъ, каждый дворъ по десятинѣ.

— Хорошо; всѣ будете брать?

— Всѣ.

— Какъ Ѳедотъ?

— Какъ Ѳедотъ.

— Половину къ Покрову отдать?

— Къ Покрову, когда конопельку продадимъ.

— Ну, хорошо. Конопли я у васъ за себя возьму. Къ Покрову ко мнѣ въ амбаръ ссыпайте.

— Слушаемъ.

Нынче никому почти отказу нѣтъ; нынѣшнею весною я всѣмъ даю въ долгъ хлѣбъ, кому на деньги, кому подъ работу, кому съ отдачей хлѣбомъ, кому съ могарычемъ, кому безъ могарыча, смотря по соображенію. Потому, во-первыхъ, что нынче у меня у самого всего много, а продажи на хлѣбъ нѣтъ, во-вторыхъ, я познакомился съ народомъ и народъ меня знаетъ; въ третьихъ, я повелъ хозяйство на новый ладъ и работы всякой у меня много.

Да, въ прошедшемъ году преуспѣло таки мое хозяйство. Во всемъ у меня урожай. Судите сами — вотъ вамъ сравнительная табличка моихъ урожаевъ за 1871 и 1872 года,

Получено:	въ 1871 г.	въ 1872 г.
Ржи	110 кул.	202 кул.
Овса.	145 „	265 „
Ячменя.	13 „	38 „
Пшеницы.	не было	19 „
Льнянаго сѣмени . .	6 „	18 „
Льну.	34 „ пуда	128 пудъ.

Всего уродилось вдвое, иного и втрое, противъ предъидущаго года. Да и не въ одномъ только хлѣбѣ урожай; въ февралѣ прошлаго года у меня было 90 ведеръ молока, а въ февралѣ нынѣшняго 200 ведеръ, въ прошедшемъ году я продалъ 24 пуда масла, а въ нынѣшнемъ 56 пудовъ. Въ прошедшемъ году у меня только одна овечка принесла парочку, а въ нынѣшнемъ году всѣ овцы катили по парочкѣ и все ярочекъ... Во всемъ нынче благодать Божья—одно только не хорошо, что хлѣбъ (то есть рожь) дешевъ и никто его не покупаетъ. Вотъ если бы при такомъ урожаѣ да былъ неурожай у крестьянъ, да рожь поднялась бы въ цѣнѣ до 12 рублей... Загребъ бы денегъ.

Нынѣшній годъ рожь уродилась отлично, но никто ржи не покупаетъ—радъ хоть въ долгъ подъ работы ее распустить.

На пшеницу, ленъ, пеньку, льняное сѣмя всегда есть покупатели и цѣны всегда стоятъ хорошія; на овесъ хотя цѣны низки, но тоже есть покупатели — я впрочемъ овса не продаю, а весь скармливаю дома лошадямъ, скоту, свиньямъ—но ржи никто не покупаетъ. Ленъ, пенька, сѣмя, овесъ покупаются для отправки въ Ригу; рожь для от-

правки не покупали и продать ее можно только на винокуренные заводы и крестьянамъ. Главные покупатели ржи—мѣстные крестьяне, которые покупаютъ ее для собственнаго пропитанія.

Въ прошедшемъ 1872 году у насъ былъ урожай хорошій. Конечно, крестьянамъ хлѣба до нови не хватитъ, но все-таки же не то, что въ 1871 году, когда былъ неурожай и на рожь, и на яровое. У богачей-крестьянъ ржи уродилось болѣе, чѣмъ нужно для собственнаго пропитанія; у зажиточныхъ крестьянъ своего хлѣба хватитъ до нови, у тѣхъ, которые покупали съ марта, хватитъ до іюня; у тѣхъ, которые покупали съ января, хватитъ до марта и т. д. У помѣщиковъ рожь тоже уродилась хорошо—всѣ хотятъ продать, необходимо должны продать, потому что рожь составляетъ главную доходную статью помѣщичьихъ хозяйствъ, а между тѣмъ цѣнъ нѣтъ и, главное, нѣтъ покупателей. Вотъ если бы у помѣщиковъ былъ урожай, а у крестьянъ неурожай, да если бы не было желѣзной дороги, по которой, въ случаѣ неурожая, подвезутъ хлѣба изъ степи, тогда другое дѣло, тогда рожь поднялась бы до 12 рублей и цѣнность работъ понизились-бы.

Крестьянинъ, который не можетъ обернуться своимъ хлѣбомъ, который прикупаетъ хлѣба для собственнаго продовольствія, молитъ Бога, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ. А помѣщикъ, купецъ-землевладѣлецъ, богачъ-крестьянинъ молятъ Бога, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ. Когда погода стоитъ хорошая, благопріятная для хлѣба, когда теплые благодатные дожди смѣняются жаркими днями, бѣднякъ-мужикъ радуется и благодаритъ Бога, а богачъ, какъ выражаются крестьяне, все охаетъ и ворчитъ: „Ахъ Господи! — говоритъ онъ: — паритъ, а потомъ дождь ударитъ — ну какъ тутъ быть дорогому хлѣбу!“

Это выраженіе крестьянъ на счетъ богачей-крестьянъ рисуетъ положеніе дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, при существующей системѣ хозяйства, когда помѣщики ведутъ такое же хозяйство, какъ и крестьяне, т. е. сѣютъ по старому рожь и овесъ, только въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ до „Положенія“, и вообще продолжаютъ въ уменьшенномъ размѣрѣ ту же систему хозяйства, какая существовала прежде,— помѣщичьи интересы идутъ совершенно въ разрѣзъ съ интересами крестьянъ.

Благосостояніе крестьянина вполнѣ зависитъ отъ урожая ржи, потому что, даже при отличномъ урожаѣ, большинству крестьянъ своего хлѣба не хватаетъ и приходиться покупать. Чѣмъ меньше ржи долженъ прикупить крестьянинъ, чѣмъ дешевле рожь, тѣмъ лучше для крестьянина. Помѣщикъ, напротивъ, всегда продаетъ рожь, и отъ ржи, при существующей системѣ хозяйства, получаетъ главный

доходъ. Слѣдовательно, чѣмъ дороже рожь, чѣмъ болѣе ея требуется, тѣмъ для помѣщика лучше. Масса населенія желаетъ, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ, а помѣщики купцы-землевладѣльцы, богачи-крестьяне желаютъ, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ.

Если бы благосостояніе крестьянъ улучшилось, если бы крестьяне не нуждались въ хлѣбѣ,—что дѣлали бы помѣщики съ своимъ хлѣбомъ?—Замѣтьте при этомъ еще, что при урожаѣ не только понижается цѣна хлѣба, но, кромѣ того, возвышается цѣна работы. Если бы у крестьянина было достаточно хлѣба, то развѣ сталъ бы онъ обработывать помѣщичьи поля по тѣмъ баснословно низкимъ цѣнамъ, по которымъ обработываетъ ихъ теперь?

Интересы одного класса идутъ въ разрѣзъ съ интересами другого. Понятно, что помѣщики не могутъ выдержать, что помѣщичьи хозяйства приходятъ въ упадокъ, что помѣщичьи земли переходятъ въ руки крестьянъ-кулаковъ, мѣщанъ, купцовъ...

Наше хозяйство тогда только будетъ на вѣрномъ пути, когда каждый будетъ желать благодатной погоды, урожая, дешеваго хлѣба, когда никто не будетъ съ сердцемъ говорить: „ну, какъ тутъ быть дорогому хлѣбу!“

Продажа ржи нынѣшней зимой шла очень туго; къ веснѣ крестьяне стали покупать, но еслибы не распускать въ долгъ, то большая часть хлѣба осталась бы въ амбарѣ. Конечно, отпускать въ долгъ безъ толку невозможно. Мировой, конечно, свое дѣло дѣлаетъ—мужикъ еще очень простъ и сейчасъ сознается, что долженъ—но вѣдь у мироваго только бумажное дѣло, мировой только выдаетъ бумагу—получай потомъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ, я ознакомился съ сосѣдними крестьянами и они меня узнали; установилось извѣстное взаимное довѣріе, хотя каждый изъ насъ все помнитъ пословицу „на то и щука въ море, чтобы карась не дремалъ“. Вообще, не худыя отношенія. Уплаты денегъ я никогда не задерживаю, разсчитываю вѣрно, и если о цѣнѣ не сговорились, то не нажимаю, а плачу по Божески; если же меня нѣтъ дома, или я занятъ съ гостями, то уплату производитъ Иванъ. А то, приходитъ мужикъ за деньгами—нельзя теперь, баринъ или барыня спитъ; приходитъ другой разъ—нельзя, баринъ съ гостями занятъ; приходитъ третій разъ—денегъ нѣтъ, подожди вотъ хлѣбъ продамъ. Вѣрная уплата денегъ—первое дѣло, но этого еще мало. Необходимо умѣть цѣнить трудъ, знать, что̀ чего стоитъ, и если случится, что мужикъ прошибется или по крайности, съ голоду, возьметъ работу за слишкомъ дешевую цѣну—это часто̀ случается—нужно вникнуть въ дѣло и разчесть по Божески, чтобы и себѣ убытку не было, и мужикъ остался бы доволенъ.

Если мужикъ не выполняетъ условіе, бросаетъ работу, отказывается отъ обязательства, то нужно опять-таки вникнуть въ дѣло, разобрать его съ толкомъ. Всегда окажется какая нибудь-нибудь основательная причина: измѣнилось семейное положеніе мужика, цѣны поднялись, работа не подъ силу, вообще что нибудь подобное; мошенничество тутъ рѣдко бываетъ. Ни съ кѣмъ я не сужусь; я еще ни разу не жаловался ни мировому, ни посреднику, ни волостному, а между тѣмъ большею частью даю въ долгъ деньги и хлѣбъ безъ росписокъ, выдаю задатки безъ условій—и до сихъ поръ еще никто изъ крестьянъ меня не обманывалъ. Крестьяне судовъ не любятъ и если кто часто судится, о каждой бездѣлицѣ жалуется въ волость или мировому, у того работать не будутъ. Крестьянинъ никогда не отказывается отъ долга,—по крайней мѣрѣ, со мною этого не случалось—и если не можетъ отдать въ срокъ, проситъ обождать и, справившись, отдаетъ или отработываетъ. Да и относительно выполненія работъ не могу пожаловаться, чтобъ были неисправны: до сихъ поръ все у меня дѣлалось своевременно, но, разумѣется, нужно и самому не зѣвать и въ то же время помнить, что у каждаго крестьянина есть работа и на своемъ полѣ.

Послушать, что говорятъ разные газетные корреспонденты, такъ, кажется, и хозяйничать невозможно. Мужикъ и пьяница, и воръ, и мошенникъ, условій не исполняетъ, долговъ не отдаетъ, съ работъ уходитъ, взявъ задатокъ лѣнивъ, дурно работаетъ, портитъ хозяйскій инструментъ и пр. и пр. Ничего этого нѣтъ; по крайней мѣрѣ вотъ уже три года, какъ я хозяйничаю, а ничего подобнаго не видалъ. Я, конечно, не стану доказывать, что мужикъ представляетъ идеалъ честности, но не нахожу, чтобы онъ былъ хуже насъ, образованныхъ людей.

Попробуйте давать въ долгъ каждому изъ вашихъ знакомыхъ, который попроситъ у васъ взаймы, и посмотрите, какъ будутъ отдавать—многіе ли отдадутъ въ срокъ? многіе ли не забудутъ, что должны? Живя въ Петербургѣ, я пришелъ къ тому, что за весьма немногими исключеніями, я или вовсе не давалъ денегъ взаймы, или если и давалъ, то записывалъ деньги въ расходъ, потому что не ожидалъ полученія. Съ крестьянами же у меня не было ни одного случая обмана. Понятное дѣло, что я всегда впередъ знаю, можетъ ли мужикъ отдать; если нечѣмъ отдать, то полагаюсь на работу, дѣлаю отсрочку, даже иногда еще ссужаю денегъ на поправку, чтобы дать возможность вывернуться. Разумѣется, мужикъ простъ, не знаетъ, что отъ долга можно отказаться, если нѣтъ росписки, боится какъ огня судовъ, не надѣется, что съумѣетъ говорить у судьи,

боится проговорится, попасть въ тюрьму и т. д. Какъ бы ни былъ правъ мужикъ, но онъ всегда боится, что съ деньгами всегда можно его пересудить, да притомъ и самъ обыкновенно не знаетъ, правъ онъ или виноватъ, а если виноватъ, то какому подлежитъ наказанію. Трудно ему это знать, потому что разные суды судятъ по разнымъ законамъ; такъ, мировой за не отдачу долга ничего особеннаго не сдѣлаетъ, — только присудитъ долгъ отдать, а въ волости, пожалуй, сверхъ того и выпорютъ; за увозъ двухъ возовъ сѣна мировой въ тюрьму посадитъ на два мѣсяца, а въ волости самое большое, что подъ арестомъ продержатъ. Какъ же тутъ мужику не бояться? Но этого еще мало, что мужикъ простъ, вывертовъ не знаетъ (Бога боится), онъ еще крѣпокъ землѣ и всегда впереди ожидаетъ нужды. Сегодня не отдашь долга—завтра уже не дадутъ, а кто же знаетъ, что завтра не понадобятся деньги, хлѣбъ, покосъ, дрова и пр. и пр. Нѣтъ, въ отношеніи отдачи долговъ мужики гораздо удобнѣе, чѣмъ люди нашего класса, и мнѣ никогда не случалось столько хлопотать о полученіи съ крестьянъ проданнаго въ долгъ хлѣба, сколько случалось прежде хлопотать о полученіи изъ иныхъ редакцій денегъ за статьи. Мужикъ, говорятъ, воръ; старосты, приставщики, батраки — все, говорятъ, воры. Опять таки скажу я: до сихъ поръ ни одного случая воровства у себя не замѣчалъ. У старосты на рукахъ и деньги, и хлѣбъ, и вещи, но воровства нѣтъ. Авдотья продаетъ творогъ, молоко, учесть ее нельзя, но я увѣренъ, что она всю выручку приноситъ сполна. На Сидора я также во всемъ полагаюсь. Некогда старостѣ идти въ амбаръ—онъ посылаетъ работника или работницу отпустить хлѣбъ покупателю, взять муку для телятъ и т. п., а въ амбарѣ и хлѣбъ, и гвозди, и желѣзо, и сало, и ветчина — все цѣло, и никто ничего не воруетъ. Конечно, присмотръ, учетъ необходимъ, конечно, все зависитъ отъ подбора людей, отъ того *духа*, который сложился въ домѣ, но уже вотъ почему нельзя сказать, чтобы воровство было *развито* между крестьянами: когда лѣтомъ мой сынъ пріѣзжаетъ на вакацію въ деревню, то онъ вѣчно играетъ и возится съ мальчишками изъ сосѣдней деревни; десятки ребятъ собираются къ нему по праздникамъ, играютъ съ нимъ на дворѣ, бѣгаютъ по саду, по всѣмъ комнатамъ, и никогда никто изъ нихъ ничего не тронулъ, никогда еще ничего у меня не пропало, даже въ саду такія соблазнительныя вещи, какъ клубника, горохъ, огурцы и пр. цѣлы (разумѣется, я всегда отдаю сыну въ пользованіе нѣсколько грядъ огурцовъ, гороху, клубники, смородины и пр., а онъ дѣлится съ ребятами). Вотъ уже третій годъ, что я живу въ деревнѣ, и за все время только разъ пропалъ топоръ, да и то нѣтъ основанія предпо-

лагать, чтобы онъ былъ украденъ, а можетъ быть и такъ затерялся. Мнѣ кажется, что все зависитъ отъ *духа,* который сложился въ домѣ. Я даже не допускаю мысли, чтобы кто-нибудь могъ украсть что нибудь, хотя домашніе мои знаютъ, что я судиться не стану, и самое большое, что скажу: „если ты не можешь не воровать, то зачѣмъ же ты ко мнѣ нанимался — шелъ бы въ другое мѣсто". Я увѣренъ, что вора засмѣютъ товарищи. Впрочемъ, я опять таки не хочу идеализировать крестьянина; я знаю, что бываютъ и старосты, которые воруютъ, и работники, которые воруютъ, что существуетъ поговорка: „не клади плохо, не вводи вора въ соблазнъ"; но знаю также, что существуетъ множество людей, которые убѣждены, что каждый крестьянинъ воръ, каждый староста воръ, каждый работникъ воръ. Вотъ почему, къ тѣмъ немногимъ, которые не считаютъ всѣхъ за воровъ, приходятъ такіе люди, которые не любятъ воровать, а предпочитаютъ жить спокойно, по совѣсти; тѣ-же, которые любятъ воровать, идутъ къ такимъ хозяевамъ, которые всѣхъ считаютъ ворами и никому не довѣряютъ. Да вѣдь и пріятнѣе, должно быть, украсть у того, который всѣхъ считаетъ ворами.

Какъ бы то ни было, но я думаю, что въ отношеніи воровства мужики отнюдь не хуже людей изъ образованнаго класса. Существуетъ поговорка „казеннаго козла за хвостъ подержать — можно шубу сшить", и ужъ, конечно, не мужики создали эту поговорку.

Говорятъ: не присмотри только, работники при посѣвѣ сейчасъ украдутъ сѣмена. Какая недобросовѣстность! Сѣмена украсть! У меня, однакожь, еще ни разу этого не случалось, хотя присмотръ не особенный; за круговыми рабочими староста еще смотритъ, но *свои батраки* сѣютъ безъ присмотра.

Конечно, украсть сѣмена во время посѣва — это изъ рукъ вонъ плохо; но развѣ не случается, что больнымъ въ госпиталяхъ не додаютъ лекарства и пищу?

То же и относительно работниковъ: жалуются, что наши работники лѣнивы, недобросовѣстны, дурно работаютъ, не соблюдаютъ условія, уходятъ съ работы, забравъ задатки. И въ этомъ случаѣ, все зависитъ отъ хозяина, отъ его отношеній къ рабочимъ: „извѣстно, что батракъ живетъ хорошимъ харчемъ да ласковымъ словомъ". Конечно, есть и лѣнивые люди, есть и прилежные, но я совершенно убѣжденъ, что ни съ какими работниками нельзя сдѣлать того, что можно сдѣлать съ нашими. Нашъ работникъ не можетъ, какъ нѣмецъ, равномѣрно работать ежедневно въ теченіи года—онъ работаетъ порывами. Это уже внутреннее его свойство, качество, сложившееся подъ вліяніемъ тѣхъ условій, при которыхъ у насъ производятся полевыя ра-

боты, которыя, вслѣдствіе климатическихъ условій, должны быть произведены въ очень короткій срокъ. Понятно, что тамъ, гдѣ зима коротка или ея вовсе нѣтъ, гдѣ полевыя работы идутъ чуть не круглый годъ, гдѣ нѣтъ такихъ быстрыхъ перемѣнъ въ погодѣ, характеръ работъ совершенно иной, чѣмъ у насъ, гдѣ часто только то и возьмешь, что урвешь! Подъ вліяніемъ этихъ различныхъ условій сложился и характеръ нашего рабочаго, который не можетъ работать аккуратно, какъ нѣмецъ; но при случаѣ, когда требуется, онъ можетъ сдѣлать неимовѣрную работу — разумѣется, если хозяинъ съумѣетъ возбудить въ немъ необходимую для этого энергію. Люди, которые говорятъ, что нашъ работникъ лѣнивъ, обыкновенно не вникаютъ въ эту *особенность характера* нашего работника, и, видя въ немъ вялость, неаккуратность къ работѣ, мысленно сравнивая его съ нѣмцемъ, который въ нашихъ глазахъ всегда добросовѣстенъ и аккуратенъ, считаютъ нашего работника недобросовѣстнымъ лѣнивцемъ. Я совершенно согласенъ, что такихъ работниковъ, какими мы *представляемъ себѣ нѣмцевъ*, между русскими найти очень трудно, но за то и между нѣмцами трудно найти такихъ, которые исполнили бы то, что у насъ способны исполнить, при случаѣ, напримѣръ, въ покосъ, всѣ. Въ Россіи легче найти 1,000 человѣкъ солдатъ, способныхъ въ зной, безъ воды, со всевозможными лишеніями, пройти хивинскія степи, чѣмъ одного жандарма, способнаго такъ безукоризненно честно, какъ нѣмецъ, надзирать за порученнымъ ему преступникомъ. Кромѣ того, сколько ни случалось мнѣ слышать возгласовъ о лѣности нашихъ рабочихъ, я всегда замѣчалъ, что говорящій самъ не имѣетъ понятія о работѣ и о той необходимости отдыха черезъ каждыя двѣ-три минуты, какую чувствуетъ работникъ. Посмотрите на производство какой нибудь трудной работы (человѣкъ копаетъ, коситъ, таскаетъ тяжести)—и вы увидите, что нашъ работникъ, даже если онъ работаетъ вольно, всегда дѣлаетъ работу порывисто, такъ сказать черезъ силу, и потому поминутно останавливается, чтобы перевести духъ. Баринъ видитъ это и, не обращая вниманія на то, какъ человѣкъ работаетъ, а замѣчая только, что онъ поминутно отдыхаетъ, думаетъ, что онъ лѣнится. Между тѣмъ, писать, напримѣръ, вѣдь не трудная работа, а я не могу написать листа безъ того, чтобы не остановиться нѣсколько разъ и не покурить. Разсуждаютъ о лѣности рабочихъ, а сами не знаютъ мѣры работы, или измѣряютъ ее тѣмъ количествомъ работы, которое человѣкъ можетъ выполнить при исключительныхъ условіяхъ. Каждый знаетъ, что лошадь можетъ съ усиліемъ пробѣжать 20 верстъ въ часъ, но не можетъ пробѣжать 200 верстъ въ 10 часовъ; точно также и работникъ

можетъ въ день перетаскать на тачкѣ $1^1/_2$ куба земли, но не можетъ въ 10 дней перетаскать 15 кубовъ. Три человѣка могутъ скосить въ день десятину густого клевера, но въ 10 дней скосить 10 десятинъ не могутъ. Баба можетъ въ день выбрать 2, даже 3 копы льну, но не выберетъ въ 10 дней 20 копъ, а если и выберетъ, то убьется на работѣ. Хозяину все кажется, что мало сдѣлали, потому что онъ хочетъ, чтобы всегда сдѣлали maximum работы, а мѣры въ работѣ не знаетъ. Конечно, крестьянинъ, работающій на себя въ покосъ или жнитво, дѣлаетъ страшно много, но за то посмотрите, какъ онъ сбивается въ это время — узнать человѣка нельзя. За то осенью, послѣ уборки, онъ отдыхаетъ, какъ никогда не отдыхаетъ батракъ, отъ котораго требуютъ, чтобы онъ *всегда* работалъ усиленно и котораго считаютъ лѣнивымъ, если онъ не производитъ maximum работы.

Нѣтъ, *нашъ работникъ не лѣнивъ*, если хозяинъ понимаетъ работу, знаетъ, что можно требовать, умѣетъ, когда нужно, возбудить энергію и не требуетъ постоянно сверхчеловѣческихъ усилій.

Конечно, крѣпостное право и тутъ наложило свое клеймо; подъ вліяніемъ его сложился особый способъ работы, называемый работою „на барина“ (даже про сильно кусающихъ осенью мухъ крестьяне говорятъ: „лѣтомъ муха работаетъ на барина, а осенью на себя“), но теперь уже есть цѣлое поколѣніе молодыхъ людей, не работавшихъ барщины.

Опять таки я не хочу идеализировать мужика. Конечно, если хозяинъ плохъ, если въ хозяйствѣ нѣтъ хорошаго духа, если хозяинъ смотритъ только, чтобы „отъ дѣла не бѣгалъ“, если работникъ всегда чувствуетъ, что „барской работы не передѣлаешь“, то будутъ и лѣниться и относиться къ дѣлу спустя рукава. Но въ этомъ отношеніи я не нахожу, чтобы мужики были хуже, чѣмъ мы, образованные люди.

Пойдите въ любой департаментъ, и посмотрите, какъ работаютъ чиновники; спросите, много ли есть добросовѣстно исполняющихъ свое дѣло чиновниковъ? Не знаю, какъ другіе, но сколько я ни присматривался, всегда выходило, что большинство относится къ дѣлу безучастно, лишь бы время отбыть, да жалованье получить. Да что чиновники! много ли въ университетѣ профессоровъ, которые добросовѣстно работаютъ, не набираютъ лишнихъ мѣстъ и влагаютъ въ дѣло, за которое взялись, свою душу?

А мы хотимъ, чтобы работники, люди безграмотные, не получившіе никакого образованія, всю жизнь борющіеся съ нуждой, получающіе жалованье, которое едва обезпечиваетъ насущный хлѣбъ, являли собою образцы честности, трудолюбія, добросовѣстности!

Говорятъ, что батраки работаютъ только на глазахъ хозяина —

ушелъ хозяинъ, и работа пошла кое-какъ. Не спорю, часто это такъ и бываетъ: тутъ все зависитъ оттого, какіе подобраны люди, каковъ хозяинъ, какой духъ господствуетъ въ артели. Однако, пусть какой нибудь директоръ департамента будетъ сквозь пальцы смотрѣть на то, ходятъ ли чиновники въ должность — многіе ли будутъ ходить? Пусть какой нибудь редакторъ будетъ зря принимать переводы — много ли у него окажется хорошихъ, добросовѣстно сдѣланныхъ переводовъ? Пусть какой нибудь редакторъ попробуетъ, безъ разбору, задавать впередъ деньги переводчикамъ или писателямъ!

Сколько разъ мнѣ случалось въ департаментѣ наблюдать чиновниковъ во время службы отъ 2-хъ до 5 часовъ, когда они остаются безъ присмотра—что они дѣлаютъ? Папироски курятъ, въ окна отъ скуки глазѣютъ—а и въ окна то ничего не видно, кромѣ стоящихъ на дворѣ курьерскихъ тележекъ, около которыхъ ямщики отъ скуки бьются въ трынку—слоняются изъ угла въ уголъ, болтаютъ о пустякахъ, словомъ время проводятъ, службу отбываютъ. Но вотъ показался начальникъ—и всѣ по мѣстамъ, у всѣхъ серьезныя лица; тотъ пишетъ, тотъ дѣло перелистываетъ. Добросовыстные люди вездѣ есть, вездѣ есть и лѣнивцы. Прежде всего нужно, чтобы было настоящее, дѣйствительное дѣло и потомъ, чтобы былъ и хозяинъ. Можно и чиновниковъ подобрать такихъ, которые будутъ добросовѣстно работать; можно и переводчиковъ подобрать такихъ, которые будутъ доставлять добросовѣстно сдѣланные переводы, такъ что редактору не будетъ надобности и читать ихъ;—можно подобрать и батраковъ, которые будутъ добросовѣтно работать безъ присмотра.

Не знаю, какъ другіе, но я своими батраками доволенъ; работаютъ и безъ присмотра отлично; подойду, никто не хватается за работу, курили — продолжаютъ курить, болтали — продолжаютъ болтать, отдыхали—продолжаютъ отдыхать, а за работу возьмутся — кипитъ работа; но объ этомъ я еще буду подробнѣе говоритъ въ другой разъ.

Нынче у меня работы множество, потому что я измѣнилъ всю систему хозяйства. Значительная часть работъ производится батраками и поденьщиками. Работы самыя разнообразныя: и ляда жгу подъ пшеницу, и березняки корчую подъ ленъ, и луга снялъ на Днѣпрѣ, и клеверу насѣялъ, и ржи пропасть, и льну много. Рукъ нужно бездна. Чтобы имѣть работниковъ, необходимо позаботиться заранѣе, потому что, когда наступитъ время работъ, всѣ будутъ заняты или дома, или по другимъ хозяйствамъ. Такая вербовка рабочихъ рукъ производится выдачею впередъ денегъ и хлѣба подъ работы. На опредѣленныя издѣльныя работы, особенно на работы,

цѣны которымъ болѣе постоянны и не могутъ измѣниться лѣтомъ, а устанавливаются уже съ весны, а также съ крестьянами дальнихъ деревень, при выдачѣ денегъ впередъ, заключается условія, на работы же поденныя, на работы, цѣны которымъ впередъ опредѣлены быть не могутъ по ихъ измѣнчивости, на работы новыя, въ нашей мѣстности мало извѣстныя, словомъ на такія, при которыхъ человѣкъ, заключившій условіе, можетъ быть закрѣпощонъ и поставленъ въ необходимость дѣлать работу по цѣнѣ для него невыгодной, вслѣдствіе чего у него явится соблазнъ уйдти съ работы и не выполнить условіе, я обыкновенно не дѣлаю условій, а выдаю деньги подъ работу, съ уговоромъ выйти на работу, когда потребуется, по „цѣнѣ какъ людямъ“. Крестьяне вообще любятъ такое неопредѣленное условіе, и кому довѣряютъ, то охотно будутъ работать по „цѣнѣ какъ людямъ“, не взявъ даже денегъ впередъ. Прошедшею осенью мнѣ нужно было драть облоги подъ ленъ,—оповѣстилъ сосѣднія деревни. Встрѣчаю потомъ одного изъ зажиточныхъ крестьянъ сосѣдней деревни.

— Что, Кузьма, будешь облогу драть? Мнѣ нынче нужно восемь десятинъ съ осени поднять.

— Буду.

— Почемъ съ десятины?

— Почемъ людямъ — потомъ и намъ.

— Четыре думаю дать.

— Маловато будетъ.

Черезъ нѣсколько дней, вижу Кузьма началъ драть облогу. За Кузьмой выѣхалъ Панасъ, потомъ Листаръ, потомъ Кирюха, и всѣ дерутъ облоги по цѣнѣ „что людямъ, то и намъ“. Такъ всѣ облоги и подрали по неизвѣстной цѣнѣ. Цѣна потомъ сложилась какъ то сама собою — я даже и отчета себѣ не могу дать какъ — по пяти рублей за десятину хозяйственную въ 3200 квад. сажень. И цѣна не высокая, потому что взодрать облогу работа не легкая. Это значитъ въ недавно—сейчасъ послѣ „Положенія“—запущенныхъ и уже задервенѣвшихъ, превратившихся въ лугъ поляхъ, нарѣзать дернъ полосами отъ 4-хъ до 5 вершковъ шириною, для чего употребляется орудіе, называемое отрѣзомъ, и за тѣмъ сохою повернуть полосы такъ, чтобы десятина была сплошь уложена дернинами, обращенными травой внизъ, представляла совершенно ровную поверхность. Работа эта не только трудная, но еще и требующая большого умѣнія со стороны пахаря.

Мнѣ этотъ способъ опредѣленія цѣны, который въ первый разъ довелось испытать прошлою осенью, такъ понравился, что нынче

цѣна „что людямъ“ у меня сильно въ ходу. Берутъ деньги, хлѣбъ, дрова, жерди, колья по установленной цѣнѣ и кто не отдастъ къ свѣтлой (1 іюля), обязывается отработать на чемъ придется и по цѣнѣ „что людямъ“.

Работы, повторяю, у меня теперь множество, потому что я измѣнилъ систему хозяйства, ввелъ новости, требующія много рукъ, и стремлюсь поставить дѣло такъ, чтобы быть въ состояніи платить рабочимъ хорошо.

Я сѣлъ на хозяйство два года тому назадъ. Осмотрѣвшись, сообразивъ условія своего хозяйства, я увидѣлъ, что хозяйничать по прежнему, хозяйничать такъ, какъ хозяйничаетъ большинство нашихъ помѣщиковъ, невозможно. Послѣ „Положенія“ прошло уже 12 лѣтъ, но система хозяйства остается у большинства все та же; сѣютъ по старому рожь, на которую нѣтъ цѣнъ и которую никто не покупаетъ, чуть у крестьянъ порядочный урожай, овесъ, который у насъ родится очень плохо; обработываютъ поля по старому, нанимая крестьянъ съ ихъ лошадьми и орудіями; косятъ тѣ же плохіе лужки, скотъ держатъ, какъ говорится, для навоза, кормятъ плохо и считаютъ скотъ хорошо содержаннымъ, если коровъ по веснѣ не приходится подымать. Система хозяйства не измѣнилась, все ведется по старому, какъ было до „Положенія“, при крѣпостномъ правѣ, съ тою только разницею, что запашки уменьшены болѣе, чѣмъ на половину, обработка земли производится еще хуже, чѣмъ прежде, количество кормовъ уменьшилось, потому что луга не очищаются, не осушаются и зарастаютъ, скотоводство же пришло въ совершенный упадокъ. Когда я въ первомъ же году познакомился съ состояніемъ окрестныхъ хозяйствъ, то положеніе, „что такъ хозяйствовать невозможно“, сдѣлалось для меня еще яснѣе, ибо я увидалъ, что большинство хозяйствъ въ теченіи 12 лѣтъ успѣло уже придти въ совершенное разстройство, множество хуторовъ совершенно запущены, а большинство помѣщиковъ, бросивъ имѣнія, убѣжало на службу. Дѣйствительно, проѣзжая по уѣзду и видя всюду запустѣніе и разрушеніе, можно было подумать, что тутъ была война, нашествіе непріятеля, если бы не было видно, что это разрушеніе не насильственное, но постепенное, что все рушится само собою, пропадетъ измором. При крѣпостномъ правѣ, мы ничего не успѣли сдѣлать въ хозяйственномъ отношеніи, и потому уже отъ крѣпостного права осталось очень мало; слѣды его еще замѣтны, потому что остались березовыя рощи, которыя всегда насаждались около помѣщичьихъ усадьбъ, и прорванныя плотины, которыми запруживались рѣчки для того, чтобы имѣть подлѣ дому „для вида“, „для рыбы“, „для водо-

поя“ пруды. Въ моемъ имѣніи видны еще остатки пяти плотинъ, потому что въ различные времена различные бывшіе владѣльцы этого имѣнія, нѣсколько разъ переносившіе усадьбы съ одного мѣста на другое, дѣлали плотины на новыхъ мѣстахъ, чтобы имѣть пруды подлѣ дома.

Такимъ образомъ, и соображенія, такъ сказать, теоретическія, и наблюденія практическія убѣдили меня, что такъ хозяйничать, какъ хозяйничаетъ теперь большинство, невозможно, и лучшее доказательство этой невозможности то, что хозяйства все болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ, а хозяева разбѣгаются, кто куда можетъ.

Нужно измѣнить систему хозяйства, но какъ измѣнить? Рядомъ соображеній теоретическихъ, какъ человѣкъ въ хозяйствѣ совершенно новый и слѣдовательно неимѣющій никакихъ традицій, не привыкшій ни къ чему, и спокойно, безъ боли, ломающій старое, какъ человѣкъ, никогда агрономіей не занимавшійся, рядомъ логическихъ выводовъ, основанныхъ на научныхъ истинахъ, я пришелъ къ сознанію необходимости измѣнить систему и сталъ измѣнять. Это нехорошо, это невыгодно, какое мнѣ дѣло, что такъ дѣлали прежде! это не выгодно, значитъ этого дѣлать не нужно, значитъ нужно дѣлать иначе; попробуемъ иначе и т. д.

Для того, чтобы получить наибольшую выгоду отъ хозяйства, при существующей системѣ, необходимо, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ, вслѣдствіе чего работа будетъ дешева, то есть необходимо, чтобы крестьяне бѣдствовали. Если у крестьянъ будетъ довольно хлѣба, если они найдутъ изъ чего выплатить повинности, словомъ, если крестьяне будутъ благоденствовать, то хозяйство при существующей системѣ немыслимо: каждый помѣщикъ, каждый прикащикъ, каждый староста вамъ скажетъ, что еслибы крестьяне не нуждались, то онъ не могъ бы хозяйничать. Но вѣдь желательно, чтобы крестьяне не голодали, и въ то же время, чтобы мое хозяйство шло мнѣ не въ убытокъ. Нужно, значитъ, измѣнить систему. Я измѣнилъ систему хозяйства и, увидавъ скоро, что попалъ вѣрно, пошелъ впередъ на проломъ. Присмотрѣвшись затѣмъ къ немногимъ существующимъ у насъ хозяйствамъ, которыя послѣ „Положенія“ не пришли въ упадокъ, я увидалъ въ нихъ до извѣстной степени осуществленіе тѣхъ же положеній, къ которымъ я пришелъ, на основаніи теоретическихъ соображеній. Это еще болѣе укрѣпило меня, и я мало по малу сталъ расширять хозяйство, неуклонно держась выработанной системы... Все мнѣ благопріятствовало, все пошло успѣшно, какъ и ожидать нельзя было. Въ настоящее время даже крестьяне одобряютъ мое хозяйство, не косятся на мои нововведенія и часто говорятъ

про меня, что я все „хозяйственное“ завожу. Первый годъ, когда я началъ сѣять ленъ, крестьяне говорили, что ленъ у насъ не родится— теперь всѣ убѣдились, что ленъ родится отлично и приноситъ огромныя выгоды. Говорили, что ленъ портитъ землю, а между тѣмъ послѣ льна рожь уродилась такая, что лучшей въ полѣ не было. Говорили, что я не найду на ленъ рабочихъ, а теперь, для выборки льна, за разъ пришло 50 поденщицъ. Говорятъ: „отчего же и не идти, когда вы цѣну хорошую даете“.

Такимъ образомъ, придя, на основаніи теоретическихъ соображеній, къ необходимости измѣнить систему хозяйства, я сталъ всматриваться въ существующее у помѣщиковъ хозяйство и старался опредѣлить, какимъ образомъ могла удержаться еще до сихъ поръ старая система.

Старая система, такая, по которой хозяйствовали до „Положенія“, еще держится въ большинствѣ хозяйствъ (ее же я нашелъ и въ своемъ хозяйствѣ), только размѣры хозяйствъ уменьшены. Какимъ образомъ можетъ держаться такая система?

Вникнувъ въ положеніе крестьянъ, въ ихъ отношенія къ помѣщикамъ, ознакомившись съ цѣнами на трудъ, понявъ условія, коими опредѣляются цѣны на работу и проч., я убѣдился, что существующая система хозяйства держится только потому, что трудъ неимовѣрно дешевъ, что крестьянинъ обработываетъ помѣщичьи поля по крайне низкимъ цѣнамъ только по необходимости, по причинѣ своего бѣдственнаго положенія. Такъ какъ такой порядокъ вещей не можетъ долго держаться, и человѣкъ незакрѣпощенный будетъ голодать годъ, два, три, но, наконецъ, найдетъ-таки себѣ выходъ, то для меня сдѣлалось несомнѣннымъ, что наступитъ такое время—и скоро наступитъ, уже наступаетъ,—когда крестьяне не станутъ обработывать землю за такія дешевыя цѣны, какъ теперь. Ясно, что тогда старая система хозяйства должна рушиться и замѣнится новою—иною.

Результатомъ моихъ изслѣдованій о цѣнахъ на трудъ была статья „Дороговизна ли рабочихъ рукъ составляетъ больное мѣсто нашего хозяйства“, помѣщенная въ № 2 „Отечественныхъ Записокъ“ за 1873 годъ.

Въ этой статьѣ я фактами доказалъ, что рабочія руки у насъ чрезвычайно дешевы, что крестьянинъ, обработывая издѣльно господскія поля, еле еле зарабатываетъ, буквально, корку хлѣба, что не дороговизна рабочихъ составляетъ больное мѣсто нашего хозяйства, а нѣчто другое.

Статья моя не осталась безъ отвѣта. Въ „Земледѣльческой га-

зетѣ“—органѣ министерства государственныхъ имуществъ, мнѣ случилось прочитать рецензію на мою статью. Рецензентъ соглашается со мной, что рабочій у насъ получаетъ очень мало—еще бы не согласиться, когда я могу условіями, заключенными съ крестьянами, потвердить всѣ числовыя данныя моей статьи!—но въ то же время старается доказать, что хотя рабочій у насъ получаетъ мало, очень мало, но работа его дорога, такъ что въ своихъ жалобахъ на дороговизну рабочихъ рукъ правы и землевладѣльцы. То есть... „принимая во вниманіе, съ одной стороны, и имѣя въ виду, съ другой стороны“, и т. д., и т. д.

Но зачѣмъ же быть несправедливымъ, зачѣмъ затмѣнять вопросъ?

Никогда и нигдѣ у насъ землевладѣльцы не сознавали, что рабочій получаетъ слишкомъ мало, и никогда не жаловались *только* на дороговизну работы. Еслибы землевладѣльцы дѣйстсительно ставили вопросъ такъ, какъ его ставитъ рецензентъ „Земледѣльческой газеты“, то они не жаловались бы на *дороговизну рабочихъ,* но изыскивали бы средства къ *удешевленію самой работы*, то-есть, не только оставляя рабочему ту плату, которую онъ теперь получаетъ, но даже повышая ее, старались бы введеніемъ усовершенствованныхъ орудій и т. п. увеличить производительность работы. Въ этомъ смыслѣ, не на кого даже и жаловаться, потому что это значило бы жаловаться на самого себя, на свою неумѣлость. Къ чему жаловаться на то, что трудъ не производителенъ? кому жаловаться и зачѣмъ? развѣ хозяину кто нибудь запрещаетъ вводить ту или другую систему хозяйства, употреблять тѣ или другія орудія, содержать тотъ или другой скотъ, кормить или не кормить лошадей овсомъ, возить навозъ въ повозкахъ съ желѣзными осями? На что же тутъ жаловаться?

Нѣтъ, землевладѣльцы жалуются совсѣмъ не на то: они жалуются именно на дороговизну рабочихъ рукъ, они именно говорятъ, что заработная плата слишкомъ велика, что крестьяне слишкомъ дорого берутъ за обработку земли; они хотятъ, чтобы крестьянинъ бралъ за обработку круга не 25 рублей, а 10; они хотятъ такихъ мѣръ, такъ сказать, таксъ, которыя, противу теперешняго, понизили бы цѣны за обработку; они боятся того, чтобы крестьяне совсѣмъ не перестали работать по тѣмъ цѣнамъ, какъ теперь. Рецензентъ, очевидно, живетъ въ Петербургѣ, близко землевладѣльцевъ не знаетъ, въ сношеніяхъ съ ними не находится,—хотя, впрочемъ, по газетнымъ корреспонденціямъ, по заявленіямъ хозяйственныхъ обществъ и проч. видно, что дѣло идетъ прямо объ изысканіи средствъ къ уменьшенію дороговизны рабочихъ рукъ и къ регламентаціи отношеній работника къ хозяину. Въ такомъ именно смыслѣ поставленъ вопросъ

и петербургскимъ собраніемъ сельскихъ хозяевъ, которое въ своемъ объявленіи говоритъ такъ: „самое больное мѣсто въ хозяйствѣ настоящаго времени составляетъ, безспорно, дороговизна рабочихъ рукъ, а иногда и совершенное ихъ отсутствіе, притомъ въ самую горячую пору, то есть во время сѣнокоса и жатвы. Такъ, въ Херсонской и Таврической губерніяхъ въ минувшее лѣто платили: за выкосъ десятины по 10 руб., а за уборку хлѣба по 20 руб.; въ Московской губерніи косецъ стоитъ 75 копѣекъ въ сутки. Желательно было бы слышать докладъ, въ которомъ бы указаны были причины дороговизны рабочихъ рукъ изъ мѣстной практики и соотвѣтственно этимъ причинамъ предложены были мѣры къ удешевленію земледѣльческаго труда. При этомъ было бы полезно коснуться кстати вопроса о ненормальности во многихъ случаяхъ отношеній между нанимателями и рабочими, что, какъ извѣстно, составляетъ предметъ разработки особой правительственной комиссіи".

Вопросъ поставленъ такъ ясно, какъ яснѣе не нужно. Очевидно, что рѣчь идетъ буквально о пониженіи рабочей платы, а не о томъ, какъ при данной платѣ увеличить производительность труда и удешевить работу. Самыя цифры это показываютъ. Цѣна 75 копѣекъ косцу признается слишкомъ высокою, и желаютъ, чтобы она была уменьшена. Тутъ уже ясно, что не о малой производительности работы идетъ рѣчь, потому что даже у насъ—далеко отъ Москвы, гдѣ сѣно не цѣнится такъ высоко,—при хорошемъ урожаѣ травы, на покосѣ каждый рабочій кругомъ, мужчина и женщина, выработываетъ хозяину сѣна на 2 рубля въ день. Слѣдовательно, или хозяину мало заработать въ день на каждомъ работникѣ 1 р. 25 к. (нужно замѣтить, что женщины никогда не получаютъ 75 копѣекъ, а самое большое 40), или онъ коситъ плохіе покосы себѣ въ убытокъ. Объ Таврической губерніи не говорю, потому что тамошнихъ условій не знаю. Дѣло просто, и рецензентъ „Земледѣльческой газеты" напрасно старается повернуть вопросъ въ другую сторону. Невѣрная постановка вопроса была причиною, что рецензентъ, наобѣщавъ сначала много, такъ что можно было ожидать отъ него серьезной разработки вопроса, разрѣшился небольшой фельетонной статейкой. „Въ своемъ домѣ и стѣны помогаютъ", говоритъ пословица, а такъ какъ у рецензента нѣтъ „дома", то въ его статьѣ подъ конецъ все стушевалось и сошло на нѣтъ.

Рецензентъ упрекаетъ меня, что я категорически не высказался относительно того, какъ выйдти изъ настоящаго положенія, то есть какъ повести хозяйство, чтобы имѣть возможность платить рабочему больше и самому не быть въ убыткѣ. Рецензентъ говоритъ, что я

высказался по этому вопросу какъ-то нерѣшительно и обычныя у меня послѣдовательность и ясность въ изложеніи тутъ какъ бы измѣняютъ мнѣ,

Конечно, я не высказался, да и не хотѣлъ высказываться, даже не могъ. Въ моей статьѣ я хотѣлъ доказать, прежде всего, что плата за земледѣльческій трудъ у насъ чрезвычайно низка, что рабочій за самую тяжелую сельскую работу не получаетъ даже столько, сколько необходимо для поддержанія, посредствомъ пищи, организма въ нормальномъ состояніи, что нѣтъ профессіи, въ которой трудъ оплачивался бы ниже, чѣмъ тяжелый трудъ земледѣльца. Я думаю, что я это доказалъ; я думаю, что цифры, которыя я привелъ, цифры, которыя я могу подтвердить документально, убѣдили каждаго, что земледѣльческій трудъ у насъ чрезвычайно дешевъ. Затѣмъ, я старался уяснить причину такой дешевизны труда, и почему именно крестьяне обработываютъ теперь помѣщичьи поля за такую низкую цѣну; я указалъ, что причину эту прежде всего составляетъ необходимость въ покосахъ, лѣсѣ, выгонахъ и проч., а потомъ бѣдность и несостоятельность въ уплатѣ податей. На этомъ я остановился, но долженъ былъ бы прибавить, что есть и еще причина бѣдности земледѣльцевъ—это разобщенность въ ихъ дѣйствіяхъ. Эта разобщенность въ дѣйствіяхъ очень важна, и я намѣренъ говорить объ ней подробно въ особой статьѣ. Теперь же я только укажу, что я понимаю подъ словами разобщенность въ дѣйствіяхъ.

Крестьяне живутъ отдѣльными дворами и каждый дворъ имѣетъ свое отдѣльное хозяйство, которое и ведетъ по собственному усмотрѣнію. Поясню примѣромъ: въ деревнѣ, лежащей отъ меня въ полуверстѣ, съ бытомъ которой я познакомился до тонкости, находится 14 дворовъ. Въ этихъ 14 дворахъ ежедневно топится 14 печей, въ которыхъ 14 хозяекъ готовятъ, каждая для своего двора, пищу. Какая громадная трата труда, пищевыхъ матеріаловъ, топлива и проч.! Еслибы всѣ 14 дворовъ сообща пекли хлѣбъ и готовили пищу, то есть имѣли общую столовую, то достаточно было бы топить 2 печи и имѣть двухъ хозяекъ. И хлѣбъ обходился бы дешевле, и пищевыхъ матеріаловъ тратилось бы менѣе. Далѣе, зимою каждый дворъ долженъ имѣть человѣка для ухода за скотомъ, между тѣмъ, какъ для всего деревенскаго скота было бы достаточно двухъ человѣкъ; ежедневно во время молотьбы хлѣба 14 человѣкъ заняты сушкою хлѣба въ овинахъ; хлѣбъ лежитъ въ 14 маленькихъ сараяхъ; сѣно въ 14 пуняхъ и т. д. Мнѣ, помѣщику, напримѣръ, все обходится несравненно дешевле, чѣмъ крестьянамъ, потому что у меня все дѣлается огульно, сообща. У меня ежедневно всѣ 22 человѣка рабочихъ обѣдаютъ за

однимъ столомъ и пищу имъ готовитъ одна хозяйка, въ одной печи. Весь скотъ стоитъ на одномъ дворѣ. Все сѣно, весь хлѣбъ положены въ одномъ сараѣ и т. д. Мои батраки, конечно, работаютъ не такъ старательно, какъ работаютъ крестьяне на себя, но такъ какъ они работаютъ артелью, то во многихъ случаяхъ, напримѣръ, при уборкѣ сѣна, хлѣба, молотьбы и т. п., сдѣлаютъ болѣе, чѣмъ такое же количество крестьянъ, работающихъ по одиночкѣ на себя... Но объ этомъ нужно будетъ еще поговорить подробнѣе въ другой разъ, хотя бы для того, чтобы указать, что съ каждымъ годомъ разобщенность въ дѣйствіяхъ крестьянъ все болѣе и болѣе увеличивается, такъ что многіе работы, которыя еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ исполнялись сообща, огульно цѣлою деревню, теперь дѣлаются отдѣльно каждымъ дворомъ.

Но обращаюсь къ своей статьѣ: указавъ на дешевизну труда и причины, обусловливающія эту дешевизну, я пояснилъ, что только при этой дешевизнѣ возможно существованіе той системы хозяйства, которую до сихъ поръ продолжаютъ помѣщики. Лишь только крестьяне станутъ въ лучшее положеніе—а это должно же когда нибудь совершиться—цѣнность издѣльныхъ работъ, плата за обработку земли кругами, должна повыситься, да и число охотниковъ брать круги сильно убавится. Даже и теперь крестьяне позажиточнѣе, хорошіе работники, берутъ на обработку кружки, главнымъ образомъ, для того, чтобы имѣть приволье для скота; но стремленіе къ этому приволью есть слѣдствіе косности крестьянъ и во многихъ случаяхъ, еслибы крестьяне только согласились нанять общаго пастуха для лошадей, то зависимость ихъ отъ помѣщика много убавилась бы. Каждый крестьянинъ очень хорошо понимаетъ, что еслибы онъ приложилъ свой трудъ, который употребляетъ для обработки круга помѣщику, къ своей или арендованной землѣ, то заработалъ бы болѣе. Какъ только цѣнность издѣльной платы за круги подымется выше извѣстной нормы, то землевладѣльцы сами собой должны будутъ перейдти къ батрачному хозяйству. А батрачное хозяйство, испытанное уже многими, признается невыгоднымъ при продолженіи существующей системы хозяйства. Какъ же измѣнить эту систему? Рецензентъ упрекаетъ меня въ томъ, что я не высказался въ этомъ отношеніи. Отвѣчу, что это, вопервыхъ, не входило въ планъ моей статьи, а, вовторыхъ, порѣшить подобный вопросъ совсѣмъ не такъ просто. Рецензентъ, думающій иначе и полагающій, что въ небольшомъ фельетончикѣ можно порѣшить такой вопросъ, самъ высказался по этому поводу. Онъ думаетъ, что плату рабочему можно было бы повысить, еслибы ему даны были усовершенствованныя орудія и проч.

„Дайте работнику въ руки,—говоритъ рецензентъ,—лучшую лошадь, вмѣсто сохи—плугъ и скоропашку, вмѣсто лукошка—сѣялку, вмѣсто цѣпа—молотилку, и онъ перестанетъ болтать землю, ту же полезную работу будетъ производить въ кратчайшее время и даже съ меньшимъ физическимъ истомленіемъ, тогда онъ можетъ потребовать, и каждый хозяинъ, помимо всякихъ филантропическихъ соображеній, дастъ ему высшую поденную плату“.

Такъ-съ. Какъ бы хорошо было, еслибы сложные хозяйственные вопросы можно было разрѣшать такъ просто.

Машины, значитъ, и усовершенствованныя орудія завести. Но пусть же рецензентъ или редакторъ — статья не подписана и помѣщена въ „Земледѣльческой газетѣ“ въ видѣ передовой, слѣдовательно, ее можно считать исходящею отъ редакціи — пойметъ, почему я не высказываюсь такъ легко относительно мѣръ, необходимыхъ для возвышенія нашего хозяйства. Пусть онъ вникнетъ въ различіе нашихъ положеній. Заведите плуги, двухколесныя тачки, скоропашки и проч., и вы будете въ состояніи болѣе платить работнику. Лицо, занимающееся хозяйствомъ на бумагѣ въ департаментѣ, въ редакціи журнала, можетъ, конечно, такъ говорить, а я не могу. Онъ написалъ статью, посовѣтовалъ хозяевамъ тачки или плуги, и дѣло кончено... Черезъ недѣлю онъ напишетъ другую статью, въ которой посовѣтуетъ, для улучшенія нашего хозяйства, выписывать симентальскій скотъ; потомъ посовѣтуетъ улучшать луга посредствомъ компостовъ. Статья слѣдуетъ за статьей, совѣтъ за совѣтомъ, № газеты выходитъ за №, исписываются кипы бумаги и больше ничего. Кто же можетъ потребовать отъ поставщика хозяйственныхъ статей, хозяйствомъ не занимающагося, чтобы онъ на дѣлѣ указалъ примѣнимость его совѣтовъ, выражаемыхъ притомъ всегда съ оговорками и въ общихъ соображеніяхъ.

Но я такъ поступать не могу. Я практическій хозяинъ. Если я скажу: пашите плугами, и вы будете въ состояніи платить работнику не 1/2 копѣйки за проходъ версты, а 3 копѣйки, то мнѣ каждый, ну, хоть мой ближайшій сосѣдъ, въ правѣ сказать: „докажи это на своемъ хозяйствѣ“.

Я говорю: работникъ у насъ дешевъ, работникъ получаетъ слишкомъ мало, и могу доказать это документомъ. Если я скажу: поступайте въ хозяйствѣ такъ-то и такъ-то, то мнѣ скажутъ: ты практическій хозяинъ—докажи. Кто же будетъ требовать отъ редактора газеты, который никакого хозяйства не ведетъ, практическихъ доказательствъ примѣнимости его положеній? Вѣдь онъ пишетъ, потому что ему нужно что нибудь писать. Вѣдь никто же не скажетъ

редактору: ты проповѣдуешь то-то и то-то; вотъ тебѣ земля и деньги— сдѣлай, покажи, какъ нужно хозяйничать. А мнѣ каждый можетъ сказать: ты совѣтуешь то-то и то-то, отчего же ты этого не дѣлаешь? Если „Земледѣльческая газета“ не будетъ сообщать ничего полезнаго, то самое большее—ея читать не будутъ...

Обращаясь къ частностямъ, скажу только, что у насъ, вообще, слишкомъ много значенія придаютъ усовершенствованнымъ машинамъ и орудіямъ, тогда какъ машины самое послѣднее дѣло. Различные факторы въ хозяйствѣ, по ихъ значенію, идутъ въ такомъ порядкѣ: прежде всего хозяинъ, потому что отъ него зависитъ вся система хозяйства и, если система дурна, то никакія машины не помогутъ; потомъ работникъ, потому что въ живомъ дѣлѣ живое всегда имѣетъ перевѣсъ надъ мертвымъ: хозяйство не фабрика, гдѣ люди имѣютъ второстепенное значеніе, гдѣ стругающій станокъ важнѣе, чѣмъ человѣкъ, спускающій ремень со шкива: въ хозяйствѣ человѣкъ прежде всего; потомъ, лошадь, потому что на дурной лошади и плугъ окажется безполезнымъ; потомъ уже машины и орудія. Но ни машины, ни симентальскій скотъ, ни работники не могутъ улучшить наши хозяйства. Его улучшить могутъ только хозяева.

А покуда, позвольте разсказать, какъ я осенью ѣздилъ въ губернію на сельско-хозяйственную выставку, устроенную нашимъ обществомъ сельскаго хозяйства.

Получивъ извѣщеніе, что въ нашемъ губернскомъ городѣ будетъ выставка продуктовъ сельскаго хозяйства, земледѣльческихъ орудій и машинъ, скота, лошадей, что во время выставки будутъ засѣданія нашего общества сельскаго хозяйства, съ цѣлью обсужденія различныхъ вопросовъ, касающихся мѣстнаго хозяйства, я очень обрадовался представляющейся возможности обмѣняться мыслями съ практическими хозяевами и учеными агрономами, возможности посмотрѣть результаты улучшенныхъ хозяйствъ, и рѣшился—хотя по приблизительному разсчету поѣздка должна была обойтись рублей въ тридцать—поѣхать на выставку, взявъ съ собою, въ качествѣ практическаго эксперта, моего старшаго работника, Сидора.

Убѣдившись въ невозможности продолжать старую систему хозяйства и принявъ рѣшеніе ввести новую, я убѣдился, что мнѣ предстоитъ все до основанія измѣнить въ своемъ хозяйствѣ. Въ общихъ чертахъ рѣшать подобные вопросы очень легко: „одно изъ средствъ, — говорится въ „Земледѣльческой газетѣ“,—выхода изъ настоящаго критическаго положенія заключается въ суммѣ тѣхъ мѣръ, которыя

могутъ поднять хозяйство землевладѣльцевъ, вызвать улучшенное хозяйствованіе, слѣдовательно, прекращеніе системы сдачи полей кругами, устройство батрачнаго хозяйства, введеніе усовершенствованныхъ машинъ, орудій, породъ скота, многопольной системы, улучшеніе луговъ и выгоновъ, и проч. и проч.". Что касается мѣръ вызвать улучшенное хозяйствованіе, то я думаю, что самая лучшая мѣра—необходимость. Какое же можетъ быть улучшеніе въ хозяйствахъ, когда хозяева занимаются службою и въ имѣніяхъ не живутъ? Пока я находился на службѣ, которая давала мнѣ средства для жизни, то я хозяйствомъ не занимался и объ улучшеніяхъ въ немъ не думалъ; но разъ пришлось сѣсть на хозяйство — необходимость, именно необходимость дѣла, побудила меня вникнуть въ хозяйство.

„Прекращеніе системы сдачи полей кругами, устройство батрачнаго хозяйства, введеніе усовершенствованныхъ машинъ, орудій, породъ скота, многопольной системы, улучшеніе луговъ и выгоновъ и проч. и проч.".

Но вѣдь это все только общія фразы. Нужно измѣнить систему полеводства—безъ этого батрачное хозяйство немыслимо—но какою системою замѣнить старую? Нужно завести усовершенствованныя машины и орудія—но какія? Какія породы скота завести? Какъ улучшить луга? Тысячи вопросовъ являются сами собою, — нужно подумать обо всемъ, начиная отъ шкворня въ телѣгѣ, и кончая системою полеводства.

Наша хозяйственная литература не даетъ отвѣта на эти вопросы, потому что, за немногими исключеніями, журналы наполняются статьями, написанными людьми, которые никогда хозяйства не вели и практикою дѣла не занимались. Кромѣ того, у насъ вовсе нѣтъ мѣстной хозяйственной литературы, нѣтъ органовъ, въ которыхъ бы помѣщались статьи мѣстныхъ хозяевъ-практиковъ, да и вообще, мало хозяевъ, которые бы что нибудь сообщали печатно о своей дѣятельности.

А между тѣмъ, мнѣ нужно поставить хозяйство на новый ладъ, и главное, нужно сдѣлать это безъ капитала, то есть нужно найти средства для улучшеній въ самомъ хозяйствѣ.

Еслибы у меня былъ свободный капиталъ, который бы я могъ употребить на долгосрочныя затраты, на производство опытовъ, по большей части никакого дохода не приносящихъ, если бы я не боялся стоющихъ денегъ ошибокъ и пр. — тогда другое дѣло. Но когда я сѣлъ на хозяйство, то у меня не только свободнаго, но даже и необходимаго оборотнаго капитала не было; мало того, не

было средствъ къ жизни, такъ что я, для того, чтобы не брать капитала изъ хозяйства, долженъ былъ отказывать себѣ во всемъ, даже въ бѣломъ хлѣбѣ, въ покойномъ экипажѣ, во всѣхъ жизненныхъ удобствахъ, которыми пользовался, живя въ Петербургѣ. Я долженъ былъ найти въ самомъ имѣніи средства не только къ жизни, не только къ продолженію хозяйства, но и къ тому, чтобы сдѣлать улучшенія, а эти улучшенія влекли за собою измѣненіе всей системы хозяйства. Каждая ошибка могла на долго затянуть дѣло. А тутъ еще подоспѣлъ неурожай въ первый годъ моего хозяйства, недостатокъ въ кормѣ, самъ я сломалъ ногу и больной пролежалъ цѣлое лѣто.

Хозяйство дѣло сложное и дѣлать измѣненія съ системѣ хозяйства не шутка. Литература хозяйственная, повторяю, принесла мнѣ мало пользы. Я читалъ и руководства, читалъ и статьи въ журналѣ— привычку къ чтенію я имѣю, усвоиваю прочитанное легко, умѣю отличать существенное отъ несущественнаго. Но въ книгахъ и журналахъ я не находилъ того, что мнѣ нужно, не могъ оріентироваться въ массѣ одинъ другому противорѣчащихъ фактовъ, не находилъ живой воды, которой искалъ, а мертвечина мнѣ была не нужна. Я уже высказался въ предыдущемъ письмѣ насчетъ нашей сельско-хозяйственной литературы и повторяю теперь, что изъ чтенія книгъ я ничего не извлекъ для себя полезнаго. Я зачитывался до помраченія разсудка, разыскивая нужныя мнѣ свѣдѣнія, и ничего не находилъ. Сколько разъ я приходилъ въ уныніе, полагая, что я уже отупѣлъ, и оттого не нахожу въ книгахъ разрѣшенія моихъ сомнѣній, полагая, что я отъ старости не могу уже перейти къ занятіямъ новымъ предметомъ. Вопросъ „почему“? никогда не сходилъ у меня съ языка, и я сидѣлъ надъ каждымъ агрономическимъ вопросомъ съ этимъ „почему“? Я хотѣлъ ясныхъ отвѣтовъ, хотѣлъ обточить, отдѣлать каждое рѣшеніе, уяснить себѣ и другимъ. Читаю, бывало, читаю, пойду совѣтоваться съ Авдотьей — нѣтъ, говоритъ она, это не такъ, изъ этого ничего не выйдетъ. Я потерялъ вѣру въ книги и бросилъ ихъ, въ чемъ Авдотья имѣла огромное вліяніе своимъ вѣчнымъ „пустыя эти ваши книги“. И дѣйствительно пустыя.

Мои научныя познанія, именно знанія химіи и другихъ естественныхъ наукъ, мое знаніе людей, ихъ ощущеній, страстей, слабыхъ сторонъ и пр.—вотъ что составляло мою силу. Научныя знанія, стремленіе во всемъ добиваться ясности, были важны для постройки всей системы хозяйства, знаніе людей принесло пользу для пріобрѣтенія въ рабочихъ себѣ помощниковъ. Практическія хозяйственныя знанія Ивана, Сидора, Авдотьи, „старухи“ составляли вто-

рую силу. Но всего этого было мало для того, чтобы быстро двинуться впередъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ я и руками и ногами ухватился за мысль ѣхать на выставку и взять туда съ собою Сидора для того, чтобы показать ему, что достигаютъ въ хозяйствахъ другіе, чего мы должны достигнуть, и посредствомъ какихъ орудій это достигается. То-то, думалъ я, удивится Сидоръ, когда увидитъ настоящій скотъ, настоящихъ барановъ и свиней, настоящихъ скотниковъ...

Вся поѣздка обойдется въ 30 рублей. Конечно, на эти деньги можно обработать лишнюю десятину льну и получить 50 рублей барыша. Но вѣдь наука никому не обходится даромъ и притомъ 30 руб., употребленныхъ на поѣздку, могутъ дать тысячи, если мы научимся и съумѣемъ примѣнить узнанное.

Болѣе всего я разсчитывалъ на встрѣчу съ сельскими хозяевами, членами нашего общества. Для насъ, землевладѣльцевъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые не съумѣли пристроиться къ какой-нибудь службѣ, въ настоящее время вопросы хозяйственные—самые жизненные вопросы. Всѣ жалуются и стонутъ — понятно, что при такихъ условіяхъ каждый воспользуется случаемъ, совмѣстно съ другими обсудить тѣ вопросы, которые его интересуютъ.

Будутъ засѣданія нашего общества, слѣдовательно, думалъ я, будутъ и обсуждаться важные для мѣстнаго хозяйства вопросы. Познакомлюсь съ членами общества, послушаю опытныхъ хозяевъ, послушаю, что будутъ говорить ученые агрономы, которые пріѣдутъ на выставку, какъ будутъ они отвѣчать на наши практикою вызываемые вопросы. Познакомлюсь съ практическими хозяевами, которые съѣдутся съ разныхъ концовъ нашей губерніи, познакомлюсь съ учеными агрономами; въ частныхъ бесѣдахъ, за стаканомъ вина, потолкуемъ о хозяйствѣ; распрошу все, узнаю, что гдѣ и какъ, какія гдѣ существуютъ системы хозяйства, какія измѣненія въ хозяйствѣ сдѣланы послѣ положенія, какъ идетъ батрачное хозяйство, какія отношенія между хозяевами и батраками, какъ лучше — „по Божески“ или „по условіямъ“, какая многопольная система выгоднѣе оказалась на практикѣ, какія гдѣ введены усовершенствованныя машины и орудія, какія породы скота признаются наиболѣе соотвѣтствующими нашему хозяйству, какая система улучшенія скотоводства раціональнѣе, что выгоднѣе, продать ли мои 100 штукъ скота, стоющіе много-много 1,200 рублей, и на эти деньги купить 6 штукъ по 200 рублей, или принять другую систему, напримѣръ, продать 30 штукъ и на вырученныя деньги купить у г. Голяшкина подъ Москвою швицкаго быка, или, наконецъ, улучшить свою породу скота? Какая

система скотоводства выгоднѣе, молочная или мясная? какимъ образомъ достигнуть того, чтобы навозъ не обходился у насъ такъ дорого, какъ теперь? какъ улучшить луга и выгоны? и пр. и пр. Тысячи вопросовъ представляются каждому, кто задумалъ улучшить свое хозяйство, начиная съ вопроса, какъ устроить уздечку для рабочей лошади, имѣя въ виду привычку крестьянина, а слѣдовательно и каждаго работника, постоянно дергать лошадь за возжи, и кончая вопросомъ о системѣ полеводства. На всѣ эти вопросы я думалъ найти если не разрѣшеніе, то по крайней мѣрѣ, данныя для обсужденія. Съѣдутся хозяева на выставку, познакомимся и, разумѣется, думалъ я, первое слово: вы сѣете ленъ, клеверъ? Какой у васъ скотъ? и т. д. Наконецъ, и самая выставка: посмотрю выставленныхъ рабочихъ лошадей—сейчасъ будетъ видно, какія лошади предпочитаются въ нашихъ хозяйствахъ; узнаю, откуда пріобрѣтаются рабочія лошади и по какимъ цѣнамъ, какіе заводы рабочихъ лошадей считаются лучшими; можетъ быть, даже куплю на выставкѣ нѣсколько хорошихъ лошадокъ. Будетъ на выставкѣ скотъ, который составляетъ такую важную отрасль хозяйства, что безспорно отъ того или другого состоянія скотоводства зависитъ вся доходность имѣнія, обусловливаемая большею или меньшею цѣнностію навоза. При существующемъ скотоводствѣ, навозъ намъ, помѣщикамъ — говорю помѣщикамъ, потому что у крестьянъ другое дѣло—обходится такъ дорого, что нельзя вести хозяйства на покупномъ кормѣ; если кто станетъ покупать кормъ и имъ кормить скотъ, то навозъ ему обойдется въ такую цѣну, что у него всегда будетъ убытокъ отъ полеводства. Ясно, что нужно поставить скотоводство въ такое положеніе, чтобы скотъ окупалъ кормъ и навозъ обходился какъ можно дешевле. На выставкѣ я надѣялся познакомиться съ породами скота, предпочитаемыми въ нашихъ улучшенныхъ хозяйствахъ, надѣялся узнать, чей скотъ лучшій, откуда можно достать хорошій скотъ, какая система содержанія предпочитается практиками-скотоводами. Опять тоже думалъ, что Сидоръ увидитъ какъ обращаются хозяева со скотомъ, какъ его кормятъ, чистятъ, познакомиться со скотниками, поразспроситъ, что и какъ—малый, знаю, ловкій, все развѣдаетъ. Овцы тоже чрезвычайно важная статья въ крестьянскомъ хозяйствѣ, потому что овца у мужика не только окупаетъ кормъ и даетъ навозъ даромъ, но еще доходъ приноситъ. Прокормить зиму овцу стоитъ не болѣе 3-хъ рублей, а доходу она даетъ, если принесетъ парочку, рублей шесть. Устроители выставки, зная это, безъ сомнѣнія обратятъ особенное вниманіе на овцеводство, соберутъ овецъ изъ различныхъ мѣстностей. Посмотрю, что будетъ выставлено и непремѣнно постараюсь въ за-

сѣданіяхъ общества поднять вопросъ объ нашемъ овцеводствѣ. Будутъ выставлены машины и орудія—это тоже по части Сидора: онъ сейчасъ замѣтитъ, что намъ можно перенять, я срисую, а потомъ и сдѣлаемъ дома, что можно. Особенно интересовали насъ съ Сидоромъ, съ которымъ у меня было длинное совѣщаніе насчетъ поѣздки, перевозочныя средства: повозки, тачки, упряжь. До постояннаго употребленія плуговъ намъ еще далеко, но все-таки любопытно было бы посмотрѣть, какъ пашутъ плугами. Надѣялся я также, что выставлены будутъ модели и рисунки хозяйственныхъ построекъ, скотныхъ дворовъ. На Московской выставкѣ, говорятъ, былъ выставленъ цѣлый образцовый домъ для помѣщика средней руки съ образцовою библіотекою, въ которой стояли тѣ книги, которыя обязанъ читать помѣщикъ средней руки. Гриша-плотникъ, который ходилъ работать на выставку, вернувшись въ деревню, разсказывалъ, что онъ строилъ на выставкѣ „форменный домъ“ для пановъ. Крестьяне готовы были думать, что скоро начальники будутъ объѣзжать панскіе дворы, смотрѣть, у всѣхъ ли форменные дома. Конечно, я не повѣрилъ этому, но все-таки думалъ: освѣдомлюсь на выставкѣ у начальниковъ, какой это такой домъ форменный на московской выставкѣ былъ? Хоть чертежикъ посмотрю. Можетъ, не вышло ли какого положенія, денегъ помѣщикамъ не даютъ ли для постройки форменныхъ домовъ?

Посмотрю, какой хлѣбъ выставятъ наши производители. Рѣшено. Ѣду. Куда ни шло—30 рублей пожертвую.

Грѣшный человѣкъ, и провѣтриться захотѣлось; захотѣлось посмотрѣть цивилизованныхъ людей, которые носятъ сюртуки, а не полузипунники, пьютъ шампанское, а не водку, ѣдятъ разные финзербы, а не пушной хлѣбъ, исправно получаютъ жалованье и не платятъ никакихъ податей, не боятся не только волостного, но даже и самого исправника.

Можетъ, и такихъ увижу, которыхъ самъ исправникъ боится. Хотѣлось и по мостовой проѣхать, и по тротуару пройти, и музыки послушать, зъ клубъ завернуть, въ театрѣ побывать, посмотрѣть женщинъ, которыя носятъ красивыя ботинки, чистыя перчатки. Странное дѣло, кажется, я ужь привыкъ къ деревнѣ, скоро три года только и вижу полузипунники, лапти, уродливо повязанныя головы, обоняю запахъ капусты, навоза, сыворотки. Только и слышу: „ей, Проська, ступай, курва, свиньямъ мѣсить.—Чаго? „Свиньямъ ходи мѣсить, стерва“ и т. д. Кажется, должно бы попривыкнуть, а нѣтъ,—такъ и тянетъ въ городъ. Хоть бы на часокъ къ Эрберу... выпить съ пріятелемъ стаканъ вина, съѣсть десятокъ устрицъ, поболтать, посидѣть

съ женщинами, отъ которыхъ не пахнетъ навозомъ и кислымъ молокомъ, какъ отъ подойщицъ.

Начались сборы. Нужно было совершенно преобразиться. Дома, осенью, я всегда хожу въ высокихъ сапогахъ, въ красной фланелевой рубахѣ и полушубкѣ—костюмъ, къ которому я логически пришелъ въ деревнѣ, костюмъ чрезвычайно удобный и даже красивый, потому что яркій красный цвѣтъ составляетъ пріятное разнообразіе въ сопоставленіи съ сѣрымъ небомъ, сѣрою погодою, сѣрыми постройками, сѣрыми пашнями. Но явиться въ такомъ костюмѣ на выставку—хотя-бы кажется этотъ деревенскій костюмъ очень шелъ къ хозяйственной выставкѣ—я не рѣшился, потому что это могли бы принять за оригинальничанье, или еще того хуже. Въ городѣ нужно быть одѣтымъ по городски.

По обычаю, каждый помѣщикъ, пріѣзжая въ губернію, представляется начальнику—слѣдовательно, нужно взять фракъ и черную пару. Для визитовъ, обѣдовъ, засѣданій—нуженъ сюртукъ. Для ежедневнаго посѣщенія выставки—костюмъ. Нужно еще было взять шубку, пальто, калоши, тонкое бѣлье, словомъ множество вещей, входящихъ въ составъ одѣянія цивилизованнаго человѣка. Вещей различныхъ набралось очень много. Предстояло еще Сидора, который ѣхалъ со мной за „человѣка", ознакомить съ назначеніемъ и употребленіемъ каждой вещи. Это я поручилъ Савельичу, который, какъ человѣкъ бывалый и въ Петербургѣ у генерала служившій, знаетъ, что и къ чему. Дней за десять до отъѣзда начались сборы; Савельичъ вытащилъ платье, которое лежало нераспакованнымъ со времени моего пріѣзда въ деревню, и сталъ учить Сидора, что какъ и чѣмъ слѣдуетъ чистить, что послѣ чего подавать. Оказались разные изъяны: фракъ заплесневѣлъ, слежался и такъ измялся, что какъ его Савельичъ ни чистилъ, расправить не могъ; наконецъ, послѣ продолжительной возни, Савельичъ объявилъ мнѣ, что съ фракомъ ничего не подѣлаешь и совѣтовалъ поносить фракъ, чтобы провѣтрить и размять.

— Да гдѣ же я его буду носить?

— Гулять изволите пойти—можно надѣть.

— Да смотрите, чтобы коровы не заливали, какъ на скотный дворъ пойдете, вставила Авдотья.

Савельичъ, искоса, съ едва замѣтной презрительной улыбкой, посмотрѣлъ на Авдотью.

— По саду изволите прогуляться, чтобы пообвѣтрило; разносится, лучше сидѣть будетъ.

— А фракъ-то вамъ узокъ сталъ, раздобрѣли въ деревнѣ, замѣтила Авдотья.

Нѣсколько дней я щеголялъ во фракѣ: ходилъ во фракѣ на скотный дворъ, на пустошь, гдѣ производилась граборами расчистка, гулялъ по саду, гдѣ шла садка кустовъ. Фракъ дѣйствительно разносился.

Съ сюртукомъ тоже случилась оказія: вынимая его изъ чемодана, Савеличъ какъ-то зацѣпилъ за пряжку и разодралъ рукавъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Что тутъ дѣлать? Единственный мѣстный портной, старикъ Михаилъ Иванычъ,—настоящій ученый московскій портной изъ прежнихъ дворовыхъ, такой, что могъ бы не только подчинить сюртукъ, но даже вывернуть старый и передѣлать за ново на первый сортъ,—за которымъ я послалъ тотчасъ же,—не оказался дома: уѣхалъ куда-то далеко обшивать на зиму какое-то семейство. Ну что тутъ дѣлать? развѣ взять съ собою и отдать кому нибудь въ губерніи подчинить? Однако обошлись домашними средствами: Сидоръ взялся зачинить разорванный рукавъ. Оказалось что Сидоръ—чего я и не зналъ—швецъ; до поступленія ко мнѣ, онъ лѣтомъ работалъ дома, а зимою былъ швецомъ, то есть, ходилъ по деревнямъ шить полушубки, армяки, зипуны. Когда Сидоръ объявилъ, что зачинитъ сюртукъ, я никакъ не могъ повѣрить, чтобы онъ могъ исполнить такую тонкую работу. Сидоръ лѣтомъ постоянно работаетъ на огородѣ, возитъ граборскія тачки земли, коситъ, ѣздитъ кучеромъ и вообще исполняетъ всякія работы по хозяйству; кожа у него на рукахъ такая же толстая, какъ у носорога; большимъ пальцемъ руки онъ вдавливаетъ гвоздь въ стѣну, зимою въ 15° мороза безъ перчатокъ правитъ тройкой гуськомъ запряженныхъ бойкихъ лошадей.

— Да какъ же ты будешь чинить такую тонкую штуку?

— Съѣзжу въ Бардино и попрошу у горничной махонькую иголочку и шелчинку.

— Маленькая иголочка и шелчинка и у меня есть, да починишь ли ты?

— Починю-съ, пожалуйте иголочку самую махонькую.

И дѣйствительно починилъ, такъ хорошо починилъ, что когда я потомъ показалъ починку Михаилу Иванычу, то онъ объявилъ, что и самъ лучше не сдѣлалъ бы, потому что теперь у него глаза стали стары.

Уложившись наканунѣ и дѣлая, во время вечерняго доклада старосты, распоряженія на время моего отсутствія, я между прочимъ сказалъ ему, что ѣду въ губернію собственно на выставку.

— А развѣ нынче выставка будетъ, А. Н.?

— Будетъ.

— Съ господъ, должно быть, на выставку собирали?

— Какъ съ господъ?

— У насъ ничего до сихъ поръ неслышно. Ныньче съ крестьянъ ничего на выставку не выбивали, должно быть только съ господъ сборъ.

— А развѣ прежде крестьяне посылали что нибудь на выставку?

— На прошлую выставку, что скоро послѣ „Положенья“ была, со всѣхъ собирали, приказъ былъ, чтобы что ни на есть лучшій хлѣбъ представить въ казну на просмотръ—ну и собрали. По душамъ, значитъ, разложили, съ кого мѣру овса, съ кого мѣрку ячменя, съ кого ржи—міръ раскладывалъ. Намъ съ двухъ душъ мѣрку ячменя отдать досталось. Такъ со всѣхъ, по расчету, сколько слѣдуетъ, и отдали. Потомъ награда вышла.

— Кому?

— Намъ, нашему, значитъ, обществу. Братъ мой тогда десятскимъ былъ; потребовали его въ волость, говорятъ: тебѣ, Минай, награда за ячмень вышла — восемь рублей; самъ посредникъ и деньги отдалъ, похвалилъ, служи, говоритъ, хорошенько. Принесъ братъ деньги домой, узналъ міръ. А намъ что? говорятъ. Ничего не вышло; мнѣ, говоритъ братъ, награда за службу вышла. — Да мы, говорятъ, всѣ, что ни есть лучшій хлѣбъ отдавали, за что жь тебѣ? Вамъ, должно, послѣ будетъ: начальству, извѣстное дѣло, прежде вышло. Ждали, ждали, ничего не выходитъ. Братъ въ волость сходилъ: другимъ, говорятъ, ничего не будетъ, а это награда за ячмень тебѣ, Минаю, вышла за то, что ячмень хорошъ, — другимъ ничего не будетъ. Все общество на брата взъѣлось: какъ, говорятъ, Минаю? за что Минаю? мы всѣ, говорятъ, хлѣбъ отдавали, подушно отдавали, и награду дѣли подушно. Братъ было не хотѣлъ отдавать, боялся: посредникъ, говоритъ, сказалъ, что награда вышла Минаю за хорошій ячмень. Куда ты! Мы, говорятъ, всѣ по душамъ хлѣбъ отдавали! чѣмъ нашъ хлѣбъ хуже Минаевскаго! что ни есть лучшій хлѣбъ отсыпали, фальши не было! какой Господь уродилъ, такой и отсыпали! коли хлѣбъ плохъ, тогда было смотрѣть, на что же ты десятскій! ты, говорятъ, съ двухъ душъ мѣрку ячменя отдавалъ, Ипатъ съ души мѣрку овса, Силай съ Ванькой съ трехъ душъ мѣрку ржи ссыпали, за чтожъ тебѣ награда? Всѣ равно давали, дѣли восемь рублей по душамъ. Такъ и порѣшили дѣлить по душамъ. Противъ міру не пойдешь — братъ отдалъ восемь рублей, а ему выкинули, что пришлось на двѣ души—рубль десять копѣекъ пришлось.

Я объяснилъ старостѣ, что такое выставка, какое значеніе имѣютъ награды, для чего устраиваются выставки.

— Отчего же бы намъ, А. Н., не послать что нибудь на выставку?

— Да что же мы пошлемъ?

— Сѣмя можно послать, ячмень у васъ нынче отличнѣйшій — куда лучше нашего; если за нашъ восемь рублей за мѣрку дали, такъ за вашъ мало-мало 10 рублей дадутъ.

— Нѣтъ, ячменя посылать не стоитъ. Тамъ, братъ, такіе ячмени будутъ, не нашему чета.

— Конечно, если нынче крестьянскаго хлѣба не будетъ, а только господскіе, то ячмени хорошіе будутъ. Только и нашъ не худъ, бабъ посадить можно, отобрать мѣрку что ни есть лучшаго зерна; по крайности, уваженіе начальству, окажемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Корову бѣлобокую изволили бы послать,—отличная корова, утробистая корова, во всѣхъ статьяхъ! подкормить немножко — первый сортъ! или бычка сивенькаго — форменный бычокъ. Груздевскій баринъ, говорятъ, въ Петербургъ корову посылали, и не мудрая, говорятъ, коровенка — такъ, говорятъ, ей награда вышла, медаль этой коровѣ дали, золотую медаль, какъ у посредника. Ошейникъ—ихніе мужики разсказывали — кожаный, такой ясный, и медаль золотомъ на ошейникѣ сдѣлана. Отлично было бы, еслибъ нашей бѣлобочкѣ медаль дали, весь бы гуртъ скрасила, она завсегда впереди ходитъ. И Петрѣ скотнику лестно, мужики шапки снимать будутъ.

Я объяснилъ старостѣ значеніе медалей, выдаваемыхъ на выставкѣ, и что этихъ медалей носить нельзя.

— Ничего посылать не буду. Куда намъ. Тамъ все отличныя вещи будутъ, тамъ такія коровы будутъ, что нашу бѣлобочку и показать стыдно. Я, братъ, не за тѣмъ ѣду. Я самъ хочу поучиться, хочу посмотрѣть, что у другихъ есть. Вотъ рабочихъ лошадей посмотрю, узнаю, гдѣ лучше купить.

— Лошадей, извѣстно, рабочихъ въ Зубовѣ на ярмаркѣ покупать будемъ, если не пожалѣете денегъ, по сорока рублей на кругъ за лошадь назначите, самыхъ рабочихъ лошадокъ купимъ.

— Овецъ, скотъ, машины разныя посмотрю, масло.

— Какъ изволите, но ужъ на счетъ масла, лучше Авдотьинаго не будетъ. Ни одинъ купецъ еще не охаилъ. Самъ Медвѣдевъ, что въ прошломъ году масло купилъ, говорилъ Авдотьѣ: дѣлай всегда такое, никогда мимо не проѣду. Когда отпускали прошедшій разъ безъ васъ масло, Савельичъ хотѣлъ, какъ вы приказывали, подписать

на кадкахъ, откуда масло, чтобы въ городѣ наше масло знали, такъ Медвѣдевъ: зачѣмъ, говоритъ, писать — попа и въ рогожкѣ видно.

На другой день, рано утромъ, мы отправились на машину. Кромѣ Сидора, я взялъ еще съ собой работника Никиту, который долженъ былъ пригнать обратно со станціи лошадей и отвезти наше, то есть мое и Сидора, деревенское платье, въ которомъ мы не рѣшались показаться въ городѣ. До станціи, 15 верстъ нужно было ѣхать на телегѣ, по самой отвратительной грязной дорогѣ, и ужъ конечно, тутъ нельзя было и думать ѣхать въ городскомъ платьѣ.

Моросилъ осенній дождикъ. Дорога, которую исправляетъ только Божья планида, да проѣздъ губернатора, отъ постоянныхъ дождей совершенно размокла. Грязь, слякоть, тряская телега, промокшій и какъ то осунувшійся Никита въ лаптяхъ, порыжѣвшіе луга, тощій кустарникъ. Невзрачная, но все таки милая сердцу страна... Разъ какъ-то мнѣ случалось ѣхать по желѣзной дорогѣ съ француженкой, въ первый разъ ѣхавшей изъ Парижа въ Москву. Дѣло было осенью, погода стояла ненастная, по сторонамъ мелькали наши извѣстные желѣзнодорожные осенніе виды. Француженка все время смотрѣла въ окна вагона и все время тоскливо повторяла: Ah! quel pays! pas de culture! И самъ вижу, что pas des culture, а все-таки, наконецъ, зло взяло.—Ну да, ну pas de culture, ну такъ чтожъ, что pas de culture, а вотъ твой Наполеонъ, да еще какой, настоящій, по этимъ самымъ мѣстамъ бѣжалъ безъ оглядки, а вы съ culture города сдавали прусскому улану! А ну-ка, пусть попробуютъ три улана взять наше Батищево. Шишъ возьмутъ. Деревню тремъ уланамъ, еслибы даже въ числѣ ихъ былъ самъ „papa“ Мольтке, не сдадимъ. Раздѣнемъ, сапоги снимемъ—зачѣмъ добро терять—и въ колодезь—вотъ-те и pas des culture. А не хватитъ силы, угонимъ скотъ въ лѣсъ подъ Нѣлово—-сунься-ка туда къ намъ! уведемъ хлѣбъ, вытащимъ что есть въ постройкахъ желѣзнаго, гвозди, скобы, завѣсы,—и зажжемъ. Все сожжемъ, и амбары, и скотный дворъ, и домъ. Вотъ тебѣ и pas de culture,—а ты городъ сдала тремъ уланамъ.

Да, пусть придутъ, пусть попробуютъ. Прочитавъ въ газетахъ, что каждый прусскій офицеръ снабженъ биноклемъ для лучшаго обзора мѣстности, я на всякій случай—мы всѣ убѣждены, что нѣмецъ не вытерпитъ и къ намъ сунется — выписалъ себѣ изъ Петербурга хорошій бинокль, 25 рублей заплатилъ. Прислали. Я Сидора: „посмотри, говорю, что за штука; отлично въ нее все видно. Сидоръ посмотрѣлъ и расхохотался — „ишъ ты, мельница къ самому носу подошла“. „Что, хорошо видно?“ „Смѣшно — лѣсъ, что за полемъ, на самомъ носу“. „Дай ка сюда, я посмотрю“. Я навелъ бинокль на

отдаленное поле. „Отлично видно — я вижу въ трубку, что по полю человѣкъ идетъ, ты видишь Сидоръ?“ „Вижу—это Григорій идетъ“. Вотъ тебѣ и разъ, думаю, тьфу ты пропасть! „Да развѣ ты можешь отсюда лицо разглядѣть?“ „Нѣтъ, лица не видать, а по походкѣ вижу, что это Григорій, и полузипунишко синій его“. Нѣтъ, насъ не возьмутъ три улана!

Пріѣхали на станцію, переодолѣлись, пришли въ вокзалъ, ждемъ поѣзда. Европа, цивилизація: по платформамъ жандармы разгуливаютъ, начальники въ красныхъ фуражкахъ—точно гусары—пробѣгаютъ, артельщики суетятся съ кладью. Въ пассажирскомъ залѣ буфетъ—водочка разная, закусочка, икорка, рыбка. Подошелъ къ стойкѣ, потребовалъ два стаканчика—одинъ себѣ, другой Никитѣ—выпили, закусили калачикомъ, я выкинулъ два пятака. „Мало-съ, пятьдесятъ копѣекъ пожалуйте“. За два-то шкалика — пятьдесятъ копѣекъ! вступился Никита. „Помолчи, любезный, обратился буфетчикъ къ Никитѣ, здѣсь не кабакъ, господа сидятъ“! Никита оторопѣлъ. Европа! за полверсты отъ станціи въ кабакѣ на пятьдесятъ копѣекъ осьмуху дадутъ, а здѣсь за туже цѣну всего два шкалика, да и шкалики-то не форменные.

Пришелъ поѣздъ. Сѣли мы съ Сидоромъ—я, баринъ, во 2-мъ классѣ, а онъ въ 3-мъ. Въ вагонѣ сидятъ два господина и разговариваютъ.

— Вотъ изъ А пишутъ, говоритъ одинъ:—что крестьяне С—й, Г—й, П—й волостей постановили учредить въ своихъ волостяхъ народныя школы...

— Но что-же значитъ по одной школѣ на волость?

— Конечно мало, но все-таки отрадно видѣть, что народъ стремится къ образованію и, сознавая необходимость его, жертвуетъ свои трудовыя деньги на устройство народныхъ школъ.

Эге, думаю, господа-то городскіе, и навѣрно изъ Петербурга! не знаютъ еще, что у насъ все можно, что если начальство пожелаетъ, то крестьяне любой волости составятъ приговоръ о желаніи открыть въ своей волости, не то что школу, а университетъ или классическую гимназію! Захотѣлось мнѣ поговорить съ господами, которые вѣрятъ тому, что̀ печатается въ Вѣдомостяхъ. Захотѣлось провѣрить самого себя, потому что три года тому назадъ, когда я былъ еще въ Петербургѣ, я тоже всему вѣрилъ, что пишутъ въ газетахъ, вѣрилъ, что народъ стремится къ образованію, что онъ устроиваетъ школы и жертвуетъ на нихъ деньги, что существуютъ попечительства, что есть больницы и пр. и пр. Словомъ, вѣрилъ не только тому, что въ какой-то волости крестьяне постановили приговоромъ „учре-

дить школу“, но и собственнымъ корреспондентскимъ разсужденіямъ о томъ, что „отрадно видѣть, какъ стремится народъ къ образованію“ и пр.

Да,.. три года тому назадъ я всему этому вѣрилъ. Но въ деревнѣ я скоро узналъ, что многое не такъ, и что Вѣдомостямъ вѣрить нельзя; дошелъ до того, что пересталъ читать газеты и только удивлялся, для кого все это пишется?

Я ѣхалъ изъ Петербурга съ убѣжденіемъ, что въ послѣднія десять лѣтъ все измѣнилось, что народъ быстро подвинулся впередъ, и пр. и пр. Можете себѣ представить, каково было мое удивленіе, когда, вскорѣ послѣ моего водворенія въ деревнѣ, ко мнѣ разъ пришелъ мужикъ съ просьбою заступиться за него, потому что у него не въ очередь берутъ сына въ школу.

— Заступись, обижаютъ, говоритъ онъ:—сына не въ очередь въ школу требуютъ, мой сынъ прошлую зиму школу отбывалъ, ныньче опять требуютъ.

— Да какъ-же я могу заступиться въ такомъ дѣлѣ? спросилъ я, удивленный такою просьбою.

— Заступись, тебя въ деревнѣ послухаютъ. Обидно—не мой чередъ. Васькинъ сынъ еще ни разу не ходилъ. Ныньче Васькину сыну чередъ въ школу, а Васька споритъ—у меня, говоритъ, старшій сынъ въ солдатахъ, самъ я въ ратникахъ былъ, за что я три службы буду несть! Мало-ли что въ солдатахъ!—у Васьки четверо, а у меня одинъ. Мой прошлую зиму ходилъ, ныньче опять моего—законъ ли это? Заступись, научи, у кого закона просить.

Дѣйствительно, когда зимой у мужика нѣтъ хлѣба, когда чуть не всѣ дѣти въ деревнѣ ходятъ „въ кусочки“—какъ это было въ первую зиму, которую я провелъ въ деревнѣ—и этими „кусочками“ кормятъ все семейство, понятно, что мужикъ считаетъ „отбываніе школы“ тяжкой повинностію. Но, присмотрѣвшись, я скоро увидалъ, что даже и въ урожайные годы совсѣмъ не такъ „отрадно и пр.“, какъ пишутъ въ Вѣдомостяхъ.

Впрочемъ, теперь со школами полегче стало; школы не то, что уничтожаются, но какъ-то стушевываются. Вскорѣ послѣ „Положенія“, на школы сильно было налегли, такъ что и теперь въ числѣ двадцати, двадцати пяти-лѣтнихъ ребятъ довольно много грамотныхъ, то-есть умѣющихъ кое-какъ читать и писать. Но потомъ со школами стало полегче, и изъ мальчишекъ въ деревнѣ ужь очень мало грамотныхъ. Богачи, впрочемъ, и теперь учатъ дѣтей, но въ „своихъ“, а не въ „приговорныхъ“ школахъ: сговорятся между собою нѣсколько

человѣкъ въ деревнѣ, наймутъ на зиму какого-нибудь солдата, онъ и учитъ.

Послѣ школъ, пошли попечительства. Завели вездѣ попечительства и отчеты о нихъ подаютъ, но теперь и съ попечительствами стало полегче.

Теперь болѣе въ ходу приговоры о пожертвованіяхъ въ пользу общества попеченія о раненыхъ, а въ послѣднее время взяли верхъ приговоры объ уничтоженіи кабаковъ и уменьшеніи пьянства. Стоитъ только нѣсколько времени послѣдить за газетами, и потомъ можно наизустъ настрочить какую угодно корреспонденцію... „Крестьяне №№ сельскаго общества приговоромъ постановили, въ видахъ уменьшенія пьянства, изъ 4 имѣющихся въ селѣ № кабаковъ уничтожить два“ и затѣмъ—„отрадно, что въ народѣ пробуждается сознаніе“ и пр. и пр.

— Васъ не обезпокоитъ, если закурю папироску? обратился я къ одному изъ пассажировъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—мы тоже закуримъ.

— Изъ Петербурга изволите ѣхать?

— Да, а вы кажется на этой станціи сѣли?

— На этой.

— Вѣроятно, изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ?

— Да-съ, есть имѣньишко не подалеку отъ станціи.

— Въ Г. ѣдете?

— Да-съ, въ Г. на сельскохозяйственную выставку.

— Мы тоже въ Г.

— По судебной части, вѣроятно, служить изволите?

— Да.

Разговоръ завязался. Господа всѣмъ интересовались, стали разспрашивать о земствѣ, о школахъ и пр. и пр.

— Помилуйте, говорю, все есть, не только школы—у насъ классическая гимназія въ уѣздномъ городѣ заведена, потому что торговля большая и купечество богатое! Вездѣ школы, попечительства, земство, больницы, мировые судьи... Общество сельскохозяйственное есть! выставка устроена!

И пошолъ, и пошолъ. Всѣмъ-то они интересуются, обо всемъ разспрашиваютъ, а между тѣмъ машина все бѣжитъ да бѣжитъ; къ большой станціи подошла—обѣдъ.

— До вотъ посмотрите, какова станція, отдѣлка какая, цвѣты, сервизъ, прислуга.

Пообѣдали, опять сѣли и начали болтать... Разспрашиваютъ, какъ мы, землевладѣльцы, относимся къ дѣлу общественнаго образованія.

— Сочувствуемъ-съ, сочувствуемъ-съ.

— А вотъ въ другихъ губерніяхъ не такъ. Прискорбно, что иногда землевладѣльцы даже тормозятъ дѣло народнаго бразованія.

— Помилуйте, не можетъ быть.

— А дѣло барона Корфа?

— Не знаю-съ.

— Чрезвычайно интересное дѣло. Да вотъ прочитайте.

Господинъ досталъ изъ сумочки газету и подалъ мнѣ.

Читаю: „20 мая въ Александровскѣ происходили выборы гласныхъ изъ землевладѣльцевъ на 3-е трехлѣтіе со времени открытія земскихъ учрежденій въ Екатеринославской губерніи и на этихъ выборахъ забаллотированъ (большинствомъ 43 голосовъ противъ 30) извѣстный педагогъ баронъ Н. А. Корфъ. Впрочемъ, баронъ Корфъ одержалъ полную побѣду надъ многочисленной партіей своихъ противниковъ и по прежнему остается земскимъ дѣятелемъ. Это случилось такимъ образомъ: 1-го іюня происходили сельскіе избирательные съѣзды въ 5 мѣстностяхъ Александровскаго уѣзда и изъ пяти крестьянскихъ избирательныхъ съѣздовъ баронъ Н. А. Корфъ избранъ въ уѣздные гласные отъ крестьянъ на трехъ съѣздахъ одновременно; при этомъ избирательный съѣздъ въ селеніи Бѣлоцерковкѣ избралъ барона Корфа большинствомъ 185 голосовъ противъ 12. Число избирательныхъ голосовъ по всѣмъ тремъ съѣздамъ въ средней сложности составляетъ четыре пятыхъ всего числа лицъ, участвовавшихъ въ выборахъ; эти три избирательныхъ съѣзда представляютъ приблизительно четыре пятыхъ всего населенія уѣзда“. „Отрадно видѣть“—говоритъ за тѣмъ корреспондентъ или можетъ быть редакція:—„что крестьяне умѣютъ цѣнить заслуги людей, работающихъ на пользу общую, и тѣмъ прискорбнѣе то, что мѣстная интеллигенція, вмѣсто того, чтобы жить одними интересами съ большинствомъ, не щадитъ себя самой, высказываясь двумя третями голосовъ противъ лица, за которое высказываются четыре пятыхъ населенія всего уѣзда.

Прочитавъ статью, я сложилъ газету и молча подалъ городскому господину, который съ очевиднымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, пока я кончу.

— Ну-съ, что вы на это скажете?

— Ничего-съ. Это бываетъ. Въ прошедшемъ году мнѣ самому случилось быть на выборахъ гласныхъ въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ. Было тоже самое. Нѣкоторыя лица—и люди, говорятъ, хорошіе—которые были забаллотированы на съѣздѣ землевладѣльцевъ, на крестьянскихъ съѣздахъ были выбраны въ гласные отъ крестьянъ огромнымъ большинствомъ. Это бываетъ-съ.

— Однако это очень прискорбно, что мѣстная интеллигенція такъ расходится съ крестьянствомъ, что крестьяне болѣе цѣнятъ заслуги людей, работающихъ на пользу общую.

— Ну, нѣтъ, это не совсѣмъ такъ.

— Но вы-же сами сказали, что это бываетъ. Развѣ вы не вѣрите, что баронъ Корфъ былъ забаллотированъ помѣщиками и выбранъ крестьянами.

— Вѣрю, этому нельзя не вѣрить, корреспондентъ не можетъ самъ сочинить фактъ. Вѣрно, что крестьяне избрали барона Корфа гласнымъ, но это еще ничего не значитъ.

— Какъ ничего не значитъ?

— Это еще не значитъ, что крестьяне умѣютъ цѣнить педагогическія заслуги. Вотъ, напримѣръ, въ Вѣдомостяхъ пишутъ, что крестьяне и инородцы Иркутской губерніи опредѣлили послать отъ каждаго общества по сиротѣ въ Иркутскую классическую гимназію. Фактъ безъ сомнѣнія вѣренъ, но неужели вы думаете, что инородцы сознаютъ пользу классическаго образованія?

— Отчего-же?

Я съ недомѣніемъ посмотрѣлъ на господина. Не понимаетъ, вижу.

— Это, говорю, отъ начальства.

— Какъ?

— Можетъ быть, г. баронъ Корфъ принадлежитъ къ той партіи, къ которой принадлежатъ посредники.

— Такъ что-же?

— А то, что если посредникъ похлопочетъ, такъ, конечно, не трудно быть избраннымъ въ гласные отъ крестьянъ. Это бываетъ. Крестьянамъ все равно, кого выбирать.

— Мнѣ кажется, что вы разсуждаете какъ землевладѣлецъ, прервалъ меня одинъ изъ собесѣдниковъ.

Тутъ ужъ я не выдержалъ.

— Нѣтъ, позвольте, говорю: — позвольте-съ. Я не имѣю чести лично знать барона Корфа и ничего противъ него не имѣю. Педагогикой самъ я не занимаюсь, даже яснаго представленія о томъ, что такое педагогъ, не имѣю, но изъ газетъ знаю, что г. Корфъ извѣстный педагогъ, и что это дѣятельность полезная. И за всѣмъ тѣмъ, допустить, чтобы крестьяне потому именно выбрали г. Корфа, что умѣютъ цѣнить заслуги людей, работающихъ на пользу общую, не могу. Не могу допустить, чтобы крестьяне Александровскаго уѣзда были столь развиты, какъ полагаютъ Вѣдомости. Помилуйте, этого даже въ Англіи, во Франціи нѣтъ!

— Однако-жъ!

— Позвольте. Угодно вамъ, выйдемъ на первой станціи, и поѣдемъ въ любую деревню... Объ закладъ побьюсь, что вы не встрѣтите ни одного крестьянина, который бы имѣлъ понятіе о томъ, что такое педагогъ. Даже такихъ не найдется, которые могли бы выговорить это слово. Да что говорить о педагогахъ: вы рѣдко встрѣтите, не то крестьянина, а даже дворника, цѣловальника, который бы, напримѣръ, понималъ, что такое гласный, и какая разница между гласнымъ и присяжнымъ засѣдателемъ. Не найдете крестьянина, который бы не боялся идти свидѣтелемъ въ судъ, и былъ бы увѣренъ, что предсѣдатель суда не можетъ его выпороть.

— Однако-жь, какъ вы объясните выборъ г. Корфа?

— Очень просто. Можетъ быть, г. Корфъ, какъ добрый помѣщикъ, заслужилъ любовь сосѣднихъ крестьянъ, и они, узнавъ о его желаніи быть гласнымъ, избрали его въ эту должность. Это возможно, это я допускаю. Но можетъ быть и совсѣмъ другое: можетъ быть, г. Корфъ имѣетъ за себя посредника, посредникъ, въ свою очередь, заказалъ кому слѣдуетъ выбрать г. Корфа, и вотъ онъ на трехъ крестьянскихъ съѣздахъ избранъ въ гласные отъ крестьянъ. Я не утверждаю, что было такъ; очень можетъ быть, что крестьяне почему нибудь любятъ г. Корфа, но вѣроятнѣе, что дѣло было такъ, какъ я предполагаю. Потому что обыкновенно это такъ бываетъ.

— Не можетъ быть!

— Крестьянамъ все равно кого, выбирать въ гласные — каждый желаетъ только, чтобы его не выбрали. А въ газетахъ сейчасъ пропечатаютъ: „отрадно видѣть, что крестьяне умѣютъ цѣнить“ и пр. или: „прискорбно видѣть, что мѣстная интеллигенціи не щадитъ себя самой, высказываясь противъ лица, за которое высказывается четыре пятыхъ населенія всего уѣзда и пр.“.

— Значитъ, посредникъ имѣетъ огромное значеніе?

— Посредникъ—все. И школы, и уничтоженіе кабаковъ, и пожертвованія, все это отъ посредника. Захочетъ посредникъ, крестьяне пожелаютъ имѣть въ каждой волости не то что школы,—университеты. Посредникъ захочетъ—явится приговоръ, что крестьяне такой то волости, признавая пользу садоводства, постановили вносить по столько то копѣекъ съ души въ пользу какого нибудь Гарлемскаго общества разведенія гіацинтовыхъ луковицъ. Посредникъ захочетъ—и крестьяне любого села станутъ пить водку въ одномъ кабакѣ, а другой закроютъ.

— Да какъ же такъ? Почему же такъ?

— Оттого, что начальство. Сами посудите. Волостной и писарь зависятъ отъ посредника, а крестьяне отъ писаря и волостного...

— Однако, посредниковъ предполается уничтожить.

— Это все равно; не будетъ посредниковъ, другое начальство будетъ. Всегда было начальство, и теперь есть, только теперь оно новыми порядками пошло. Прежде само начальство все заводило: и больницы, и школы, и суды; а теперь черезъ приговоры то-же самое дѣлаетъ. Безъ начальства какимъ же образомъ узнаетъ народъ, что нужно избирать гласныхъ, поправлять дороги, заводить больницы и школы, жертвовать для разныхъ обществъ?

Между тѣмъ, покуда мы разговаривали, машина летитъ. Грустный видъ по сторонамъ: болота, пустота и безконечныя пространства вырубленныхъ лѣсовъ; кое-гдѣ мелькаетъ деревушка съ сѣренькими избами, стадо тощихъ коровенокъ на побурѣвшемъ лугу... pas de culture, pas de culture!

Удивительный контрастъ! мягкій диванъ въ вагонѣ, зеркальныя стекла, тоныая столярная отдѣлка, изящныя сѣточки на чугунныхъ красивыхъ ручкахъ, элегантныя станціи съ красивыми буфетами и сервированными столами, прислуга во фракахъ, а отойди полверсты отъ станціи—сѣрыя избы, сѣрые жупаны, сѣрые щи, сѣрый народъ...

Стемнѣло, когда мы пріѣхали въ губернію. Взяли извощика и поѣхали съ Сидоромъ въ гостинницу. Извощикъ привезъ въ лучшую гостинницу: огромный каменный домъ, широкая лѣстница, въ низу общая зала съ буфетомъ, сервированными столами, маленькими столиками; номеръ отвели состоящій изъ двухъ комнатъ: побольше — пріемная, съ мягкою мебелью, зеркалами, поменьше—спальня съ кроватью, умывальникомъ и прочими принадлежностями. Пришла горничная—барышня! Сидору говоритъ „вы“.

Передать трудно, какое впечатлѣніе производитъ вокзалъ желѣзной дороги, поѣздка на машинѣ, городъ, гостинница на европейскій ладъ, послѣ того, какъ болѣе двухъ лѣтъ прожилъ безвыѣздно въ деревнѣ. И не далеко, кажется, но сопоставьте-ка проселочную дорогу и ѣзду на телегѣ съ ѣздою по желѣзной дорогѣ, постояликъ на проселкѣ, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ водки, настоящей водки сивухи, и ратницкихъ селедокъ по 3 копѣйки штука, гдѣ не знаютъ ни носовыхъ платковъ, ни салфетокъ, ни постельнаго бѣлья,—съ великолѣпной гостинницей!

Переодѣвшись, я отправился къ родственнику, который, я зналъ, принимаетъ большое участіе въ устройствѣ выставки, и засталъ у него общество: двухъ помѣщиковъ, пріѣхавшихъ на выставку, и стараго нѣмца, бывшаго гувернера моего родственника. Нѣмецъ, старый, сморщенный, много лѣтъ жившій въ домѣ моихъ родныхъ, ужасно мнѣ обрадовался: мы съ нимъ не видались лѣтъ десять.

— Александеръ Николаевишъ! сколько лѣты, сколько зимы, сколько води утекало.

— Здравствуйте, здравствуйте, Herr Sumpf! wie geht's?

— O, sehr gut, danke, danke.

Разговорились. Разумѣется о франко-прусской войнѣ, о papa Мольтке, объ Uhlanen.

— Та, заключилъ нѣмецъ: — мы теперь съ вами поравнивались! Früher sie wahren kaiserlich und ich war nur königlich, jetzt bin ich auch kaiserlich, ja, ich bin auch kaiserlich! проговорилъ онъ съ восторгомъ и потрепалъ меня по плечу.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этой встрѣчи, нѣмецъ заболѣлъ и умеръ въ нашемъ губернскомъ городѣ въ госпиталѣ, и послѣднее его слово передъ смертію было: jetzt bin ich auch kaiserlich!

Познакомился я съ помѣщиками, которые, оказалось, привели на выставку скотъ. Потолковали. Оказалось, что еще многое ожидается, что пока еще прислано очень мало. Отправились въ клубъ. Великолѣпіе! огромная читальная зала, лампы съ абажурами, большой столъ, заваленный газетами и журналами, нѣсколько господъ, углубленныхъ въ чтеніе. Одинъ опустилъ газету и задумался; по серьезному выраженію лица, по морщинамъ на лбу, по сосредоточенности взгляда, устремленнаго на противуположную стѣну, видно, что онъ размышляетъ о судьбахъ Наполеона IV. Другой, судя по игриво улыбающемуся лицу, очевидно, вкушаетъ фельетонъ изъ Петербургской жизни. Третій, судя по либерально сладко торжественной улыбкѣ, — можно подумать, что это самъ редакторъ газеты, ежедневно сто разъ повторяющій слова „отрадно“ и „прискорбно“ — читаетъ корреспонденцію изъ Ташкента, въ которой сообщается, что сарты, сознавая всю важность развитія шелководства, положили собрать сумму въ 100,000 рублей для устройства въ Петербургѣ при ботаническомъ садѣ школы шелководства и плантаціи для разведенія лучшихъ породъ тутовыхъ деревьевъ. Взглянувъ на читальную залу, мы прошли далѣе. Вотъ бьются нѣсколько партій за зелеными столами и за однимъ изъ нихъ,—источникъ всѣхъ этихъ „отрадно“, тотъ который пожелаетъ—школы сдѣлаетъ, пожелаетъ—кабаки сократитъ, пожелаетъ—пожертвуетъ на устройство россійскаго помологическаго сада, однимъ словомъ, мировой посредникъ, ловко подводитъ короля пикъ. Обошли всѣ комнаты, потолковали съ земскимъ дѣятелемъ, который объяснилъ намъ проектъ какого-то особеннаго банка, зашли въ столовую и сѣли за ѣду. Въ первомъ часу ночи, я вернулся въ гостинницу. Сидоръ спалъ на диванѣ первой комнаты, которую я предоставилъ на ночь въ его пользованіе, предваривъ, чтобы онъ, ложась, снималъ дегтяр-

ные сапоги. Услыхавъ, что я вошелъ, Сидоръ вскочилъ, бросился снимать съ меня шубу и первое его слово было:

— Ужинъ требовалъ. Спросили, что подать. „Что варили“, говорю. „Что прикажете?“. „Щей-бы, говорю, горяченькихъ съ говядинкой,—баринъ приказалъ ужинъ господскій спросить“. Извольте-съ. Пождалъ, принесли, такъ махонькую мисочку, и хлѣбца два кусочка—не то хлѣбъ, не то калачъ! Съѣлъ. Еще, спрашиваю, какое вариво есть? „Что прикажете?“ „Неси, что на ужинъ варили. Да кашки, говорю, нѣтъ-ли?“ Принесъ на махонькой тарелочкѣ—не то каша, не то горохъ, не то грибы,—не разберешь. Съѣлъ. Еще принесли—такъ кусочекъ говядинки. Съѣлъ. Еще принесли—куренка кусочекъ. Еще пряничекъ принесли. Сколько слѣдуетъ? Рубль. Какъ рубль, ахъ ты!—Не извольте кричать, говоритъ, а не то къ мировому! — Къ хозяину внизъ ходилъ: рубль, говоритъ! Нѣтъ, вы, А. Н., лучше суточныя мнѣ назначьте, я себѣ самъ покупать буду, а то здѣсь съ голоду околѣешь.

На другой день, я предоставилъ Сидору харчеваться на 30 копѣекъ въ день, какъ онъ знаетъ. Первый день: онъ купилъ десять 3-хъ копѣечныхъ булокъ, на другой день 2 фунта колбасы, на третій хлѣба, луку, квасу, постнаго масла и приготовилъ себѣ мурцовку. Потомъ норма питанія установилась: калачи и мурцовка.

Улегшись въ постель, я долго не могъ уснуть; все думалось сколько перемѣны въ два года, и какая радикальная перемѣна! Три года тому назадъ я жилъ въ Петербургѣ, служилъ профессоромъ, получалъ почти 3,000 руб. жалованья, занимался изслѣдованіями объ изомерныхъ крезолахъ и дифенолахъ, ходилъ въ тонкихъ сапогахъ, въ панталонахъ на выпускъ, жилъ въ такомъ тепломъ домѣ, что въ комнатахъ можно было хоть босикомъ ходить, ѣздилъ въ каретахъ, ѣлъ устрицы у Эрбера, восхищался Лядовой въ „Прекрасной Еленѣ“, вѣрилъ тому, что пишутъ въ газетахъ о дѣятельности земствъ, хозяйственныхъ съѣздовъ, о стремленіи народа къ образованію и т. п. Съ нынѣшней деревенскою жизнью я былъ незнакомъ, хотя до 16 лѣтъ воспитывался въ деревнѣ. Но то было еще до „Положенія“, когда даже и не очень богатые помѣщики жили въ хоромахъ, ѣли разные финзербы, одѣвались по городски, имѣли кареты и шестерики. Разумѣется, въ то время я ничего не зналъ о бытѣ мужика и того мелкаго люда, который разступался передъ нами, когда мы, дѣти, съ нянюшкой, въ предшествіи двухъ выѣздныхъ лакеевъ, входили въ нашу сельскую церковь. Затѣмъ, я прослужилъ 23 года въ Петербургѣ, откуда только иногда лѣтомъ ѣздилъ для отдыха къ роднымъ

въ деревню. Вообще, съ деревней я былъ знакомъ только по повѣстямъ, да и то по повѣстямъ, рисующимъ деревенскій бытъ до „Положенія“, о крестьянствѣ-же узналъ только по газетнымъ корреспонденціямъ, оканчивающимся „отрадно“ и пр. Я вѣрилъ, что мы сильно двинулись впередъ за послѣднее дѣсятилѣтіе, что народъ просвѣтился, что всюду идетъ кипучая дѣятельность: строятся дороги, учреждаются школы, больницы, вводятся улучшенія въ хозяйствѣ. Всему вѣрилъ, даже въ сельско-хозяйственные съѣзды, въ сельско-хозяйственныя общества: самъ членомъ въ нѣсколькихъ состою.

А теперь я живу въ деревнѣ, въ настоящей деревнѣ, изъ которой осенью и весной иной разъ выѣхать невозможно. Не служу, жалованья никакого не получаю, о крезолахъ и дифенолахъ забылъ, занимаюсь хозяйствомъ, сѣю ленъ и клеверъ, воспитываю телятъ и поросятъ, хожу въ высокихъ сапогахъ съ заложенными въ голенища панталонами, живу въ такомъ домѣ, что не только босикомъ по полу пройти нельзя, но не всегда и въ валенкахъ усидишь — а ничего, здоровъ. Ѣзжу въ телегѣ или на бѣгункахъ, не только самъ правлю лошадью, но подъ часъ и самъ запрягаю, ѣмъ щи съ солониной, борщъ съ ветчиной, по нѣскольку мѣсяцевъ не вижу свѣжей говядины, и радъ, если случится свѣжая баранина, восхищаюсь пѣснями, которыя „кричатъ“ бабы, и пляскою подъ звуки голубца, не вѣрю тому, что пишутъ въ газетахъ о дѣятельности земствъ, разныхъ съѣздовъ, комиссій, знаю какъ дѣлаются всѣ тѣ „отрадныя явленія“, которыми наполняются газеты и пр. Удивительная разница! представьте себѣ, что человѣкъ не вѣритъ ничему, что пишется въ газетахъ, или лучше сказать, знаетъ, что все это совсѣмъ не такъ дѣлается, какъ оно написано, и въ тоже время видитъ, что другіе всему вѣрятъ, все принимаютъ за чистую монету, ко всему относятся самымъ серьезнѣйшимъ образомъ!

Мысль переѣхать на жительство въ деревню и заняться подъ старость хозяйствомъ, которое давно уже меня интересуетъ и для котораго я работалъ не мало въ теоретическомъ отношеніи, давно уже сидѣла у меня въ головѣ. Я ждалъ только, пока выслужу пенсію, до которой служить оставалось не долго, и затѣмъ думалъ дѣлать хозяйственные опыты, въ родѣ Boussingault, и разрѣшать учено-хозяйственные вопросы...

Я глубоко убѣжденъ, что наше хозяйство не скоро подвинется, если не явятся люди, которые, будучи теоретически подготовлены, займутся имъ на практикѣ. Выработанныя естествознаніемъ истины неизмѣнны, космополитичны, составляютъ всеобщее достояніе, но примѣненіе ихъ къ хозяйству есть дѣло чисто мѣстное. Растеніе живетъ

точно такъ же въ Россіи, какъ и въ Англій, и здѣсь, и тамъ оно требуетъ, напримѣръ, для своего развитія фосфорной кислоты: кость, какъ въ Россіи, такъ и въ Англіи, состоитъ изъ фосфорно-кислой извести; въ какомъ-нибудь сельцѣ Сикорщинѣ можно точно такъ же, какъ и въ Эльденѣ, вывести кукурузу въ водномъ растворѣ; но когда дѣло идетъ о практическомъ примѣненіи костяного удобренія или о воздѣлываніи пшеницы, то не всегда можно примѣнить тѣ способы, которые употребляются въ Англіи или Германіи. Естественныя науки не имѣютъ отечества, но агрономія, какъ наука прикладная, чужда космополитизма. Нѣтъ химіи русской, англійской или нѣмецкой, есть только общая всему свѣту химія, но агрономія можетъ быть русская, или англійская, или нѣмецкая. Конечно, я не хочу этимъ сказать, чтобы мы не могли ничего заимствовать по части агрономіи изъ Германіи, но ограничиваться одною западною агрономіею нельзя. Мы должны создать свою русскую агрономическую науку, и создать ее могутъ только совмѣстныя усилія ученыхъ и практиковъ, между которыми необходимы практики, теоретически подготовленные. Нельзя себѣ представить, чтобы теоретикъ, профессоръ академіи, не только не занимающійся практически хозяйствомъ, но и вполнѣ удаленный отъ хозяйственной практики, могъ создать систему хозяйства для извѣстной мѣстности. И точно также трудно ожидать этого отъ практика, идущаго впередъ ощупью. Между чистыми практиками и теоретиками-учеными, изъ которыхъ одни работаютъ по даннымъ пріемамъ въ самыхъ хозяйствахъ, а другіе занимаются въ лабораторіяхъ разработкою агрономическихъ вопросовъ, должны существовать, въ качествѣ связующаго звѣна, люди, способные понять ученые труды теоретиковъ, и въ то же время занимающіеся практикою.

Хозяйство меня всегда интересовало, теоретическое же занятіе хозяйствомъ не удовлетворяло, потому что хотѣлось примѣнить теорію на дѣлѣ; понятно, что иное дѣло заниматься стратегію въ кабинетѣ и иное дѣло примѣнять ее на войнѣ. Выслуживъ пенсію, я самъ думалъ уѣхать въ деревню. Судьба рѣшила, однако, иначе. Мнѣ пришлось оставить службу раньше срока. Я могъ при этомъ выбрать любое изъ двухъ: или поселиться въ домѣ своего богатаго родственника въ деревнѣ, гдѣ мнѣ былъ предоставленъ полный городской комфортъ и гдѣ я, отлично обставленный въ матеріальномъ отношеніи, могъ бы зарыться въ книгахъ и, отрѣшась отъ жизни, сдѣлаться кабинетнымъ ученымъ, или уѣхать въ свое имѣніе, страшно запущенное, непредставляющее никакихъ удобствъ для жизни, и заняться тамъ хозяйствомъ. Я выбралъ послѣднее.

Я рѣшился ѣхать въ свое имѣніе и сѣсть тамъ на хозяйство.

Разъ задавшись этою мыслью, я оставлялъ Петербургъ, веселый, полный надеждъ, съ жаждой новой дѣятельности и работы. Уѣхалъ я въ январѣ. Вы помните, какая ужасная зима была въ 1871 году. Уѣзжая изъ Петербурга, я одѣлся очень тепло, но совершенно не практично: городское платье, высокіе валенки, тяжелая теплая шуба, длинный шарфъ.

На станцію меня пріѣхали провожать нѣсколько родственниковъ и друзей; въ числѣ провожавшихъ была одна близкая моя родственница, немолодая помѣщица, долго жившая и хозяйничавшая въ деревнѣ, но недавно переѣхавшая въ Петербургъ искать новой дѣятельности. Разумѣется, разговоръ шелъ о моей будущей дѣятельности; я былъ веселъ, строилъ планы, увлекался...

— Не знаю, не знаю, говорила моя родственница: — дай тебѣ Богъ справиться съ хозяйствомъ; можетъ быть, оно у тебя и пойдетъ, только не знаю... Одного боюсь: сопьешься ты въ деревнѣ.

— Отчего?

— Такъ. Мало ли бывало такихъ, которые ѣхали въ деревню полные силъ, съ жаждой дѣятельности, а тамъ спивались. А. спился, В. спился,—а умнѣйшіе были люди!

— Да отчего же?

— Ты подумай только, что ты всегда будешь одинъ; представь себѣ только зиму, длинные вочера... Еслибы васъ собралось нѣсколько въ одномъ мѣстѣ...

— Не сопьюсь.

Я не спился, но понимаю, какъ спиваются и отчего спиваются.

Зазвонили. Я сѣлъ въ вагонъ.

Холодъ въ вагонѣ былъ неимовѣрный; сначала еще ничего, но въ половинѣ ночи я уже не могъ вытерпѣть. Хотя я былъ одѣтъ въ теплую шубу, высокія валенки, обвязанъ шарфомъ, — словомъ, такъ укутанъ, что едва могъ двигаться, но, проѣхавъ нѣсколько станцій въ нетопленомъ и почти пустомъ вагонѣ, — кромѣ меня, былъ еще одинъ только пассажиръ,—я не могъ долѣе терпѣть. Нельзя было дышать такимъ холоднымъ воздухомъ—сейчасъ же захватило горло. Я не выдержалъ, приплатилъ и пересѣлъ въ отапливаемый вагонъ перваго класса. Вотъ такъ дѣятель! думалось мнѣ: — что же я буду дѣлать въ деревнѣ, какъ буду хозяйничать, если не могу вынести даже нѣсколько часовъ на морозѣ. Очень меня это огорчило, и я утѣшился только тѣмъ, что другой пассажиръ, сидѣвшій въ одномъ со мною вагонѣ, еврей, тоже не выдержалъ,—а на что ужь крѣпкій насчетъ копѣйки народъ евреи, — и одновременно со мною пересѣлъ въ отапливаемый вагонъ. Утромъ пріѣхали на станцію, гдѣ слѣдо-

вало пересѣсть въ вагоны другой линіи; пришлось ждать поѣзда нѣсколько часовъ въ вокзалѣ. Петербургъ еще продолжается по линіи желѣзной дороги; въ вокзалахъ станцій все глядитъ городомъ; городская мебель, буфеты съ бутылками, по господски сервированные столы, прислуга во фракахъ; но кто это строилъ такія станціи? Холодъ въ комнатахъ такой, что невозможно скинуть шубу, и я только удивлялся, какимъ образомъ прислуга въ состояніи выдерживать такую температуру во фракахъ. Пообѣдали, напились чаю, пообогрѣлись немного. Подъ вечеръ пришелъ поѣздъ, на которомъ мы должны ѣхать далѣе; новые вагоны оказались еще хуже прежнихъ; это маленькіе вагончики, въ родѣ четырехмѣстныхъ каретъ съ дверями, по обѣимъ сторонамъ, устроенные по образцу прусскихъ вагоновъ. Представьте себѣ, что въ 30° мороза вы сидите въ маленькой будочкѣ, съ дверями по обѣимъ сторонамъ, да еще добро бы народу было много, а то мнѣ всю дорогу пришлось ѣхать вдвоемъ съ другимъ пассажиромъ. Вагоны не отапливаются, но подъ сидѣньемъ на станціяхъ кладутъ какія то нѣмецкія грѣлки, отъ которыхъ пользы тѣмъ меньше, что поѣздъ поминутно останавливается. Пріѣдемъ на станцію, положатъ грѣлки, отъѣдемъ, и остановимся въ полѣ. И стоимъ, стоимъ... Цѣлую ночь мы такъ мучились. На разсвѣтѣ пріѣхали на большую станцію, гдѣ опять пришлось ждать поѣзда. Опять холодный вокзалъ, опять безконечное чаепитіе и скука. Пришелъ поѣздъ, и мы отправились далѣе, — тутъ я отдохнулъ. Въ этомъ поѣздѣ вагоны были большіе, хорошо отапливались, пассажировъ много, сидѣть удобно. День случился красный, выглянуло солнышко, всѣ оживились.

Первая встрѣча съ новой жизнью сильно меня озадачила. Морозъ въ 30° такъ меня донялъ, что я положительно не могъ дышать холоднымъ воздухомъ: горло разболѣлось, самого трясетъ лихорадка. Тяжелая шуба и высокія валенки, которыхъ нельзя было скидавать на станціяхъ, мѣшали ходить, и я вынужденъ былъ все время сидѣть неподвижно, какъ истуканъ. А посмотришь изъ окна вагона туда, гдѣ предстояло жить и дѣйствовать, — снѣгъ, снѣгъ и снѣгъ! Все занесено снѣгомъ, все замерзло, и, еслибы не дымокъ, выходящій изъ занесенныхъ снѣгомъ избушекъ, мелькавшихъ по сторонамъ дороги, то можно было бы подумать, что ѣдешь по необитаемой тундрѣ. Я всматривался въ эти избушки, и думалось мнѣ, какъ это живутъ тамъ, какъ я буду жить, что я буду дѣлать, какъ буду хозяйничать, если съ перваго дня уже чувствую, что не въ силахъ выноситъ этотъ ужасный холодъ. Такъ мнѣ было горько, что я впалъ въ совершенное уныніе и чувствовалъ, что энергія, съ которою я оставлялъ Петербургъ, меня покидаетъ...

Теперь, проживя три года въ деревнѣ, я ко всему приспособился и, главное, приспособилъ костюмъ, потому что въ немъ вся суть дѣла.

Въ настоящее время, тотъ, кто хочетъ заниматься хозяйствомъ самолично, кто хочетъ самъ распоряжаться какъ техническою, такъ и комерческою стороною хозяйства, кто не имѣетъ возможности держать множество прислуги для личныхъ услугъ, тотъ долженъ все измѣнить, начиная съ костюма и кончая расположеніемъ построекъ въ усадьбѣ, потому что у насъ все было приспособлено для барской жизни съ множествомъ прислуги.

„Положеніе" совершенно измѣнило всѣ отношенія, всѣ условія жизни, и мнѣ кажется, что съ этимъ вмѣстѣ естественно долженъ измѣниться и весь бытъ. Если въ хозяйствѣ вы дѣлаете какое нибудь существенное измѣненіе, то оно всегда вліяетъ на всѣ отрасли его и во всемъ требуетъ измѣненія. Въ противномъ случаѣ, нововведеніе не прививается. Напримѣръ, положимъ, вы ввели посѣвъ льна и клевера—сейчасъ же потребуется множество другихъ перемѣнъ и, если не сдѣлать ихъ, то предпріятіе не пойдетъ на ладъ. Потребуется измѣнить пахатныя орудія и вмѣсто сохи употреблять плугъ, вмѣсто деревянной бороны-желѣзную; а это въ свою очередь потребуетъ иныхъ лошадей, иныхъ рабочихъ, иной системы хозяйства по отношеніе къ найму рабочихъ и т. д. Понятно, что то же самое должно быть и относительно склада жизни, если случилось такое глубокое измѣненіе въ отношеніяхъ, какое вызвано „Положеніемъ". Все должно измѣниться, и то, что неспособно на измѣненіе, то, что не можетъ его вынести, должно погибнуть.

Скажу на счетъ костюма. Барскій костюмъ до такой степени отличенъ отъ мужицкаго, приспособленнаго къ образу жизни всего населенія страны, что человѣкъ, носящій барскій костюмъ, по необходимости, долженъ носить съ собою и всю обстановку, соотвѣтствующую этому костюму. Даже по желѣзной дорогѣ, даже въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ еще все-таки до извѣстной степени продолжается петербургская городская жизнь, уже чувствуется несостоятельность городскаго барскаго костюма; въ деревнѣ же онъ положительно немыслимъ.

Я выѣхалъ изъ Петербурга, одѣтый въ городское платье: накрахмаленная рубашка, пиджакъ, тонкіе комнатные сапоги; сверху: тяжелая шуба, мѣховая шапка, валенки до колѣнъ. Непрактичность этого костюма выказалась уже во время путешествія по желѣзной дорогѣ. На второй день послѣ выѣзда изъ Петербурга, я почувствовалъ то, о чемъ разсказываетъ Гёте въ „Italianische Reise".

Torbole den 12 septmber 1786.

Jn der Abendkühle ging ich spazieren, und befinde mich nun wirklich in einem neuen Lande, in einer ganz fremden Umgebung. Die Menschen leben ein nachlässiges Haraffenleben: erstlich haben die Thüren keine Schlösser; der Wirth aber versicherte mir, ich könnte ganż ruhig sein, und wann alles was ich bei mir hätte aus Diamanten bestände; zweitens sind die Fenster mit Oelpapier statt Glasscheiben geschlossen; drittens fehlt eine höchst nöthige Bequemlichkeit, so dasz man dem Naturzustande hier ziemlich nahe kommt. Als ich den Hausknecht nach einer gevissen Gelegenheit fragte, deutete er in den Hof hinunter, „qui'abasso puo servirsi!“ (вотъ тамъ можно расположиться!) ich fragte: „dovoe?“ (гдѣ?)—„da per tutto dove vuol!“ (да вездѣ, гдѣ угодно) antwortete er freundlich. Durchaus zeigt sich die grôste Sorglosigkeit, doch Leben und Geschäfligkeit genug...

Заручившись авторитетомъ Гёте, продолжаю.

— Гдѣ? спросилъ я у сторожа.

— А вонъ тамъ будочка.

Конечно, какъ видите, мы ушли далеко впередъ отъ Италіи временъ Гёте и сторожъ вокзала не говоритъ, какъ итальянскій Hausknecht, „вездѣ гдѣ угодно“, а указываетъ будочку. Отправляюсь въ будочку, конечно, въ шубѣ, потому что отъ вокзала до будочки 200 шаговъ, а морозъ 30°. Вхожу—будочку изъ теса, все покрыто льдомъ. Что тутъ дѣлать?

Пріѣхавъ въ губернскій городъ, я остановился въ лучшей нѣмецкой гостинницѣ. Гостинница—совершенно нѣмецкая: хозяинъ нѣмецъ, лакеи нѣмцы, горничныя нѣмки, точно въ Кенигсбергѣ или Дюссельдорфѣ. Переночевавъ, спрашиваю на другой день поутру: „гдѣ?“ Показали — на верху. Въ одномъ пиджакѣ отправляюсь по холодной лѣстницѣ, послѣ долгихъ поисковъ нахожу комнатку съ надписью Retirade, вхожу — все покрыто льдомъ, хоть на конькахъ катайся. Какъ не простудиться при такой обстановкѣ?

А это еще желѣзная дорога, губернскій городъ! здѣсь все таки хоть будочки, здѣсь, наконецъ, есть жиды факторы, есть нѣмцы, любящіе чистоту и считающіе васъ „Русска свиня“, а въ деревнѣ... Даже на постоялыхъ дворахъ рѣдко встрѣчаются какія нибудь приспособленія, въ крестьянскихъ же дворахъ ровно ничего нѣтъ. Путешествовать въ городскомъ костюмѣ при такихъ условіяхъ очевидно возможно, только имѣя при себѣ „Петрушку“. Въ былое время баринъ всегда имѣлъ при себѣ Петрушку или двухъ Петрушекъ и возилъ съ собою всякую посудину. Тогда, конечно, можно было одѣваться какъ угодно.

А теперь! Когда-то еще заведутся на постоялыхъ дворахъ разныя

приспособленія, какъ у цивилизованныхъ людей! А пока этого нѣтъ, нужно или выходить на морозъ въ пиджакѣ, или перемѣнить костюмъ. Вообще, господинъ, одѣтый въ городское платье и шубу, безъ прислуги буквально ступить шагу не можетъ. Не говоря о томъ, чтобы, напримѣръ, запречь лошадь, даже править лошадью, присмотрѣть за нею на постояломъ дворѣ, сводить ее на водопой,—ничего нельзя. А Петрушки нѣтъ и Селифана нѣтъ! Необходимо измѣнить костюмъ, необходимо имѣть такой, которой былъ бы тепелъ, легокъ, не стѣснялъ движеній, чтобы въ немъ можно было и въ избѣ сидѣть, гдѣ дуетъ и отъ оконъ, и отъ дверей, и на дворъ выйдти, и около лошади присмотрѣть. Теплый пиджакъ, пиджакъ на мѣху—все это не подходитъ; въ концѣ концовъ, вы непремѣнно придете къ тому, что зимою найдете самымъ удобнымъ костюмомъ *полушубокъ*.

Но надѣвать полушубокъ сверхъ городскаго платья не имѣетъ смысла. Полушубокъ долженъ замѣнять пиджакъ. Мужикъ носитъ полушубокъ, какъ комнатное одѣянье, и снимаетъ его только во время обѣда и ужина; онъ сидитъ въ полушубкѣ въ избѣ, выходитъ въ немъ во дворъ, въ немъ же работаетъ. Надѣвъ полушубокъ поутру, онъ не снимаетъ его до вечера, за исключеніемъ обѣда—потому что работаетъ въ полушубкѣ на дворѣ, задаетъ скоту кормъ, носитъ и рубитъ дрова. Хозяинъ находится въ такомъ же положеніи: онъ, если и не работаетъ самъ, а только распоряжается работами, все-таки цѣлый день долженъ быть на дворѣ. Отправляясь въ дорогу, мужикъ сверхъ полушубка надѣваетъ или шубу-тулупъ—въ сильные морозы, или армякъ—въ ненастное время. Скинувъ шубу на морозѣ и оставшись въ полушубкѣ, можно дѣлать всякую работу; пріѣхавъ на постоялый дворъ и скинувъ шубу, мужикъ остается въ полушубкѣ, который не снимаетъ въ избѣ—пока не сядетъ за столъ—въ томъ же полушубкѣ онъ выходитъ во дворъ посмотрѣть лошадей. Полушубокъ есть самая подходящая для насъ зимняя одежда, когда онъ надѣтъ прямо сверхъ жилета или шерстяной рубахи гарибальдійскаго покроя—такая рубаха для насъ тоже очень подходящій костюмъ и соотвѣтствуетъ мужицкому суконному полузипуннику. Въ полушубкѣ тепло и движенія нисколько не стѣснены; покрой его чрезвычайно раціоналенъ; рукава длинны, въ локтѣ широки и на концѣ узки—свободно и не продуваетъ; на груди двойной мѣхъ, полы длинны и одна заходитъ за другую, талія длинная. Разъ вы надѣли полушубокъ, вамъ нуженъ поясъ, какъ у мужика, или ремень, какъ у бывшаго двороваго человѣка, для того, чтобы стянуть полушубокъ въ таліи. Затѣмъ, на шею шерстяной шарфъ, рукавицы, шерстяные чулки, валенки, теплая шапка, длинные волосы, чтобы закрыть уши, башлыкъ. Башлыки те-

перь сильно распространились между прикащиками, бывшими дворовыми, мѣщанами, купцами, ѣздящими по уѣзду; у крестьянъ же башлыки встрѣчаются рѣдко, потому что крестьянинъ старается вообще ничего не покупать и обходиться своимъ, не покупнымъ.

Одѣвшись такимъ образомъ, зимой вамъ удобно. Холодно или ненастно—вы надѣваете шубу или армякъ. Стало теплѣе, шубу долой. Разладилось что нибудь въ упряжи, засѣла лошадь въ сугробъ, шубу долой, въ полушубкѣ можно и на морозѣ наладить, помочь лошади. Пріѣхали на постоялый дворъ, сидите въ валенкахъ и полушубкѣ, потому что въ избѣ обыкновенно отвсюду дуетъ.

Удобно вездѣ: дома, въ хозяйствѣ, въ дорогѣ, въ сношеніяхъ съ крестьянами, попами, купцами, мѣщанами, вообще съ людьми, которые живутъ, какъ говорится, по русски и русскій костюмъ не считаютъ неприличнымъ. Но этотъ же костюмъ неудобенъ въ сношеніяхъ съ помѣщиками. Ѣздить въ гости въ такомъ костюмѣ нельзя. Нельзя сидѣть въ комнатахъ въ валенькахъ и полушубкѣ; въ теплой комнатѣ, во первыхъ, жарко, во вторыхъ — валеньками испачкаешь полъ, а полушубкомъ мебель. Распростаться, снять полушубокъ, какъ дѣлаютъ крестьяне въ теплой избѣ, и остаться въ рубахѣ и жилетѣ неприлично, и этимъ всѣ будутъ скандализироваться. Такимъ образомъ, выходитъ, что или вовсе нельзя бывать у помѣщиковъ, которые живутъ по барски, или нужно имѣть два костюма—городской и деревенскій. Я соединяю одно съ другимъ: весною, осенью, зимою, дома хожу въ полушубкѣ и валенькахъ или высокихъ сапогахъ и въ такомъ же костюмѣ бываю у крестьянъ, прасоловъ, поповъ и помѣщиковъ средней рука, живущихъ подобно мнѣ; въ гости же къ барамъ ѣзжу въ нѣмецкомъ платьѣ, слегка измѣненномъ.

Какъ было-бы хорошо носить нѣсколько измѣненный русскій костюмъ. Русская рубаха, широкіе панталоны, высокіе сапоги—что можетъ быть удобнѣе въ деревнѣ? сверху—лѣтомъ пиджакъ и для защиты отъ пыли легкій армячекъ, зимою—полушубокъ. Русскій костюмъ, нѣсколько измѣненный, уже мало-по-малу проникаетъ въ среду небогатыхъ помѣщиковъ; когда же выкупныя свидѣтельства и лѣса будутъ съѣдены, когда старые, до „Положенія“ построенные дома, экипажи, сбруя придутъ въ негодность, когда не будетъ болѣе мѣстъ на службѣ, когда землевладѣльцы станутъ заниматься сами хозяйствомъ, когда провинція опять населится, тогда, я увѣренъ, русскій костюмъ сдѣлается господствующимъ, тѣмъ болѣе, что и начальство, наконецъ, перестанетъ на него коситься.

Но не одинъ только костюмъ не соотвѣтствуетъ новому порядку вещей. Все нужно измѣнить. До сихъ поръ все еще держится ста-

рымъ заведеніемъ и это-то старое заведеніе одна изъ главныхъ причинъ, почему помѣщики не справляются съ хозяйствомъ. Все нужно измѣнить и присобить къ новому порядку, потому что все, начиная отъ постройки дома и кончая сапогомъ на ногѣ, при старомъ заведеніи устроено такъ, что требуетъ множество прислуги. Какъ я ни жался, какъ ни старался сократить свой штатъ, но все-таки еще не достигъ желаемаго результата, все-таки значительная часть дохода идетъ на содержаніе людей. А я еще не имѣю ни кучера, ни лакея, ни повара.

У меня въ усадьбѣ четыре двора: красный дворъ, рабочій дворъ, скотный дворъ, хлѣбный дворъ, и всѣ эти дворы раскинуты на огромномъ пространствѣ.

На красномъ дворѣ находятся „хоромы", т. е. домъ, въ которомъ живу я (баринъ) и въ которомъ или подлѣ котораго полагалось жить моей прислугѣ (поваръ, экономка, лакей, горничная, казачекъ, дѣвочки и пр. и пр.), амбары для хлѣба (для того, чтобы баринъ могъ изъ окна видѣть, когда ходятъ въ амбаръ), каретный сарай, для экипажей (къ сожалѣнію, я никакихъ экипажей въ немъ не нашелъ, кромѣ зимней повозки, такихъ громадныхъ размѣровъ, что и лошадей подъ нее не подберешь), погребъ и ледникъ. На рабочемъ дворѣ находятся избы для рабочихъ и застольной, рабочій сарай. На скотномъ дворѣ изба для скотниковъ, хлѣвы для скота, конюшни и пр. Все это раскинуто на горѣ, разумѣется; есть и роща—первый признакъ господской усадьбы. Затѣмъ два огорода, два колодца подъ горой, дрова лежатъ въ трехъ мѣстахъ. Съ утра начинается хожденіе съ одного двора на другой. Сторожъ, какъ только проснется, идетъ на скотный дворъ за лошадью и начинаетъ возить въ разныя мѣста воду; подойщицы, шлепая по грязи, отправляются доить скотъ, съ скотнаго двора несутъ потомъ молоко на красный, застольная хозяйка десятки разъ въ день бѣгаетъ съ одного двора на другой, то въ амбаръ, то въ ледникъ, то въ молочную и т. д. Ничего не приспособлено для сокращенія труда, времени, для защиты отъ грязи, непогоды. Я думаю, что еслибы приспособить всѣ постройки и расположить ихъ вмѣстѣ на небольшомъ пространствѣ, сдѣлать одинъ дворъ, какъ у крестьянъ и купцовъ бываетъ, то число домашнихъ рабочихъ можно было-бы уменьшить на половину, да и рабочимъ было-бы удобнѣе, потому что не пришлось-бы ходить по грязи.

Пробывъ нѣсколько дней въ губернскомъ городѣ, гдѣ живутъ любящіе чистоту нѣмцы, и нѣсколько оправившись отъ лихорадки и горловой болѣзни, я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ на станцію, въ пятнадцати верстахъ отъ которой лежитъ мое помѣстье. На станцію

за мной пріѣхалъ староста въ саночкахъ одиночкой. Бѣлые саночки безъ подрѣзовъ, плохенькая косматая лошадка, староста въ валенкахъ, полушубкѣ и шубѣ, мужикъ съ подводой на тощей лошаденкѣ для перевозки моей клади, снѣгъ, морозъ... Вотъ она, настоящая деревенская жизнь! подумалъ я. Такъ какъ я уже обтерпѣлся и началъ привыкать къ холоду, то прежнее настроеніе духа прошло. Опять явилась энергія, жажда новой дѣятельности и на душѣ стало какъ-то радостно и свѣтло. Все мнѣ нравилось: и саночки, и лошадка, и то, что я самъ буду править. Садясь въ саночки, я замѣтилъ въ нихъ ружье.

— Зачѣмъ это ружье? спрашиваю у старосты.

— Для случаю; можетъ и тетеревокъ попадется.

Потомъ я увидалъ, что здѣсь зимой почти каждый ѣздитъ вооруженнымъ для „случаю". Господа побогаче, по преимуществу, возятъ съ собой револьверы. Мелкіе господа, прикащики, старосты, дворовчики, крестьяне, у которыхъ есть ружья, возятъ или носятъ съ собой ружья, а у простого мужика или топоръ за поясомъ, или дубина въ рукахъ: каждый, въ особенности зимой, отправляясь куда-нибудь одинъ, беретъ съ собой про запасъ что нибудь. Не подумайте, чтобы у насъ было не покойно: ни объ убійствахъ, ни о грабежахъ, ни о крупныхъ воровствахъ—конокрадство появилось только въ послѣднее время—въ нашихъ мѣстахъ не слышно. А между тѣмъ, каждый имѣетъ при себѣ „запасъ для случаю", неровенъ часъ, звѣрь или злой человѣкъ наскочитъ. Конечно, прежде всего звѣря боятся, но и „случай" всегда имѣютъ въ виду, и каждый смотритъ подозрительно на всякаго встрѣчнаго, точно ожидаетъ въ немъ встрѣтить разбойника. Я думаю, однако, что оружіе огнестрѣльное, напримѣръ, ружье, револьверъ, въ смыслѣ его примѣненія, вещь безполезная, и что дубина въ сильныхъ рукахъ гораздо лучше; но ружье имѣетъ значеніе для „страху": все таки не такъ сунется, если видитъ въ рукахъ ружье или другой какой нибудь запасъ. Примѣнить къ дѣлу револьверъ рѣдко можетъ встрѣтиться надобность, потому что у насъ нѣтъ спеціалистовъ по части грабежей, нѣтъ людей, которые занимались бы этимъ дѣломъ, какъ настоящіе разбойники, и поджидали проѣзжающихъ на дорогахъ. Конечно, бываютъ и убійства и грабежи, но большею частію случайно, безъ заранѣе задуманной цѣли, и обыкновенно совершаются выпивши, очень часто людьми, въ обыденной жизни очень хорошими. „Не клади плохо, не вводи вора въ соблазнъ" говоритъ пословица. Лежитъ вещь „плохо", безъ присмотра—семъ-ка возьму—вотъ и воровство. Человѣкъ хорошій, крестьянинъ земледѣлецъ, имѣющій надѣлъ, дворъ и семейство, не то, чтобы какой ни-

будь бездомный прощалыга, нравственно испорченный человѣкъ, но просто обыкновенный человѣкъ, который лѣтомъ въ страду работаетъ до изнеможенія, держитъ всѣ посты, соблюдаетъ „всѣ законы", становится воромъ, потому только, что вещь лежала плохо, безъ присмотра. Залѣзли ребята въ амбаръ—утащить кубель сала, осмину конопли—хозяинъ на бѣду проснулся, выскочилъ на шумъ, дубина подъ руку кому нибудь изъ ребятъ попалась—убійство. Сидѣли вмѣстѣ пріятели, выпили, у хозяина часы хороши показались пріятелю, зашедшему въ гости, ножъ подъ руку попался—убійство. Выпивши былъ, на полушубокъ позарился, топоръ подъ руку попался, „онъ" (бѣсъ) подтолкнулъ—убійство. Пили вмѣстѣ, деньги въ кабакѣ у него видѣлъ, поѣхали вмѣстѣ и т. д.

Все „случаи". Повторяю, спеціалистовъ по части убійствъ и грабежей, настоящихъ разбойниковъ нѣтъ, но каждый всегда опасается „случая" и остерегается всякаго, даже своего знакомаго. Встрѣтились вы съ человѣкомъ въ глухомъ мѣстѣ—иди, братъ, своей дорогой, отваливай прочь! кто тебя знаетъ, что у тебя на умѣ, да и самъ ты не знаешь, что тебѣ сейчасъ на умъ придетъ. Встрѣчный же, видя, что вы съ „запасомъ", остерегается. Меня съ перваго раза ужасно поразила та осторожность и недовѣрчивость, съ которой смотритъ дорогой мужикъ на каждаго встрѣчнаго—особенно если имѣетъ при себѣ деньги. Ѣдемъ мы вдвоемъ съ Сидоромъ—ничего; чуть только онъ замѣтитъ какого нибудь пѣшехода, особенно если мѣсто глухое, лѣсистое,—сейчасъ возжи подбираетъ, искоса посматривая на прохожаго. Чуть что,—и по лошадямъ. Потому, неровенъ часъ, въ нутро къ человѣку не влѣзешь, что у него на умѣ не узнаешь. Ко всему этому я теперь привыкъ, но сначала меня какъ-то коробило, когда я видѣлъ, что меня лично, самого меня, каждый считаетъ способнымъ убить, ограбить, обокрасть, обмануть, надуть, обвѣсить, обмѣрить, обсчитать. Конечно, въ три года, крестьяне сосѣднихъ деревень, въ особенности изъ молодыхъ, мало по малу стали довѣрчивѣе, видя, что я не обсчитываю, не обманываю, плачу по уговору, не прижимаю.

Къ вечеру, я пріѣхалъ въ деревню. Староста обо всемъ уже позаботился: протопилъ печи, убралъ домъ. Только что прошелъ слухъ о моемъ пріѣздѣ, о томъ что въ Б. пріѣхалъ на житье баринъ, — почему то всѣ думали, что я чуть не генералъ и ужъ по крайней мѣрѣ полковникъ,—ко мнѣ начали являться различные люди наниматься въ ключники, буфетчики, повара, кучера, лакеи, конторщики, ключницы, экономки, прачки, горничныя. Всѣ думали, что я, какъ баринъ, поселившійся въ деревнѣ и, значитъ, нажившійся на службѣ,

непремѣнно обзаведусь, то есть возьму экономку, куплю прежде всего лошадей, парадную сбрую, экипажъ. Каково же было удивленіе всѣхъ, когда я перевелъ старосту въ домъ, поручилъ женѣ его готовить мнѣ кушанье, взялъ для прислуги и работъ молодого крестьянина, завелъ всего одну лошадь, сталъ разъѣзжать одиночкой, дома никакого не устраивалъ, но увеличилъ количество скота, сталъ расчищать луга, сѣять ленъ...

Взволнованный воспоминаніями обо всемъ пережитомъ, я долго не могъ заснуть, на другой день всталъ поздно и тотчасъ же отправился на выставку; спѣшилъ я потому, что въ этотъ день должно было совершиться открытіе выставки, и я обѣщалъ Сидору показать архіерея.

Открытіе выставки было торжественное. Молебствіе совершалъ самъ преосвященный. Публики мало; присутствовали при открытіи только начальство, распорядители выставки, которые отличались отъ прочихъ большими зелеными кокардами изъ шелковыхъ ленточекъ — почему зелеными? потому ли, что зеленый цвѣтъ есть цвѣтъ надежды, потому ли, что сельскій хозяинъ, лѣтомъ конечно, живетъ среди зелени? Человѣкъ пять-шесть экспонентовъ, нѣсколько учениковъ земледѣльческаго училища, присланныхъ на выставку, нѣсколько дамъ, пришедшихъ очевидно для молебствія. Съѣхавшихся на выставку изъ губерніи сельскихъ хозяевъ изображали мы двое, то есть я и Сидоръ: я былъ представителемъ земледѣльцевъ-помѣщиковъ (только одинъ я во всей губерніи нашелся, что поѣхалъ на выставку), Сидоръ представителемъ крестьянскаго сословія. Взглянувъ мелькомъ на выставленныя въ главномъ зданіи хлѣба и овощи, можно было подумать, что огородничество у насъ въ губерніи процвѣтаетъ, потому что были выставлены такія тыквы, кукуруза, артишоки, капуста, — ума помраченіе! Сидора въ особенности заинтересовали тыквы, когда онъ узналъ что ихъ можно ѣсть. Большіе кочни капусты ему тоже очень понравились, потому что у крестьянъ на капустѣ обыкновенно бываетъ только хворостъ, а если и случаются кочешочки, то небольше хорошаго яблока.

— Это должно быть огородники выводили, А. Н.?

— Разумѣется.

— Ну такъ. Знаютъ эти огородники.

У нашихъ крестьянъ огородничество въ крайне плохомъ состояніи, бѣлой капусты даже у самаго зажиточнаго крестьянина вы не увидите и для приготовленія бѣлой капусты обыкновенно употребляется свекла, зеленый капустный листъ—хворостъ—и свекольникъ,

вслѣдствіе чего капуста выходитъ сѣрая. Крестьяне наши убѣждены, что огородники, которые снимаютъ огороды по господскимъ домамъ и у которыхъ отлично растутъ всякія овощи, потому выращиваютъ хорошія овощи, что „знаютъ“, т. е. умѣютъ наговаривать, ворожить.

Взглянувъ мелькомъ на хлѣба и овощи, мы съ Сидоромъ, пока преосвященный съ начальствомъ осматривали главное зданіе, побѣжали въ особенное помѣщеніе, устроеное для скота: Лошади и скотъ болѣе всего интересовали насъ, а Сидора въ особенности лошади, къ которымъ каждый крестьянинъ имѣетъ пристрастіе. Пришли въ помѣщеніе для скота: стойла устроены, какъ слѣдуетъ, но пусты. Наша губернія выставила всего только *одну* лошадь. Стоитъ

Одна бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ,

и попоной покрыта, должно быть отъ глазу, и ярлычекъ прибитъ, на которомъ написано: арденско-русской породы. Попросилъ, чтобы сняли попону—сняли, показали: чалая кобыла, хорошая кобыла! Разспросилъ: говорятъ, родилась отъ простой кобылы и арденскаго жеребца изъ случной конюшни. Хорошая лошадь, какъ разъ въ жеребца уродилась, чалой масти, задъ широкій, росту большого, грудь хорошая—разумѣется на корму. Думалъ купить—не для работы, конечно, а для проѣзду одиночкой—не продается. Спрашиваю, нѣтъ ли на вашемъ заводѣ еще такихъ лошадей на продажу? Молчитъ. Такъ толку и не добился. Такимъ образомъ, вся наша губернія только *одну* лошадь выставила: сосѣднія губерніи ничего не выставили. Этой лошади дали серебряную медаль, и въ отчетѣ о выставкѣ напечатано такъ: „метису арденско-русской породы, какъ доказывающему улучшеніе мѣстнаго коневодства путемъ скрещиванія съ одною изъ лучшихъ породъ рабочихъ лошадей, малую серебряную медаль московскаго общества улучшенія скотоводства въ Россіи“. Когда я прочиталъ отчетъ, то пожалѣлъ, что не послушалъ Ивана старосту и не послалъ на выставку свою корову-бѣлобочку; можетъ, и ей что нибудъ выкинули бы, какъ метису, доказывающему улучшеніе мѣстнаго скотоводства. Медалей, говорятъ, было заготовлено штукъ 50, въ томъ числѣ золотыхъ и серебряныхъ 36, да похвальныхъ листовъ 200 — можетъ быть, и на мою долю что нибудь бы досталось. Даже очень вѣроятно, что досталось бы, потому что у моей бѣлобочки хвоста нѣтъ. Можетъ, такая уродилась, а можетъ, оторвала лѣтомъ на пустоши; у насъ ежегодно на пустошахъ штукъ 5 или 6 коровъ отрываютъ хвосты: начнетъ хвостомъ отмахиваться отъ оводовъ, зацѣпится за дерево, пастухъ не замѣтитъ и угонитъ стадо; корова рвется, рвется, оторветъ хвостъ (такъ потомъ на деревьяхъ

хвосты и находятъ) и прибѣжитъ домой вся въ крови безъ хвоста. Можетъ быть, хоть листъ похвальный дали бы этой коровѣ, зато, что ужь очень удобна для пастьбы на нашихъ пустошахъ. Дивился я, читая отчетъ, какъ хорошо написано: и „метисъ", и „улучшеніе мѣстнаго коневодства", и скрещиваніе съ лучшей породой рабочихъ лошадей!" И въ департаментѣ лучше не напишутъ. Недостаетъ только, чтобы въ газетахъ напечатали: „отрадно видѣть, что землевладѣльцы обратили вниманіе на улучшеніе мѣстнаго коневодства путемъ скрещиванія съ извѣстной арденской породой". И какъ это они умѣютъ такъ расписывать! А дѣло очень просто: въ губернскомъ городѣ есть случная конюшня и въ ней жеребецъ арденской породы для улучшенія мѣстной породы рабочихъ лошадей; привели простую кобылу, случили съ этимъ арденскимъ жеребцомъ, родился отъ нея жеребенокъ въ отца—счастье—выкормили; случилась выставка,—прислали на выставку, лошадь хорошая, выставлена всего одна, медалей много, не возвращать же туда, откуда ихъ прислали, — ну и дали медальку: по крайней мѣрѣ другой разъ, когда понадобится выставка, скорѣе что нибудь пришлютъ. А тутъ сейчасъ и „метисъ", и улучшеніе мѣстнаго коневодства", и скрещиваніе съ одной изъ лучшихъ породъ рабочихъ лошадей"!

И почему же арденская порода одна изъ лучшихъ породъ рабочихъ лошадей для нашей губерніи!? Пока я любовался на чалую кобылу, Сидоръ уже осмотрѣлъ лошадей, выставленныхъ казенною фермою: четыре саврасыхъ кобылы норвежской горной породы. Вотъ такъ лошади! небольшого роста, крѣпкія, доброѣзжія, тѣло держатъ, съ побѣжкой, самыя настоящія для насъ лошади — и работать хороша, и проѣхать есть на чемъ. Осмотрѣвъ этихъ лошадей, я мигнулъ Сидору.

— Ну что?

— Хороши кобылки. Вотъ тѣхъ бы парочку купить, что съ краю стоятъ, подошли бы къ нашему савраскѣ. Славная бы троечка вышла—жаль только, что кобылки, ну да оно ничего. Я пыталъ старика, что при лошадяхъ — кобылки хорошія, говоритъ, доброѣзжія; если хорошо кормить,—зажирѣютъ и жеребиться не будутъ. Только, говоритъ, дешево не продадутъ: намъ, говоритъ, самимъ для показу нужны.

— А чалая?

— Не побѣжитъ.

— Что ты?

— Да ужъ это навѣрно. Маловато, однако, лошадей—лучше было намъ въ Зубово на ярмарку ѣхать, туда табуны пригоняютъ.

— Можетъ, и продадутъ. А не продадутъ — по крайней мѣрѣ, посмотримъ хорошихъ лошадей.

— А что же ихъ смотрѣть!

— Посмотримъ, узнаемъ, какая порода лучше. Вотъ эти совраски, самъ говоришь, хороши, норвежской породы. Вотъ и будемъ знать, что для работы нужно купить лошадей норвежской горной породы.

— Да гдѣ же мы ихъ купимъ?

— А можетъ, у нихъ на заводѣ продадутъ.

— Такъ. Только вонъ ту среднюю не покупайте.

— А что?

— Изъянъ есть, слабовата: я ей крестецъ давилъ,—сдаетъ. Старикъ разсердился: зачѣмъ, говоритъ, трогаешь, а я ему: мы, дядюшка, купить желаемъ, нужно посмотрѣть; баринъ самъ не досмотритъ, мнѣ велѣлъ смотрѣть. Зубы, говорю, позвольте посмотрѣть. Не далъ: у насъ, говоритъ, начальство само знаетъ, сколько лѣтъ какой лошади, а то всякому зубы смотрѣть позволь. Проваливай, говоритъ. Да какъ же, говорю: мы покупатели, а вы зубы смотрѣть не позволяете, изъянъ должно быть есть. Ступай, говоритъ, а не то начальнику пожалюсь. Онъ тебѣ изъянъ въ шею сдѣлаетъ.

Спросилъ объ соврасыхъ лошадяхъ—не продаютъ. Нѣтъ ли, спрашиваю, на заводѣ продажныхъ хотя жеребятокъ. Нѣтъ, говоритъ, мы еще сами разводимся, всего 11 лѣтъ какъ завели эту породу.

Такъ всего на выставкѣ и было пять лошадей. Одну лошадь наша губернія выставила, да четыре лошади казенная ферма. Казеннымъ лошадямъ большую серебряную медаль дали, и стоитъ: хороши лошади.

За лошадьми слѣдовалъ отдѣлъ овцеводства. Овцы, какъ я уже говорилъ, для нашей губерніи вещь весьма важная, особенно для крестьянъ. Помѣщики у насъ держатъ мало овецъ—почему?—незнаю; но у крестьянъ овца составляетъ главную статью, потому что овца не только окупаетъ кормъ, но еще и приноситъ доходъ, тогда какъ рогатый скотъ дохода не приноситъ. Овца требуетъ мало корму, потому что весной находитъ траву ранѣе, а осенью позже, чѣмъ рогатый скотъ. Когда овца уже наѣдается, рогатый скотъ еще голодаетъ. Лѣтомъ, тоже овца наѣдается на такихъ пастбищахъ, гдѣ рогатому скоту взять нечего. Овца даетъ шерсть и приноситъ пару ягнятъ, которые выростаютъ къ осени безъ всякаго за ними ухода. Естественно было ожидать, что на мѣстной выставкѣ овцеводство будетъ представлено соотвѣтственно той важности, какую оно играетъ въ мѣстномъ хозяйствѣ. Не тутъ-то было. Овцеводство было представлено еще менѣе, чѣмъ сословіе крестьянъ землевладѣль-

цевъ, которое изображалъ привезенный мною Сидоръ—единственный крестьянинъ, пріѣхавшій на выставку для изученія выставленныхъ предметовъ. Наша губернія не выставила *ни одной овцы;* сосѣднія губерніи тоже овецъ не выставили, вывезла же этотъ отдѣлъ казенная ферма, которая прислала мериносовъ — по парѣ чистой электоральной породы, электоральной негретини и электоральной рамбулье и мясныхъ овецъ метисовъ фландрско-оксфордшайрдаунской породы. Тонкоруныя овцы хороши, говорятъ, но награды имъ не дали, потому что овцы были признаны мало соотвѣтствующими мѣстнымъ условіямъ хозяйства; мяснымъ же овцамъ дали мѣдную медаль, въ видахъ поощренія мясного овцеводства. Обидно, я думаю, мяснымъ овцамъ, что ихъ наградили не такъ, какъ арденскаго ублюдка! Но и то сказать, овцы съ казенной фермы, гдѣ и уходъ иной, и за деньгами не стоятъ. Овцы хороши, слова нѣтъ,—шерсть длинная, хорошая, вѣсъ большой, — хотя хорошая, крупная крестьянская ярка иногда завѣситъ не менѣе. Каковы овчины—неизвѣстно,—а это дѣло важное, но такъ какъ эти овцы разведены на казенной фермѣ, то сказать о значеніи ихъ для нашего овцеводства ничего нельзя, потому что условія казеннаго хозяйства иныя, чѣмъ наши.

Крупнаго рогатаго скота на выставкѣ тоже было очень мало. Изъ нашей губерніи было 5 экспонентовъ изъ 3-хъ уѣздовъ, остальные же 8 уѣздовъ ничего не прислали; городскіе жители, у которыхъ лучшій мѣстный скотъ, ничего не прислали; извѣстные скотовладѣльцы, обладающіе большими стадами отличнаго скота, тоже ничего не прислали. Три экспонента изъ одного уѣзда выставили: первый—3 штуки русско-фохтландско-альгаусской породы, которымъ за ихъ типичность, хорошее содержаніе, а также за распространеніе владѣльцемъ этого скота улучшеній въ мѣстномъ скотоводствѣ, присудили малую золотую медаль. Второй—4 штуки неизвѣстной породы; я говорю—неизвѣстной, потому что спеціалисты не могли рѣшить, какой породы этотъ скотъ, такъ какъ въ одномъ отчетѣ сказано: „метисы альгаусско-русской породы“, а въ другомъ — „метисы венсишельско-русской породы“. Этому экспоненту серебряную медаль выкинули за хорошее содержаніе, какъ сказано въ отчетѣ, гдѣ скотъ названъ альгаусско-русскимъ, въ другомъ же отчетѣ, гдѣ скотъ названъ венсишельско-русскимъ, напротивъ, сказано, что скотъ выращенъ и содержанъ худо. Такъ подъ сомнѣніемъ и осталось, какая порода. Спрашивалъ я у мальчика-пастушка, находившагося при этомъ скотѣ, какой породы скотъ, на что онъ отвѣчалъ „паньской“. Третій выставилъ одного бычка неизвѣстной породы: одни считали его голландско-русскимъ метисомъ, другіе—альгаусско-русскимъ метисомъ. Такъ какъ хозяина

самого не было, то и нельзя было рѣшить, голландская или альгаусская порода была употреблена для улучшенія русской путемъ скрещиванія. Этому бычку ничего не присудили, хотя, по моему, несправедливо. Я не спеціалистъ по скотоводству, не знатокъ въ породахъ, и хотя могу отличить голландскую корову отъ альгаусской—голландская пѣгая, а альгаусская бурая—но въ метисахъ толку не понимаю и никакъ не могу узнать, сколько въ метисѣ русской крови, сколько голландской, сколько альгаусской, но и спеціалисты наши, судя по разногласію отчетовъ, должно быть, тоже не очень сильны въ этомъ отношеніи. Что же касается бычка, котораго одни считали голландско, а другіе альгаусско-русскимъ, то мнѣ кажется, что этотъ бычокъ такая родня голландскому, про которую мужики говорятъ: „да они сродни—ея дѣдушка съ его бабушкой на одномъ солнцѣ анучи сушили"; но все-таки и этому бычку нужно было дать хотя похвальный листъ—вѣдь все-равно, даромъ же пропадутъ листы!—въ видахъ поощренія хозяевъ, оказавшихъ уваженіе начальству и приславшихъ скотъ на выставку.

Четвертый экспонентъ выставилъ 3 штуки, которымъ за однообразіе типа выкинули мѣдную медальку; но и тутъ насчетъ породы опять вышло разногласіе: въ одномъ отчетѣ напечатано, что эти три штуки „простой русской породы", а въ другомъ отчетѣ напечатано, что это „венсишельско-айширско-тирольскіе метисы". Кто правъ—не знаю. Пятый экспонентъ выставилъ корову, неизвѣстнаго происхожденія, крупнаго типа украинскаго съ посредственными мясными и очень плохими молочными признаками. Больше ничего и не было: съ цѣлой губерніи всего 11 штукъ собрали, да и то почти всѣ изъ одного мѣста. Изъ сосѣдней губерніи было выставлено 3 штуки хорошаго скота. Половина стойлъ осталась пустою. Выставка скотоводства, коневодства и овцеводства положительно не удалась и по окончаніи осмотра этого отдѣла я не могъ не согласится съ Сидоромъ, что „для этого ѣхать не стоило".

Осмотрѣли скотъ, полюбовались курами, причемъ Сидору очень понравились маленькія курочки (потому, говоритъ, утѣшныя курочки и для горницъ лучше голубей, которые летаютъ и вездѣ пакостятъ), взглянули мелькомъ на выставку книгъ сельскохозяйственныхъ... а между тѣмъ заиграла музыка, открылся ресторанъ, публики прибавилось. Зашелъ въ ресторанъ, встрѣтилъ двухъ помѣщиковъ-экспонентовъ, съ которыми вчера познакомился. Что-жь, господа, говорю, много хозяевъ на выставку наѣхало? Нѣтъ, говорятъ, никого еще нѣтъ; можетъ, подъѣдутъ. Посидѣли, закусили, музыку послушали и пошли осматривать отдѣлъ полеводства и огородничества. Интерес-

наго мало: мѣшочекъ съ пшеницей, мѣшочекъ съ рожью, мѣшочекъ съ овсомъ, а тамъ опять мѣшочекъ съ пшеницей—разумѣется, все на подборъ хлѣбъ хорошій. Были и хорошія коллекціи, но больше все сборъ разный. Всего, изъ 6 губерній было 23 экспонента, которые выставили 182 предмета. Разумѣется, тутъ уже все считается: одинъ прислалъ лукъ, другой ворсильныя шишки, третій пшеницу и т. д. Пока мы смотрѣли отдѣлы полеводства и техническій, Сидоръ смотрѣлъ механическій отдѣлъ, гдѣ 8 экспонентовъ выставили 53 предмета, между которыми главное мѣсто занимали предметы изъ какого-то шведскаго склада, теперь, говорятъ, уже закрывшагося, и предметы мѣстнаго агромона - изобрѣтателя, выставившаго плугъ-соху, бороны, катки, особенныя грабли. Когда мы вошли въ механическій отдѣлъ, Сидоръ, уже все пересмотрѣвшій, таинственно отвелъ меня въ сторону.

— Тутъ шутка есть, А. Н.

— Какая?

— Такая штука, говорятъ, чтобы градъ отводить.

— Что ты? гдѣ?

— Вотъ тамъ стоитъ.

Дѣйствительно, мѣстнымъ агрономомъ былъ выставленъ *градоотводъ*, состоящій изъ шеста, на верхнемъ концѣ котораго укрѣплено мѣдное остріе, отъ котораго идетъ обвитая спирально около шеста проволока.

— Купить-бы слѣдовало на случай града, потому что неровенъ часъ, у насъ разъ всѣ поля отбило.

— Да зачѣмъ-же покупать—мы и сами можемъ сдѣлать, штука не мудреная.

— Сдѣлать-то не мудрено, да пользы не будетъ; тутъ, извѣстное дѣло, съ наговоромъ дѣлано. Отъ одного шеста какая-же польза, если наговору нѣтъ! Дѣды такіе бываютъ, что градъ отводятъ, наговариваютъ тоже; здѣсь тоже на шесту наговоръ долженъ быть.

— А если это простой шестъ, безъ наговору?

— Зачѣмъ-же безъ наговору шестъ будутъ показывать! какая-же въ немъ безъ наговору польза! развѣ градъ простого шеста испугается?

— Вотъ, если дадутъ за градоотводъ медаль, такъ куплю.

Однако, медали за градоотводъ не дали, и я его не купилъ; Сидоръ все таки остался при убѣжденіи, что это шестъ не простой. Уже не первый разъ мнѣ случается слышать отъ Сидора, что и между господами есть такіе, что умѣютъ наговаривать. Есть у насъ барыня, которая лечитъ гомеопатическими крупинками и иногда по-

могаетъ—Сидоръ и всѣ крестьяне убѣждены, что барыня эта „знаетъ“ и наговариваетъ на крупинки. Сколько я ни убѣждалъ Сидора, что тутъ никакого наговора нѣтъ, что это просто гомеопатическія лекарства, которыя можно купить и давать, когда кто заболѣетъ, что гомеопатіей всѣ лечатъ, потому что это не трудно, не требуетъ никакихъ знаній,—онъ все таки остается при своемъ.

— Какое-жь въ такой махонькой крупкѣ лекарство можетъ быть! ни скусу въ этой крупкѣ нѣтъ, ни запаху, насилу въ ротъ поймаешь,— какое тутъ лекарство! Извѣстное дѣло, наговоръ, она на эти крупки наговариваетъ. Вотъ фельдшеръ даетъ лекарство,—такъ тамъ видно, что лекарство—либо кисло, либо солоно, либо горько. То лекарство, а тутъ, видимое дѣло, наговоръ!

Осмотрѣвъ всѣ отдѣлы, зашли въ ресторанъ, посидѣли, послушали музыку, еще разъ зашли въ отдѣлъ скотоводства. На другой день все утро—дѣваться некуда, знакомыхъ нѣтъ—опять провелъ на выставкѣ. Пройдусь по заламъ, зайду въ отдѣлъ скотоводства, постою, посмотрю, какъ коровы жвачку жуютъ, посижу подлѣ музыки, въ ресторанъ зайду, рюмку водки выпью, опять пойду смотрѣть, какъ коровы жвачку жуютъ, музыку послушаю... Каждый день приходилъ я на выставку—все надѣялся встрѣтиться съ хозяевами, которые пріѣдутъ на выставку, но такъ никого и не видалъ, потому что другого такого простака, какъ я, чтобы на губернскую выставку ѣхать, не выискалось. Придешь, бродишь по пустымъ заламъ: около полудня зайдутъ нѣсколько посѣтителей музыку послушать или позавтракать въ ресторанѣ; если-бы не было ресторана и музыки, то такъ все время выставка и простояла-бы пустою. Пусто, уныло, видно, что вся эта выставка никому, кромѣ распорядителей, не нужна. Хозяевъ нѣтъ, никто выставкой не интересуется, потому что, какой-же интересъ для губернскихъ чиновниковъ и дамъ можетъ представлять какая нибудь рожь-ваза, или венсишельско-айширско-тирольская телка? если же и приходилъ кое-кто на выставку, то или музыку послушать, или въ ресторанѣ закусить, или такъ прогуляться, для возбужденія апетита передъ обѣдомъ. Только одни распорядители— нужно имъ отдать справедливость—принимали живое участіе въ затѣянномъ дѣлѣ и, какъ говорится, на плечахъ вынесли выставку. Не говоря уже объ устройствѣ зданія и приспособленій, сколько хлопотъ нужно было, чтобы собрать то немногое, что было прислано на выставку, чтобы привлечь публику (устройство ресторана и музыки была въ этомъ отношеніи мѣра самая практическая). Наконецъ, и во время самой выставки, они не жалѣли силъ: постоянно присутствовали и, насколько возможно, оживляли ее своею дѣятельностью,

устраивали испытанія машинъ, бесѣды, экспертизы, и пр. Конечно, испытанія не удались, какъ это обыкновенно бываетъ; пробовали, напримѣръ, корчевальную машину: облюбовали въ городскомъ саду недалеко отъ выставки пень и задумали его вытащить, принесли корчевальную машину, наставили и пустили въ ходъ, трахъ... машина сломалась, а пень такъ и остался, какъ былъ, ни на чуточку съ мѣста не сдвинулся. Сидоръ, впрочемъ, напередъ говорилъ, что этого пня не вытащутъ, „потому, говоритъ, это пень такой, корень рѣдкой, природное дерево“.

— Да ты почемъ знаешь? замѣтилъ я ему.

— Это по корѣ видно. Я, какъ на желѣзной дорогѣ былъ, насмотрѣлся;.. сколько мы ихъ тогда повытаскали! Сейчасъ видно, что такъ не вытащутъ,—не съ той стороны машина беретъ! такъ только еловый пень вытащишь, а съ березовымъ—шалишь, нѣмецъ!

Пробовали еще конный приводъ пускать, тоже не поладились; кони испугались, порвали упряжь, людей чуть не затоптали.

Агрономъ задумалъ было бесѣду относительно овечьей шерсти. Собралась публика: неизмѣнные мы съ Сидоромъ, изображающіе пріѣзжихъ хозяевъ, да двое или трое изъ экспонентовъ. Началъ агрономъ объ мериносовой шерсти говорить, дощечку какую то мѣдную вынулъ шерсть пробовать, но, замѣтивъ, что никто не слушаетъ, такъ и бросилъ.

Уныло, пусто, никому не нужно. Одинъ только я съ Сидоромъ ходимъ съ утра до вечера по выставкѣ и думаемъ: „экъ насъ нелегкая понесла“. Обидно даже: эта поѣздка мнѣ обошлась 28 руб. 50 коп., а за эти деньги можно десятину льну обработать. Долго потомъ я не могъ утѣшиться, что повѣрилъ въ выставку и потратилъ на поѣздку 28 руб. 50 коп., которые можно было бы употребить гораздо производительнѣе. Утѣшился я только тогда, когда прочиталъ отчетъ и узналъ, что земство дало на выствку 300 руб., министерство государственныхъ имуществъ 500 руб., министерство финансовъ 500 руб., что отъ министерствъ и разныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ выдано 3 золотыхъ, 7 большихъ серебряныхъ, 20 малыхъ серебряныхъ и 6 бронзовыхъ медалей. Значитъ, не я одинъ повѣрилъ въ выставку, не я одинъ думалъ, что это дѣло серьёзное. Но кто же въ самомъ дѣлѣ могъ знать, что никто на выставку не пріѣдетъ, что никто, кромѣ распорядителей и нѣсколькихъ городскихъ обывателей, ея посѣщать не будетъ, что будетъ выставлена всего 1 лошадь, ни одной овцы, нѣсколько плохихъ коровенокъ, нераспроданныя машины изъ какого-то склада, какой-то градоотводъ? Кто же могъ знать, что случится такое „прискорбное“

явленіе? Конечно, тѣ, которые не пріѣхали, знали, что̀ такое губернская выставка, но я, который до сихъ поръ только читалъ отчеты объ выставкахъ, гдѣ есть и „метисы“, и „улучшеніе мѣстнаго коневодства“, и „полезная для края дѣятельность“—развѣ я могъ знать, что и выставка есть „отрадное“ явленіе въ томъ же родѣ, какъ приговоры объ учрежденіи школъ, попечительствъ, уничтоженіе кабаковъ, отдачи инородцевъ въ классическія гимназіи, и проч. и проч.

Да, близокъ локоть, да не укусишь,—такъ 28 рублей 50 копѣечекъ и ухнули. Узналъ я отъ знакомыхъ, что въ одной изъ большихъ гостинницъ по случаю выставки будетъ обѣдъ, на который соберутся всѣ, и члены общества, и экспоненты, и пріѣзжіе хозяева. Отправился, конечно, и я, въ надеждѣ, что тутъ, за обѣдомъ, можно будетъ потолковать объ интересующихъ меня хозяйственныхъ вопросахъ. На обѣдъ собралось довольно много народу: распорядители выставки, члены нашего сельскохозяйственнаго общества, постоянно живущіе въ городѣ, нѣкоторые изъ экспонентовъ, пріѣхавшіе на выставку мѣстные хозяева, то есть я („Петербургъ“, какъ назвалъ меня одинъ знакомый за мое незнаніе провинціальной жизни), повѣрившій, что, дѣйствительно, взаправду будетъ выставка, что взаправду существуетъ сельскохозяйственное общество и т. д., мѣстные адвокаты, юристы, актеры мѣстнаго театра. Ни за обѣдомъ, ни послѣ обѣда, разумѣется, никакихъ разговоровъ о хозяйствѣ не было, и никто бы не догадался, что это обѣдъ по случаю выставки. Просто былъ обѣдъ. Сначала, разумѣется, выпили и закусили, потомъ сѣли за столъ; пока не удовлетворили голода, было не до разговоровъ; потомъ, когда выпили, оживились, и съ половины обѣда стали требовать отъ игравшей во время стола музыки „чего нибудь изъ Прекрасной Елены“, потомъ еще выпили и пошло шампанское, разсказываніе пикантныхъ анекдотовъ и, наконецъ, танцы... Вспомнились мнѣ наши обѣды на съѣздахъ натуралистовъ—въ Петербургѣ у Демута, въ Москвѣ у Гурина,—наши ужины послѣ засѣданій химическаго общества—какая разница! И мы тоже пили и пѣли, и плясали, и веселились, но каждый обѣдъ ложился въ памяти свѣтлымъ воспоминаніемъ, каждый обѣдъ еще крѣпче связывалъ въ одну семью разбросанныхъ по всей Россіи химиковъ. Сколько интересныхъ вопросовъ рѣшалось за этими обѣдами, сколько высказывалось новыхъ мыслей, сколько жизни было въ спорахъ! А тутъ, Богъ знаетъ что! Главное дѣло, что и веселья то настоящаго нѣтъ, того веселья, которое бываетъ, когда люди соберутся для общаго дѣла и сойдутся, чтобы за стаканомъ вина обмѣняться мыслями.

Обѣдъ этотъ произвелъ на меня до крайности тяжелое впечатлѣ-

ніе, потому, должно быть, что я уже почти три года ни на какихъ обѣдахъ не бывалъ. И отчего это на нашихъ обѣдахъ, чуть только выпили, сейчасъ пикантные анекдоты и канканъ? Случалось мнѣ не разъ въ теченіи этихъ трехъ лѣтъ бывать на обѣдахъ у крестьянъ, по случаю новоселья, обновленія свѣчи въ Никольщину и т. п., т.-е. на такихъ обѣдахъ, гдѣ собираются всѣ хозяева деревни. Никогда не слыхалъ я за этими обѣдами ничего пикантнаго, ничего скандальнаго: усядутся всѣ чинно за столъ, сидятъ степенно, толкуютъ о хозяйствѣ, о погодѣ, объ ожидаемыхъ урожаяхъ и заработкахъ, о мѣстныхъ интересахъ... выпьютъ—загалдятъ, разговоръ дѣлается оживленнѣе, но никогда не принимаетъ скоромнаго направленія; начинаются мечтанія о томъ блаженномъ времени, когда хлѣбъ будетъ родиться хорошо,—ничего пикантнаго, нескромнаго. Видно, что у людей есть общіе интересы, что имъ есть о чемъ поговорить; а у насъ никакого общаго интереса нѣтъ, говорить не о чемъ, и единственное, на чемъ мы сходимся, что всѣмъ намъ обще и доступно—это мотивы изъ „Прекрасной Елены".

Усталый, измученный, пришелъ я въ свой номеръ.

— Ну, что, Сидоръ?

— Домой бы пора ѣхать, А. Н. У насъ, чай, ужь ленъ начали мять.

Да, домой, домой; но мнѣ хотѣлось продѣлать все до конца, и потому я остался еще на день, чтобы побывать въ засѣданіи нашего сельскохозяйственнаго общества, назначенномъ по случаю выставки.

Собрались, разумѣется, кто?—присутствующіе городскіе члены общества, живущіе въ городѣ, хозяйствомъ самолично не занимающіеся и состоящіе на службѣ. Я такъ и думалъ, что предсѣдатель откроетъ засѣданіе рѣчью, въ которой, какъ предсѣдатель валдайскаго съѣзда („Земледѣльческая газета" 1872 года, № 19), обратитъ вниманіе съѣзда на то, что вообще, сельское хозяйство въ губерніи въ упадкѣ, „что немногіе хозяева занимаются имъ съ знаніемъ и капиталомъ; что изъ этихъ хозяевъ почти никто не прибылъ на съѣздъ, а тѣ немногіе, которые присутствуютъ,—или вовсе не имѣли своего хозяйства, или перестали и перестаютъ имъ заниматься; что, хотя управою было разослано болѣе ста приглашеній, но, какъ настоящій, такъ и прошлый съѣзды были малолюдны, и что это, повидимому, указываетъ на малый интересъ, возбуждаемый съѣздомъ между хозяевами; поэтому не слѣдуетъ ли на будущее время прекратить созывъ съѣздовъ, или же принять какія либо мѣры, чтобы собранія эти были полезны и возбуждали вниманіе сельскихъ хозяевъ". Но предсѣдатель этого не сказалъ, и, вообще, никакой рѣчи не сказалъ, да и не

кому было обратиться съ рѣчью, потому что изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ-хозяевъ пріѣхалъ на выставку одинъ только я, да еще двое помѣщиковъ-экспонентовъ, выставившихъ скотъ. Сѣли; секретарь объявилъ, что господинъ такой-то сдѣлаетъ сообщеніе объ обработкѣ паровыхъ полей. Оказалось, что господинъ намѣренъ былъ повторить то, что онъ обѣщалъ уже на бывшемъ два года тому назадъ сельскохозяйственномъ съѣздѣ, и что имъ было напечатано въ особой запискѣ. Записка эта очень интересна; въ ней господинъ агрономъ заявляетъ, что онъ получилъ хозяйственное образованіе въ высшемъ агрономическомъ заведеніи, былъ посланъ для усовершенствованія за границу и, наконецъ, завѣдывалъ хозяйствомъ казенной фермы, гдѣ убѣдился, что у насъ не примѣнимы тѣ улучшенные способы полевоздѣлыванія, которые употребляются за границею, что мы не можемъ употреблять улучшенныя орудія, разумѣется, вслѣдствіе „недобросовѣстности русскаго крестьянина“, вслѣдствіе „невѣжества и безсовѣстности“ батраковъ, вслѣдствіе „безотвѣтственности и извѣстныхъ намъ качествъ русскаго крестьянина относительно его пренебреженія и невниманія къ чужой собственности“. Дѣло, видите ли, въ томъ, что, когда агрономъ завѣдывалъ казенной фермой, то съ нимъ случилось то, что случилось со многими хозяевами, которые безъ толку заводили плуги и разныя улучшенныя машины. Оказалось, что орудія и машины не производили того количества работы, которое полагается, что ихъ портили и ломали, что лошади были худы и искалѣчены, что въ рабочемъ сараѣ не было порядка, и орудія сваливались безъ разбору въ кучу, такъ „что часто рабочій, выѣзжая въ поле, опаздывалъ двумя часами, собственно за невозможностію вытащить нужное орудіе; что у него въ „хозяйствѣ пошла ломка орудій, съ ежедневной потерей различныхъ частей снарядовъ и инструментовъ“ и т. д., и т. д. Агрономъ, конечно, свалилъ все на недобросовѣстность, невѣжество и прочія дурныя качества русскаго крестьянина, пришелъ къ убѣжденію, что съ такимъ народомъ ничего не подѣлаешь, и забраковалъ всѣ улучшенныя орудія. Затѣмъ, на основаніи различныхъ соображеній, агрономъ пришолъ къ заключенію, что у насъ не примѣнима плодосмѣнная система, что мы не можемъ сѣять клеверъ, не можемъ употреблять искуственные туки, улучшать скотъ и пр. Такъ что мы должны оставаться при старой трехпольной системѣ хозяйства, отдавать земли на обработку крестьянамъ издѣльно, съ ихъ орудіями и лошадьми, вести такое же скотоводство, какъ прежде, словомъ дѣлать то, что дѣлается нынѣ въ падающихъ годъ отъ году хозяйствахъ. Но, внушая оставаться при старой системѣ хозяйства, агрономъ все таки предлагаетъ нѣкоторыя

улучшенія, которыя должны возвысить доходность имѣній и способствовать увеличенію благосостоянія крестьянъ. Эти улучшенія состоятъ въ томъ, чтобы вывозить навозъ зимой, и пахать яровое поле на зиму. Объ этомъ-то собственно и было сдѣлано сообщеніе. Ну, разумѣется, поспорили: нельзя же—все таки засѣданіе общества!

Вся эта поѣздка мнѣ обошлась 28 р. 50 к., то есть 4 куля ржи, или 9 кулей овса. Чему же я за эту сумму научился? что узналъ полезнаго?

А то, что и выставки, и съѣзды сельскихъ хозяевъ, и сельскохозяйственныя общества не болѣе, какъ „отрадныя явленія“, такія же, какъ приговоры о школахъ, объ уничтоженіи кабаковъ и пр.

Прискорбно однако видѣть, что есть, подобно мнѣ, люди, которые вѣрятъ и въ выставки, и въ съѣзды, и въ отчеты. А какой отчетъ написанъ о нашей выставкѣ!!

V.

Я отпраздновалъ пятую годовщину...

Зима, въ нынѣшнемъ году, такая же лютая, какъ въ 1880—71. Морозы стоятъ страшные — птицы замерзаютъ. Декабрь. Въ пять часовъ уже темно...

Я возвратился со скотнаго двора, выслушалъ отчеты старосты, сдѣлалъ распоряженія назавтра, записалъ приходъ, расходъ, умолотъ и пр., напился чаю, спросилъ уроки у дѣтей, и въ восемь часовъ...

„Выпивъ водочки и поужинавъ“, ложусь спать. Этой же фразой начиналось и мое первое письмо „изъ деревни“; но пріятель, котораго я просилъ передать письмо въ редакцію, вычеркнулъ слова „выпивъ водочки“. Вышло, по моему, нескладно, а главное — невѣрно, потому: кто же въ деревнѣ, будучи настолько богатъ, чтобы всегда имѣть на дому водку, ложится спать, не выпивъ ея за ужиномъ? Ясно, пріятель вычеркнулъ эти слова, желая меня соблюсти; извѣстно, что у насъ, если кто потеряетъ мѣсто и очутися безъ службы, да къ тому же, попадетъ въ деревню, то онъ никакого дѣла себѣ найти не можетъ, отъ скуки начинаетъ пить и спивается, точно такъ же, какъ, обратно, мужикъ обыкновенно спивается, если попадетъ на службу, гдѣ у него никакого настоящаго дѣла нѣтъ. Пріятель, должно быть, боялся, чтобы не подумали, что я сдѣлался въ деревнѣ пьяницей и, *соблюдая меня*, зачеркнулъ „выпивъ водочки“: обыкновенно всѣ начинаютъ съ того, что выпиваютъ только за ужиномъ, потомъ привыкаютъ выпивать и за обѣдомъ, потомъ, мало-по-малу, привыкаютъ

опохмѣлятся утромъ, а разъ человѣкъ сталь опохмѣляться — не даромъ говорится: „пей, да не опохмѣляйся“ — и утромъ, на тощакъ, вмѣсто чаю, пить водку—кончено; разумѣется, кончено для человѣка, который не работаетъ. Работающему мужику нипочемъ, даже полезно, выпить стаканъ водки въ пять часовъ утра, передъ завтракомъ.

Теперь за меня опасаться нечего, соблюдать меня не нужно; потому что прошло уже пять лѣтъ, и я не спился, несмотря на то, что въ Петербургѣ, передъ отъѣздомъ, многіе предсказывали мнѣ такой конецъ. Конечно, я пью, и даже не водку, а „вино“, въ акцизномъ значеніи этого слова, а говорятъ, акцизное то вино и имѣетъ свойство дѣлать людей пьяницами и развивать „запой“, который неизвѣстенъ въ чужихъ странахъ, гдѣ пьютъ настоящее, а не акцизное вино; выпиваю рюмку - другую за обѣдомъ; нужно же что нибудь пить, когда настоящаго вина нѣтъ; выпиваю и за ужиномъ, но, все-таки, не спился, потому что никогда не опохмѣляюсь, а отпиваюсь по утрамъ чаемъ. Поэтому, желая вновь описать мой зимній день, нисколько не опасаясь, начинаю:

...Выпивъ водочки и поужинавъ, я ложусь спать, уложивъ предварительно дѣтей, изъ коихъ младшій—спитъ въ моей комнатѣ, рядомъ со мною, и ночью находится спеціально подъ моимъ надзоромъ, потому что у меня нѣтъ ни няньки, ни гувернантки. Засыпая, я уже не мечтаю теперь о клеверѣ, потому что мечты исполнились и клеверныя поля существуютъ въ Батищевѣ; теперь загады мои идутъ далѣе, и я мечтаю какъ бы устроить винокуренный заводецъ, и устрою, когда акцизное дѣло будетъ настоящимъ образомъ установлено, такъ что можно будетъ разсчитывать на что нибудь вѣрное. Сплю я спокойно, ничто не нарушаетъ мой покой; не слышно даже отрывистаго лая Лыски, котораго, увы! уже нѣтъ на свѣтѣ. Да, Лыски уже не существуетъ, и причиною этому я—я, внесшій новые элементы въ мирную жизнь прежнихъ обитателей Батищева. Какъ ни хитеръ, какъ ни остороженъ былъ старый Лыска, но все же попался таки на зубы волку, а всему я причиной; какая, казалось бы, связь могла существовать между мною, жившимъ въ Петербургѣ, и Лыской, жившемъ въ какомъ то уединеннымъ Батищевѣ? а вотъ же! не попади я изъ Петербурга въ Батищево, не расширь я своего хозяйства, не разведи я разныхъ новшествъ, жилъ бы да жилъ старикъ-Лыска и мирно бы почилъ между поленицами дровъ, за овиномъ; конечно, и Лыска виноватъ, потому что, живи онъ по старому, не увлекайся, былъ бы до сихъ поръ здравъ и невредимъ; но увлекаться такъ свойственно нетолько собакѣ, а и человѣку, одаренному высшимъ разу-

момъ. Да, бѣдный Лыска, дорого поплатился ты за свои увлеченія на старости лѣтъ!

Прежде, когда въ Батищевѣ, кромѣ меня, жилъ только староста, скотникъ и Сидоръ, какъ мы жили, когда я описалъ въ моемъ первомъ письмѣ, у насъ была всего только одна собака—старый Лыска. Жилъ тогда Лыска въ сѣняхъ старухиной избы, которыя на ночь аккуратно запирались; поэтому Лыска, чуя волковъ, могъ брехать, но волки ему ничего сдѣлать не могли, такъ какъ двери запирались плотно. Днемъ Лыска далеко не отходилъ, иногда развѣ, если старуха поскупится бросить ему хлѣба—тогда старуха и Иванъ жили на своемъ хлѣбѣ — побѣжитъ онъ, поднявши хвостъ крючкомъ, мелкой рысцой, на мельницу, поѣстъ тамъ мучной пыли, напьется въ рѣчкѣ, а потомъ сейчасъ же вернется домой, ляжетъ около избы и брешетъ на проѣзжающихъ. Уменъ онъ былъ удивительно: никогда никого не укуситъ, но зато никого и не пропуститъ; чуть только заслышитъ колокольчикъ или стукъ телѣги—намъ часто и не слышно еще—тотчасъ начинаетъ, лежа, отрывисто побрехивать; вотъ колокольчикъ ближе и ближе, Лыска встаетъ, рысцой бѣжитъ къ полевымъ воротцамъ, встрѣчаетъ проѣзжающаго съ громкимъ лаемъ, провожаетъ его по усадьбѣ и, затѣмъ, опять возвращается на свое мѣсто. Никогда онъ не злился, никогда не бросался подъ ноги лошадямъ, ни къ кому съ лаемъ не приставалъ,—умнѣйшая собака былъ и совершенно хорошо понималъ, что его дѣло—только брехать и тѣмъ давать знать хозяину, что кто-то идетъ или ѣдетъ. Свой колокольчикъ, стукъ своей телѣги, своихъ лошадей Лыска зналъ отлично и никогда не лаялъ на своихъ, какъ замѣнившія его глупыя молодыя собаченки, которыя лаютъ и на чужого, и на своего, даже на меня, когда я возвращаюсь домой поздно вечеромъ. Бывало, ждешъ Сидора со станціи; услышимъ колокольчикъ, Лыска не лаетъ—вѣрно, значитъ, Сидоръ ѣдетъ: Лыска узналъ свой колокольчикъ; идешъ навстрѣчу, чтобы поскорѣе получить письма и газеты—это было еще въ то время, когда я вѣрилъ тому, что пишутъ въ газетахъ — а Лыска уже бѣжитъ впередъ и весело виляетъ хвостомъ, точно сказать хочетъ: это—Сидоръ со станціи ѣдетъ и письма тебѣ везетъ. Лыска даже понималъ, когда Сидоръ везетъ письма, а когда нѣтъ; потому что, когда везетъ, то, зная, что это мнѣ доставитъ удовольствіе и что я всегда радуюсь, когда получаю письма, Сидоръ ѣдетъ скорѣе, веселѣе; когда же нѣтъ—ѣдетъ шагомъ. Заслышу, бывало, колокольчикъ; если Лыска весело бѣжитъ къ воротцамъ—бѣгу: навѣрно письма или, по крайней мѣрѣ, журналъ—журналу я тоже всегда особенно радовался; если же Лыска бѣжитъ вяло, мелкой рысцой—и спѣшить не стоитъ: навѣрно

однѣ газеты. И какой удивительный слухъ былъ у этого Лыски — у дворнягъ именно слухъ развитъ, а не чутье, какъ у охотничьихъ собакъ—никогда не ошибется. На что уже тонокъ слухъ у Ивана-старосты: всѣ колокольчики знаетъ, и мирового, и станового, и акцизнаго—вотъ, еслибы Иванъ держалъ кабакъ, поймай его съ виномъ неузаконенной крѣпости! За версту услышитъ, что акцизный ѣдетъ, сейчасъ — бухъ спирту въ бочку: измѣряй, батюшка, градусы; а уѣхалъ—опять водицы можно подбавить—и ѳединскаго барина, и волостного; но все-таки, Иванъ колокольчикъ бардинской барыни отъ нашего отличить не можетъ, а Лыска отличаетъ. Подъ вечеръ Лыска никуда не выходилъ, развѣ лѣтомъ иногда — Лыска отлично зналъ, что лѣтомъ волковъ бояться нечего — зайдетъ въ домъ, выпроситъ себѣ какой нибудь кусочекъ, съѣстъ и пойдетъ на свое мѣсто, къ старухиной избѣ; зимой же Лыска даже въ домъ не ходилъ: съ ранняго вечера, въ сумерки, заберется въ сѣни старухиной избы и, чуть заслышитъ волка, отрывисто побрехиваетъ въ сѣняхъ, не высовывая оттуда носа. Умнѣйшая былъ собака и дожилъ бы до глубокой старости, не случись со мною того, что случилось.

Пріѣхалъ я, началъ разводить хозяйство—и все измѣнилось. Первую зиму я прожилъ въ Батищевѣ при тѣхъ же условіяхъ, какъ жили прежде; но, съ наступленіемъ весны, пошли перемѣны: быковъ, которые дотолѣ содержались въ имѣніи, я замѣнилъ коровами; слѣдовательно, пошли молочные скопы, выпойка телятъ; завелъ пару лошадей, овецъ, свиней, куръ, утокъ, словомъ—господскій домъ сталъ заводиться. Народу прибавилось, прибавилось и запашки, потому что начали драть пустяки подъ ленъ, пошли во всемъ новые порядки. Скотнику понадобилась собака: и въ полѣ, около овецъ, безъ собаки нехорошо, и дома, когда есть лошади, телята и проч., безъ собаки нельзя. Да и староста тоже говорилъ, что, разъ у насъ теперь будетъ большое заведеніе — безъ собакъ нельзя, потому что сторожу одному не усмотрѣть, а держать двухъ сторожей дорого будетъ стоить, да и двоимъ-то такъ не укараулить, какъ укараулятъ собаки. Поговорили и рѣшили развести собакъ. Скотникъ досталъ откуда-то щенка-сучку. Мы рѣшили взять сучку, во-первыхъ, для того, чтобы имѣть свой заводъ собакъ; во-вторыхъ, потому, что на скотномъ дворѣ безъ сучки не хорошо: обыкновенно, когда корова отелится и схолится, скотникъ выкидываетъ послѣдъ на задворокъ своей избы, гдѣ онъ поѣдается собаками, а есть примѣта, что если послѣдъ съѣстъ сучка, то корова слѣдующій разъ телитъ телочку, а если послѣдъ съѣстъ кобель—то бычка; такъ какъ каждый желаетъ, чтобы у него

родились телочки, то, поэтому, на скотномъ дворѣ нужно держать сучку.

До сихъ поръ, Лыска жилъ отшельникомъ, далѣе мельницы никуда не ходилъ, даже въ ближайшія сосѣднія деревни на собачьи свадьбы никогда не бѣгалъ. Правда, окрестныя сучки относились къ нашему Лыскѣ съ уваженіемъ, и каждая, заведя свадьбу, забѣгала къ намъ; но Лыска, относясь къ посѣтительницамъ любезно, никогда не увлекался и, когда сучка, справивъ свадьбу на нашемъ огородѣ, убѣгала далѣе, то Лыска никогда за нею не уходилъ, а оставался дома, при своей должности.

Завелъ скотникъ сучку, и жизнь Лыски совершенно измѣнилась. Прошло лѣто, наступила осень, поставили скотъ на станъ, скотникова сучка стала потираться около старухиной избы, гдѣ теперь была устроена общая застольная, въ которой обѣдали: старуха, Иванъ, Сидоръ, Савельичъ, Авдотья, солдатка и другіе. Понятно, что сучкѣ около скотника, который былъ на отсыпномъ и дорожилъ своимъ хлѣбомъ, было менѣе поживы, чѣмъ въ моей застольной, гдѣ хлѣбъ вольный. Мало-по-малу, сучка совсѣмъ отвыкла отъ скотниковой избы, переселилась въ застольную и только ночевать ходила на скотный дворъ въ солому. Между тѣмъ, Лыска попривыкъ, привязался къ сучкѣ и сталъ менѣе остороженъ. Ѣдетъ кто-нибудь, Лыска еще издалека услышитъ, брехнетъ разъ другой; сучка, которая возилась гдѣ нибудь на задворкахъ съ ребятами, какъ сумасшедшая, съ лаемъ летитъ къ нему на помощь, бросается на встрѣчу проѣзжающимъ, провожаетъ ихъ чуть не съ версту. Лыска, разумѣется, тоже увлекается, тоже бѣжитъ трюшкомъ за экипажемъ... а потомъ сучка — хочется ей, по младости, рѣзвиться—начинаетъ возиться съ Лыской, прыгаетъ около него, хватаетъ за морду, за ноги, вызываетъ бороться, играть; Лыска рычитъ, виляя хвостомъ, но не уходитъ; мало-по-малу, самъ старикъ увлекается, и начинается собачья возня за амбарами, а тутъ, смотришь, кто нибудь ѣдетъ — началъ Лыска и частенько прозевывать — нужно лаять; сучка опять несется за экипажемъ, а за нею труситъ старикъ.

Между тѣмъ, къ зимѣ коровы стали телиться. Отелится корова, схолится, скотникъ выкинетъ мѣсто на задворокъ, чтобы сучка съѣла; теленокъ околѣетъ, скотникъ облупитъ и тоже за избу выкинетъ, собакамъ на пропитанье. А телятинка, да еще сырая, не въ примѣръ вкуснѣе, чѣмъ хлѣбныя корки, которыя даетъ собакамъ въ застольной старуха; повадился и Лыска ходить къ скотной. Поѣстъ телятинки, что останется—зароетъ въ снѣгъ или въ солому, чтобы воронье не растаскало, покатается въ снѣгу и ляжетъ отдыхать на соломѣ, рядомъ

съ сучкой. Сдружился Лыска съ сучкой, сталъ похаживать ночевать къ ней въ солому: скучно стало спать одному въ сѣняхъ старухиной избы; какъ отъужинаютъ въ застольной—смотришь, сучка уже летитъ на скотный дворъ, а за нею рысцой бѣжитъ Лыска.

Первая зима прошла благополучно; волки ни разу даже близко не подходили, хотя въ шести верстахъ отъ меня волки нетолько собакъ переловили, но одинъ изъ нихъ, бѣшеный, перекусалъ людей, такъ что нѣсколько человѣкъ умерли, и спасся только одинъ, который, будучи легко раненъ, прибѣжалъ тотчасъ къ намъ въ деревню—я его видѣлъ и никогда выраженія испуга на его лицѣ не забуду, да и какъ не испугаться, зная, что черезъ нѣсколько дней взбѣсишься?—къ старику-пруднику Андріану, чтобы тотъ заговорилъ рану; хотя Андріанъ и отказался заговорить, объяснивъ, что онъ можетъ заговаривать только отъ укушенія бѣшеной собаки, но отъ укушенія бѣшенаго звѣря не можетъ: силы ему такой не дано; однако, указалъ другого старика, который успѣлъ заговорить во время, и мужикъ остался живъ.

Въ мартѣ сучка сыграла свадьбу и, нужно отдать ей справедливость, не измѣнила старому другу; всѣ набѣжавшіе изъ сосѣднихъ деревень женихи получили отказъ. Когда сучка щенилась, общимъ совѣтомъ мы рѣшили оставить одного щенка, потому что заводъ хорошъ, и выбрали самаго крупнаго кобелька—какъ двѣ капли старикъ Лыска. Кобелекъ этотъ былъ причиною многихъ несчастій.

Сучка, разумѣется, отлично выкормила одного щенка, потомъ, въ іюнѣ, пріѣхалъ на каникулы мой сынъ, а у ребятъ, извѣстно, первое дѣло—играть со щенками, а играя, разумѣется, что самъ ѣстъ, то и щенку. Откормили щенка на славу и, не знаю какъ, прозвали Цурикомъ; сначала манили „цуцу-цуцу“, потомъ „цуцикъ“, потомъ „цурикъ“; такъ и осталось прозвище Цурикъ. Песъ вышелъ огромный, толстый, съ длинною шерстью, сильный и умный, но до крайности лѣнивый; сначала Цурикъ вздумалъ было глупить: кусаться втихомолку началъ; лежитъ, бывало, подлѣ дома, около крыльца, идетъ кто нибудь чужой, не брехнетъ, пропуститъ мимо себя, а какъ тотъ взойдетъ на крыльцо, сейчасъ бросится безъ лая, схватитъ сзади за полу и потянетъ внизъ, такъ что иной отъ неожиданнаго нападенія слетитъ съ крыльца. Однако, Савельичъ, который удивительный мастеръ школить собакъ и кошекъ, скоро отучилъ Цурика кусаться—и прелестнѣйшій песъ сталъ. Однимъ былъ нехорошъ: лѣнивъ былъ очень; лежитъ, бывало, посреди двора, и чуть заслышитъ что нибудь, а слухъ у него былъ не хуже, чѣмъ у старика Лыски, брехнетъ раза два и завоетъ отъ лѣни, да такъ громко и протяжно. Я

увѣренъ, что Цурикъ вылъ отъ лѣни; какъ умный песъ, онъ понималъ, что долженъ брехать, когда что нибудь услышитъ, но брехать лѣнь—брехнетъ и завоетъ, опять брехнетъ и тянетъ. Иванъ, однако, думалъ иначе. Ивану это вытье Цурика очень не нравилось и, не заступись я, онъ бы его непремѣнно застрѣлилъ. „Навоетъ онъ намъ, постоянно твердилъ Иванъ:—ахъ, ужь какъ я этого вытья не люблю всѣмъ песъ хорошъ, да только держать его не слѣдуетъ“.

— Да это онъ отъ лѣни воетъ.

— Нѣтъ. И кому это онъ воетъ: на смерть кому, или на несчастье какое, или на пожаръ? и все, поднявши голову, воетъ: не себѣ, значитъ, а кому нибудь другому.

— Пустяки, отъ лѣни воетъ.

— Не говорите, А. Н., были у насъ примѣры. Старый нашъ баринъ охотникъ былъ до собакъ; сетерокъ у него былъ преотличнѣйшій и что же бы вы думали? вдругъ сталъ выть, всю зиму вылъ, а весною „Положенье“ вышло. Баринъ тоже все не вѣрилъ, а какъ случилось, такъ и говоритъ мнѣ: „правда твоя — вотъ онъ къ чему вылъ“. Вотъ и у насъ тоже, передъ смертью брата, сучка все выла. Я и застрѣлилъ ее, а все таки братъ умеръ, потомъ его жена померла.

Разъ—это было на страстной—въ числѣ разныхъ бумагъ, сотскій принесъ мнѣ повѣстку. Я прочиталъ: Савельича требуютъ въ станъ для выслушанія объявленія прокурора К. окружного суда. Я удивился, какія такія дѣла могутъ быть у Савельича въ окружномъ судѣ. Выхожу въ кухню.

— Какія это, Савельичъ, у тебя дѣла въ К. окружномъ судѣ?

Савельичъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Повѣстку принесли, требуютъ тебя въ станъ для выслушанія объявленія приговора К. окружнаго суда. Какое это у тебя тамъ дѣло?

Савельичъ сконфузился и началъ усиленно тереть рукою лысину—признакъ, что онъ находится въ волненіи. Я сталъ разспрашивать; оказалось, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Савельичъ собиралъ на церковь, на какомъ-то постояломъ дворѣ въ К. губерніи у него украли кружку съ собранными деньгами, о чемъ онъ тутъ же заявилъ становому приставу. Савельичъ подробно разсказалъ, какъ у него, во время сна, украли кружку, въ которой было рубля два серебряныхъ денегъ, какъ онъ пожаловался становому, какъ его потомъ уже разъ требовали къ слѣдователю.

— Зачѣмъ же вы жаловались? замѣтилъ Иванъ, который Савельичу всегда почтительно говоритъ „вы“.

— Разсердился очень, потому что прямо изъ подъ рукъ унесли.

— Эхъ вы! а еще бывалый человѣкъ, у генерала служили. Ну, вотъ и отвѣчайте теперь. Маленькій судокъ—безъ хлѣба годокъ.

Савельичъ былъ сильно взволнованъ и въ первый разъ за все время своей службы попросилъ у меня денегъ на случай. Я далъ ему денегъ и старался объяснить, что ему нечего бояться, что отвѣчать ему не придется, что его могутъ вызвать только въ качествѣ свидѣтеля, вообще, старался успокоить. Однако, я и самъ не зналъ: не могутъ ли потребовать Савельича, хотя бы и въ качествѣ свидѣтеля, въ К.? какъ его туда доставятъ? кто его тамъ будетъ кормить? не придется ли ему идти туда по этапу или такъ какъ нибудь, питаясь христовымъ именемъ! Желѣзной дороги въ К. нѣтъ— не на почтовыхъ же поѣдетъ Савельичъ? Конечно, всѣ эти сомнѣнія Савельичу я не высказалъ, чтобы не обезпокоить старика, обѣщалъ не оставить его и предполагалъ, когда дѣло выяснится, съѣздить въ станъ или, если понадобится, въ городъ. Тутъ, уже не въ первый разъ, живя въ деревнѣ, я пожалѣтъ, что не обладаю даже такими элементарными юридическими познаніями.

Савельичъ, казалось, успокоился, и мы рѣшили, что онъ пойдетъ въ станъ на другой день праздника; но это спокойствіе было только кажущееся... И праздникъ вышелъ Савельичу не въ праздникъ, и страстную субботу, и первый день праздника, Савельичъ пролежалъ на печкѣ—голова, говорилъ, болитъ—только и слѣзъ съ печи разъ, когда „святыхъ“ принесли. Даже никакого особеннаго торта мнѣ къ празднику не приготовилъ!

На второй день праздника я уѣхалъ въ гости, а Савельичъ безъ меня ушелъ въ станъ. Вечеромъ, когда я возвратился домой, Иванъ доложилъ, что Савельичъ ушелъ.

— Не знаю, какъ дотащится старикъ, очень уже осунулся за эти дни—вѣдь онъ все время на печкѣ лежалъ, почесть ничего не ѣлъ, даже порцію на розговинахъ не выпилъ. Сегодня, какъ сталъ со всѣми прощаться—заплакалъ. Имущество свое—халатъ и сумочку мнѣ придовѣрилъ, просилъ, если не вернется, прислать къ нему въ острогъ. Собачку его, Шумилу, просилъ беречь. Вотъ оно, кому Цурикъ вылъ! прибавилъ Иванъ.

Жалко мнѣ было старика; я и не подозрѣвалъ, что онъ именно отъ тоски и безпокойства пролежалъ праздникъ на печкѣ. И эта забота о своемъ имуществѣ!.. а все имущество, съ которымъ Савельичъ пришелъ ко мнѣ и которое во время его жизни у меня нисколько не пріумножилось, состоитъ и стараго побурѣвшаго малиноваго халата и клеенчатой сумочки, набитой разной дрянью и, главнымъ обра-

зомъ, обрѣзками разноцвѣтной бумаги, которую Савельичъ употребляетъ для украшенія приготовляемыхъ имъ въ торжественныхъ случаяхъ конфектъ.

Оказалось, однако, что Цурикъ вылъ не Савельичу. Черезъ нѣсколько дней Савельичъ вернулся домой веселый, радостный, здоровый, даже нѣсколько подгулявшій — ему объявили, что дѣло прекращено.

Савельичъ до сихъ поръ живетъ у меня, и человѣкъ онъ для меня очень полезный: моетъ столовую посуду, ставитъ самоваръ, топитъ печи. Лѣтомъ, когда соберутся дѣти, да еще подъѣдетъ кто нибудь изъ петербургскихъ друзей, мыть посуду и ставить самоваръ— дѣло не шуточное, потому что ежедневно приходится поставить не менѣе семи самоваровъ, и Савельичъ все это успѣваетъ дѣлать, „потому что презвычаенъ къ этому, говоритъ Авдотья: — его въ Петербургѣ, когда у генерала служилъ, пріучили—ихъ баринъ, вѣдь, строгій былъ". Зимою, главное занятіе Савельича—топить печи въ домѣ, на что онъ удивительный мастеръ, „оттого, что на градусы смотрѣть умѣетъ", говоритъ Матрена, молодая баба—теперь жена Сидора, которую я взялъ въ домъ, когда дѣти переѣхали въ деревню—если я въ случаѣ отсутствія Савельича, замѣчу Матренѣ, что она не хорошо вытопила печи. Дѣйствительно, Савельичъ — мастеръ топить печи, и если бы не онъ, то, я думаю, я давно бы замерзъ въ моемъ холодномъ домѣ. Савельичъ всегда съ утра посмотритъ, какова погода, откуда дуетъ вѣтеръ, сколько градусовъ показываетъ термометръ, висящій у меня въ комнатѣ, и, сообразивъ все, соотвѣтственно топитъ печи, свойства которыхъ онъ изучилъ до тонкости; всегда бываетъ достаточно тепло и скорѣе жарко — градусовъ 20 на высотѣ термометра — чѣмъ холодно. Одинъ разъ только въ нынѣшнемъ году Савельичъ оплошалъ. Въ началѣ декабря стояли оттепели, и Савельичъ, разумѣется, топилъ слегка; 14-го декабря было тепло, такъ что, переѣзжая на мелкой быстринкѣ рѣчку парой, гуськомъ, на санкахъ, я провалился, но въ тотъ же день, съ обѣда, стало потягивать вѣтеркомъ отъ Петербурга — самый мерзкій у насъ вѣтеръ; къ вечеру стало подмораживать, и за ночь морозъ, при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ, усилился такъ, что на другой день, 15-го, было уже 25 градусовъ мороза, а 16-го болѣе тридцати градусовъ. Птицы замерзали. Прасолъ, который купилъ у меня скотъ и долженъ былъ къ 17-му пригнать ко мнѣ скотъ, скупленный имъ у разныхъ лицъ, явился, везя на саняхъ двухъ зарѣзанныхъ коровъ, которыя, пройдя пять верстъ, отморозили ноги, а остальной скотъ онъ бросилъ на дорогѣ въ какомъ то господскомъ домѣ. Всѣ работы остановились, потому что не было возможности нетолько возить навозъ, но даже и

въ лѣсъ за дровами ѣхать. Сидоръ, который поѣхалъ было зачѣмъ то въ деревню безъ башлыка, проѣхавъ одну версту, отморозилъ уши, Такъ какъ наканунѣ была оттепель и печи были протоплены слегка, то за ночь домъ сильно охолодалъ—вѣтеръ, главное, пронялъ; поутру Савельичъ схватился топить печи, но, пока онъ ихъ вытопилъ, температура въ комнатахъ понизилась до четырехъ градусовъ тепла; къ вечеру, несмотря на то, что печи были накалены такъ, что дотронуться нельзя было, температура комнаты самой теплой была 8 градусовъ, а къ утру понизилась до шести градусовъ; за ночь цвѣты на окнахъ померзли; мокрый вѣникъ, которымъ Савельичъ мететъ комнаты, оставленный на ночь въ углу комнаты, примерзъ къ полу. Но тутъ уже Савельичъ былъ не виноватъ, потому что кто же могъ предвидѣть, что на другой день оттепели будетъ морозъ въ 25 градусовъ? Однако, бабы, Авдотья и Матрена, которыя вѣчно воюютъ съ Савельичемъ и не любятъ его за то, что онъ учитъ ихъ порядку и называетъ мужичками, на что они отвѣчаютъ: „да, мужички, халуйками не были, панскихъ горшковъ не выносили“, все-таки, не вытерпѣли попрекнули Савельичу: „не усмотрѣлъ градусы, старый“.

А что было на скотномъ дворѣ—упаси Господи! Несмотря на то, что у меня хлѣвы довольно теплые, съ соломенными потолками—все промерзло; коровы стоятъ сгорбившись и трясутся; выпустятъ на водопой — поибѣгутъ, хватятъ немного воды — еще хорошо, что вода ключевая теплая—и назадъ; не знаю, какъ справлялся старикъ-водовозъ, который возитъ воду молодому скоту. Однако, все обошлось благополучно: люди всѣ на скотномъ дворѣ здоровы; ни одна корова ногъ не отморозила; даже голландская, за которую я болѣе всего опасался, потому что она привязана какъ разъ противъ воротъ; ни одинъ теленокъ не замерзъ, и скотъ, хотя похудѣлъ и убавилъ молока, но здоровъ.

Аккуратно исполняя свои занятія, Савельичъ находитъ время сдѣлать кое-что и для себя, „на свои прихоти“, какъ говоритъ Авдотья. То онъ мыло варитъ: собираетъ, при чисткѣ подсвѣчниковъ, стеаринъ, разные огарки, сало изъ кострюль и варитъ мыло. Варитъ онъ мыло по своему: сдѣлаетъ щелокъ, нальетъ въ кострюлю, прибавитъ извести, стеарину и соли и варитъ, пока не получится густая бѣлая масса, которую онъ разливаетъ въ формы. Сколько разъ я объяснялъ Савельичу, что такъ мыло варить негодится, что нужно сдѣлать щелокъ, сварить съ известью, дать отстояться, слить чистый ѣдкій щелокъ, положить въ него стеаринъ, сварить и отсолить, но Савельичъ моимъ совѣтамъ не внимаетъ и продолжаетъ варить по своему.

— Такъ мыла больше выходитъ, говоритъ Савельичъ.

— Да, вѣдь, оно не мылится, никуда не годится, говорю я.

— Ничего. Бабы берутъ и похваливаютъ.

Своимъ мыломъ Савельичъ награждаетъ бабъ и моется самъ.

Вообще, Савельичъ очень любитъ *свои* загады, вѣчно выдумываетъ разныя штуки—„прихоти", какъ говоритъ Авдотья—вѣчно надъ чѣмъ нибудь возится, что нибудь изобрѣтаетъ, строитъ насчетъ своихъ изобрѣтеній воздушные замки, въ Москву собирается, когда потеплѣетъ.

Савельичъ, преимущественно лѣтомъ, въ покосъ, когда всѣ люди заняты, ѣздитъ иногда за письмами на станцію; ѣздитъ онъ обыкновенно на бѣговыхъ дрожкахъ, на маленькой лошадкѣ, которую онъ *самъ* себѣ выбралъ и потому считаетъ лучшею изъ всѣхъ рабочихъ лошадей. Не понравилось ему почему-то ѣздить на дрожкахъ, и вотъ задумалъ онъ сдѣлать себѣ собственный экипажъ; смотрю я какъ-то разъ—мастеритъ себѣ Савельичъ что-то особенное, не то ящикъ, не то кресло—доска, съ трехъ сторонъ колышки вбиты, сидитъ Савельичъ и оплетаетъ между колышками стеблями стараго хмѣля, который срѣзаютъ на зиму.

— Что это, Савельичъ, ты дѣлаешь?

— Штука будетъ; сами увидѣть изволите, когда кончу, что отличнѣйшая штука будетъ, говоритъ самодовольно Савельичъ.

— Это онъ экипажъ себѣ мастеритъ, въ Москву ѣхать хочетъ; продастъ конфекты на Покрова, лошадь себѣ на кожевнѣ купитъ и поѣдетъ свои пряники въ Москвѣ продавать, замѣчаетъ Матрена, проходя мимо.

— А няжъ! дразнитъ ее Савельичъ, разсердившись:—мужло!

— Ну да, мужичка и пр. Начинается перебранка.

Черезъ нѣсколько времени, я послалъ Савельича на станцію. Еще наканунѣ онъ снарядилъ свой экипажъ: взялъ передокъ отъ телеги, поставилъ на него свое кресло—ящичекъ даже подъ сидѣніемъ придѣлалъ: „чтобы Вѣдомости не замочило"—Савельичъ, по старинному, называетъ газеты вѣдомостями—привязалъ веревками. На другой день, утромъ, всѣ собрались смотрѣть, какъ поѣдетъ Савельичъ въ своемъ экипажѣ; Савельичъ нисколько не сконфузился, запрегъ лошадь, сѣлъ въ свое кресло, поставилъ ноги на оглобли и торжественно выѣхалъ съ рабочаго двора.

— Возьми, Савельичъ, корзиночку на колѣни: зачѣмъ добро терять? подставишь лошади подъ хвостъ, когда понадобится, да и штаны чище будутъ, подсмѣялся кто-то.

Однако, Савельичъ съѣздилъ, да еще посылку для сосѣдней ба-

рыни привезъ—ящикъ съ чаемъ. Ящикъ этотъ онъ поставилъ на свое кресло одноколку, а самъ сѣлъ на ящикъ.

Самое любимое дѣло Савельича — приготовлять конфекты и при этомъ изобрѣтать новыя сладости изъ такихъ матеріаловъ, которые, казалось, вовсе не могутъ служить для приготовленія кандитерскихъ издѣлій, напримѣръ, изъ сырыхъ турецкихъ бобовъ. Лишь только у Савельича заведутся деньги, онъ покупаетъ сахаръ или сахарный песокъ, чего Авдотья выносить не можетъ.

— Накупилъ сахару, старый прихотникъ; рубашекъ нѣтъ, а онъ сахаръ покупаетъ. Не давайте вы ему денегъ, А. Н., а лучше холста купите, да прикажите Химѣ ему рубашки сшить.

Купивъ сахару, Савельичъ начинаетъ дѣлать конфекты: леденцы, миндальное печенье, въ которое онъ, вмѣсто миндаля, кладетъ размоченные турецкіе бобы — это изобрѣтеніе Савельича — пряники изъ кукурузы, изъ клюквенныхъ выжимокъ, получаемыхъ при приготовленіи клюквеннаго киселя или морса, изъ ягодъ, которыя служили для настаиванія наливокъ, цукаты изъ лимонныхъ корокъ, тщательно имъ собираемыхъ изъ пунша, который я иногда, когда случится ромъ и лимоны, пью послѣ обѣда и т. п. У Савельича въ коморкѣ всегда мокнетъ и киснетъ въ банкахъ всякая дрянь, которую онъ потомъ передѣлываетъ на конфекты. Наготовивъ товару, Савельичъ отправляется на сельскую ярмарку и тамъ распродаетъ. На вырученныя деньги онъ опять покупаетъ сахару, опять дѣлаетъ конфекты и продаетъ на слѣдующей ярмаркѣ; такъ продолжается, пока не выйдутъ всѣ деньги. Въ концѣ концовъ, торговля эта всегда Савельичу — въ убытокъ: купитъ онъ сахару на рубль, передѣлаетъ на конфекты и продастъ ихъ за 60 копѣекъ; купитъ потомъ сахару на 60 копѣекъ, сдѣлаетъ конфекты и распродастъ за 30 копѣекъ, и такъ до тѣхъ поръ, пока останется копѣекъ 10 на табакъ. Все это происходитъ не оттого, чтобы Савельичъ не умѣлъ разсчесть; напротивъ, онъ превосходно все разсчитываетъ, знаетъ, сколько пошло сахару—при всѣхъ своихъ кандитерскихъ приготовленіяхъ онъ всегда взвѣшиваетъ всѣ матеріалы—сколько приготовлено конфектъ, почемъ слѣдуетъ продать конфекты, чтобы получить рубль на рубль барыша, и, отправляясь на ярмарку, твердо убѣжденъ, что у него товару на два рубля и что онъ заработаетъ рубль за свои труды, но, возвращаясь, приноситъ только 60 копѣекъ. Такая недовыручка происходитъ оттого, что Савельичъ, по своей добротѣ, большую часть товара раздариваетъ своимъ безчисленнымъ знакомымъ, которые всѣ его очень любятъ. Какъ бы то ни было, это приготовленіе и продажа конфектъ состав-

ляетъ величайшее наслажденіе для Савельича — то, что Авдотья называетъ его прихотями.

Своими кандитерскими изобрѣтеніями Савельичъ очень дорожитъ и, сдѣлавъ какое нибудь очень важное, по его мнѣнію, открытіе, обращается даже ко мнѣ. Такъ было, когда онъ открылъ способъ приготовленія миндальныхъ пряниковъ изъ турецкихъ бобовъ.

Сижу я какъ то послѣ обѣда на балконѣ; вдругъ является Савельичъ и подноситъ мнѣ на тарелкѣ бѣлые пряники.

— Извольте откушать.

— Благодарю. Что это, кажется, миндальное печенье?

Савельичъ просвѣтлѣлъ.

— Извольте откушать.

Я попробовалъ; видомъ похоже на миндальное печенье, но вкусомъ — не то.

— Изъ чего же это приготовлено?

— Сами извольте угадать.

Я никакъ не могъ догадаться; но Авдотья, которая недалеко отъ балкона сажала лукъ, не вытерпѣла.

— Это онъ изъ бобовъ дѣлаетъ.

— Изъ какихъ бобовъ?

— Бѣлые бобы размачиваетъ.

— Что же, хорошо, Савельичъ; только для большаго сходства, слѣдовало бы немножко горькаго миндаля прибавлять, то бы духъ миндальный былъ.

Савельичъ согласился и какъ то таинственно сообщилъ мнѣ, что за эту выдумку большія бы деньги дали на московскихъ пряничныхъ заводахъ.

Впослѣдствіе оказалось, что выдумка Савельича не такъ хороша, какъ показалась сначала; во-первыхъ, когда пряники высохли, то ихъ невозможно было разжевать; а во-вторыхъ, сырые турецкіе бобы производятъ тошноту и даже рвоту.

Савельичъ, однако, не упалъ духомъ и, оставивъ приготовленіе пряниковъ, занялся изобрѣтеніемъ какого то особеннаго сбитня; цѣлое лѣто онъ собиралъ травы и мастерилъ свой собственный чайникъ изъ жести отъ сардиночныхъ коробокъ; осенью, во время рекрутскаго набора, онъ думалъ идти въ городъ торговать сбитнемъ, но дѣло какъ то не состоялось.

Иногда Савельичъ вдругъ вздумаетъ путешествовать—скучно ему станетъ или бабы ужъ его очень проберутъ — и соберется или къ сестрѣ, куда то подъ Вязьму, или къ родственникамъ какимъ то подъ Ярцево и уйдетъ. Обыкновенно, черезъ недѣлю онъ возвращается из-

мученный, больной, перемерзшій—сталъ и слабъ уже становится—и опять принимается за свое дѣло: полы мететъ, сапоги чиститъ, самовары ставитъ, печи топитъ. Между тѣмъ, бабы, попробовавъ, каково имъ безъ Савельича, котораго они постоянно укоряютъ, что онъ — только комнатный слуга и ничего не дѣлаетъ, притихаютъ, и водворяется миръ.

Лѣтомъ, Цурикъ не вылъ и мало проживалъ дома — постоянно находился съ рабочими въ полѣ и на покосѣ, который я арендовалъ на Днѣпрѣ, верстахъ въ семи отъ моего имѣнія. Наступила осень, и Цурикъ опять началъ выть, и на этотъ разъ навылъ. Хозяйство мое въ эту пору расширилось, и насколько расширилось, можно судить по слѣдующимъ даннымъ.

Въ 1871 году, поступило въ кассу 1,562 рубля, а выпущено изъ кассы 1,453 рубля—всего обернулось 3,015 рублей.

Въ 1874 году, поступило 6,047 рублей, а выпущено 5,839 руб.—всего обернулось 11,886 рублей.

Такъ какъ изъ этой суммы расхода лишь незначительная часть идетъ на покупку въ городѣ чая, сахара, табаку и прочихъ необходимыхъ предметовъ — сумма эта мало измѣнилась отъ 1871 до 1874 года — то большая часть расходуемыхъ денегъ уплачивается тутъ же на мѣстѣ, за работы. Понятно, что мѣсто оживилось, и въ Батищевѣ стало люднѣе. Случается иногда, что, по воскресеньямъ, я съ утра до вечера не покидаю счетовъ — то и дѣло выплачиваю или получаю: тотъ пріѣхалъ ржи купить, другой привезъ жмыхи, третій пришелъ просить денегъ подъ работу или нанимается въ батраки и т. д. Народу въ домѣ прибавилось—теперь въ застольной, даже зимою, рѣдко садится за столъ менѣе 25 человѣкъ—сдѣлалось и люднѣе, и шумнѣе. Казалось бы, безопаснѣе должно быть отъ звѣря — анъ вышло наоборотъ: волки, должно быть, дневнаго шума не боятся, а ночью, хотя и много народа, все-таки, царствуетъ мертвая тишина — потому что ночного пьянства и дебоша въ усадьбѣ я не допускаю—и, надѣясь на большую добычу, льнутъ къ такому мѣсту, гдѣ чуютъ болѣе собакъ, птицы и всякаго скота; другіе хищники, которыми изобиловало Батищево, напримѣръ, совы — первый годъ совы жили даже на чердакѣ дома — коршуны, хорьки, одичавшіе коты, которые жили въ амбарахъ и сараяхъ, и т. п. перевелись; но за то воронья показалось множество, а за нимъ и волки тутъ то и стали рыскать около самаго дома.

Первымъ попался старый Лыска—осторожный, чуткій Лыска; волки схватили его не далѣе, какъ въ пятидесяти шагахъ отъ застольной, вечеромъ, когда еще спать не ложились, въ то время, когда онъ,

послѣ того, какъ отъужинали въ застольной, шелъ спать въ солому. Черезъ нѣсколько дней, попался и Цурикъ: этого волки взяли, когда еще не отъужинали въ застольной и весь народъ былъ въ сборѣ; заслышавъ возню и догадавшись, что волки пришли брать собаку, батраки выскочили изъ избы—смѣлость русскаго человѣка извѣстна: въ такихъ случаяхъ, всѣ выскакиваютъ на помощь собакамъ съ голыми руками, безъ всякаго оружія; развѣ полѣно дровъ кому попадется, вслѣдствіе чего бываетъ, если случится бѣшеный волкъ, множество пораненыхъ, о чемъ такъ часто сообщаютъ газеты. Услыхавъ шумъ, волки испугались и бросились въ разсыпную, люди бросились за ними въ ту сторону, куда побѣжало больше волковъ, и не замѣтили, какъ неопытный Цурикъ погнался за однимъ волкомъ, который выправился по дорогѣ въ деревню. Увидавъ, что нѣтъ людской погони, волкъ, среди улицы въ деревнѣ, схватился съ Цурикомъ; долго они боролись — все это видѣла баба-бобылка, противъ избушки которой происходила борьба. Цурикъ не поддавался и даже бралъ верхъ надъ волкомъ, молодой волчишка, должно быть, былъ, но подоспѣли товарищи волка и разтерзали Цурика.

Уцѣлѣла только хитрая и проученная опытомъ погибели ея товарищей сучка. Иванъ успокоился и все твердилъ: вотъ оно, кому навылъ Цурикъ,—вы думали, что онъ отъ лѣни воетъ.

Весною, сучка наплодила опять цѣлую кучу щенковъ, изъ которыхъ выбрали двухъ; дѣти выкормили этихъ щенковъ на славу и прозвали одного Полканомъ, а другаго Лайкой. Къ зимѣ у насъ опять было три собаки. Хитрая сучка научила и щенковъ осторожножности. Долгое время, волки, которымъ опять хотѣлось попользоваться чѣмъ нибудь въ нашей усадьбѣ, хитростію старались заманить собакъ; но всѣ хитрости ихъ не удались: сучка не поддавалась и, почуявъ волка, вмѣстѣ со щенками пряталась въ сѣни, которыя нарочно оставляли на ночь открытыми. Иванъ чуть не каждый день водилъ меня и дѣтей на огородъ показывать по слѣдамъ, какъ хитрятъ волки, гдѣ у нихъ была засада, гдѣ ходилъ волкъ, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы выманить собакъ, и при этомъ все твердилъ:

— Доберутся волки до собакъ—я волчью манеру знаю: когда увидятъ, что хитростію нельзя выманить собакъ, штурмой придутъ брать.

И дѣйствительно, волки штурмой пришли брать собакъ, цѣлымъ стадомъ пришли, штукъ двѣнадцать. Схватили Лайку и Полкана на завалинѣ, подъ окномъ старухиной избы — Лайку унесли, а Полкана выскочившій на шумъ Иванъ успѣлъ отбить, но уже мертваго, съ

вырваннымъ брюхомъ. Сучка уцѣлѣла, но, наконецъ, и она таки попалась на зубы волкамъ, и въ такое время, когда менѣе всего этого было возможно ожидать — весною, на самаго Егорья.

Когда мы сообщили сыну о горестной потерѣ Полкана и Лайки, его выкормленниковъ, то онъ, какъ истый классическій гимназистъ, отвѣчалъ намъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

Ante die nono Calendas Martiales
Anno MDCCCLXXV post Christum Natum

„Я получилъ твое письмо. Невозможно описать той горести, которую я испыталъ, узнавши о смерти доблестныхъ защитниковъ нашей родины, героя Полкана и Лайки. Горацій сказалъ, что *dulce et decorum est pro patria mori*. Но, вѣдь, Грацій не испыталъ этого удовольствія и потому не зналъ, каково оно. Можетъ быть, оно и *decorum*, но вѣроятно не *dulce*. Кланяйся Лыскѣ, ребятамъ, Ивану и т. д.

Salve soror!!
Ѣшь блины и толстѣй

Frater tuus"

А мы то, въ эти года, нетолько не знали, что *dulce et decorum est pro patria mori*, но даже и того не знали, что существовалъ когда то Горацій.

Нужно отдать справедливость: хорошо теперь учатъ въ гимназіяхъ. Одно только меня безпокоитъ, что мальчикъ, пріѣхавъ на лѣто въ деревню, гдѣ слѣдовало бы ему бѣгать, укрѣплять силы и набираться здоровья на вольномъ воздухѣ—вѣдь, придется же ему когда-нибудь отбывать солдатскую службу—цѣлые дни проводитъ за книгами, дѣлаетъ какія-то выписки и только по праздникамъ, когда деревенскіе ребята, свободные отъ работы, соберутся къ нему, уходитъ съ ними куда-нибудь въ лѣсъ, на луга, гдѣ у нихъ идутъ разныя игры. Впрочемъ, вліяніе деревни и ребятъ отчасти отразилось и, рисуя битвы героевъ, что, между прочимъ, есть одно изъ его любимыхъ занятій, мальчикъ, беретъ сюжеты болѣе изъ современной жизни и изображаетъ на своихъ картинахъ Бисмарка и Мольтке, улепетывающими отъ русскихъ мужиковъ, которые гонятся за ними съ топорами и вилами въ рукахъ. Странно только, что, проживая каждое лѣто въ деревнѣ, гдѣ все пропитано хозяйственными интересами, мальчикъ нисколько хозяйствомъ не интересуется и до сихъ поръ, кажется, не умѣетъ отличить ячменя отъ овса, не знаетъ, какъ обработывается паровое поле, никогда не бываетъ на скотномъ дворѣ, которымъ я интересуюсь болѣе всего.

Послѣ погибели сучки, мы остались безъ собакъ, однако, не на-

долго. Теперь у насъ опять цѣлая стая: мѣсто старика Лыски занялъ старый песъ Крюкъ, который забѣжалъ къ намъ откуда-то и прижился около застольной; сторожъ завелъ новую сучку; Иванъ завелъ пару гончихъ; у Савельича есть Шумила; у дочери есть сетерокъ—Мильтонъ; у меня мой вѣрный песъ Пегасъ — замѣчательный песъ, который любитъ меня какъ никто, для котораго величайшее наслажденіе въ мірѣ — находиться подлѣ меня, который тоскуетъ и страдаетъ, если онъ не ощущаетъ моего присутствія. Пегасъ этотъ— собака ума замѣчательнаго; чутье у него удивительно. Вотъ нѣсколько интересныхъ чертъ сообразительности Пегаса. Я ѣду верхомъ по лѣсу, по пустошамъ, съ Иваномъ и другими; Пегасъ бѣгаетъ и гоняется за тетеревами, но никогда не потеряетъ слѣда моей лошади. Разъ я сѣлъ на лошадь, и Пегасъ понюхалъ слѣдъ лошади, на которую я сѣлъ, онъ уже знаетъ этотъ слѣдъ и, когда мы на пустоши разъѣдемся съ Иваномъ, всегда онъ будетъ искать слѣдъ именно моей лошади; если мы перемѣнимся съ Иваномъ лошадьми, то Пегасъ, догнавъ Ивана и увидавъ, что онъ ѣдетъ на моей лошади, возвращается назадъ, отыскиваетъ то мѣсто, гдѣ я пересѣлъ на другую лошадь, и по слѣду этой лошади находитъ меня. Однажды я поѣхалъ зимой въ деревню, а Пегаса оставилъ дома; черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ я пріѣхалъ въ деревню, вдругъ вижу Пегаса, который вертится около избы, въ которой я сидѣлъ. Савельичъ мнѣ потомъ разсказалъ, что онъ выпустилъ Пегаса, нѣсколько времени спустя послѣ моего отъѣзда, и видѣлъ, какъ онъ обнюхалъ мой слѣдъ, обнюхалъ то мѣсто, гдѣ стояли сани, въ которыя я сѣлъ, понюхалъ слѣдъ моей лошади и, сдѣлавъ нѣсколько круговъ по двору, выправился по слѣду моей лошади; въ деревнѣ онъ отличилъ слѣдъ моей лошади, хотя онъ не зналъ, на какой я поѣхалъ, отъ множества слѣдовъ другихъ лошадей—въ деревнѣ была Никольщина — и прибѣжалъ именно въ ту избу, гдѣ я находился. Пегасъ по платью, которое я надѣваю, знаетъ, возьму я его съ собою, или нѣтъ; если я надѣваю полушубокъ, значитъ иду по хозяйству; Пегасъ прыгаетъ, радуется; если же я надѣваю нѣмецкое платье, ѣду въ гости; Пегасъ, поджавши хвостъ, прячется подъ столъ. Если Пегасъ на дворѣ и подаютъ тройку съ колокольчикомъ, онъ уходитъ, поджавши хвостъ, въ домъ, но если подаютъ одиночку, остается на дворѣ и ждетъ моего выхода. Знаетъ Пегасъ только меня; если я лягу гдѣ нибудь въ полѣ, то Пегасъ не подпуститъ ко мнѣ никого, не только чужого, но даже никого изъ своихъ — Ивана, Сидора, даже дѣтей, которые его кормятъ и ласкаютъ. Онъ никому не вѣритъ, когда считаетъ своею обязанностію меня охранять, и думаетъ, что я не вижу того

человѣка, который подходитъ къ мнѣ. Если я прямо смотрю на приближающагося человѣка и Пегасъ это видитъ, то онъ не залаетъ даже и на чужого.

Въ деревнѣ намъ безъ собакъ никакъ нельзя быть, хотя иногда изъ-за собакъ, которыя безъ разбору брешутъ на всѣхъ проѣзжающихъ, не различая начальства отъ простыхъ смертныхъ, случаются непріятности.

Разъ—дѣло было весною—въ самую ростопель, иду я со скотнаго двора, одѣтый въ свой обычный хозяйственный костюмъ—зализанный коровами полушубокъ. Вдругъ слышу колокольчикъ; сердце такъ и екнуло: кому, какъ не начальству, да еще по самому экстренному дѣлу, ѣхать въ такую пору, когда рѣки въ разливѣ.

Заслышавъ колокольчикъ, я остановился; собаки съ громкимъ лаемъ обступили подъѣзжавшую телегу; измученныя лошади, которыя еле тащили телегу по раскисшимъ снѣговымъ сугробамъ, наметеннымъ зимою около заборовъ усадьбы, совсѣ остановились.

— Эй, поди сюда! крикнулъ сидѣвшій въ телегѣ чиновникъ, очевидно принявшій меня за старосту.

Я уже разглядѣлъ по форменной фуражкѣ съ кокардой, что это—не настоящее начальство, а такъ какой-то проѣзжій чиновникъ...

— Эй, поди сюда! не слышишь, что ли? продолжалъ кричать чиновникъ, взбѣшонный ужасною дорогою по весенней ростопели.

Я подошелъ.

— Что это у тебя за собаки? какъ ты смѣешь держать такихъ собакъ, что они останавливаютъ проѣзжающихъ? бѣшено кричалъ чиновникъ, да еще въ шапкѣ смѣешь стоять. Кто ты такой, вотъ я тебя! накинулся онъ на меня.

— Позвольте, господинъ, сказалъ я:—если собаки причинили вамъ вредъ, то вы можете жаловаться мировому судьѣ, но кричать здѣсь не извольте.

Что! Ахъ ты с...

— А если ты не замолчишь и не перестанешь браниться, то я позову рабочихъ, и мы тебя такъ...

— Да чье это имѣнье? спросилъ озадаченный чиновникъ.

— Мое.

— А вы кто? спросилъ онъ, совершенно уже другимъ тономъ.

Я назвалъ себя.

— Однакожь, согласитесь, какъ же можно держать такихъ злыхъ собакъ?

— Хозяйственный разсчетъ, отвѣчалъ я, смѣясь.

— Какой же тутъ можетъ быть разсчетъ?

— Помилуйте, какъ же не разсчетъ? Чтобы охранять такую разбросанную усадьбу, какъ моя—построена вѣдь при крѣпостномъ еще правѣ—нужно было бы, взамѣнъ собакъ, имѣть еще двухъ хорошихъ сторожей; содержаніе сторожа обойдется сто рублей, двухъ сторожей 200 рублей, въ пять лѣтъ 1,000 рублей. Какъ бы ни были злы собаки, простыя дворняжки только лаютъ и рѣдко когда кусаются, притомъ же ѣдущаго въ экипажѣ собаки не могутъ укусить, а пѣшеходы всегда берутъ палки, особенно подходя къ усадьбѣ — посмотрите, какъ растаскали за зиму тынъ около огорода; но допустимъ, что собаки кого нибудь укусятъ; наибольшій штрафъ, что можетъ назначить мировой судья—сто рублей; мало вѣроятности, чтобы это могло случиться болѣе одного раза въ пять лѣтъ, слѣдовательно...

Чиновникъ разсмѣялся.

— Помилуйте, да, вѣдь, это—Азія.

— А вы думали, что здѣсь Европа? Вы куда ѣдете?

— Въ Ольхино.

— Невозможно проѣхать—рѣка въ разливѣ.

— Верхомъ развѣ, вплавь на сѣромъ конѣ, замѣтилъ Иванъ, подоспѣвшій къ концу разговора.

— Верхомъ, а какъ утонетъ казенный человѣкъ! Эхъ ты, а еще Савельича попрекалъ, что онъ въ судъ втянулся.

Иванъ сконфузился.

— Такъ какъ же мнѣ быть?

Я обратился къ Ивану.

— Нужно ѣхать въ Бардино: тамъ есть лодка, лошадей оставить; у его благородія—извозчикъ; вѣдь ты съ ямщины? обратился онъ къ извозчику:—переѣхать на лодкѣ, дойти пѣшкомъ до Ѳедина, а тамъ можно взять лошадей до Ольхина. Тамъ хорошо будетъ;— развѣ на Лужицѣ въ лѣсу проѣхать нельзя будетъ, только не должно быть, въ лѣсу еще не растопило—ну, да ѳединскіе знаютъ.

— А далеко ли до Ѳедина?

— Верстъ семь будетъ.

— Ну, семь верстъ эти кони не дойдутъ; вѣдь не дойдутъ? обратился я къ ямщику.

— Гдѣ дойти! сами знаете какая дорога; заночуемъ въ полѣ.

— Знаете что? обратился я къ чиновнику:—переночуйте у меня, а завтра посмотримъ, что дѣлать.

— Чиновникъ остался ночевать; мы проболтали съ нимъ цѣлый вечеръ, и онъ оказался премилѣйшимъ малымъ. Разумѣется, о первыхъ минутахъ встрѣчи и помину не было. У насъ, вѣдь, каждый, кто имѣетъ мѣсто, кто носитъ кокарду, считаетъ себя начальствомъ.

На что уже начальникъ желѣзнодорожной станціи—и кокарды у него нѣтъ, только красная шапка—а и тотъ считаетъ себя начальникомъ надъ всѣми пассажирами пришедшаго поѣзда. А генералъ какой нибудь изъ Петербурга, тотъ всѣхъ считаетъ своими подчиненными и при случаѣ пушитъ начальника станціи за остановку поѣзда. Кажется, и жить бы нельзя при такомъ безчисленномъ множествѣ всякаго начальства, но жить можно, если узнать въ чемъ фортель: ничего больше не нужно, какъ только самому становиться на время начальникомъ. Закричалъ на васъ начальникъ станціи или почтовый чиновникъ, вы сейчасъ къ нему: „ты что!“ — непремѣнно отступитъ и подумаетъ, что вы-то самое начальство и есть. Даже съ генераломъ этотъ пріемъ хорошъ.

Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ еще большинство не знаетъ, что, если генералъ ударитъ мужика, то мировой судья взыщетъ съ него, какъ съ образованнаго человѣка, строже, чѣмъ съ мужика; напротивъ, большинство думаетъ, что если генералъ ударитъ мужика, такъ ему ничего не будетъ, а если мужикъ ударитъ генерала, то его въ Сибирь сошлютъ.

Любопытно знать, что будетъ, когда, вслѣдствіе всеобщей рекрутской повинности, всѣ обыватели будутъ безсрочно-отпускные солдаты? Какое значеніе будетъ тогда имѣть военный генералъ и какое штатскій генералъ, который, въ то же время можетъ быть солдатомъ? Кто будетъ начальство — военный поручикъ или штатскій генералъ, который въ то же время солдатъ, который, въ случаѣ войны, попадетъ подъ команду этого поручика. Голова ломится отъ всѣхъ этихъ трудно-рѣшимыхъ вопросовъ. Представьте себѣ положеніе русскаго человѣка, когда онъ въ какомъ нибудь частномъ случаѣ не будетъ знать— начальство онъ, или нѣтъ!

...Я сплю спокойно, сновъ никакихъ не вижу, но всегда просыпаюсь рано отъ страшнаго лая, который подымаютъ собаки часу въ первомъ ночи, когда бабы идутъ мять ленъ. Бабы со льномъ совершенно раззорили Ивана: не успѣли еще пропѣть первые пѣтухи въ деревнѣ, бабы встаютъ и бѣгутъ, буквально бѣгутъ, къ намъ мять ленъ, стараясь одна передъ другою поспѣть пораньше, чтобы захватить мѣсто получше, поближе къ садкѣ, и поскорѣе начать мять, пока не подошли бабы изъ дальнихъ деревень. Льну насаживается опредѣленное количество, а бабъ, когда мятье уже въ разгарѣ, обыкновенно собирается болѣе, чѣмъ нужно, чтобы смять насаженное количество, и потому каждая баба спѣшитъ пораньше захватить какъ можно болѣе льну—а намъ, чѣмъ скорѣе сомнутъ, тѣмъ лучше. Собаки на дворѣ подымаютъ страшный лай. Мильтонъ, который спитъ

въ кухнѣ съ Авдотьей, сначала ворчитъ, а потомъ разражается громкимъ лаемъ; Пегасъ отвѣчаетъ ему глухимъ ворчаніемъ изъ подъ моей кровати. Собралось достаточное количество бабъ; которая по бойчѣе, подходитъ и стучитъ Ивану въ окошко, а остальныя уже отправились на овинъ къ гуменщику, чтобы поскорѣе разводилъ теплышко: чѣмъ горячѣе ленъ, тѣмъ его легче мять. Между тѣмъ, Иванъ уже давно проснулся, лишь только собаки залаяли, одѣлся, зажигаетъ фонарь и идетъ въ овинъ. Начинается мятье.

Первое время, когда я завелъ посѣвъ льна—я имѣлъ нѣкоторыя затрудненія въ пріисканіи рабочихъ; но теперь, когда бабы поняли, что ленъ даетъ имъ выгодный заработокъ, когда онѣ убѣдились, что я отдамъ заработанныя ими деньги прямо имъ, бабамъ, на руки и ни въ какомъ случаѣ не отдамъ хозяевамъ мужчинамъ, даже не зачту за долгъ, если кто изъ хозяевъ мнѣ долженъ, дѣло пошло отлично; никакихъ затрудненій въ пріисканіи рабочихъ нѣтъ — давай только работы. Оно и понятно: ловкая баба можетъ въ день заработать при выборкѣ льна до 70 копѣекъ, а дома, въ тотъ же день, въ праздникъ, баба, если будетъ собирать ягоды или грибы, заработаетъ много-много 15 копѣекъ. Ленъ у меня берутъ, главнымъ образомъ, по праздникамъ —ниже объясню отчего—или по пятницамъ, когда бабы считаютъ за грѣхъ брать свой ленъ и дѣлать нѣкоторыя другія работы; у меня же работать имъ не грѣхъ, потому что грѣхъ падетъ на хозяина или, лучше сказать, на его поле, которое за это можетъ быть выбито градомъ и т. п., чего я, хозяинъ, опять таки, не опасаюсь, потому что могу перенести грѣхъ на страховыя отъ града и огня общества, то есть на ихъ акціонеровъ. При мятьѣ льна, ловкая, сильная и сытая — чѣмъ толще и плотнѣе, тѣмъ лучше — баба можетъ заработать въ ночь до 45 копѣекъ, а дома, если она будетъ чесать волну, заработаетъ въ день 4 копѣйки. Понятно, что бабы сами идутъ мять ленъ, а волну отдаютъ чесать на волноческѣ странствующимъ по деревнямъ волночесамъ. Зная, какъ мало производительны, сравнительно съ машинною работою, всѣ бабьи работы, производимыя бабами зимою, я увѣренъ, что, если бы бабы находили хорошій мѣстный заработокъ, то онѣ перестали бы прясть зимою волну и ленъ и ткать холсты и сукна, а покупали бы фабричныя произведенія. Поэтому-то и нѣтъ никакого основанія опасаться, какъ думаютъ многіе, что съ развитіемъ производства льна, не найдется достаточно рабочихъ рукъ—рукъ всегда хватитъ, если дѣло выгодно и хозяинъ не желаетъ все загресть въ свои лапы. Мнѣ гораздо выгоднѣе платить при обработкѣ льна на кругъ по пятидесяти копѣекъ за рабочій день и получать 50 рублей чистаго дохода отъ десятины, чѣмъ пла-

тить по 15 копѣекъ за рабочій день при обработкѣ ржи и овса и получать нуль дохода или убытокъ, какъ это я вижу въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ имѣніяхъ; мнѣ выгоднѣе платить подойщицѣ по 3 рубля въ мѣсяцъ, когда она надаиваетъ отъ коровы по ведру молока въ день, чѣмъ платить по полтора рубля, когда она надаиваетъ всего по 2 кружки.

Сначала я имѣлъ нѣкоторыя затрудненія при введеніи посѣва льна; крестьяне увѣряли меня, что это дѣло не пойдетъ и что я не найду охотниковъ работать лёнъ, на чемъ въ особенности настаивалъ богачъ-воротила—въ каждой деревнѣ есть свой воротила — сосѣдней деревни, которому мое хозяйство очень не по нутру. Теперь, крестьяне, видя, что дѣло идетъ успѣшно, говорятъ: „Отчего не идти? съ деньгами все пойдетъ—деньги камень долбятъ... да и подладился ты, Лександра! прибавляютъ они.

„Ты", „Лександра"—я былъ на верху блаженства, когда первый разъ услыхалъ подобныя выраженія, потому что они служатъ несомнѣннымъ выраженіемъ уваженія къ данному хозяйству. Дѣйствительно, мое хозяйство уважается сосѣдними крестьянами нестолько за лёнъ, сколько за хорошіе урожаи ржи (ныньче рожь кругомъ принесла самъ-десять, а это превосходно на 4-й годъ хозяйства въ имѣніи, гдѣ урожай самъ-семь считался рѣдкимъ), за то, что хозяйство при этомъ все расширяется, что всѣ нововведенія удаются, что плуги пошли сразу и нѣтъ машинъ, безполезно лежащихъ въ сараяхъ; за то, что все дѣлается хозяйственно. Иногда это уваженіе невыгодно для меня: въ нынѣшнемъ году у насъ урожай травъ и яроваго очень плохъ; уже съ осени было видно, что корму будетъ недостаточно и придется пустить въ кормъ ржаную солому, вслѣдствіе чего не хватитъ подстилки. Я разсчитывалъ, что мнѣ удастся скупить для подстилки по деревнямъ пеньковую костру, потому что крестьяне костру для подстилки не употребляютъ, говорятъ, что она „сушитъ навозъ", и обыкновенно или выбрасываютъ на гати, въ рытвины дорогъ, для поправки вымоинъ на дорогѣ и самое большое, если употребляютъ для поджиганія лядъ. Когда помяли пеньки, я послалъ Ивана скупать костру по деревнямъ; сначала ему удалось купить нѣсколько возовъ, но потомъ крестьяне придержались продавать. Я думалъ сначала, что они надѣятся взять дороже, но потомъ оказалось, что крестьяне сами стали подстилать костру въ морозы—въ Батищевѣ стелятъ, значитъ, хорошо. Конечно, крестьяне, по самымъ условіямъ своего хозяйства, не могутъ перенимать многое, что могло бы имъ быть полезно; но они, однако, вовсе не такъ косны, какъ думаютъ

многіе, и способны многое перенять, если *на дѣлѣ* увидятъ, что это хорошо, или *увѣруютъ* въ кого нибудь.

Теперь разскажу, какъ я „подладился“, по выраженію крестьянъ, подъ ленъ.

Пріѣхавъ въ деревню и не имѣя первое время никакого дѣла по хозяйству, такъ какъ до весны хозяйство должно было идти по старому, я старался ознакомиться съ положеніемъ своего и другихъ мѣстныхъ хозяйствъ и построилъ планъ новаго хозяйства. При этомъ я много воспользовался примѣромъ обширнаго хозяйства одного изъ моихъ родственниковъ, хозяйство котораго—одно изъ первыхъ въ губерніи по *организаціонному плану*. Говорю: „по организаціонному плану“ потому, что самое исполненіе плана въ деталяхъ ниже всякой критики: система полеводства превосходна, но ленъ, напримѣръ, иногда выдѣлываютъ такъ, что никуда не годится; превосходная рожь вымолачивается такъ, что значительное количество зерна остается въ соломѣ и разостланная на дворѣ солома, послѣ дождя, покрывается густою зеленью; правильнаго учета и контроля нѣтъ; превосходныя лошади сбиты и испорчены: ни надсмотра, ни порядка. По составленному мною плану, воздѣлываніе льна должно было войдти въ систему хозяйства. Первый годъ я сдалъ обработку льна подесятинно, по 25 рублей за десятину: крестьяне сосѣдней деревни взялись обработать двѣ десятины льну по 25 рублей съ тѣмъ, чтобы я имъ выдалъ половину денегъ въ задатокъ. Работать взялась вся деревня огульно, и въ отношеніи быстроты работы дѣло шло хорошо; ленъ требуетъ за разъ много рукъ, напримѣръ, при выборкѣ, при молотьбѣ, которую нужно окончить какъ можно скорѣе, при мятьѣ, и потому дѣло идетъ хорошо, когда работаетъ вся деревня и за разъ высылаетъ много рукъ.

Работа была исполнена; но, во все время работы, бабы ругались немилосердно — какъ умѣютъ ругаться только бабы — и все кляли мужиковъ (мужей-мужчинъ — баба говоритъ у насъ „мой мужикъ“, „ея мужикъ“), зачѣмъ тѣ взяли эту работу: „вотъ, взяли работу, чтобъ имъ, чертямъ, пусто было“; „работай теперь на нихъ, чтобъ имъ животы выѣло“, и т. д. и т. д. безостановочно, цѣлые дни. Мужики отшучивались: „не на насъ работаешь, а на свою кишку—вѣдь жрала зимой хлѣбъ“. „Да, жрала, ворчитъ баба: — чтобъ тебѣ этотъ хлѣбъ поперегъ горла сталъ — сами пьянствуете, а тутъ убивайся“. „Ну, ну, работай“, возражаетъ мужикъ: — „знаю я тебя — тебѣ бы только сидѣть да хлѣбъ на г... перегонять, лѣнива дуже“. И на работѣ, и идучи съ работы, и дома, бабы безъ умолку точили мужчинъ. Тѣ отбивались, отшучивались, однако-же бабы пересилили—во всѣхъ

дѣлахъ, гдѣ задѣтъ бабій интересъ, бабы всегда осиливаютъ мужиковъ, и тотъ, кто заводитъ какое нибудь новое дѣло, чтобы имѣть успѣхъ, долженъ прежде всего обратить вниманіе, насколько будутъ задѣты бабьи интересы въ этомъ дѣлѣ, потому что *вся сила въ бабахъ*, что и понятно для каждаго, кто, зная положеніе бабы въ деревнѣ, приметъ во вниманіе, что 1) баба не платитъ податей, и 2) что бабу нельзя пороть. Оно, правда, и мужика нельзя выпороть безъ суда, но, вѣдь, устроить судъ ничего не стоитъ. На слѣдующій годъ эта деревня работать у меня ленъ не взяла.

Въ сущности, обработка льна по 25 рублей за десятину для крестьянина, пожалуй, выгоднѣе, чѣмъ обработка круга, то есть одной десятины ржи, одной десятины ярового и одной десятины покоса, но дѣло въ томъ, что, при обработкѣ льна, приходится болѣе всего работать бабамъ; притомъ же часть работы приходится дѣлать въ то время—послѣ филиппова заговѣнья—когда бабы въ деревнѣ работаютъ уже не на хозяина, не на мужика, а *на себя;* кромѣ того, при обработкѣ льна, не всѣ работы удобно раздѣлить, а многія приходится производить огульно. Чтобы все это пояснить, разскажу, какъ производится работа.

Мужикамъ нужны были деньги на уплату повинностей; нужны, онѣ были собственно бѣднякамъ, но, такъ какъ и богачи по круговой порукѣ отвѣчаютъ за бѣдняковъ, то они *зрятъ* за бѣдняками и часто берутъ работу, чтобы заставить взять и бѣдняковъ вмѣстѣ. Видятъ, что пріѣхалъ новый баринъ, которому хочется побаловаться льномъ, а баринъ—сосѣдъ, слѣдуетъ, стало быть, его ублажить, потому что уруга нужна: водопой можетъ понадобиться, березовичку, кромѣ какъ у него, подсѣчь негдѣ, скотина въ потравѣ тоже можетъ попасться, грибы—тоже. А Иванъ, который старается угодить барину и смекнулъ, что барину, вынь да подай, а ленъ посѣй, уже намѣтилъ подходящую деревню и *далъ предлогъ* — разумѣется, съ *воротилой* переговорилъ, а можетъ, и водочкой его угостилъ. Воротила, съ своей стороны, сообразивъ, что есть недоимщики, что нужна уруга, въ потравѣ попущеніе, а у него, воротилы, восемь коней, далъ предлогъ крестьянамъ. Собрались мужички, погуторили и рѣшились всей деревней взять у барина на обработку двѣ десятины льну, заключили условіе, получили половину денегъ въ задатокъ и тотчасъ раздѣлили деньги подворно: одинъ взялъ на $^1/_2$ десятины, другой—$^1/_4$ десятины, третій $^1/_8$ десятины, смотря по силѣ и надобности въ деньгахъ. На барышки выпили водочки, которую, безъ того нельзя, поставилъ я, и веселые возвратились домой. „Ишь нализались“, непреминули упрекнуть бабы. „Ужо какъ ленъ помнете, баринъ и

вамъ поставитъ барышки", задобривали бабъ мужики. „Черти, отвѣчали бабы: — только бы водки налопаться, душу заложить чорту рады".—„Эхъ вы, бабье, дуры, а поданя вы, что ли, платить будете? погодите, вотъ прiѣдетъ становой, не то запоете, какъ опишетъ ваши андараки". — „Такъ я за тебя отвѣчать и буду; ты, что ли, мнѣ андаракъ справлялъ? я андаракъ свой принесла, въ дѣвкахъ выработала".—„Знаемъ, чѣмъ ты его въ дѣвкахъ выработала".—„Чѣмъ ни выработала а андаракъ у меня свой".—„Молчи, не то полѣномъ убью".—„Такъ тебѣ и замолчала"...

Приходитъ весна; нужно ѣхать драть облогу: староста уже два раза выгонялъ. Еслибы на обработку была взята мягкая земля, подъ рожь или подъ яровое, то крестьяне, прежде всего, пришли бы дѣлить землю на полдесятинники, четвертушки, осьмушки, соотвѣтственно тому, сколько кто взялъ денегъ; дѣлежъ этотъ продолжался бы не менѣе полу-дня, если десятины попались треугольныя, въ видѣ трапецій, или изъ кусковъ, потому что раздѣлъ земли производится съ величайшею щепетильностію, части уравниваются чуть не до квадратныхъ вершковъ, и притомъ при помощи одного только шестика; крикъ, брань, во время этого дѣлежа страшнѣйшія; кажется, вотъ сейчасъ начнется драка, понять ничего нельзя, но окончился дѣлежъ, смолкли,—и посмотрите, какъ вѣрно нарѣзаны всѣ части. Раздѣливъ землю, бросаютъ жребій кому какой участокъ—потому жребій бросаютъ, что участки хотя и равные, но земля не равна и мѣстоположенiе не одинаковое—и каждый начинаетъ пахать тотъ участокъ, который ему достался.

Такъ было бы, если бы земля была мягкая, но подъ ленъ нужно драть облогу, то есть лугъ; хозяинъ не допуститъ, чтобы дѣлили десятину на нивки, потому что пашня выйдетъ нехорошая, будетъ много распаховъ и сваловъ—а въ условiи оговорено: „подчиняться распоряженiямъ хозяина" — и требуетъ, чтобы пахали десятины сплошь огульно всею артелью. Приходится поставить на десятину 8 лошадей—4 съ отрѣзами и 4 съ сохами—и пахать вмѣстѣ одному за другимъ. Вотъ уже первая причина неудовольствiй.

Крестьяне обыкновенно берутъ работы сообща, или цѣлой деревней, или нѣсколько товарищей, согласившись вмѣстѣ. Въ послѣднее время это, однако, уже начинаетъ выводиться, и на многiя работы начинаютъ наниматься отдѣльно, одиночками, обыкновенно подъ руководствомъ мѣстнаго воротилы, который тогда уже получаетъ названiе рядчика и въ нѣкоторыхъ случаяхъ получаетъ въ свою пользу изъ заработной платы до 10 процентовъ, такъ называемыхъ лапотныхъ денегъ. Взявъ работу сообща, крестьяне про-

изводятъ ее въ раздѣлъ: каждый свою часть работаетъ отдѣльно отъ другихъ и получаетъ соотвѣтствующую часть изъ заработной платы. При крѣпостномъ правѣ, крестьяне многія работы производили огульно, такъ какъ во многихъ случаяхъ огульная работа гораздо выгоднѣе, и потому, первые годы послѣ „Положенія", крестьяне, по старой привычкѣ, еще производили нѣкоторыя работы сообща, огульно, и не тяготились такими работами; но теперь на огульныя работы иначе нельзя нанять, какъ при особенныхъ условіяхъ съ отвѣтственнымъ рядчикомъ, который стоитъ къ артели почти въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ хозяинъ къ батракамъ, съ тою только разницею, что онъ артельщика, который залѣнился, не только выругаетъ, но и по уху свиснетъ или отправитъ безъ разсчета, чего хозяинъ сдѣлать не можетъ, потому что на хозяина есть судъ у мирового, а на мѣстнаго рядчика есть только *свой*, по особеннымъ понятіямъ судящій судъ. Никто изъ крестьянъ не знаетъ, что, если проступокъ совершонъ на помѣщичьей землѣ, то, по желанію одной изъ сторонъ, дѣло должно разбираться у мирового судьи, потому что разбору волостного суда обязательно подлежатъ только проступки, совершенные въ предѣлахъ волости, а помѣщичьи земли въ составъ волостей не входятъ, чего не знаютъ даже многіе волостные старшины и, какъ кажется, и нѣкоторые мировые судьи, потому что, не спросивъ даже *гдѣ* совершонъ проступокъ, отсылаютъ крестьянина въ волостной судъ. Укорененію такихъ понятій много способствуетъ то обстоятельство, что лишь немногіе владѣльцы живутъ въ своихъ имѣніяхъ и сами хозяйничаютъ, большею же частію владѣльцевъ на мѣстѣ нѣтъ, и имѣнія управляются старостами, обыкновенно изъ мѣстныхъ крестьянъ, слѣдовательно людьми, подчиненными волостнымъ старшинамъ и потому считающими старшинъ своими начальниками, даже и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Итакъ, пахать облогу нужно всѣмъ вмѣстѣ. Сговорились начать тогда-то. Выѣзжаютъ утромъ; шестеро уже пріѣхали, а двоихъ нѣтъ—проспалъ, выпивши вчера былъ, сбруя разладилась. Пріѣхавшіе стоятъ на десятинѣ, поджидаютъ опоздавшихъ, лошадямъ сѣнца подкинули, трубочки покуриваютъ, ругаются. Но вотъ пріѣхали и остальные—кому впередъ ѣхать?—споръ; наконецъ, установили очередь. Пашутъ. У одного соха разладилась—всѣ стоятъ. Наладилъ, пошли: у одного лошадь и сбруя лучше; другой самъ плохъ. Неудовольствіе.

— Кабы я отдѣльно пахалъ, то выѣхалъ бы до свѣту, а то въ деревнѣ жди, пока встанутъ, здѣсь жди, говоритъ одинъ.

— Я на своихъ лошадяхъ давно бы вспахалъ, а тутъ жди—ну его, этотъ ленъ! говоритъ другой.

Вспахали, выскородили, засѣяли и задѣлали. Скородятъ и задѣлываютъ бабы. Разумѣется, ругаются, но это еще все ничего, потому что лѣто, съ 15-го апрѣля по 15-е ноября, баба *обязана работать на хозяина*, и ей *все равно*, гдѣ работать: на своемъ поле, или на панскомъ. Конечно, у барина будетъ построжѣе, нельзя отдѣлывать землю кое-какъ, какъ у себя дома, потому что староста передѣлать заставитъ, но, въ сущности-то, все равно: нужно работать отъ зари до зари, что здѣсь, что тамъ, а баринъ-то, можетъ быть, если останется доволенъ работой, по стаканчику поднесетъ „на засѣвки“.

Пришло время брать ленъ; вызвали бабъ. Пришло ихъ заразъ штукъ тридцать—выберутъ скоро. Разумѣется, тутъ уже, сообща, артелью брать не станутъ, а раздѣлятъ десятину, по числу бабъ, на тридцать участковъ, и каждая баба беретъ свой участокъ отдѣльно. Раздѣлъ производится очень просто, хотя, разумѣется, безъ ругани не обойдется: бабы становятся въ рядъ, берутся за руки или за веревку и идутъ по десятинѣ, волоча ногу, бредутъ, чтобы оставить слѣдъ; затѣмъ каждая работаетъ на своемъ участкѣ. Если въ дворѣ нѣсколько бабъ, невѣстокъ, то-есть, если дворъ многосемейный и еще держится стариками не въ раздѣлѣ, то и у себя на нивѣ бабы одной семьи точно также дѣлятъ ниву для того, чтобы одной не пришлось сработать болѣе, чѣмъ другой, для того, чтобы работа шла скорѣй, потому что иначе сдѣлаютъ много меньше, такъ какъ каждая будетъ *бояться переработать*. Такъ какъ выборку льна можно производить въ раздѣлъ, такъ какъ работа производится въ такое время, когда баба обязана на хозяина, то большого неудовольствія еще нѣтъ: ругаться, конечно, ругаются, такъ какъ работа трудная и крайне непріятная, потому что ленъ рѣжетъ руки, но, все-таки, еще ничего: все это—только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди. Затѣмъ, идетъ молотьба—тутъ опять раздѣляютъ работу: каждая баба счетомъ отбиваетъ и разстилаетъ извѣстное число сноповъ, а пускаютъ и вѣютъ мужчины огульно и уже, пробранные бабами, работаютъ молча. Но вотъ наступило мятье; тутъ уже бабы окончательно выходятъ изъ себя, потому что работа производится въ такое время, когда баба работаетъ въ деревнѣ *на себя*. Ленъ мяли артелью, и перекорамъ конца не было, потому что каждая баба старалась сработать какъ можно менѣе. Тридцать бабъ, работая каждая на себя, въ извѣстное время, намнутъ, напримѣръ, 30 пудовъ льну, но тѣ же 30 бабъ, въ то же время, работая артелью и, притомъ, если обработка производится отъ десятины, намнутъ не болѣе 15-ти пу-

довъ. Мало того: если бабы работаютъ на себя и мнутъ ленъ сдѣльно за извѣстную плату отъ пуда, то десятина дастъ, напримѣръ, 35 пудовъ льну; если же работаютъ подесятинно, то та же десятина дастъ не болѣе 25-ти или 30 пудовъ, а 5—10 пудовъ льну останется въ кострѣ, пропадаетъ безполезно, и хозяинъ получитъ отъ 10-ти до 20-ти рублей убытку, потому что бабѣ тогда все равно, сколько получится льна, и она даже будетъ стараться побольше спустить льну въ костру, чтобы меньше было работы и чтобы легче было нести вязку льна въ амбаръ.

Итакъ, при такомъ способѣ обработки льна, два обстоятельства: 1) то, что работа производится сообща, огульно, а не въ раздѣлъ каждымъ въ особнякъ, и 2) что работа производится въ такое время, когда баба, по обычаю, дома работаетъ на себя, а здѣсь ей приходится работать на своего двороваго хозяина,—могутъ быть причиною недостатка рабочихъ рукъ. Но стоитъ только измѣнить порядокъ работъ, и руки тотчасъ найдутся, особенно если увеличить заработную плату, что хозяинъ можетъ сдѣлать безъ ущерба своему карману. А именно, если къ прежней цѣнѣ за обработку десятины 25 рублей прибавить отъ 10-ти до до 20-ти рублей, то-есть, столько, сколько хозяинъ получитъ за лишнее противъ прежняго количества льна, которое получится отъ болѣе тщательнаго мятья, то это уже сильно увеличитъ заработную плату.

Много слышно жалобъ на то, что у крестьянъ слишкомъ много праздниковъ и, притомъ, въ самое рабочее время; вопросъ этотъ даже предложенъ, сколько мнѣ помнится, для обсужденія какимъ-то агрономическимъ обществомъ. Ну, дѣло ли это агрономическихъ обществъ? да и какая же можетъ быть польза для хозяйства отъ обсужденія подобныхъ вопросовъ? развѣ отъ этого число праздниковъ уменьшится? Крестьяне, напримѣръ, не работаютъ — опять-таки не всѣ— на Бориса (24-го іюля), потому что Борисъ сердитъ, какъ они говорятъ, и непремѣнно накажетъ, если ему не праздновать: или баба, жавши рожь на Бориса, руку порѣжетъ, или подымется буря и унесетъ нагребленныя копны (это вѣрно, что около Бориса обыкновенно бываютъ бури) и т. п. Но воры и барышники, напримѣръ, всегда работаютъ на Бориса, потому что на Бориса заворовываютъ и обманываютъ, чтобы счастливо воровать и барышничать лошадьми цѣлый годъ. На Касьяна же крестьяне работаютъ, хотя онъ тоже сердитъ, работаютъ потому, что Касьянъ немилостивъ — не стоитъ ему, значитъ, праздновать; отчего ему, Касьяну, и бываетъ праздникъ только въ четыре года разъ.

Главное дѣло, что все преувеличиваютъ. Говорятъ, напримѣръ,

у крестьянъ много праздниковъ, а между тѣмъ, это — неправда: у *крестьянъ праздниковъ меньше, чѣмъ у чиновниковъ*. Крестьяне празднуютъ, какъ и чиновники, всѣ годовые праздники, съ тою только разницею, что на Свѣтлое Воскресенье празднуютъ всего три дня, а во многіе другіе праздники не работаютъ только до обѣда, то-есть, до 12 часовъ. Напримѣръ, у меня всегда берутъ лёнъ на Успенье, и часто случалось, что въ этотъ день приходило до 60-ти бабъ. Кромѣ того, по воскресеньямъ, въ покосъ, даже въ жнитво, крестьяне обыкновенно работаютъ послѣ обѣда: гребутъ, возятъ и убираютъ сѣно, возятъ снопы, даже жнутъ. Только не пашутъ, не косятъ, не молотятъ по воскресеньямъ — нужно же и отдохнуть, проработавъ шесть дней въ недѣлю. Правда, у крестьянъ есть нѣкоторые особенные праздники: напримѣръ, они празднуютъ лѣтней Казанской, Ильѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Фролу и нѣкоторымъ другимъ святымъ, но зато крестьяне не празднуютъ оффиціальныхъ дней. Сколько я понимаю, праздновать такіе дни *несовмѣстимо съ понятіями крестьянъ*, потому что некому праздновать: крестьяне празднуютъ какому нибудь святому. Праздновать день своего рожденія также вовсе не въ обычаѣ у крестьянъ; имянины еще крестьяне, особенно побывавшіе въ городахъ и при господахъ, празднуютъ, но и то тогда только, когда носятъ имя извѣстнаго святого, напримѣръ, Ивана, Ильи, Кузьмы, Михаила; но если имя мало извѣстное, то крестьянинъ большею частію и не знаетъ, когда онъ — имянинникъ.

Если все сосчитать, то окажется, что у крестьянъ, у батраковъ въ господскихъ домахъ праздниковъ вовсе не такъ много, а у такъ называемыхъ должностныхъ лицъ—старостъ, гуменьщиковъ, скотниковъ, конюховъ, подойщицъ и проч.—и вовсе нѣтъ, потому что всѣмъ этимъ лицамъ и въ церковь даже сходить некогда.

Я говорилъ, что баба лѣтомъ обязана работать на дворъ, на хозяина—будетъ ли баба ему жена, сестра, невѣстка—какъ батрачка. Къ этой работѣ бабы большею частію, особенно въ многосемейныхъ домахъ, относятся, какъ батрачки: „хозяйской работы-де не передѣлаешь“. Зиму баба работаетъ на себя, и главное ея занятіе—прясть волну и ленъ ткать; сверхъ того, все, что баба зимою заработаетъ на сторонѣ, поступаетъ въ ея собственность. Мужчина ничего не даетъ бабѣ на покупку одежды: баба одѣвается на свой счетъ; мало того, баба должна одѣвать своего мужа и дѣтей. Волна отъ овецъ поступаетъ въ распоряженіе бабъ и дѣлится между ними [1]); точно

[1]) Долю волны и льну дѣвочка начинаетъ получать только съ того времени, когда она становится полезною въ хозяйствѣ, напримѣръ, можетъ собирать траву свиньямъ. Долю на мальчика баба получаетъ тоже только тогда, когда онъ можетъ что нибудь работать.

также дѣлится между бабами и ленъ. Вотъ что получаетъ баба на свою часть изъ двора, да и то только до тѣхъ поръ, пока живъ ея мужъ; если же мужъ умеръ и у бабы не осталось дѣтей мужского пола, то она никакой, даже бабьей части, не получаетъ, и къ имуществу мужа—не наслѣдница. Волна и ленъ достаются бабѣ въ сыромъ, неотдѣланномъ видѣ; баба должна расчесать волну, вытрепать и вычесать ленъ, спрясть и выткать полотно, сукно, матерію для юбокъ. Баба должна одѣть мужика, то есть, приготовить ему рубашки и портки; должна одѣть себя и дѣтей, а все, что у нея останется — деньги, вырученныя отъ продажи следка, лишнія полотна, наметки и проч. — составляетъ ея неотъемлемую собственность, на которую ни мужъ, ни хозяинъ, никто не имѣетъ права. Точно такую же собственность бабы составляетъ все то, что она принесла съ собою, выходя замужъ, что собрала во время свадьбы, всѣ тѣ копѣйки, которыя заработала, собирая ягоды и грибы лѣтомъ и проч. Баба всегда падка и жадна на деньги; она всегда дорожитъ деньгами, всегда стремится ихъ заработать. Между мужиками еще встрѣчаются такіе, которые работаютъ только тогда, когда нѣтъ хлѣба, а есть хлѣбъ, проводятъ время въ праздности, слоняясь изъ угла въ уголъ; между бабами — никогда. Баба подвижна, охотно идетъ на работу, если видитъ себѣ въ томъ пользу, потому что у бабы нѣтъ конца желаніямъ и, какъ бы ни былъ богатъ дворъ, какъ бы ни была богата баба, она не откажется отъ нѣсколькихъ копѣекъ, которыя достаются на ея долю, когда дарятъ на свадьбѣ игрицамъ, величающимъ молодыхъ и гостей. Баба всегда копитъ; уже маленькой дѣвочкой она бѣгаетъ за ягодами и грибами, если есть кому продать ихъ, и копитъ вырученныя деньги на наряды — на платки, крали. Выростая, она копитъ на приданое, и деньги, и полотна, и наметки, и вышиванья. Выйдя замужъ, баба копитъ на одежду себѣ, дѣтямъ, мужу. Замѣчательно, что баба считаетъ себя обязанною одѣвать мужа и мыть ему бѣлье *только до тѣхъ поръ, пока онъ съ нею живетъ*; разъ мужъ измѣнилъ ей, сошелся съ другою, первое, что баба дѣлаетъ — это отказывается одѣвать его: „живешь съ ней, пусть она тебя и одѣваетъ, а я себѣ найду“ [1]). Угроза эта обыкновенно дѣй-

[1]) Отношенія между мужчинами и женщинами у крестьянъ доведены до величайшей простоты. Весною, когда соберутся батраки и батрачки, уже черезъ двѣ недѣли, всѣ отношенія установились, и всѣмъ извѣстно, кто кѣмъ занятъ. Обыкновенно, разъ установившіяся весною отношенія прочно сохраняются до осени, когда всѣ расходятся въ разныя стороны съ тѣмъ, чтобы никогда, можетъ быть, не встрѣтиться. Женщина, при этомъ, пользуется полнѣйшей свободой, но должна *прежде бросить* того, съ кѣмъ занята, и тогда уже она свободна тутъ же заняться съ кѣмъ хочетъ. Ревности никакой. Но пока женщина занята съ кѣмъ нибудь, она неприкосновенна

ствуетъ очень сильно. Подъ старость баба копитъ себѣ на случай смерти: на гробъ, на покровъ, на поминъ души.

Въ дворѣ нѣтъ денегъ для уплаты повинностей, нѣтъ хлѣба, а у бабы есть и деньги, и холсты, и наряды, но все это—ея собственность, до который хозяинъ не смѣетъ дотронуться. Хозяинъ долженъ достать и денегъ, и хлѣба, откуда хочетъ, а бабьяго добра не смѣй трогать; бабій сундукъ, это—ея неприкосновенная собственность, подобно тому, какъ и у насъ имѣніе жены есть ея собственность, и, если хозяинъ, даже мужъ, возьметъ что нибудь изъ сундука, то это будетъ воровство, за которое накажетъ и судъ. Еще мужъ, когда крайность, можетъ взять у жены, особенно если они живутъ своимъ дворомъ отдѣльно, но хозяинъ не мужъ — никогда; это произведетъ бунтъ на всю деревню, и всѣ бабы подымутся, потому что никто такъ ревниво не охраняетъ своихъ правъ, какъ бабы. По смерти мужа, его имущество наслѣдуютъ сыновья, по смерти бабы,—по преимуществу дочери (говорю по преимуществу, потому что все это усложняется въ разныхъ частныхъ случаяхъ). Напримѣръ, если умираетъ старуха, всѣ сыновья и дочери которой уже женаты и выданы замужъ, то имущество старухи поступаетъ младшей дочери; если, умирая, баба оставляетъ сына и дочь несовершеннолѣтнихъ, то наряды, полотна и проч. поступаютъ дочери, а деньги сыну, и проч. и проч.

Такъ какъ трудъ бабы лѣтомъ принадлежитъ хозяину, то, если хозяинъ на лѣто заставитъ бабу въ батрачки, все слѣдуемое ей жалованье поступаетъ хозяину; но, если баба заставится въ батрачки на зиму, то жалованье поступаетъ въ ея пользу, и хозяинъ имѣетъ въ барышахъ только то, что баба не ѣстъ дома; однако, волну, ленъ, слѣдующіе на ея часть, баба получаетъ, во всякомъ случаѣ, потому что это есть плата за ея лѣтній трудъ, Поэтому, наемъ батрачекъ представляетъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ наемъ батраковъ. Въ батрачки нанимаются преимущественно бездомныя бобыльки, вдовы, бездѣтныя солдатки, вѣковухи, бабы, неживущія съ мужьями, и т. п. Дворовыя бабы нанимаются рѣдко, только за высокую плату—харчи такая баба ни во что не считаетъ, потому что хозяинъ въ дворѣ, все равно, обязанъ ее кормить—и, притомъ, только тогда, когда увѣрены, что зимнюю плату получатъ на руки и имѣютъ запасъ холстовъ для того, чтобы одѣвать мужа. Впрочемъ, успѣхъ найма батрачекъ будетъ зависѣть отъ того, сколько и

для другихъ мужчинъ, и всякая попытка въ этомъ отношеніи какого нибудь мужчины будетъ наказана—товарищи его побьютъ. На занятую женщину мужчины вовсе и не смотрятъ, пока она не разошлась съ тѣмъ, съ кѣмъ была занята, и не стала свободна.

какіе наймутся батраки; на всѣхъ свободныхъ должностныхъ лицъ и батраковъ найдутся батрачки или постоянныя поденщицы—въ одиночку никто жить не будетъ и, такъ или сякъ, а найдетъ себѣ бабу.

До какой степени отъ всѣхъ этихъ отношеній зависятъ всѣ хозяйственныя дѣла, приведу еще примѣръ. Часть земли я сдаю на обработку крестьянамъ кругами, потому что иначе мнѣ трудно было бы справиться съ жнитвомъ ржи. До сихъ поръ крестьяне брали обработку круговъ съ молотьбой, но давно уже я видѣлъ, что молотьба ихъ тяготитъ и что они гораздо охотнѣе взялись бы обработывать круги безъ молотьбы; хотя крестьяне разными причинами объясняли свою неохоту брать круги съ молотьбой, но для меня было ясно, что главная причина тутъ заключается въ томъ, во-первыхъ, что молотьба производится огульно, а во-вторыхъ—въ томъ, что молотьба идетъ зимой, въ то время, когда бабы работаютъ на себя. Бабы давно уже точили мужиковъ и, наконецъ, добились-таки своего: въ нынѣшнемъ году крестьяне взяли у меня круги безъ молотьбы. Что же вышло? И я, и крестьяне остались въ барышахъ, хотя я заплатилъ за молотьбу гораздо дороже, чѣмъ она оплачивалась въ кругахъ.

Прежде для молотьбы приходило 16 человѣкъ—8 мужчинъ и 8 бабъ—насаживали среднимъ числомъ не болѣе 9-ти сотенъ и молотили это количество цѣлый день. Молотьба тянулась обыкновенно почти до масляной. Молотили плохо, и ничего противъ этого нельзя было сдѣлать.

Часть хлѣба въ нынѣшнемъ году я перемолотилъ своими работниками, именно — овесъ; а большую часть — рожь, отдалъ молотить сдѣльно, по 50 коп. отъ куля, съ тѣмъ, чтобы при молотьбѣ отрѣзать всю волоть на кормъ скоту. Молотьбу снялъ рядчикъ, который подобралъ къ себѣ 7 человѣкъ, такъ что составилась артель изъ 8 молодцовъ, подъ командой ловкаго, сильнаго и умнаго малаго, который лѣниться никому не давалъ и во всей работѣ самъ шелъ впереди. Насаживали среднимъ числомъ по 11 сотенъ, и 8 человѣкъ успѣвали ихъ вымолотить за-свѣтло. Молотили превосходно, въ соломѣ не могло остаться ни одного зерна, потому что всю волоть съ колосьями отрѣзали, отрѣзанную на кормъ волоть выбивали до чиста; молотьбитамъ былъ разсчетъ молотить чисто, потому что плату за работу получали отъ куля и, притомъ, только по окончаніи всей молотьбы; мякины получилось вдвое болѣе, чѣмъ прежде. Молотьбу окончили къ Рождеству.

Заработокъ крестьянъ былъ хорошій. Каждому молотьбиту въ

очистку, за исключенiемъ харчей, досталось по 6 р. 50 коп. въ мѣсяцъ, что нужно считать хорошимъ заработкомъ для такихъ глухихъ мѣсяцевъ, какъ ноябрь и декабрь.

Я тоже былъ въ барышахъ, и, если все сосчитать, то молотьба, сравнительно съ круговою, обошлась мнѣ, можно сказать, даромъ. Молотьба кончилась раньше: слѣдовательно—вышло сбереженiе на содержанiе гуменщика; дровъ сожгли меньше; молотили чище, и это, по моимъ соображенiямъ, увеличило умолотъ на одинъ куль съ десятины, что уже окупаетъ молотьбу. Наконецъ, при круговой молотьбѣ, крестьяне не согласились бы отрѣзать волоть, такъ какъ это не въ условiи, а еслибы, за извѣстную приплату, и согласились, то производили бы это дурно, и я не имѣлъ бы столько, сколько теперь, колосовины, которая, при нынѣшнемъ недостаткѣ корма, составляетъ большое подспорье къ главному корму, тѣмъ болѣе, что я даю скоту много жмакъ [1]).

Спросятъ теперь: почему же крестьяне, работая круги при артельной молотьбѣ, тратятъ, очевидно, себѣ въ убытокъ, вдвое болѣе времени, чѣмъ при такой же артельной молотьбѣ на отрядъ? А потому, что здѣсь 1) есть рядчикъ-хозяинъ и 2) артельщики подобрались равносильные; тамъ же *нѣтъ хозяина*-распорядителя; мой староста только надсмотрщикъ въ томъ и другомъ случаѣ, и артельщики *всякiе;* поэтому, всѣ работаютъ, какъ самый слабосильный, чтобы *не передѣлать* одинъ болѣе другого; всѣ считаются въ работѣ: сильному, напримѣръ, ничего не значитъ снести мѣшокъ въ закромъ, слабый же бьется, бьется, пока подыметъ, пока снесетъ; сдѣлавъ свое дѣло, сильный все это время стоитъ, ждетъ, пока слабый не снесетъ, и только тогда берется за другой мѣшокъ. И такъ во всемъ...

Крестьянская община, крестьянская артель,—это не пчелиный улей, въ которомъ каждая пчела, *не считаясь съ другою,* трудолюбиво работаетъ, по мѣрѣ своихъ силъ, на пользу общую. Э! еслибы крестьяне изъ своей общины сдѣлали пчелиный улей—развѣ они тогда ходили бы въ лаптяхъ?

Но возвращаюсь къ моему льну. На слѣдующiй годъ, ленъ деревней обработывать не взяли, но все-таки, разобрали ленъ на обобработку подесятинно, въ одиночку, разумѣется, самые бѣдняки,

[1]) Чтобы указать, какъ въ нашихъ хозяйствахъ все не установилось, достаточно будетъ сообщить наши цѣны на кормъ въ нынѣшнемъ году. Сѣно 40 коп. за пудъ, ржаная солома 10 коп. за пудъ, да и за эти цѣны достать сѣна и соломы трудно; овесъ 60 коп. за пудъ, рожь 75 коп. за пудъ, *конопляная жмака 24 коп. за пудъ.*

чтобы получить задатки впередъ и пропитать душу. Работали плохо; хорошо еще, что облоги были у меня подняты съ осени, такъ что снявшіе десятины получили готовую поднятую землю; за это они должны были отпахать потомъ осенью, и имъ весною пришлось только выскородить и засѣять; еслибы имъ пришлось и облоги подымать весною, то они не въ состояніи были бы выполнить работы на своихъ изморенныхъ безкормицею лошаденкахъ. Однако, весною выскородили и засѣяли исправно; конечно, бабы ругались на мужей, но неслишкомъ, потому что работали все одиночки: слѣдовательно — жены знали положеніе мужей, знали, что зимою не было хлѣба и, не взявъ этой работы, достать его было не откуда, а мужья брали работу съ вѣдома бабъ и съ ихъ согласія. Нечего уже было тутъ много ругаться, когда бабы знали, что работали, по мужицкому выраженію, на свою кишку.

Ленъ уродился превосходнѣйшій, какого у меня ни до, ни послѣ того не бывало. Когда пришлось брать ленъ, то обязавшіеся работой оказались совершенно несостоятельными: брать пришлось по полдесятины на дворъ, состоящій изъ мужа и жены, — скоро ли же одна баба выберетъ $^1/_2$ десятины льну, а ленъ ждать не можетъ? Однако, всетаки, выработались; выбрали ленъ толоками, то есть, снявшій работу созывалъ родныхъ и знакомыхъ „на толоку", „на помочи", и собравшіеся толочане быстро исполняли работу.

Но и „на толоку", „на помочи" никто даромъ не пойдетъ къ какому нибудь бѣдняку; другое дѣло — къ барину, отъ котораго мужикъ зависитъ и насчетъ лѣску, и насчетъ покосца, выгонца, грибковъ, потравы, или къ богатому мужику, которому, нѣтъ-нѣтъ, а придется весной поклониться, чтобы вызволилъ хлѣбушкомъ: вѣдь иной разъ не то, что пудъ муки, а и коврига хлѣба дорога. „На толоку" къ бѣдному безъ отработки пойдутъ только очень близкіе родственники, посторонніе же пойдутъ только съ тѣмъ, чтобы или его жена, или онъ самъ, съ своей стороны, отработали на толокахъ у тѣхъ, которые были у него. Сверхъ того, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ накормить толочанъ и угостить водкой. Молотьбу льна производили толоками; но на мятье пришлось на счетъ подрядившихся нанять мять отъ пуда, потому что на мятье бѣдняки никого зазвать на толоку не могли: подошло то время, когда бабы работаютъ на себя и когда хозяинъ не можетъ ихъ выслать на толоку къ сосѣду; нанять сами тоже они не могли, потому что бабы имъ не вѣрили, боялись, что не разочтутъ, и пошли только тогда, когда я объявилъ, что самъ буду разсчитывать. Если счесть все, что потратитъ такой снявшій работу бѣднякъ на харчи и вино при толокахъ,

на наемъ мятницъ, то ему, собственно за его работу, придется очень мало. Вся его выгода въ томъ, что онъ беретъ работу зимой и получаетъ задатокъ въ такое время, когда ему крайне нужны деньги на хлѣбъ и подати и когда онъ денегъ, ни за какіе проценты, иначе какъ подъ работу, достать не можетъ, а расходуетъ на толоки въ такое время, когда у него уже есть свой хлѣбъ. Взять такимъ образомъ работу у крестьянъ называется „сдѣлать оборотку"; очень часто снявшій работу лѣтомъ передаетъ ее другому и платитъ дороже, чѣмъ получилъ самъ. Напримѣръ: зимою одиночка берется сжать десятину ржи за четыре рубля, съ выдачею ему всѣхъ денегъ впередъ, а лѣтомъ, когда приходитъ время жать, онъ самъ нанимаетъ сжать эту десятину за 4 р. 50 к., напримѣръ, и платитъ хлѣбомъ или продаетъ хлѣбъ для уплаты деньгами. Это есть, собственно говоря, особый видъ займа денегъ, причемъ, въ процентъ идетъ или та работа, которую мужикъ сдѣлалъ самъ, какъ въ томъ случаѣ, когда онъ обязывался на ленъ, или та приплата, которую онъ сдѣлалъ. Въ большинствѣ случаевъ, для мужика это есть единственный способъ достать зимою денегъ, и способъ самый выгодный, потому что зимой въ долгъ подъ росписку ему рѣдко кто дастъ, а если и дастъ, то возьметъ не менѣе 10 процентовъ въ мѣсяцъ, что на четыре рубля составитъ 2 р. 40 копѣекъ за шесть мѣсяцевъ—ну, положимъ 2 рубля возьметъ проценту, а взявъ жнитво за 4 рубля и лѣтомъ сдавъ его за 4 р. 50 к., много за 5 рублей, онъ, слѣдовательно, заплатитъ отъ 50 коп. до 1 рубля проценту. Главное же дѣло въ томъ, что подъ работу всякій охотнѣе дастъ, потому что работу — если обязавшійся не умретъ, не заболѣетъ—мужикъ, такъ или иначе, всегда выполнитъ, къ чему его можно заставить, даже не прибѣгая къ суду; между тѣмъ, какъ взыскать по роспискѣ деньги и по суду очень трудно или даже, большею частью, невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что есть росписка, положимъ, что мужикъ не отказывается отъ долга, положимъ, что мировой судья присудилъ взыскать и выдалъ исполнительный листъ—что-же дальше? Взыскать по исполнительному листу трудно, потому что продать имущество крестьянина нельзя, когда есть недоимки, а если ихъ и нѣтъ, то нельзя продать безъ разрѣшенія его начальства, которое должно указать, что именно можно продать, не раззоряя крестьянина и не лишая его возможности вести свое хозяйство. Работу же, на которую крестьянинъ обязался, начальство заставитъ его выполнить, хотя бы у него самого свой хлѣбъ оставался несжатымъ.

Правда, что крестьянинъ почти никогда не отказывается отъ долга, если онъ дѣйствительно считаетъ себя должнымъ; если онъ

не платитъ долгъ, то только потому, что ему нечѣмъ уплатить. и всегда проситъ разсрочки, берется выплатить долгъ работой и т. п. Поэтому, никто долговыхъ дѣлъ до суда и не доводитъ.

Я того мнѣнія, что, еслибы были устроены ссудныя кассы, которыя давали бы деньги въ займы за небольшой процентъ, то такія кассы въ нашей мѣстности, по крайней мѣрѣ, не могли бы вести дѣла иначе, какъ взыскивая проценты и долгъ работой. Бѣднякамъ отъ такихъ кассъ было бы очень мало пользы, тѣмъ болѣе, что, считая кассы казенными и разсчитывая на то, что авось царь проститъ долгъ, безъ понужденій никто бы долговъ въ срокъ не платилъ; такъ что, въ концѣ концовъ, ссудами изъ кассъ стали бы только пользоваться богачи, которые взятыя изъ кассъ въ ссуду деньги распускали бы бѣднякамъ въ долгъ подъ работы за огромный процентъ.

Все это—только мои предположенія: кассъ у насъ нѣтъ, и я ихъ въ дѣйствіи не видалъ; но, можетъ быть, и эти предположенія окажутся столь же вѣрными, какъ мои предположенія о несостоятельности артельныхъ сыроваренъ, о которыхъ теперь что-то ничего не слышно.

Нужно смотрѣть въ корень, а мы—въ томъ то и худо—смотримъ на цвѣты и восхищаемся внѣшностью. И что ни копнешь — вездѣ одно и то же.

Въ Петербургѣ, сколько разъ мнѣ случалось встрѣчать, напримѣръ, молодыхъ докторовъ, которые, прослуживъ нѣсколько времени гдѣ нибудь въ земствѣ, возвращались вспять, потому что находили свою медицинскую дѣятельность среди народа безполезною. „Какую медицинскую помощь можно оказать народу, когда ему нечего ѣсть?“ и т. п., говорили они.

Тогда я вѣрилъ этому; но теперь, проживъ пять лѣтъ въ деревнѣ, я вижу, какимъ бы благодѣтелемъ для крестьянъ могъ быть гуманный, трудолюбивый докторъ; еслибы какой-нибудь молодой докторъ, умѣющій самъ приготовлять лекарство и дѣлать операціи, простой, гуманный, въ родѣ тѣхъ типовъ, какіе намъ изобразили гуманные романисты сороковыхъ годовъ, поселился у меня въ Батищевѣ, то я завѣряю, что у него не хватило бы 24 часовъ въ день времени для оказанія пособія всѣмъ страждущимъ, которые будутъ къ нему обращаться. Не говоря уже о непосредственной медицинской помощи (одного можно спасти, отпиливъ ему во-время ногу; тамъ можно спасти цѣлое поколѣніе, замѣтивъ во время, что избу для уничтоженія таракановъ *прокурили мышьякомъ* [1]) — какое огромное благодѣяніе

[1]) Запрещается употреблять для окрашиванія обоевъ краски, содержащія мышьякъ, потому что пыль отъ такихъ обоевъ вредно дѣйствуетъ на здоровье. Представьте же

страждущимъ могъ бы оказать гуманный докторъ, заслужившій довѣріе, своими нравственными утѣшеніями! Какое громадное образовательное вліяніе имѣлъ бы такой человѣкъ!

Конечно, нужно быть для этого, прежде всего, человѣкомъ дѣла. Мнѣ какъ-то разъ случилось, на одномъ земскомъ собраніи, слышать отчетъ земскаго доктора, въ которомъ онъ очень краснорѣчиво указывалъ на недостатки мѣстной больницы, причемъ, между прочимъ, сообщилъ, что въ больницѣ очень много клоповъ, которые страшно безпокоятъ больныхъ, и это особенно вредно для нервныхъ больныхъ. Господи, ты Боже мой! Клопы ѣдятъ больныхъ, а докторъ, вмѣсто того, чтобы взять чайникъ съ кипяткомъ и выварить кровати, да помазать щели скипидаромъ съ постнымъ масломъ, оставляетъ клоповъ ѣсть больныхъ и краснорѣчиво разсказываетъ объ этомъ въ земскомъ собраніи!

Понятно, что сдавать лёнъ на обработку подесятинно возможно только въ томъ случаѣ, когда крестьяне зимою очень нуждаются. Чуть годъ получше, хлѣбушка довольно, кормецу хватитъ, есть подходящія зимнія работы—никто обработку льна не возьметъ.

На третій годъ взять обработку льна подесятинно охотниковъ изъ ближайшихъ деревень не нашлось; еслибы поискать подальше, въ бѣдныхъ деревняхъ, то, пожалуй, еще нашелся бы кто нибудь, но сдавать такую работу отдаленнымъ деревнямъ — невозможно. Возвысить плату съ десятины было невыгодно, потому что и при возвышенной платѣ остались бы всѣ тѣ же неудобства. Нужно было измѣнить систему. Между тѣмъ, я уже оперился, завелъ своихъ лошадей, сбрую, телеги, сохи, бороны и могъ уже вести батрачное хозяйство. Я началъ работать лёнъ частью своими батраками, частью сдѣльно, нанимая на опредѣленныя работы. Подъемъ облогъ я на первый разъ сдалъ подесятинно по 5 рублей за десятину, на что осенью охотно брались тѣ крестьяне, у которыхъ старыя лошади, ненадежныя для зимовки; крестьянину было выгодно на такой лошади, еще сытой съ лѣта, поднять двѣ десятины, пока лошадь на подножномъ корму, заработать десять рублей, и, запахавъ лошадь, продать ее на живодерню, гдѣ и выбитая, и сытая лошадь идетъ въ одной

себѣ, если избу прокурятъ мышьякомъ или смажутъ въ ней всѣ щели болтушкой изъ муки съ мышьякомъ; тараканов въ этой избѣ *никогда не будетъ*—бойтесь избъ, гдѣ нѣтъ таракановъ! Но каково это будетъ дѣйствовать на людей, въ ней живущихъ! Исконные обитатели избы еще могутъ привыкнуть къ мышьячной пыли, но свѣжій человѣкъ, поступающій въ семью, напримѣръ, невѣстка — умираетъ. Случается, что мрутъ невѣстки во дворѣ, да и только! А можетъ быть, оттого и мрутъ, что изба была когда нибудь прокурена мышьякомъ.

цѣнѣ. Весною, я скородилъ и сѣялъ лёнъ своими батраками, на своихъ лошадяхъ. Когда пришлось брать лёнъ, то я нанималъ бабъ брать лёнъ отъ копы платя по 25 коп. За эту цѣну являлись брать лёнъ охотно, потому что при этомъ ловкая баба можетъ заработать до 70 коп., а среднимъ числомъ зарабатываютъ по 50 коп. въ день, въ особенности много собиралось бабъ по воскресеньямъ и праздникамъ, потому что заработанныя въ праздникъ деньги баба получаетъ себѣ. Молотьбу льна и разстилку я производилъ своими работниками, принимая поденщиковъ, а по праздникамъ, когда свои работники до обѣда, по заведенному порядку, не работаютъ, находились охотники молотить сдѣльно, съ платой отъ копы. Мяли лёнъ въ ноябрѣ, съ платой по 30 копѣекъ отъ пуда, и, такъ какъ въ это время бабы работаютъ на себя, то недостатка въ мятницахъ не было. Обработка десятины льна мнѣ обошлась въ 35 рублей; слѣдовательно, на 10 руб. дороже, чѣмъ при сдачѣ подесятинно за 25 рублей; но за то льну получилось болѣе отъ 5 до 10 пудовъ, то есть на 10, на 20 рублей. Мнѣ было выгодно и бабамъ было выгодно. Всѣ были довольны, работали отлично: не было ни ругани, ни попрековъ; расплата производилась тотчасъ же, мелкимъ серебромъ. Заработокъ отъ 30 до 50 копѣекъ для бабы въ нашихъ мѣстахъ—небывалый; бабы справили себѣ китайки, дѣвки—кумачные сарафаны, на никольщину даже дѣвочки всѣ были въ новыхъ яркихъ платкахъ, потому что и дѣвочки приходили брать лёнъ и мять, ну, хоть 4 фунта намнетъ въ день: все-таки—3 копѣйки, а за двѣ недѣли и накопитъ на платокъ.

Слѣдующій годъ, мѣстный торговецъ краснымъ товаромъ, крестьянинъ сосѣдней деревни, еще передъ Покровомъ заѣхалъ ко мнѣ.

— Вашей милости серебреца мелкаго привезъ на полсотни.

— Отлично; а мнѣ—кстати: лёнъ скоро буду мять, бабъ нужно будетъ разсчитывать, бабы мелкое серебро любятъ.

— Правда, любятъ мелочь: легче отъ мужиковъ прятать; да и вашей милости будетъ пріятнѣе — ручки не замараете; мѣдь марка.

— На полсотни?

— На полсотни. Я вашъ ленъ видѣлъ. Полсотни еще мало будетъ; ну, да я къ концу еще подвезу. Я ныньче нарочно пораньше деревни объѣхалъ—пусть бабы о Покровѣ на ярмаркѣ покрасуются—полкороба товару въ долгъ распустилъ; всѣ берутъ: отдадимъ, говорятъ, какъ ленъ будемъ мять. Простыхъ платковъ не берутъ — все парижскихъ требуютъ. Большое движеніе торговлѣ изволили льномъ дать. Вѣдь, это не шутка: полсотни денегъ за одно мятье бабы возьмутъ; гдѣ имъ было это прежде заработать?

Итакъ, все устроилось обоюдно выгодно.

Казалось, что, стоило бы только увеличить плату съ 25 рублей до 35 рублей, чтобы сдавать ленъ подесятинно. Но, не говоря уже о томъ, что хозяину это будетъ очень невыгодно, потому что и за 35 рублей работа будетъ производиться также, какъ за 25 рублей, то есть также невнимательно и плохо, охотниковъ работать ленъ, все-таки, не будетъ, да и крестьянину даже и 35 рублей взять будетъ невыгодно. Деревнями брать не будутъ безъ особенной крайности, потому что крестьяне всѣми мѣрами избѣгаютъ такого дѣла, гдѣ нужно работать сообща и предпочитаютъ работать, хотя бы и дешевле, но въ одиночку, каждый самъ по себѣ. Еще разъ вернусь къ этому вопросу и сообщу одинъ фактъ. Еще недавно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьяне сосѣднихъ деревень, по старой привычкѣ, какъ въ крѣпостное время, убирали у меня сообща всею деревнею покосы, частью за деньга, частью изъ половины. Сообща всей деревней вмѣстѣ выходили на покосъ, вмѣстѣ огульно косили, вмѣстѣ убирали сѣно и клали его въ одинъ сарай, а потомъ и деньги и свою часть сѣна дѣлили между собою по числу косъ. Такой порядокъ для меня былъ очень удобенъ, потому что уборка шла дружно; въ хорошую погоду быстро схватывали сѣно, присмотръ былъ легкій; сѣно дѣлилось заразъ зимою. Теперь уже такъ покосовъ не берутъ ни у меня, ни у другихъ. Теперь или каждый беретъ особенный участокъ подъ силу на свое семейство, или, взявъ цѣлый лугъ, дѣлятъ его на нивки и каждый коситъ и убираетъ свой участокъ; сѣно тутъ же дѣлится и развозится; одна часть въ мой сарай, — другую крестьянинъ везетъ къ себѣ. Понятно, что для меня это въ высшей степени неудобно; когда покосъ въ полномъ разгарѣ и человѣкъ 20 въ разныхъ мѣстахъ убираютъ сѣно, то старостѣ, который долженъ со всѣми дѣлить сѣно, цѣлый день почти не приходится слѣзать съ лошади. Понятное дѣло, что въ такой работѣ, какъ уборка сѣна, выгоднѣе работать артелью, и при одинаковомъ стараніи: то есть, еслибы каждый работалъ такъ, какъ онъ работаетъ на себя въ одиночку, общее количество убраннаго сѣна было бы больше и сѣно вышло бы лучше, особенно еслибы погода благопріятствовала уборкѣ и при дѣлѣ былъ бы умѣющій распорядиться хозяинъ. Но вотъ въ чемъ дѣло: при раздѣлѣ сѣна всѣ получили бы тогда поровну, по числу косъ; слѣдовательно, тотъ, кто силенъ, умѣетъ ловко работать, старателенъ на работѣ, сообразителенъ, получилъ бы столько же, сколько и слабосильный, неловкій, лѣнивый, несообразительный. Вотъ тутъ-то и камень преткновенія; вотъ тутъ-то и причина, почему трестьяне дѣлятъ взятый на скосъ лугъ на участки, подобно тому,

какъ дѣлятъ на нивки свои поля и луга. Прежде, когда сосѣдняя деревня косила у меня луга огульно артелью, всѣ крестьяне на зиму были съ сѣномъ; тѣ, у которыхъ было мало лошадей, даже продавали; а теперь у иныхъ сѣна много, а у другихъ—мало или вовсе нѣтъ; а нѣть сѣна, нѣтъ и лошадей, нѣтъ хлѣба; одни богатѣютъ, а другіе, менѣе старательные, менѣе ловкіе, менѣе умные, бѣднѣютъ и, обѣднѣвъ, бросаютъ землю и идутъ въ батраки, гдѣ всякому найдется дѣло, гдѣ всякій годенъ за чужимъ загадомъ.

Такимъ образомъ, даже за возвышенную до 35 рублей плату, деревнями брать ленъ не будутъ, пока не примыслится раздѣлять работу такъ, чтобы каждый могъ получать плату особо за свой трудъ, т. е., пока не пріищутся подрядчики, которые, снявъ у помѣщика работу подесятинно, будутъ, собственно говоря, дѣлать то же, что дѣлаю теперь я, т. е. разсчитывать каждаго особенно, сдѣльно. Мнѣ теперь обработка десятины льна обходится 35 рублей; всѣ работающіе довольны и получаютъ хорошій заработокъ, какого здѣсь на другихъ работахъ не получаютъ; но крестьяинину, даже многосемейному, у котораго 6—7 бабъ во дворѣ, невыгодно взять десятину за 35 рублей, потому что у него выйдетъ на работу гораздо болѣе дней, чѣмъ у меня. Мнѣ, получая плату отъ пуда, баба намнетъ пудъ въ ночь, а хозяину намнетъ не болѣе 20 фунтовъ, а если во дворѣ окажется баба, которая не въ силахъ наминать болѣе 10 фунтовъ, то и всѣ будутъ наминать по 10 фунтовъ. Когда бабы мнутъ дома пеньку, то, какъ хозяинъ ни ругается, а болѣе половины не наминаютъ противъ того, что могли бы намять, еслибы мяли на себя. Это мнѣ говорили сами бабы:—„Чаво я буду дома изъ силъ выбиваться на хозяина? а тутъ я на себя работаю“. Такимъ образомъ, работа подесятинно невыгодна и для мужика-хозяина, и для меня, потому что у него безполезно пропадаетъ время, а у меня вырабатываемый продуктъ.

Брать ленъ и мять его приходятъ нетолько бѣдныя бабы, но и богатыя, даже можно сказать, что богачки производятъ главную массу работы и забираютъ большую часть денегъ, выдаваемыхъ за выборку и мятье. Въ богатыхъ дворахъ бабы все сильныя, рослыя, здоровыя, сытыя, ловкія; богачъ не женится на какомъ нибудь заморышѣ, а если случайно попадетъ на плохую бабенку — ужаснѣе и положенія нельзя себѣ представить, какъ положеніе токой плохой бабенки среди богатаго двора, гдѣ множество здоровыхъ невѣстокъ—то заколотитъ, забьетъ, въ гробъ вгонитъ и тогда женится на другой. Сытыя богачки наминаютъ до 1$^1/_2$ пуда льну, тогда какъ бабы бѣдняковъ, малорослыя, тщедушныя, слабосильныя, наминаютъ въ то же время по 30 фунтовъ. Понятно, поэтому, что богачамъ невыгодно работать

огульно съ бѣдняками; но и въ сдѣльныхъ работахъ бѣдняки должны отступить на второй планъ, стушеваться.

Мало-по-малу, чистыя, незаросшія кустами и березнякомъ облоги подобрались, и я принялся за обработку подъ ленъ облогъ, поросшихъ березнякомъ до 2-хъ вершковъ толщиною въ комлѣ. Пришлось корчевать березняки, что увеличило цѣнность обработки; сверхъ того, облоги изъ-подъ такихъ березняковъ уже трудно было драть сохами, и я принужденъ былъ завести плуги. Теперь всѣ облоги подымаются шведскими железными плужками безъ передковъ, которыми пашутъ или батраки, или поденщики. Обыкновенно говорятъ, что трудно завести плуги тамъ, гдѣ крестьяне привыкли пахать сохами. Нисколько. У меня плуги пошли сразу. Задумавъ пахать плугами, я сталъ высматривать, у кого есть плуги—хорошо-ли. Все плуги казались мнѣ неподходящими; наконецъ, случайно, бывъ въ гостяхъ у одного помѣщика въ другомъ уѣздѣ, я увидалъ плугъ, который мнѣ понравился. Я рѣшился попробовать этотъ плугъ и попросилъ у хозяина позволенія прислать къ нему работника поучиться.

— А присылайте, говоритъ:—я покажу.

Возвратясь домой, я черезъ нѣкорое время призвалъ Сидора.

— Слушай, Сидоръ, нынѣшней осенью я думаю подымать облоги подъ ленъ плугомъ. Ты знаешь—желѣзныя сохи, что мы на выставкѣ видѣли.

— Слушаю-съ.

— Я у одного барина, въ Д. уѣздѣ, видѣлъ плугами пашутъ—хорошо.

— Можно и намъ, если хорошо.

— Такъ вотъ что: вотъ тебѣ деньги и письмо; спупай сегодня на станцію, возьми билетъ до Ярцевой, тамъ выйдешь и пойдешь по большой дорогѣ — верстъ 20 будетъ до села К.; тутъ спросишь Х. Это—самый тотъ баринъ, у котораго плуги, недалеко отъ села. Придешь къ барину, отдашь письмо, посмотришь плугъ, посмотришь какъ пашутъ, самъ попробуешь пахать, и, когда научишься, ступай назадъ на Ярцеву, возьми билетъ въ Смоленскъ, купи такой плугъ — у барина узнаешь, въ какой лавкѣ,—и привезти сюда. Облоги драть будемъ.

Сидоръ отправился на станцію, доѣхалъ на машинѣ до Ярцевой, пѣшкомъ дошелъ до Х., посмотрѣлъ плугъ, посмотрѣлъ какъ пашутъ, какъ налаживаютъ, какъ запрягаютъ, разузналъ у рабочихъ, въ чемъ сила, самъ попробовалъ пахать и на другой день объявилъ Х, что понялъ; тотъ его проэкземеновалъ, заставилъ, кажется, собрать плугъ и отпустилъ. Сидоръ опять пѣшкомъ дошелъ до Ярцевой, оттуда на

машинѣ доѣхалъ до Смоленска, разыскалъ лавку, купилъ требуемый плугъ — кстати прихватилъ подходящую цѣпь для быка, потому что нашъ холмогорскій быкъ Пашка, вскормленникъ Сидора, уже началъ баловаться и ломать кормовые ящики—и, исполнивъ всѣ порученія, возвратился домой.

— Ну, что?

— Привезъ.

— Пахать выучился?

— Выучился.

— Что же ты такъ скоро: вѣдь, ты всего три дня проѣздилъ?

— А что жь тамъ дѣлать? Хитраго ничего нѣтъ. Работники показали и самъ баринъ показалъ тоже, какъ собирать. Я, А. Н., сами изволите знать, могу соху, не то что наладить, а и присадить, а тутъ и ладить нечего—на все зарубка своя есть.

— А хорошо пашетъ?

— Отлично, А. Н., особенно для облогъ. Ужь такъ хорошо, что лучше и быть нельзя: сохой—куда такъ сдѣлать! И пахарю легко, да и пахаря особеннаго ненужне: тутъ чистую облогу всякій будетъ драть, а про переломы и говорить нечего—валяй только.

— Парой будешь пахать?

— Парой: парой легче конямъ будетъ; только коней на первый разъ нужно взять посмирнѣе и поумнѣе. Я пахатныхъ не буду брать, потому что пахатныхъ переучивать нужно; тутъ одинъ конь бороздой долженъ идти, а другой полемъ: потому, одного пахатнаго можно бороздой, а другого пристяжного; если оба пахари будутъ, то полевой будетъ сбивать пахатнаго, бороздою.

— Такъ и отлично. Пару карыхъ можно взять.

— Я тоже думалъ.

— Когда же ты думаешь начать?

— Завтра. Сегодня упряжь налажу, а завтра на переломѣ попробую. Позвольте только Михѣйку взять—коней поводить нужно будетъ, пока не привыкнутъ.

На другой день, Сидоръ началъ пахать переломъ, то есть такую землю, на которой, по обороченному пласту, былъ посѣянъ ленъ. Десятину онъ вспахалъ отлично и окончилъ въ 4 дня—десятины хозяйственныя, сытыя — несмотря на то, что было грязно и лошади были очень лѣнивыя и не шаговитыя. Послѣ перелома онъ переѣхалъ на чистую облогу, которую вспахалъ тоже въ четыре дня. Затѣмъ, Сидоръ научилъ пахать плугомъ одного изъ работниковъ, который всю осень пахалъ облоги и переломы. Плугъ работалъ великолѣпно: никакихъ поломокъ не было; только и было всего, что ра-

ботникъ потерялъ ключъ, да и объ этомъ я узналъ только потомъ, потому что работникъ, потерявъ ключъ и взявъ у Сидора другой, просилъ никому ничего не говорить, а въ воскресенье сбѣгалъ къ кузнецу, который ему сдѣлалъ, на его счетъ, новый ключъ. Какъ это непохоже на то, что сообщаетъ намъ въ своихъ „Совѣтахъ смоленскимъ хозяевамъ" нашъ агрономъ Дмитріевъ, который, завѣдуя хозяйствомъ казенной фермы, на опытѣ убѣдился, что у насъ невозможно употреблять улучшенныя орудія, вслѣдствіе „недобросовѣстности", невѣжества" русскаго крестьянина!

Потомъ я купилъ еще два плуга, и теперь у меня — вотъ уже три года—переломы и облоги подъ ленъ иначе не подымаютъ, какъ плугами; да еще какія облоги—такія, которыя были покрыты частымъ пятнадцатилѣтнимъ березнякомъ, такія, на которыхъ что ни шагъ—то корень, такъ что десятину менѣе, какъ въ одиннадцать дней, не подымешь. И плуги служатъ вотъ уже три года, разумѣется, рѣзцы и лемехи приходилось перемѣнять, и никакой „ломки", никакой „потери различныхъ частей" нѣтъ, какъ это было у агронома, который рабочихъ обвинялъ даже въ томъ, что „лошади были худы до крайности", какъ будто рабочихъ можно обвинять въ этомъ. Если лошади были худы, да еще до крайности, такъ это потому, что ихъ не кормили; и что же тутъ удивительнаго, что работники не выполняли своихъ, уроковъ" на такихъ лошадяхъ? Лошадь везетъ не кнутомъ, а овсомъ.

У меня лошади не были худы, хотя каждая пара, въ прошедшемъ году, напримѣръ, подняла по три съ половиною десятины облогъ изъ подъ березняковъ, причемъ лошади всю осень пахали безостановочно, изо дня въ день. Разумѣется, лошади получали ежедневно овесъ.

И кто же пахалъ? Невѣжественные, недобросовѣстные русскіе крестьяне—„русски свинь", какъ сказалъ бы какой нибудь нѣмецъ, управитель стараго закала, или вызванный изъ за границы насаждать у насъ агрономію профессоръ заведенія, гдѣ прежде приготовлялись „агрономы". Пахали обыкновенно батраки, а на одной парѣ—такъ какъ батраковъ не хватало — всю осень пахалъ поденьщикъ. Кормили тѣ же батраки, потому что дѣло старосты — только отмѣрить овесъ, насыпать въ торбы и выставить торбы на галерею подлѣ амбара; въ обѣдъ, каждый беретъ двѣ торбы на свою пару, которую онъ и кормитъ, и поитъ. Весною, когда лошадей не приводятъ домой, а пускаютъ пастись во время обѣда тамъ же, гдѣ работали, батраки въ полѣ же и задаютъ овесъ, а отъ поля—рукой подать до кабака. Кажется, какъ бы не пропить овесъ? Не пропиваютъ.

Крестьяне приходили смотрѣть желѣзную соху, дивовались нѣмецкой хитрости и пашню одобрили.

Одинъ изъ моихъ рабочихъ, Степа, вздумалъ было на сохѣ конкурировать съ плугомъ и увѣрялъ, что онъ вспашетъ переломъ и подыметъ облогу сохою во столько же времени, во сколько Сидоръ вспашетъ плугомъ, и сдѣлаетъ не хуже. Дѣйствительно, онъ вспахалъ десятину перелома во столько же времени, но на облогѣ отсталъ, хотя работалъ такъ, что даже трубочку на ходу курилъ, и далѣе конкурировать отказался.

Работникъ Степа былъ—теперь его у меня нѣтъ, самъ хозяиномъ сдѣлался—отличнѣйшій пахарь на сохѣ, какихъ рѣко, любящій пахоту, щеголяющій своею работою, установкою сохи, подобранною лошадью, подобно тому, какъ любитъ свою работу хорошій сапожникъ-нѣмецъ, который, сдѣлавъ хорошіе сапоги, кажется, жалѣетъ разстаться съ ними. Когда Степа поступилъ ко мнѣ и выбралъ себѣ лошадь для работы, то я сейчасъ же увидалъ, что это—хозяинъ, потому что по лошади, которую выбралъ работникъ, по манерѣ обращаться съ нею, по запряжкѣ, тотчасъ же можно судить, каковъ человѣкъ, а разъ онъ взялъ въ рухи соху, такъ ужъ положеніе его въ числѣ рабочихъ объяснилось.

Большинство рабочихъ предпочитаетъ лошадей бойкихъ, форсистыхъ, съ хорошею рысью, такихъ лошадей, на которыхъ можно было бы покрасоваться, лихо прокатить бабу во время возки сѣна, когда каждый работникъ беретъ съ собою бабу, если не хватаетъ батрачекъ, то поденщицу, чтобы ловчѣе было укладывать сѣно на телѣгу; а бабы-то на гребево, на возку сѣна, всѣ являются въ самыхъ лучшихъ нарядахъ, разукрашенныя лентами, кралями.

При разборкѣ лошадей — никому не назначаю: работники сами разбираютъ лошадей, по своему вкусу, и потомъ уже постоянно работаютъ на однихъ и тѣхъ же лошадяхъ,—самый сильный, ловкій работникъ, первый въ артели загонщикъ, беретъ самую лучшую, бойкую лошадь, такую, которая, при случаѣ, можетъ и потрепать; второй работникъ беретъ вторую, по форсу, лошадь; третій — третью и т. д.; самыя плохія лошади достаются самымъ плохимъ работникамъ, вахлачкамъ, и не потому, чтобы они не хотѣли бойкихъ лошадей — каждый хотѣлъ бы самую бойкую, бѣшеную лошадь—а потому, что лучшіе работники въ артели во всемъ имѣютъ перевѣсъ, вездѣ имѣютъ первый голосъ и лошадей забираютъ лучшихъ, а вахлачку что достанется. Но работникъ-хозяинъ, хорошій, ловкій, серьезный работникъ, не форсистый, сознающій свою силу и достоинство, гордящійся внутреннимъ достоинствомъ своей работы, а не внѣшнимъ

блескомъ—такихъ работниковъ, разумѣется, мало — выбираетъ и лошадь хозяйственную. Степа, при разборкѣ лошадей, хотя онъ и былъ вторымъ въ артели, выбралъ лошадь, которую всѣ обходили, не форсистую, пѣгой масти, лѣнивую, но плотную, безъ рыси, но шаговитую. Лошадь, которая куплена была поздно осенью и потому въ полѣ не работала, оказалась лучшимъ пахаремъ и во всѣхъ работахъ, по силѣ и уму, имѣла перевѣсъ передъ другими лошадьми. Степа полюбилъ своего пѣгана, холилъ его, кормилъ, гордился имъ, хотя пѣганъ бѣгалъ всегда мелкой рысцой и только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, нужно было ухватить сѣно или снопы передъ заходящей тучей, пускался въ галопъ. Пахарь изъ пѣгана вышелъ удивительный, спокойный, тягучій, умный, идущій прямо на вѣшки, такъ что стоило на огородѣ только отмѣтить гряды вѣшками, и пѣганъ наипрямѣйшими линіями разъѣзжалъ борозды. Увидавъ плугъ, Степа съ усмѣшечкою объявилъ, что это — вещь вовсе не нужная, что онъ и сохою на пѣганѣ сдѣлаетъ не хуже и такъ же скоро. И дѣйствительно, сдѣлалъ: Степина пахота была образцовая, для сохи отличнѣйшая, но, все-таки, уступала плужной. Степа хотя и соглашался, что плугомъ сдѣлано отчетливѣе, но все-таки увѣрялъ, что и на его десятинѣ ленъ будетъ не хуже, чѣмъ на плужной. На замѣчаніе же мое, что вспахать сохой такъ, какъ вспахалъ онъ, Степа, могутъ лишь немногіе работники, тогда какъ плугомъ будутъ хорошо пахать всѣ, Степа отвѣтилъ:—„а кто не умѣетъ пахать, тому и около земли заниматься — не слѣдъ“. Степа, какъ истый пахарь, спеціалистъ своего дѣла, любящій свое искусство, повидимому, опасался, что со введеніемъ плуговъ потеряется искуство пахать сохой, точно такъ же, какъ нашъ портной, старикъ Михаилъ Ивановичъ, ненавидитъ швейныя машины. „Экая штука, что онъ машиной прострочилъ, говоритъ М. И.:—ты, вотъ, руками такъ простречи“.

— Да зачѣмъ же ему руками строчить, когда машиной можно? замѣчаю я.

— Какой же онъ портной, если строчить не умѣетъ? Нѣтъ, ты выстрочи, а то машиной! слабъ народъ сталъ!

Необходимость раздѣлывать подъ ленъ давно запущенныя облоги, требующія корчевки березняковъ, увеличила цѣнность обработки льна еще на 15 рублей; такъ что теперь обработка десятины льна обходится уже 50 рублей, но такъ какъ ленъ, въ средней сложности, даетъ 100 рублей съ десятины валового дохода, то, слѣдовательно, чистаго доходу получается 50 рублей отъ десятины. Да, сверхъ того, въ пользу хозяина остаются дрова и еще, если корчевка произво-

дится заблаговременно, на слѣдующій годъ послѣ корчевки получается хорошій укосъ травы.

Получить 50 рублей чистаго доходу съ десятины, *не употребляя для этого навозу*—развѣ это не хорошо?

Но этого мало: послѣ льну, по перелому, съ не большимъ удобреніемъ—„потрусивши навозцу", какъ говорятъ крестьяне — получаются великолѣпнѣйшіе урожаи ржи. Вотъ уже три года, что послѣ льна на переломахъ, *удобренныхъ только 100 возами навоза на хозяйственную десятину,* я получалъ по 18 кулей ржи съ хозяйственной десятины, т. е. самъ 12, тогда какъ на старопахотныхъ земляхъ, при 300 возахъ навоза, получалось только 12 кулей съ десятины, то есть самъ 8. Такіе же результаты получились въ сосѣднемъ имѣніи, гдѣ, по моему примѣру, стали сѣять ленъ, а послѣ льну, по перелому — рожь. Хозяева, которые знаютъ, какъ дорого обходится намъ навозъ, поѣдающій всѣ доходы съ полеводства, поймутъ всю важность добытыхъ мною результатовъ.

Стоятъ березняки, выросшіе на десятинахъ, запущенныхъ лѣтъ 15 тому назадъ; никакой пользы для хозяйства отъ нихъ нѣтъ. Нужно подождать еще 35 лѣтъ, чтобы березняки эти превратились въ хорошій дровяной лѣсъ, за который дадутъ тогда, положимъ по 150 рублей за десятину, да и то въ мѣстостяхъ, прилегающихъ къ желѣзнымъ дорогамъ. Выкорчевываю березняки. На слѣдующій годъ, получаю хорошій укосъ травы, не менѣе 16 копъ съ десятины, и потому, если отдать съ половины, то мнѣ придется 8 копъ, что стоитъ, мало-мало, 10 рублей.

Сѣю ленъ. Получаю 50 рублей чистаго дохода.

Удобряю 100 возами навоза и сѣю рожь. Получаю 18 кулей ржи съ десятины, въ полтора раза болѣе, чѣмъ сколько получается съ старопахатныхъ земель, удобренныхъ втрое большимъ количествомъ навоза. Затѣмъ, у меня остается воздѣланная земля, на которой я могу вести хозяйство и которая всегда даетъ болѣе дохода, чѣмъ земля, находящаяся подъ лѣсомъ.

Кому же неизвѣстно, что годная для полевой культуры земля даетъ менѣе всего дохода, оставаясь подъ лѣсомъ. Если годныя для культуры пространства остаются подъ лѣсами, то это первый признакъ низкой степени развитія сельскаго хозяйства въ странѣ. Лѣса должны оставаться только на мѣстахъ, которыя негодны для культуры, и лишь въ такомъ размѣрѣ, чтобы не было у населенія большого недостатка въ топливѣ.

Но, говорятъ, ленъ истощаетъ, сушитъ землю: все это, какъ ви-

дите—пустяки, что совершенно понятно каждому, кто обладаетъ хотя элементарными познаніями изъ земледѣльческой химіи.

Спросятъ: что же вы будете дѣлать, когда подымите всѣ облоги? Буду продолжать то же самое. Ежегодно я подымаю 8 десятинъ облогъ и на то мѣсто засѣваю 8 десятинъ старопахатной земли клеверомъ съ тимоѳеевкой, которыя и запускаю. Черезъ шесть лѣтъ, эти десятины будутъ представлять чистыя облоги, которыя опять пойдутъ подъ ленъ; обработка этихъ десятинъ будетъ уже легка, потому что корчевать не будетъ надобности и подымать чистыя облоги, безъ кореньевъ, легко. Но—это уже цѣлая система полеводства, о которой я подробно говорить буду въ особой статьѣ.

Сосѣдніе крестьяне теперь отлично поняли всю выгодность моей системы и одобряютъ ее вполнѣ, и я отъ многихъ крестьянъ слышалъ, что теперь стоитъ просто нанимать запущенныя земли, чтобы сѣять ленъ и потомъ рожь. Конечно, стоитъ, да поди-ка найми. Всѣ сидятъ и любуются на свои березняки, а березняки все ростутъ да ростутъ, и скоро сдѣлается невозможнымъ обработывать ихъ по этой системѣ. Тогда придется ждать, пока не выростетъ дровяной лѣсъ, и, срубивъ лѣсъ, ждать, пока не выгніютъ пни настолько, чтобы земли могли идти въ обработку. Но, слава Богу, съ каждымъ годомъ крестьяне все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ покупкой земли, особенно въ сосѣднемъ уѣздѣ, гдѣ, замѣчательно, крестьяне были до крайности бѣдны и ѣли пушной хлѣбъ, а теперь, видимо, поправились. А крестьянинъ на березняки и лѣсъ любоваться не станетъ: сейчасъ же вырубаетъ и распахиваетъ, и распахиваетъ. Вѣдь, это крестьяне сложили поговорку: „*что пень собъемъ, то грошъ найдемъ*".

Между земледѣльцами моя система не имѣетъ успѣха. Я и статьи, пишу, я и на словахъ проповѣдую каждому встрѣчному и поперечному—такъ что, думаю, уже надоѣлъ многимъ—я и на съѣздъ въ нашъ уѣздный городъ ѣздилъ, подробныя сообщенія дѣлалъ съ числовыми данными, уши всѣмъ протрубилъ облогами и льномъ. Но все это гласъ вопіющаго въ пустынѣ...

Всѣ относятся съ какимъ-то недовѣріемъ и, мнѣ кажется, думаютъ, что я, сообщая данныя объ урожаяхъ, привираю. О моемъ хозяйствѣ ходятъ самые нелѣпые слухи и, такъ какъ расширеніе моего хозяйства съ каждымъ годомъ есть фактъ, противъ котораго нельзя спорить, то, мнѣ кажется, иные думаютъ, что я, пріѣхавъ на хозяйство, привезъ съ собою кучу денегъ—извѣстно, служилъ, на службѣ нажился — и все только трачу, трачу, покупаю кормъ, чтобы имѣть больше навозу и щеголять своими урожаями.

Замѣчательно, что изъ мѣстныхъ хозяевъ никто ни разу даже

не заѣхалъ ко мнѣ, чтобы посмотрѣть мое хозяйство. Одинъ молодой человѣкъ изъ Петербурга, который въ нынѣшнемъ году заѣзжалъ ко мнѣ и который передъ тѣмъ нѣсколько времени прожилъ въ уѣздѣ, изучая разныя хозяйства, говорилъ мнѣ, что многія изъ лицъ, сообщавшихъ ему разныя нелѣпости о моемъ хозяйствѣ, не могли даже указать, гдѣ именно находится мое имѣніе.

По переломамъ, послѣ льну, рожь родится замѣчательно чистою, безъ сорныхъ травъ и, главное, безъ костеря и сивца. Въ прошедшемъ году, всю рожь съ переломовъ, которая осталась отъ собственнаго посѣва, крестьяне въ августѣ разобрали у меня на сѣмена по 7 р. 50 к. за куль, потому что ихъ рожь была до крайности сорна и содержала множество костеря.

По поводу костеря у крестьянъ—только не у богачей, замѣтьте—существуетъ мнѣніе, что рожь перерождается въ костерь и обратно. Когда я пріѣхалъ въ имѣніе, то нашелъ хозяйство опущеннымъ до крайности; рожь первый годъ уродилась крайне сорная, съ непомѣрнымъ количествомъ костеря. Крестьяне говорили, что это—годъ такой, и на всѣ мои убѣжденія, что костерь завелся въ имѣніи отъ нечистотъ сѣмянъ, откуда нибудь завезенныхъ — въ старину, говорятъ, рожь родилась въ имѣніи чистая—все-таки, твердили свое, что это—годъ такой, что коли Богъ уродитъ, то и костеремъ посѣявши рожь получишь, а не будетъ благодати Божьей, то и изъ чистой ржи костеръ народится. Всѣ мои убѣжденія были тщетны, даже указаніе на то, что въ сосѣдней богатой деревнѣ, у богачей, которые обращаютъ вниманіе на очистку сѣмянъ, рожь родится безъ костеря, не дѣйствовали. Тамъ, говорили, земля другая, а на этомъ полѣ рожь всегда съ костеремъ родится. Я старательно очистилъ сѣмена, выгналъ на вѣялкѣ костерь по возможности, да сверхъ того, досталъ нѣсколько кулей чистой ржи у сосѣдняго богача крестьянина и засѣялъ поле очищенными сѣменами. Чтобы убѣдить Ивана, Сидора и другихъ, что костерь не перерaживается въ рожь и обратно, я посадилъ на огородѣ на грядѣ 1 зерно ржи и 9 зеренъ костеря и показалъ, что съ осени всходы были такъ похожи, что нельзя было отличить рожь отъ костеря. На другой годъ, на огородѣ выросъ 1 кустъ ржи и 9 кустовъ костеря, а на полѣ рожь была гораздо чище, хотя костерь, все-таки, еще былъ. На слѣдующій годъ, я опять выбралъ для посѣва самыя чистыя сѣмена и т. д. Рожь году отъ году все стала родиться чище. Въ прошедшемъ году, рожь опять была въ томъ же полѣ, въ которомъ я ее засталъ; весна была самая благопріятная для развитія сорныхъ травъ: у крестьянъ рожь была чрезвычайно сорна, а мѣстами такъ просто одинъ костерь народился,

между тѣмъ, у меня, на старопахатныхъ земляхъ костеря было очень мало, а на переломахъ и вовсе не было.

Не знаю, убѣдились ли крестьяне, что костерь не перераживается въ рожь и что очистка сѣмянъ — дѣло важное, но знаю только, что въ прошедшемъ году многіе изъ сосѣднихъ крестьянъ покупали у меня на сѣмена мою чистую тяжеловѣсную рожь.

...Бабы ушли на овинъ и начали мять; собаки смолкли, все успокоилось; я опять засыпаю и сплю безмятежнымъ сномъ.

Просыпаюсь я рано и начинаю кашлять: доктора говорятъ, что это — какой то катарръ, а деревенскіе жители увѣряютъ, что это — желудочный кашель, свойственный сельскимъ хозяевамъ, которые, проведя день на воздухѣ, ложатся спать, „выпивъ водочки и поужинавъ“. Савельичъ, разбуженный моимъ кашлемъ, начинаетъ возиться за стѣной: это онъ самоваръ ставитъ, къ чему у него все припасено, и вода, и уголь, еще съ вечера. Выкуривъ нѣсколько папиросъ и откашлявшись, я одѣваюсь и принимаюсь за счеты и разныя вычисленія или за писаніе статей. Савельичъ приноситъ самоваръ и при этомъ смотритъ на градусы.

— Ну что, Савельичъ, каково на дворѣ?

— Ничего.

— Морозитъ?

— Не то, чтобъ очень.

— Однакожъ?

— Морозъ изрядный, а вѣтру нѣтъ.

Я пью чай и занимаюсь, пока не проснулись дѣти и не началось хозяйство. Авдотья приходитъ.

— Что готовить будемъ? спрашиваетъ она.

— Что-жь готовить?

Молчаніе.

— Хоть бы ты когда нибудь сама придумала, что готовить: вѣдь, ты лучше меня знаешь, что у насъ есть.

— Почемъ я знаю, чего вы хотите? Все у насъ есть: солонина есть, ветчина, телятина, языки есть, почки...

— Ну и отлично; дѣлай разсольникъ съ почками.

— А еще что?

— Еще что?

— Дѣти, вѣдь, супу никогда не ѣдятъ: имъ еще что нибудь нужно.

— Что-жь бы еще сдѣлать?

Молчаніе.

— Ну свиные котлеты сдѣлай: вѣдь, ветчина, ты говоришь, есть.

Авдотья уходитъ.

— А чесноку въ котлеты класть? возвращается она.

— Клади.

Уходитъ.

— А картофель къ котлетамъ дѣлать?

— Разумѣется, сдѣлай: ты знаешь—дѣти, вѣдь, любятъ картофель.

— Да вы-жь все боитесь, чтобы не заболѣли.

Я пью чай и занимаюсь счетами.

Приходитъ Матрена и начинаетъ отворять внутреннія ставни.

— Что, обутрѣло?

— Нѣтъ еще, свѣтаетъ только.

— Сидоръ гдѣ?

На скотный пошелъ.

— Завтракали?

— Нѣтъ еще, собираются только. Мишка лошадей поитъ.

— А холодно на дворѣ?

— Не то чтобы очень.

— Морозитъ?

— Не дюже.

Матрена, открывъ ставни, уходитъ.

Свѣтъ чуть брежжетъ; безъ свѣчи заниматься нельзя; самоваръ уже начинаетъ потухать и издаетъ какіе-то печальные сиплые звуки.

— Приходитъ Сидоръ и здоровается.

— Здравствуй. Ну, что?

— Все слава Богу; клеверъ заложили.

— Хорошо ѣдятъ?

— Отлично.

— Ничего не телилось? ничего не котилось?

— Ничего, только Дарка родила.

— Кого?

— Сына.

— Давно?

— А вотъ сейчасъ. Клеверъ закладывали, она рожала.

— Благополучно?

— Что ей сдѣлается.

— Кто-жь у нея бабилъ?

— Старуха.

Молчаніе.

— Дарка палштофъ водки проситъ.

— Ну, скажи Ивапу, чтобъ далъ.

Молчаніе.

— А когда же крестить будутъ?

— Сегодня.

— Кто-жь будетъ крестить?

— Ивана Павловича просить хотятъ.

— А скоро ленъ кончатъ мять?

— Малость осталось.

— Что-жь, дрова возить будете?

— Дрова; позавтракали, запрягаютъ.

— Ну, ступай.

Сидоръ уходитъ.

Стало уже свѣтло; дѣти начинаютъ пошевеливаться; самоваръ совсѣмъ потухъ; Савельичъ въ столовой школитъ кошекъ и Мильтошку за ночные проказы.

Я пью чай и занимаюсь счетами.

— Придете телятъ поить? спрашиваетъ Авдотья.

— Не знаю: какъ бабы со льномъ поспѣютъ.

— Поить безъ васъ?

— Пой, да смотри больше кружки на теленка не давать.

— Знаю, знаю.

— Хоть они тамъ разъорись, а больше кружки не давать.

— Знаю. А „Бѣлянку“ нужно запустить—воля ваша.

— Рано еще.

— Самую малость даетъ.

— Ничего, а ты все подаивай.

— Дою, да плохо даетъ.

— Ничего. Я скажу, когда запустить.

Не успѣло еще порядочно объутрѣть, а ужь бабы окончили мять ленъ. Нужно одѣваться и идти въ амбаръ вѣшать ленъ.

Такъ какъ бабы мнутъ ленъ каждая на себя, съ платою отъ пуда, то и вѣшать ленъ нужно у каждой бабы отдѣльно. Даже родныя сестры, не говоря уже о женахъ родныхъ братьевъ, мнутъ ленъ въ раздѣлъ, каждая на себя, и не согласятся класть ленъ въ одну кучу и вѣшать вмѣстѣ, а заработную плату дѣлить пополамъ, потому что сила и ловкость неровная, да и стараться такъ не будутъ и, работая вмѣстѣ, наминать будутъ менѣе, чѣмъ работая каждая порознь. Только мать съ дочерю иногда вѣшаютъ вмѣстѣ; но и это лишь тогда, когда мать работаетъ на дочь и всѣ деньги идутъ дочери.

Взвѣшиваетъ ленъ староста Иванъ, а я только осматриваю вязки, чисто ли отдѣлано, и записываю вѣсъ каждой бабы. Замѣчу здѣсь кстати, что ленъ, доставляя большія выгоды, требуетъ, однако, много вниманія со стороны хозяина; если хозяинъ самъ не занимается дѣломъ или не имѣетъ надежнаго человѣка, которому нужно дать пол-

ную волю дѣйствовать, то у него со льномъ будутъ частыя неудачи. Въ моемъ сосѣдствѣ многіе пробовали сѣять ленъ, но большею частію отъ невнимательности терпѣли неудачи: ленъ то западаетъ снѣгомъ—тогда все пропало,—то недолежится, то перележится, то дурно смятъ, то не ровно смятъ — одна вязка хороша, а другая нѣтъ, что сильно понижаетъ цѣну всей партіи. Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, льны, даже у крестьянъ, почти повсемѣстно запали снѣгомъ, а у меня весь ленъ былъ поднятъ своевременно и вышелъ отличнаго качества; въ прошедшемъ году льны тоже запали, у меня запало лишь ничтожное количество; у другихъ купецъ иначе не купитъ ленъ, какъ пересмотрѣвъ его самымъ тщательнымъ образомъ, а у меня купитъ ранѣе, чѣмъ еще ленъ смятъ, по первымъ образцамъ. Всѣ эти неудачи происходятъ отъ невниманія самихъ хозяевъ, оттого, что все дѣлается несвоевременно и кое-какъ. Главное — нужно спѣшить выборкой и молотьбой, жертвуя качествомъ сѣмени, если на то уже пошло, потому что волокно дороже сѣмени, и потеря волокна влечетъ за собою болѣе убытку, чѣмъ дурное качество сѣмени. Важно только получить хорошія сѣмена для себя; а гуртовое сѣмя на продажу, если будетъ низшаго достоинства, то потеря на немъ ничтожна, сравнительно съ потерей волокна; поэтому, необходимо сѣять для себя на сѣмена отдѣльныя десятины.

Обыкновенно, я самъ присутствую при взвѣшиваніи льна и записываю, потому что Иванъ граматѣ не знаетъ — изъ 25 человѣкъ, живущихъ въ настоящее время въ Батищевѣ, граматѣ знаетъ только одинъ Савельичъ, да и то плохо; „тихо очень онъ пишетъ, говоритъ Иванъ:—примѣряется, примѣряется, а потомъ вдругъ письнетъ, анъ настояще и не выписалось, замараетъ и опять налаживается—тоска даже возьметъ“. Но, если меня нѣтъ дома или мнѣ почему нибудь нельзя придти въ амбаръ, Иванъ самъ отмѣчаетъ, кто сколько намялъ. Иванъ граматѣ не знаетъ, писать не умѣетъ, а между тѣмъ онъ завѣдуетъ амбаромъ, принимаетъ и отпускаетъ хлѣбъ, ленъ, сало, масло, крупу, жмыхи, считаетъ лѣтомъ сѣно, навозъ, снопы и пр., и пр. Счетоводство у меня въ порядкѣ; приходъ и расходъ всего и ходъ всѣхъ работъ записывается до мельчайшихъ подробностей, и все это ведется мною при посредствѣ Ивана, который ежедневно подаетъ счетъ по большей части предметовъ, а по нѣкоторымъ подаетъ счетъ въ концѣ мѣсяца. Всѣ свои счеты Иванъ отмѣчалъ, зарѣзывалъ прежде на биркахъ, т. е. четырехгранныхъ палочкахъ, которыя у него имѣлись отдѣльныя для каждаго предмета, а теперь пишетъ карандашемъ на узкихъ листочкахъ толстой бумаги—онъ употребляетъ для этого коробки отъ папиросныхъ гильзъ—употребляя особыя письмена,

кресты, палочки, кружки, точки, ему одному извѣстныя. Вечеромъ, отдавая отчетъ, Иванъ вынимаетъ бумажку, долго ее разсматриваетъ и, водя по ней пальцемъ, начинаетъ: въ застольную—муки 2 пуда, крупъ яичныхъ 3 ф., сала 1 ф., солонины 15 ф. и т. Въ концѣ мѣсяца, Иванъ является съ цѣлымъ пучкомъ палочекъ и отсчитывается, диктуя, напримѣръ, по овсяной палочкѣ:

— Птицамъ 5 мѣрокъ, лошадямъ 1 куль, Мишкѣ въ городъ 4 гарнца, климовскимъ лошадямъ 1 мѣрка, вамъ въ городъ 1 мѣрка, ямщику, что привозилъ петербургскаго барина черненькаго, мѣрка, Петра Иваныча лошадямъ 4 гарнца и т. д. Всего 6 кулей.

— Теперь рожь: Панасу куль, дуровскому крестьянину 2 куля, Фокѣ осьмина, лужковской бабѣ куль, для себя смололи 5 кулей, Родѣ куль, бабѣ изъ Ольховки три мѣры и т. д. Всего 38 кулей, 3 мѣрки.

Принимая отъ бабъ ленъ, если меня нѣтъ, Иванъ по своему отмѣчаетъ, сколько какая баба намяла и, отдавая вечеромъ отчетъ, диктуетъ мнѣ по своей бумажкѣ:

— Дарочка 33 ф., Акулина 1 п. 8 ф., Семениха Дёминская 39 ф., Козлиха съ дочкой 1 п. 22 ф., Нѣмая 27 фунтовъ, Семениха Анципёровская 1 пудъ, Катька 30 ф., Катька-солдатка 1 пудъ, Хворосья 23 фунта, Фруза 29 фунтовъ. Матрена 1 п. 20 фунтовъ и т. д.

Ленъ мнутъ отъ 30 до 40 бабъ и — никогда никакой ошибки, а тутъ всякая ошибка сейчасъ будетъ замѣчена, потому что каждая баба отлично помнитъ, сколько она когда намяла, и, при окончательномъ разсчетѣ, отлично знаетъ, сколько ею всего намято и сколько приходится получить денегъ.

— Ты сколько намяла, Катька? спрашиваю я при разсчетѣ.

— Вамъ по книжкѣ лучше видно, А. Н.

— По твоему счету сколько?

— Три пуда двадцать два фунта.

— Такъ.

— А сколько тебѣ денегъ приходится?

— Вы лучше знаете.

— Сколько приходится?

— Рубль, да шесть копѣекъ, да грошъ.

— Получай рубль семь копѣекъ; грошъ лишняго—свѣчку поставь.

Если, при разсчетѣ, приходится передать лишняго, то чтобы другія бабы не обижались, что которой нибудь пришлось лишняго, переданное полагается на свѣчку Богу. Баба это исполнитъ и, первый разъ, что пойдетъ къ обѣднѣ, подавая копѣечную свѣчку, если ей перешло полкопѣйки, „подумаетъ въ мысляхъ“, какъ выражается

Иванъ, что полсвѣчки идетъ за нее, а полсвѣчки за меня. „И это вамъ зачтется“, говоритъ Иванъ.

Отмѣчая на своихъ бумажкахъ приходъ и расходъ, Иванъ обозначаетъ своими письменами только количество отпущеннаго и принятаго, но кому отпущено, отъ кого принято, все это онъ *помнитъ*. Вообще, у крестьянъ-прасоловъ и т. п. люда память для предметовъ, съ которыми они имѣютъ дѣло, и способность измѣрять глазомѣромъ, ощупью, развита до невѣроятности, и, сверхъ того, всѣ крестьяне удивительно вѣрно считаютъ.

Каждый крестьянскій мальчикъ, каждая дѣвочка умѣютъ считать до извѣстнаго числа. „Петька умѣетъ считать до 10“, „Акулина умѣетъ считать до 30“, „Михей до 100 умѣетъ считать“. „Умѣетъ считать до 10“ вовсе не значитъ, что Петька умѣетъ перечесть разъ, два, три и т. д. до 10; нѣтъ; „умѣетъ считать до 10“, это *значитъ, что онъ умѣетъ дѣлать всѣ ариѳметическія дѣйствія надъ числами до 10*. Нѣсколько мальчишекъ принесутъ, напримѣръ, продавать раковъ, сотню или полторы. Они знаютъ, сколько имъ слѣдуетъ получить денегъ за всѣхъ раковъ и, получивъ деньги, раздѣляютъ ихъ совершенно вѣрно между собою, по количеству раковъ, пойманныхъ каждымъ.

При обученіи крестьянскихъ мальчиковъ ариѳметикѣ, учитель всегда долженъ это имѣть въ виду, и ему предстоитъ только, воспользовавшись имѣющимся матеріаломъ и понявъ, какъ считаетъ мальчикъ, развить счетъ далѣе и показать, что „считать можно до безконечности“. Крестьянскіе мальчики считаютъ гораздо лучше, чѣмъ господскія дѣти; сообразительность, память, глазомѣръ, слухъ, обоняніе развиты у нихъ неизмѣримо выше, чѣмъ у нашихъ дѣтей, такъ что, видя нашего ребенка, особенно городского, среди крестьянскихъ дѣтей, можно подумать, что у него нѣтъ ни ушей, ни глазъ, ни ногъ, ни рукъ.

Крестьяне, по крайней мѣрѣ нашей мѣстности, до крайности невѣжественны въ вопросахъ религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ, юридическихъ. Тутъ вы увидите, что на обновленіе Цареграда крестьянинъ молился „Царю-Граду“, чтобы не отбили хлѣбъ градомъ; что дѣвки серьезно испугались и повѣрили, когда, послѣ бракосочетанія нашей великой княжны съ англійскимъ принцемъ, распространился слухъ, будто самыхъ красивыхъ дѣвокъ будутъ забирать и, если онѣ честныя, отправлять въ Англію, потому что Царь отдалъ ихъ въ приданое за своей дочкой, чтобы они тамъ, въ Англіи, вышли замужъ за англичанъ и обратили ихъ въ нашу вѣру—этому вѣрили не только дѣвки, но и серьезные, пожилые крестьяне, даже отпуск-

ные солдаты. Тутъ вы услышите мнѣніе крестьянъ, что нѣмцы гораздо бѣднѣе насъ, русскихъ, потому-де, что у насъ покупаютъ хлѣбъ, и что, еслибы запретили панамъ продавать хлѣбъ въ Ригу, то нѣмцы померли бы съ голоду; что, когда успѣютъ надѣлать сколько нужно новыхъ бумажекъ, то податей брать не будутъ, и т. п. Что же касается знанія своихъ правъ и обязанностей, то, несмотря на десятилѣтнее существованіе гласнаго суда, мировыхъ учрежденій, никто никакого понятія о своихъ правахъ не имѣетъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ крестьяне, даже торгующіе мѣщане и купцы, невѣжественны до крайности; даже попы — не говорю священники, между которыми еще встрѣчаются люди болѣе или менѣе образованные, хотя и рѣдко—то есть всѣ лица духовнаго званія, дьячки, пономари штатные и сверхштатные, разные ихъ братцы, племянники, словомъ, весь проживающій въ селахъ, ничего не работающій, пьяный, долгогривый людъ въ подрясникахъ и кожаныхъ поясахъ—не далеко ушли отъ крестьянъ въ пониманіи вопросовъ религіозныхъ, политическихъ, юридическихъ.

Но что касается умѣнья считать, производить самые скрупулезные разсчеты, то на это крестьяне — мастера первой руки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только посмотрѣть, какъ крестьяне дѣлятъ землю, разсчитываются, возвратясь изъ извоза. Конечно, вы тутъ ничего не поймете, если вамъ неизвѣстенъ методъ счета; вы услышите только крикъ, брань и подумаете: какъ они безтолковы, ну, точно какъ въ разсказѣ Н. Успенскаго „Обозъ“! У. схватилъ только внѣшнюю сторону; но его разсказъ грѣшитъ тѣмъ, что читатель, незнакомый съ народомъ, выноситъ впечатлѣніе о совершенной безтолковости, глупости изображенныхъ въ разсказѣ мужиковъ-извозчиковъ. Но подождите конца, посмотрите, какъ сдѣланъ разсчетъ, и вы увидите, къ какому результату привели эти безтолковые крики и споры— земля окажется раздѣленною такъ вѣрно, что и землемѣръ лучше не раздѣлитъ.

Какая разница въ этомъ отношеніи между разсказами Тургенева и Успенскаго, рисующими русскаго крестьянина! Сравните тургеневскихъ „Пѣвцовъ“ съ „Обозомъ“ Успенскаго. Внѣшняя сторона у Успенскаго вѣрнѣе, чѣмъ у Тургенева, и, попавъ въ среду крестьянъ, вы въ первый моментъ подумаете, что картина Успенскаго есть дѣйствительность, „голая правда“, а картина Тургенева—подкрашенный, наряженный вымыселъ. Но подождите, и черезъ нѣсколько времени вы убѣдитесь, что пѣвцы Тургенева *есть,* а извозчиковъ Успенскаго *нѣтъ.* Въ деревнѣ, вы услышите этихъ „Пѣвцовъ“ и въ пѣснѣ косцовъ, возвращающихся съ покоса, и въ безобразномъ трепакѣ под-

гулявшей пары, возвращающейся съ ярмарки, и въ хорѣ калѣкъ перехожихъ, поющихъ о „блудномъ сынѣ“, но „Обоза“ вы нигдѣ не увидите и не услышите. Одинъ изъ нашихъ критиковъ — кажется г. Анненковъ—сравнивая Успенскаго съ Тургеневымъ, какъ изобразителей народа, сказалъ, что Н. Успенскій въ нашей литературѣ занимаетъ почти такое же мѣсто, какое въ исторіи живописи занимаетъ Теньеръ. Такъ ли это? Успенскій выставилъ намъ русскаго простолюдина простофилей. Но это-то, я думаю, и невѣрно; не даромъ есть поговорка: „мужикъ сѣръ, да не чортъ его умъ съѣлъ“. Умъ то есть, только знаній нѣтъ и кругъ приложенія ума очень тѣсенъ, а дайте ка ему просторъ!..

Но, что меня больше всего поражаетъ, это—необыкновенная память у крестьянъ. Неграматный сельскій староста помнитъ, сколько за кѣмъ есть недоимки, сколько съ кого и когда онъ получилъ денегъ и проч. Разнощикъ, торгующій бабьимъ товаромъ — платками, кралями и разною мелочью—на сто верстъ въ округѣ раздаетъ свой товаръ въ долгъ и помнитъ, гдѣ какая баба сколько ему должна и что именно брала. Наконецъ, и въ извозѣ: пришло время ѣхать въ извозъ; столковались крестьяне въ деревнѣ. Одинъ изъ деревни, разумѣется, голова-воротило, отправляется въ городъ искать работы. Найдя въ городѣ работу, онъ подряжается, напримѣръ, везти пеньку изъ Д. въ С., торгуется съ купцомъ, условливается на счетъ цѣны и количества подводъ. Черезъ нѣсколько дней, крестьяне всей деревней отправляются въ городъ подъ навалку—кто на четверкѣ, кто на тройкѣ, кто на парѣ. Наваливаются. На каждую лошадь кладутъ взвѣшанное количество пеньки, различное, смотря по силѣ лошади; все это дѣлается въ присутствіи рядчика, который получаетъ отъ купца накладную и задатокъ. Рядчикъ долженъ запомнить, сколько пеньки навалено каждому хозяину и, слѣдовательно, сколько денегъ тому придется получить при окончательномъ разсчетѣ. Навалившись, разумѣется, зашли въ кабачокъ, выпили, взяли по селедочкѣ, по калачику—за все платитъ рядчикъ изъ задатка, потому что ни у кого изъ крестьянъ денегъ съ собою нѣтъ. Отправились въ путь. Всю дорогу расходъ ведетъ рядчикъ, который на постоялыхъ дворахъ, въ кабакахъ, платитъ одинъ за всѣхъ за взятое сѣно, харчи, водку и всѣ эти расходы помнитъ. Доставили товаръ. Опять взвѣсили; недовѣсъ, положимъ, оказался противъ накладной; купецъ-пріемщикъ вычелъ изъ слѣдующей за провозъ платы цѣнность недостающаго товара и отдалъ причитающіяся деньги рядчику. Зашли въ кабакъ, выпили по стаканчику; кому нужно, взяли у рядчика денегъ на покупки въ городѣ, справили всѣ дѣла и отправились домой. Дома

разсчетъ: сосчитали, сколько на кого было положено пеньки и сколько кому причитается денегъ, сколько у кого было недовѣсу, сколько кто взялъ дорогой, сколько въ городѣ и сколько кому остается получить.

Мужикъ отлично понимаетъ счетъ, отлично понимаетъ всѣ хозяйственные разсчеты: онъ—вовсе не простофиля. Конечно, не всѣ мужики умны; конечно, есть между ними и идіоты, и дураки, и простофили, неспособные вести хозяйство; но такъ какъ дураки, при крестьянской обстановкѣ, неминуемо должны гибнуть отъ бѣдности, вслѣдствіе своей неспособности хозяйничать, то понятно, что встрѣтить въ деревнѣ между крестьянами дурака случается рѣдко, и каждый, сталкиваясь съ сѣрымъ народомъ, выноситъ впечатлѣніе о его несомнѣнной сметливости, сообразительности.

Чрезвычайно интересные типы сметливыхъ, умныхъ, обладающихъ необыкновенною памятью людей представляютъ всѣ крестьяне, занимающіеся спеціальными профессіями. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ типовъ подобнаго рода представляютъ странствующіе коновалы — наши доморощенные ветеринары. Въ нашей губерніи почти нѣтъ мѣстныхъ коноваловъ, да и тѣ, которые есть—преимущественно изъ бывшихъ крѣпостныхъ, обученныхъ въ то время, когда каждый зажиточный помѣщикъ стремился имѣть все свое — не пользуются хорошей репутаціей. Между тѣмъ, никакое хозяйство безъ коновала обойтись не можетъ, потому что въ извѣстное время года, напримѣръ, ранней весною, въ каждомъ хозяйствѣ бываетъ необходимо кастрировать какихъ нибудь животныхъ: поросятъ, баранчиковъ, бычковъ, жеребчиковъ. Безъ коновала никто поэтому обойтись не можетъ. Необходимость вызвала и людей, спеціалистовъ-коноваловъ, занимающихся кастрированіемъ животныхъ и отчасти ихъ леченіемъ, насколько это возможно для такихъ странствующихъ ветеринаровъ. Къ намъ коновалы приходятъ изъ далека. Есть гдѣ то цѣлыя селенія— кажется, въ Тверской губерніи—гдѣ крестьяне спеціально занимаются коновальствомъ, выучиваясь этому ремеслу преемственно другъ отъ друга. Два раза въ году—весной и осенью—коновалы отправляются изъ своихъ селъ на работу, работаютъ весной и возвращаются домой къ покосу; потомъ опять расходятся на осень и возвращаются на зиму домой. Каждый коновалъ идетъ по извѣстной линіи, изъ году въ годъ всегда по одной и той же, заходя въ лежащія на его дорогѣ деревни и господскіе дома; слѣдовательно, каждый коновалъ имѣетъ свою постоянную практику и обратно—каждая деревня, каждый хозяинъ, имѣетъ своего коновала, который побываетъ у него четыре раза въ годъ: два раза весною—идя туда и обратно—и два раза осенью. Коновалъ заходитъ въ каждый домъ и кастрируетъ все,

что требуется: понятно, что онъ знаетъ всѣ *свои* деревни и въ деревняхъ всѣхъ хозяевъ *поименно*. Обыкновенно, идя весною впередъ, коновалъ только работаетъ, но платы за работу — по крайней мѣрѣ у крестьянъ — не получаетъ, потому что, если операція была неудачна, платы не полагается. Проработавъ весну и возвращаясь домой, коновалъ, на обратномъ пути, опять заходитъ ко всѣмъ, у кого онъ работалъ, и собираетъ слѣдующій ему за труды гонораръ. Часто случается, что коновалъ и на обратномъ пути весною не получаетъ денегъ отъ бѣдныхъ крестьянъ, у которыхъ весною рѣдко бываютъ деньги; тогда онъ ждетъ до осени, когда у мужика будетъ „новь", когда онъ разбогатѣетъ, и получаетъ весенніе долги во вторую свою экскурсію, причемъ беретъ не только деньгами, но и хлѣбомъ, саломъ, яйцами, для чего обыкновеннно имѣетъ съ собою лошадь. Пройдя сотни верстъ, обойдя тысячи крестьянскихъ дворовъ, кастрировавъ несметное число баранчиковъ, поросятъ, бычковъ, коновалъ помнитъ, гдѣ, сколько и чего онъ сдѣлалъ и сколько остается ему долженъ каждый хозяинъ, у котораго онъ работалъ. Коновалы представляютъ интереснѣйшій примѣръ того, какъ потребность вызываетъ необходимыхъ дѣятелей. Кастрированіе домашнихъ животныхъ— такая потребность, безъ которой не можетъ существовать ни одно хозяйство, и вотъ эта потребность создала цѣлый классъ дѣятелей, достигшихъ въ этомъ дѣлѣ замѣчательнаго искусства, и устроила его необыкновенно практично, просто, удобно.

Въ производствѣ самой операціи кастрированія, коновалы достигли большой ловкости, что совершенно понятно, въ виду той огромной практики, которую они имѣютъ. Заходящій ко мнѣ коновалъ Иванъ Андреевичъ—коновалы пользуются большимъ почетомъ у крестьянъ, и ихъ обыкновенно зовутъ по отчеству — въ теченіи пяти лѣтъ кастрировалъ у меня множество различныхъ животныхъ, и не было ни одного несчастнаго случая: всѣ животныя послѣ операціи выхаживались легко и скоро. Точно также ни отъ одного изъ сосѣднихъ крестьянъ я не слыхалъ, чтобы когда-нибудь коновалъ сдѣлалъ операцію неудачно, чтобы животное околѣло, вслѣдствіе операціи. Это и понятно: такъ какъ коновалъ дорожитъ своей репутаціей, то, осмотрѣвъ животныхъ до операціи и замѣтивъ, что которое нибудь не здорово, онъ предупреждаетъ объ этомъ хозяина, указываетъ въ чемъ болѣзнь, для того, чтобы потомъ не подумали, что животное заболѣло отъ операціи. Впрочемъ, хозяину нечего опасаться, потому что, если онъ пожелаетъ, то можетъ у того же коновала *застраховать* свое животное. За свою работу коновалы берутъ не дорого: за кастрированіе баранчика—5 копѣекъ, за боровка—5 копѣекъ, за бычка—10

копѣекъ и, сверхъ того, если работы много, коновалъ получаетъ полштофъ водки и кусокъ сала, въ которомъ онъ, по окончаніи работы, жаритъ себѣ на закуску поступающіе въ его пользу органы, вынутые при операціи; впрочемъ, коновалъ выпиваетъ водку и съѣдаетъ приготовленное имъ жаркое не одинъ, а вмѣстѣ съ рабочими, которые помогали ему при работѣ, ловили и держали оперируемыхъ быковъ. Какой ветеринаръ согласится кастрировать животныхъ за такія цѣны!

Конечно, коновалъ получаетъ такую незначительную плату лишь за обыкновенную *работу*. Если же нужно кастрировать старыхъ быковъ, борововъ, жеребцовъ, то плата коновалу возвышается: онъ получаетъ рубль, пять, десять, двадцать пять рублей, смотря по трудности операціи, по цѣнности животнаго и т. д.: тутъ уже нѣтъ опредѣленныхъ цѣнъ; но цѣна устанавливается по взаимному соглашенію, потому что въ этихъ случаяхъ, какъ выражается нашъ Иванъ Андреевичъ, коновалъ беретъ деньги *не за работу, а за издѣліе*. Кастрировать баранчиковъ, поросятъ можетъ каждый коновалъ-мальчишка, обучающійся при своемъ отцѣ или братѣ; кастрировать бычковъ уже труднѣе, жеребчиковъ еще труднѣе; а труднѣе всего кастрировать старыхъ животныхъ. Тутъ уже коновалъ дѣйствуетъ гораздо осмотрительнѣе, внимательно изучаетъ животное, созываетъ на консиліумъ другихъ коноваловъ, идущихъ по паралельнымъ линіямъ и о мѣстѣ пребыванія которыхъ онъ всегда знаетъ, потому что, вѣроятно, есть пункты, въ которыхъ идущіе по разнымъ линіямъ коновалы сходятся. Часто случается, что, и послѣ консиліума, коновалы объясняютъ, что кастрировать животное нельзя, потому что они, дорожа своею репутаціей, вообще очень осмотрительны въ своемъ дѣлѣ и дорожатъ своею практикою, своими линіями, къ которымъ привыкли. Коновалы занимаются также и леченіемъ животныхъ; но значеніе ихъ въ этомъ отношеніи ничтожно, потому что они проходятъ только въ извѣстное время года. Но самое дорогое—то, что, поручая ваше животное коновалу, вы можете его *страховать* у того же самаго коновала; если вы не хотите рисковать, если вы очень дорожите животнымъ, если вы не вѣрите коновалу, то вы оцѣниваете ваше животное, и тогда коновалъ вноситъ вамъ назначенную сумму въ закладъ и затѣмъ дѣлаетъ операцію: если животное пропадетъ, то внесенная коноваломъ сумма остается въ вашу пользу. Понятно, что, при страхованіи, плата за операцію гораздо выше и тѣмъ выше, чѣмъ болѣе заклада вы потребуете отъ коновала. Если коновалъ разъ призналъ возможнымъ сдѣлать операцію, то онъ всегда возьмется страховать животное, если вы того пожелаете, потому что, если даже

у него самого нѣтъ денегъ, то онъ найдетъ другихъ коноваловъ и соберетъ требуемую сумму.

Мнѣ какъ-то случилось читать въ газетахъ, что наши незнающіе граматѣ коновалы — большое зло, потому что берутся лечить животныхъ, не обладая научными ветеринарными свѣдѣніями, что поэтому слѣдовало бы требовать отъ коноваловъ ветеринарнаго образованія и дозволять практиковать только тѣмъ изъ нихъ, которые выдержали установленный экзаменъ и получили ветеринарное свидѣтельство. Есл и будетъ установлено что-нибудь въ этомъ родѣ, то, разумѣется, только стѣснитъ дѣло и возвыситъ цѣны — ну, какой же ветеринаръ согласится обходить деревни и кастрировать баранчиковъ по 5 копѣекъ отъ штуки?—а добра никакого не выйдетъ. Да и чего же лучше желать: не все ли мнѣ равно, держалъ ли коновалъ экзаменъ, имѣетъ ли онъ отъ начальства ветеринарное свидѣтельство, когда онъ, приступая къ операціи, кладетъ, если я того пожелаю, въ закладъ опредѣленную сумму денегъ, которая меня вполнѣ обезпечиваетъ. Развѣ закладъ не лучше всякаго ветеринарнаго свидѣтельства! животныя— не люди и всегда имѣютъ опредѣленную цѣну. Конечно, не мѣшало бы, еслибы коновалы были болѣе образованны, болѣе свѣдущи, но для этого слѣдовало бы воспользоваться имѣющимся матеріаломъ и, не нарушая установившихся отношеній, учредить въ селеніяхъ, населенныхъ коновалами, которые обыкновенно люди зажиточные, элементарныя школы, въ которыхъ бы преподаваніе было приноровлено къ будущей спеціальности учениковъ; но страшно, все-таки, что если возьмутся за это петербургскіе дѣятели, то сейчасъ пойдутъ разныя регламентаціи, убивающія всякое живое дѣло.

...Взвѣсивъ ленъ, я захожу въ домъ закусить и, потомъ, отправляюсь на скотный дворъ. Я хотѣлъ описать мой зимній день; день только начинается, а я уже написалъ цѣлую тетрадь. Это уже вовсе не похоже на нашъ короткій зимній день. Не лучше ли на этомъ кончить?

VI.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я писалъ вамъ въ моемъ первомъ письмѣ изъ деревни: „Вы хотите, чтобы я писалъ о нашемъ деревенскомъ житьѣ бытьѣ. Исполняю, но предупреждаю, что рѣшительно ни о чемъ другомъ ни думать, ни говорить, ни писать не могу, какъ о хозяйствѣ. Всѣ мои интересы, всѣ интересы лицъ, съ которыми я

ежедневно встрѣчаюсь, сосредоточены на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ, навозѣ... Намъ ни до чего другого дѣла нѣтъ".

Семь лѣтъ тому назадъ, оно такъ и было: сидѣли мы, зарывшись въ навозѣ, исполняли, что требуется, и ни до чего другого намъ дѣла не было. Но вотъ и въ наше захолустье стали врываться струи иного воздуха и полегоньку насъ пошевеливать...

Коробочникъ Михайла, который прежде носилъ платки съ изображеніями пѣтуховъ, голубковъ и разныхъ невѣдомыхъ звѣрей и цвѣтовъ, вдругъ предлагаетъ платки съ изображеніями „предводителей и героевъ сербскаго возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, бьющихся за вѣру Христа и освобожденіе отечества отъ варваровъ". Ну, какъ не купить! за 20 копѣекъ вы получаете платокъ, на которомъ отпечатана приведенная надпись и 12 портретовъ съ подписями же: тутъ и „генералъ М. Г. Черняевъ", и „Лазарь Сочица", и „князь Миланъ сербскій"...

На пріѣзжей изъ Петербурга барынѣ—трехцвѣтный сине-красно-бѣлый галстухъ... Помощникъ начальника желѣзнодорожной станціи поступилъ въ добровольцы и уѣхалъ въ Сербію биться за вѣру Христа... Такъ называемый „Венгерецъ", торгующій въ разносъ мелкимъ товаромъ, предлагаетъ трехцвѣтные — сине-красно-бѣлые славянско-русскіе карандаши...

Какъ-то случилось заѣхать въ сосѣдній кабачекъ; вхожу и слышу: „Черняевъ! — это герой! понимаете вы? Такъ вѣдь, ваше в—діе, я говорю?" обращается ко мнѣ Фоминъ, безсрочно отпускной уланскій вахмистръ, окруженный толпою крестьянъ, которымъ онъ объяснялъ сербскія дѣла.

Сегодня въ ночь забрали безсрочно-отпускныхъ, въ томъ числѣ и моего гуменщика Федосѣича. Только что гуменщикъ спустилъ послѣднее „теплушко", прискакали съ приказомъ изъ волости. Староста разбудилъ и меня; дѣло экстренное, приказъ съ „перышкомъ": бородка гусинаго перушка прилѣплена къ сургучной печати, значитъ, гони, чтобъ живо!.. Нужно ночью сдѣлать разсчетъ, уплатить Федосѣичу заработанное жалованье, поднести на дорогу водочки, поставить новаго гуменщика. Прощаются, плачутъ, подводчикъ торопитъ, чтобы поспѣть къ свѣту въ городъ: „безпремѣнно приказано къ свѣту быть". Федосѣичъ тоже торопится; нужно еще заѣхать въ деревню, рубаху перемѣнить, сапоги и мундиръ захватить, съ женой и дѣтьми попрощаться.

— Ну, прощай, Федосѣичъ.

— Счастливо оставаться, ваше в—діе.

— Выпей еще стаканчикъ, да и ты, подводчикъ, выпей.

— Благодаримъ покорно, ваше в—діе.

— Прощайте, Иванъ Павлычъ, прощайте, Андріянычъ, прощайте, Прохоровна, счастливо оставаться, ваше в—діе. Насчетъ мальчишки, ваше в—діе, что просилъ: возьмите въ пастушки на лѣто.

— Хорошо, хорошо. Прощай, Федосѣичъ.

— Счастливо оставаться, ваше в—діе.

Опять будятъ ночью; приказъ изъ волости — лошадей требуютъ завтра въ волость, всѣхъ лошадей, чтобъ безпремѣнно къ свѣту быть...

Федосѣичъ вернулся изъ города, веселый, сіяющій.

— Ну, что?

— Не взяли, ваше в—діе.

— Что жь? опять овинъ топить будешь?

— Опять буду топить, ваше в—діе, радуется Федосѣичъ.

— Ну, ступай, кури. Акеню опять на скотный дворъ поставить, а Фоку отпустить.

— Слушаю, ваше в—діе. Благодаримъ покорно, что принимаете.

— Отчего хорошаго человѣка не принять.

— Въ другихъ мѣстахъ не принимаютъ. Возись, говорятъ, съ вашими, безсрочными, по ночамъ. Сегодня стоишь, а завтра тебя спросятъ; безпокойство одно. Такъ и не принимаютъ.

— А многихъ отпустили?

— Многихъ. Самую малость взяли.

— А спрашивали всѣхъ?

— Всѣхъ, всѣхъ въ городѣ собрали.

Холсты выбираютъ на раненыхъ... Бабы было заартачились, не хотѣли давать, но мужики заставили...

Сельскій староста пришелъ. Выхожу. Вынимаетъ что-то изъ-за пазухи, развертываетъ тряпицу—книжка съ краснымъ крестомъ.

— Нѣтъ, братъ, своя есть!

Я иду въ кабинетъ и торжественно выношу такую же книжку съ краснымъ крестомъ.

— Много ли собралъ?

— Самую малость! какія теперь весною у мужика деньги, хлѣба у иного нѣтъ.

— И у меня собрано мало: господа тоже мало даютъ.

— Собирателей много.

Опять лошадей требуютъ.

Покосъ. День жаркій. Валятъ клеверъ. Косцы присѣли отдохнуть и трубочки покурить. На дорогѣ показалась пыль, скачетъ кто-то... Иванъ-староста на жеребчикѣ.

— За мной, должно быть, говоритъ Митрофанъ.

Митрофанъ—безсрочно-отпускной унтеръ-офицеръ изъ мѣстной уѣздной команды.

— За тобой! Мѣщанки развѣ въ городѣ взбунтовались? смѣется кто-то изъ косцовъ—Зачѣмъ тебя возьмутъ! Ты и службы-то никакой не знаешь, арестантовъ только водилъ.

— Митрофана требуютъ, объявляетъ Иванъ, соскакивая съ лошади.

Идемъ домой: нужно сдѣлать разсчетъ. У Митрофана—жена, двое дѣтей—одинъ грудной; слѣпая старуха, мать жены. У него есть въ деревнѣ своя избушка, своя холупинка, какъ говоритъ старуха, корова, маленькій огородецъ. Митрофанъ кормитъ семейство своимъ заработкомъ, нанимаясь зимою рѣзать дрова, а лѣтомъ въ батраки. По разсчету, Митрофану приходится получить всего 1 рубль 40 копѣекъ, потому что онъ все жалованье забиралъ мукой и крупой для прокормленія семейства. Если Митрофана возьмутъ, то семейство его останется безъ всякихъ средствъ къ существованію и должно будетъ кормиться въ міру, если не выйдетъ пособія.

Колокольчикъ. Телѣга парой несется во весь духъ. Остановились у застольной. Изъ телѣги выскакиваетъ Фролченокъ, безсрочно-отпускной молодой унтеръ-офицеръ, стрѣлокъ, со множествомъ разныхъ нашивокъ на погонахъ.

— Попрощаться съ вами заѣхалъ, А. Н.

Фролченокъ въ покосъ иногда поденно работалъ у насъ.

— Нужно-жь водочки выпить на дорогу.

— Благодаримъ покорно.

Пьемъ водку, подносимъ старухѣ, матери Фролченка, которая ѣдетъ его провожать въ городъ, подводчику. Всѣ они уже и безъ того выпивши.

— Счастливо оставаться, ваше в—діе.

Фролченокъ вскакиваетъ въ телѣгу... Пошолъ! Телѣга вскачь летитъ подъ гору.

Черезъ два дня, Митрофанъ и Фролченокъ возвращаются изъ города. Ошибка: требовали зачѣмъ-то отставныхъ: значитъ „нашего Царя неустойка", стало быть безсрочныхъ и подавно слѣдуетъ выгнать.

Митрофанъ молча опять взялся за косу, радъ былъ, что дешево отдѣлался. Фролченокъ харахорился.—Я, говоритъ, со старшины искать буду: я все платье распродалъ за безцѣнокъ.

— А зонтикъ продалъ?—подсмѣиваюсь я.

Фролченокъ ходилъ въ вольномъ платьѣ и всегда носилъ съ собой зонтикъ. Онъ служилъ въ Москвѣ у кого-то въ камердинерахъ, при хорошемъ мѣстѣ былъ, пріѣхалъ въ деревню въ гости, а тутъ его и оставили дожидаться, пока потребуютъ на войну. Работалъ

онъ у насъ поденно: клевръ приходилъ косить, сѣно убирать. Мужицкую работу онъ, разумѣется, знаетъ: работникъ здоровый. Дѣтей у него нѣтъ, жена съ нимъ не живетъ. Ну, скосилъ десятину клевера, получилъ два рубля—гуляй съ бабами. Прогуляетъ деньги; пальто и зончикъ въ сундукъ, косу въ руки—и пошелъ махать. А тутъ потребовали; продалъ пальто и зонтикъ—и вдругъ вернули. Обидно.

Потребовали опять всѣхъ безсрочныхъ, продержали въ городѣ нѣсколько дней, Федосѣича и Фролченка вернули, а Митрофана угнали.

Ополченцевъ взяли.

Турокъ плѣнныхъ въ городъ привезли. Савельичъ не утерпѣлъ, отпросился въ городъ сапоги покупать, но „умыселъ другой тутъ былъ": Савельичъ ходилъ турокъ смотрѣть, *калачикъ имъ подалъ*.

— Сулеймана разбили, докладываетъ староста Иванъ.

— Что ты!

— Я нарочно затѣмъ и вернулся, чтобы вамъ сообщить. На перекресткахъ Осипа Ильича встрѣтилъ, изъ города ѣдетъ, веселый такой—Что? спрашиваю. „Турокъ, говоритъ, побили. Въ городѣ флаги навѣшаны, богомоленье, во всѣхъ лавкахъ газеты читаютъ. Султана разбили, говоритъ". А я ему говорю: должно быть Сулеймана... „Такъ, говоритъ, такъ—онъ у нихъ въ родѣ Царя".

— Михей! валяй скорѣй на станцію за газетами.

Это было извѣстіе о пораженіи Мухтара-паши.

Митрофаниха пришла.

— Что тебѣ, Митрофаниха?

— Письмо отъ мужа пришла прочитать...

— Хорошо. Давай, прочитаю.

„Милой и любезной и дрожающей моей родительницы, матушки Арины Филипьевны, отъ сына вашего Митрофана въ первыхъ строкахъ моего письма посылаю я тебѣ свое заочное почтеніе и низкій поклонъ отъ лица и до сырой земли и заочно я прошу у васъ вашего родительскаго миръ благословенія и прошу васъ, матушка моя, проси Господа Бога обо мнѣ, чтобы меня Господь спасъ. Ваша материнская молитва помогаетъ весьма. Еще милому и любезному моему братцу" и т. д. слѣдуютъ поклоны всѣмъ родственникамъ и потомъ: „еще, мои родители, увѣдомляю я васъ, что я прибылъ на мѣсто четыреста верстъ за Кавказъ, стою теперь въ лагеряхъ подъ Карцеемъ въ Турцыи и вижу свою смерть въ двадцать верстахъ, а только сутьбы своей не знаю; слышу я турецкія бомбы и вижу дымъ и ожидаю часъ на часъ въ бой поступить"... Затѣмъ опять поклоны женѣ, дѣтямъ, тещѣ и наконецъ: „пропиши ты мнѣ, какъ ты жи-

вешь и насчетъ выборки льна небылоль тебѣ какого-нибудь препятствія, уплатилъ ли тебѣ баринъ мои остальныя деньги или вычелъ за харчи; еще увѣдомь меня, какъ твое дѣло насчетъ дѣтскаго пособія".

Митрофанъ еще зимой взялъ впередъ деньги подъ жнитво ржи у меня и подъ выборку льна у сосѣдней помѣщицы. Жена его его, оставшаяся съ слѣпой старухой-матерью и двумя дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованію, потому что ее кормилъ своимъ заработкомъ мужъ, должна была еще выполнить работы, на которыя обязалась. И выполнила.

— Плевну взяли!

Приказано насушить по ведру капусты съ души.

Приходилъ сотскій: требуютъ свѣдѣнія о количествѣ владѣльческой земли, послѣ построекъ, примѣрномъ числѣ жителей и пр.

— Сегодня я въ деревнѣ на сходку попалъ, докладываетъ Иванъ.

— Объ чемъ же сходка?

— Да вотъ, насчетъ того, что сотскій приходилъ. Онъ объ чемъ бумагу-то приносилъ?

— Спрашиваютъ—сколько земли, построекъ...

— Такъ. А мужики толкуютъ, сотскій бумагу насчетъ новаго Положенія приносилъ; говорятъ, что весной землемѣры пріѣдутъ, землю дѣлить.

— Ну!

— Я имъ смѣялся: клеверъ-то, говорю, хоть намъ оставьте. Да и загвоздку запустилъ.

— Какъ?

— Чему радуетесь? говорю.—И за эту-то землю еле успѣваете уплачивать, а какъ еще нарѣжутъ—чѣмъ платить будете?

— Что-жь они?

— Сердятся. Ты, говорятъ, всегда такъ разведешь. Панамъ, говорятъ, казна тѣми деньгами заплатитъ, что съ турокъ возьметъ. Ты знаешь ли, говорятъ, какую бумагу сотскій приносилъ? — „Не знаю".—То-то. Бумага-то насчетъ земли.

— Да они почемъ же знаютъ, какую бумагу?

— Сотскій на мельницу заходилъ, разсказывалъ, должно быть.

Въ тотъ же день вечеромъ загадалъ придти ко мнѣ зачѣмъ то Егоренокъ, первый богачъ у насъ въ деревнѣ: тысячъ пять, говорятъ, у него въ кубышкѣ есть. Понятно, что насчетъ земли и бумаги, что сотскій приносилъ, разспросить хотѣлъ. Разговорились.

— Что-жь, говорю, землю подѣлимъ, а вотъ когда твою кубышку дѣлить станемъ?

Смѣется.

— Моя кубышка при мнѣ. Это Иванъ Павлычъ пустое на смѣхъ поднялъ. Мало ли что болтаютъ: разговоръ всякій идетъ. Совсѣмъ не то.

— Такъ какъ же ты понимаешь?

— А вотъ, говорятъ, всѣ земли будутъ обложены — это вѣрно. А кто не въ состояніи платить, что будетъ положено, такъ другой можетъ за себя взять, если ему есть чѣмъ заплатить.

— Понимаю.

— Вѣрно такъ. Теперь такихъ хозяйствъ какъ ваше, много ли?— одно, два въ уѣздѣ, а у другихъ всѣ земли пустуютъ. Чѣмъ же онъ подати платить будетъ? А мужичекъ заплатитъ; у мужичковъ еще много денегъ есть, вонъ въ Холмянкѣ какіе богачи есть, въ Хромцовѣ тоже, въ Семенишкахъ, да мало ли—почитай въ каждой деревнѣ одинъ, два найдется.

— Ну, и ты тоже, при случаѣ, земельку возьмешь?

— И я тоже. Вотъ такъ-то изъ кубышекъ деньги и повытащимъ; по немножку, по немножку, всѣ и по вытащимъ, смѣется онъ.

Молодого, рябого кобеля прозвали Мухтаромъ. Всѣ зовутъ его теперь Мухтаркой, Мухтаромъ; только одинъ Кирей-пастухъ по старому зоветъ Соколомъ.

Коробочникъ Михайла принесъ военныя картины: и „Чудесный обѣдъ генерала Скобелева подъ непріятельскимъ огнемъ", и „Штурмъ Карса", и „Взятіе Плевны". Всѣ картины Михайла знаетъ въ подробности и, какъ прежде объяснялъ достоинства своихъ ситцевъ и платковъ, такъ теперь онъ разсказываетъ свои картины.

— Вотъ это, объясняетъ онъ въ застольной собравшимся около него бабамъ и батракамъ:—вотъ это Скобелевъ—генералъ, Плевну взялъ. Вотъ самъ Скобелевъ стоитъ и пальцемъ показываетъ солдатамъ, чтобы скорѣе бѣжали ворота въ Плевну захватывать. Вонъ, видишь, ворота, вонъ солдаты наши бѣгутъ. Вотъ Османа пашу подъ руки ведутъ—ишь скрючился! Вотъ наши Карсъ взяли; видишь, нашъ солдатъ турецкое знамя схватилъ? указываетъ Михайла на солдата, водружающаго на стѣнѣ крѣпости знамя съ двухглавымъ орломъ.

— Это русское знамя, а не турецкое, замѣчаю я.

— Нѣтъ, турецкое. Видите, на немъ орелъ написанъ, а на русскомъ крестъ былъ бы.

— Вотъ Скобелевъ обѣдаетъ...

Сидоръ привезъ изъ города календарь. Иванъ, Авдотья, Михей, всѣ пришли Гуркинъ портретъ смотрѣть. У насъ давно уже были всѣ карточки: и Черняева, и Скобелева и др., но Гуркиной не было.

А Гуркинова портрета всѣ ждали давно съ нетерпѣніемъ, по том что въ народѣ ходитъ слухъ, что въ дѣйствительности никакого Гурки нѣтъ, что Гурко—это переодѣтый Черняевъ, которому приказано называться Гуркой, потому что Черняева не любятъ; что какъ пріѣхалъ Черняевъ, такъ и пошли турокъ бить. Слухъ, что Гурко переодѣтый Черняевъ, распространили *раненые солдаты,* отпущенные домой на поправку. Понятно, что раненому солдату вѣрятъ, какъ никому.

Опять Митрофаниха пришла. Еще письмо отъ Митрофана.

Послѣ обычныхъ поклоновъ, просьбы о „миръ-благословенія“ и т. д., онъ пишетъ: „мы пострадали на войнѣ, приняли голоду и холоду при городѣ Карсѣ. Мы на него наступали въ ночь съ 5-го на 6-е ноября. Такъ какъ пошли наступать, насъ турокъ стрѣтилъ сильнымъ огнемъ, мы на евто не взирали, шли прямо на огонь ихній, подошли къ крѣпости, лишились своего ротнаго командира и полковника и убили командира бригаднаго, ну наши солдаты не унывали и всѣхъ турокъ изъ крѣпости выбили штыками. Такая была драка, нашего брата много легло, ну турокъ наколотили все равно, какъ въ лѣсу валежнику наваляли; ночь была холодная, раненые очень пострадали больше отъ холоду“. И далѣе: „еще, милая моя супруга, увѣдоми меня, какъ ты находишься съ дѣтьми и всѣ ли живы и благополучны; еще пропиши мнѣ насчетъ коровы, продала или нѣтъ; если корова цѣла, то прошу не продавать, не обойдешься ли такъ какъ-нибудь, можетъ Господь дастъ не возврачусь-ли на весну домой. А если трудно будетъ прожить, то продай сани, себя голодомъ не мори“.

— Ну, что-жь Митрофаниха, нужно отвѣтъ-то писать?

— Напишите, А. Н., вы лучше знаете, какъ писать.

— Вотъ ты все боялась, что Митрофанъ убитъ, а онъ, слава Богу, живъ. На радости можно водочки выпить.

Митрофаниха улыбается.

— Михей, поднеси-ка Митрофанихѣ красненькой. Ну, какъ же ты живешь?

— Перебиваемся кое-какъ. Вотъ насчетъ дровъ трудно: съ осени валежникъ въ лѣсу подбирали... Ишь: „турокъ какъ валежнику въ лѣсу наваляли!“ засмѣялась Митрофаниха, вспомнивъ про письмо:— а теперь снѣгомъ занесло.

— А насчетъ пособія—подала старшинѣ просьбу?

— Подала.

— Что-жь онъ сказалъ?

— Разсердился. Наругалъ—сами знаете какой онъ ругатель—тебя,

говоритъ, въ холодную посадить слѣдуетъ. Что выдумали!.. Прошеніе! Вы этакъ надумаетесь еще въ городъ идти съ прошеніями. Вотъ я васъ!

— А прошеніе взялъ?

— Взялъ. Писарь прочелъ. Эхъ, говоритъ, хорошо написано, и бумага какая бѣлая! Ступай домой, дожидайся, когда выйдетъ отъ начальства положеніе, тогда позовемъ. Матку тоже слѣпую прописали. Зачѣмъ? Это твоя матка, а не солдатова. Солдатова матка съ другимъ сыномъ живетъ.

— Да вѣдь и солдатова матка тоже въ „кусочки" ходитъ.

— Разговаривай еще.

Положеніе многихъ солдатокъ, оставшихся послѣ безсрочныхъ, вытребованныхъ на войну, по истинѣ, бѣдственное. Прошло уже болѣе года, а деревенскимъ солдаткамъ—городскимъ солдаткамъ выдаютъ пособія—до сихъ поръ еще нѣтъ никакого пособія, ни отъ волости, ни отъ земства, ни отъ приходскихъ попечительствъ, существующихъ, большею частію, только на бумагѣ. Частная благотворительность выражается только „кусочками". Что было, распродали и съѣли, остается питаться въ міру, ходить въ „кусочки". Бездѣтная солдатка еще можетъ наняться гдѣ-нибудь въ работницы, хотя ныньче зимой и въ работницы мѣсто найти трудно, или *приеосндиться* къ кому-нибудь— вотъ и взыскивай потомъ солдатъ, что ребенка нажила — или, наконецъ, идти въ міръ, питаться „кусочками", хотя ныньче и въ міру плохо подаютъ. Но что дѣлать солдаткѣ съ малолѣтними дѣтьми, неимѣющей ничего, кромѣ „изобки"? Въ работницы зимой даже изъ-за куска никто не возьметъ. Идти въ „кусочки",—на кого бросить дѣтей? Остается одно. Оставивъ дѣтей въ „изобкѣ", которую и топить-то нечѣмъ, потому что *валежникъ въ лѣсу занесло снѣгомъ,* побираться по своей деревнѣ. Ну, а много-ли подадутъ въ деревнѣ? Хорошо еще, если деревня большая.

Вотъ они—многострадальныя матери!

Къ тому же ныньче у насъ полнѣйшій неурожай. Я продаю сухую овинную рожь по 9 рублей за четверть. Степная, затхлая, проросшая рожь 7 рублей, 7 съ полтиной. Мука 1 руб., 1 руб. 10 коп. за пудъ. Мало того, ржи въ продажѣ нѣтъ; здѣшнюю рожь всю распродали, пріѣли, степной не подвозятъ. Крестьяне начали покупать хлѣбъ еще съ октября. Уже въ концѣ ноября я прекратилъ огульную продажу ржи, и продаю хлѣбъ только знакомымъ крестьянамъ изъ сосѣднихъ деревень: стараюсь задержать хлѣбъ до весны, потому что иначе некому будетъ работать. При такихъ обстоятельствахъ, много-ли подадутъ „побирающимся", а ихъ является ежедневно болѣе 20 чело-

вѣкъ. Въ сосѣдней деревнѣ изъ 14 дворовъ подаютъ только въ трехъ, да и какіе кусочки подаютъ!—три раза укусить, какъ по закону полагается. Много-ли же соберетъ солдатка, у которой двое дѣтей, если ей нельзя идти далѣе своей деревни?

Вчера ко мнѣ пришли пять солдатокъ за совѣтомъ—что имъ дѣлать?

— Въ волость ходили. Наругали, накричали. Нѣтъ, говорятъ, вамъ пособія, потому что за вашимъ обществомъ недоимокъ много. А я ему: что же мнѣ-то дѣлать?—не убить же дѣтей? Вотъ принесу дѣтей, да и кину тутъ, въ волости.—А мы ихъ въ рощу вонъ въ снѣгъ выбросимъ, ты же отвѣчать будешь, говоритъ писарь.

— Да вы бы просили у волости свидѣтельствъ, что вы дѣйствительно солдатки съ дѣтьми. Куда бы ни пришла, теперь солдаткѣ вездѣ бы подали. Мужъ гдѣ?

— Въ Турцыи; пишетъ, за горами. И то просили свидѣтельствъ. Не даютъ. Не приказано, говорятъ, выдавать. А то выдай вамъ свидѣтельство, вы и почнете въ городъ таскаться, начальство безпокоить. Самъ становой сказалъ, *не приказано выдавать*. У меня и мірской приговоръ есть, что я солдатка съ тремя дѣтьми, да печатей не приложено. Не прикладываютъ въ волости. Колибъ печати—въ городъ бы пошла.

— Чѣмъ же питаетесь?

— Что было, распродали: у меня двѣ коровы было—за ничто пошли, теперь въ міру побираемся. Мало подаютъ—самъ знаешь, какой нынче годъ.

— Вы бы въ городъ, въ земскую управу сходили.

— Ходила я. Вышелъ начальникъ, книгу вынесъ: ты, говоритъ, здѣсь съ дѣтьми записана, только у насъ денегъ нѣтъ, не изъ своего же жалованья намъ давать? и мировымъ судьямъ жалованья платить нечѣмъ. Нѣтъ, говоритъ, въ управѣ денегъ. Что намъ дѣлать? посовѣтуй ты намъ.

Я посовѣтовалъ отправиться къ губернатору. И что же можно еще посовѣтовать? Кто же можетъ помочь, кромѣ начальства? Въ міру только „кусочки“ подаютъ, но куда же она дѣнетъ дѣтей, чтобы идти за кусочками?

Начальство и холсты выбираетъ; начальство и капусту сушитъ; начальство и солдаткамъ поможетъ. Что же мы можемъ сдѣлать безъ начальства?

Михей привезъ со станціи извѣстіе, что Сулеймана—въ этотъ разъ заправду Сулеймана—разбили. Въ газетахъ еще ничего нѣтъ, а слухъ уже есть.

Дочь моя пріѣхала изъ Петербурга и привезла карточку Гурко, большого формата. Всѣ пришли смотрѣть. „Ишь какой большой, замѣчаетъ Иванъ, который, разумѣется, не вѣритъ, что Гурко переодѣтый Черняевъ:—его нужно рядомъ съ Скобелевымъ на стѣну повѣсить, пусть двое повыше будутъ. У насъ, въ столовой, на стѣнѣ прибиты карточки всѣхъ героевъ и вождей нынѣшней войны и рядомъ царскіе манифесты.

Сегодня мятель, вьюга, такъ и несетъ. Мать Митрофана, родная мать, та, которую онъ проситъ въ письмѣ, чтобы она молила Господа Бога объ немъ, потому что материнская молитва помогаетъ весьма, побираясь по міру, забрела и къ намъ: мы, по обычаю, тоже подаемъ кусочки.

Мірская помощь кусочками—право, отличная помощь. По крайней мѣрѣ, тутъ не спрашиваютъ: кто? что? зачѣмъ? почему? какъ спрашиваютъ въ благотворительныхъ комитетахъ. Подаютъ „всѣмъ", молча, ничего не спрашивая, не залѣзая въ душу. Надѣта холщевая сума,—значитъ, по міру побираются; хозяйка рѣжетъ кусочекъ и подаетъ. Еслибы не было мірской помощи кусочками, то *многія солдатки давно бы съ голоду померли.* Когда еще выйдетъ пособіе, а ѣсть нужно.

Митрофанова матка, узнавъ отъ Ивана-старосты, что получено отъ Митрофана письмо, что онъ живъ, заплакала, обрадовалась: „не знала, говоритъ, — за здравіе или за упокой поминать", и заявила, что хотѣла бы послать сыну рубль, только при ней нѣтъ, въ деревню же за десять верстъ теперь, въ мятель, идти далеко. Иванъ ее успокоилъ и обѣщалъ послать свой рубль.

Вечеромъ Иванъ принесъ мнѣ рубль и просилъ послать Митрофану отъ матери. Черезъ недѣлю, Митрофанова матка опять пришла въ „кусочки" и принесла Ивану долгъ—рубль: чтобы добыть этотъ рубль, она продала холстину.

Вспомните Некрасова;

> Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
> Святыя, искренныя слезы—
> То слезы бѣдныхъ матерей:
> Имъ не забыть своихъ дѣтей,
> Погибшихъ на кровавой нивѣ.

Шипкинскую армію Скобелевъ взялъ! Гурко-Черняевъ взялъ Филиппополь!

Сегодня Михей привезъ газеты! Миръ! Мы тотчасъ же подняли флагъ.

Всѣ спрашиваютъ, что значитъ флагъ?—Миръ!—Ну, слава тебѣ

Господи! крестится каждый. А Костйполь взяли наши?—Нѣтъ. Недоумѣніе на лицѣ. — А много наши турецкой земли забрали? — Много. — Третью часть забрали?... — Больше. — Ну, слава тебѣ, Господи!

За здравіе Скобелева подавали. Попъ не принимаетъ: имя, говоритъ, скажи.

— Михаилъ. Михаилъ Дмитріевичъ.

Разнесся слухъ, что безземельныхъ будутъ на турецкую землю переселять. У меня два мальчика служатъ: Михей и Матвей. Оба безземельные, незаконнорожденные. Матвей—по черной работѣ: ходитъ зимой на скотномъ дворѣ, лѣтомъ на полевой работѣ; Михей въ домѣ прислуживаетъ. Когда разнесся слухъ, что безземельныхъ будутъ на турецкую землю переселять, говорю Михею: вотъ, Михей, посадятъ тебя на землю, а ты ни косить, ни пахать не умѣешь. Матвей-то умѣетъ, а ты нѣтъ.—Ничего, говоритъ, и тамъ, въ Турціи, господа будутъ, и тамъ прислуга нужна будетъ.

Вотъ онъ, практическій русскій умъ!

И Михей не боится, что его, безземельнаго, въ турецкую землю переселятъ, потому что и тамъ „господа будутъ"; а Матвей боится, не хочетъ, потому что въ турецкой землѣ „на волахъ пашутъ"...

Миръ!...

Давно уже собирался писать вамъ. Послѣдующее, большею частію, написано еще осенью прошлаго 1876 года, но я все не рѣшался послать. Не такое время было. А теперь примите, и если что переписалъ или не дописалъ, не кляните.

...*Декабрь 1876 года*... Конечно, мы и теперь занимаемся все тѣмъ же, чѣмъ и прежде: молотимъ хлѣбъ, мнемъ ленъ, кормимъ скотъ, а все-таки не то. „Оно тоё, говоритъ, почесываясь, нашъ смоленскій мужикъ:—оно тоё, да не!" Прежде, бывало, холмогорская телка, которую я воспитывалъ съ особеннымъ стараніемъ, *сама по себѣ* представляла интересъ; я радовался, что она здорова, хорошо ѣстъ, хорошо ростетъ, любовался, какъ она пережевываетъ жвачку и маячитъ хвостомъ. А теперь, что мнѣ телка! Все такъ же я ее ласкаю, кормлю хлѣбомъ, но въ тотъ моментъ, когда я чешу за ухомъ протянутую ко мнѣ красивую бѣлую голову, мысли мои далеко.

Бывало, принявъ по утру смятый на ночь ленъ, я иду въ домъ, закусываю, потомъ иду смотрѣть, какъ бабы новый овинъ льну насаживаютъ, потомъ иду на скотный дворъ, потомъ обѣдаю, отдыхаю. А теперь совсѣмъ не то пошло.

Придешь домой послѣ пріемки лѣна. Что бы закусить, да на скотный дворъ... Нѣтъ. Не терпитъ душа.

— А что, Колька, не поѣхать ли намъ покататься? спрашиваю я у своего маленькаго сына.

Колька начинаетъ визжать и прыгать отъ радости.

— Поѣдемъ. Сегодня погода хорошая, да и жеребчика нужно проѣздить.

Черезъ нѣсколько минутъ, подаютъ жеребчика; мы ѣдемъ кататься и всякій разъ непремѣнно заѣзжаемъ въ сосѣдній кабачокъ. И я, и Колька очень любили этотъ кабачокъ: Колька—потому что въ кабачкѣ продавались баранки и конфекты, я—потому что въ кабачкѣ всегда можно было услыхать самыя свѣжія политическія новости, именно, самыя *свѣжія политическія* новости, хотя въ кабачкѣ никакихъ газетъ не получалось. Къ сожалѣнію, кабачокъ этотъ въ нынѣшнемъ году закрылся и причиною этого опять-таки была война, которая такъ взбудоражила нашу тихую до того времени однообразную жизнь, съ ея исключительно хозяйственными интересами.

Кабачокъ помѣщался на землѣ сосѣдняго владѣльца—дворянина, у котораго на 90 десятинахъ принадлежащей ему земли ничего, кромѣ этого кабачка, не было. Самъ владѣлецъ служилъ на желѣзной дорогѣ старшимъ ремонтнымъ рабочимъ; земля пустовала, а кабачекъ держалъ безсрочно-отпускной уланскій вахмистръ, который съ женой жилъ и торговалъ тутъ. Вахмистра, точно такъ же, какъ и моего гуменщика Федосѣича, нѣсколько разъ призывали на службу, хватали по ночамъ, возили въ городъ, но всегда отпускали,—по ненадобности. Хотя вахмистръ, въ концѣ концовъ, остался дома, но, додержавъ патентъ до конца года, долженъ былъ прикрыть свою торговлю, потому что брать патентъ при такихъ обстоятельствахъ было невозможно, да и кредита, необходимаго для торговли, не могло быть. Прикрывъ кабачокъ, онъ поселился въ деревнѣ у родственниковъ и жилъ, какъ Фролченокъ, со дня на день, поджидая, что не сегодня-завтра его возьмутъ и отправятъ куда нибудь подъ Карсъ или Плевну.

Кабачокъ помѣщался въ старой, покачнувшейся на бокъ, маленькой, полусгнившей избушкѣ, какихъ не найти и у самаго бѣднаго крестьянина. Все помѣщеніе кабачка восемь аршинъ въ длину и столько же въ ширину; большая часть этого пространства занята печью, конуркой хозяевъ, стойкой, полками, на которыхъ разставлена посуда, бутыли очищенной, бальзама—напитка пріятнаго и полезнаго—и всякая дрянь. Для посѣтителей остается пространство въ

3 аршина длиной и 4 шириной, въ которомъ скамейки около стѣнъ и столикъ. Въ кабачкѣ грязно, темно, накурено махоркой, холодно, тѣсно и всегда полно — по пословицѣ: „не красна изба углами, а красна пирогами“—и не пирогами, а привѣтливостью хозяевъ. Пироги, какъ и во всякомъ кабакѣ, извѣстно какіе: вино, простое вино, зелено вино, акцизное вино неузаконенной крѣпости, даже не вино, а водка „сладко-горькая“, какъ гласитъ ярлыкъ, наклеенный на бочкѣ, сельди-ратники, баранки, пряники, конфеты по 20 копѣекъ за фунтъ. Но хозяинъ вахмистръ съ хозяйкой Сашей, своею привѣтливостью, честностью, отсутствіемъ свойственной кабатчикамъ жадности къ наживѣ, привлекали всѣхъ. И вахмистръ и его жена, Саша, были люди умные, не кулаки, съ Божьей искрой, какъ говорятъ мужики. Главное же, въ кабачкѣ всегда можно было узнать самыя животрепещущія новости. Самъ хозяинъ безсрочно-отпускной, понятно, жаждалъ новостей, какъ человѣкъ, близко заинтересованный въ дѣлѣ, человѣкъ, котораго не сегодня-завтра могутъ схватить и угнать. Какъ бывшій мужикъ, не разорвавшій съ мужикомъ связи и теперь обращающійся въ мужицкой средѣ, онъ понималъ смыслъ мужицкой рѣчи, смыслъ мужицкихъ слуховъ; какъ солдатъ, онъ понималъ и солдата; какъ уланскій вахмистръ, ясно,—человѣкъ не глупый, интеллигентный, цивилизованный, онъ интересовался газетными извѣстіями, назначеніями и пр. Говорилъ онъ превосходно, энергично, въ особенности когда говорилъ о Черняевѣ, о кавалерійскихъ маневрахъ, молодецкихъ переходахъ и пр.

Стройная фигура этого бѣлокураго, съ блестящими глазами и энергичными жестами солдата, въ розовой ситцевой рубахѣ, и теперь, какъ живая, стоитъ поредъ моими глазами. „Черняевъ — это герой!“ слышится мнѣ.

Я уже говорилъ въ моихъ письмахъ, что мы, люди, не привыкшіе къ крестьянской рѣчи, манерѣ и способѣ выраженія мыслей, мимикѣ, присутствуя при какомъ нибудь раздѣлѣ земли или какомъ нибудь разсчетѣ между крестьянами, никогда ничего не поймемъ. Слыша отрывочныя, безсвязныя восклицанія, безконечные споры съ повтореніемъ одного какого нибудь слова, слыша это галдѣніе, повидимому, безтолковой, кричащей, считающей или измѣряющей толпы— подумаемъ, что тутъ и вѣкъ не сочтутся, вѣкъ не придутъ къ какому нибудь результату. Между тѣмъ, подождите конца, и вы увидите, что раздѣлъ произведенъ математически точно—и мѣра, и качество почвы, и уклонъ поля, и разстояніе отъ усадьбы, все принято въ разсчетъ, что счетъ сведенъ вѣрно и, главное, каждый изъ присутствующихъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ людей, убѣжденъ въ вѣр-

ности раздѣла или счета. Крикъ, шумъ, галдѣніе не прекращаются до тѣхъ поръ, пока есть *хоть одинъ* сомнѣвающійся.

То же самое и при обсужденіи міромъ какого нибудь вопроса. Нѣтъ ни рѣчей, ни дебатовъ, ни подачи голосовъ; кричатъ, шумятъ, ругаются,—вотъ подерутся; кажется, галдятъ самымъ, повидимому, безтолковѣйшимъ образомъ. Другой молчитъ, молчитъ, а тамъ вдругъ ввернетъ слово — одно только слово, восклицаніе, и этимъ словомъ, этимъ восклицаніемъ, перевернетъ все вверхъ дномъ. Въ концѣ концовъ, смотришь, постановлено превосходнѣйшее рѣшеніе и опять таки, главное, рѣшеніе единогласное.

Еще труднѣе намъ понять смыслъ политическихъ слуховъ, ходящихъ въ народѣ, и выяснить себѣ его воззрѣнія на совершающіяся событія.

Зная, сколь невѣжественны крестьяне, зная, что они не обладаютъ даже самыми элементарными географическими, историческими, политическими познаніями, зная, что крестьяне 11 мая празднуютъ и молятся *Царю-Граду*, чтобы градъ не отбилъ поля, зная, что не всякій попъ объяснитъ, что это за „Обновленіе Цареграда", о которомъ прописано въ календарѣ подъ 11 мая, зная, что и дьячокъ, распѣвающій за молебномъ „аллилуя" и „радуйся", тоже убѣжденъ, что молятся Царю-Граду и усердно кладетъ поклоны, чтобы и его рожь не отбило градомъ,—право, не можешь себѣ представить, чтобы у этихъ людей могли быть какія нибудь представленія о совершающихся политическихъ событіяхъ.

Казалось бы, можно ли интересоваться тѣмъ, чего не знаешь, можно ли сочувствовать войнѣ, понимать ея значеніе, когда не знаешь, что такое Царьградъ?

А между тѣмъ, неся всѣ тягости войны, которыхъ не можетъ не чувствовать мужикъ, слыша всюду толки о побѣдахъ, о пораженіяхъ, находясь, посредствомъ писемъ, въ тѣсной связи съ сражающимися подъ Плевной, Карсомъ своими дѣтьми и братьями, можетъ ли мужикъ оставаться равнодушнымъ ко всему этому? Его неподвижность, безучастіе мы принимаемъ за равнодушіе къ дѣлу... но не кажущееся ли это равнодушіе?

Подумайте! Возможно ли, чтобы эта неподвижная, сѣрая масса не имѣла никакихъ представленій о томъ, что такъ близко касается ея непосредственныхъ интересовъ? Возможно ли, чтобы все дѣлалось такъ, какъ оно дѣлается, еслибы не было сочувствія къ дѣлу, или, лучше сказать, сознанія необходимости сдѣлать что-то?

Каждая отдѣльная личность какъ будто совершенно равнодушна, какъ будто совершенно безучастна, не имѣетъ никакого представленія

о дѣлѣ, повинуется только приказанію нести деньги, сушить капусту, везти въ городъ сына или мужа...

Однакоже, Сидоръ, напримѣръ, выслушавъ разсказъ о томъ, что турки схватили болгарина съ женой и ребенкомъ, изрубили ребенка, зажарили и заставили отца съѣсть, нисколько, повидимому, не возмущаясь такимъ ужаснымъ звѣрствомъ, не ахая, не охая, совершенно спокойно, замѣчаетъ:—зачѣмъ же онъ ѣлъ?

Братъ Фоки, Дмитрокъ, солдатъ, находящійся гдѣ-то тамъ, около Шипки, проситъ прислать денегъ: „трудно безъ денегъ, пишетъ онъ, потому что иной разъ сухарей не подвезутъ и голодать приходится, а будь деньги, купилъ бы у болгарина хлѣбецъ!" Но у Фоки ничего нѣтъ; онъ еле прокармливаетъ свое семейство въ нынѣшній голодный годъ, когда и въ „кусочкахъ" плохо подаютъ. Узнавъ о письмѣ, деревня *сама,* по собственной иниціативѣ, безъ взякаго побужденія со стороны начальства, рѣшила имѣющіяся у нея общественныя деньги, три рубля, предназначавшіеся на выпивку, послать *отъ міра* Дмитроку. На дняхъ, крестьянинъ Иванъ Кадетъ пришелъ просить Семеныча (молодой человѣкъ, обучавшійся въ земледѣльческомъ училищѣ, теперь изучающій у меня практическое хозяйство въ качествѣ работника) написать Дмитроку письмо.

— Напишите ему поклонъ отъ братца Фоки Леонтьевича съ супругой... и т. д. и т. д. все поклоны... Міръ посылаетъ ему поклонъ.

— Написать, что міръ кланяется?

— Міръ *посылаетъ поклонъ,* и три рубля денегъ отъ міра: отъ всѣхъ домохозяиновъ, значитъ.

Прислушайтесь къ разсужденіямъ отдѣльныхъ лицъ — ничего не поймете: Высказываются самыя, повидимому, безсмысленныя вещи, смѣшныя даже: Китай за насъ подымается. Царь Китаю не вѣритъ, боится, чтобъ не обманулъ, говоритъ ему: ты, Китай, свой берегъ Чернаго моря стереги, а я, говоритъ, буду свой стеречь. *Она* отъ себя желѣзную дорогу подземную въ Плевну сдѣлала и по ней турку войско и харчь доставляла, а онъ-то, Черняевъ, англичанкину дорогу сейчасъ увидалъ и засыпать приказалъ. Ну, сейчасъ тогда Плевну и взяли, и т. д.

Но масса въ общей сложности имѣетъ совершенно опредѣленныя убѣжденія.

Турокъ надоѣлъ до смерти: все изъ-за его бунтовъ выходитъ. Но отношеніе къ турку какое-то незлобливое, какъ къ ребенку: необстоятельный, значитъ, человѣкъ, все бунтуетъ. Нужно его усмирить: онъ отдышется, опять бунтовать станетъ, опять будетъ война, опять потребуютъ лошадей, подводы, холсты, опять капусту выбирать ста-

нутъ. Нужно съ нимъ покончить разъ навсегда. Въ тотъ моментъ, когда однѣ газеты говорятъ о необходимости мира, другія—робко заявляютъ о необходимости движенія на Царьградъ, какой нибудь мужикъ-коробочникъ, объясняющій, что это турецкое знамя, потому что на немъ орелъ написанъ, а на русскомъ былъ бы крестъ, съ полнымъ убѣжденіемъ говоритъ, что нужно „конецъ положить". Говоритъ: „оно тамъ, что Богъ дастъ, а нужно до Костиполя дойти". „И дойдемъ, говоритъ, только бы кто другой не вчепился. А вчепится она — *ей* въ хвостъ ударить; вотъ только бы Китай поддержалъ. Царь-то вотъ Китаю не вѣритъ". Никакой ненависти къ турку, вся злоба на *нее*, на англичанку. Турка просто игнорируютъ, а плѣнныхъ турокъ жалѣютъ, *калачики имъ подаютъ*. Подаютъ—кто?—мужики. А мѣщане, тѣ издѣваются—не всѣ, конечно—и побить бы готовы, еслибъ не полиція. Странно, что въ отношеніяхъ къ плѣннымъ туркамъ сходятся, съ одной стороны, барыни и мужики, а съ другой,—купцы, мѣщане, чиновники-*либералы*.

Раздѣлъ земли произведенъ правильно, счетъ сведенъ вѣрно. Каждый въ отдѣльности не можетъ объяснить вамъ, почему именно земля раздѣлена такъ, а не иначе, но раздѣлъ сдѣланъ математически вѣрно, какъ не сдѣлаетъ никакой землемѣръ. *Землемѣръ дѣлаетъ одинъ, а тутъ работаютъ всѣ.*

И что меня поражало, когда я слышалъ мужицкія разсужденія на сходкахъ—это свобода, съ которой говорятъ мужики. Мы говоримъ и оглядываемся: можно ли это сказать? а вдругъ притянутъ и спросятъ. А мужикъ ничего не боится. Публично, всенародно, на улицѣ, среди деревни, мужикъ обсуждаетъ всевозможные политическіе и соціальные вопросы и всегда говоритъ при этомъ открыто все, что думаетъ. Мужикъ, когда онъ ни царю, ни пану не виноватъ, то есть заплатилъ все, что полагается—спокоенъ.

Ну, а мы за то ничего не платимъ.

Возвращаюсь къ моему кабачку: я говорилъ, что тамъ всегда можно узнать самыя животрепещущія новости. Дѣйствительно, несмотря на то, что я получаю двѣ газеты, въ кабачкѣ я всегда узнаю что нибудь новое. Въ кабачокъ, во-первыхъ, приходятъ народные слухи, которые всегда опережаютъ газетныя извѣстія и распространяются съ неимовѣрной быстротой; во-вторыхъ, я получалъ только двѣ газеты, а въ кабачокъ приносятъ извѣстія изъ всѣхъ газетъ, получаемыхъ на станціи, и, наконецъ, въ кабачокъ извѣстія приходятъ ранѣе. Обыкновенно, я посылаю за газетами два раза въ недѣлю, и только въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій въ Сербіи посылалъ ежедневно. А въ кабачокъ извѣстія приходятъ ежедневно и, притомъ,

рано утромъ. Привозящій газеты поѣздъ приходитъ на станцію ночью; служащіе на станціи, разумѣется, тотчасъ прочитываютъ газеты. Отъ высшихъ лицъ извѣстія переходятъ къ низшимъ и, распространяясь съ неимовѣрной быстротой по линіи, доходятъ до сторожей, ремонтныхъ рабочихъ, дровокладовъ, подводчиковъ, которыми и разносятся по деревнямъ, конечно, не минуя кабачка. Всѣ эти извѣстія передаются въ совершенно своеобразной формѣ и, притомъ, передаются нетолько факты, но и газетныя мнѣнія, предположенія, извѣстнымъ образомъ освѣщенныя, такъ что при нѣкоторомъ навыкѣ легко различить, откуда почерпнуто извѣстіе: изъ „Голоса", „Московскихъ Вѣдомостей" или „Биржевыхъ Вѣдомостей". Еще я ничего не зналъ о низверженіи султана, а въ кабакѣ уже это было извѣстно, и первое слово, когда я заѣхалъ туда, было: „Слышали, А. Н., что министры султана зарѣзали?"

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Вѣрно. Ну, теперь большой бунтъ пойдетъ. Теперь, должно быть, безсрочныхъ потребуютъ.

Замѣчательно, что это извѣстіе о низверженіи султана укоренилось такъ прочно, что, несмотря на то, что тотчасъ же былъ посаженъ новый султанъ, до сихъ поръ, по общему мнѣнію, сутана не существуетъ, точно уничтожено самое, такъ сказать, званіе султана, точно непремѣнно нужно, чтобы *султанъ былъ посаженъ нами.*

Началась мобилизація: лошадей брали, безсрочныхъ брали; нашъ полкъ выступилъ, по желѣзной дорогѣ прекратилось товарное движеніе, началось передвиженіе войскъ. Около станціи разложены костры; толпа бабъ, дожидающихся того или другого поѣзда, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на сына, мужа, сунуть ему рубликъ, какую-нибудь рубаху, поднести стаканчикъ водки.

— И моего сегодня ночью увезли, проговорила Саша и заплакала.

— Можетъ, дастъ Богъ, и воротится. Вонъ Федосѣичъ вернулся.

— Слышала. Только, говорятъ, конницу набираютъ, а мой то въ уланскомъ полку былъ.

— Да, можетъ, еще и войны не будетъ.

— Давай-то Господи. Только нѣтъ: не на то идетъ.

— А можетъ, и уладится.

— Хорошо-бы. Толкуютъ вотъ, Китай за насъ противъ англичанки подымается, только царь ему не вѣритъ: боится, какъ бы не обманулъ, на насъ потомъ не повернулъ. А что въ газетахъ про Китай пишутъ?

— Я ничего не читалъ.

— Толкують, что Китай за насъ подымается. Дай-то Господи!

— А какъ же ты будешь, Саша, если Филиппа возьмутъ?

— Додержу патентъ до новаго года, долги соберу.

— А потомъ что?

— Къ мужнину брату въ деревню перейду. Мнѣ одной кабакъ не держать. А тамъ, дастъ Богъ, вернется съ войны мужъ, мельницу у васъ снимемъ. Ему-то и служить немного осталось.

Тянетъ съѣздить въ кабачокъ, узнать—нѣтъ ли чего новенькаго, а тамъ въ кабачкѣ заговоришься и просидишь вплоть до обѣда; послѣ обѣда, чѣмъ идти по хозяйству, думаешь: „Михей на станцію поѣхалъ, къ вечеру газеты привезетъ; дай-ка вздремну часокъ-другой, чтобы вечеромъ посвѣжѣе быть". Проснешься, нѣтъ еще Михея, пойдешь на скотный дворъ, смотришь, какъ задаютъ кормъ скоту, а самъ думаешь: „да скоро ли же это Михей со станціи пріѣдетъ?" Поятъ телятъ, обыкновенно я самъ всегда присутствовалъ при пойкѣ, а тутъ пріѣхалъ Михей,—забываешь и пойку.

— Напой ты, Авдотья, безъ меня, а я пойду газеты читать.

— Хорошо, хорошо, идите.

— Только не ошибись ты, пожалуйста: тѣмъ тремъ маленькимъ по кружкѣ, Красоткиному двѣ кружки, старшимъ въ подклѣти по 4 кружки—1 молока, 3 воды, торопливо напоминаю я Авдотьѣ, которая иногда, когда захватается, забываетъ, какое пойло идетъ каждому теленку.

— Помню, помню, не ошибусь.

— А если который не будетъ пить, пожалуйста, не упрашивай—сейчасъ шайку прочь, сейчасъ прочь.

— Хорошо, хорошо.

Бѣгу домой, бросаюсь на газеты: разумѣется, прежде всего просматриваешь телеграммы, биржевыя извѣстія, потомъ уже читаешь корреспонденціи, политическія извѣстія, пробѣжишь и провинціальныя корреспонденціи, которыя, бывало, занимали въ газетахъ цѣлыя страницы, а теперь помѣщаются—по крайней мѣрѣ, въ моей газетѣ—гдѣ-нибудь на концѣ и занимаютъ какихъ-нибудь два, много три, столбца.

Это ужъ не то, что прежде. Бывало, въ кои-то вѣки пошлешь на станцію, получишь за-разъ десятокъ нумеровъ газетъ, подберешь ихъ по порядку, сложишь стопочкой на письменномъ столѣ и почитываешь въ свободное время, а не успѣешь прочитать, пока привезутъ новую стопочку, и такъ остается. Прежде, бывало, газета огромная, что твоя скатерть, а читать нечего: до политическихъ извѣстій намъ

дѣла не было и интереса никакого они для насъ не представляли; казалось бы, чего ближе—внутреннія извѣстія, провинціальныя корреспонденціи, но и ихъ мы читать не могли, потому что мы видимъ настоящую деревенскую жизнь, какъ она есть, а корреспонденты описываютъ выдуманную, фальшивую жизнь, такую, какою она имъ представляется въ городахъ, съ ихъ чиновничьей точки зрѣнія. Когда-то, въ Петербургѣ, я, интересуясь внутренней народной жизнью, читалъ газетныя корреспонденціи, внутреннія обозрѣнія, земскіе отчеты, статьи разныхъ земцевъ и проч. Каюсь: я тогда вѣрилъ всему, я имѣлъ то фальшивое представленіе о внутреннемъ нашемъ положеніи, которое создано людьми, доподлиннаго положенія незнающими. Когда я попалъ въ деревню—а дѣло было зимою, и зима была лютая, съ 25 градусными морозами—когда я увидалъ эти занесенныя снѣгомъ избушки, узналъ дѣйствительную жизнь, съ ея „кусочками", „приговорами", я былъ пораженъ. Скоро, очень скоро я увидалъ, что, живя совершенно другою жизнью, не зная вовсе народной жизни, народнаго положенія, мы составили себѣ какое-то, если можно такъ выразиться, *висячее въ воздухѣ* представленіе объ этой жизни.

Войдя по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ въ непосредственное соприкосновеніе съ разнымъ деревенскимъ людомъ, интересуясь деревенскою жизнью, изучая ее во всѣхъ ея проявленіяхъ, доступныхъ моему наблюденію,—а наблюдать можно, оставаясь и бариномъ,—живя съ простыми людьми, я скоро увидалъ, что всѣ мои петербургскія представленія о народной жизни совершенно фальшивы.

Познакомился я съ помѣщиками, и богатыми, и бѣдными, познакомился съ помѣщиками, которые много лѣтъ живутъ въ деревнѣ и занимаются хозяйствомъ, и тутъ, въ разговорахъ съ ними, въ первые сталъ понимать, что, кромѣ настоящей жизни, существуетъ въ воображеніи нашемъ (*всѣхъ* людей интеллигентнаго класса, за исключеніемъ немногихъ, которые *чутьемъ* поняли суть) иная, воображаемая жизнь, существуетъ совершенно цѣльное, но фальшивое представленіе, такъ что человѣкъ за этимъ миражемъ совсѣмъ-таки не видитъ дѣйствительности.

Меня все интересовало. Мнѣ хотѣлось все знать. Мнѣ хотѣлось знать и отношеніе мужика къ его женѣ и дѣтямъ, и отношенія одного двора къ другому, и экономическое положеніе мужика, его религіозныя и нравственныя воззрѣнія, словомъ—все. Я не уходилъ далеко, не разбрасывался, ограничился маленькимъ райономъ своей волости, даже менѣе: своего прихода. Звалъ меня мужикъ крестить, я шелъ крестить; звали меня на никольщину, на свадьбу, на молебны, я шелъ на никольщину, на свадьбу, сохраняя, однако, свое по-

ложеніе барина настолько, что пригласившій меня на никольщину или крестины мужикъ, зная, что я не держу постовъ, готовилъ *для меня* скоромное кушанье. Я ходилъ всюду: гулялъ на свадьбѣ у мужика, высиживалъ безконечный обѣдъ у дьячка на поминкахъ, *прощался* на масляной съ кумой-солдаткой, пилъ шампанское на имянинномъ обѣдѣ у богатаго помѣщика, распивалъ полштофъ съ волостнымъ писаремъ, видѣлъ, какъ составляются приговоры, какъ выбираются гласные въ земство.

Часто мнѣ приходило въ голову: не помѣшался ли я?.. До такой степени великъ былъ разладъ между дѣйствительностью и тѣмъ, что я себѣ представлялъ въ Петербургѣ.

Сидишь у какого нибудь богатаго помѣщика, давно уже живущаго въ деревнѣ, разговоръ коснется мужицкаго дѣла и быта, — понятно, кого что интересуетъ, тотъ о томъ и говоритъ, — и вдругъ слышишь такія несообразности, такія недѣйствительныя представленія объ народѣ, его жизни, что удивляешься только... точно эти люди живутъ не на землѣ, а въ воздухѣ.

А дома берешь газету, читаешь корреспонденцію, въ которой описываются *отрадныя* и *прискорбныя* явленія, и видишь, что и тутъ тѣ же воздушныя, фальшивыя представленія. То вдругъ прочтешь, что крестьяне и инородцы Иркутской губерніи опредѣлили послать отъ каждаго общества по сиротѣ въ иркутскую классическую гимназію, то по случаю выбора Н. А. Корфа гласнымъ, прочтешь: „отрадно видѣть, что крестьяне умѣютъ цѣнить заслуги людей, работающихъ на пользу общую“.

Бывалъ и на земскихъ собраніяхъ. Говоритъ кто нибудь изъ гласныхъ, доказывая что либо — и непремѣнно обращается за подтвержденіемъ къ гласнымъ крестьянамъ. Замѣчательно, что всѣ къ гласнымъ крестьянамъ обращаются, точно инстинктивно сознавая, что только крестьяне знаютъ дѣйствительную жизнь. Большею частью, тѣ соглашаются. Но я, зная, что крестьянинъ не можетъ раздѣлять такихъ мнѣній, говорю потомъ съ тѣмъ же крестьяниномъ-гласнымъ и, разумѣется, слышу отъ него совершенно другое, дѣйствительное...

Бывалъ и въ камерахъ мировыхъ судей, и на сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ, и на выставкахъ... и всюду, всюду, одно и тоже. Въ дѣйствительности, приведена на выставку одна единственная въ губерніи кобыла—кобылѣ даютъ медаль, и въ отчетѣ пишутъ: „метису арденско-русской породы, какъ *доказывающему* улучшеніе мѣстныхъ коневодства“. И всѣ такъ: въ дѣйствительности одно, а въ отчетахъ, статьяхъ, разговорахъ—совершенно другое. И всѣ *вѣрятъ* этимъ отчетамъ, статьямъ, — и тѣ, которые читаютъ, и тѣ, которые пишутъ.

Никто не лжетъ, какъ не лжетъ тотъ, кто неправильно называетъ цвѣта, потому что не различаетъ цвѣтовъ. Знаете ли вы одинъ простой опытъ? возьмите шарикъ изъ хлѣба, положите его на столъ, сложите пальцы на крестъ, одинъ на другой, средній палецъ на указательный палецъ, и водите сложенными пальцами по шарику, такъ чтобы наружныя стороны обоихъ пальцевъ касались шарика, вы будете чувствовать подъ рукою два шарика. Вы видите на столѣ одинъ шарикъ, но подъ пальцами чувствуете два и готовы побожиться, что шариковъ два.

Вотъ тоже самое и тутъ. Повторяю: эти люди, которые описываютъ отрадныя и прискорбныя явленія, даютъ медали метисамъ, и проч. и проч., не лгутъ; они сами вѣрятъ всему, они *чувствуютъ два шарика,* но не знаютъ, что шарикъ только одинъ...

Я положительно думалъ, что схожу съ ума, и тогда только сталъ нѣсколько спокойнѣе, когда познакомился съ такими людьми, которые знаютъ дѣйствительность, когда узналъ попа, становаго и волостного писаря.

Становой, попъ, писарь, — вотъ они знаютъ, что въ дѣйствительности *шарикъ только одинъ;* знаютъ, что если начальству хочется, чтобы шарика было два, то нужно только извѣстнымъ образомъ сложить пальцы.—„Все можно“: и попечительства, и школы и пожертвованія на раненыхъ, и сушеная капуста, и арденскіе метисы — „все можно“.

Да, положительно, иной разъ кажется не сошелъ ли съ ума? дѣйствительно ли подъ пальцами одинъ шарикъ?

Смотришь — одинъ; подзываешь другихъ, показываешь — одинъ, говорятъ. Что же это такое?

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я бросилъ читатать газеты и весь погрузился въ навозъ, дрова, телятъ. Нынче — не то.

— А вонъ Михей со станціи ѣдетъ, говоритъ скотница Солоха. Бросаешь пойку телятъ и бѣжишь читать газеты. Въ самомъ дѣлѣ, даже самые близкіе хозяйственные интересы задѣты?

Полуимперіалъ—8 рублей. Позвольте—что вы думаете?

У меня льну сырца 400 пудъ; трепаный ленъ былъ полуимперіалъ за пудъ. Теперь полуимперіалъ 8 р. Нѣмецъ то вѣдь золотомъ платитъ. Значитъ, за пудъ трепанаго льну 8 р. дадутъ. А если трепаный ленъ дороже, то и сырецъ дороже. Сырецъ мы обыкновенно продавали по 2 рубля за пудъ; если теперь по 3 рубля дадутъ — это вѣдь 400 рублей лишняго. Ну хотя до два съ полтиной — это 200 рублей. Дороже полуимперіалъ—больше возьмемъ за ленъ, разсуждаемъ мы. А намъ то все равно, хоть бумажками, только бы по-

больше, потому что подати, акцизъ за вино, табакъ, соль, все это мы платимъ бумажками. Конечно, не все такъ выходитъ, какъ, казалось бы, по курсу денегъ должно выходить, потому что „цѣны Богъ строитъ“.

Газеты, большіе журналы предсказывали, что, вслѣдствіе войны, вслѣдствіе выпуска бумажекъ и паденія кредитнаго рубля, цѣны на все подымутся, что цѣна говядины можетъ дойти до 60 к. за фунтъ— давай-то Господи! вашими бы устами медъ пить—и чиновники очутятся въ несчастномъ положеніи. И отлично бы: нечего будетъ ѣсть— землю пахать станутъ. А ежели и не будутъ пахать — пусть такъ живутъ; мы и платить будемъ, лишь бы только они намъ не предписывали, не опредѣляли, куда намъ плевать, направо или налѣво.

Однако, предсказанія о дороговизнѣ вовсе не сбылись: никогда, кажется, говядина не была такъ дешева, какъ въ прошломъ и нынѣшнемъ году. Осенью доходила до 80 копѣекъ за пудъ и стоила дешевле ржаной муки. А, главное, на скотъ вовсе не было покупателей, ни въ нынѣшнемъ, ни въ прошломъ году.

Тоже насчетъ молока, сыра. Мы продаемъ молоко на сыроварню, которая дѣлаетъ изъ него *швейцарскіе* сыры. Сыры у насъ дѣлаются превосходные. Нужно быть спеціалистомъ сыроваромъ, чтобы отличить нашъ сыръ отъ настоящаго сыра, продаваемаго въ Петербургѣ въ фруктовыхъ лавкахъ; очень можетъ быть, что нашъ сыръ продается тамъ за швейцарскій и дѣйствительно привозится изъ-за границы, куда идетъ и нашъ сыръ. Казалось бы, что съ повышеніемъ цѣнности полуимперіала и со введеніемъ золотыхъ пошлинъ, наши сыры должны бы вздорожать. Ни чуть не бывало: за послѣдніе два года, требованіе на сыры уменьшилось, цѣнность сыровъ упала, доходъ сыроваровъ уменьшился и они понизили цѣны на молоко — вмѣсто 32 коп., сыроваръ даетъ мнѣ теперь за зимнее молоко только 27 коп. И ленъ тоже дешевъ, и покупателей на него нѣтъ.

То же насчетъ дровъ: цѣна на дрова упала и требованія на нихъ нѣтъ. Точно также упала цѣна на мануфактурныя издѣлія: ситцы, кумачи, платки и проч.

Только на хлѣбъ цѣна поднялась: зимою прошлаго года, несмотря на паденіе кредитнаго рубля, цѣны на хлѣбъ стояли низкія, рожь была 5 — 6 рублей; но весною, въ концѣ марта, хлѣбъ вдругъ поднялся въ цѣнѣ и рожь достигла 8—9 рублей.

Журналы думали, что цѣны на все повысятся и чиновнику придется плохо. Ни чуть не бывало. Чиновнику отлично, хлѣбъ только подорожалъ, а много ли онъ хлѣба ѣстъ? Фунта не скушаетъ. Какая его работа? Чиновникъ хлѣба не ѣстъ, онъ больше говядину,

молочко, дичь всякую, сыръ, а все это въ послѣдніе два года дешево было.

Вотъ для мужика—другое дѣло. Какъ отвезетъ, напримѣръ, безсрочнаго въ городъ за 30 верстъ, повытрясется, такъ захочетъ поѣсть—а хлѣбушко-то дорогъ. Мы разсчитываемъ, что вотъ по окончаніи войны будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Послѣ войны, думаемъ мы, хлѣбъ будетъ дешевъ. И Брюсовъ календарь предсказываетъ на 1878 г. „Мирный договоръ. Хлѣба для продажи наведутъ отовсюду множество и будетъ дешевъ“. А дрова, говядина, молоко, сыръ и прочій городской, чиновничій харчъ будетъ дорогъ.

Послѣ войны, надѣемся мы, городу, чиновнику, будетъ труднѣе жить, а деревнѣ, мужику, напротивъ, легче.

Послѣ войны — чиновнику, городу будетъ хуже, а Петербургу хуже всѣхъ; мужику, деревнѣ, будетъ лучше, а глухой деревнѣ лучше всѣхъ. Такъ оно и должно быть: мужикъ питается хлѣбомъ, а хлѣбушка будетъ дешевъ. Продаетъ же мужикъ трудъ, трудъ и трудъ; помалости—мясо, молоко, пеньку, ленъ, кожу, а больше всего трудъ, трудъ, а трудъ-то послѣ войны будетъ дорогъ, потому что когда хлѣбъ дешевъ, а говядина дорога, то и трудъ, слава Богу, дорогъ.

Не даромъ же Петербургъ, чиновникъ, *боялся* войны; чего, чего не говорили: и солдатъ нашъ плохъ, и денегъ-то у насъ нѣтъ, и Европа-то вся противъ насъ будетъ. Такого страху напустили, что ай!

Точно чиновникъ предчувствовалъ, что послѣ войны ему хуже будетъ.

А мужикъ войны не боялся и страховъ никакихъ не разводилъ. „Неужто-жь наша сила не возьметъ, когда на рукопашъ пойдетъ?“ „Какъ денегъ нѣтъ?“ „Зачѣмъ деньги?“ „Не хватитъ денегъ, царь еще велитъ надѣлать“. „Случись у нашего царя неустойка—наборъ сдѣлаетъ, а то всѣ пойдемъ, коли прикажетъ“. Да, мужикъ — тотъ мужикъ, который умиралъ на Балканахъ, который возилъ безсрочнаго, кормилъ „кусочками“ мать героя—ничего не боялся. Неужели же ему не станетъ легче? Будетъ легче, думается мнѣ.

Въ то время, когда шло всеобщее нытье—одинъ мужикъ стоялъ, какъ дубъ. Требовали лошадей — онъ велъ своихъ косматыхъ лошаденекъ въ волость, простаивалъ тамъ сутки, двое, пока конское *начальство* разберетъ, что̀ и куда. Приказывали вести лошадокъ въ городъ къ высшему начальству на просмотръ, и тамъ опять простаивалъ сутки, двое, пока не ослобонятъ. И все это онъ дѣлалъ безропотно, хотя и безъ всякихъ видимыхъ сочувствій, криковъ, гимновъ, флаговъ. Требовали безсрочныхъ, мужикъ снаряжалъ брата, сына, зятя, везъ его въ городъ, награждалъ послѣднимъ рублишкомъ.

Требовали деньги, холсты, капусту—мужикъ давалъ и это. А теперь кто кормитъ своими „кусочками“ солдатскихъ женъ, дѣтей? Все тотъ же мужикъ. Кстати замѣчу здѣсь, что для мужика расходъ на „кусочки“ вовсе не маленькій: въ мужицкомъ дворѣ, ежедневно всѣмъ подающемъ „кусочки“, въ нынѣшній голодный годъ выходитъ рубля на три въ мѣсяцъ. Многіе ли чиновники жертвуютъ на бѣдныхъ по три рубля въ мѣсяцъ.

Все въ газетахъ было для меня интересно: одними биржевыми извѣстіями удовлетвориться нельзя, потому что на нихъ ничего не построишь. Полуимперіалъ—8 рублей, а ленъ—5 рублей! Отчего? И вотъ бросаешься на политическія и военныя извѣстія. Читаешь, соображаешь, отчего, что и какъ.

Привезъ Михей газеты; не успѣешь напиться чаю, все уже прочитано. Журналы теперь не занимаютъ, какъ прежде, и откладываются въ сторону для прочтенія въ свободное время.

Газета заняла первое мѣсто. Напьешься чаю, приходитъ Иванъ записывать умолотъ, расходъ, и первое слово: что новаго въ газетахъ? Что Скобелевъ, Гурко? А тамъ Федосѣичъ въ кухнѣ дожидается:—пришелъ узнать, „чья пошибка беретъ“. Отдашь газеты. Въ кухнѣ громко читаютъ. Иванъ, Авдотья, Михей слушаютъ съ величайшимъ интересомъ корреспонденцію про Скобелева и всегда напередъ спрашиваютъ—есть ли что-нибудь отъ того, который „про Скобелева пишетъ“. Федосѣичъ объясняетъ, что такое ложементъ, траншея, дивизія, стрѣлковая рота. Да, съ этой войной, большой бунтъ въ хозяйствѣ пошелъ. Конечно, все сдѣлалось не вдругъ.

О войнѣ стали поговаривать уже давно—года три, четыре тому назадъ. Носились разные слухи, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ фигурировала „англичанка“.

Потомъ, стали говорить, что будетъ наборъ изъ дѣвокъ, что этихъ дѣвокъ царь отдаетъ въ приданое за дочкой, которая идетъ къ англичанкѣ въ домъ. Дѣвокъ, толковали, выдадутъ замужъ за англичанъ, чтобы дѣвки ихъ въ нашу вѣру повернули.

Поднесеніе принцу Эдинбургскому Смоленской иконы Божьей Матери дало обильную пищу толкамъ и слухамъ, которые всѣ можно свести къ одной мысли: мы стремимся перевести англичанку въ нашу вѣру.

Осенью 1875 года мнѣ случилось быть на свадьбѣ у одного крестьянина. За обѣдомъ, одинъ изъ родственниковъ невѣсты, старый солдатъ, посаженный подлѣ меня хозяиномъ, чтобы занимать меня, какъ почетнаго гостя, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: что слышно о войнѣ?

— Ничего не слышно.

— А вотъ у насъ, ваше в—діе, ходитъ слухъ, что быть войнѣ съ англичанкой.

— Не знаю. Да отчего же съ англичанкой?

— Не приняла... какъ-то таинственно понизивъ голосъ, проговорилъ солдатъ, выразительно взглянувъ на меня.

Меня это заинтересовало.

— Ну? произнесъ я, тоже понизивъ голосъ.

— Въ нашу вѣру не переходитъ...

Въ эту минуту, хозяинъ прервалъ нашъ разговоръ, поднеся водку. Начался длинный процессъ питья перваго стакана водки съ дутьемъ въ рюмку, поклонами на всѣ стороны, приговариваніемъ „будьте здоровы“, замѣчаніями, что водка что-то не того, сорна; молодые при этомъ цѣлуются, то есть лучше сказать — молодая цѣлуетъ мужа, который сидитъ какъ истуканъ, а она привстаетъ, беретъ его руками за голову, поворачиваетъ и звонко цѣлуетъ въ губы: молодая должна выказывать любовь къ мужу, а онъ только принимаетъ ея ласки; если мужъ нравится молодой, и она цѣлуетъ его по охотѣ, то выходитъ очень эффектно.

— Да, обратился я къ солдату, желая возобновить прерванный разговоръ:—что-нибудь да будетъ.

— Что и говорить!

— Только по газетамъ ничего не слышно.

— Въ народѣ толкуютъ.

— Да.

— Икону подносили, проговорилъ онъ, опять понизивъ голосъ.

— Ну!

— Не принялъ... разсердился!.. плюнулъ... прошепталъ онъ мнѣ на ухо.

— Что ты? Не можетъ быть!

— Я и самъ не вѣрю, потому что, если-бъ такъ... неужели же она, Матушка Царица небесная, и святые угодники не разразили бы его тутъ же на мѣстѣ.

— Вотъ оно что!

— Въ народѣ толкуютъ; мужицкіе слухи, ваше в—діе! Говорятъ, будетъ война. Вотъ и по волостямъ ужасно строго насчетъ безсрочныхъ приказано. Чтобы каждый староста зналъ, гдѣ кто; подводчики чтобы были наряжены и все прочее...

Хозяинъ опять прервалъ. Опять пошли поклоны, пожеланія здоровья хозяину, молодымъ, замѣчанія, что водка сорна. Опять княгиня цѣлуетъ своего молодого князя.

— А у насъ теперь Крынкины ружья, ваше в—діе?

— Да.

— А вотъ, говорятъ, новыя, берданки, пошли.

— Да это у стрѣлковъ; а ты гдѣ служилъ?

— Въ староингерманландскомъ.

— Ты, кажется, вѣдь въ отставкѣ?

— Да, въ чистой, слава тебѣ Господи! Всегда при себѣ имѣю тутъ! и онъ ударилъ рукой по карману.

— Какъ! Съ собой носишь?

— Съ собой, вотъ тутъ! и онъ показалъ мнѣ точеный деревянный, цилиндрическій пенальчикъ, въ которомъ у него хранился билетъ объ отставкѣ.

— Зачѣмъ?

— Да чтобъ не пропала какъ-нибудь, при себѣ вѣрнѣе.

Слухи о войнѣ упорно держались въ народѣ—о войнѣ съ англичанкой. Какъ ни нелѣпы были эти слухи и разсказы, но общій смыслъ ихъ былъ такой: вся загвоздка въ англичанкѣ; чтобы вышло что нибудь, нужно соединиться съ англичанкой, а чтобы соединиться, нужное ее въ свою вѣру перевести. Не удастся же перевести англичанку въ свою вѣру—война.

Пришла весна 1876 года. Пошли слухи о томъ, что турокъ противъ грека бунтуетъ.

— Не противъ грека, замѣтилъ дьяконъ на угощеніи, послѣ молебствія у одного крестьянина:—а противъ... какъ бишь его зовутъ, еще деньги ему собирали, да—противъ серба. Такъ, кажется, А. Н.?

Султана зарѣзали. Платки съ портретами Лазаря Сочицы и друг. коробочники носить стали. Черняевъ проявился...

Но все это не настоящее дѣло было. Ко всему этому относились какъ къ пустякамъ. А вотъ, что̀ англичанка, Китай?

Наступила зима, началась мобилизація и все также слухи объ англичанкѣ, о Китаѣ. Всѣ были убѣждены, что весною откроется война съ англичанкой. Общій смыслъ такой: врагъ—англичанка, союзникъ—Китай; бунтуетъ противъ грѣка (понимай *славяне*)—турокъ: грекъ какой-то безпомощный.

Началась война. Сначала разговоровъ было мало. Спроситъ развѣ кто: „чья пошибка беретъ?“ или замѣтитъ: „должно быть нашего Царя неустойка, что ополченцевъ спросили“; но потомъ уже отовсюду только и слышалось: „что Плевна?“ Но и тутъ опять таки англичанка.

— Кузьма-то нашъ ушелъ въ Турцію, сообщилъ мнѣ какъ-то Иванъ-староста.

— Въ Турцію? Зачѣмъ?

— Въ земляную работу нанялся. Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. И жену, и дѣтей оставилъ, ушелъ, нанялся къ подрядчику дорогу засыпать.

— Какую дорогу засыпать?

— Толкуютъ мужики, что отъ англичанки къ Плевнѣ подземная дорога желѣзная сдѣлана, что она по этой дорогѣ ему въ Плевну войско и харчъ представляла...

— Ну!

— Теперь, говорятъ, эту дорогу Скобелевъ съ Гуркой открыли. Засыпать будутъ. Рядчики народъ для этого и нанимали.

Когда взяли Плевну, я напомнилъ Ивану про эту дорогу отъ англичанки.

— Что-жъ, говорю, Кузьма, должно быть, засыпалъ дорогу?

— Засыпали, хохочетъ онъ:—только вотъ тотъ, что „про Скобелева пишетъ“, ничего объ дорогѣ не говоритъ.

Возстаніе въ Герцеговинѣ, война въ Сербіи, Черняевъ, добровольцы, сборы на сербовъ и черногорцевъ—все это было пустяки, въ родѣ водевиля, который дается въ началѣ бенефиса, пока еще публика еще не съѣхалась. Какой водевиль будетъ данъ на разъѣздъ—мы еще не знаемъ. Тѣ, которые забрались сначала, хохочутъ, хлопаютъ, но настоящаго нѣтъ. Настоящая пьеса еще не началась. Всѣ эти прелиминаріи никакого существеннаго значенія для насъ не имѣли и интересовъ нашихъ не затрогивали. Мы чуяли что-то недоброе, но все надѣялись: авось, Богъ поможетъ англичанку въ нашу вѣру превратить.

Но вотъ началась мобилизація.

Прошелъ слухъ, что будутъ лошадей брать. Конечно, никто путемъ не зналъ, въ чемъ будетъ состоять конская повинность. Нетолько масса населенія, крестьяне, но и мы, владѣльцы, даже самъ конскій начальникъ, ничего не знали, что и какъ будетъ. Говорили что будутъ забирать коней для войска—и только.

Всѣ думали сначала, что будетъ просто наборъ коней, подобно тому, какъ бываетъ рекрутскій наборъ.

Всѣ терялись въ догадкахъ, какъ это будетъ. Говорили, что лошадей будутъ брать съ тѣхъ, кто имѣетъ по четверкѣ, а если не хватитъ, то съ тѣхъ, у кого по тройкѣ. Потомъ говорили, что будетъ просто назначено, сколько лошадей должна выставить волость, а тамъ ужь, какъ хочешь, дѣлай: своихъ выставляй, либо покупныхъ, либо деньги внеси, и раскладку дѣлай, какъ знаешь. Одно только неизвѣстно было, какъ насчетъ панскихъ лошадей.

Когда сдѣлалось извѣстно, что за лошадей, взятыхъ подъ войска, будутъ платить, то крестьяне говорили, что платить будутъ послѣ, по окончанiи войны, и, притомъ, за тѣхъ только лошадей, которыя не вернутся; это подобно тому, полагали, будетъ, какъ было послѣ крымской войны, когда за невернувшихся домой ратниковъ выдавали зачетныя квитанцiи, которыя крестьяне потомъ продавали.

Положительно никто ничего не зналъ, и я самъ никакихъ никому объясненiй дать не могъ и никакъ не предполагалъ, что дѣло будетъ устроено такъ, какъ оно вышло, и что казна будетъ платить за лошадей такiя огромныя деньги, а мы будемъ *совершенно безполезно* нести такiе большiе расходы. Я говорю о тѣхъ невидимыхъ, несчитанныхъ расходахъ, которые понесъ каждый, вслѣдствiе того, что и лошадей и людей отрывали отъ работы, для представленiя на просмотръ начальству. Нужно сказать, что вся мобилизацiя производилась чрезвычайно *не экономно* и стоила народу *очень дорого*. Начальство, разумѣется, ближайшее начальство—конскiй начальникъ, какъ прозвали завѣдующаго участкомъ—также ничего не знало и, по обыкновенiю, не сочло нужнымъ даже ознакомиться съ уставомъ, потому что дѣло начальства только *приказывать*—зачѣмъ ему уставъ знать. Все сдѣлаютъ, а въ городѣ высшее начальство разберетъ все, какъ слѣдуетъ, что и къ чему. Одно: „гони, чтобы круто“.

Пришло извѣстiе, что прiѣдутъ выбирать лошадей. Извѣстiе ночью принесъ какой-то сторожъ или десятскiй, толкомъ ничего не объяснилъ, спѣшилъ очень, говоритъ только: „прiѣдутъ выбирать коней, прiѣдутъ, чтобы дома всѣ были“. Староста, однако, меня ночью не разбудилъ и доложилъ только, когда я всталъ.

— Что же ты толкомъ не спросилъ, когда прiѣдутъ.

— Прiѣдутъ, говоритъ.

— Да когда же? Какъ же мы теперь будемъ.

— Спѣшилъ онъ очень, въ Ѳедоровщину, говорилъ, бѣжать нужно.

— Но кто же прiѣдетъ?

— Становой, говоритъ, офицеръ, начальники всѣ.

— Да гдѣ же становой?

— У барыни Семеновской.

— Ну, это близко; скоро, значитъ, будетъ. Они въ одинъ день успѣютъ осмотрѣть. На работу запрягать не нужно, не въ лѣсъ же начальству идти лошадей смотрѣть. Санки вели приготовить; вѣрно, проѣзжать будутъ.

— А батракамъ что̀ прикажете дѣлать?

— Пусть дрова колютъ.

— А за водой ѣхать?

— Конечно.

На дворѣ снѣгъ, мятель. Ждать пришлось не долго. Пріѣхали рано утромъ: становой, артиллерійскій офицеръ, конскій начальникъ. Я, разумѣется, честь честью, предложилъ закусить. Отказались:—некогда говорятъ. Прикажите лучше лошадей поскорѣй привести.

— По одиночкѣ приводить?

— Нѣтъ, всѣхъ за разъ, поскорѣе только.

Я распорядился. Становой спросилъ, сколько у меня лошадей, сколько жеребцовъ, кобылъ, меряновъ—и все записалъ въ книжечку. Между тѣмъ, привели лошадей. Мы вышли на крыльцо, мятель такъ въ глаза и лѣпитъ; становой остался на крыльцѣ, а офицеръ взялъ мѣрку—мѣрка такая черная у нихъ съ собой была, тоже знакъ, что конское начальство, какъ у старшины медаль, у сотскаго бляха, у землемѣра астролябія, мужики эту мѣрку носили *съ особеннымъ почтеніемъ*—и сталъ прикидывать къ лошадямъ, что-то при этомъ выкрикивая, а становой отмѣчалъ въ книжечку. Тѣмъ весь смотръ и кончился, ничего больше не смотрѣли, спѣшили ужасно, даже закусить отказались, чести не отдали; а въ столовой уже все было приготовлено. Авдотья обидѣлась: ей хотѣлось, чтобы офицеръ нашу ветчину попробовалъ.

— Станутъ они наше ѣсть, замѣтила она, убирая непочатуя тарелку:—они къ городскому привыкли. Только, воля ваша, А. Н., а и городская ветчина не лучше нашей: я пробовала шестидесяти-копѣечную, что Георгій Данилычъ изъ Петербурга привозили. Знаю!

И отъ комиссіи я ничего не узналъ; ничего не сказали: которая лошадь годная, которая негодная, которую возьмутъ, которую не возьмутъ.

— А въ работу всѣхъ можно запрягать?

— Можно, можно.

— А если продать?

— Можно.

— Да которыхъ же возьмете?

Не говорятъ. Э, думаю: боятся, должно быть, что тѣхъ, которыхъ облюбовали, я кормить хуже буду, овса не стану давать! Спѣшили ужасно. Покатили въ Ѳедоровщину, а оттуда въ волость, куда были согнаны всѣ крестьянскія лошади. Всѣхъ въ одинъ день осмотрѣли, а мало ли лошадей въ волости. Спасибо, что хоть скоро: всего одинъ день пропалъ; ну, а все таки, считайте хотя по 40 к. на лошадь.

Всѣ мы потомъ удивлялись, для чего дѣлался этотъ смотръ, а главное, для чего пріѣзжалъ офицеръ: ни лѣтъ лошадямъ не опре-

дѣляли, ни ногъ не осматривали, ничего! только мѣрку прикидывали. Ну, зачѣмъ тутъ офицеръ: становой съ десятскимъ все это сдѣлали бы преотличнѣйшимъ манеромъ, даже лучше, потому что десятскаго и лошади не такъ бы боялись, да и самъ онъ былъ бы смѣлѣе и вертче: извѣстно мужикъ. А то офицеръ въ пальто съ ясными пуговица, съ мѣховымъ воротникомъ, сапоги со шпорами, въ калошахъ, а подлѣ самаго крыльца сугробы снѣгу въ 2 аршина, съ черной мѣркой. Разумѣется, лошадь боится, пятится, вотъ, думаешь, свиснетъ задомъ и убьетъ. Мужики тоже подсмѣивались, офицеръ-то, говорили, должно быть, очень въ лошадяхъ то знаетъ: ни въ зубы не посмотритъ, ни запречь не велитъ, глянулъ—и готово: чиркъ въ книжечку.

И зачѣмъ тутъ офицеръ? недоумѣвали мы.

— Для того, чтобъ *форменно было*, рѣшилъ кто-то.

— Да, да, подхватили всѣ.

— Вотъ и „положеніе" когда вышло, тоже офицеры пріѣзжали. А теперь насчетъ лошадей положеніе — вотъ и присланы офицеры, чтобы вѣрно, значитъ.

— Да еслибъ для форменности, заикнулся было я, такъ офицеръ бы на крыльцѣ стоялъ—неволя ему снѣгъ мѣсить—а становой бы лошадей мѣрилъ.

— Оно такъ, задумался Иванъ.

— Нѣтъ, такъ, такъ: офицеръ для того, чтобы форменно было. Это человѣкъ такой простый попался, добродушный, значитъ, человѣкъ, ну, и молоденькій, а становому-то въ снѣгъ не хочется. Нашъ-то вѣдь—о!..

Такъ и порѣшили, что офицеръ для того ѣздилъ, чтобы вездѣ знали, что коней *дѣйствительно Царь требуетъ,* чтобы, значитъ, вѣрно...

Для чего присылали офицера—не знаю. Вѣроятно, ужь такъ нужно было — не намъ судить.

Но польза отъ офицера была; офицеръ *закрѣпилъ* конское положеніе, *офицеръ отъ Царя.* Всѣ убѣдились, что коней брать *Царю будутъ,* что это царское *положеніе.*

Впослѣдствіи мы узнали, что комиссія только статистику собирала, что она должна была только сосчитать, сколько какого роста лошадей имѣется въ уѣздѣ. Офицеръ былъ посланъ, поняли мы, для того, чтобы становой сдѣлалъ статистику вѣрно, а конскій начальникъ, чтобы комиссія состояла изъ трехъ. Собрали статистику, тѣмъ дѣло и кончилось. Что тамъ было далѣе — не знаемъ. Комиссія намъ ничего не объяснила, да и сама, вѣроятно, толкомъ еще ничего не

знала. Говорили, что пріѣдетъ еще другая комиссія, съ другимъ офицеромъ, который настояще въ лошадяхъ знаетъ.

Ничего, однако, не было. Вдругъ потребовались лошади.

Однажды, ночью, пришелъ изъ волости приказъ, привести рано утромъ въ волость всѣхъ крестьянскихъ лошадей, за исключеніемъ жеребятъ, и взять съ собой харчей и корму на три дня.

— Въ городъ погонятъ, объясняли десятскіе:—на три дня харчу и корму забирайте, на смотръ въ городъ погонятъ.

Мы, землевладѣльцы, никакого приказа относительно лошадей не получили. На другой день, рано утромъ, я поѣхалъ въ волость узнать, что такое, и посмотрѣть, какъ будутъ выбирать лошадей. Всѣ крестьянскія лошади были уже собраны. Площадь была заставлена возами съ сѣномъ, лошадьми. Кабакъ, стоящій отъ волости *на узаконеномъ разстояніи*, былъ полонъ, торговля виномъ и сельдями шла шибко; въ чистой половинѣ тоже было довольно народу, преимущественно лѣсныхъ прикащиковъ, потому что всѣ лѣсныя работы, перевозка дровъ и пр., остановились, такъ какъ всѣ лошади и люди были вытребованы въ волость.

На площади опять мѣряли лошадей, но на этотъ разъ уже не становой съ офицеромъ, а волостной старшина. Лошадей, которыя не выходили ростомъ, отпускали домой. Я обратился къ старшинѣ съ вопросомъ, что и какъ: сколько требуется лошадей, почемъ будутъ платить за лошадь?

— Ничего акрѣтно не знаю, отвѣчалъ старшина: — завѣдующій конскимъ участкомъ получили изъ города бумагу и тотчасъ же приказали собрать сегодня, рано утромъ, всѣхъ крестьянскихъ лошадей въ волость.

— А самъ завѣдующій участкомъ гдѣ?

— Сами, какъ получили бумагу, еще вчера вечеромъ, уѣхали въ городъ узнавать, что такое и что нужно дѣлать, а мнѣ приказали обмѣрить лошадей; которыя не выходятъ ростомъ — отпустить, а остальныхъ—дожидаться, пока самъ не вернется изъ города.

— Да когда же онъ вернется?

— Обѣщались къ десяти часамъ быть.

— Ну, а на счетъ нашихъ лошадей: когда имъ будетъ смотръ?

— Не знаю. Насчетъ господскихъ лошадей ничего неизвѣстно. Приказано собрать только крестьянскихъ.

— Да гдѣ же пріемка лошадей будетъ?

— Въ городѣ.

— А сколько лошадей требуется?

— Ничего не знаю. Слыхалъ, что шесть лошадей требуется, а вѣрно не знаю.

Я прошелъ по площади и посмотрѣлъ оставленныхъ лошадей. Дѣйствительно, оставлены были всѣ лошади, которыя выходили мѣрой: и старыя и хромыя, и запаленныя. Ясно было, что что-нибудь да не такъ; невозможно было предполагать, что такихъ лошадей возьмутъ не только въ артиллерію, но даже въ обозъ. Мы слышали, что цѣны за лошадей назначены большія; не дураки же, въ самомъ дѣлѣ, пріемщики и начальники, что будутъ набирать всякую дрянь и старье. По крайней мѣрѣ, половина оставленныхъ лошадей была негодныхъ. Не такъ что-нибудь, думалось мнѣ: не можетъ быть, чтобы тамъ, гдѣ составляли правила о пріемкѣ, не понимали, какой убытокъ для хозяина, если онъ безполезно поведетъ своихъ рабочихъ лошадей въ городъ и потеряетъ нѣсколько дней. Я высказалъ свои сомнѣніе старшинѣ.

— Всѣхъ, всѣхъ въ городъ требуютъ.

— Да куда же это дермо годится, указалъ я на старую бѣлую клячу, уныло стоящую, опустивъ грибы.—Ей лѣтъ тридцать будетъ, да и зубовъ у нея нѣтъ.

— Всѣхъ, всѣхъ требуютъ. Завѣдующій участкомъ сказали: „чѣмъ больше лошадей приведамъ въ городъ, тѣмъ лучше“.

— Ишь грибы распустила, ткнулъ я лошадь въ бокъ. — Не хочется небось на старости лѣтъ подъ турка идти.

Мужики расхохотались. Старшина строго взглянулъ на нихъ.

— Начальство знаетъ, что къ чему.

Ждали завѣдующаго участкомъ, ждали. Нѣтъ. Да и близкое ли дѣло? До города 35 верстъ. А на дворѣ морозъ, холодный сѣверный вѣтеръ, промерзли всѣ, стоя на площади. Ну, какъ не зайти къ Борисычу въ кабакъ погрѣться? Народу въ кабакѣ и въ чистую половину набралось пропасть. Борисычъ только руки потиралъ, да въ въ душѣ Бога молилъ, чтобы начальникъ подольше не пріѣзжалъ. Все нѣтъ-нѣтъ, либо тотъ, либо другой, забѣжитъ и опрокинетъ стаканчикъ.

Стало вечерѣть,—начальника все нѣтъ. Стемнѣло. Я уѣхалъ домой, такъ ничего и не узнавъ.

Ночью я получилъ повѣстку—и все это *непремѣнно ночью!*—привести къ утру лошадей въ волость. Приказъ былъ строгій. Въ повѣсткѣ были указаны цѣны, какія будутъ выплачивать за лошадей; цѣны назначены очень высокія, такъ что у меня ни одной лошади подходящей не было. За самую лучшую у меня лошадь заплачено 60 руб. лѣтъ шесть тому назадъ, остальныя 30—40; было нѣсколько

лошадей, купленныхъ по 6 р. 50 коп., лошади все старые, съ пороками, годныя только для сельской работы. Ясно было, что мои лошади даже въ обозъ не годятся, и съ какой стати казна будетъ платить 60—90 руб. за лошадь, которую можно купить за 20. Однако, въ исполненіе предписанія, отправилъ со старостой всѣхъ лошадей въ волость, оставивъ только одну для возки воды скоту—не оставить же скотъ непоеннымъ!—и вслѣдъ за нимъ отправился самъ на тройкѣ.

Въ волости я нашелъ своихъ лошадей, да еще лошадей изъ имѣній *небогатыхъ* помѣщиковъ, которые сами въ деревнѣ не живутъ; нѣсколько поповскихъ лошадей. Лошадей *богатыхъ* владѣльцевъ не было. Волостной старшина уже обмѣрилъ моихъ лошадей и велѣлъ всѣхъ, которые выходятъ ростомъ, какъ можно скорѣе вести въ городъ, но староста мой остался ожидать моего пріѣзда: *намъ*-де волостной—не начальство, у насъ свое начальство есть. Тогда ни я, ни староста, ни *самъ волостной,* не знали, что волостной есть помощникъ завѣдующаго участкомъ, а потому онъ, хотя и не начальство намъ, какъ волостной, но *начальство, какъ помощникъ завѣдующаго*.

Волостной опять ничего объяснить не могъ. Только и твердилъ одно:

— Приказано всѣхъ лошадей, которыя выходятъ мѣрой, въ городъ отправлять. Вчера крестьянскихъ погнали, сегодня господскихъ приказано.

— Да посуди ты самъ, вѣдь ты самъ понимаешь толкъ въ лошадяхъ—ну, вотъ, буланый... ну, куда онъ годится? вѣдь ему 20 лѣтъ.

— Вижу. Приказано.

— Ну, гнѣдой, смотри:—видишъ, въ ногѣ порокъ?

— Еще бы не видѣть!

— Эти: соврасый, бурый—запалены.

— Приказано...

— Что же приказано, да приказано — твердитъ одно! Вы вѣдь сами знаете, какія цѣны на лошадей назначены; ну, за что же казна будетъ за такихъ лошадей деньги платить? Что я, на смѣхъ что ли такихъ лошадей въ городъ поведу? Веди теперь 10 лошадей—да за чѣмъ же я буду тратиться? вѣдь это мнѣ мало-мало 20 рублей обойдется.

— Приказано.

— Составьте актъ, тогда и поведу. Пойдемте къ писарю—покажите мнѣ правила, у васъ должны быть печатныя правила.

— У насъ правилъ нѣтъ; у завѣдующаго участкомъ есть правила, а намъ онъ не оставилъ.

Мы отправились въ волостное правленіе. Писарь тоже ничего не знаетъ, или дѣлаетъ видъ, что не знаетъ.

— Позвольте инструкцію?

— У насъ нѣтъ.

— Да гдѣ же завѣдующій участкомъ?

— Дома. Да и намъ тоже нужно сейчасъ ѣхать осматривать лошадей къ П., Ф., О...

— Зачѣмъ? Развѣ тѣхъ лошадей сюда не приведутъ?

Волостной замолкъ.

— Тѣхъ на дому будемъ осматривать.

Вотъ оно что! подумалъ я, у богатыхъ, знатныхъ владѣльцевъ лошадей на дому будутъ осматривать, а мы должны въ волость вести. Нѣтъ, братъ, постой — что нибудь да не такъ!

— Почему же такъ? спрашиваю.

— Приказано.

— У Б. лошади теперь работаютъ, а я долженъ былъ привести всѣхъ лошадей, работники мои гуляютъ. Вѣдь это все убытки. Вѣдь и у Б. не заводскіе жеребцы, а такія же рабочія лошади.

Волостной переглянулся съ писаремъ.

— Я вамъ говорилъ, что такъ будетъ, замѣтилъ писарь.

— Пригласите священника, Борисыча, составимъ актъ. Я тогда лошадей въ городъ отправлю.

— Нѣтъ, ужъ я лучше за завѣдующимъ спосылаю.

Послали за завѣдующимъ. Я остался дожидаться завѣдующаго. Остались и другіе: управляющій сосѣдняго имѣнія, дьяконъ и проч. Никому, конечно, не хотѣлось вести лошадей въ городъ по-напрасну. Мы отправились къ Борисычу выпить и закусить. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ завѣдующій участкомъ и сталъ извиняться, что меня побезпокоили по ошибкѣ, что онъ и у меня хотѣлъ осмотрѣть лошадей на дому, заѣзжалъ даже по дорогѣ, да я уже уѣхалъ и проч.

Я просилъ дать мнѣ прочитать печатную инструкцію. Завѣдующій, пока я ее читалъ, пошелъ осматривать моихъ лошадей. Пробѣжавъ инструкцію, я тотчасъ увидѣлъ, что все дѣлалось не такъ, какъ предписываетъ инструкція.

А между тѣмъ, завѣдующій, забраковавъ нѣсколькихъ, остальныхъ лошадей велѣлъ вести въ городъ. Выйдя опять на площадь, я указалъ ему, что между отобранными лошадьми есть лошади съ пороками и что вообще ни одна лошадь не стоитъ болѣе половины той цѣны, которая назначена. Онъ все твердилъ: „чѣмъ больше приведутъ въ городъ лошадей, тѣмъ лучше“, и не обращалъ никакого вниманія на мои замѣчанія, что водить лошадей по-напрасну убыточно для хозяина

убыточно для государства, что разорять производителей и плательщиковъ, на которыхъ падетъ вся тяжесть войны, вовсе не разсчетъ и не въ видахъ правительства. А онъ все свое: „чѣмъ больше приведутъ лошадей, тѣмъ лучше". Я спросилъ у него, сколько требуется лошадей, сколько представлено лошадей добровольно, старался объяснить, что онъ ведетъ дѣло неправильно, не по инструкціи, заявилъ, что я добровольно такихъ лошадей на смѣхъ не представлю, а если онъ желаетъ и имѣетъ право ихъ взять, то пусть возьметъ, о чемъ и составитъ актъ. Изъ разговора съ нимъ я убѣдился, что онъ или не читалъ инструкціи, или ея не понялъ — вѣрнѣе, что не читалъ. Горячились, горячились, однако, я, все-таки, лошадей отстоялъ, въ городъ не повелъ и даже росписку взялъ, что я все исполнилъ, что требовалось.

Всѣ потомъ мнѣ завидовали. Оказалось, разумѣется, что лошадей сводили напрасно и только потратились. Трудно, конечно, счесть всѣ расходы, которые понесли, по преимуществу, крестьяне. Но расходы были не малые, если принять въ разсчетъ время, которое прогуляли лошади и люди. Кабатчикамъ, и по волостямъ, и въ городѣ, конечно, доходъ.

Лошадей набирали для обоза. Говорятъ, что попало много и дряни, но я самъ не видалъ, слышалъ только отъ крестьянъ и прасоловъ, что спустили дешевыхъ и старыхъ лошадей. Для многихъ эта конская повинность была очень выгодна, потому что лошади прошлою осень были дешевы. Говорятъ, потомъ, когда этихъ сборныхъ несъѣзженныхъ лошадей запрягли въ военныя повозки, возня была съ ними ужасная: одна не идетъ, другая бьетъ; что народу, говорятъ, побило... Я опять таки ничего этого не видалъ, но солдаты проходящіе разсказывали.

Правила о конской повинности составлены хорошо. Видно, что составляющіе ихъ имѣли въ виду, по возможности, облегчить исполненіе воинской повинности. Цѣны на лошадей назначены настоящія, а если принять во вниманіе, что на красоту, выѣздку, даже на года обращали мало вниманія, то цѣны можно считать высокими, по крайней мѣрѣ, для нашей мѣстности. Притомъ же, каждому предоставляется добровольно поставить лошадей и тогда набавляется 20% къ назначенной цѣнѣ; къ жеребьевкѣ должны приступать лишь тогда, если нѣтъ охотниковъ добровольно поставить лошадей. Все дѣло должно вестись публично, гласно. Обращено вниманіе на то, чтобы лошадей не гоняли напрасно, не держали безполезно; даже объ томъ прописано, чтобы начальникъ, при осмотрѣ лошадей, имѣлъ при себѣ инструкцію. Составлявшіе правила, очевидно, понимали, что не слѣ-

дуетъ напередъ безполезно раззорять людей, на которыхъ падетъ вся тяжесть войны. Но исполнители, ближайшіе начальники, старшины, старосты ни объ чемъ этомъ не думаютъ, знаютъ только одно: „гони, приказано“.

Все это совершенно понятно: базграматный старшина, не знающій никакихъ законовъ, не имѣющій никакого понятія о законности, почти всегда пьяный, знаетъ только одно — приказаніе начальства, и отъ мужика требуетъ только безусловнаго исполненія его, старшины, приказаній.

Въ настоящее время, все сельское начальство отличнѣйшимъ образомъ нашколено, и что бы ему ни приказали, оно все исполнитъ безъ всякаго разсужденія: возьми такого-то и привези въ городъ — привезетъ; возьми такого-то и выпори — выпоретъ. И старшина, и староста ни объ чемъ другомъ не думаютъ, ни объ чемъ не заботятся, какъ только о безусловномъ исполненіи приказаній начальства. Дисциплина доведена до совершенства. „Гони—приказано!“

Призывъ безсрочно отпускныхъ, призывъ ополченцевъ — все это было совершено великолѣпно. Все было нашколено, дисциплинировано, и я думаю, что ни въ какой странѣ мобилизація не могла бы быть произведена такъ быстро, такъ отчетливо, какъ у насъ. Все было подготовлено заблаговременно; старшинамъ все было объяснено напередъ, объяснено акрётно, обстоятельно, по русски, съ крѣпкимъ словцомъ, чуть ли даже не были старшинамъ напередъ показаны будущія „медали“. Въ свою очередь, старшины нашколили старость, десятскихъ, все имъ „акрётно“ объяснили: придетъ приказъ, „бери, гони, чтобъ круто, а не то...“ А у старшины-то кулакъ здоровый. Все было подготовлено: въ волостномъ правленіи постоянно дежурили сторожа, которые должны были развезти приказы до ближайшихъ деревень. Сельскіе старосты знали всѣхъ безсрочныхъ и ополченцевъ своей волости, гдѣ кто находился; далеко отходить на заработки не позволялось: пропитывайся тутъ, въ округѣ, и *зрили* за ними плотно. Десятскіе по деревнямъ тоже были нашколены: вездѣ были наряжены лошади, подводчики. Пришелъ приказъ, гонцы летѣли по деревнямъ, подводчики моментально запрягали лошадей, скакали, какъ на пожаръ, хватали безсрочныхъ и живо доставляли ихъ въ городъ къ назначенному сроку. Никто не спрашивалъ: „почему, зачѣмъ?—Приказано: хватай, вези, гони. Сельское начальство выполнило свое дѣло безупречно, ошибокъ съ его стороны было мало; только разъ, получивъ приказъ о требованіи отставныхъ—а этого не предвидѣли, да и отставные заартачились: „у насъ, говорятъ, чистыя отставки, мы отслужили, на сколько присягали,—не пойдемъ“—старшина сообразилъ,

что если отставныхъ требуютъ, значитъ „нашего царя неустойка“, безсрочныхъ и подавно слѣдуетъ выгнать, и выслалъ безсрочныхъ. Намылили же ему за это голову: *не разсуждай*. Хорошо еще, что безсрочные на радости, что ихъ отпустили, искать съ старшины убытковъ не стали. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней, потребовали и этихъ безсрочныхъ, такъ что и искать некогда было. Да все равно, ничего бы не сыскали. Вѣдь тоже—начальство.

У насъ, въ отношенiи безсрочныхъ, былъ порядокъ, и если многихъ требовали по напрасну и потомъ возвращали, то это уже была вина не сельскаго начальства. Мы не знаемъ—отчего не требовали поименно. Вытребуютъ всѣхъ, а потомъ, однихъ оставятъ, другихъ отпустятъ. Иныхъ раза по три требовали и затѣмъ вовсе оставили. Разумѣется, оставленный на радости, что его не увезли—кому же охота отъ сохи да подъ Карсъ?—ничего не искалъ, хотя и несъ убытки. Подводчики тоже не искали, что лишнiй разъ съѣздили. Приказано: гони, чтобъ круто.

Да, отлично все было устроено. Одно только не съумѣли сдѣлать: своевременно помочь солдатскимъ женамъ, дѣтямъ и матерямъ...

Митрофаниха приходила—ребенокъ грудной умеръ. Все же легче: можетъ въ работницы заставится, а дѣвочка будетъ слѣпую бабку по мiру водить. Все же легче...

Сегодня, возвращаясь изъ деревни, встрѣтилъ на плотинѣ Митрофанову родную матку: побирается по мiру вмѣстѣ съ другой невѣсткой, женой Митрофанова брата.

— Здравствуйте, баринъ.

— Здравствуй. Откуда идешь?

— Въ „кусочки“ ходила. У невѣстки была. Мальчикъ-то померъ.

— Знаю, слышалъ.

— Померъ. Я ей сколько разъ говорила: „смотри, не кляни ты его! Знаю, что тебѣ трудно, только не кляни, не равенъ часъ, неизвѣстно въ какой часъ попадешь!“—Я, говоритъ, мамочка, никогда не кляну: пусть живетъ, Богъ съ нимъ! Померъ. Ну, да оно и лучше, все же легче.

— Все легче.

VII.

Какъ-то осенью—а дѣло было еще вскорѣ послѣ того, какъ я поступилъ на хозяйство — случилось мнѣ пойти посмотрѣть граборскiя работы. Въ эту осень граборы работали у меня поденно и занималось чисткой лужковъ, заросшихъ лознякомъ.

Граборы сидѣли у огонька и обѣдали.

— Хлѣбъ-соль!

— Милости просимъ.

— Благодаримъ.

Я подсѣлъ къ огоньку. Обѣдъ граборовъ состоялъ изъ варенаго картофеля. Это меня удивило, потому что я слыхалъ, что граборы—народъ зажиточный, трудолюбивый, получающій обыкновенно высшую, почти двойную противъ обыкновенныхъ сельскихъ рабочихъ плату, и ѣдятъ хорошо.

— Что это? Вы, кажется, одну картошку ѣдите? обратился я къ рядчику.

— Одну картошку.

— Что-жь такъ?

— Да не стоитъ лучше ѣсть, когда съ поденщины работаешь.

— Вотъ какъ! А мнѣ говорили, что граборы хорошо ѣдятъ.

— Да и то! Мы хорошо ѣдимъ, когда сдѣльно работаемъ, когда канавы роемъ, землю отъ куба возимъ, чистку отъ десятины снимемъ.

— Что же вы тогда ѣдите?

— Тогда? Щи съ ветчиной ѣдимъ, кашу. Прочную, значитъ, пищу ѣдимъ, густую. На картошкѣ много ли сдѣлаешь?

— Да развѣ вамъ все равно, что ѣсть? Ветчина, каша, вѣдь, вкуснѣе?

Рядчикъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ; его видимо удивило, какъ это я не понимаю такой простой вещи, и онъ сталъ мнѣ пояснять.

— Намъ не стоитъ хорошо ѣсть теперь, когда мы работаемъ съ поденщины, потому что намъ все равно, сколько мы ни сдѣлаемъ, заработокъ тотъ же, все тѣ же 45 копѣекъ въ день. Вотъ еслибы мы работали сдѣльно—канавы рыли, землю возили—это другое дѣло: тогда намъ было бы выгоднѣе больше сдѣлать, сработать на 75 копѣекъ, на рубль въ день, а этого на одной картошкѣ не выработаешь. Тогда бы мы ѣли прочную пищу—сало, кашу. Извѣстно, какъ поѣдаешь, такъ и поработаешь. Ѣшь картошку—на картошку сработаешь; ѣшь кашу—на кашу сработаешь.

— Ну, а еслибы я возвысилъ поденную плату и потребовалъ, чтобы вы лучше ѣли?

— Что-жь, это можно. Отчего же? если такое будетъ ваше желаніе—можно, усмѣхнулся рядчикъ.

— Ну, а работа спорѣе бы шла тогда?

— Пожалуй, что спорѣе.

— А выгоднѣе ли бы мнѣ было?

— Не знаю.

— Почему же?

— Работа такая. Работа огульная, сообща, счесть ея нельзя. Мы и теперь не сидимъ сложа руки, работаемъ положенное, залогу дѣлаемъ, какъ по закону полагается. И тогда такъ же бы работали—ну, приналегли бы иногда, чтобы удовольствіе вамъ сдѣлать, особенно еслибъ вы ребятамъ водочки поднесли. Такъ вѣдь, ребята?

Ребята, т. е. граборы-артельщики, засмѣялись...

— Работа не такая, продолжалъ рядчикъ:—работа тутъ ручная, огульная, счесть ея нельзя; работаемъ, да не такъ, какъ сдѣльно: все же каждый себя приберегаетъ,—не убиться же на работѣ,—мѣры тутъ нѣтъ, да и плата все равно поденно.

— Да вѣдь харчъ былъ бы хорошій!

— Такъ что-жь? Харчъ работать не заставитъ, когда самъ не наляжешь. Харчъ, самъ знаешь, только на баловство поретъ, а на работу нѣтъ... А изъ за чего налегать-то: плата поденная, счесть работу нельзя, работаемъ сообща—я налягу, а другой нѣтъ. Счесть нельзя, вотъ что. Тутъ и самъ себя приналечь не заставишь, да и какъ налечь, сколько? Раздѣлилъ бы на нивки, чтобы каждый свою нивку гналъ—нельзя: лужаечки все такіе маленькія, тѣсныя, неровныя, кустъ разный. Вотъ еслибы можно было отъ десятины чистить, на отрядъ, это другое дѣло. Мы и сами этихъ поденщинъ не любимъ, заработокъ плохой, работы настоящей нѣтъ, скучно. То ли дѣло сдѣльная работа,—намъ самимъ пріятнѣй. На сдѣльной работѣ вольнѣй: хозяину до насъ дѣла нѣтъ, что сработали, за то и платитъ; залогуемъ когда хотимъ, по своей волѣ... Рядчикъ помолчалъ.

— Нѣтъ, продолжалъ онъ;—нѣтъ, харчъ работать не заставитъ, вамъ невыгодно будетъ: и такъ положенное работаемъ. Тогда бы у насъ харчъ въ жиръ пошелъ, мы бы тогда у васъ за осень во какъ отъѣлись, ребята ни одной бабѣ проходу не дали бы!

Граборы засмѣялись.

— Ну, а при сдѣльной работѣ?

— То другое совсѣмъ дѣло. При сдѣльной работѣ, каждый на себя работаетъ, каждый свою дольку канавы роетъ, каждый свою долю земли возитъ, каждый на себя старается, сколько сработаетъ, столько и получаетъ. Да и работа тамъ мѣрная: хотимъ—на рубль въ день выгоняемъ, хотимъ—на семь гривенъ: какъ согласіе артели.

— Такъ и сдѣльно не всегда одинаково работаете?

— Еще бы! И сдѣльно не всегда одинаково. Въ весеннюю упряжку съ начала весны работаемъ побольше, на рубль въ день выгоняемъ, а къ концу работаемъ полегче, гривенъ на восемь, и того

меньше: къ покосу себя прибeрегаемъ. Намъ, сами знаете, домашній покосъ дѣло самое важное, тутъ мы во всю силу работаемъ. Погони-ка всю весеннюю упряжку на земляной, денегъ заработаешь много, да косить-то потомъ дома какъ будешь? Все нужно съ разсчетомъ. На чугункѣ вонъ какъ гоняютъ на земляной, да что толку-то потомъ. Наши оттого на чугунку и не ходятъ.

— То-то у меня нынче въ Петровки граборъ канавы рылъ,—я удивлялся, что онъ такъ мало выгоняетъ — гривенъ на шесть въ день. Я думалъ, онъ не умѣетъ, не настоящій граборъ—анъ канавы сдѣлалъ хорошо.

— У васъ нынче Фетисъ работалъ?

— Да, Фетисъ.

— Нѣтъ, это граборъ настоящій, не меньше всякаго другого сдѣлаетъ. Только они раздѣлившись. Фетисъ одиночка, жена, дѣти маленькія. Въ артель ему стать нельзя: далеко отъ дому отойти нельзя. Онъ и ходитъ въ одиночку, отсѣявшись. Найдетъ по близости отъ дому работу—и слава Богу. Дома у него въ покосъ работы много—вотъ онъ и прибeрегаетъ себя.

— Оттого, должно быть, вы и на чугунку не ходите, что тамъ прибeрегать себя нельзя, гнать нужно?

— Оттого. Пробовали наши и на чугунку ходить. Заработать тамъ много можно, если Богъ здоровья дастъ, да что толку. Въ одно лѣто такъ собьешься, что потомъ въ годъ не поправишься. Тамъ, на чугункѣ, сибирная работа, сверхсильная, до креваваго пота—за непочтеніе къ родителямъ такую работу дѣлать. Тамъ работаютъ съ загонщиками — гони за нимъ. А загонщики-то подобраны молодцы, притѣшаютъ ихъ тоже. Ну, и убивается народъ. Нѣтъ, наши граборы на чугунку не ходятъ — туда безрасчетный народъ идетъ, за большими заработками гонятся, или отъ нужды, на задатки ихъ тоже ловятъ. И много ихъ тамъ пропадаетъ: умретъ, либо калѣкой вернется.

Все, что я слышалъ отъ граборовъ теперь и въ послѣдствіи, когда обратилъ особенное вниманіе на этихъ замѣчательныхъ рабочихъ, было для меня ново. Не знаю, какъ другіе, но я, по крайней мѣрѣ, никогда до того не слыхалъ и не читалъ о томъ, что иногда бываетъ, что *не стоитъ хорошо ѣсть*.

Не стоитъ хорошо ѣсть, потому что работаемъ съ поденщины. Значитъ, хорошо ѣдятъ только тогда, когда это стоитъ, т. е. только для того, чтобы хорошо работать? Нѣтъ работы, дешева работа, плата не зависитъ отъ количества работы—поденщина—и ѣсть хорошо не стоитъ. Да, это такъ: когда глубокой осенью нѣтъ работы для ло-

шадей, имъ овса не даютъ; весною, когда много работы, даютъ овесъ. Это такъ.

Харчъ хорошій работать не заставитъ, если нѣтъ *личной* выгоды сработать болѣе. Если нѣтъ выгоды болѣе сработать, если работаешь не на себя, если не работаешь вольно, если работу самъ учесть не можешь, то и не заставишь себя болѣе сдѣлать,—все будешь прилѣниваться, приберегать себя, въ жиръ пойдешь, отъѣдаться станешь.

Чтобы хорошо работать, каждый долженъ *работать на себя*. Поэтому-то, въ артели, если только есть возможность раздѣлить работу, ее дѣлятъ, и каждый работаетъ свою дольку, каждый получаетъ, сколько заработалъ. Отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ, при рытьѣ канавы, дѣлятъ ее на участки и каждый отдѣльно гонитъ свой участокъ.

Работая, можно *приберегать* себя — можно работать и на рубль, и на восемъ гривенъ, и на полтину. Даже *слѣдуетъ приберегать,* если предстоитъ другая, болѣе выгодная работа. Всѣхъ денегъ не заберешь; работая сверхъ силъ, только себя надсадишь и это на тебѣ же потомъ отзовется, тебѣ же въ убытокъ будетъ.

Люди *точно* знаютъ, *на какой пищѣ сколько сработаешь, какая пища къ какой работѣ подходитъ.* Если при пищѣ, состоящей изъ щей съ солониной и гречневой каши съ саломъ, вывезешь въ извѣстное время, положимъ, одинъ кубъ земли, то, при замѣнѣ гречневой каши ячною, вывезешь менѣе, примѣрно, кубъ безъ осьмушки; на картофелѣ — еще меньше, напримѣръ, три четверти куба, и т. п. Все это грабору, рѣщику дровъ, пильщику — *совершенно точно извѣстно,* такъ что, зная цѣну харчей и работы, онъ можетъ совершенно точно расчесть, какой ему харчъ выгоднѣе — и разсчитываетъ. Это точно паровая машина. Свою машину онъ знаетъ, я думаю, еще лучше, чѣмъ машинистъ паровую; знаетъ, когда, сколько и какихъ дровъ слѣдуетъ положить, чтобы получить извѣстный эффектъ. Точно также и относительно того, какая пища для какой работы способнѣе: при косьбѣ, напримѣръ, скажутъ вамъ, требуется пища прочная, которая бы, какъ выражается мужикъ, къ землѣ тянула, потому что при косьбѣ нужно крѣпко стоять на ногахъ, какъ пень, быть, такъ сказать, вбитымъ въ землю каждый моментъ, когда дѣлаешь взмахъ косой; наоборотъ, молотить лучше натощакъ, чтобы быть полегче. Ужь на что до тонкости изучили кормленіе скота нѣмецкіе ученые скотоводы, которые знаютъ, сколько и какого корма нужно дать, чтобы откормить быка или получить наибольшее количество молока отъ коровы, а граборы, думаю я, въ вопросахъ питанія рабочаго

человѣка, заткнутъ за поясъ ученыхъ агрономовъ. Оно и понятно: на своей кишкѣ испытываютъ.

Я не физіологъ, физіологіей никогда не занимался, но все же читалъ кое-какія книжки о питаніи, и, вѣроятно, знаю не менѣе, чѣмъ обыкновенный человѣкъ изъ интеллигентнаго класса, а между тѣмъ многое, что я слышалъ отъ рабочихъ о пищѣ, было для меня ново и интересно. Потому-то я и рѣшился написать объ этомъ. Всѣ мы, напримѣръ, считаемъ мясо чрезвычайно важною составною частью пищи, считаемъ пищу плохою, неудовлетворительною, если въ ней мало мяса, стараемся побольше ѣсть мяса. Между тѣмъ, мужикъ, даже на самой трудной работѣ, вовсе не придаетъ мясу такой важности. Я, конечно, не хочу этимъ сказать, что мужикъ не любитъ мяса; разумѣется, каждый предпочтетъ щи съ „крошевомъ“ пустымъ щамъ, каждый въ удовольствіемъ будетъ ѣсть и баранину, и курицу — я говорю только о томъ, что мужикъ не придаетъ мясу важности относительно рабочаго эффекта. Мужикъ главное значеніе въ пищѣ придаетъ жиру. Чѣмъ жирнѣе пища, тѣмъ лучше: „масломъ кашу не испортишь“, „попова каша съ маслицемъ“. Пища хороша, если она жирна, здобна, масляна. Щи хороши, когда такъ жирны, „что не продуешь“, когда въ нихъ много навару, то есть жиру. Деревенская кухарка не скоро можетъ привыкнуть къ тому, что бульонъ долженъ быть крѣпокъ, концентрированъ, а не жиренъ; ее трудно пріучить, чтобы она снимала съ супа жиръ: „что это за варево, коли безъ жиру“. Если случится, что у меня обѣдаетъ „русскій человѣкъ“, напримѣръ, заѣзжій купецъ, то Авдотья непремѣнно подаетъ жирный супъ, и всѣ кушанья постарается сдѣлать жирнѣе. Желая хорошенько угостить на Никольщинѣ почетнаго гостя, деревенская баба, подавая жареный картофель или жареные грибы, непремѣнно обольетъ ихъ еще сырымъ постнымъ масломъ. Въ какой-то сказкѣ про кота говорится: „жирно ѣлъ, пьяно пилъ, слабко б.....“. Когда хотятъ сказать, что богатый мужикъ хорошо ѣстъ, то не говорятъ, что онъ ѣстъ много мяса, а говорятъ „онъ жирно ѣстъ“, „масляно“.

Что мясо, для полнаго производства работы, не составляетъ крайней необходимости, что растительныхъ азотистыхъ веществъ, ржаной муки и гречневой крупы совершенно достаточно, это видно изъ того, что, при достаточномъ количествѣ жира, и на постной пищѣ можно выработать то-же, что на скоромной съ говядиной; иначе, я увѣренъ, граборы, рѣщики, пильщики въ посты ѣли бы скоромное. Сколько я могъ замѣтить, скоромная пища потому только лучше постной — разница несомнѣнно есть — что скоромные животные жиры лучше для питанія, чѣмъ постныя растительныя масла. Это особенно

замѣтно на людяхъ, которые не привыкли къ постному маслу. Но люди привычные, и на трудныхъ земляныхъ работахъ, ѣдятъ очень часто, даже въ скоромные дни, кашу съ постнымъ масломъ.

Люди изъ интеллигентнаго класса, съ понятіями, что нужно ѣсть побольше мяса, сыру, молока, скоро убѣждаются, когда начинаютъ *настояще работать,* что суть дѣла не въ мясѣ, а въ жирѣ. Прошлой весной, одинъ обучавшійся у меня хозяйству молодой человѣкъ изъ интеллигентныхъ занимался корчевкой пней. Дѣлалъ это онъ собственно для практики, чтобы познакомиться съ подобной работой. Человѣкъ онъ былъ силы непомѣрной, работалъ одинъ, корчевалъ—разумѣется, нѣсколько подгнившіе—пни при помощи толстаго желѣзнаго лома, и одинъ снашивалъ выкорчеванное въ кучи. Работа самая трудная, медвѣжья, даже крестьяне удивлялись его силѣ и трудамъ. Впослѣдствіи, я за подобную работу предлагалъ граборамъ такую плату сдѣльно, что, работая, какъ этотъ работникъ, они вырабатывали бы по рублю въ день, но граборы отказались. Работа, значитъ, была настоящая. Уходилъ онъ на работу утромъ и бралъ завтракъ съ собой. И вотъ что онъ мнѣ сообщилъ: съѣдая за завтракомъ кусокъ жаренаго, хотя и нашпигованнаго, тетерева, онъ не могъ столько сдѣлать—скорѣе уставалъ, болѣе отдыхалъ—сколько дѣлалъ, когда съѣдалъ за завтракомъ кусокъ жирной свинины или даже просто кусокъ свиного сала.

Я думаю, что было бы очень интересно, если бы интеллигентные люди, знающіе химію, физіологію, провѣрили наблюденія граборовъ, пильщиковъ и пр., относительно питанія, на собственной кишкѣ.

Относительно гороха, напримѣръ, наши представленія сильно расходятся съ понятіями тѣхъ, которые испытали горохъ на своей кишкѣ. Зная, что горохъ содержитъ много азотистыхъ веществъ, полагали, что онъ можетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, замѣнять мясо, что его слѣдуетъ ввести въ составъ концентрированной пищи. Было время гороховаго увлеченія. Всѣмъ извѣстно, какое значеніе придавали для питанія войскъ пресловутой нѣмецкой гороховой колбасѣ. Горохъ дешевъ, а между тѣмъ онъ содержитъ много азотистыхъ веществъ, слѣдовательно, нужно стараться ввести его въ употребленіе для питанія, особенно во время постовъ. Другими словами, нужно стараться сдѣлать горохъ дорогимъ. Производились опыты надъ питаніемъ горохомъ, писались диссертаціи. Никому и въ голову не приходило, что горохъ потому и дешевъ — иногда дешевле гречневой крупы, даже дешевле ржаной муки и толокна—что его мало ѣдятъ. Граборы, пильщики,—люди, производящіе самыя трудныя работы, почти не употребляютъ гороха, или очень мало. У мужика въ постные дни

горохъ идетъ какъ добавочное блюдо, да и то изрѣдка; его съ удовольствіемъ ѣдятъ только съ охотки, потому что горохъ претитъ и часто его ѣсть нельзя. Обыкновенно горохъ ѣдятъ за завтракомъ, да и то лучше варить его пополамъ съ крупой, или даже просто съ пшеницей. Гороховый супъ или гороховый кисель съ охотки ѣдятъ съ удовольствіемъ, какъ лакомство, не въ счетъ другой пищи, но его нельзя ѣсть ежедневно, онъ скоро надоѣдаетъ. Между тѣмъ, гречневая каша никогда не надоѣдаетъ и ее охотно ѣдятъ каждый день.

Извѣстно, что въ нашей русской культурѣ бобовыя растенія — горохъ, бобы и т. п. — играютъ весьма подчиненную роль и замѣняются *гречихой;* въ *нашей трехпольной плодопеременной системѣ*— рожь, гречиха, паръ—въ которой гречиха играетъ, по отношенію къ злакамъ, ту же роль, какъ бобовыя. Ясно, что *мы должны питаться не гороховой колбасой, а гречневой кашей,* и мнѣ теперь совершенно понятна та презрительная брань, которую я однажды слышалъ въ городѣ: „Эхъ ты! нѣмецъ! колбаса гороховая!..“

Но какъ же, скажутъ, въ Германіи то гороховая колбаса играла такую важную роль въ продовольствіи войскъ? Не знаю. Мало ли что въ Германіи! Тамъ существуетъ и миноратъ и маіоратъ, а у насъ и самъ Петръ-Царь его привить не могъ. Говорятъ: „что русскому здорово, то нѣмцу смерть“; должно быть и обратно то же самое. Можетъ быть, климатическія условія другія, можетъ быть, организація пищеварительнаго аппарата другая. И доктора знаютъ, что одна діэта для барина, другая для мужика; что барина нужно лечить иначе, чѣмъ мужика, чиновника иначе, чѣмъ деревенскаго помѣщика Собакевича, что человѣкъ, привыкшій къ грубой пищѣ, содержащей много непереваримыхъ веществъ, можетъ заболѣть сильнымъ разстройствомъ желудка отъ употребленія изысканной, нѣжной пищи, содержащей очень мало непереваримыхъ веществъ, и потомъ выздоровѣть отъ употребленія грубой пищи, къ которой онъ привыкъ. Надо мной самимъ былъ такой случай.

Дома я ѣмъ пищу простую, довольно грубую, *прочную* пищу, и пью водку въ 30°, потому что водка не только пріятна, но и полезна при грубой пищѣ (по словамъ нашего фельдшера, водка „всякую насѣкомую убиваетъ“, объ чѣмъ, какъ онъ утверждаетъ, „и въ патологіи сказано“). Случилось мнѣ однажды поѣхать за 60 верстъ на имянины къ одному родственнику, человѣку богатому и любящему угостить—ну, довольно сказать, что у него въ деревнѣ поваръ получаетъ 25 рублей жалованья въ мѣсяцъ. Хорошо. Наступили имянины. Въ часъ по полудни завтракъ—дома я въ это время ужь пообѣдалъ и спать легъ—разумѣется, прежде всего водка и разный

гордёвръ. Выпили и закусили. Завтракать стали: паштетъ съ трюфелями—съѣли, бургонское, да настоящее, не то, что въ уѣздныхъ городахъ продаютъ съ надписью „Нуй бургунскій"—выпили. Циплята потомъ съ финзербомъ какимъ то. Съѣли. Еще что-то. Ѣли и пили часа два. Выспался потомъ. Вечеромъ въ седьмомъ часу—обѣдъ. Тутъ ужь—ѣли-ѣли, пили-пили, даже тошно стало. На другой день, у меня такое разстройство желудка сдѣлалось, что страхъ. Имъ всѣмъ, какъ они привыкли къ господскому харчу, ни почемъ, а мнѣ бѣда. Докторъ случился, достали гдѣ-то Tinctura opii, ужь я ее пилъ-пилъ—не помогаетъ. Ну, думаю—умирать, такъ ужь лучше дома, и уѣхалъ на другой день домой. Пріѣзжаю на постоялый дворъ, вхожу и вижу сидитъ знакомый дворникъ Гаврила, толстый, румяный, и уписываетъ ботвинью съ лукомъ и селедкой-ратникомъ.

— Хлѣбъ-соль!

— Милости просимъ.

— Благодаримъ.

— Садитесь! Петровна, принеси-ка водочки!

— Охотно бы поѣлъ, да боюсь.

— А что?

Я разсказалъ Гаврилѣ о своей болѣзни.

— Это у васъ отъ легкой пищи; у вашего родственника пища нѣмецкая, легкая,—вотъ и все. Выпейте-ка водочки, да поѣшьте нашей русской прочной пищи, и выздоровѣете. Эй, Петровна! неси барину водки, да ботвиньица подбавь, селедочки подкроши.

Я выпилъ стаканъ водки, подъѣлъ ботвинья, выпилъ еще стаканъ, поѣлъ чего-то крутого, густого, прочнаго, кажется, каши, выспался отлично—и какъ рукой сняло. Съ тѣхъ поръ, вотъ уже четыре года, у меня никогда не было разстройства желудка.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пища человѣка не можетъ состоять изъ однихъ переваримыхъ веществъ, что она должна содержать извѣстное количество неперваримыхъ. Словомъ, выражаясь проще, нѣтъ сомнѣнія, что, насколько человѣку необходимо ѣсть, настолько же необходимо и извергать. Мы, хозяева, занимающіеся скотоводствомъ, очень хорошо знаемъ, что корову, напримѣръ, нельзя кормить одними легко переваримыми питательными веществами, что ей необходимо давать и непореваримыя вещества. Поэтому, при кормленіи скота, мы комбинируемъ извѣстнымъ образомъ грубые кормы съ тонкими концентрированными—солому съ мукой, сѣно съ овсомъ и т. п. Словомъ, кормимъ корову такъ, чтобы она давала молоко и навозъ. Я не знаю, насколько физіологи и медики знаютъ, какъ должны быть ком-

бинированы въ пищѣ человѣка переваримыя и непереваримыя вещества, но мы, люди изъ интеллигентнаго класса, ничего по этой части не знаемъ, и питаемся поэтому иногда очень односторонне, налегая преимущественно на животныя азотистыя вещества,—мясо, сыръ, которыя, не знаю уже почему, считаются многими, сами по себѣ, достаточными для питанія. Очень часто мы, интеллигентные люди, питаемся менѣе раціонально, чѣмъ питается скотъ у хорошаго хозяина, и это тѣмъ чаще случается, что у скота гораздо болѣе развитъ инстинктъ, такъ что если ему предоставленъ свободный выборъ между разными кормами, то онъ, инстинктивно, самъ себѣ выбираетъ соотвѣтствующую норму кормленія. Не въ этомъ ли причина разныхъ желудочныхъ, кишечныхъ и т. п. катарровъ? Какъ бы ни было, но я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ доктора, который далъ бы мнѣ положительный отвѣтъ на вопросъ, какъ слѣдуетъ комбинировать пищу, сколько въ ней должно быть непереваримыхъ веществъ, сколько переваримыхъ: азотистыхъ, крахмалу, сахару, солей. Обыкновенно доктора, давая совѣтъ относительно пищи, стараются исключить изъ нея трудноваримыя или непереваримыя вещества; напримѣръ, не совѣтуютъ здоровому даже человѣку есть грибы, потому что въ нихъ много непереваримой клѣтчатки, не совѣтуютъ есть свинины, потому что она очень жирна, совѣтуютъ ѣсть побольше мяса и т. п.

Увлеченіе горохомъ, гороховой колбасой и разными искусственными консервами указываетъ, какъ мнѣ кажется, на недостаточность нашихъ знаній относительно раціональнаго питанія людей. Что же касается до той важной роли, какую придавали гороховой колбасѣ относительно питанія нѣмецкихъ войскъ, то нужно принять во вниманіе, что привычка при питаніи играетъ важную роль, что тутъ важенъ нетолько составъ, вкусъ, но даже извѣстная форма пищи. Если подать, напримѣръ, молоко, въ чистомъ, никогда не бывшемъ въ употребленіи ночномъ горшкѣ, то мужикъ, не знающій назначенія этой посудины, будетъ ѣсть молоко совершенно спокойно; между тѣмъ, многіе изъ насъ не въ состояніи будутъ ѣсть изъ такой посудины, а, принудивъ себя къ тому, могутъ даже заболѣть. Одинъ крестьянинъ разсказывалъ мнѣ, что однажды ему подали на постояломъ дворѣ очень вкусный студень, который онъ съѣлъ съ большимъ удовольствіемъ, но потомъ, случайно обративъ вниманіе на косточки, бывшія въ студнѣ, увидалъ, что студень былъ приготовленъ изъ жеребенка; это такъ на него подѣйствовало, что онъ заболѣлъ и долго послѣ того не могъ ѣсть студня. Вотъ нѣчто подобное могло быть и относительно гороховой колбасы. Нѣмцы въ огромномъ количествѣ потребляютъ колбасы, привыкли къ нимъ, любятъ ихъ; для

нѣмца колбаса то же самое, что для русскаго щи и каша, что для хохла галушки или какая нибудь затираха. За неимѣніемъ другой, нѣмецъ ѣстъ въ походѣ и гороховую колбасу съ удовольствіемъ, не потому, что она вкусна и хороша, а потому только, что это колбаса, которая по вкусу можетъ и не подходитъ къ той колбасѣ, которой онъ наслаждался дома, но которая, по своей формѣ, напоминаетъ ему родину. Швейцарецъ, напримѣръ, предпочитаетъ плохой сыръ, приготовленный по швейцарскому способу, хорошему честеру.

Рабочіе люди, которые хорошо ѣдятъ только—когда стоитъ хорошо ѣсть, которые знаютъ, сколько на какой пищѣ можно выработать, безъ сомнѣнія, знаютъ о питаніи человѣка не менѣе, чѣмъ мы, хозяева, знаемъ о кормленіи скота. Мнѣ кажется, что прислушаться къ ихъ голосу, вникнуть въ ихъ представленія о питаніи, о пищѣ, было бы не безполезно и ученымъ медикамъ, точно такъ-же, какъ агрономамъ необходимо изучать мужицкія понятія о земледѣліи и скотоводствѣ.

Трудно, конечно, усвоить мужицкія понятія намъ, которые даже не вполнѣ хорошо понимаемъ мужицкую рѣчь и не умѣемъ говорить съ мужикомъ понятнымъ для него языкомъ. Тутъ нужны массы изслѣдователей, развитыхъ наукой, которые не смотрѣли бы сверху, а, такъ сказать, слились бы съ этой сѣрой массой, проникли въ нее, *испытывая все на своей кишкѣ, на своемъ хребтѣ.* Какое пріобрѣтеніе было бы для науки! Часто, слыша мужицкія поговорки, пословицы, относящіяся до земледѣлія и скотоводства, я думаю: какой бы великолѣпный курсъ агрономіи вышелъ, если-бы кто-нибудь, практически изучавшій хозяйство, взявъ пословицы за тэмы для главъ, написалъ къ нимъ научныя физико-физіолого-химическія объясненія.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ представленій рабочаго о понятіи я вовсе не думаю дать что нибудь цѣльное, полное; мои наблюденія поверхностны, и если я сообщаю ихъ, то только потому, что вообще мы мало знаемъ о мужикѣ и все это для многихъ будетъ довольно ново.

По мужицкому, *кислота* есть *необходимѣйшая* составная часть пищи. Безъ кислаго блюда—для рабочаго обѣдъ не въ обѣдъ. Кислота составляетъ для рабочаго человѣка чуть не большую необходимость, чѣмъ мясо, и онъ скорѣе согласится ѣсть щи съ свинымъ саломъ, чѣмъ прѣсный супъ съ говядиной, если къ нему не будетъ еще какого-нибудь кислаго блюда. Отсутствіе кислоты въ пищѣ отражается и на количествѣ работы, и на здоровьи, и даже на нравственномъ состояніи рабочихъ людей. Ужь лучше червивая кислая капуста, чѣмъ вовсе безъ капусты. При продовольствіи войскъ въ походахъ на войнѣ, вопросъ о щахъ, о кислой капустѣ, *о кислотѣ,* есть вопросъ первостепенной важности. Еслибы мы получше знали

мужика и поменьше увлекались нѣмцемъ, то скорѣе подумали бы о своей кислой капустѣ, чѣмъ о нѣмецкой гороховой колбасѣ.

Щи изъ кислой капусты — холодные или горячіе — составляютъ основное блюдо въ народной пищѣ. Если нѣтъ кислой капусты, то она замѣняется кислыми квашенными бураками (борщъ). Если нѣтъ ни кислой капусты, ни квашенныхъ бураковъ, вообще никакихъ квашенныхъ овощей, какъ это иногда случается лѣтомъ, то щи приготовляются изъ свѣжихъ овощей — свекольникъ, лебеда, крапива, щавель — и заквашиваютъ кислой сывороткой или кислыми сколотинами, получаемыми при изготовленіи чухонскаго масла. Наконецъ, въ случаѣ крайности, щи заквашиваются особенно приготовленнымъ сырымъ кислымъ квасомъ или замѣняются кислой похлебкой съ огуречнымъ разсоломъ, квасомъ, сильно закисшимъ тѣстомъ, сухарями изъ кислаго чернаго хлѣба (тюря, мурцовка, кавардачокъ).

Случается, что косцы на отдаленныхъ покосахъ лѣтомъ довольствуются прѣсною кашицею; но отсутствіе горячей кислой пищи всегда составляетъ большое лишеніе для рабочихъ, и они стремятся пополнить этотъ недостатокъ кислымъ молокомъ, что, однако же, не вполнѣ удовлетворяетъ, потому что молоко есть *легкая* пища, къ трудной работѣ не идущая, а косьба требуетъ пищи *прочной*, крутой, густой.

Съ кислыми продуктами всегда бываетъ наиболѣе хлопотъ. Случайные недостатки въ пищѣ, напримѣръ, неудавшійся, дурно выпеченный, хлѣбъ и т. п., могутъ быть вознаграждены лишней порціей водки и переносятся безропотно, но отсутствіе кислоты — никогда. Понятно, что эта необходимость кислоты обусловливается составомъ русской пищи, состоящей изъ растительныхъ веществъ извѣстнаго рода (черный хлѣбъ, гречневая каша). Химики знаютъ, что кислота, входящая въ составъ всѣхъ выше названныхъ кислыхъ продуктовъ — щей, квашенныхъ бураковъ, соленыхъ огурцовъ, сыворотки и пр. — есть одна и та-же, именно *молочная кислота*. Очевидно, что при извѣстномъ составѣ народной русской пищи, кислота эта, и, по всей вѣроятности, сопровождающія ее соли, существенно необходима для питанія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ кислой капустѣ главное значеніе имѣетъ кислый сокъ — хотя я не отрицаю важности и другихъ составныхъ частей — и потому, если извлечь этотъ сокъ, сгустить его и приготовить кислый капустный экстрактъ, подобно тому, какъ приготовляется клюквенный экстрактъ, то этотъ капустный экстрактъ могъ бы быть съ пользою употребляемъ для заправки пищи въ походахъ и вообще при такихъ обстоятельствахъ, когда нельзя имѣть кислой

капусты. Мнѣ кажется, что можно было бы даже искуственно приготовлять молочную кислоту и употреблять ее для заправки пищи, подобно тому, какъ теперь употребляется уксусъ. Разумѣется, при этомъ слѣдуетъ добавлять тѣ соли, которыя находятся въ капустѣ, или еще того лучше, консервы изъ овощей.

Приготовленіе консервовъ изъ кислой капусты, какъ оно практиковалось еще въ послѣднюю войну — именно, приготовленіе сушеной капусты — по моему, не достигаетъ цѣли, въ особенности если изъ кислой капусты предварительно выжимаютъ сокъ, безъ чего ее трудно высушить. Тутъ теряется важнѣйшая составная часть, да и перевозка и сохраненіе такой сушеной капусты дѣло вовсе не легкое. Очень бы любопытно было знать, въ какомъ видѣ пришла къ войскамъ за Балканы и какое значеніе, какъ питательный матеріалъ, имѣла та сушеная кислая капуста, которую прошлой зимой выбирали для отправки войскамъ въ Турцію.

Крестьяне различаютъ пищу на *прочную* и *легкую*, съ множествомъ градацій, конечно. Жить можно и на легкой пищѣ, напримѣръ: грибы, молоко, огородина, но для того, чтобы работать, нужно потреблять пищу прочную, а при тяжелыхъ работахъ — земляныя, рѣзка, пилка, косьба, корчевка и т. п. — самую прочную, такую, чтобы поѣвши бросало на пойло, какъ выражаются мужики, чтобы захотѣлось напиться, такъ напиться, какъ пьетъ послѣ сытнаго, прочнаго обѣда здоровый работникъ, когда онъ приляжетъ губами къ ведру съ квасомъ и сразу вытянетъ чуть не полведра.

Прочною пищею считается такая, которая содержитъ много питательныхъ, но трудно перевариваемыхъ веществъ, которая переваривается медленно, долго остается въ кишкѣ, не скоро выпоражнивается, потому что, разъ кишка пуста, работать тяжелую работу нельзя и необходимо опять подъѣсть.

Такъ какъ черный ржаной хлѣбъ составляетъ главную составную часть пищи, то хлѣбъ долженъ быть крутъ, не вадокъ, не тѣстянъ, хорошо выпеченъ, изъ свѣжей муки. На хлѣбъ рабочій обращаетъ главное вниманіе. Хорошій хлѣбъ первое дѣло, но одного только хлѣба для полной работы мало. Затѣмъ, прочная пища должна состоять изъ щей съ хорошей жирной солониной или соленой свининой (ветчиной — только не копченой) и гречневой каши съ топленымъ масломъ или саломъ. Если при этомъ есть стаканъ водки передъ обѣдомъ и квасъ, чтобы запить эту прочную, крутую пищу, то пища будетъ образцовая, самая прочная, такая, при которой можно сдѣлать maximum работы: вывезти наибольшее количество земли, нарѣзать наибольшее количество дровъ, выпилить наибольшее количество

досокъ. Съ такой пищей можно перейти Альпы, перетащить черезъ Балканы, подъ звуки дубинушки, пушки, отмахать походъ въ Индію.

Совершенно понятно, что нормальная пища солдатъ—щи и каша—выработанная продолжительнымъ опытомъ, совпадаетъ съ образцовой народной пищей, при которой можно произвести наибольшую работу. Никакія гороховыя колбасы, никакіе консервы не могутъ замѣнить этой простой пищи, и вся задача только въ томъ, чтобы эта пища была хорошо приготовлена и изъ хорошихъ матеріаловъ.

Щи и каша — это основныя блюда. Уничтожить кашу — обѣдъ не полный, уничтожить щи — *нѣтъ обѣда*. Разумѣется, если добавить что-нибудь къ такомъ прочному обѣду, такъ не будетъ хуже. И послѣ такого обѣда артель въ 20 человѣкъ съ удовольствіемъ съѣстъ на закуску жаренаго барана или теленка, похлебаетъ молока съ ситникомъ. Но все это уже будетъ лакомство.

Въ постные дни солонина въ щахъ замѣняется снѣткомъ, который кладется только для вкуса, или горячія щи замѣняются холодными, то есть кислой капустой съ квасомъ, лукомъ и постнымъ масломъ. Коровье масло или сало къ кашѣ замѣняется постнымъ масломъ.

Солонины, говядины или свинины въ скоромны щи кладется немного, такъ что крѣпкаго бульона не получается — лишь бы только навару (жиру) было побольше; если говядина не жирна, то къ ней прибавляютъ свиного сала.

Мы видимъ, что въ этой образцовой пищѣ много жиру, да и животныя азотистыя вещества употребляются въ трудно переваримой формѣ: говядина замѣняется солониной, свѣжая свинина ветчиной.

Замѣна различныхъ составныхъ частей нормальной прочной пищи другими дѣлаетъ пищу *болѣе или менѣе легкой*, то есть такой, которая быстрѣе переваривается, быстрѣе выпоражнивается. Но тутъ необходимо еще замѣтить, что съ понятіемъ о хорошей прочной пищѣ соединяется еще и то, что пища имѣетъ густую консистенцію и бросаетъ на пойло. „У него харчъ хорошій: ѣдятъ все густое, хлѣбъ что не переломишь, каша — балиха, кисель — ножемъ рѣжь".

Если солонину въ щахъ замѣнить свѣжей говядиной, то пища уже будетъ менѣе прочная; она сдѣлается еще менѣе прочною, если солонину замѣнить свѣжей свининой, потому что свѣжая свинина нудитъ. Замѣна солонины саломъ и, наконецъ, снѣтками еще понижаетъ достоинство щей, но только въ такомъ случаѣ, если солонина жирная; при тощей солонинѣ, щи съ саломъ предпочитаются.

Точно также пища сдѣлается менѣе прочною, если крутую гречневую кашу — самое любимое кушанье — замѣнить размазней, кисе-

лемъ, густой картофельницей, супомъ крупникомъ, хотя бы даже и съ говядиной. Всѣ эти замѣны сильнѣе понижаютъ прочность пищи— такъ что уже оказываютъ вліяніе на количество работы — чѣмъ замѣна въ щахъ солонины саломъ или снѣткомъ.

Молоко сладкое и кислое считается легкой пищей; только творогъ, который, на треть съ гречневой крупой, ѣдятъ въ пирогахъ или съ лепешками, считается прочной пищей.

Я имѣлъ случай наблюдать, какъ питаются рабочіе, работающіе сдѣльно артелью на своихъ харчахъ *при условіяхъ, когда выгодно хорошо ѣсть.* Это были рѣщики дровъ, работавшіе не у меня, но въ сосѣднемъ лѣсу, и забиравшіе у меня нѣкоторые матеріалы для харчей. Народъ—молодцы на подборъ. Работали замѣчательно, дровъ нарѣзали количество непомѣрное. На харчи денегъ не жалѣли: каждый день водка, каша, такая крутая, что едва ложкой уколупнешь, съ коровьимъ масломъ, щи жирные. Но мяса ѣли мало, и вотъ тутъ-то я убѣдился, что работающіе люди вовсе *не придаютъ значенія мясу, какъ питательному веществу;* водку, напримѣръ, предпочитаютъ мясу во всѣхъ отношеніяхъ. Но я не могу сказать, чтобы это были пьяницы. Грѣшный человѣкъ, я самъ предпочту обѣдъ, состоящій изъ стакана водки, щей съ саломъ и каши, обѣду, состоящему изъ щей, мяса, каши, но безъ водки. Я это испыталъ въ путешествіяхъ, когда лазилъ по оврагамъ Курской губерніи для изслѣдованія фосфоритовъ, когда всходилъ на Качканаръ, когда плавалъ по озерамъ и рѣчкамъ Олонецкой губерніи. Думаю, что со мною согласятся интеллигентые люди, служившіе солдатами въ послѣднюю войну. Желалъ бы слышать и возраженія, только не теоретическія, не нѣмецкія, отзывающіяся колбасой гороховой.

Все время самыхъ трудныхъ работъ проходитъ безъ мяса. Петровки, когда производятся земляныя работы — а это самое лучшее время для такихъ работъ: сухо и день великъ—постъ, да и постъ то самый неудобный, потому что даже огородина не поспѣла. Въ Ильинскій мясоѣдъ—трудное время покоса—мясо еще не поспѣло, бараны не выросли, скотъ не вполнѣ отъѣлся, да и сохранить мясо, даже посоленное, въ жаркое лѣтнее время невозможно. И зимней солонины въ это время достать трудно, потому что она начинаетъ портиться: духъ пускаетъ, червякъ заводится. Потомъ, опять постъ — Спасовки, время уборки хлѣба. Да еще постоянно—середа да пятница, середа да пятница.

Конечно, и говорить нечего: еслибы было достаточно мяса, сала, молока (т. е. творогу), то и въ деревнѣ лѣтомъ никто постовъ не держалъ бы. Въ нынѣшнемъ году у меня лѣтомъ не хватило постнаго

масла, масло было дорого, да и достать его негдѣ; между тѣмъ свиного сала было достаточно. Я предложилъ рабочимъ ѣсть скоромное. Всѣ ѣли, за исключеніемъ одного очень богомольнаго. Когда попъ пріѣхалъ передъ Петровымъ днемъ собирать яйца — передъ окончаніемъ поста попы ѣздятъ по деревнямъ разрѣшать на скоромину и выбираютъ въ Петровки яйца, въ Филипповки горохъ, великимъ постомъ не ѣздятъ, потому, вѣроятно, что выбирать нечего—то и разрѣшать было некому.

Какое малое значеніе придается мясу, видно изъ того, что рабочій человѣкъ всегда согласится на замѣну мяса водкой. На это, конечно, скажутъ, что извѣстно, молъ, русскій человѣкъ пьяница, готовъ продать за водку отца родного и т. п. Но позвольте, однако-жь, тотъ же рабочій человѣкъ не согласится замѣнить молочную кислоту нормальной пищи водкой, не согласится замѣнить водкой жиръ или гречневую кашу.

На сколько я могъ замѣтить, *растительныя азотистыя вещества*, въ особенности азотистыя вещества злаковъ, вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ питанія работающаго человѣка и при соотвѣтственномъ потребленіи крахмала и жира даютъ ему возможность произвести maximum работы. Относительно азотистыхъ веществъ гороха и бобовыхъ, ничего сказать не могу, потому что эти вещества мало потребляются рабочимъ людомъ и не входятъ въ составъ народной нормальной пищи; замѣчательно, однако, что азотистыя вещества бобовыхъ сравнительно дешевле азотистыхъ веществъ злаковъ. Впрочемъ, я думаю, что наши химическія свѣдѣнія о растительныхъ азотистыхъ веществахъ чрезвычайно неполны — осмѣлюсь даже сказать, что мы ничего почти не знаемъ—и химики до сихъ поръ еще предпочитаютъ заниматься хлоръ-бромъ-нитробензолами, чѣмъ заниматься изученіемъ состава гречневой крупы (о которой замѣчу въ скобкахъ, мы ничего почти не знаемъ). Оно и проще, и удобнѣе, и выгоднѣе.

Да и возможно ли ежедневно ѣсть мясо?

Я утверждаю, что человѣкъ, который будетъ *собственными руками* обработывать землю, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ — предполагая, что земли у него столько, *сколько онъ можетъ обработать*, предполагая, что онъ не платитъ никакихъ податей — *не можетъ наработать столько*, не можетъ своимъ собственнымъ трудомъ прокормить столько скота, *чтобы онъ и его семейство имѣли ежедневно вдоволь мяса*. Не можетъ!

Самое большое, что онъ будетъ имѣть—это вдоволь мяса по праздникамъ, хорошо если кусочикъ, для запаха, въ будни, и достаточно молока, яицъ, мяса для питанія дѣтей, немощныхъ стариковъ, больныхъ.

Вдоволь мяса могутъ ѣсть люди, на которыхъ работаютъ другіе, и потому только могутъ, что эти работающіе на нихъ питаются растительною пищею. Если вы имѣете ежедневно бифштексъ за завтракомъ, бульонъ и ростбифъ за обѣдомъ, то это только потому, что есть тысячи людей, которые никогда почти не ѣдятъ мяса, дѣти которыхъ не имѣютъ достаточно молока. Все это сдѣлается совершенно ясно, если вычитать, что можетъ выработать человѣкъ и что нужно выработать для прокормленія скота, потребнаго для мяснаго питанія его семейства.

У насъ теперь мясо чрезвычайно дешево. При обыкновеенной продажѣ скота осенью, въ деревнѣ хозяинъ получаетъ за говядину отъ 80 копѣекъ до 1 рубля 50 копѣекъ за пудъ, красная цѣна 2 рубля. Посчитайте, много ли при такой цѣнѣ придется рабочему за трудъ, который онъ употребилъ для приготовленія корма, и на уходъ за скотомъ. Посчитайте. Вы удивитесь, какъ мало копѣекъ придется косцу за его тяжелый трудъ.

Вѣдь это только *нужда*—необходимость уплатить подати, купить хлѣба—продаетъ мясо по такимъ дешевымъ цѣнамъ и, *чѣмъ дешевле мясо, тѣмъ, значитъ, болѣе эта нужда.* Прошедшей осенью у насъ говядина обходилась скупщикамъ скота по 80 копѣекъ за пудъ; знаю даже нѣсколько покупокъ по 50 коп. пудъ. Между тѣмъ, ржаная мука была 1 рубль до 1 руб. 10 к. за пудъ. Мужикъ приводилъ на рынокъ корову, продавалъ ее за безцѣнокъ и на вырученныя деньги покупалъ ржаную муку.

Я вѣрно говорю: и богатый чиновникъ, наслаждающійся сочнымъ бифштексомъ изъ вырѣзки, и бѣдный студентъ, жующій подошву въ кухмистерскомъ супѣ, и извозчикъ, потребляющій пятикопѣечную солонину во щахъ, *потому только* имѣютъ мясную пищу, что масса земледѣльцевъ питается исключительно растительною пищею, а дѣти этихъ земледѣльцевъ не имѣютъ достаточно молока. Не будь этой нужды, кто бы сталъ продавать говядину даже за три рубля пудъ. Въ нынѣшнемъ году хлѣбъ уродился лучше; уплата налоговъ нѣсколько облегчилась тѣмъ, что, вслѣдствіе паденія рубля, цѣнность земледѣльческихъ произведеній, идущихъ за-границу, повысилась, нужды стало меньше и потому скотъ тотчасъ повысился въ цѣнѣ, да и достать его негдѣ. Мужикъ не продаетъ скота: если корму достаточно, то онъ пускаетъ лишнюю скотину на зиму, если мало — бьетъ самъ.

Мы отвсюду слышимъ жалобы на невыгодность хозяйства. Почти всѣ согласны, что этому причиною бездоходность скотоводства. Дѣло дошло до того, что нѣкоторые агрономы совѣтуютъ даже вовсе унич-

тожить скотъ, а сѣно, мякину, солому прямо употреблять для удобренія, потому что навозъ обходится дороже. И, право, въ этомъ предложеніи хозяйничать по-японски есть извѣстный смыслъ. Но гдѣ же лежитъ причина этой бездоходности скотоводства? Я не могу согласиться, что она заключается только въ недостаткѣ умственныхъ людей между хозяевами, только въ недостаткѣ производительности техники. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только представить себѣ, что всѣ хозяева умственные люди, всѣ отличные скотоводы, и задаться вопросомъ: что будетъ тогда? сдѣлается ли тогда скотоводство болѣе доходнымъ? Нѣтъ, я думаю, что корень лежитъ глубже. Я думаю, что причиною дороговизны навоза — дешевизна мяса, происходящая отъ бѣдности крестьянъ-земледѣльцевъ, питающихся исключительно хлѣбомъ. Извѣстно, что въ настоящее время всѣ признаютъ наиболѣе выгоднымъ молочное скотоводство и если это скотоводство болѣе выгодно, то потому только, что молоко, масло, сыръ стоятъ въ хорошей цѣнѣ. А это, въ свою очередь, зависитъ отъ того, что крестьяне не продаютъ молока, но кормятъ имъ дѣтей или ѣдятъ сами. Извѣстно, что артельныя сыроварни, искусственно задуманныя, потерпѣли фіаско, такъ что, посредствомъ этихъ артельныхъ сыроварень, не удалось *вырвать* молока у крестьянскихъ дѣтей.

Я говорилъ, что человѣкъ не можетъ самъ выработать столько, чтобы всегда имѣть вдоволь мяса. Каждый, кто посмотритъ на дѣло просто, безъ предвзятыхъ мыслей, согласится, что растительныя азотистыя вещества составляютъ естестественную пищу человѣка. Естественнѣе человѣку питаться растительною пищею, чѣмъ воздерживаться отъ нарожденія дѣтей или видѣть своихъ дѣтей мрущими отъ недостатка молока. Если изъ земли можно прямо получить растительныя вещества, годныя для питанія взрослаго человѣка, то зачѣмъ же предварительно стравливать эти вещества скоту, причемъ неминуемо произойдутъ потери? Другое дѣло дѣти; для нихъ совершенно необходимы: молоко, животныя бѣлковыя вещества—также необходимы, какъ яйца и творогъ для цыпленка. Курицу кормятъ овсомъ, однако, никто не станетъ кормить овсомъ цыплятъ, но дастъ имъ рубленыя яйца, творогъ, молочную кашу.

Совершенно понятно, для меня, по крайней мѣрѣ, что, при иныхъ порядкахъ, люди не оставляли бы землю подъ травами для прокормленія скота, а воздѣлывали бы на ней хлѣба, которыми непосредственно могутъ питаться люди. Конечно, тогда не воздерживались бы отъ нарожденія дѣтей, тѣмъ болѣе, что съ хлороформомъ этотъ актъ совершается безболѣзненно.

Чтобы не остаться непонятымъ — а хуже этого нѣтъ — еще поясню свою мысль.

Всѣмъ извѣстно, что въ послѣднее время среди интеллигентной молодежи есть стремленіе идти въ земледѣльцы, чтобы трудами рукъ своихъ заработывать хлѣбъ. Одни идутъ въ Америку, чтобы сдѣлаться тамъ простыми работниками — это, конечно, самые слабые, другіе остаются въ Россіи и дѣлаютъ попытки сѣсть на землю и обработывать ее собственными руками.

Мнѣ совершенно понятны эти стремленія; я имъ вполнѣ сочувствую, вѣрю, что это есть историческое призваніе русскихъ интеллигентныхъ людей. Я убѣжденъ, что появленіе въ средѣ темныхъ земледѣльцевъ такихъ интеллигентныхъ людей есть залогъ величія, силы, могущества нашей родины; я убѣжденъ, что народъ, нашъ могучій, сильный народъ, котораго ничто не могло сломить, перетянетъ къ себѣ, *всосетъ* въ себя лучшіе соки нашей интеллигенціи. Моему сыну, когда онъ войдетъ въ силу, окончитъ ученье, и спроситъ меня: что дѣлать? я укажу на пашущаго мужика и скажу: „вотъ что — иди и паши землю, заработывай собственными руками хлѣбъ свой. Ели найдешь другого, который пришелъ къ тѣмъ же убѣжденіямъ, соединись съ нимъ, потому что двое, *работая вмѣстѣ, сообща,* сдѣлаютъ больше, чѣмъ работая каждый въ одиночку; найдешь третьяго — еще того лучше...“

Но, спросятъ, можетъ быть, нѣкоторые: неужели же, имѣя столько земли, сколько можно обработать, и работая такъ, какъ работаетъ мужикъ—неужели нельзя заработать столько, чтобы ежедневно имѣть вдоволь мяса для себя, жены, дѣтей, стариковъ? *Нѣтъ,* нельзя имѣть достаточно своего мяса, то есть мяса, произведеннаго собственнымъ трудомъ. Я говорю *своего* мяса, потому что, при теперешнихъ условіяхъ, если у одного достаточно земли, а у другихъ—недостаточно, то, разумѣется, можно у нуждающихся купить говядину по 2, по 3 копѣйки за фунтъ, а имъ чуть не по той же цѣнѣ продать свой хлѣбъ.

Хорошо, если выработаешь столько, чтобы дѣти, старики, больные всегда имѣли достаточно мяса, молока, бульона!

Если соединятся вмѣстѣ двѣ, три, десять, двѣнадцать паръ и будутъ работать сообща, каждый по силѣ и способности, то мясо чаще будетъ появляться на столѣ, будетъ иногда и бараннка въ будни...

Однако, пора уже возвратиться къ обѣдающимъ вареной картошкой граборамъ, замѣчаніе которыхъ, что не стоитъ лучше ѣсть, когда работаешь съ поденщины, за 45 копѣекъ день, дало мнѣ поводъ сдѣ-

лать такое длинное отступленіе. Я хотѣлъ сначала только разсказать о нашихъ граборахъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ, *интеллигентнѣйшихъ* и самобытныхъ типовъ *артельныхъ* рабочихъ нашей мѣстности, но что же дѣлать, если, говоря объ этихъ людяхъ, приходится постоянно отвлекаться. Простите.

Каюсь, что ужасно люблю нашихъ граборовъ, или, лучше сказать, граборскія артели. Въ нихъ есть что то особенное, благородное, честное, разумное и это *что-то* есть общее, присущее имъ, только какъ *артельнымъ* граборамъ. Человѣкъ можетъ быть мошенникъ, пьяница, злодѣй, кулакъ, подлецъ, какъ человѣкъ самъ по себѣ, но, какъ артельный граборъ, онъ честенъ, трезвъ, добросовѣстенъ, когда находится въ артели.

Недалеко отъ меня, за Днѣпромъ, есть нѣсколько волостей, населенныхъ граборами, исконными, старинными граборами, которые еще при крѣпостномъ правѣ занимались этимъ ремесломъ. Спеціальность граборовъ—земляныя работы: рытье канавъ, прудовъ, погребовъ, отсыпка плотинъ, плантовка луговъ, выкапываніе торфяной земли, штыкованіе садовъ и огородовъ, отдѣлка парковъ, словомъ—всѣ работы съ заступомъ и тачкой. Но, если требуется, то граборскія артели исполняютъ и всякія другія хозяйственныя работы: корчуютъ пни, деревья, кусты, косятъ, пашутъ, молотятъ, словомъ—дѣлаютъ все, что потребуется въ хозяйствѣ. Всѣ хозяйственныя работы граборы исполняютъ хорошо, потому что они сами хозяева и занимаются дома земледѣліемъ, а граборское ремесло служитъ имъ только подспорьемъ.

Исконные, старинные граборы, изъ поколѣнія въ поколѣніе занимающіеся граборскимъ дѣломъ, достигли въ земляномъ дѣлѣ высочайшей степени совершенства. Нужно видѣть, какъ рѣжетъ граборъ землю, вырывая, напримѣръ, прудокъ — сколько земли накладываетъ онъ на тачку, какъ везетъ тачку! Нужно видѣть, какъ онъ обдѣлываетъ дерномъ откосокъ! До какакого совершенства, до какого изящества доведена работа! Граборъ работаетъ, повидимому, медленно: онъ тщательно осматриваетъ мѣсто работы, какъ бы лучше подладиться, тщательно выбираетъ такой дернъ, какой ему нуженъ, рѣжетъ землю тихо, аккуратно, такъ, чтобы ни одной крошки не осталось, ни одной крошки не свалилось съ заступа — онъ знаетъ, что все это будетъ потеря работы, что всѣ эти крошки придется опять поднять на ту же высоту, съ которой онѣ свалились. Нельзя не залюбоваться на граборскую работу, тѣмъ болѣе, что вы не видите, чтобы граборъ дѣлалъ особенныя усилія, мучился на работѣ, особенно напрягалъ мускулы. Ничего этого нѣтъ. Онъ работаетъ какъ будто шутя, какъ будто это очень легко: дернъ, глыбы земли въ

пудъ вѣсомъ граборъ отрѣзываетъ и выкидываетъ на тачку, точно рѣжетъ ломтики сыру. Такъ это все легко дѣлается, что кажется и самъ такъ бы сдѣлалъ. Только тогда и поймешь, какъ трудна эта граборская работа, сколько она требуетъ науки, когда, рядомъ съ старымъ опытнымъ граборомъ, увидишь молодого, начинающаго, недавно поступившаго въ артель. Старый уже выкидалъ свою дольку земли и сѣлъ трубочку покурить — залогу дѣлаетъ, а молодой еще возится на своей долькѣ: и глыбы земли у него не такія, и земля крошится, и подчистки много, и тачку опрокинулъ, не довезя до конца доски—подчищать нужно. Старые позаложили, отдохнули, пора за новыя дольки браться, а ему и отдохнуть некогда, потому что нужно выгнать столько же, сколько и другіе товарищи артели. Положимъ, въ артели каждый получаетъ за то количество кубовъ земли, какое онъ вывезъ, но вѣдь ѣдятъ сообща, совѣстно отставать отъ артели. И вотъ, нервно пососавъ трубочку, отдохнувъ всего какую нибудь минуту, молодой граборъ опять берется за заступъ и спѣшитъ на свою дольку. Искусство граборовъ въ земляномъ дѣлѣ еще болѣе ярко выдѣляется, если посмотрѣть на эту же работу, когда ее дѣлаютъ обыкновенно крестьяне, не граборы. Мнѣ достаточно посмотрѣть то мѣсто, съ котораго брали землю, чтобы безошибочно опредѣлить, кто работалъ: граборы или крестьяне. Гдѣ брали землю не граборы, тотчасъ видно, что люди дѣлали огромную массу непроизводительной работы, безполезно растрачивали силу. Крестьяне, впрочемъ, за настоящія граборскія работы никогда почти не берутся, и, если въ деревнѣ нужно вырыть канаву или прудъ, то нанимаютъ граборовъ.

Инструменты грабора, заступъ и тачка—топоръ они употребляютъ очень рѣдко и даже при корчевкѣ кустовъ обыкновенно отсѣкаютъ коренья заступомъ—доведены ими до высокой степени совершенства. Примѣняетъ граборъ эти инструменты опять-таки наисовершеннѣйшимъ образомъ, да оно и понятно, что человѣкъ, который совершенно точно знаетъ, сколько на какомъ харчѣ можно сработать, который считаетъ, что на дешевой работѣ не стоитъ хорошо ѣсть, такой человѣкъ не сдѣлаетъ лишкяго взмаха заступомъ, не выкинетъ лишняго фунта земли, и для выполненія каждой работы, употребитъ minimum пудо-футовъ работы. Понятно, что у такихъ людей и инструментъ налаженъ наисовершеннѣйшимъ образомъ.

Нужно замѣтить, что наладка инструмента очень характеризуетъ работника. У хорошаго работника инструментъ всегда отлично налаженъ и индивидуально приспособленъ. Онъ всегда знаетъ свой инструментъ и свою работу. Когда я удивлялся этому, видя, что чело-

вѣкъ тотчасъ узнаетъ свою завязку на мѣшкѣ, слѣдъ отъ своего лаптя и т. п., то одинъ крестьянинъ замѣтилъ мнѣ: „а развѣ вы, когда напишите что нибудь, то не можете послѣ того узнать, что это вы писали? Развѣ вамъ все равно, какимъ перомъ писать?"

Особенно хорошо поймешь всю важность наладки инструмента, когда увидишь, какъ работаетъ человѣкъ изъ интеллигентныхъ, которому нужны мѣсяцы работы для того только, чтобы понять всю важность и суть наладки — не говорю уже выучиться насаживать и клепать косу, дѣлать грабли, топорища, оглобли, оброти и тысячи другихъ разнообразнѣйшихъ предметовъ, которые умѣетъ дѣлать мужикъ.

Сравнительное ли благосостояніе, вслѣдствіе большого заработка, или особенности граборской работы, требующей умственности, тому причиною, но граборы очень интеллигентны и смышлены. Не говоря уже о томъ, что настоящій граборъ отлично опредѣлитъ, какъ нужно провести канавы, чтобы осушить лугъ, отлично спуститъ воду, сдѣлаетъ запруды и стоки, чтобы наидешевѣйшимъ образомъ исправить худое мѣсто на дорогѣ — самъ становой со всѣми своими „курятниками" не сдѣлаетъ лучше—вычислитъ ёмкость вырытаго пруда (для этого всегда въ артели есть особенный умственный человѣкъ), поставитъ лизирки, чтобы нивелировать мѣстность. Замѣчательно еще и то, что граборы обладаютъ большимъ вкусомъ, любятъ все дѣлать такъ, чтобы было красиво, изящно. Для работъ въ паркахъ и садахъ, при расчисткѣ пустошей, если кто хочетъ соединить полезное съ пріятнымъ, граборы — просто кладъ. Даже нѣмцы-садовники, презирающіе „русски свинь мужикъ", дорожатъ граборами. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только сказать грабору, чтобы онъ такъ-то и такъ провелъ дорожку, обложилъ дерномъ, перекопалъ клумбу, сдѣлалъ насыпь, сточную канаву, и онъ тотчасъ пойметъ, что требуется, и сдѣлаетъ все такъ хорошо, съ такимъ вкусомъ, съ такою аккуратностью, что даже нѣмецъ удивляться будетъ.

Расчищая на луга заросшія пустоши, я хотѣлъ такъ расчистить поляны между рощами, чтобы пустоши превратились въ красивый паркъ. Стоитъ такая расчистка не дороже, а между тѣмъ и самому пріятнѣй, и для скота хорошо, если всюду есть чистые проходы; наконецъ, и цѣнность имѣнія возвышается. Линіи лужаекъ на пустошахъ опредѣлялись рощами, но необходимо было сдѣлать опушки красивыми, оставить кое гдѣ деревья на полянахъ, осушить низкія мѣста, сдѣлать просѣки или дорожки, по которымъ пастухъ могъ бы опережать стадо и проч. Нанявъ для расчистки пустошей граборовъ съ тѣмъ, чтобы они, расчищая, выбирали все годное на дрова, срѣ-

зали кочки, давали гдѣ нужно канавки, я объяснилъ рядчику, чего бы мнѣ хотѣлось достигнуть. Онъ понялъ съ двухъ словъ.

— Понимаю. Чтобы, значитъ, поляны были для травы, чтобы скотъ на виду у пастуха шелъ, чтобы красиво было. Понимаю: чтобы въ родѣ гульбища было.

— Ну, да, да.

— Понимаю. А деревья какія на лужайкахъ оставлять?

— Которыя покрасивѣе.

— Раскидистыя, значитъ, которыя ни на какое дѣло не годятся.

— Разумѣется. Да ты работалъ гдѣ-нибудь въ паркахъ?

— Работали, знаемъ. Чтобы въ родѣ, значитъ, гульбища. Дорожекъ только не будетъ. Понимаемъ.

— Ну, да.

— Понимаемъ, отдѣлаемъ. Вотъ эту низину мы на этой недѣлѣ къ субботѣ отдѣлаемъ. Пожалуйте тогда посмотрѣть. Будете довольны. Знаю, что ребятамъ по стаканчику поднесете.

Въ субботу я пришелъ посмотрѣть расчистки. Пораженъ былъ— просто прелесть. Поляна уже обозначилась, опушки рощъ были подчищены и выровнены, ломъ вездѣ подобранъ, кусты и лишнія деревья на полянѣ вырублены, кочки срѣзаны. Заглядѣнье. Граборъ тотчасъ же замѣтилъ, что я доволенъ.

— Вотъ сюда еще пожалуйте. Я здѣсь на лужкѣ въ закоулкѣ, сосенку подпустилъ; сосенка-то она не того, чтобъ очень, пораскидистѣе бы нужно, да что дѣлать, какая есть, все-таки хорошо будетъ на березѣ темнымъ отдавать—вотъ отсюда посмотрите.

Дѣйствительно, на красивой лужайкѣ, окруженной молодыми березовыми зарослями, была оставлена небольшая сосна, темная зелень которой превосходно оттѣняла освѣщенную вечернимъ солнцемъ свѣтлую зелень молодыхъ березъ.

Граборъ самъ любовался и сіялъ удовольствіемъ.

— Это еще теперь осень, весною лучше будетъ, замѣтилъ онъ:— да и воздухъ отъ сосны духовитый. Тамъ надъ рвомъ на бичажку я еще дубокъ оставилъ, славный дубокъ, пряменькій, только врядъ ли устоитъ, срубить кто нибудь, потому дубокъ пряменькій, на всякую поддѣлку годенъ. Нѣтъ раскидистыхъ дубковъ, а раскидистый бы лучше, и ни въ какое дѣло не годится, цѣлѣе бы былъ. Ну, да попытаемъ на счастье оставить.

— Да гдѣ ты этому всему научился? восхищался я, осматривая расчистки:—ишь какъ вывелъ!

— Ужь научились, знаемъ, какъ господамъ нужно.

— У нѣмца гдѣ-нибудь работалъ, паркъ разбивали?

— Работали и у нѣмцевъ тоже; въ Петлинѣ работали, дерева тамъ сажали всякія. Да мы у самой Шепелихи работали, а ужь та ли барыня не чудила. Чего, чего тамъ не дѣлали, на поляхъ пруды рыли, дерномъ откосы обкладывали, дорожки по полямъ проводили, цвѣты сажали, горы насыпали. Ужь такъ чудила, такъ чудила, аглицкую парку изъ всего имѣнія сдѣлать хотѣла, чтобы всюду чисто было, духовито. Коровы съ колоколами. Ужь на что ваша Брендиха чудитъ, каждый годъ кусты съ мѣста на мѣсто пересаживаетъ, а про Шепелиху и говорить нечего. Чудная барыня, нужно чуднѣе да не найдешь. Денегъ сколько хочешь—однихъ граборовъ больше ста человѣкъ артель, да и цѣны-то какія—60 копѣекъ поденщина. Жаль, умерла эта барыня, много граборамъ работы давала. Какъ умерла, всѣ работы прекратились... А вотъ тутъ канавку нужно дать, остановился граборъ.

— Зачѣмъ?

— Если тутъ канавку въ ровъ дать, вся луговина лучше просохнетъ, важнѣйшая трава родиться станетъ. У васъ тутъ съ этой луговины сѣна страсть что будетъ.

— Хорошо.

— Такъ, значитъ, все и дѣлать, какъ эту луговину?

— Да, да.

— Понимаемъ. Слѣдовало бы ребятамъ четвертушку поставить, заморились эа эту недѣлю во какъ, лозникъ вѣдь все, мокрота. Ужь такъ старались.

Граборы, въ общей сложности, принадлежатъ къ числу зажиточныхъ крестьянъ нашей мѣстности. Нѣкоторыя деревни послѣ „Положенія“ уже успѣли пріобрѣсти въ собственность значительные помѣщичьи хутора, смежные съ ихъ деревнями. Они арендуютъ заливные луга большею частью на деньги. Дома граборы занимаются хозяйствомъ, а зимою многія деревни занимаются обжиганіемъ извести, выламываніемъ и доставкою известковой плиты. Граборскіе заработки составляютъ для нихъ важное денежное подспорье. Главное для граборовъ—это имѣть, по возможности близко отъ дома, заработокъ. На дальніе заработки, на желѣзныя дороги граборы, по крайней мѣрѣ обстоятельные хозяева, не ходятъ—развѣ только какіе нибудь обѣднѣвшіе одиночки, бобыли, бросившіе землю.

Граборы ищутъ работы главнымъ образомъ вблизи, у сосѣднихъ помѣщиковъ. Въ настоящее время, когда помѣщичьи хозяйства поупали, работъ стало меньше, граборы разбились на мелкія артели въ 5—10 человѣкъ и очень дорожатъ работой у помѣщиковъ, особенно у молодыхъ, рьяныхъ, новенькихъ, которые садятся на хозяй-

ство съ деньжонками, мало знакомы съ дѣломъ, любятъ проводить канавы на лугахъ и поляхъ, копать прудочки, причемъ скоро ухлопываютъ деньжонки на дорогія граборскія работы, часто для хозяйства совершенно безполезныя. Нетолько граборскіе рядчики, но и большинство граборовъ отлично понимаютъ хозяйственное значеніе своихъ работъ и пользу, которую они могутъ принести. Если хозяинъ будетъ совѣтоваться съ граборомъ, не будетъ чудить, будетъ требовать отъ грабора, чтобы дѣлалось то, что можетъ принести пользу, то можно вполнѣ положиться на рядчика, что онъ не сдѣлаетъ безполезныхъ работъ. Хорошій рядчикъ нетолько съумѣетъ осушить лугъ, но, какъ хозяинъ, можетъ напередъ сказать, стоитъ ли осушать; онъ точно также можетъ сказать, стоитъ ли расчищать какую нибудь заросль подъ лугъ или поле, нужно ли провести тѣ или другія канавки на поляхъ. Я много разъ слышалъ совѣты опытнаго рядчика, что такую-то луговину не стоитъ осушать, потому что травы на ней все равно не будетъ, а въ сомнительныхъ случаяхъ совѣтъ попробовать сначала отдѣлать небольшую частицу и т. п. Но если баринъ самъ загадываетъ работы, самъ назначаетъ, гдѣ проводить канавы, гдѣ плантовать, гдѣ расчищать, то граборъ нетолько безпрекословно будетъ исполнять, но даже и замѣчаній никакихъ не сдѣлаетъ, хотя очень хорошо будетъ понимать, что пользы отъ работы не будетъ. Видя, однажды, что граборы у сосѣдняго помѣщика роютъ совершенно безполезную, даже вредную, канаву, я спросилъ у знакомаго рядчика, зачѣмъ это?

— Приказалъ баринъ.

— Да неужели же ты не видишь, что отъ этой канавы вредъ будетъ.

— Еще бы не видать!

— Такъ что же ты барину не представилъ?

— Не спрашиваетъ. А намъ что? Денегъ, должно быть, у него много, деньги вѣдь ему ничего не стоятъ, а намъ что! Приказано, ну, и роемъ.

— Однакожь, и про рядчика скажутъ: ишь гдѣ канаву провелъ! Ничего не понимаетъ.

— Оно такъ. Да вѣдь не всякому сунешься говорить.

— Отчего-жь? Коли резонъ представишь?

— Норовиты бываютъ. Да и резоны-то наши не всегда попадаютъ. И изъ баръ тоже умственные люди бываютъ. Кто его знаетъ, для чего онъ дѣлаетъ, а смотришь—и толкъ иной разъ выйдетъ. Мы тоже свѣтъ видали.

— А что?

— Да вотъ чугунку проводили. Тутъ насыпь, тамъ выемку сдѣлай... смотришь, и вышло. Мостъ и дамбу на Днѣпрѣ дѣлали, думали ни въ вѣкъ не устоять въ большую воду, а вотъ восьмой годъ держится. Говорили инженеру тогда, а онъ только усмѣхается: вы мужики дураки, говоритъ, ваше дѣло сыпать—сыпьте... Умственные люди бываютъ и изъ баръ.

Но что особенно любятъ граборы — это господъ, которые „чудятъ", которые, имѣя много денегъ, насмотрѣвшись за-границей на нѣмецкіе лѣса, парки, обсаженныя тополями или плодовыми деревьями дороги, хотятъ сдѣлать такіе же парки въ своихъ *Подъеремовкахъ*. Такія „махонькія", какъ у насъ говорятъ, *графини Сотерландъ*—сущій кладъ для граборовъ: цѣны большія, работы много: что тамъ ни будетъ стоить, только бы было сдѣлано ко времени. Все дѣло—лишь бы рядчикъ съумѣлъ *подладить* барину или барынѣ, выйти на линію, потому что у господъ не въ дѣлѣ дѣло, а въ томъ, чтобы понравится, подладить. У пановъ вѣдь деньги вольныя; вотъ добрый панъ, говорятъ мужики, всѣмъ помогаетъ, прòстый, да и что ему это стоитъ!

Кстати скажу здѣсь, что вообще мужики такъ называемый умственный трудъ цѣнятъ очень дешево, и замѣчаніе грабора объ инженерѣ вовсе не служитъ доказательствомъ противнаго. Въ одной деревнѣ школьному учителю мужики назначили жалованья всего 60 рублей въ годъ, на его, учителя, харчахъ. Попечитель и говоритъ, что мало, что батраку, работнику полевому, если считать харчи, платятъ больше. А мужики въ отвѣтъ: коли мало, пусть въ батраки идетъ, учителемъ-то каждый слабосильный быть можетъ — мало ли ихъ—каждый кто работать не можетъ. Да потомъ и стали высчитывать: лѣто у него вольное, ученья нѣтъ; коли возьмется косить — сколько накоситъ!... тоже огородъ можетъ обработать, корову держать, отъ родителевъ почтеніе, коли ребенка выучитъ—кто ксноцель, кто гороху, кто гуся,—отъ солдатчины избавленъ. Батраку позавидовали! Да научи меня грамотѣ, такъ я сейчасъ въ учителя пойду, меду-то что нанесутъ—каждòму хочется, чтобы дитё выучилось.

Характеристиченъ разсказъ одного знакомаго мнѣ дьякона, доказавшаго мужику, что и ихъ поповскій трудъ не легокъ и что они не даромъ тоже получаютъ деньги.

„— Какая ваша работа, говоритъ мнѣ одинъ мужикъ, — разсказывалъ дьяконъ:—только языкомъ болтаете"!—А ты поболтай-ка съ мое, говорю я ему!—„Эка штука!"—Хорошо, вотъ будемъ у тебя служить на никольщину, пока я буду ектенью, да акаѳистъ читать, ты попробуй-ка языкомъ по губамъ болтать". И что-жь, сударь,

вѣдь подлинно не выдержалъ! Я акаѳистъ-то настояще вычитываю, а самъ поглядываю—лопочетъ; лопоталъ, лопоталъ, да и пересталъ. Смѣху-то что потомъ было! два стакана водки поднесъ: „заслужилъ, говоритъ, правда, что и ваша работа не легкая".

Зналъ дьяконъ, чѣмъ доказать мужику трудность своей работы!

— Поступая въ новый приходъ, разсказывалъ мнѣ одинъ попъ:— чтобы *заслужить уваженіе*, нужно съ перваго раза озадачить мужика: служить медленно, чтобы онъ усталъ стоять, чтобы ему надоѣло, чтобы онъ видѣлъ, что и наше дѣло не легкое; или накадить больше—намъ-то съ привычки, а онъ перхаетъ.

Граборы *никогда не нанимаются на работу на цѣлое лѣто*, но только на весеннюю упряжку, съ 25-го апрѣля по 1-е іюля, и на осеннюю—съ 25-го августа по 22-е октября. Лѣто же, съ 1-го іюля по 25-е августа, слѣдовательно, время сѣнокоса и уборки хлѣба, работаютъ дома.

Весною, какъ только сгонитъ снѣгъ, граборскіе рядчики отправляются по знакомымъ господамъ искать работы. Осмотрѣвъ и сообразивъ работу, рядчикъ опредѣляетъ, какъ велика должна быть артель, договаривается насчетъ цѣны—почемъ поденьщина, кубъ, сажень канавы и затѣмъ уходитъ домой. Когда наступитъ время работать, рядчикъ является съ своей артелью, въ которой онъ — если артель не слишкомъ велика и вся занята въ одномъ мѣстѣ—работаетъ наряду съ другими.

Насчетъ помѣщенія, граборы, какъ и всѣ русскіе люди, начиная съ богатаго купца и кончая бѣднѣйшимъ подпаскомъ, невзыскательны—была бы только печка, чтобъ гдѣ высушить мокрыя онучи и изготовить кушанье. Нанимаются граборы обыкновенно на своихъ харчахъ и, если артель большая, то держатъ кухарку; если же артель не велика, то кушанье готовитъ одинъ изъ граборовъ, что онъ успѣваетъ сдѣлать до завтрака.

Рядчикъ, какъ я уже говорилъ, работаетъ наравнѣ съ другими граборами, ѣстъ то же самое, что и другіе. Рядчикъ есть посредникъ между нанимателемъ и артелью. Наниматель членовъ артели не знаетъ, во внутренніе порядки ихъ не вмѣшивается, работъ имъ не указываетъ, разсчета прямо съ ними не ведетъ; наниматель знаетъ только рядчика, который всѣмъ распоряжается, отвѣчаетъ за работу, получаетъ деньги, забираетъ харчи, имѣетъ разсчетъ съ хозяиномъ. Въ граборскихъ артеляхъ рядчикъ имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ въ плотничьихъ, гдѣ рядчикъ обыкновенно есть хозяинъ, берущій работу на свой страхъ, получающій отъ нея всѣ барыши и несущій всѣ убытки, а члены артели простые батраки, нанятые хо-

зяиномъ-рядчикомъ за опредѣленную плату въ мѣсяцъ на его, рядчика, харчахъ. Въ граборскихъ артеляхъ всѣ члены артели равноправны, ѣдятъ сообща и стоимость харчей падаетъ на всю заработанную сумму, изъ которой затѣмъ каждый получаетъ столько, сколько онъ выработалъ, по количеству вывезенныхъ имъ кубовъ, вырытыхъ саженей и пр. Работа, хотя и снимается сообща, всею артелью, но производится въ раздѣлъ: когда роютъ канаву, то размѣряютъ ее на участки (по 10 саженъ обыкновенно) равной длины, бросаютъ жребій, кому какой участокъ рыть — потому, земля не вездѣ одинакова, и каждый, равнымъ образомъ и рядчикъ, роетъ свой участокъ; если расчищаютъ кусты или корчуютъ мелкіе пни, тоже дѣлятъ десятину на участки (нивки) и опять по жребію каждый получаетъ участокъ. Словомъ, вся *работа производится въ раздѣлъ*—разумѣется, если это возможно—и *каждый получаетъ по количеству имъ выработаннаго*. Въ этомъ отношеніи рядчикъ имѣетъ только то преимущество передъ другими членами артели, что, сверхъ заработаннаго своими руками, получаетъ отъ артели такъ-называемыя *лапотныя деньги*, то есть извѣстный процентъ—5 или 10 копѣекъ съ рубля—съ общей суммы заработка. Эти деньги рядчикъ получаетъ за свои хлопоты: хожденіе за пріисканіемъ работы—оттого и названіе лапотныя деньги—выборку харчей, разсчеты съ нанимателемъ, разговоры съ нимъ относительно работы, причемъ рядчикъ теряетъ рабочее время, лишніе расходы на одежду и пр. Но, главнымъ образомъ, рядчикъ получаетъ этотъ процентъ за то, что онъ заручился работой у знакомаго нанимателя. Это видно изъ того, что теперь, когда работъ стало меньше, процентъ этотъ повысился, потому что рядчикъ, особенно если онъ заручился хорошей работой, подбирая артель, старается понажать и выговариваетъ въ свою пользу большій процентъ. Впрочемъ, все зависитъ отъ взаимныхъ условій: отвѣчаетъ ли, напримѣръ, рядчикъ передъ артелью за неплатежъ денегъ нанимателемъ, состоитъ ли артель изъ старыхъ опытныхъ граборовъ или изъ начинающихъ и пр. Рядчикъ, особенно если онъ не исконный старый рядчикъ, а случайный или начинающій, не всегда есть умственный человѣкъ артели; случается, что рядчикъ не силенъ въ математическихъ вычисленіяхъ, не можетъ, напримѣръ, быстро вычислить объемъ земли, вынутой изъ пруда сложной фигуры и т. п., въ такихъ случаяхъ въ артели всегда найдется умственный человѣкъ, который дѣлаетъ подобныя вычисленія. Умственный человѣкъ никогда не получаетъ особой платы отъ артели.

Въ артели граборы всегда отлично ведутъ себя; ни пьянства, ни шуму, ни буйства, ни воровства, ни мошенничества. Артель нетолько зритъ за своими членами, но, оберегая отъ всякихъ подозрѣній свою

добрую славу, наблюдаетъ и за всѣмъ, что дѣлается въ усадьбѣ, дабы не случилось какого воровства, подозрѣніе въ которомъ могло бы пасть на граборовъ. Всѣ граборы пьютъ охотно, любятъ выпить и, когда гуляютъ дома, то пьютъ много, по-русски, нѣсколько дней безъ просыпу, но въ артеляхъ ни пьяницъ, ни пьянства нѣтъ. Никто въ артели не пьетъ въ одиночку, а если пьютъ, то пьютъ съ общаго согласія, всѣ вмѣстѣ, въ свободное время, когда это не мѣшаетъ работѣ. Поступая, напримѣръ, на работу, пьютъ „привальную", окончивая работу, пьютъ „отвальную", и тутъ пьютъ здо̀рово; во время же работъ пьютъ по малости, когда холодно, сыро и есть особенно трудная работа. Все это, равно какъ и всякія измѣненія въ харчахъ, дѣлается съ общаго согласія. Вообще, согласіе въ артели замѣчательное и только работа производится въ раздѣлъ, причемъ никто никогда другъ другу не помогаетъ, хоть ты убейся на работѣ.

Въ весеннюю упряжку, граборы работаютъ только до 1-го іюля. Послѣ Петрова дня ихъ уже ничѣмъ не удержишь: вычитай что хочешь изъ заработка,—никто не останется—бросятъ все и уйдутъ. Рядчикъ раздѣлывайся тамъ, какъ знаешь. Возвратившись домой, артель производитъ разсчетъ: изъ заработанной артелью суммы прежде всего выдѣляется, съ общаго согласія, извѣстный процентъ въ пользу мѣстной церкви, на икону Казанской Божьей Матери, особенно чтимой граборами, такъ какъ и весенняя, и осенняя упряжки кончаются къ празднику Казанскай: затѣмъ выдѣляются лапотныя деньги рядчику, вычитается стоимость харчей и остальное дѣлится между членами артели, сообразно заработку каждаго. Погулявъ нѣсколько дней, отпраздновавъ лѣтнюю Казанскую (8 іюля), граборы принимаются за покосъ, непомѣрно работаютъ все страдное время, такъ что даже замѣтно спадаютъ съ тѣла; въ концѣ августа, опять идутъ на граборскія работы, на осеннюю упряжку, и возвращаются домой къ зимней Казанской (22 октября). Отпраздновавъ Казанскую, погулявъ на свадьбахъ, становятся на зимнія работы.

Въ настоящихъ граборскихъ артеляхъ нѣтъ ни пьяницъ, ни мошенниковъ, то есть они, пожалуй, и бываютъ, но сдерживаются артелью, потому что еще не совсѣмъ отпѣтые люди. Но, разумѣется, и между граборами есть вовсе отпѣтые пьяницы, есть и воры, которые способны воровать даже у своихъ братьевъ, граборовъ, есть и буяны, и мошенники, сварливые, нигдѣ не способные ужиться люди, не артельные люди, какъ говорятъ мужики. Такихъ людей ни одна артель не принимаетъ. Наконецъ, есть не мало слабосильныхъ, стариковъ, недоумковъ, подъупавшихъ по хозяйству людей, которые въ

батраки намиматься не хотятъ, хозяйствъ не бросаютъ, въ артели же становиться не могутъ, потому что не могутъ задолжаться на всю упряжку. Всѣ такіе люди артелей не держатся или артели ихъ не держатъ. Обыкновенно такіе граборы ходятъ одиночками, нанимаются у помѣщиковъ, гдѣ мало работы—не хватаетъ на артель. Лучшіе изъ нихъ, подъупавшіе отъ раздѣловъ или несчасія, ищутъ работы у знакомыхъ ближайшихъ помѣщиковъ, гдѣ прежде работали въ артеляхъ; худшіе, пьянѣйшіе, *старики,* нанимаются по деревнямъ у крестьянъ рыть канавы, пруды и т. п. Иногда пьяницы одиночки соединяются въ артели, выбираютъ, котораго побойчѣе, рядчикомъ и снимаютъ гдѣ-нибудь работу. Но такія неправильныя артели нерѣдко оканчиваютъ дѣло безчестно: возьмутъ непосильную работу, напьютъ, наѣдятъ, наберутъ впередъ денегъ, а работы не кончатъ и уйдутъ, когда наступитъ время покоса, оставивъ, напримѣръ, недодѣланнымъ прудъ, такъ что деревня остается на жаркое время безъ водопоя. Жертвами такихъ артелей бываютъ новички-помѣщики, а больше *добродушные на міру и довѣрчивые* крестьяне, которые иногда цѣлой деревней нанимаютъ артель граборовъ для очистки прудовъ и т. п. Опытные хозяева поэтому держатся разъ облюбованныхъ рядчиковъ и знакомыхъ артелей.

Я говорилъ выше, что, въ общемъ, граборы живутъ зажиточно, а въ сущности и всѣ могли бы жить хорошо и богато даже. Земли многія деревни имѣютъ достаточно, даже болѣе, чѣмъ нужно—это тѣ, которыя послѣ „Положенія“ съумѣли пріобрѣсти въ общественную собственность смежные помѣщичьи хутора съ уплатой за купленную землю работой въ разсрочку на года. За эти купленныя земли имъ приходится платить сборовъ бездѣлицу, столько же, сколько платятъ за свои земли помѣщики, даже менѣе, потому что не нужно платить дворянскій сборъ. Весенній и осенній зарабстки даютъ граборамъ въ очистку до 35 рублей на человѣка, а то и больше, смотря, какая работа выпадетъ, какова погода; изъ этого заработка можно уплатить повинности и взять въ аренду заливные луга, что даетъ хорошій заработокъ, если даже и продать сѣно, а не то что употребить на коней въ своемъ хозяйствѣ. Наконецъ, въ деревняхъ, гдѣ занимаются обжиганіемъ извести, зимою тоже есть хорошій заработокъ.

Казалось бы, какъ не жить при такихъ условіяхъ, а между тѣмъ, хотя въ общемъ, считая и богачей, благосостояніе граборскихъ деревень и выше благосостоянія большинства прочихъ крестьянскихъ деревень, но все-таки и въ граборскихъ деревняхъ, рядомъ съ богачами, есть множество голыхъ бѣдняковъ, бросившихъ землю, нани-

мающихся въ батраки. Гдѣ же причина, корень этого явленія? Причина этого въ томъ, что и граборы, которые такъ хорошо устраиваютъ свои рабочія артели, *въ хозяйственныхъ своихъ дѣлахъ дѣйствуетъ разъединенно,* не могутъ, не пытаются, не думаютъ даже объ устройствѣ хозяйственныхъ артелей для веденія хозяйства сообща.

Въ моихъ письмахъ я уже много разъ указывалъ на сильное развитіе индивидуализма въ крестьянахъ, на ихъ обособленность въ дѣйствіяхъ, на неумѣніе, нежеланіе, лучше сказать, соединяться въ хозяйствѣ для общаго дѣла. На это же указываютъ и другіе изслѣдователи крестьянскаго быта. Иные даже полагаютъ, что дѣлать что нибудь сообща противно духу крестьянства. Я съ этимъ совершенно не согласенъ. Все дѣло состоитъ въ томъ, какъ смотрѣть на дѣло сообща. Дѣйствительно, дѣлать что-нибудь сообща, огульно, какъ говорятъ крестьяне, дѣлать такъ, что работу каждаго нельзя учесть въ отдѣльности, противно крестьянамъ; на такое общеніе въ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, при настоящей степени ихъ развитія, они не пойдутъ, хотя случается и теперь, что при нуждѣ [1]), когда нельзя иначе, крестьяне и теперь работаютъ сообща. Примѣромъ этому служатъ артели, нанимающіяся молотить, возить навозъ, косить. Но для работъ *на артельномъ началѣ*, подобно тому, какъ въ граборскихъ артеляхъ, гдѣ работа дѣлится и каждый получаетъ вознагражденіе за свою работу, крестьяне соединяются чрезвычайно легко и охотно. Кто изъ насъ съумѣетъ такъ хорошо соединиться, чтобы дать отпоръ нанимателю (еслибы не артели, то развѣ граборы получали бы такую плату за работу: граборы одиночки обыкновенно получаютъ дешевле, потому что перебиваютъ работу другъ у друга), кто съумѣетъ такъ хорошо соединиться, чтобы устроить общій столъ, общую квартиру?

Но, спрашивается, почему же невозможно вести хозяйство на артельномъ началѣ? ниже, въ этомъ же письмѣ, я еще разъ возвращусь къ этому важному вопросу.

Лучшимъ примѣромъ того, какое значеніе въ хозяйствѣ имѣетъ веденіе *дѣла сообща*, соединенное съ общежитіемъ, служитъ зажиточность большихъ крестьянскихъ дворовъ и ихъ обѣднѣніе при раздѣлахъ.

Крестьянскій дворъ зажиточенъ, пока семья велика и состоитъ изъ значительнаго числа рабочихъ, пока существуетъ хотя какой нибудь союзъ семейный, пока земля не раздѣлена, и работы производятся

[1]) Я знаю примѣръ, что тѣ же мужики, три отставныхъ солдата—люди артельные, привыкшіе на службѣ къ дѣлу сообща—поселились въ деревнѣ и, взявъ землю, *сообща* построили овинъ и *сообща* молотятъ на немъ: сегодня всѣ молотятъ хлѣбъ, принадлежащій одному, завтра—другому.

сообща. Обыкновенно союзъ этотъ держится только пока живъ старикъ и распадается со смертію его. Чѣмъ суровѣе старикъ, чѣмъ деспотичнѣе, чѣмъ нравственно сильнѣе, чѣмъ большимъ уваженіемъ пользуется отъ міра, тѣмъ больше *хозяйственнаго* порядка во дворѣ, тѣмъ зажиточнѣе дворъ. Суровымъ деспотомъ-хозяиномъ можетъ быть только сильная натура, которая умѣетъ держать бразды правленія силою своего ума, а такой умственно-сильный человѣкъ непремѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ есть и хорошій хозяинъ, который можетъ, какъ выражаются мужики, все хорошо „загадать"; въ хозяйствѣ же хорошій „загадъ"—первое дѣло, потому что при хорошемъ загадѣ и работа идетъ спорѣе и результаты получаются хорошіе.

Но, какъ ни важенъ хорошій „загадъ" хозяина, все-таки же коренная причина зажиточности и сравнительнаго благосостоянія большихъ нераздѣлившихся семей заключается въ томъ, что земля не раздѣлена, что работа производится сообща, что все семейство ѣстъ изъ одного горшка. Доказательствомъ этого служитъ то, что большія семьи, даже и при слабомъ старикѣ, плохомъ хозяинѣ, неумѣющемъ дрежать дворъ въ порядкѣ—все-таки живутъ хорошо.

Я знаю одинъ крестьянскій дворъ, состоящій изъ старика, старухи и пяти женатыхъ братьевъ. Старикъ совсѣмъ плохъ, старъ, слабъ, недовидитъ, занимается по хозяйству только около дома, въ общія распоряженія не входитъ. Хозяиномъ считается одинъ изъ братьевъ. Всѣ братья, хотя и молодцы на работу, но люди не очень умные и бойкіе, смиренные, рахманные, какъ говорятъ мужики, даже тупые, совершенно подчиненные своимъ женамъ. Бабы же, какъ на подборъ, молодица къ молодицѣ, умныя — разумѣется по своему, по бабьему — здоровыя, сильныя, всѣ отлично умѣютъ работать и дѣйствительно работаютъ отлично, когда работаютъ *не на дворъ, а на себя*, напримѣръ, когда зимою мнутъ у меня ленъ и деньги получаютъ *въ свою пользу*. Хозяйство въ этомъ дворѣ въ полнѣйшемъ безпорядкѣ: бабы хозяина и мужей не слушаютъ, на работу выходятъ поздно, которая выйдетъ ранѣе, поджидаетъ другихъ, работаютъ плохо, спустя рукава, гораздо хуже батрачекъ; каждая баба смотритъ, чтобы не переработать, не сдѣлать болѣе, чѣмъ другая. Всѣ внутреннія, бабьи, хозяйственныя работы производятся въ раздѣлъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы поставить одну изъ бабъ хозяйкой, которая готовила бы кушанье и пекла хлѣбы, всѣ бабы бываютъ хозяйками по очереди и пекутъ хлѣбъ понедѣльно — одну недѣлю одна, другую другая; всѣ бабы ходятъ за водою и наблюдаютъ, чтобы которой нибудь не пришлось принести лишнее ведро воды, даже беременныхъ и только что родившихъ, молодую, еще не вошедшую въ силу

дѣвку, дочь старшаго брата, заставляютъ приносить соотвѣтственное количество воды. Точно также по очереди доятъ коровъ; каждая баба отдѣльно моетъ бѣлье своего мужа и дѣтей, каждая своему мужу даетъ отдѣльное полотенце вытереть руки передъ обѣдомъ, каждая моетъ *свою дольку* стола, за которымъ обѣдаютъ. Случилось, что въ этомъ дворѣ были у трехъ бабъ одновременно грудныя дѣти, которыхъ нужно было подкармливать молочной кашей, между тѣмъ, зимою во дворѣ была всего одна рано отелившаяся корова, такъ что все молоко должно было идти за грудныхъ дѣтей. Казалось бы, чего проще хозяйкѣ выдоить ежедневно корову и сварить общую молочную кашу для всѣхъ дѣтей. Нѣтъ, ежедневно одна изъ бабъ-дитятницъ, по очереди, доитъ корову, молоко раздѣлаетъ на три равныя части и каждая баба отдѣльно варитъ кашу своему ребенку; наконецъ, и этого показалось мало—должно быть боялись, что доившая можетъ утаивать молоко—стали дѣлать такъ: бабы доятъ коровъ по очереди, и та, которая доитъ, получаетъ все молоко для своего ребенка, то есть сегодня одна невѣстка доитъ корову, получаетъ все молоко себѣ, и потомъ три дня варитъ своему ребенку кашу на этомъ молокѣ; завтра другая невѣстка доитъ корову и получаетъ все молоко себѣ, послѣ завтра третья...

Даже въ полевыхъ работахъ бабы этого двора вѣчно считаются; каждая жнетъ отдѣльную нивку и, если она оставила высокое жнитво, то и всѣ другія оставляютъ такое же. Словомъ, работаютъ хуже, чѣмъ наемныя батрачки. Бабы этого двора даже разныя торговыя операціи дѣлаютъ независимо отъ двора: одна изъ бабъ, напримѣръ, арендуетъ у бѣдныхъ крестьянъ нѣсколько нивокъ земли, независимо отъ двора, на свои деньги, сѣетъ ячмень и ленъ въ свою пользу; другая выкармливаетъ на свой счетъ борова и продаетъ въ свою пользу.

Однако, и при такомъ безобразіи, *все-таки дворъ остается зажиточнымъ:* нѣтъ недоимокъ, хлѣба довольно, семь лошадей и восемь коровъ, хорошая снасть, бабы въ нарядахъ, у мужиковъ сапоги, красныя рубахи и синія поддевки, есть свободныя деньги. И домъ называется „богачевъ“ дворъ. А почему? Потому что *земля не раздѣлена* на малыя нивки, потому что *нивы большія*, работа производится *сообща*, молотятъ на *одномъ* овинѣ, сѣно кладутъ въ *одну* пуню, скотъ кормятъ на *одномъ* дворѣ, живутъ въ *одномъ* домѣ, топятъ *одну* печку, ѣдятъ изъ *одной* чашки. При хорошемъ хозяинѣ, у котораго бабы въ струнѣ ходятъ, у котораго во всемъ порядокъ и есть хозяйственный „загадъ“, такой дворъ, состоящій изъ десяти работниковъ, будетъ быстро богатѣть, скота и лошадей будетъ много,

корму, а слѣдовательно и навозу, будетъ достаточно, своя земля будетъ хорошо удобрена и обработана — нивы-то широкія, можно и такъ, и такъ пахать — да и на сторонѣ хозяинъ сниметъ у подъупавшаго барина землицы подъ ленъ и хлѣбъ, а то, смотришь, и купитъ какую нибудь пустошку или хуторокъ, изъ котораго потомъ выростетъ деревня. Такому двору и „курятникъ“ не страшенъ; случится что—кто же знаетъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ—плюнешь на право, а можетъ, „законъ такой есть“, какъ говорилъ жидъ, что нужно плевать на лѣво—такому, и „курятникъ“ не страшенъ; ну, сунулъ ему троякъ, либо пятерку. Да и „курятникъ“ тоже человѣкъ, все-таки же помянаетъ, что въ такомъ дворѣ его всегда привѣтятъ— отойди ты только отъ насъ — полштофъ поставятъ, „исправницкую яичницу“ [1]) сдѣлаютъ, медкомъ угостятъ. Такой многосемейный дворъ, даже и при слабомъ хозяинѣ, хотя и не будетъ такъ богатѣть, но все-таки будетъ жить безъ нужды; и недоимокъ не будетъ, и хлѣба достаточно, и въ батраки сельскіе заставляться не станутъ. А про то, чтобы въ „кусочки“ ходить, и говорить нечего. Но вотъ умеръ старикъ. У нѣкоторыхъ братьевъ сыны стали подростать — въ подпаски заставить можно. У одного брата нѣтъ дѣтей, у другихъ только дочки. Бабы начинаютъ точить мужей: „неволя на чужихъ дѣтей работать“, „вонъ Сенька бросилъ землю, заставился къ пану въ скотники, 75 рублей на готовыхъ харчахъ получаетъ, а женку въ изобку посадилъ—ни она жнетъ, ни пашетъ, сидитъ какъ барыня, да на себя прядетъ“ и т. д., и т. д. Сила, соединявшая семейство и удерживавшая его въ одномъ дворѣ, лопнула. И вотъ, несмотря на то, что „одинъ въ полѣ не воинъ“, что „одному и у каши не споро“, что „на міру и смерть красна“, дворъ начинаетъ дѣлиться. Вмѣсто одного двора является, напримѣръ, три. Нивы дѣлятся на узенькія нивки, которыя и обработать хорошо нельзя, потому что не только пахать, но и боронить нельзя: кружитъ баба съ боронами, кружитъ, а все толку нѣтъ. Каждый

[1]) Въ кухонныхъ книгахъ мнѣ никогда не встрѣчалась, среди разныхъ яичницъ, „исправницкая яичница“. Это простая пахнущая дымкомъ яичница-глазунья, которую готовятъ на лучинкахъ. Очень вкусна. Такую яичницу въ *старину* подавали въ деревняхъ исправникамъ. Послѣ „Положенія“, послѣ мировыхъ посредниковъ, мировыхъ судей, слѣдователей, приставовъ, словомъ, въ новѣйшее время, объ исправницкой яичницѣ въ деревняхъ уже позабыли. Исправникъ сталъ большой баринъ („notre chef“, какъ его величаютъ уѣздныя дамы) и съ мужикомъ въ соприкосновеніе приходитъ рѣдко, развѣ волостного погоняетъ за невзносъ податей. Даже становые облагородились, не имѣя дѣла до мужиковъ, которые знали только свое сельское начальство. Все было хорошо, ладно, мужики отдохнули—до прошлаго лѣта, когда на нихъ напустили пьяную орду урядниковъ.

работаетъ отдѣльно на своей нивкѣ. Молотятъ на трехъ овинахъ, да еще хорошо, если раздѣлившись, возьмутъ силу построить три овина, а то овинъ остается общій на трехъ и каждый молотитъ на немъ по очереди отдѣльно свой хлѣбъ—ну, какъ же тутъ поспѣть во-время намолотить на сѣмена и сохранить хлѣбъ чистымъ? У одного рожь чиста, у другого—онъ вчера на ѣмены молотилъ—съ костеремъ. Никто за овиномъ не смотритъ, нѣтъ къ нему хозяина, никто его во время не ремонтируетъ. Сѣно убираютъ каждый отдѣльно на своихъ нивкахъ и, если что выигрывается оттого, что каждый работаетъ на себя, а не на дворъ, то теряется вслѣдствіе того, что одному нѣтъ возможности урвать въ погоду, какъ можетъ это сдѣлать артель. Кладутъ сѣно въ три отдѣльныя пуни. Скотъ кормятъ на трехъ отдѣльныхъ дворахъ и, для ухода, для носки корма, нужно три человѣка, тогда какъ прежде дѣлалъ это одинъ. На водопой скотъ гонятъ три бабы, а прежде гоняла одна. На мельницу молоть ѣдутъ три хозяина. Печей топится три, хлѣбъ пекутъ три хозяйки, ѣдятъ изъ трехъ чашекъ. Всѣ необходимыя во дворѣ „ложки" и „плошки" тому, кто дѣла не знаетъ, кажутся пустякомъ, а попробуй-ка, заведись всѣмъ; если большое корыто, въ которомъ кормили штукъ шесть свиней на „богачевомъ" дворѣ, стоитъ рубль, то три маленькихъ корыта стоятъ уже не рубль, а, примѣрно, хоть два.

Высчитайте все, высчитайте работу, и вы увидите, какая происходитъ громадная потеря силы, когда изъ одного двора сдѣлается три, а еще того хуже—пять.

Непремѣннымъ результатомъ раздѣла должна быть бѣдность. Почти все нажитое идетъ при раздѣлѣ на постройку новыхъ избъ, новыхъ дворовъ, амбаровъ, овиновъ, пунь, на покупку новыхъ корытъ, горшковъ, чашекъ, „ложекъ и плошекъ". Раздѣлились „богачи", и вотъ одинъ „богачевъ" дворъ обыкновенно превращается въ три бѣдные двора. Разумѣется, бываетъ, что и при раздѣлѣ дворы остаются зажиточными. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда „богачевъ" дворъ былъ ужь очень богатъ, когда у „старика" было много залежныхъ денегъ, когда онъ владѣлъ всей деревней, когда, кромѣ его, „богача", всѣ остальные были голь непроглядная, когда всѣ остальные были у него въ долгу. Тогда изъ раздѣлившагося „богачева" двора образуется три „богачевыхъ" двора, у которыхъ вся остальная деревенская голь состоитъ въ батракахъ. Но это бываетъ рѣдко; обыкновенно, раздѣлился „богачевъ" дворъ и являются три бѣдные двора или два бѣдные и одинъ зажиточный—это того изъ братьевъ, который, будучи при „старикѣ" или послѣ смерти старика, пока не раз-

дѣлились, хозяиномъ, съумѣлъ что-нибудь припрятать изъ общихъ денегъ, или того, который, будучи любимчикомъ отца или матери, получилъ особенно припрятанныя деньжонки, или того, который, ходя на заработки въ Москву, Петербургъ, съумѣлъ принакопить что-нибудь изъ заработанныхъ денегъ, или наконецъ, того, жена котораго еще въ дѣвкахъ попала какъ нибудь на линію: баринъ какой-нибудь навернулся петербургскій, которому сотенная ни почемъ, инженеръ, купецъ пьяненькій, старичекъ помѣщикъ.

Но, какъ бы тамъ ни было, а раздѣлились, и изъ одного „богачева" двора дѣлаются три бѣдные. Всѣ это знаютъ, всѣ это понимаютъ, а, между тѣмъ, все-таки дѣлятся, потому что каждому хочется жить независимо, своимъ домкомъ, на своей волѣ, каждой бабѣ хочется быть „большухой".

Говорятъ, что всѣ раздѣлы идутъ отъ бабъ. Поговорите съ кѣмъ хотите. И попъ вамъ скажетъ, что раздѣлы—величайшее зло и идутъ отъ бабъ. Попъ-то это скажетъ такъ, по обычаю поддакивать, вторить, потому что попу-то нечего быть противъ раздѣловъ, такъ какъ они ему выгодны: одинъ дворъ—молебенъ, два двора—два молебна; съ „богачева" двора сойдетъ на святую, много, рубль (пять службъ), а съ пяти бѣдныхъ, раздѣлившихся дворовъ, сойдетъ, мало, если два рубля (по двѣ службы). И волостной, и писарь, и сотскій — всѣ начальники скажутъ, что раздѣлы—зло: такъ это очевидно, хотя и начальству, какъ попу, раздѣлы выгодны. Положимъ, въ „богачевомъ" дворѣ на Никольщину поднесутъ „начальнику" два стакана, но въ пяти бѣдныхъ, если по стакану только, все же выйдетъ пять; притомъ же, бѣдные одиночки почтительнѣе, боязливѣе, низкопоклоннѣе, потому что „одинъ въ полѣ не воинъ".

И мужикъ каждый говоритъ, что раздѣлы—зло, погибель, что всѣ раздѣлы идутъ отъ бабъ, потому что народъ нынче „слабъ", а бабамъ воля дана большая, потому-де, что царица малахфестъ бабамъ выдала, чтобы ихъ не сѣчь.

— А вотъ, говорятъ, еще пачпорты уничтожатъ?

— Говорятъ, что уничтожатъ, подсмѣиваюсь я.

— Ну, тогда бабы совсѣмъ отъ рукъ отобьются, никакого сообразу съ ними не будетъ. Теперь, по крайности, баба, коли я ей пачпорту не дамъ, далѣе своей волости уйти не можетъ, а тогда, что съ ней подѣлаешь? сѣла на машину—лови ее!

— Такъ что-жь? Одна уѣдетъ, другая пріѣдетъ. Безъ бабы не будешь.

— Оно точно, что не будешь.

— То-то. Теперь ты куражишься надъ ней только. Паспорта не

даешь, силу свою надъ ней показываешь, а что ей ты, коли ей Ванька любъ! На что она тебѣ? Все равно она съ тобой не живетъ, да и самъ ты съ другой живешь. На что же она тебѣ? припираю я въ такихъ случаяхъ.

— Жена должна мужу виноватиться.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ она тебѣ виноватиться будетъ? Вѣдь и тебѣ она не люба, вѣдь и ты ея не жалѣешь, вѣдь ты самъ къ Авдонѣ бѣгаешь, сахарная та для тебя. А?

— Я и жену не бросаю.

— То-то не бросаешь! Въ кои-вѣки и женку не оставишь, когда Авдони нѣтъ дома. Дуракъ ты — вотъ что! начинаю я сердиться.

— Женка должна мужу виноватиться.

— Зарядилъ одно, должна виноватиться.... зачѣмъ?

— Такъ въ церкви дьячекъ читаетъ.

— Дьячекъ читаетъ! Дьячекъ читаетъ, что мужъ долженъ любить свою жену, а ты развѣ любишь? Ты вонъ Авдоню любишь. Это-то ты разслыхалъ, что женка должна виноватиться, не даромъ дьячекъ конецъ на полштофъ растягиваетъ, а того не разслыхалъ, что жалѣть жену долженъ.

— Чего Авдоню? Пристали съ Авдоней.

— Чего Авдоню! Ты мнѣ не крути, не на таковскаго напалъ. Ты вотъ полюби жену—можетъ, она тебѣ и виноватиться будетъ.

— Чего не полюбить?

— То-то, чего не полюбить! Попробуй. Твоя Машка молодая, красивая, не то что Авдоня. Отчего тебѣ Машку не любить, хуже она что ли Авдони?

— Ну, ужь вы наговорите всегда.

— И наговорю. Полюби Машку,

— А я все-таки Машкѣ пачпорта не дамъ. Пусть тутъ мается, а въ Москву не пущу.

— Ну, и дуракъ.

— И дуракъ, а потачки не дамъ. Должна мужу виноватиться. Не дамъ пачпорта—что вы ко мнѣ пристали!

— Не давай. И не нужно. Машка теперь и сама въ Москву не пойдетъ. Она теперь вонъ у попа живетъ. На что ей Москва? ей и тутъ Москва,—видѣлъ, какой у нея шерстяной платокъ? Ну-ка, ты своей Авдонѣ справь такой.

— Въ волость подамъ, судиться буду.

— Судиться будешь! Судись. Что возьмешь судомъ? Такъ тебѣ судъ ее и приведетъ. А Авдоня что? Такъ она тебѣ и позволила срамиться. Судиться тоже вздумалъ.

— Вотъ и буду судиться. Я за нее, коли что, отвѣчать долженъ!

Такимъ образомъ, все, говорятъ, отъ бабъ, всѣ дѣлежки отъ бабъ, весь бунтъ отъ бабъ: бабы теперь въ деревнѣ сильны.

Дѣйствительно, сколько и я могъ замѣтить, у бабъ индивидуализмъ развитъ еще болѣе, чѣмъ у мужиковъ, бабы еще эгоистичнѣе, еще менѣе способны къ общему дѣлу—если это дѣло не общая ругань противъ кого-либо — менѣе гуманны, болѣе безсердечны. Мужикъ, въ особенности если онъ внѣ дома, внѣ вліянія бабъ, еще можетъ дѣлать что-нибудь сообща; онъ не такъ считается въ общей работѣ, менѣе эгоистиченъ, болѣе способенъ радѣть въ общей пользѣ двора, артели, міра, жить сообща, а главное — мужикъ не дребезжитъ, не разводитъ звякъ, не точитъ. Мужикъ надѣется на свой умъ, на свою силу, способность къ работѣ. Баба не надѣется ни на умъ, ни на силу, ни на способность къ работѣ; баба все упованіе свое кладетъ на свою красоту, на свою женственность, и, если разъ ей удалось испытать свою красоту—конецъ тогда.

Я положительно замѣтилъ, что тѣ деревни, гдѣ властвуютъ бабы, гдѣ бабы взяли верхъ надъ мужчинами, живутъ бѣднѣе, хуже работаютъ, не такъ хорошо ведутъ хозяйство, какъ тѣ, гдѣ верхъ держатъ мужчины. Въ такихъ бабьихъ деревняхъ мужчины болѣе идеалисты, менѣе кулаки и скорѣе подчиняются кулаку - однодеревенцу, который осилилъ, забралъ въ руки бабъ. Точно также и въ отдѣльныхъ дворахъ, гдѣ бабы взяли верхъ надъ мужчинами, нѣтъ такого единодушія, такого порядка въ хозяйствѣ, такой спорости въ работѣ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что если въ какой-нибудь деревнѣ, въ одномъ, двухъ дворахъ, бабы взяли верхъ, то это распространяется на всѣ дворы въ деревнѣ. А если разъ бабы въ деревнѣ держатъ верхъ, то и каждая вновь поступающая, вслѣдствіе замужества, въ деревню сейчасъ же попадаетъ въ общій тонъ. Удивительный въ этомъ отношеніи происходитъ подборъ: гдѣ бабы держатъ верхъ, тамъ, разумѣется, бабы молодцы—рѣдкая не пронесетъ осьмину ржи—сильныя, здоровыя, отличныя, въ смыслѣ умѣнья все сдѣлать, работницы, отличныя игрицы; гдѣ мужчины держатъ верхъ, тамъ бабы поплоше, забитыя, некрасивыя, изморенныя. Выходя замужъ, дѣвка смотритъ, въ какую деревню идти: молодица идетъ въ первую деревню, поплоше — идетъ во вторую, потому что въ первой бабы забьютъ. И бабы тоже смотрятъ, кто къ нимъ идетъ, и пришедшую обработываютъ по своему.

Большую способность мужчинъ къ общему дѣлу можно объяснить тѣмъ, что мужчины болѣе свободны, болѣе развиты, болѣе видѣли свѣтъ, болѣе жили въ артеляхъ, прониклись артельнымъ духомъ,

сдѣлались, какъ выражаются мужики, артельными людьми, то есть людьми болѣе гуманными, способными сдерживать свои эгоистическіе инстинкты, уступать другимъ, уступать общему духу, общимъ потребностямъ, общему благу.

Но зато у бабъ гораздо болѣе иниціативы, чѣмъ у мужчинъ. Бабы скорѣе берутся за всякое новое дѣло, если только это дѣло имъ, бабамъ, лично выгодно. Бабы какъ-то болѣе жадны къ деньгамъ, мелочно жадны, безъ всякаго разсчета на будущее, лишь бы только сейчасъ заполучить побольше денегъ. Деньгами съ бабами гораздо скорѣе все сдѣлаешь, чѣмъ съ мужчинами. Кулакамъ это на руку и они всегда стремятся зануздать бабъ, и разъ это сдѣлано — дворъ или деревня въ рукахъ деревенскаго кулака, который тогда уже всѣмъ вертитъ и крутитъ. У мужика есть извѣстныя правила, извѣстныя понятія о чести своей деревни; поэтому, онъ много не сдѣлаетъ, чтобы не уронить достоинства деревни. У бабы же на первомъ планѣ — деньги. За деньги баба продастъ любую дѣвку въ деревнѣ, сестру, даже дочь, о самой же и говорить нечего. „Это не мыло, не смылится", „это не лужа, останется и мужу", разсуждаетъ баба. А мужикъ, настоящій мужикъ, не развращенный подлаживаніемъ барамъ, не состоящій подъ командой у бабы, ни за что не продастъ. А проданная разъ дѣвка продастъ, лучше сказать, подведетъ, даже даромъ, всѣхъ дѣвокъ изъ деревни для того, чтобы *всѣхъ поровнять*. Охотники до деревенской клубнички очень хорошо это знаютъ и всегда этимъ пользуются. Нравы деревенскихъ бабъ и дѣвокъ до невѣроятности просты: деньги, какой нибудь платокъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, лишь бы только никто не зналъ, лишь бы шито-крыто, дѣлаютъ все. Да и сами посудите: поденщина на своихъ харчахъ отъ 15-ти до 20-ти коп., за мятье пуда льна 30 коп. — ленъ мнутъ ночью и за ночь только лучшая баба наминаетъ пудъ; за день молотьбы 20 коп. Что же значитъ для наѣзжающаго изъ Петербурга господина какая нибудь пятерка, даже четвертной, даже сотенный билетъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Посудите сами! Сотенный билетъ за то, что „не смылится", и 15 коп. — за поденщину. Поставленныя въ такія условія, многія ли чиновницы устоятъ? Что же касается *настоящаго чувства*, любви, то и баба нетолько ни въ чемъ не уступитъ чиновницѣ, но даже превзойдетъ ее. Я думаю, что тотъ, кто не знаетъ, какъ можетъ любить деревенская баба, готовая всѣмъ жертвовать для любимаго человѣка, тотъ вообще не знаетъ, какъ можетъ любить женщина.

Вотъ для начальства бабы въ деревнѣ язва. Мужчины гораздо болѣе терпѣливо переносятъ и деспотизмъ хозяина, и деспотизмъ де-

ревенскаго міра, и деспотизмъ волостного, и затѣи начальства: станового, урядника и т. п. А ужь бабы — нѣтъ, если дѣло коснется ихъ личныхъ бабьихъ интересовъ. Попробовало было какъ-то начальство описать за недоимки бабьи андараки, такъ бабы такой гвалтъ подняли, что страхъ—къ царицѣ жаловаться, говорятъ, пойдемъ. И пошли бы. Начальство въ этомъ случаѣ, однако, осталось въ барышахъ: бабы до тѣхъ поръ точили мужчинъ, спали даже отдѣльно, пока тѣ не раздобылись деньгами — работъ разныхъ лѣтнихъ понабрали — и не уплатили недоимокъ. Однако, послѣ того начальство бабьихъ андараковъ уже не трогало.

Все это я говорю, однакожь, не потому, чтобы нужны были какія либо мѣропріятія для закрѣпленія семейнаго союза и предупрежденія раздѣловъ. Я противникъ всякихъ чиновничьихъ мѣропріятій, касающихся внутренней жизни.

Раздѣлы вредны, раздѣлы—причина обѣдненія дворовъ. Если бы крестьяне дѣйствовали въ хозяйствѣ сообща, если бы деревни состояли изъ небольшаго числа нераздѣленныхъ дворовъ, сообща обрабатывающихъ землю, сообща ведущихъ хозяйство, еслибы, еще того лучше, цѣлыя деревни вели хозяйство сообща, то, нѣтъ сомнѣнія, крестьяне жили бы зажиточно и, такъ или иначе, прибрали бы всѣ земли къ своимъ рукамъ. Раздѣлы вредны, но, повторяю: всякія мѣропріятія для закрѣпленія семейнаго союза были бы нелѣпы и такъ же невозможны, какъ невозможно Мишку заставить любить Фрузу, а не Авдоню.

Всѣ такія мѣропріятія никогда ни къ чему не приводятъ, всегда ловко обходятся и только наносятъ вредъ народу, затѣсняютъ его, и, по мнѣнію мужиковъ, дѣлаются только имъ въ „усмѣшку". Точно вотъ—„на тебѣ, ходи вверхъ ногами!" И ходимъ, т. е. не ходимъ, а дѣлаемъ видъ, что ходимъ. Идешь обыкновеннымъ порядкомъ, встрѣчаешь начальство — „отчего не къ верху ногами?" „А вотъ сейчасъ, ваше-ство, отдохнуть перевернулся" и дѣлаешь видъ, что хочешь встать къ верху ногами. Начальство само знаетъ, что нельзя такъ ходить, но, довольное послушаніемъ, милостиво улыбается и прослѣдываетъ далѣе. Къ слову пришлось, возьму самый пустой примѣръ— *березки*, которыя приказано садить по деревнямъ вдоль улицъ.

Надумали тамъ въ городѣ *начальники*, отъ нечего дѣлать, что слѣдуетъ по деревнямъ вдоль улицъ березки сажать. Красиво будетъ— это первое. Въ случаѣ пожара, березки будутъ служить защитой— это второе. Почему березки, насаженныя вдоль узкой деревенской улицы, могутъ защищать отъ пожара? Ну, да ужъ такъ начальники придумали. Надумали, расписали сейчасъ наистрожайшій приказъ

по волостямъ; волостные сельскимъ старостамъ приказъ, тѣ — десятскимъ по деревнямъ. Посадили мужика березки — недоумѣваютъ, зачѣмъ? Случилось въ то лѣто архіерею проѣзжать — думали, что это для его проѣзду, чтобы, значитъ, ему веселѣе было. Разумѣется, за лѣто всѣ посаженныя березки посохли. Кто знаетъ устройство деревни и деревенскую жизнь, тотъ сейчасъ пойметъ, что никакія деревья на деревенской улицѣ рости не могутъ. На улицѣ, очень узенькой, обыкновенно, грязь по колѣно, по улицѣ прогоняютъ скотъ, который чешется о посаженныя деревья, по улицѣ проѣзжаютъ съ навозомъ, сѣномъ, дровами — не тотъ, такъ другой зацѣпитъ за посаженную березку. Не приживаются березки, да и только — сохнутъ. Пріѣзжаетъ весною чиновникъ, какой-то пожарный агентъ (чинъ такой есть и тоже со звѣздочкой) или агѐлъ, какъ называютъ его мужики. Гдѣ березки? спрашиваетъ. Посохли. — Посохли! а вотъ я... и пошелъ, и пошелъ. Нашумѣлъ, накричалъ, приказалъ опять насадить, не то, говоритъ, за каждую березку по пяти рублей штрафу возьму. Испугались мужики; второй разъ насадили — посохли опять. На третью весну опять требуютъ,—сажай! ну, и надумались мужики: чѣмъ вырывать березку съ корнемъ, прямо срубаютъ мелкій березнякъ: заостриваютъ комель и втыкаютъ къ пріѣзду агента въ землю— долго зелень держится. А по зимѣ на растопку идетъ, потому что за лѣто отлично на вѣтру просыхаетъ. Не полѣзетъ же чиновникъ смотрѣть, съ корнями ли посажено; ну, а если найдется такой, что полѣзетъ, скажутъ, „отгнило коренье“—гдѣ ему увидать, что березка просто отрублена.

Но вотъ вопросъ: откуда крестьянамъ взять березки? въ надѣлахъ вѣдь ихъ нѣтъ. Срубить у барина?—полѣсовщикъ не позволитъ. Ну, и таскали по ночамъ.

Чудное, право, дѣло! то не позволяютъ на Троицу „май“ ставить около избъ, потому де, что много березокъ на май истребляютъ, то приказываютъ каждый годъ березки на улицахъ сажать!

Что не подходитъ, того не сдѣлаешь. На что ужь строгъ былъ Петръ Царь, а и то многаго, что не подходяще, не могъ заставить дѣлать.

Обо всемъ этомъ столько говорено, что, казалось бы, и говорить болѣе не стоило. Но, кажется мнѣ, что теперь именно время, когда говорить слѣдуетъ. Денегъ нѣтъ, а деньги нужны.

А что я значу безъ денегъ! „Денежки, что дѣтушки, куда ихъ пошлешь, туда самъ не пойдешь“.

Но кто осмѣлится сказать, что страна наша бѣдна? Кто осмѣ-

лится сказать, что у насъ не лежатъ втунѣ огромныя богатства И кто не понимаетъ, почему эти богатства лежатъ втунѣ?

Теперь и мужикъ видитъ, что въ самомъ дѣлѣ денегъ нѣтъ, что, должно быть, нельзя такъ скоро надѣлать бумажекъ. Мужикъ, однако, утѣшаетъ себя тѣмъ, что дядя „Китай“ предлагаетъ нашему царю денегъ сколько хочешь...

Но гдѣ же этотъ „Китай“? Гдѣ этотъ таинственный, могучій, богатый „Китай“? Онъ тутъ, онъ подъ ногами у насъ, лежитъ скованный, запертый замками нѣмецкой работы, запечатанный двѣнадцатью печатями. Только снимите печати, только отоприте замки!.. Не мѣшайте намъ, не водите на помочахъ—и мы будемъ платить хорошій откупъ. Денегъ будетъ пропасть, только дайте возможность жить, какъ намъ лучше. Сгоритъ деревня—мы построимъ новую. Подохнетъ скотъ—новый выростимъ. А сверхъ того, и деньги будемъ платить, деньги, стало быть, будутъ. Положимъ, что и теперь мы обходимъ всѣ приказы, дѣлаемъ все только на показъ, да чего это стоитъ? Я провелъ день за посадкой березокъ: день этотъ стоитъ мнѣ мало 30 копѣекъ. Не лучше ли мнѣ отдать 15 копѣекъ, чтобы не садить березокъ? Право, лучше 30 копѣекъ отдать, чѣмъ, все равно, безполезно зарывать ихъ въ замлю!

Но отчего же дворъ, раздѣлившись, бѣднѣетъ? Можетъ ли зажиточно жить пара—мужъ съ женой—трудами рукъ своихъ?

Возьмемъ, для примѣра, что пара, мужъ съ женой, снабжена всѣмъ необходимымъ для хозяйства: у нихъ есть дворъ, скотъ, орудія и столько земли, сколько они сами, вдвоемъ, могутъ обработать.

Чѣмъ обусловливается производительность хозяйства этой пары?

Въ нечерноземной полосѣ количество посѣва обусловливается количествомъ навоза, какое можно накопить; количество же навоза обусловливается количествомъ корма, количество корма обусловливается количествомъ сѣна, какое можетъ наготовить имѣющая достаточно луговъ пара, въ промежутокъ времени отъ Петра до Семена. Это количество сѣна обусловливаетъ у насъ, такъ сказать, всю суть хозяйства: отъ него зависитъ количество скота, количество высѣва, количество хлѣба, мяса, сала, молока, какое можетъ потреблять наша пара. Другимъ мѣриломъ для опредѣленія величины запашки служитъ еще возможность убрать народившійся хлѣбъ въ тотъ короткій срокъ, какой имѣется для этой уборки.

Я полагаю, что буду недалекъ отъ истины, если скажу, что пара можетъ убрать столько хлѣба, сколько его можно посѣять соотвѣтственно количеству сѣна, какое можетъ наготовить та же пара.

Въ страдное время (покосъ и уборка хлѣба), предполагаемая пара

должна будетъ работать изъ всѣхъ силъ. Вся суть хозяйства заключается въ томъ, сколько будетъ выработано въ это страдное время. Каждый хозяинъ, каждый мужикъ понимаетъ это. За страдное время мужикъ худѣетъ, чернѣетъ и доходитъ до того, что, если долгое время стоитъ хорошая погода, въ которую на *своемъ* покосѣ спятъ не болѣе шести часовъ въ день, то мужикъ, утомившись, въ тихомолку проситъ иногда у Бога дождя, чтобы возможно было хотя сколько-нибудь отдохнуть. Въ хорошую погоду, какъ бы онъ ни былъ утомленъ, онъ отдыхать не станетъ. Совѣстно.

Въ страдное время никто ни о чемъ другомъ, какъ о покосѣ, не думаетъ, никто ничего другого не дѣлаетъ. Въ это время въ деревнѣ нѣтъ ни мастеровыхъ, ни сельскихъ начальниковъ, ни поповъ, а если и исполняются дѣла, требы, то все это дѣлается на-скоро, поглядывая въ поле и думая: „Эхъ! гребанули бы теперь сѣнца!“ Въ страдное время и церковная служба совсѣмъ особенная, поспѣшная, по военному. Всѣ косятъ, всѣ понимаютъ, что ничѣмъ нельзя вознаградить того, что потеряно въ это время. Городской житель можетъ подумать, что въ страдное время въ деревнѣ всѣ сошли съ ума. А нужно бы, однако, чтобы и городскіе жители понимали, что все, что они съѣдаютъ и выпиваютъ, даетъ именно это страдное время.

Но, за исключеніемъ *страднаго* времени, въ остальное время года у нашей пары будетъ много свободнаго времени. Весною, съ 25-го апрѣля по 1-е іюля, и осенью, съ 1-го сентября по 1-е ноября, пара нетолько успѣетъ въ проходолдь произвести всѣ полевыя работы по своей запашкѣ, но у нея еще останется свободное время, которое она могла бы употребить на работы внѣ своего хозяйства, еслибы могла изъ него отлучиться. Зимою, съ 1-го ноября по 25-е апрѣля, у нашей пары будетъ еще болѣе свободнаго времени, которое она тоже могла бы употребить на работы внѣ своего хозяйства.

Но что можетъ сдѣлать на сторонѣ эта пара, которая должна, волей-неволей, сидѣть безъ дѣла въ своемъ хозяйствѣ? И вотъ, оставаясь одиночкой и работая въ своемъ хозяйствѣ, она, какъ говорится, перебивается съ хлѣба на квасъ.

Соединись нѣсколько такихъ паръ, хотя бы такъ, какъ соединяются въ артели граборы, для общаго хозяйства — сейчасъ пойдетъ другое.

Обращаюсь опять къ граборамъ, чтобы на примѣрѣ изъ дѣйствительности пояснить, какое значеніе имѣетъ, когда пары соединены для работы вмѣстѣ. Я беру примѣръ изъ жизни граборовъ, потому что это люди артельные, трудолюбивые и умѣлые работники.

Я зналъ очень зажиточное граборское семейство, состоящее изъ

трехъ женатыхъ братьевъ, слѣдовательно, 6 работниковъ. Изъ такого семейства, весною и осенью, два брата уходятъ на граборскій заработокъ въ артеляхъ, а одинъ братъ съ 3-мя женками остается дома и успѣваетъ, исполняя въ то же время должность сельскаго старосты, выполнить всѣ полевыя и домашнія хозяйственныя работы: у насъ женщины пашутъ, молотятъ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ даже косятъ.

Слѣдовательно, семейство изъ трехъ паръ, безъ ущерба для своего хозяйства, можетъ отпускать весною и осенью на сторонній заработокъ 2-хъ человѣкъ или $^1/_3$.

Къ 1-му іюля, два брата, находившіеся на граборской работѣ, возвращаются домой, гдѣ и остаются до 1-го сентября. Въ это время, всѣ шестеро самымъ усиленнымъ образомъ работаютъ въ своемъ хозяйствѣ, въ особенности на покосѣ, для чего и приберегаютъ себя на работѣ въ весеннюю упряжку.

Въ это время нанять грабора невозможно; долѣе 1-го, много 8-го іюля, ни одинъ граборъ на работѣ ни за что не останется. Кто понимаетъ хозяйство, тому это должно быть совершенно ясно.

У граборовъ, подобно тому, какъ и у другихъ крестьянъ, въ надѣлахъ нѣтъ или очень мало хорошихъ заливныхъ луговъ. Даже на прикупленныхъ послѣ „Положенія" нѣкоторыми деревнями земляхъ нѣтъ хорошихъ покосовъ.

Поэтому, зажиточные граборы арендуютъ хорошіе луга, платя за заливные отъ 12-ти до 15-ти рублей за десятину. Дѣлаютъ они это потому, что очень хорошо понимаютъ, что недостаточно употребить на покосъ все время съ 1-го іюля по 1-е сентября, но необходимо еще, чтобы покосъ былъ хорошій, потому что, чѣмъ лучше трава, тѣмъ въ данное время больше наготовишь корму. Точно также граборы очень хорошо понимаютъ необходимость все страдное время косить въ свою пользу, и потому зажиточные изъ нихъ никогда не берутъ покосовъ изъ части, развѣ ужь арендовать негдѣ.

Проработавъ страдное время дома, наготовивъ сѣна, убравъ хлѣбъ и посѣявъ озимь, два брата опять идутъ на граборскій заработокъ, а одинъ братъ съ тремя бабами остается дома и успѣваетъ убрать яровое и огородное, обмолотить хлѣбъ, обработать ленъ и проч. Слѣдовательно, осенью опять $^1/_3$ людей изъ двора уходитъ на сторонній заработокъ.

Зимою граборскихъ заработковъ нѣтъ, и потому граборы занимаются другими работами: обжиганіемъ и развозкой известы и плиты, рѣзкой и возкой дровъ, молотьбой хлѣба по господскимъ домамъ; бабы же прядутъ и ткутъ полотна. Зимою дворъ могъ бы отпускать

на сторонніе заработки или заниматься дома сторонними, нехозяйственными работами $^2/_3$ или, самое малое, $^1/_2$ людей.

Кто ясно сознаетъ *суть* нашего хозяйства, тотъ пойметъ, какъ важно соединеніе земледѣльцевъ для хозяйствованія сообща и какія громадныя богатства получались бы тогда. Только при хозяйствѣ *сообща* возможно заведеніе травосѣянія, которое даетъ средство ранѣе приступать къ покосу и выгоднѣе утилизировать страдное время; только при хозяйствѣ сообща возможно заведеніе самыхъ важныхъ для хозяйства машинъ, именно машинъ, *ускоряющихъ* уборку травы и хлѣба; только при хозяйствѣ сообща возможно отпускать значительное число людей на сторонніе заработки, а, при быстротѣ сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ, эти люди могли бы отправляться на югъ, гдѣ страдное время начинается ранѣе, и, отработавъ тамъ, возвращаться домой къ своей страдѣ. Съ другой стороны, дѣлается понятнымъ, какъ важно, чтобы на страдное время прекращались всякія другія производства, отвлекающія руки отъ полевыхъ работъ. На это время всякія фабрики должны были бы прекращать свои работы. Опять же огромное количество свободныхъ рукъ указываетъ на необходимость развитія мелкихъ домашнихъ производствъ. Нужны не фабрики, не заводы, а *маленькія* деревенскія винокурни, маслобойни, кожевни, ткачевни и т. п., отбросы отъ которыхъ тоже будутъ съ пользою употребляемы въ хозяйствахъ.

Раздѣленіе земель на небольшіе участки для частнаго пользованія, размѣщеніе на этихъ участкахъ отдѣльныхъ земледѣльцевъ, живущихъ своими домками и обработывающихъ, каждый отдѣльно, свой участокъ — есть безсмыслица въ хозяйственномъ отношеніи. Только „переведенные съ нѣмецкаго“ агрономы могутъ защищать подобный способъ хозяйствованія особнякомъ, на отдѣльныхъ кусочкахъ. Хозяйство можетъ *истинно прогрессировать* только тогда, *когда земля находится въ общемъ пользованіи и обработывается сообща.* Раціональность въ агрономіи состоитъ не въ томъ, что у хозяина посѣяно здѣсь немного рѣпки, тамъ немного клеверку, тамъ немножко рапсу, не въ томъ, что корова стоитъ у него цѣлое лѣто на привязи и кормится накошенной травой (величайшій абсурдъ въ скотоводствѣ), не въ томъ, что онъ ходитъ за плугомъ въ сѣромъ полуфрачкѣ и читаетъ по вечерамъ „Gartenlaube“. Нѣтъ. Раціональность состоитъ въ томъ, чтобы, истративъ меньшее количество пудофутовъ работы, извлечь наибольшее количество силы изъ солнечнаго луча на общую пользу. А это возможно только тогда, когда земля находится въ общемъ пользованіи и обработывается сообща.

Описанный выше граборскій дворъ, особенно если земли доста-

точно, живетъ зажиточно, то есть, у него во дворѣ есть достаточно лошадей, скота, *своего* хлѣба, есть снасть.

Я говорилъ выше, что некоторыя граборскія деревни, послѣ „Положенія“, пріобрѣли земли въ общественную собственность. Нужно нѣсколько пояснить это, потому что иные могли бы подумать, что пріобрѣтеніе земель крестьянами могло бы все болѣе и болѣе распространяться. Не совсѣмъ это такъ.

Дѣйствительно, было время, вскорѣ послѣ „Положенія“, когда многіе крестьяне вышли на выкупъ, что крестьянамъ было легко пріобрѣтать земли въ собственность. Явился даже особый родъ стряпчихъ, которые устроивали эти дѣла. Въ то время многія имѣнія освободились отъ залога и помѣщики получили возможность продавать изъ своихъ имѣній отдѣльные кусочки: пустошки, хуторки, отрѣзки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выкупныя суммы большею частію пошли въ уплату старыхъ долговъ по залогамъ, а то, что было получено на руки, прошло, прожилось, прохозяйничалось. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не было, лѣса цѣнности не имѣли, банковъ, дающихъ деньги подъ залогъ имѣній, тоже не было. Все это было крестьянамъ на руку—тутъ-то и возможно было имъ покупать земли. Нѣтъ у барина денегъ, а нужно рабочимъ платить, нужно въ городъ за провизіей посылать, нужно на выборы ѣхать. Провѣдавшій все это подъ рукою мужичокъ—въ этомъ случаѣ не „мужикъ“, а „мужичокъ“[1])—является торговать какую-нибудь пустошку, хуторокъ или отрѣзокъ, и покупаетъ.

Разумѣется, такія земли чаще всего покупались въ частную собственность богатыми мужиками, у которыхъ имѣлись старинныя залежныя деньги. Разсказываютъ, случалось, что при этомъ довольно значительныя суммы выплачивались круглыми рублями и золотыми.

Многосемейные зажиточные крестьяне иногда садились на купленныя земли, если это былъ отдѣльный хуторъ, и хозяйничали, занимаясь въ то же время мелкой торговлей и маклачествомъ. Современемъ, изъ такихъ дворовъ крестьянъ-собственниковъ образуются деревни, потому что дѣти, раздѣлившись и построивъ отдѣльные

[1]) Народъ всегда говоритъ „мужикъ“. „Мой мужикъ“, говоритъ баба. „Наши мужики лугъ сняли“, разсказываетъ мужикъ. Форму „мужичекъ“ придумали либеральные чиновники. Со мною было: много лѣтъ тому назадъ, читалъ я въ Петербургѣ публичныя лекціи. Послѣ одной лекціи, я увидѣлъ среди публики своего начальника съ женой. Подошелъ; разумѣется, для меня, какъ для всякаго служащаго, дороже всего было мнѣніе начальства. „Довольны ли, ваше—ство?“ обратился я къ ней. „Очень, очень! однако, вы, должно быть, устали, вы такъ горячо говорили“. Дѣйствительно, горячась на лекціи, я вспотѣлъ и раскраснѣлся, тѣмъ болѣе, что передъ лекціей выпилъ бутылку вина. „А я все-таки замѣчаніе сдѣлаю“, сказалъ генералъ.—Какое, ваше—ство?—„Вы все говорите „мужикъ“—это неловко“.—„А

дворы, землю оставятъ въ общемъ владѣніи и будутъ ею пользоваться пополосно. Такіе отдѣльные хутора покупались преимущественно бывшими волостными старшинами, помѣщичьими бурмистрами и тому подобнымъ людомъ, которому либеральные посредники и помѣщики съумѣли внушить понятіе о собственности на землю, по крайней мѣрѣ, настолько, что мужикъ съ *господами* говорилъ о собственной землѣ. Я выражаюсь: „говорилъ съ *господами*", потому что у мужиковъ, даже самыхъ нацивилизованныхъ посредниками, все-таки остается тамъ, гдѣ-то въ мозгу, тайничекъ (по этому тайничку легко узнать, что онъ русскій человѣкъ), изъ котораго нѣтъ-нѣтъ, да и выскочитъ мужицкое понятіе, *что земля можетъ быть только общинной собственностью*. Что деревня, то есть все общество, можетъ купить землю *въ вѣчность*, это понимаетъ каждый мужикъ и купленную деревней землю никто не можетъ отдать другой деревнѣ; но что-бы землю, купленную какимъ нибудь Егоренкомъ, когда выйдетъ „Новое Положеніе" насчетъ земли, нельзя было отдать деревнѣ, этого ни одинъ мужикъ понять не можетъ. Какъ бы мужикъ ни былъ нацивилизованъ, думаю, будь онъ даже богатѣйшій желѣзно-дорожный рядчикъ, но до тѣхъ поръ, пока онъ русскій мужикъ—разумѣется, и мужика можно такъ споить шампанскимъ, что онъ получитъ нѣмецкій обликъ и будетъ говорить нѣмецкія рѣчи—у него останется въ мозгу „тайничекъ". Нужно только умѣть открыть этотъ тайничекъ.

Свою ниву, которую мужикъ засѣялъ послѣ раздѣла общаго поля, точно такъ же, какъ и ниву имъ арендованную, мужикъ считаетъ своею собственностію, пока не снялъ съ нея урожая. Какъ мнѣ кажется, мужикъ считаетъ собственностію только свой трудъ и накопленіе труда видитъ только въ денежномъ капиталѣ, и вообще въ движимомъ имуществѣ.

Я уже говорилъ въ одномъ изъ моихъ писемъ, что послѣ взятія Плевны, въ народѣ начались слухи, что скоро—вотъ только война кончится—будутъ равнять землю.

Нынѣшнею осенью зашелъ ко мнѣ знакомый коновалъ, который, вотъ уже восемь лѣтъ, ежегодно четыре раза заходитъ, дѣлая свой коновальскій обходъ. Работы у меня на ту пору не случилось, но какъ не привѣтить такого нужнаго человѣка, какъ коновалъ! Разговорились.

— А что насчетъ войны слышно, А. Н.?

— Да ничего. Война кончилась.

какъ же говорить?"—„Крестьянинъ".—„Длинно, ваше—ство"—„Ну, „мужичокъ", а то какъ же это... „мужикъ!"

— То-то вотъ говорятъ, что кончилась. Мы тоже вѣдь сколько мѣстовъ пройдемъ, свѣтъ видимъ, съ разными людьми говоримъ. Всѣ говорятъ, что кончилась... Кончилась-то кончилась, да словно и не кончилась... загадочно проговорилъ коновалъ.

— А что?

— Объ дѣльцѣ объ одномъ мнѣ съ тобой нужно бы поговорить... И коновалъ сталъ собираться уходить.

Я понялъ, что коновалъ не хочетъ говорить при другихъ—мы были на кухнѣ.

— Ну, такъ выпей посошокъ.

— Благодаримъ. Это можно. Прощенія просимъ.

Я вышелъ за коноваломъ и пошелъ съ нимъ по дорогѣ въ поле.

— А что я тебя хочу спросить, обратился онъ ко мнѣ:—вы люди грамотные, вѣдомости читаете, пишутъ ли что насчетъ земли?

— Насчетъ какой земли?

— Слухъ у насъ идетъ, что землю равнять будутъ.

— Въ вѣдомостяхъ ничего не пишутъ. Да тебѣ-то что? Будутъ равнять, такъ будутъ.

— То-то, что не что̀. Видишь, въ чемъ дѣло: помѣщикъ у насъ одинъ пустошку продаетъ, проситъ дешево, по пяти рублей за десятину. Земля-то она пустая, а мнѣ бы хорошо—мужику, сами знаете, все на пользу идетъ. Деньги есть, безвинно лежатъ, ну и хотѣлось бы купить.

— Такъ что-жь? И покупай, коли деньги есть.

— То-то страшно,—слухъ идетъ, что землю равнять будутъ. Я и съ волостнымъ старшиной—онъ же мнѣ племянникъ—совѣтовался. „Погоди, говоритъ, дядя, покупать, смотри какъ бы деньги не пропали, съ новаго года ожидаютъ „Положеніе“ насчетъ земли выйдетъ—равнять будутъ“. Вотъ и боюсь.

— Чего бояться? ты всегда свои деньги изъ земли выберешь; много ли по 5 рублей съ десятины?

— Хорошо, какъ выберешь, а если не успѣешь?

— Покупай, а то надумается помѣщикъ, да заложитъ все имѣніе и съ пустошкой въ банкъ—тогда ужь за 5 рублей десятину не купишь.

— Ой ли?

— Да такъ я ужь говорю, вѣрно.

— Правда, правда; мы тоже примѣчаемъ, что всѣ паны землю подъ подъ ко́зну отдаютъ, денежки выхватываютъ.

— Ну, вотъ.

— Такъ покупать?

— Покупай.

Коновалъ былъ въ нерѣшительности, покупать или нѣтъ. Видно, что этотъ вопросъ давно его занимаетъ, и онъ, можетъ быть, нарочно ранѣе, чѣмъ обыкновенно, зашелъ ко мнѣ, чтобы переговорить.

— Я думалъ землю подъ деревню купить.

— Какъ подъ деревню?

— На деревню купчую сдѣлаемъ, а я деньги заплачу.

— Можно и такъ.

— На деревню вѣрнѣе бы.

Я говорилъ уже, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда многосемейный крестьянинъ, купивъ отдѣльный хуторокъ, сядетъ въ него, впослѣдствіи, при раздѣлѣ, образуется деревня, въ кототорой земля будетъ оставаться въ общественномъ пользованіи. На моей памяти, изъ двора вольнаго хлѣбопашца, или крестьянина, водвореннаго на собственной землѣ, какъ стали звать вольныхъ хлѣбопашцевъ съ сороковыхъ годовъ, образовалась цѣлая деревня.

Крестьяне, купившіе землю въ собственность, въ большей части случаевъ, остаются въ деревнѣ и на собственную землю не выселяются; если эти земли въ смежности съ деревней, то часто случается, что эта купленная въ собственность земля со временемъ дѣлается общественною, деревенскою, причемъ—вѣрно, однакожь, не знаю—однодеревенцы, вѣроятно, постепенно выплачиваютъ купившему затраченную имъ сумму.

Наконецъ, цѣлыя деревни пріобрѣтали земли въ общественную собственность и инымъ путемъ. Помѣщикъ, испробовавъ агрономію, машины, кормовыя травы, плодоперемѣнное хозяйство, скотоводство, батраковъ, потративъ, какія были деньженки, переходилъ къ старой системѣ хозяйства со сдачею земли на обработку кругами крестьянамъ. И если запашки у помѣщика было много, денегъ мало, а земли въ избыткѣ, то случалось устроивались такъ, что отдавали крестьянамъ въ собственность какой нибудь хуторъ, отрѣзки, пустошь, а крестьяне должны были за это извѣстное число лѣтъ обработывать землю при господской усадьбѣ.

Теперь уже не то; теперь пріобрѣтать землю такимъ путемъ стало гораздо труднѣе. Прежде всего помѣщики узнали, что такое *отрѣзки*, то есть земли, отрѣзанныя у крестьянъ, владѣвшихъ при крѣпостномъ правѣ бо̀льшимъ количествомъ земли, чѣмъ сколько имъ пришлось получить по Положенію. Теперь помѣщики очень хорошо понимаютъ, что посредствомъ этихъ „отрѣзковъ“, составляющихъ необходимость для крестьянъ, они всегда могутъ ихъ стѣснить и заставить за отрѣзки обработывать круги. Поэтому, теперь крестьянамъ купить

отрѣзокъ очень трудно, въ особенности за работу; помѣщикъ знаетъ, что и безъ того крестьяне, за право пользованія отрѣзкомъ, будутъ ежегодно работать ему столько круговъ, сколько имъ подъ силу обработать.

Затѣмъ, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, пошли въ ходъ лѣса и явился такой источникъ доходовъ, о которомъ никто не мечталъ. Поднялись въ цѣнѣ лѣса, поднялись въ цѣнѣ и земли: крупные лѣса стали вырубать, мелкіе заросли сберегать.

Наконецъ, явились банки, которые стали давать деньги подъ залогъ имѣній и тѣмъ затруднили пріобрѣтеніе крестьянами земель, потому что въ банки имѣнія закладываются въ полномъ составѣ, со всѣми отвѣзками, пустошками. Покупать цѣлыя имѣнія крестьянамъ не подъ силу, да и не сподручно, а между тѣмъ и хотѣлъ бы помѣщикъ, нуждаясь въ деньгахъ, продать какую нибудь пустошку или отвѣзокъ—нельзя. Нельзя потому, что онъ заложенъ въ составѣ всего имѣнія. Конечно, со временемъ дѣло можетъ устроиться такъ, что банки будутъ продавать земли крестьянамъ раздробительно. Сверхъ того, въ послѣднее время явилась еще поддержка—паденіе кредитнаго рубля. Это, впрочемъ, одинаково выгодно для всѣхъ земледѣльцевъ. Дѣйствительно, земля даетъ все то-же количество пудовъ льна и пеньки, ведеръ молока, кулей ржи и за все это нѣмецъ платитъ золотомъ, хотя, положимъ, и скинетъ тамъ малость. А между тѣмъ проценты въ банкъ, повинности, акцизъ платятся все тѣми же бумажками. Тотъ, кому прежде для уплаты процентовъ въ банкъ приходилось продать пятьдесятъ пудовъ масла, можетъ теперь раздѣлаться съ банкомъ, продавъ всего 25 пудовъ—много 30. Прежде, мужику, чтобы купить вина на свадьбу, нужно было за одинъ акцизъ отдать 14 пудъ пеньки, а теперь приходится отдать всего 7—10. И во всемъ такъ — только обходись своимъ, не потребляй ничего покупного, нѣмецкаго.

Но, представьте себѣ, что вдругъ кредитный рубль все будетъ падать, падать, наконецъ, упадетъ до копѣйки. Вдругъ для уплаты процентовъ въ банкъ, достаточно продать только полпуда масла, а для уплаты акциза за ведро вина—всего одинъ фунтъ пеньки. Вотъ ужъ тогда недоимокъ не будетъ! Дѣтей сколько народится—страсть!

Теперь за газету приходится отдать $4^1/_2$ пуда пеньки, [1]) а тогда всего 2 фунта! Во всѣхъ деревняхъ газеты читать станутъ.

[1]) Старики говорятъ, что пенька когда-то, еще до „раззоренія", была 2 рубля, потомъ стала дорожать и дошла до 7 рублей *ассигнаціями*, потомъ, когда пошелъ счетъ на „серебро", стоила 2 рубля, а теперь опять стала дорожать.

Зажиточно живетъ граборскій дворъ, состоящій изъ трехъ женатыхъ братьевъ. Но вотъ пошли ссоры, стали бабы точить мужей. У одного брата мальчиковъ много, у другого дѣтей нѣтъ, у третьяго всего двѣ дѣвочки. Принесъ братъ, у котораго нѣтъ дѣтей, свой весенній граборскій заработокъ и отдалъ хозяину — дѣло на виду, въ артели, утаить нельзя, это не то, что пошелъ куда нибудь въ Москву на заработокъ, гдѣ неизвѣстно, сколько заробилъ, можно частицу и жонкѣ передать. Баба начинаетъ точить: „Ишь, сколько рубахъ за весну на работѣ спарилъ—не наготовишься на тебя, а тутъ и прясть нѣкогда: большуха-то дома сидитъ, а ты, то за водой, то корму скоту задай“. Точитъ да и только, къ себѣ не принимаетъ: „неволя-жь намъ на чужихъ дѣтей работать, вонъ Бардинскій баринъ съ охотой грабору сто рублей въ годъ даетъ! бросилъ землю— и концы въ воду; чѣмъ такъ маяться, лучше-жь въ достаткѣ жить“. И пошла, и пошла точить. Сказано: бабѣ цѣна грошъ, да духъ отъ нея хорошъ. Начинаются ссоры, попреки.

Дѣло кончается тѣмъ, что граборскій дворъ раздѣляется, хорошо еще если на два, а то и на три новыхъ двора. Что въ результатѣ будетъ бѣдность,—нѣтъ никакого сомнѣнія, въ особенности, если въ дворѣ нѣтъ залежныхъ денегъ, если деревня не имѣетъ иной земли, кромѣ той, которую получила въ надѣлъ. Ко всѣмъ тѣмъ невыгодамъ отъ раздѣла, на которыя я указалъ выше—три нивы, три избы, три молебна въ праздникъ, три горшка — присоединяется еще и то, что одиночка, даже граборъ, знающій спеціальное дѣло, *не можетъ* отходить на заработокъ, не можетъ съ пользою для себя употребить свободное отъ земледѣльческихъ занятій время. Прежде дворъ отпускалъ на весенній и осенній заработокъ двухъ человѣкъ, а теперь три двора не могутъ отпустить ни одного. Другіе весною соединяются въ артели, идутъ на заработки, возвращаются съ покосу съ деньгами, а какъ пойдетъ одиночка, на кого онъ оставитъ хозяйство, особенно если есть маленькія дѣти? Только урывками, когда дома главное дѣло сдѣлано, уходитъ онъ на граборскія работы, часто въ одиночку, по близости, къ сосѣднимъ помѣщикамъ. Но хорошо, если есть граборскія работы по близости. Нуждаясь въ деньгахъ для уплаты податей, такому одиночкѣ часто, волей-неволей, приходится брать на обработку землю и покосы у помѣщика, брать съ половины.

Весною и осенью ничего, или почти ничего, на сторонѣ заработать нельзя, потому что нельзя отлучиться отъ хозяйства. Половину самаго важнаго страднаго времени приходится работать на другого. Неминуемо является бѣдность. Хлѣба нѣтъ, подати платить нечѣмъ.

А тутъ еще малыя дѣти пойдутъ, несчастье какое случится: скотина пала, лошадь украли.

Наконецъ, *земля осиливаетъ мужика*, какъ говорятъ крестьяне; а разъ земля осилила — кончено. А тутъ еще соблазнъ: вонъ, Петръ кучеромъ у барина ѣздитъ, 10 рублей въ мѣсяцъ получаетъ, въ шелковыхъ рубахахъ ходитъ; Ванька изъ Москвы въ гости пришелъ — въ пальтѣ, при часахъ и т. д...

Побившись такъ-сякъ, мужикъ рѣшается бросить землю. Если земля хороша и деревня землей дорожитъ, то мужикъ отдаетъ землю подъ міръ, который и платитъ за нее подати; если же земля плоха, такъ что за нее не стоитъ платить и міръ не соглашается взять ее подъ себя, то мужикъ отдаетъ ее въ аренду за безцѣнокъ какому-нибудь богачу на годъ, на два, пока изъ нея можно еще что-нибудь вытянуть, а затѣмъ оставляетъ пустовать и, не пользуясь ею, платятъ повинности изъ своего заработка. Если выйдетъ положеніе, что у неисправныхъ плательщиковъ будутъ отбирать земли для отдачи въ аренду, какъ объ этомъ было писано въ газетахъ, то такіе крестьяне, которые брасаютъ земли, будутъ очень рады избавиться отъ необходимости платить за земли, которыми не пользуются. Бросивъ землю, распродавъ лишнія постройки, скотъ, орудія, оставивъ для себя только огородъ и избу, въ которой живетъ жена, обыкновенно занимающаяся поденной работой, мужикъ нанимается въ батраки или идетъ въ Москву на заработки. Не посчастливилось ему, возвращается домой, но такъ какъ земли ему работать нечѣмъ и хозяйство раззорено, то онъ, поселившись въ своей холупенкѣ, занимается поденной работой; потомъ опять пытается поступить въ батраки, опять возращается, и дѣлается чаще всего пьяницей, отпѣтымъ человѣкомъ.

Но, если онъ удачно попалъ на службу къ барину, то служба его закаливаетъ и онъ предпочитаетъ обезпеченную лакейскую зависимость необезпеченной независимости. Такой крестьянинъ, который, бросивъ землю, уйдя изъ деревни и поступивъ на службу, *попалъ на линію*, въ деревню уже не возвращается и старается выписать къ себѣ жену съ дѣтьми. Попавшій на линію начинаетъ обыкновенно презирать черную мужицкую работу, предпочитаетъ болѣе легкую лакейскую службу, одѣвается по нѣмецки, ходитъ при часахъ, старается о томъ, чтобы у него было какъ можно болѣе всякой одежи; жена его стремится въ барыни и завидуетъ такой-то и такой-то товаркѣ, которая ранѣе ушла изъ деревни въ Москву, живетъ съ купцомъ и имѣетъ шесть прислугъ; или другой, которая находится въ услуженіи при хорошемъ мѣстѣ и имѣетъ семнадцать платьевъ. Дѣтей своихъ она водитъ, *какъ панинятъ*, и, хотя бьетъ, но кормитъ са-

харомъ и учитъ *мерсикать ножкой*. Мужицкой работы дѣти уже не знаютъ; когда они выростутъ, ихъ стараются опредѣлить на хорошія мѣста въ услуженіе къ чиновникамъ, гдѣ главное ихъ достоинство будетъ заключаться въ томъ, чтобы они умѣли ловко мерсикать ножкой. И мужъ, и жена, и дѣти уже стыдятся своихъ деревенскихъ родичей и называютъ ихъ *необразованными мужиками*, а тѣ отплачиваютъ имъ тѣмъ, что называютъ ихъ *батраками*. А „батракъ", это такое бранное слово, хуже котораго нѣтъ, которое выводитъ изъ себя самаго ловко-мерсикающаго ножкой мужика — тайничокъ-то русскій мужицкій у него въ мозгу еще есть!

Попасть на линію!—для этого нужно не дѣло дѣлать, а только *умѣть* подладить начальнику или барину, попасть на линію — вотъ завѣтная мечта. *Съумѣть подладить!* — вотъ на что устремляются всѣ способности и ради чего не пренебрегаютъ никакими средствами, напримѣръ, жениться для барина! Это характеристично для мужика, бросившаго землю. Бросивъ землю, онъ какъ будто теряетъ все, дѣлается лакеемъ!

Въ такихъ, попавшихъ на линію, обчиновничившихся мужикахъ, которыхъ зовутъ „человѣкъ", вы уже не увидите того сознанія собственнаго достоинства, какое видитё въ мужикѣ-хозяинѣ-земледѣльцѣ. Посмотрите на настоящаго мужика-земледѣльца. Какое открытое, честное, полное сознанія собственнаго достоинства лицо! Сравните его съ мерсикающимъ ножкой лакеемъ! Мужикъ, если онъ „ни царю, ни пану не виноватъ", ничего не боится. Мужикъ, будь онъ даже бѣденъ, но если только держится земли—удивительная въ ней, матушкѣ кормилицѣ, сила — совершенно презираетъ и попавшаго на линію и разбогатѣвшаго на службѣ у барина. „А хорошее жалованье получаютъ эти курятники—250 рублей, да еще рветъ—съ кого билетикъ, съ кого троякъ!" говорилъ мнѣ одинъ мужикъ, истинный, страстный земледѣлецъ, непомѣрной силы, непомѣрнаго здоровья, ума и хозяйственной смышлености.

— А ты бы развѣ пошелъ на эту должность?

— Я-то?

— Ну, да, ты.

— Избави меня Господи!—Я? въ батраки!

Пріѣхали ко мнѣ какъ-то мужики покупать рожь на хлѣбъ.

— Что же вы не покупаете у своего барина? спросилъ я.

— Какой у нашего барина хлѣбъ, нашъ баринъ самъ въ батракахъ служитъ!

И сколько презрѣнія было въ этихъ словахъ! Баринъ, изъ небогатыхъ, дѣйствительно, служилъ управляющимъ у сосѣдняго помѣщика.

Конечно, и теперь мужикъ, по старой привычкѣ, стоитъ безъ шапки передъ бариномъ, передъ исправникомъ, передъ волостнымъ старшиной—волостной-то еще строже, попробуй-ка передъ нимъ шапки не снять! онъ вѣдь тоже изъ мерсикающихъ передъ всякимъ начальникомъ; но вы видите въ этомъ мужикѣ, что онъ человѣкъ независимый. Мужикъ стоитъ безъ шапки, но чувствуетъ свою независимость, сознаетъ, что ему не нужно безполезно заслуживать, подлаживать. Не то съ мужикомъ, когда онъ, не осиливъ земли, бросаетъ ее и идетъ на службу къ господамъ, гдѣ и старается подладить, заслужить, попасть на линію. Тогда чувство собственнаго достоинства, увѣренность въ самомъ себѣ, въ своей силѣ, теряется, и человѣкъ тупѣетъ, мало по малу начинаетъ чувствовать, что все его благосостояніе зависитъ отъ того, насколько онъ съумѣлъ подладить, заслужить. Разъ онъ укусилъ пирожка, лизнулъ медку, ему ужь не хочется на черный хлѣбъ, на сѣрую капусту, въ черную работу, въ сѣрую сермягу. Такіе бросившіе землю, попавшіе на линію, на хорошую службу, крестьяне, обыкновенно, не возвращаются въ деревню на землю, и, если земля состоитъ за ними, когда деревня, по тяжести платежей, земли на себя не принимаетъ, то, разбогатѣвъ, вносятъ выкупную сумму за свой надѣлъ и затѣмъ или оставляютъ землю пустовать, или отдаютъ въ пользованіе родственникамъ, или, наконецъ, продаютъ въ частную собственность какому-нибудь постороннему лицу, которое пользуется, впрочемъ, ею черезполосно, по-мужицки, нивками.

Нужно замѣтить, однако, что мужики, попадающіе на службѣ на линію, люди, безъ сомнѣнія, въ извѣстномъ смыслѣ, способные, обыкновенно и сами по себѣ не любятъ земледѣлія и хозяйства, и большею частію, къ хозяйству не способны.

Но много ли такихъ счастливцевъ, которые попадаютъ на линію, въ особенности теперь, когда есть массы безсрочныхъ молодыхъ солдатъ, рѣдко возвращающихся на землю и презирающихъ необразованнаго мужика и его мужицкую работу? Поэтому, большинство бросившихъ землю крестьянъ ни на какую линію не попадаетъ и погибаетъ въ батракахъ и поденщикахъ. Что будетъ съ ихъ дѣтьми?

Бѣдность и слѣдствіе ея, обезземеленіе, большею частію происходятъ отъ раздѣловъ. Но, конечно, не всегда раздѣлъ влечетъ за собою обезземеленіе; если земли у деревни довольно, если земля хороша, въ особенности если хороши конопляники, если дворъ былъ богатъ, и при раздѣлѣ каждому досталось довольно лошадей, скота, денегъ на постройку, если при этомъ раздѣлившіеся *всѣ хорошіе хозяева*, хорошіе работники, любятъ землю, то и они могутъ оставаться до

извѣстной степени зажиточными. Конечно, это бываетъ рѣдко; обыкновенно, одинъ изъ отдѣлившихся, болѣе благопріятно обставленный, поднимается, а другіе или дѣлаются нищими безземельными батраками, или хотя и держатъ землю, ведутъ хозяйство, но вѣчно перебиваются кое-какъ, вѣчно живутъ въ самой непроглядной бѣдности. Какъ бы ни было плохо мужику, но если онъ настоящій мужикъ-хозяинъ землелюбецъ, то держится земли до послѣдней крайности и бросаетъ только тогда, когда ему вовсе ужъ не подъ силу, когда его одолѣваютъ дѣти, бѣдность. Да и тутъ онъ старается удержать свой огородъ, свою усадьбу, свою коровку и овечку, свою холупенку, въ которой могла бы жить его жена, куда онъ могъ бы придти, какъ въ свой домъ. И часто случается, что самый послѣдній бѣдствовавшій до крайности, но не бросившій земли и хозяйства, успѣваетъ какъ-нибудь вывернуться и, народивъ много сыновъ, выкормить ихъ. Когда у него подростутъ дѣти, онъ поднимается на ноги, беретъ больше земли, богатѣетъ, дѣлается зажиточнымъ хозяиномъ—вотъ и новый „богачевъ" дворъ. Потому что все дѣло въ числѣ рукъ и въ союзѣ.

Повторяю, даже при теперешнихъ неблагопріятныхъ для мужика условіяхъ, при недостаткѣ земли, при обремененіи ея огромными налогами, при крайне не экономическомъ отношеніи къ мужику начальниковъ, заставляющихъ его безполезно тратить массу силъ [1]), многосемейный домъ, въ которомъ нѣсколько молодцовъ-работниковъ и хорошій хозяинъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не раздѣлился, *пока всѣ живутъ въ союзѣ, пока работаютъ сообща*—все-таки пользуется извѣстнымъ благосостояніемъ и зажиточностію. Что же было бы если бы вся деревня въ союзѣ и сообща обработывала землю? Даже при такомъ союзѣ, какой представляютъ рабочія артели, то есть гдѣ

[1]) Я уже много разъ говорилъ о томъ, какъ не экономично поступаетъ начальство: конская повинность, сажаніе березокъ и т. п. Но вотъ еще примѣръ: въ послѣднее время пошли по деревнямъ новые порядки, *для строгости,* какъ говорятъ мужики. Требуется, напримѣръ, чтобы въ каждой деревнѣ было каждую ночь два караульныхъ, которые должны барабанить въ доски и опрашивать проѣзжающихъ. Согласитесь, не можетъ же человѣкъ, не спавшій ночь, работать днемъ; но допустимъ, что выносливый русскій мужикъ, не спавъ ночь, будетъ потомъ спать только полъ дня. Слѣдовательно, въ деревнѣ пропадаетъ ежедневно *одинъ день работы,* что стоитъ по меньшей мѣрѣ 30 к., а въ годъ это составитъ около 110 р. на деревню. Допустимъ, что, вслѣдствіе учрежденія карауловъ, конокрадство совсѣмъ уничтожится—чего, конечно, не можетъ быть, *я не думаю, чтобы оно даже уменьшилось*—выиграетъ ли деревня? Конечно, нѣтъ. Сами посудите, возможно ли, чтобы въ каждой деревнѣ ежегодно украли на 110 рублей лошадей! А сколько силы потратится на ночные караулы:

предоставляется каждому жить отдѣльно и соединяться въ артель только для веденія сообща хозяйства, причемъ каждый работаетъ въ раздѣлъ и получаетъ соразмѣрно работѣ, даже и при такомъ артельномъ хозяйствѣ, результаты получились бы замѣчательные.

Все дѣло *въ союзѣ*. Вопросъ объ артельномъ хозяйствѣ я считаю важнѣйшимъ вопросомъ нашего хозяйства. Всѣ наши агрономическія разсужденія о фосфоритахъ, объ многопольныхъ системахъ, объ альгаузскихъ скотахъ и т. п., просто смѣшны, по своей, такъ сказать, легкости.

У меня это не какое нибудь теоретическое соображеніе. Занимаясь восемь лѣтъ хозяйствомъ, страстно занимаясь имъ, достигнувъ въ своемъ хозяйствѣ, могу сказать, блестящихъ результатовъ, убѣдившись, что земля наша еще очень богата (а когда я садился на хозяйство, то думалъ совсѣмъ противное), изучивъ помѣщичьи и крестьянскія хозяйства, я пришелъ къ убѣжденію, что у насъ первый и самый важный вопросъ—есть вопросъ объ артельномъ хозяйствѣ. Каждый, кто любитъ Россію, для кого дорого ея развитіе, могущество, сила, долженъ работать въ этомъ направленіи. Это мое убѣжденіе, здѣсь, въ деревнѣ, выросшее, окрѣпшее. Мало того, я, вѣря въ русскаго человѣка, убѣжденъ, что это такъ и будетъ, что мы, русскіе, именно совершимъ это великое дѣяніе, введемъ новые способы хозяйничанья. Въ этомъ то и заключается самобытность, оригинальность нашего хозяйства. Что мы можемъ сдѣлать, идя по слѣдамъ нѣмцевъ? развѣ не будемъ постоянно отставать? И, наконецъ, полнѣйшая непримѣнимость у насъ нѣмецкой агрономіи развѣ не доказываетъ, что намъ необходимо нѣчто самобытное?

Вотъ почему въ одной изъ моихъ статей [1]), я говорилъ про крестьянское хозяйство: „хлѣба никогда не хватаетъ на прокормленіе, а чуть неурожайный годъ, крестьяне уже съ декабря начинаютъ покупать хлѣбъ. А между тѣмъ, дайте въ мои руки ту же землю, тотъ же трудъ, то же количество скота — и въ нѣсколько лѣтъ, я поставлю хозяйство на такую ногу, что хлѣба нетолько хватитъ для прокормленія, но еще и продать будетъ что. Стоитъ только для этого уничтожить нивки, раздѣлять землю на десятины *и обработывать землю сообща*. Я нетолько твердо убѣжденъ въ этомъ, но знаю, что съ этимъ согласится каждый крестьянинъ. Зажиточность нераздѣлившихся дворовъ развѣ не доказываетъ этого?“

Описавъ тамъ же мое хозяйство, я закончилъ статью слѣдующимъ образомъ: „я достигъ въ своемъ хозяйствѣ, можно сказать,

[1]) „Изъ исторіи моего хозяйства“, напеч. въ „Отеч. Зап.“, 1878 г.

блестящихъ результатовъ;—но будущее не принадлежитъ такимъ хозяйствамъ, какъ мое. Будущее принадлежитъ хозяйствамъ тѣхъ людей, которые будутъ *сами обработывать* свою землю и вести хозяйство не единично, каждый самъ по себѣ, *но сообща*". И далѣе я говорю: „когда люди, обработывающіе землю собственнымъ трудомъ, додумаются, что имъ выгоднѣе вести хозяйство сообща, то и земля и все хозяйство неминуемо перейдутъ въ ихъ руки".

И додумаются.

Всѣ крестьяне сознаютъ, что жить большими семьями выгоднѣе, что раздѣлы причиною обѣдненія, а между тѣмъ все-таки дѣлятся. Есть же, значитъ, этому какая нибудь причина? Очевидно, что въ семейной крестьянской жизни есть что то такое, чего не можетъ переносить все переносящій мужикъ. Не въ мужикѣ ли оно? Вотъ у мѣщанъ, у купцовъ дѣлежей гораздо меньше—тамъ вся семья работаетъ сообща: одинъ братъ дома торгуетъ, другой по уѣзду ѣздитъ, третій въ кабабѣ сидитъ и всѣ стремятся къ одному — сорвать, надуть, объегорить. Не оттого ли мужикъ дѣлится, не оттого ли стремится къ отдѣльной, самостоятельной жизни, что онъ болѣе человѣкъ, болѣе поэтъ, болѣе идеалистъ?

Если бы крестьянскія семьи, расходясь жить по разнымъ домамъ или по разнымъ угламъ дома — бываетъ иногда, когда не начто выстроить новую избу, что живутъ и въ одной избѣ въ разныхъ углахъ — въ то же время не раздѣляли хозяйства и сообща обработывали землю, подобно тому, какъ это бываетъ въ купеческихъ семействахъ, гдѣ иногда, раздѣлившись и живя въ разныхъ домахъ, все-таки ведутъ торгъ сообща — то уже одно это имѣло бы громадное значеніе. Но я даже не видалъ такихъ попытокъ, и трудно предположить, чтобы люди, озлобленные другъ противъ друга, какъ это всегда бываетъ при раздѣлахъ, могли согласиться на общее дѣло. Гораздо скорѣе согласятся на это чужіе, даже цѣлая деревня, чѣмъ раздѣлившаяся семья. Мнѣ часто случается сдавать крестьянамъ покосы изъ части, на томъ условіи, чтобы убирали сообща и затѣмъ дѣлили готовое сѣно. Дѣло всегда идетъ отлично. Такъ, одна сосѣдняя деревня ежегодно коситъ у меня съ половины довольно большой лугъ, и коситъ *всей деревней*, потому что послѣ покоса этимъ лугомъ и прилегающими пустошами деревня пользуется для выгона лошадей и скота. Крестьяне сначала хотѣли убирать лугъ въ раздѣлъ, нивками, каждый дворъ отдѣльно — такъ убираютъ они свои собственные луга и лугъ сосѣдняго помѣщика — но я на это не согласился. Теперь, когда привыкли, оно уже такъ и идетъ изъ году въ годъ и сами крестьяне довольны, потому что при покосѣ сообща

весь лугъ убирается сразу, до Казанской, когда крестьяне еще не приступили къ своимъ покосамъ, и скорѣе поспѣваетъ для выгона, тогда какъ при покосѣ въ раздѣлъ, тотъ, другой могутъ опоздать покосомъ, затянуть, и неубранная нивка будетъ препятствовать выгону скота. На покосъ деревня выходитъ вся за разъ; тотчасъ—это совершается чрезвычайно быстро — дѣлятъ часть луга на нивки по числу косъ и затѣмъ каждый коситъ отдѣльно свою нивку; кончили одинъ участокъ, переходятъ на другой, который тоже дѣлятъ по числу косъ и каждый гонитъ свою долю и т. д. Весь лугъ скашивался за разъ, хотя и въ раздѣлъ, по нивкамъ. Я этому не препятствую, потому что это не производитъ никакой разницы въ хозяйственномъ отношеніи. Косить сообща, огульно, идя въ одинъ рядъ, крестьяне ни за что не соглашаются, потому что, говорятъ они, въ деревнѣ косцы *не равные,* не всѣ косятъ одинаково хорошо, а такъ какъ сѣно дѣлится по числу косъ, то выйдетъ несправедливо. На уборку сѣна деревня высылаетъ людей по числу косъ и уже эта работа производится сообща, причемъ распоряжается одинъ изъ крестьянъ, пользующихся довѣріемъ деревни: онъ смотритъ, чтобы всѣ хорошо работали и клали копны равной величины. Затѣмъ, половина копенъ перевозится ко мнѣ, а другую половину крестьяне дѣлятъ между собою по числу косъ.

Мнѣ случается также сдавать покосы изъ части не цѣлой деревнѣ, а небольшимъ артелямъ изъ четырехъ, пяти человѣкъ. Такъ какъ въ артель подбираются по взаимному согласію *ровные* между собою косцы, то они уже вовсе не дѣлятъ покосъ на нивки, даже для косьбы, но косятъ сообща, всѣ подрядъ, убираютъ вмѣстѣ, и сѣно дѣлятъ по числу косъ. Такъ, ныньче, пять человѣкъ изъ сосѣдней деревни косили у меня *съ половины клеверъ* на лядахъ сообща и дѣлили сѣно по косамъ.

Замѣчу здѣсь кстати, что многіе думаютъ, будто крестьяне не понимаютъ выгоды клевера и, по рутинѣ, всегда предпочтутъ луговой покосъ клеверу. Ни чуть не бывало: сосѣдніе крестьяне тотчасъ поняли, что клеверъ отличный кормъ—овса конямъ не нужно—что его очень выгодно косить и убирать, особенно если онъ хорошъ, и какъ только я предложилъ ныньче косить у меня запольный клеверъ съ половины, тотчасъ нашлись охотники, не смотря на то, что клеверъ былъ посѣянъ по пшеницѣ на лядѣ, гдѣ множество пней, лому, кустиковъ и, несмотря еще на то, что я требовалъ, чтобы работали сообща, не раздѣляя на нивки. Да еще какъ скосили! Всѣ листочки цѣлы. Правда, что и клеверъ былъ хорошъ; на лядахъ всегда родится замѣчательный клеверъ. Мужики потомъ хвастались въ де-

ревнѣ, что у нихъ нынче не сѣно, а клеверъ съ тимоѳеевкой; въ этой деревнѣ своихъ луговъ нѣтъ, и мужики берутъ, гдѣ можно, пустошки на скосъ съ части или покупаютъ. Разумѣется, тѣ, которые косили у меня клеверъ, хотя и съ половины, наготовили корму болѣе, чѣмъ другіе, да и кормъ-то лучшаго качества.

— Ишь ты! клеверъ все таскаютъ! съ завистью говорили другіе крестьяне, купившіе для покоса пустошки, поросшіе бѣлоусомъ и кушаницей.

— И таскаемъ—не вашей щетинѣ чета!

— Артельщики!

— И артельщики. Потому у насъ союзъ!

Однако, сколько мнѣ ни случалось сдавать покосовъ маленькимъ артелямъ, всегда въ артель подбирались люди изъ разныхъ дворовъ и никогда не соединялись люди изъ одного раздѣлившагося двора. Раздѣлившіеся никакъ не могутъ соединиться для общаго хозяйственнаго дѣла, и нигдѣ нѣтъ такой зависти, такой недоброжелательности, какъ между раздѣлившимися, хотя, съ другой стороны, при отраженіи врага, напримѣръ, въ дракѣ, раздѣлившіеся, несмотря на вѣчныя ссоры между собой, дѣйствуютъ чрезвычайно согласно и хуже нѣтъ, какъ попасть подъ кулаки раздѣлившихся братьевъ.

— А! вы брата моего бить вздумали! кричитъ въ кабакѣ одинъ изъ отдѣлившихся братьевъ, и бросается на помощь къ своему брату, съ которымъ по хозяйству ежедневно ссорятся за самые пустяки. Тоже и въ деревнѣ: несмотря на развитіе индивидуализма, на ссоры, зависть, являющуюся больше всего отъ желанія всѣхъ *прировнять*— чуть дѣло коснулось общаго врага: помѣщика, купца, чиновника— всѣ стоятъ какъ одинъ. Смѣшонъ тотъ, который думаетъ, что въ деревнѣ, раздѣляя, можно властвовать. Помѣщику, купцу и хозяйничать невозможно, не понимая, что относительно деревни нужно дѣйствовать такъ, чтобы всей деревнѣ, а не какому нибудь Осипу, было выгодно.

Конечно, нужда, голодъ, неисходная бѣдность заставляютъ иногда и раздѣлившихся братьевъ прибѣгать къ соглашеніямъ. Случается, напримѣръ, что два раздѣлившіеся брата, живущіе отдѣльными хозяйствами, въ виду необходимости сторонняго заработка, такъ какъ иначе съ голоду умирать приходится, соединаются вмѣстѣ, нанимаются къ сосѣднему помѣщику въ батраки, двое за одного, и работаютъ понедѣльно: одну недѣлю у помѣщика работаетъ одинъ братъ, а другой работаетъ у себя дома; другую недѣлю работаетъ у помѣщика другой братъ.

Есть еще одно, очень важное, имѣющее огромное значеніе обстоя-

тельство, которое часто бываетъ причиною несостоятельности одиночныхъ хозяйствъ—это *неспособность въ работѣ, неспособность къ хозяйству*, неспособность только вслѣдствіе недостаточной умственности въ извѣстномъ направленіи. Это обстоятельство чрезвычайно важное и еще болѣе подтвержаетъ необходимость и важность артельнаго хозяйства.

Иные думаютъ, что достаточно родиться мужикомъ, съ малолѣтства пріучаться къ мужицкимъ работамъ, чтобы быть хорошимъ хозяиномъ, хорошимъ работникомъ. Это совершенно не вѣрно. Хорошихъ хозяевъ очень мало, потому что отъ хорошаго хозяина требуется чрезвычайно много. „Хозяйство вести — не портками трясти; хозяинъ, говорятъ мужики, загадывая одну работу, долженъ видѣть другую, третью". „Хозяйство водить — не разиня ротъ ходить". И между крестьянами есть много такихъ, которые не только не могутъ быть хорошими хозяевами, не только не могутъ работать иначе, какъ за чужимъ загадомъ, но даже и работать хорошо не умѣютъ.

Мало этого, есть много людей, которые, хотя и способны работать, *но не любятъ хозяйства*. Душа его къ хозяйству не лежитъ, не любитъ онъ его, а интересуется чѣмъ нибудь совсѣмъ другимъ.

Кому не случалось видѣть въ деревнѣ такъ называемыхъ *дурачковъ?* Я говорю не о такихъ дурачкахъ, юродивыхъ, божьихъ людяхъ, которые ходятъ по міру и собираютъ копѣечки, а о тѣхъ дурачкàхъ и дýрочкахъ, которые живутъ при семьяхъ, въ дворахъ, и занимаются, по мѣрѣ способностей, работами.

Я знаю одного дурачка отъ рожденія, который не можетъ научиться рубить дрова. Пойдетъ, когда пошлютъ, а иногда и самъ задумаетъ, рубитъ, но какъ? Иногда и хорошо рубитъ, но большею частію никакъ не можетъ разрубать трех-аршинное бревно—думаетъ въ это время, должно быть, о чемъ нибудь другомъ—на три равныя полѣна: то отрубитъ полѣно въ пол-аршина, то въ три вершка; то въ два аршина—всѣ дрова перепортитъ.

Знаю еще дурачка, который отлично плететъ лапти, отлично колетъ, отлично пашетъ, но все это дѣлаетъ только, когда ему вздумается, если же заупрямится, то никакой силой его заставить работать нельзя. Пашетъ онъ отлично, но пашетъ чорезъ всѣ нивы подърядъ, и свои, и чужія—прекрасный бы пахарь былъ при общемъ хозяйствѣ!

Знаю здѣсь въ деревнѣ дѣвушку—въ лицо взглянуть, видно, что сумасшедшая — которая отлично работаетъ, но совершенно механически, не зная, что и къ чему.

Знаю мужика-хозяина, который имѣетъ свой дворъ—бѣдный, ко-

нечно, единственный бѣдный въ богатой деревнѣ—который прекрасно исполняетъ всякія работы, даже плотницкія, окна присаживать можетъ, который былъ бы отличнымъ батракомъ и прекрасно исполнялъ бы всякую работу по чужому загаду. А между тѣмъ, самъ онъ, за своимъ загадомъ, ничего дѣлать не можетъ и по хозяйству ничего не понимаетъ: сѣна, напримѣръ, высушить не умѣетъ. Разъ косилъ онъ у меня съ половины лужокъ; выкосилъ отлично, подъ руководствомъ старосты отлично высушилъ сѣно, сгребъ въ копны, перевезъ мою часть въ сарай, а свою оставилъ на лугу—завтра перевезу. На несчастье, пошелъ ночью дождикъ и погода перемѣнная стала: то дождь, то солнце. Что же? недѣли двѣ возился онъ съ своими копнами—то растрясетъ подъ дождь, то сгребетъ сырое. Мы успѣли въ это время отлично убрать большой лугъ и наложить два звена сѣна, а онъ все возится съ своими копнами — никакъ подладить не можетъ.

Знаю одного мужика, молодца, отличнаго работника, теперь уже бросившаго землю и раззорившаго дворъ, у котораго жена, здоровая, сильная, нельзя сказать, чтобъ очень глупая, а даже старательная женщина, ничего не умѣетъ работать: не можетъ нажать своевременно столько ржи, сколько нужно для прокормленія семейства—у людей все сжато, а у нея еще стоитъ, другія бабы нажинаютъ въ день три да четыре копны, а она еле успѣваетъ сжать одну. Ленъ мнетъ: другія бабы наминаютъ отъ 30 фунтовъ до пуда, а она 10—15 фунтовъ, да и мнетъ такъ плохо, столько спускаетъ льна въ костру, что ей можно платить, лишь бы она не ходила мять.

Есть у насъ одинъ дворовый человѣкъ, Филатъ, очень способный на всякія ремесла, хотя ни одного хорошо не знаетъ — неоцѣнимый для деревни человѣкъ, потому что онъ и рамы сдѣлаетъ, и стекла вставитъ, и комнаты обоями оклеитъ, и печку, въ случаѣ нужды, сложитъ, и посуду вылудить можетъ, словомъ, мастеръ на всѣ руки. Филатъ, какъ бывшій дворовый, земли не имѣетъ и хозяйствомъ не занимается, но онъ держитъ корову, овецъ, и самъ заготовляетъ для нихъ сѣно. Ежегодно онъ беретъ у меня лужки на скосъ съ части и вотъ уже восемь лѣтъ смотрю я съ удивленіемъ на его уборку сѣна: никакъ не можетъ подладить, развѣ уже недѣлю, двѣ стоитъ такая звонкая погода, что всякій дуракъ уберетъ сѣно. А то, чуть погода перемѣнная, какъ это у насъ обыкновенно бываетъ — смотришь, Филатъ сѣно спарилъ. На томъ же лугу, рядомъ съ Филатомъ, люди убираютъ прекрасное сѣно, а у него нѣтъ, нѣтъ, и попортилось: то разобьетъ не во-время, то сгребетъ сырое, спѣшитъ, никакъ въ такту не попадаетъ. Да мало того, что сѣно дрянь—на каж-

дый пудъ сѣна у Филата идетъ, по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе труда, чѣмъ у другихъ.

Если, съ одной стороны, возьмемъ дурачка, который не можетъ нарубить дровъ, а съ другой—отличнаго мужика-хозяина, у котораго всякое дѣло спорится, который можетъ загадывать работу на огромную артель, то между этими двумя крайностями существуетъ безчисленное множество степеней. Если, съ одной стороны, полные дурачки рѣдки, то не многимъ менѣе рѣдки и особенно замѣчательные хозяева. Преобладаютъ средніе люди и въ числѣ ихъ наибольшій контингентъ составляютъ люди, механически выучившіеся, вслѣдствіе постояннаго упражненія съ малолѣтства, болѣе или менѣе хорошо работать, неспособные единично вести самостоятельное хозяйство, а способные работать только подъ чужимъ загадомъ, подъ чужимъ руководствомъ.

Пока семья не раздѣлилась, то за загадомъ хорошаго хозяина, или *за общимъ загадомъ всѣхъ*, въ *общей* работѣ, всѣ хорошо дѣлаютъ свое дѣло, работа идетъ споро и даже дурачекъ, если онъ не совершенный идіотъ, приноситъ свою пользу. Но раздѣлилось семейство — а глуповатыхъ бабы еще скорѣе подобьютъ на раздѣлъ — хозяевами дѣлаются люди, неспособные къ хозяйству. Конечно, умѣя работать, такой хозяинъ все дѣлаетъ по общему деревенскому загаду: люди пахать—и онъ пахать, люди сѣять—и онъ сѣять. Но въ частностяхъ дѣло не спорится, нѣтъ хозяйственнаго соображенія, нѣкому загадать. И здоровъ, и силенъ, и работать умѣетъ, а все не то; работаетъ много, а дѣло выходитъ, какъ у того Филата, которому каждый пудъ сѣна обходится вдвое дороже, чѣмъ другимъ. Эта неспособность къ хозяйству причиною, что даже въ зажиточныхъ деревенькахъ, стоящихъ въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, всегда встрѣчается одинъ-два бѣдняка, хозяйство которыхъ рѣзко отличается отъ другихъ. И это даже тогда, когда всѣ живутъ въ одной деревнѣ, сообща владѣютъ землей, ведутъ одинаковое хозяйство, многое дѣлаютъ по общему загаду — время сѣва, напримѣръ, всегда опредѣляется съ общаго совѣта — работаютъ на нивкахъ, недалеко отстоящихъ одна отъ другой. Разсадите же тѣхъ людей на отдѣльные участи земли, гдѣ каждый будетъ вести самостоятельное хозяйство, что тогда будетъ? Положительно можно сказать, что деревня и общинное владѣніе землей спасаетъ многихъ малоспособныхъ къ хозяйству отъ окончательнаго раззоренія.

Лучшимъ доказательствомъ служатъ помѣщичьи хозяйства, въ которыхъ теперь, за невозможностію, какъ при крѣпостномъ правѣ, имѣть хорошихъ хозяевъ, бурмистровъ и старостъ, сплошь да ря-

домъ ведется такое хозяйство, что массы труда засаживаются въ землю совершенно безполезно, иногда даже вредно, такъ что цѣнность имѣнія не увеличивается, а уменьшается отъ такого нелѣпаго хозяйства. Неспособность къ хозяйству теперь доставляетъ главный контингентъ батраковъ, и будетъ доставлять до тѣхъ поръ, пока у крестьянъ не разовьется артельное хозяйство. Встрѣтить между батраками, даже между старостами, человѣка съ хозяйственною головою, способнаго быть хорошимъ хозяиномъ, необыкновенная рѣдкость. Не оттого ли слово „батракъ" считается такимъ обиднымъ? И замѣчательно, что съ каждымъ годомъ количество способныхъ къ хозяйству и даже способныхъ вполнѣ хорошо работать батраковъ уменьшается. Человѣкъ, способный къ хозяйству, теперь развѣ только случайно можетъ попасть въ батраки.

Чтобы быть хозяиномъ, нужно любить землю, любить хозяйство, любить эту черную, тяжелую работу. То не пахарь, что хорошо пашетъ, а вотъ то пахарь, который *любуется* на свою пашню.

А мало ли между крестьянами встрѣчается такихъ людей, которые не склонны къ хозяйству!

Ну, какой хозяинъ можетъ быть изъ человѣка, который не любитъ пахать осенью, потому что скучно, и если пашетъ, то пашетъ плохо, кое-какъ, лишь бы поскорѣе отдѣлаться; напротивъ, весною любитъ пахать, хорошо пашетъ, потому что весною весело пахать — „птички разныя, жаворонки играютъ". Какой же это хозяинъ?

Между пастухами часто встрѣчаются такіе люди: не умѣетъ ни пахать, ни косить, выучиться этому не могъ, лѣнивъ, ни къ какому дѣлу хозяйственному неспособенъ, недоумокъ повидимому, а между тѣмъ пастухъ отличнѣйшій, любитъ скотъ, до совершенства знаетъ его нравъ, отлично нагуливаетъ, проводя со скотомъ цѣлые дни подъ дождемъ, на вѣтру.

Охотники тоже: „ну, стоитъ ли цѣлый день таскаться за какимъ нибудь тетеревомъ, за котораго 20 копѣекъ получишь? сказалъ я какъ-то одному мужику-охотнику, принесшему мнѣ тетерева.

— Двадцать копѣекъ! да развѣ въ двадцати копѣйкахъ дѣло. Тутъ охота. Вы вотъ до телятъ охоту имѣете, а мнѣ хоть ихъ и не будь. Тутъ охота, а не двадцать копѣекъ!—Вы этого не понимаете, обидѣлся мужикъ.

У насъ въ деревнѣ есть мужикъ, Ефёръ, молодой, большого роста, силы непомѣрной, когда напьется, всѣхъ разобьетъ—отлично можетъ исполнять всякую работу, добрѣйшей души человѣкъ, такой человѣкъ, что нельзя его не любить, и вся деревня его любитъ, хотя и подсмѣиваются надъ нимъ всѣ. У Ефёра страсть ко всѣмъ живот-

нымъ: голубямъ, курамъ, лашадямъ, собакамъ; все, что касается животныхъ, онъ знаетъ отлично, все у него водится отлично, всѣ животныя его любятъ. Ефёръ самъ хозяинъ, .жена его, которую онъ очень любитъ, въ такомъ же родѣ, какъ онъ; дѣтей цѣлая куча и здоровенныя. Ефёръ самый бѣднѣйшій изъ крестьянъ деревни. Бѣдность во дворѣ страшнѣйшая, избушка покачнулась, дворъ безъ крыши; ни телеги, ни возжей, ни опрянуться самому. А между тѣмъ, дворъ полонъ голубей, самыхъ разнообразныхъ породъ; куры всякихъ сортовъ; собака, которая цѣлый день рыщетъ, отыскивая себѣ пропитанья, а на ночь возвращается караулить дворъ, въ которомъ и караулить-то нечего. У Ефёра нѣтъ никакого интереса къ хозяйству, никакого хозяйственнаго разсчета. Кобыла у него старая-престарая, которую давно бы слѣдовало продать на живодерню, а Ефёръ не продаетъ—жалко. Жеребка у него есть; самъ не доѣстъ, хлѣба въ домѣ нѣтъ, дѣти по деревнѣ около другихъ дѣтей питаются, а жеребку воспитываетъ, да и какая жеребка отличная! Сѣна къ веснѣ нѣтъ, да и откуда будетъ сѣно? — люди на покосѣ, а Ефёръ дома куръ на рѣчку гоняетъ поить, съ голубями возится, дѣтямъ раковъ ловитъ. Ефёръ по пудикамъ занимаетъ у сосѣдей, перебивается. На работу Ефёръ нельзя сказать, чтобы былъ лѣнивъ, а не охочъ, въ особенности не любитъ зависимой работы, и потому нанимается на работу только при послѣдней крайности. Въ прошедшую голодную зиму, вслѣдствіе совершенной невозможности пропитаться дома — въ „кусочки“ ни Ефёръ, ни его семейство ни за что не пойдутъ, совѣстно, потому что деревня хоть и не богата, но всетаки ни недоимокъ нѣтъ, и въ кусочки никто не ходитъ — Ефёръ заставился ко мнѣ на зиму работникомъ на скотный дворъ. Отличный бы работникъ для скотнаго двора: до скота охочъ, добръ къ животинѣ, любитъ накормить, примѣчателенъ, и ему до извѣстной степени удобно, деревня близко, можно и домой сходить, женку, дѣтей, жеребку, куръ, голубей посмотрѣть. Семь лѣтъ я не могъ развести на скотномъ дворѣ голубей—не ведутся какъ-то, коршакъ ѣстъ. Несмотря на всѣ старанія состоящаго при скотномъ дворѣ мальчика Матюшки, которому мною былъ отданъ строгій приказъ развести голубей, который и самъ хотѣлъ имѣть голубей, что мы ни дѣлали, голуби не велись—коршакъ ѣстъ. Заводили и короткоклювыхъ, по поросенку за голубя давалъ, заводили и простыхъ — не идутъ на руку. Сталъ Ефёръ на зиму—сейчасъ завелись голуби—сначала появились простые, потомъ хохлатые разные, короткоклювые, мохноногіе, какіе-то банбенскіе; потомъ куры разныя, пѣтухъ какой-то необыкновенный, съ перьями на ногахъ, такъ что еле ходитъ, проявился. Думалъ я

совсѣмъ оставить у себя Ефёра, пока дѣти его подростутъ; предлагалъ выгодныя для него условія.

— Съ жалованья будешь дѣтей кормить, огородъ жена обдѣлаетъ, сѣнца овечкамъ накосить лужокъ тебѣ дамъ, землю зупустишь, а потомъ, когда Самсонъ (сынъ Ефёра) подростетъ, опять подымешь. Земля отдохнетъ,—хлѣбъ-то какой пойдетъ.

— А съ кобылой-то какъ быть?

— Кобылу и жеребку я у тебя куплю. На эти деньги потомъ новую купишь.

— А заведеніе все?

— Да какое же у тебя заведеніе?

— Куры тоже, овечки, свинья.

— Ну, это все при женѣ останется.

Посыкнулся было Ефёръ въ годъ остаться, но потомъ раздумалъ. Мало того, даже до лѣта на скотномъ дворѣ не выжилъ. Пришла весна, заиграли ручейки, разлились рѣки. Просится Ефёръ домой.

— Куда ты пойдешь, жрать что будешь? До Ильи вѣдь далеко.

— Пахать нужно.

— Когда еще пахать—черезъ мѣсяцъ еще пахать.

— Нельзя, А. Н., соху наладить нужно.

И ушелъ, взявъ на остальныя заработанныя деньги четверку ржи. Потомъ, конечно, бѣдствовалъ, перебивался кое-какъ. Съ пробужденіемъ природы, Ефёръ уже не могъ оставаться у меня на скотномъ дворѣ и кормить скотъ заведеннымъ порядкомъ: его тянуло къ рѣчкѣ, ловить рыбу и раковъ, которыми онъ главнымъ образомъ и пропитывалъ дѣтей; его тянуло въ поле, въ лѣсъ, гдѣ весело играютъ всякія птушки...

Ушелъ Ефёръ — съ нимъ улетѣли и голуби. Остались какихъ-то двѣ несчастныя пары, которыя, сколько ни вывели за лѣто дѣтей, всѣхъ коршунъ подралъ.

И счастливъ же ныньче Ефёръ! Весна была такая благодатная, какая можетъ быть только въ сто лѣтъ разъ. Хлѣбъ озимый родился превосходно и, чѣмъ хуже была унавожена земля, чѣмъ хуже обработана, чѣмъ рѣже была зелень съ осени, тѣмъ лучше уродилась рожь, потому что не полегла. У Ефёра была чуть ли не лучшая рожь въ деревнѣ.

И сколько такихъ Ефёровъ! И какое бы значеніе имѣли эти Ефёры, перебивающіеся теперь кое-какъ, въ хозяйственныхъ земледѣльческихъ артеляхъ, гдѣ каждому нашлось бы дѣло, къ которому лежитъ его душа! Потому что вѣдь Еферовъ интересуютъ не *ихъ* голуби, не *ихъ* жеребки, а всѣ голуби, всѣ жеребки.

Въ настоящее время, вопросъ о крестьянской землѣ, о крестьянскихъ надѣлахъ сдѣлался вопросомъ дня. Всѣ изслѣдованія, какъ извѣстно, приводятъ къ тому, что крестьянскіе надѣлы слишкомъ малы и обременены слишкомъ большими налогами. Огромныя недоимки, частыя голодовки, быстрое увеличеніе числа безземельныхъ, которые, бросивъ землю, уничтоживъ хозяйство, распродавъ дворы, уйдя изъ деревень, только номинально считаются общинниками, а въ дѣйствительности такіе же безземельные, какъ и тѣ, неполучившіе надѣловъ, которые такъ и пишутся безземельными—ясно доказываютъ, что дѣло не совсѣмъ ладно. Наконецъ, и самые ходящіе въ народѣ слухи, что скоро выйдетъ „Новое Положеніе", указываютъ на трудное положеніе крестьянства. Вопросъ видимо созрѣваетъ.

Я не статистикъ, не политико-экономъ, не публицистъ, а такъ себѣ, занимающійся хозяйствомъ землевладѣлецъ, вращающійся въ маленькомъ мірке и описывающій то, что подмѣтилось. Все, что я пишу, относится къ той маленькой мѣстности, которую я знаю; если же выходитъ такъ, что въ другихъ мѣстахъ то же самое, то это потому, что одинаковыя условія порождаютъ одинаковыя явленія. Прошу поэтому читателя быть нетребовательнымъ къ этимъ деревенскимъ очеркамъ.

Что крестьяне надѣлены недостаточнымъ количествомъ земли, что они обременены налогами—это несомнѣнно. Точно также несомнѣнно для меня, что это затѣсненіе крестьянъ, не принося пользы землевладѣльцамъ, наноситъ огромный вредъ государству, потому что огромныя пространства земель остаются теперь непроизводительными, необработанными, а трудъ, который употребляется на обработку остальныхъ земель, вслѣдствіе неразумнаго его приложенія, не приноситъ того, что могъ бы приносить. Мы бѣдны, все у насъ идетъ ни такъ, ни сякъ, денегъ нѣтъ, а между тѣмъ, поѣзжайте, посмотрите, какія пространства лежатъ необработанными, заросшими лознякомъ и всякой дрянью. Но вотъ что главное: эти небывшія еще въ культурѣ земли содержатъ въ себѣ массы питательнаго матеріала, и, при самой поверхностной, грубой обработкѣ, могутъ дать огромныя богатства. Но кто же, кромѣ мужика, можетъ извлечь эти богатства?

И я, деревенскій хозяинъ, и исправникъ, выбивающій недоимки, и комиссіи, изслѣдовавшія причины несостоятельности крестьянъ, не можемъ не видѣть, что крестьяне надѣлены недостаточнымъ количествомъ земли, такъ что даже уменьшеніе налоговъ будетъ только пальятивною мѣрой.

Первое, что бросается въ глаза, это то, что во многихъ деревняхъ крестьяне получили въ надѣлъ *менѣе* того количества земли,

какое у нихъ было въ пользованіи при крѣпостномъ правѣ. Вся лишняя, за указаннымъ надѣломъ, земля была отрѣзана во владѣніе помѣщика и составила такъ. называемыя *отрѣзки, зацѣпки, зацѣпныя земли*. Гдѣ есть отрѣзки, тамъ и крестьяне бѣднѣе, и недоимокъ болѣе; очень часто можно видѣть, что деревни, даже неимѣющія полнаго надѣла, но получившія то количество земли, какимъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ, живутъ зажиточнѣе, чѣмъ тѣ деревни, которыя, хотя и получили полный надѣлъ, но у нихъ были отрѣзки; отъ этого же случается иногда видѣть, что крестьяне, которые хорошо жили при крѣпостномъ правѣ, теперь обѣднѣли, а тѣ, которые были при крѣпостномъ правѣ бѣдны, теперь живутъ лучше.

Это совершенно понятно. Ясно, что при крѣпостномъ правѣ помѣщикъ, особенно если у него не было недостатка земли, оставлялъ въ пользованіи крестьянъ такое количество земли, которое обезпечивало бы исправное отбываніе повинностей по отношенію къ помѣщику и казнѣ. Если въ пользованіи крестьянъ было много земли, то это значитъ, что или земля не хороша, или не было у крестьянъ хорошихъ луговъ, недостатокъ которыхъ нужно было наполнить плохими пустошами, или деревня лежала отдѣльно, не въ связи съ господской запашкой, окруженная чужими землями, такъ что нуждалась въ выгонѣ. При надѣленіи крестьянъ, лишняя, противъ положенія, земля была отрѣзана и этотъ отрѣзокъ, существенно необходимый крестьянамъ, поступивъ въ чужое владѣніе, стѣснилъ крестьянъ уже по одному своему положенію, такъ какъ онъ обыкновенно охватываетъ ихъ землю узкой полосой и прилегаетъ ко всѣмъ тремъ полямъ, а потому, куда скотина ни выскочитъ, непремѣнно попадетъ на принадлежащую пану землю. Сначала, пока помѣщики еще не понимали значенія отрѣзовъ, и тамъ, гдѣ крестьяне были попрактичнѣе и менѣе надѣялись на „новую волю“, они успѣли пріобрѣсти отрѣзки въ собственность, или за деньги, или за какую-нибудь отработку; такіе теперь сравнительно благоденствуютъ. Теперь же, значеніе отрѣзовъ всѣ понимаютъ и каждый покупатель имѣнія, каждый арендаторъ, даже неумѣющій по-русски говорить нѣмецъ, прежде всего смотритъ, есть ли отрѣзки, какъ они расположены и насколько затѣсняютъ крестьянъ. У насъ повсемѣстно за отрѣзки крестьяне обработываютъ помѣщикамъ землю—именно работаютъ круги, то есть на своихъ лошадяхъ, съ своими орудіями, производятъ, какъ при крѣпостномъ правѣ, полную обработку во всѣхъ трехъ поляхъ. Оцѣниваются эти отрѣзки—часто, въ сущности, просто ничего не стоющіе—не по качеству земли, не по производительности ихъ, а лишь по тому, насколько они *необходимы* крестьянамъ, насколько они ихъ *затѣс-*

няютъ, насколько возможно *выжать* съ крестьянъ за эти отрѣзки. Понятно, что все это зависитъ отъ множества разнообразныхъ условій.

Добро бы еще эти отрѣзки сдавались крестьянамъ за арендную плату деньгами, а то нѣтъ—непремѣнно подъ работу. И что всего нелѣпѣе: очень часто вся эта работа не приноситъ помѣщику, вслѣдствіе его неумѣлаго хозяйства, никакой пользы и безплодно для всѣхъ зарывается въ землю. Въ нашей мѣстности я одинъ только примѣръ и знаю, что крестьяне платятъ за отрѣзки деньгами, да и то только потому, что имѣніе находится въ арендѣ у купца, который хозяйствомъ не занимается и въ крестьянской полевой работѣ не нуждается. И опять-таки, пускай и работой платятъ за отрѣзки, еслибы крестьяне за отрѣзки производили какія-нибудь осеннія, зимнія или весеннія работы, а то нѣтъ,—каждый норовитъ, чтобы за отрѣзки работали круги, да еще съ покосомъ, или убирали лугъ, жали хлѣбъ, то есть производили работу въ самое дорогое, неоцѣнимое по хозяйству страдное время.

Выше я старался разъяснить, какое значеніе имѣетъ для земледѣльца страдное время съ 1-го іюля по 1-е сентября, и какъ для него важно въ это время работать *на себя*, потому что это страдное время готовитъ на весь годъ. А тутъ за отрѣзки мужикъ долженъ работать на пана самое дорогое время. Для многосемейныхъ зажиточныхъ крестьянъ, у которыхъ во дворахъ много работниковъ и работницъ, много лошадей и исправная снасть, отработать за отрѣзки кружокъ или полкружка еще ничего, но для одиночекъ-бѣдняковъ, у которыхъ мало лошадей, обработка кружковъ—чистое раззоренье. „Богачъ"-то и пользуется съ отрѣзковъ больше, потому что, имѣя деньги, онъ купитъ весною пару бычковъ за дешевую цѣну у своихъ же однодворцевъ, нуждающихся въ хлѣбѣ, пуститъ ихъ на общую уругу и, когда отгуляются, къ осени продастъ. Тутъ каждый отгулявшійся бычокъ принесетъ „богачу" по пятеркѣ, мало по трояку—вотъ у него работа за отрѣзокъ и окупилась. Да еще мало того, „богачъ" обыкновенно только земляную весеннюю работу въ кружкѣ производитъ самъ—самъ только вспашетъ, засѣетъ, навозъ вывезетъ—а на страдную работу, покосъ, жнитво, онъ нанимаетъ за себя какого-нибудь безземельнаго бобыля, бобыльку, или еще проще, раздавъ зимою и весною въ долгъ хлѣбъ бѣднякамъ, выговариваетъ за магарычъ извѣстное число дней косьбы или жнитва и посылаетъ такихъ должниковъ жать на господскомъ полѣ. „Богачи" всегда главные заводчики дѣла при съёмѣ кружковъ, они-то всегда и убѣждаютъ деревню взять отрѣзки подъ работу. Бѣдняки и уперлись бы — „ну, какъ-нибудь и безъ кружковъ обойдемся, пусть штрахи беретъ, много

ли у насъ коней, мы на своей уругѣ прокормимъ“ — уперлись бы, понажали бы владѣльца отрѣзковъ, заставили бы его сдѣлать уступку, такъ какъ отрѣзки, не возьми ихъ деревня, никакого дохода владѣльцу не принесутъ, да что съ „богачами“ подѣлаешь? „А вотъ я самъ одинъ возьму отрѣзки, скажетъ богачъ:—я не пану чета, у меня будете работать, я знаю что къ чему“. Да и что могутъ говорить бѣдняки противъ „богача“, когда всѣ ему должны, всѣ въ немъ нуждаются, всѣ, не сегодня, такъ завтра, придутъ къ нему кланяться: хлѣба нѣтъ, соли нѣтъ, недоимками нажимаютъ. Вся деревня ненавидитъ такого богача, всѣ его клянутъ, всѣ его ругаютъ за-глаза; самъ онъ знаетъ, что его ненавидятъ, самъ строится посреди деревни, втѣсняясь между другими, потому что боится, какъ бы не спалили, если выстроится на краю деревни. Но не скажу—грѣхъ огульно во всѣхъ бросать камень—бываютъ и „богачи“ артельные, союзные, мірскіе люди, міру радѣтели; деревню, гдѣ есть такой „богачъ“, ни помѣщикъ не затѣснитъ, ни купецъ, ни кулакъ-кабатчикъ какой-нибудь; такія деревни быстро поправляются, богатѣютъ, и нужно сказать, что сосѣдному владѣльцу, если онъ понимаетъ хозяйское дѣло, ведетъ настоящее хозяйство и не слишкомъ баринъ, такія деревни гораздо сподручнѣе.

Положеніе крестьянъ, получившихъ въ надѣлъ ту землю, которой они владѣли [1]) при крѣпостномъ правѣ, у которыхъ, слѣдовательно, не было отрѣзковъ—нѣсколько иное, пожалуй, лучшее, но и тутъ есть своего рода загвоздки.

Такіе пользовавшіеся при крѣпостномъ правѣ меньшимъ количествомъ земли крестьяне обыкновенно были крестьяне помѣщиковъ средней руки, и деревни ихъ примыкали своими полями къ господскимъ запашкамъ. Есть, конечно, деревни, у которыхъ земля особенно хороша, имѣются заливные луга, отличные огороды и проч., вслѣдствіе чего помѣщикъ могъ оставлять въ пользованіи крестьянъ меньше земли; но есть деревни, въ которыхъ ничего этого нѣтъ, а земли въ пользованіи крестьянъ при крѣпостномъ правѣ было все-таки мало. Такія деревни—обратите на это вниманіе—своими землями всегда прилегаютъ къ господскимъ землямъ. Въ крѣпостное время крестьяне такихъ деревень, сверхъ *своей* земли, *пользовались еще и господскими землями:* крестьянамъ во время работъ отводились за яровымъ господскіе лужки для прокормленія лошадей, во время вывозки навоза

[1]) Слѣдовало бы сказать „пользовались“, но мы, помѣщики, еще при крѣпостномъ правѣ до такой степени привыкли говорить „крестьянская земля“, крестьяне владѣютъ этой землей“, что даже, *узнавъ изъ „Положенія“*, что это „наша“ земля, по старой привычкѣ, все продолжаемъ дѣлать описки.

тоже отводились лужки, въ покосъ мужицкія лошади кормились на выкошенныхъ лугахъ, да кромѣ того, каждый пригонникъ могъ, хотя и подъ страхомъ наказанія, увезти охапочку сѣнца для своихъ коней. Послѣ уборки луговъ и полей, крестьянскія лошади и скотъ ходили по господскимъ лугамъ и пустошамъ. Наконецъ, въ случаѣ крайности, помѣщикъ давалъ корму для лошадей или помогалъ въ работѣ на господскихъ поляхъ своими лошадьми, особенно при бороньбѣ и возкѣ.

Въ настоящее время установился такой порядокъ: чтобы пополнить недостатокъ въ лугахъ, крестьяне берутъ у помѣщиковъ покосы съ части; чтобы пополнить недостатокъ выгоновъ и приволья, берутъ на обработку кружки за извѣстную плату, но съ тѣмъ, чтобы пользоваться правомъ выгона. Положеніе нѣсколько лучшее, чѣмъ въ тѣхъ деревняхъ, которыя должны работать господскую землю за отрѣзки, потому что все-таки получаются кое-какія деньги за работу, да и нажать помѣщикъ такъ сильно не можетъ, такъ какъ, если поля смежны, стало быть, и господская скотина тоже можетъ зайти на крестьянскую землю. Но все же и тутъ лучшую часть времени приходится употреблять для работъ на чужомъ полѣ.

Какъ ни кинь, все клинъ. Ясно, что у мужика земли мало.

И добро бы помѣщичьи хозяйства процвѣтали! Можно бы тогда указать на высокое развитіе земледѣлія, скотоводства, на богатство, на государственную пользу. А то и того нѣтъ; крестьяне затѣснены, помѣщикамъ отъ этого пользы никакой, земледѣліе въ упадкѣ и состоитъ въ переливаніи изъ пустого въ порожнее, паны ушли на службы. Государство бѣдно. Кому же, спрашивается, польза?

Вонъ, говорятъ, какой-то лордъ подсмѣивается, что скоро въ Петербургѣ пара перчатокъ будетъ стоить сто рублей. И что-жь? И правда! Только одно и утѣшаетъ, что мы—лордъ-то этого и *понять* не можетъ—если будутъ перчатки дороги, просто на просто, *не будемъ носить перчатокъ*. Да и многіе ли теперь ихъ носятъ?

Я уже не разъ говорилъ въ моихъ статьяхъ, что наши помѣщичьи хозяйства пришли въ совершеннѣйшій упадокъ, что всѣ хозяйства сократили свои запашки, запустили свои земли, и большею частію обработываютъ лишь то количество земли, какое могутъ обработать за отрѣзки, или при сдачѣ земли на обработку кружками. Это очень характеристично. Это показываетъ, какъ существенно отличается наше хозяйство отъ западно-европейскаго, гдѣ у народа *вовсе* нѣтъ земли. Отчего же наша агрономія можетъ существовать не иначе, какъ на казенный счетъ? Отчего же наши агрономы мо-

гутъ *только служить?* Отчего же они не могутъ создать *своей* самостоятельной агрономической науки?

А оттого, что имъ для этого прежде всего нужно сдѣлаться мужиками, потому что все хозяйство въ мужицкихъ рукахъ.

У насъ можно по пальцамъ перечесть имѣнія, въ которыхъ ведется обширное батрачное хозяйство съ хорошей обработкой земли, съ искуственными лугами, хорошимъ скотоводствомъ, имѣнія, въ которыхъ земли не пустуютъ непроизводительно. Всѣ такія имѣнія на перечетъ и счетъ ихъ не трудно: одно, два, три... не обчелся ли? Существованіе такихъ хозяйствъ совершенно дѣло случая и, если опредѣлить *чистую* доходность такихъ имѣній, то часто она будетъ нуль, а иногда и отрицательная величина, такъ какъ хозяйство ведется просто для удовольствія—для „охоты". Всѣ подобныя хозяйства слѣдуетъ отбросить и принимать въ соображеніе только тѣ, которыя составляютъ массу и которыя характеризуютъ помѣщичье хозяйство настоящаго времени.

Прошло уже семнадцать лѣтъ послѣ „Положенія", а помѣщичье хозяйство нисколько не подвинулось; напротивъ того, съ каждымъ годомъ оно болѣе и болѣе падаетъ, производительность имѣній болѣе и болѣе уменьшается, земли все болѣе и болѣе дичаютъ. Ни выкупныя свидѣтельства, ни проведеніе желѣзныхъ дорогъ, ни вздорожаніе лѣсовъ, за которыя владѣльцы послѣднее время выбрали огромныя деньги, ни возможность получать изъ банковъ деньги подъ залогъ имѣній, ни столь выгодное для земледѣльцевъ паденіе кредитнаго рубля, ничто не помогло помѣщичьимъ хозяйствамъ стать на ноги. Деньги прошли для хозяйства безслѣдно. А главное, до сихъ поръ для помѣщичьихъ хозяйствъ нѣтъ основъ, нѣтъ почвы: это, такъ сказать, флюгарки.

Землевладѣльцы въ своихъ имѣніяхъ не живутъ и сами хозяйствомъ не занимаются, всѣ находятся на службѣ, денегъ въ хозяйство не даютъ—что урвалъ, то и съѣлъ—ни въ одномъ хозяйствѣ нѣтъ оборотнаго капитала. Усадьбы, въ которыхъ никто не живетъ, разрушились, хозяйственныя постройки еле держатся, все лежитъ въ запустѣніи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ особенно хорошихъ имѣній, въ которыхъ имѣются обширные заливные луга, имѣній, на которыя находятся арендаторы, дающіе владѣльцамъ самыя ничтожныя суммы, всѣ другія находятся подъ управленіемъ прикащиковъ, старостъ, разныхъ *вышедшихъ на линію* людей, презирающихъ необразованнаго мужика, людей, жены которыхъ стремятся имѣть прислугъ, ходить какъ барыни, водить дѣтей, какъ панинятъ, и учить ихъ мерсикать ножкой. За отсутствіемъ служащихъ владѣльцевъ, эти

ничего въ хозяйствѣ не понимающіе услуживающіе прикащики суть настоящіе хозяева имѣній. На нихъ-то и работаютъ затѣсненные землей мужики!

Большая часть земли пустуетъ подъ плохимъ лѣсомъ, зарослями, лозникомъ въ видѣ пустырей, на которыхъ нѣтъ ни хлѣба, ни травы, ни лѣсу, а такъ растетъ мерзость всякая. Какіе есть покосишки, сдаются въ части, а земли пахатной обработывается столько, сколько можно заставить обработать сосѣднихъ крестьянъ за отрѣзы или за деньги, съ правомъ пользоваться выгонами. Всѣ эти хозяйства, какъ выражаются мужики, только и держатся *на затѣсненіи* крестьянъ. Обработка земли производится крайне дурно, кое-какъ, лишь бы отдѣлаться: хозяйственнаго порядка нѣтъ, скотоводство въ самомъ плачевномъ состояніи, скотъ навозной породы мерзнетъ въ плохихъ хлѣвахъ и кормится въ проголодь, урожаи хлѣба плохіе. Производительность имѣній самая ничтожная и вовсе не окупаетъ того труда, который употребляется на обработку земли. Доходъ получается самый ничтожный. Изъ этого дохода нужно уплатить повинности, истратить кое-что на ремонтъ построекъ, уплатить прикащику и другимъ служащимъ. За исключеніемъ всѣхъ этихъ расходовъ, владѣльцу остается ужасно мало, да еще хорошо, если *что-нибудь* останется, а то большею частью ничего не остается; иногда же на содержаніе хозяйства идутъ еще доходы съ арендныхъ статей, напримѣръ, съ мельницы, а бываетъ и то, что владѣлецъ даже приплачиваетъ изъ своего жалованія, получаемаго на службѣ. Въ сущности, хозяйства эти даютъ содержаніе только прикащикамъ, которые, а въ особенности ихъ жены, *барствуютъ* въ этихъ имѣніяхъ, представляя самый ненавистный типъ лакеевъ-паразитовъ, ушедшихъ отъ народа, презирающихъ мужика и его трудъ, мерсикающихъ ножкой передъ своими господами, которые, въ свою очередь, мерсикаютъ въ столицахъ, неимѣющихъ ни образованія, ни занятій, ни даже простого хозяйственнаго смысла и готовящихъ своихъ дѣтей въ такіе же лакеи-паразиты.

Я положительно недоумѣваю, для чего существуютъ эти хозяйства: мужикамъ—затѣсненіе, себѣ—никакой пользы. Не лучше ли бы прикрыть всякое хозяйство и отдать землю крестьянамъ за необидную для нихъ плату? Единственное объясненіе, которое можно дать—то, что владѣльцы ведутъ хозяйство только для того, чтобы констатировать право собственности на имѣніе.

Мнѣ, можетъ быть, не повѣрятъ. Какъ же, скажутъ, въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ существуютъ агрономическія общества, которыя имѣютъ засѣданія, пренія, обсуждаютъ разные вопросы раціональной агрономіи, издаютъ журналы и т. п. Читая эти

отчеты о засѣданіяхъ, выставкахъ, читая эти ученыя статьи, эти ученыя описанія раціонально-агрономически устроенныхъ имѣній нельзя, казалось бы, усомниться, что помѣщичье хозяйство сильно двинулось впередъ и развивается съ каждымъ годомъ.

Но если вы, подготовленный этою агрономическою литературою, поѣдете въ провинцію и, минуя города, гдѣ для васъ, если вы имѣете извѣстность агронома, устроятъ и засѣданія, и пренія, на которыхъ будутъ толковать о клеверахъ, викахъ и т. п., если, минуя города, вы отправитесь въ дѣйствительныя хозяйства и будете смотрѣть ихъ не изъ вагона, то вы будете поражены. Ни плуговъ, ни скорификаторовъ, ни альгаузскихъ скотовъ, ни тучныхъ пажитей и полей, а, главное, никакого дохода. Пустыри, пустыри и пустыри, а, если гдѣ и увидите болтающихъ господскую землю крестьянъ, затѣсненныхъ недостаткомъ земли, то что же въ этомъ толку? Даже и въ болѣе или менѣе благоустроенныхъ имѣніяхъ, даже и въ нихъ, если нѣтъ постороннихъ доходовъ, все держится только на *необыкновенной, ненормальной дешевизнѣ* труда!

А и земля хороша, можетъ отлично вознаграждать трудъ. Основъ нѣтъ, почвы подъ ногами у хозяевъ нѣтъ. Вотъ почему я и говорю, что у этихъ хозяйствъ нѣтъ будущности.

Не вѣрите тому, что я говорю о нашихъ хозяйствахъ, послушайте что пишетъ (№ 1 газеты „Скотоводство“) одинъ агрономъ, В. Е. Постниковъ, осматривавшій хозяйства нашей губерніи: „такихъ хозяевъ (помѣщиковъ), которые бы получали удовлетворительный доходъ отъ своихъ имѣній, собственнымъ веденіемъ дѣла, здѣсь немного: они на перечетъ. Большинство перебивается арендными статьями съ имѣній, оброками съ крестьянъ, службой, наконецъ, продаетъ лѣса и проживаетъ оставшіеся капиталы“. Вотъ что говоритъ свѣжій сторонній человѣкъ, осматривавшій наши хозяйства не изъ окна вагона.

Да, дѣйствительность всюду окажется не тою, какою можно ее себѣ представить, читая отчеты нашихъ агрономическихъ обществъ, состоящихъ изъ культурныхъ чиновниковъ. Всюду ложь, фальшь—безсознательная, конечно—такая же фальшь, какъ интересъ какихъ-нибудь сибирскихъ инородцевъ къ классическому образованію. Кто же засѣдаетъ въ этихъ ученыхъ обществахъ?—культурные чиновники, которые никакимъ хозяйствомъ не занимаются и настоящаго положенія вещей не знаютъ. Кто пишетъ отчеты, статьи? Кто прѣетъ? Опять тѣ же чиновники. А если попадетъ въ столицѣ въ „собраніе хозяевъ“ какой-нибудь „Прокопъ“ изъ провинціи, который знаетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ, такъ и тотъ, по пословицѣ, „съ

волками жить, по волчьи выть", начинаетъ вторить—мастера мы на это удивительные, именно мастера *вторить*—втягивается въ общую ложь и вретъ, вретъ, вретъ; и плуги-то у насъ гогенгеймскіе, и скоты симентальскіе, и вику-то мы сѣемъ, и табакъ-то мы разводимъ, и, соревнуя о народномъ образованіи, „хозяйственныя бесѣды" для народа на земскій счетъ издаемъ. Чудеса разведетъ.

А тутъ получаешь газету и читаешь: „Вязьма" (корреспонденція „Новаго Времени"). Въ настоящее время въ рукахъ у слѣдователя находится баснословное дѣло: „*объ организованной шайкѣ шулеровъ и игрѣ краплеными картами въ вяземскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ*". Вотъ тебѣ и на! Вотъ ужъ прискорбное явленіе, такое прискорбное!

Итакъ, съ одной стороны, „мужикъ", хезяйство котораго не можетъ подняться отъ недостатка земли, а, *главное,* отъ разъединенности хозяйственныхъ дѣйствій членовъ общинъ; съ другой стороны, ничего около земли не понимающій „панъ", въ хозяйствѣ котораго стѣсненный другой мужикъ по пусту болтаетъ землю.

И у того, и у другого затрачивается безполезно громадная масса силы. То же количество пудо-футовъ работы, какое ежегодно расходуется теперь, будь оно приложено иначе, дало бы въ тысячу разъ болѣе. Чего же ожидать? Чего же удивляться, что государство бѣдно? Какія финансовыя мѣры помогутъ тамъ, гдѣ страдаютъ самыя основы, гдѣ солнечныя лучи тратятся на производство никому ненужной лозы, гдѣ громадныя силы безплодно зарываются въ землю.

Ну, и дойдемъ до того, что пара перчатокъ будетъ стоить сто рублей! Наше счастье, наша сила только въ томъ, что мы можемъ обойтись и безъ перчатокъ.

И крестьяне все это видятъ и понимаютъ. „Зачѣмъ панамъ земля, говорятъ они,—коли они около земли не понимаютъ, коли они хозяйствомъ не занимаются, коли земля у нихъ пустуетъ. Вѣдь это *Царю убытокъ,* что земля пустуетъ".

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что, будь крестьяне надѣлены землей въ достаточномъ количествѣ, производительность громадно увеличится, государство станетъ очень богато. Но скажу все-таки, что если крестьяне не перейдутъ къ артельному хозяйству и будутъ хозяйничать каждый дворъ въ одиночку, то и при обиліи земли между земледѣльцами-крестьянами будутъ и безземельные, и батраки. Скажу болѣе: полагаю, что разница въ состояніяхъ крестьянъ будетъ еще значительнѣе, чѣмъ теперь. Несмотря на общинное владѣніе землей, рядомъ съ „богачами" будетъ много обезземеленныхъ фактически батраковъ — что же мнѣ или моимъ дѣтямъ въ томъ, что я имѣю

право на землю, когда у меня нѣтъ ни капитала, ни орудій для обработки—это все равно, что слѣпому дать землю—ѣшь ее!

Я говорилъ выше, что главная причина обѣднѣнія при раздѣлахъ лежитъ въ томъ, что тутъ дѣлится и земля, и хозяйство; затѣмъ, каждый обзаводится своимъ домкомъ, вслѣдствіе чего интересы чрезвычайно съуживаются и устремляются на этотъ свой домокъ. Я не думаю, чтобы можно было ожидать, что крестьяне скоро перейдутъ къ артельной обработкѣ своей надѣльной земли, потому что такое соединеніе людей, уже раздѣлившихся и обзаведшихся домками, дѣло чрезвычайно трудное. Еще тамъ, гдѣ ненужно навоза, легче можетъ быть достигнуто соединеніе земли для артельной обработки, но разъ нуженъ навозъ, необходимо общее содержаніе скота, общее заготовленіе корма и пр. Не скоро еще могутъ дойти крестьяне до такого соглашенія, потому что для этого нужно, чтобы сильно поднялся уровень ихъ образованія.

Я увѣренъ, что гораздо скорѣе можно разсчитывать на соединеніе крестьянъ для артельнаго арендованія и артельной обработки стороннихъ земель, напримѣръ, цѣлыхъ помѣщичьихъ имѣній въ полномъ ихъ составѣ. Мы знаемъ, что крестьяне чрезвычайно легко соединяются въ артели для работъ на сторонѣ и устраиваютъ свои артельныя дѣла чрезвычайно практично. Почему же бы они не могли соединяться для артельнаго арендованія цѣлыхъ имѣній съ полнымъ хозяйствомъ, т. е. постройками, скотомъ? Слышно, что даже есть уже примѣры подобныхъ артельныхъ арендъ.

Обработка такихъ арендованныхъ артелями имѣній могла бы производиться на тѣхъ же началахъ, какія лежатъ теперь въ основаніи рабочихъ артелей: сообща производились бы только такія работы, которыя иначе производить нельзя, напримѣръ, вывозка навоза, молотьба, и т. п., всѣ работы, которыя, безъ ущерба дѣлу, могутъ быть производимы въ раздѣлъ, и производились бы въ раздѣлъ, причемъ, каждый обрабатывалъ бы столько, сколько ему подъ силу, соотвѣтственно количеству рабочихъ рукъ, лошадей. Продуктъ дѣлить соотвѣтственно количеству работы—по косамъ, сохамъ и пр. Собственно говоря, тутъ относительно способа работы нѣтъ ничего новаго для крестьянъ, потому что и теперь, когда крестьяне работаютъ у помѣщика съ половины или работаютъ круги за отрѣзки или за деньги, обработка производится подобнымъ же образомъ.

Деревня беретъ на обработку, положимъ, десять круговъ за общей круговой порукой съ извѣстной платой за кругъ, которая и выдается всей деревнѣ. Хозяинъ далѣе ничего не знаетъ; онъ только распоряжается работой и смотритъ, чтобы она болѣе или менѣе хорошо про-

изводилась. Деревня сама дѣлаетъ раскладку и опредѣляетъ, кто сколько будетъ работать: кто кругъ, кто полкруга, кто четверть. Нѣкоторыя работы, напримѣръ, вывозка навоза, молотьба, производятся сообща, причемъ деревня сама опредѣляетъ, сколько должно быть выставлено на кругъ лошадей, рабочихъ, подростковъ и проч., а уравненіе при общей работѣ происходитъ подъ общимъ наблюденіемъ. Люди такъ изощрились, что, если, напримѣръ, взвѣсить возы навоза, то окажется, что на каждую лошадь положено одинаковое количество. Остальныя работы, напримѣръ, пахота, жнитво, производятся въ раздѣлъ, а для другихъ, напримѣръ, сѣва, бороньбы—соединяются только работающія части круговъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя сдѣлать полнаго уравненія, бросаютъ жребій [1]). Полученная за работу плата дѣлится по кругамъ. Точно также производилась бы обработка при артельномъ арендованіи имѣній.

Я бы не сталъ и говорить объ этомъ предметѣ, еслибы не видалъ попытокъ къ этому и не былъ убѣжденъ въ возможности осуществленія. Есть много примѣровъ, что крестьяне сообща, цѣлыми деревнями, арендуютъ помѣщичьи имѣнія и хутора. Самый обыкновенный случай, что арендуютъ такія имѣнія, въ которыхъ хозяйство было вовсе запущено, постройки и скотъ уничтожены. Тутъ деревня собственно арендуетъ кусокъ земли, которымъ сообща пользуется, какъ выгономъ, а покосами и пахатной землей пользуется въ раздѣлъ нивками, какъ и своей надѣльной землей, съ тою только разницей, что арендованную землю не удобряетъ. Болѣе подходящій случай представляетъ обработка земли изъ полу. Вся деревня или артель однодеревенцевъ беретъ имѣніе изъ полу урожая хлѣба и сѣна. Обработка производится, какъ обработка круговъ—нѣкоторыя работы дѣлаются сообща, другія въ раздѣлъ; половина урожая поступаетъ владѣльцу, другая половина дѣлится между артельщиками по числу круговъ, обрабатываемыхъ каждымъ. Разница здѣсь только въ томъ, сравнительно съ обработкой круговъ на деньги, что вмѣсто опредѣленной денежной платы получается неопредѣленная плата урожаемъ. При обработкѣ изъ полу, владѣлецъ самъ завѣдуетъ хозяйствомъ, имѣетъ своего старосту, самъ ведетъ скотоводство, потому крестьяне здѣсь никакой самосостоятельности не имѣютъ и относятся къ дѣлу спустя рукава.

[1]) При раздѣлѣ сѣна, напримѣръ, по косамъ дѣлается такъ: всѣ сообща накладываютъ возы, стараясь по возможности уровнять ихъ; затѣмъ, бросаютъ жребій, кому какой возъ взять и каждый запрягаетъ свою лошадь въ доставшійся ему возъ. Во время накладки возовъ, постоянно идетъ споръ. Но бросили жребій, и уже тогда споровъ нѣтъ, развѣ какой-нибудь „жадный“ станетъ обижаться, что его возъ меньше. „Тогда бы смотрѣлъ, какъ накладывали“, скажутъ ему.

Наконецъ, есть примѣры арендованія крестьянами имѣній въ полномъ составѣ. Деревня взяла въ аренду имѣніе съ постройками, скотомъ за опредѣленную плату и ведетъ хозяйство самостоятельно. Для охраненія построекъ, собранныхъ продуктовъ—зерна, сѣна и проч.—деревня нанимаетъ *сторонняго* человѣка, нѣчто въ родѣ старосты, на обязанности котораго лежитъ также присмотръ за работами, чтобы работа производилась каждымъ артельщикомъ добросовѣстно, а также присмотръ за скотникомъ. Староста только смотритъ за исполненіемъ, а хозяйственныя распоряженія производятся съ общаго совѣта всѣхъ артельщиковъ, которые съ общаго согласія опредѣляютъ, гдѣ, что, когда сѣять и пр. Замѣчательно, что этого старосту деревня не выбираетъ изъ своей среды, но нанимаетъ на сторонѣ, чтобы это дѣйствительно былъ сторонній человѣкъ, ничего общаго съ членами артели не имѣющій. Нанимаютъ старосту съ общаго согласія послѣ тщательнаго обсужденія на сходкѣ: кто-нибудь предлагаетъ нанять такого то, другіе говорятъ свои мнѣнія о немъ, и, обсудивъ, рѣшаютъ сообща, конечно, безъ баллотировки, нанять того или другого. Скотника нанимаютъ такимъ же порядкомъ. Обработку земли въ арендованномъ имѣніи крестьяне производятъ подобно тому, какъ и обработку круговъ, т. е. каждый обработываетъ такое количество, *какое ему подъ силу*. Часть работъ—возка навоза, молотьбы, покосъ—производится сообща, другія работы въ раздѣлъ; нечего говорить, что пропорціональное уравненіе роботъ доведено до самой мелочной, щепетильной точности, и никто, полагаю, не сдѣлаетъ лишняго пудофута работы противъ другихъ. Изъ добытыхъ продуктовъ, въ имѣніи оставляется вся солома и такое количество сѣна, какое необходимо для прокормленія скота; остальное сѣно дѣлится между артельщиками по числу косъ. Весь хлѣбъ молотится въ имѣніи; часть продается для уплаты аренды, а остальное дѣлится между артельщиками, по числу круговъ, которое каждый обработываетъ.

Конечно, такой способъ артельнаго веденія хозяйства далекъ до идеала, но я и этому придаю огромное значеніе, потому что это шагъ впередъ.

Для крестьянъ такое артельное арендованіе имѣній выгодно уже потому, что даетъ заработокъ вблизи, не отлучаясь на сторону, не отвлекаясь отъ собственнаго хозяйства, что для одиночекъ притомъ и невозможно. Кромѣ того, разъ крестьяне сошлись для артельнаго арендованія имѣнія, то дѣлается гораздо болѣе вѣроятнымъ, что, видя на дѣлѣ пользу отъ артельной обработки земли сообща, отъ содержанія скота сообща и пр., они скорѣе бы переходили къ артельной обработкѣ и своихъ надѣловъ, къ общинному хозяйству; скорѣе бы

уничтожилась та рознь, тѣ эгоистическія отношенія, которыя существуютъ въ деревняхъ.

Мнѣ разсказывали, что крестьяне деревни, арендующей имѣніе, о которомъ я сообщилъ, отличаются замѣчательною дружбою. Говорятъ, напримѣръ, что никогда нельзя встрѣтить кого-либо изъ крестьянъ этой деревни одного въ кабакѣ, а если вздумаетъ деревня погулять, то, въ свободное отъ работъ время, всѣ идутъ въ кабакъ вмѣстѣ и гуляютъ сообща; говорятъ, что эта артель никогда не оставитъ своего однодеревенца пьянымъ въ кабакѣ и никого изъ своихъ не дастъ въ обиду. Разсказываютъ, что, если кто-либо изъ крестьянъ этой деревни встрѣтитъ гдѣ-нибудь подходящую работу, то беретъ ее, рядится за всю деревню и, если нужно дать задатокъ, а у него нѣтъ денегъ, то онъ идетъ къ богачу изъ своей деревни и беретъ сколько нужно. Работу потомъ выполняютъ цѣлой деревней и, говорятъ, никогда не случалось, чтобы деревня отказалась отъ работы—хотя бы впослѣдствіи оказавшейся невыгодною — если подрядился одинъ изъ однодеревенцевъ.

Конечно, такихъ, выражаясь по-мужицки, *союзныхъ* деревень мало. Какую бы огромную пользу могли принести интеллигентные люди, желающіе заниматься земледѣліемъ, поселяясь въ деревняхъ и образуя между собою подобныя артели!

Выучившись работать — а безъ этого ничего не будетъ — они могли бы образовывать свои артели для аренды имѣній, и какимъ бы отличнымъ примѣромъ для крестьянъ служили эти артельныя хозяйства цивилизованныхъ людей.

Но для этого нужно умѣть работать, нужно умѣть работать такъ, какъ умѣетъ работать земледѣлецъ-мужикъ. Нужно выработать въ себѣ такія качества, чтобы стать способнымъ обходиться въ жизни безъ мужика, нужно пріобрѣсти мужицкія ноги, руки, глаза, уши. Нужно выработать себя такъ, чтобы хозяинъ-*мужикъ сдгласился нанять тебя въ батраки и далъ бы ту же цѣну, какую онъ даетъ батраку изъ мужиковъ*. Достигнуть этого возможно. Уѣзжать въ Америку не нужно. Учиться работать нужно у мужика, работая среди мужиковъ, на ряду съ ними и при той же, по возможности, обстановкѣ. Несутъ же—должны нести — интеллигентные люди солдатскую службу наравнѣ съ мужикомъ. Не милуютъ же ихъ въ траншеяхъ подъ Плевной! Между интеллигентными людьми процентъ годныхъ въ земледѣльческую работу, по моему мнѣнію, не менѣе, чѣмъ между мужиками. Я убѣжденъ—убѣдился въ этомъ на опытѣ—что при добромъ желаніи сдѣлаться земледѣльцемъ, при неустанной работѣ, здоровый, сильный, ловкій, неглупый человѣкъ изъ интелли-

гентнаго класса можетъ въ *два года* пріобрѣсти качества *средняго* работника изъ мужиковъ, даже, пожалуй, можетъ сдѣлаться — если онъ особенно внимателенъ—способнымъ обходиться безъ мужика, т. е. будетъ умѣть сдѣлать себѣ топорище, грабли, присадить косу и соху, сдѣлать борону, съумѣть убить и обдѣлать скотину, выѣздить лошадь, срубить даже избенку. Если въ *два года*, при постоянной работѣ, онъ не достигнетъ качествъ средняго батрака-рабочаго, то, значитъ, у него чего нибудь да не хватаетъ, значитъ, онъ нѣчто въ родѣ того, что у мужиковъ называется „Божій человѣкъ". Многимъ, можетъ, покажется слишкомъ малымъ назначаемый мною срокъ *два года*, слишкомъ малымъ, въ виду того, что для достиженія степени магистра химіи или званія лекаря нужно тринадцать лѣтъ, но я имѣю въ виду то, что тутъ будетъ дѣйствовать собственная охота, да еще то, что при воспитаніи интеллигентныхъ людей они *все-таки* нѣсколько пріучаются къ физической ловкости, дѣятельности: игры, драки и т. п.; въ этомъ отношеніи, бурсаки будутъ имѣть перевѣсъ надъ кадетами, а кадеты надъ гимназистами. Разумѣется, чтобы сдѣлаться *магистромъ-земледѣльцемъ*, такимъ, какими бываютъ *настоящіе* мужики-земледѣльцы, нужно тоже лѣтъ тринадцать, нужно тоже учиться съ малолѣтства.

По моему мнѣнію, и для землевладѣльцевъ-помѣщиковъ самое выгодное было бы сдавать свои имѣнія въ аренду крестьянскимъ артелямъ. Я говорилъ уже, что помѣщики большею частію состоятъ на службѣ, исполняютъ разныя функціи такъ называемыхъ правящихъ классовъ, начиная съ должности прокурора и кончая должностью публициста, литератора и т. п., и сами хозяйствомъ не занимаются. Большинство, даже съ хорошихъ имѣній, гдѣ есть заливные луга, получаетъ самый ничтожный доходъ; многіе и вовсе съ имѣній никакого дохода не получаютъ, иногда даже за удовольствіе имѣть хозяйство приплачиваютъ. Доходность мала, потому что хозяйство ведется дурно и большая часть доходовъ поглощается администраціей. Сначала, доходы еще были выше, пока возможно было пользоваться старымъ тукомъ земли, пока были цѣлы старыя постройки, возведенныя при крѣпостномъ правѣ, пока прикащики могли по маленьку пустошить лѣса, пока не перевелся хорошій скотъ и т. п. Но теперь, чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, и есть даже отличнѣйшія съ заливными лугами имѣнія, которыя раззорены и запущены. Владѣльцы теперь сами видятъ, что дѣло такъ идти не можетъ, и ищутъ арендаторовъ, которымъ сдаютъ имѣнія за самыя ничтожныя суммы. А арендаторъ нѣмецъ, который имѣніе беретъ только, если есть заливные луга и если есть возможность заставить крестьянъ работать круги, платя,

напримѣръ, 1,000 рублей, самъ хочетъ получить на свою долю, по крайней мѣрѣ, еще 1,200 р. — изъ чего же ему и биться? Да и гдѣ же владѣльцамъ самимъ заниматься хозяйствомъ, и къ чему? Крупнымъ владѣльцамъ самимъ заниматься нельзя, потому что какая же есть возможность хозяйничать, напримѣръ, на 10,000 десятинахъ; мелкимъ—тоже не стоитъ самимъ заниматься, потому что всякая служба выгоднѣе, чѣмъ хозяйство, которое притомъ требуетъ ума, познаній, способностей, много физическаго и умственнаго труда. Да и жить-то въ деревнѣ кто теперь захочетъ — нужда развѣ заставитъ; каждому хочется жить въ обществѣ *своихъ*, цивилизованныхъ людей и имѣть возможность дать дѣтямъ образованіе. Люди изъ интеллигентнаго класса тогда только будутъ жить по деревнямъ, когда они станутъ соединяться и образовывать *деревни изъ интеллигентныхъ людей*.

Я думаю, едва ли кто изъ землевладѣльцевъ станетъ спорить, что для нихъ единственное средство продуцировать свои имѣнія—это сдавать ихъ въ аренду, имѣя въ имѣніяхъ лишь шато для лѣтней резиденціи. Кому бы не хотѣлось имѣть богатыхъ, съ деньгами, фермеровъ, ведущихъ хозяйство по агрономіи, откармливающихъ чудовищныхъ быковъ, употребляющихъ для удобренія гуано и т. п. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что у насъ этого никогда не будетъ, и что такое арендаторство, какъ въ западной Европѣ, у насъ не имѣетъ никакого смысла и никогда не разовьется. Класса мелкихъ арендаторовъ, которые имѣли бы капиталы, умѣли сами работать, могли брать въ аренду маленькія фермы, у насъ нѣтъ, да и не откуда ему взяться. Кромѣ того, у насъ и фермъ то маленькихъ нѣтъ, да и быть ихъ не можетъ. Раздѣлить имѣніе на участки и настроить по нимъ фермъ—это все равно, что раздѣлить деревню такъ, чтобы каждый дворъ сидѣлъ на отдѣльномъ участкѣ. Да можно съ тоски умереть, живя зимою на такихъ фермахъ, да и работы сколько будетъ каждому фермеру очищать снѣгъ у своей фермы и протаптывать въ снѣгу дорожки. Тутъ такъ занесетъ снѣгомъ, что и подъѣхать къ фермѣ нельзя будетъ; даже живя бариномъ, въ большой усадьбѣ, имѣя много скота и лошадей, человѣкъ 20 служащихъ и рабочихъ, приходится содержать человѣка, который почти исключительно занимается очисткой снѣга. А дѣтей то гдѣ учили бы эти фермеры? Нѣтъ, это совершенно невозможно. У насъ жить можно только деревнями.

Есть, конечно, и у насъ маленькія относительно (50—100 десятинъ) имѣнія, для которыхъ находятся арендаторы изъ крестьянъ. Обыкновенно такія имѣнія арендуются зажиточными многосемейными

крестьянами, которые сами съ своими семьями ихъ обработываютъ; но такіе арендаторы въ этихъ имѣніяхъ не живутъ, а живутъ въ своихъ деревняхъ, гдѣ, кромѣ того, ведутъ хозяйство на своихъ надѣлахъ. Арендаторами болѣе крупныхъ имѣній являются разбогатѣвшіе крестьяне, бывшіе господскіе прикащики изъ крестьянъ и дворовыхъ, изрѣдка мѣщане и тому подобный людъ, обладающій самыми ничтожными капиталами, да и кромѣ того понятія о томъ неимѣющіе, чтобы въ хозяйствѣ можно было затрачивать деньги. Такіе арендаторы сами обыкновенно не работаютъ, да и работать не умѣютъ, живутъ въ родѣ маленькихъ панковъ, капиталовъ не имѣютъ, а если и имѣютъ, то къ хозяйству не прилагаютъ, ни знаній, ни образованія не имѣютъ и даже съ этой стороны не мотутъ усиливать производительности. Все ихъ дѣло заключается въ выжиманіи сока изъ мужиковъ. Хозяйство этихъ арендаторовъ ведется самымъ рутиннымъ образомъ, обыкновенно соединено съ торговлей, разнымъ маклачествомъ, деревенскимъ ростовщичествомъ и прочими атрибутами разжившагося простого русскаго человѣка. Никакого хозяйственнаго прогресса въ такихъ хозяйствахъ не видно, все стараніе прилагается къ тому, чтобы по возможности вытянуть изъ имѣнія все, что можно. Если такіе арендаторы имѣютъ больше доходовъ, чѣмъ помѣщики, то это потому, что они не такіе баре, живутъ проще, сами смотрятъ за хозяйствомъ, не держатъ лишнихъ людей, дешевле платятъ за работу, не дѣлаютъ лишнихъ затратъ, никакихъ прочныхъ улучшеній, а главное потому, что все это кулаки, жилы, безсердечныя піявицы, высасывающія изъ окрестныхъ деревень все, что можно, и стремящіеся раззорить ихъ въ конецъ. Тамъ, гдѣ деревни позажиточнѣе, не стѣснены господскимъ имѣніемъ и могутъ дать отпоръ кулаку — тамъ такихъ арендаторовъ и не является.

Есть, наконецъ, еще одинъ классъ арендаторовъ—это иностранцы: нѣмцы, швейцарцы, которые арендуютъ большія хорошія имѣнія съ заливными лугами и большею частію имѣютъ въ виду главнымъ образомъ скотоводство и молочное хозяйство. Тутъ попадаются люди, обладающіе знаніемъ, образованіемъ, умѣніемъ работать — швейцарцы именно. У этихъ — опять таки у швейцарцевъ больше — хозяйство идетъ хорошо, крестьянъ они такъ не затѣсняютъ, расплачиваются честно, кулачествомъ, маклачествомъ и всякой подобной мерзостію не занимаются, пользуются даже уваженіемъ крестьянъ—швейцарцы въ особенности — которые всегда рады, если являются не сильно нажимающіе ихъ, дающіе работу и сами работающіе умственные люди, не баре. Мужикъ это сейчасъ видитъ и хотя всѣхъ называетъ нѣмцами, но прекрасно отличаетъ швейцарцевъ отъ нѣмцевъ, которые

работать не умѣютъ и не любятъ, и, чуть поправятся, относятся къ мужику съ презрѣніемъ и съ тою подлою грубостію, которой вообще отличаются нѣмцы, особенно наши русскіе. Мужикъ сейчасъ видитъ, что швейцарецъ—не то, что швейцарецъ—самъ мужикъ, черной работы не боится, и въ мужикѣ видитъ человѣка.

Всѣ эти арендаторы, какъ свои, такъ и чужіе, хозяйства не поднимаютъ. Я вижу только одинъ способъ сдачи помѣщичьихъ имѣній въ аренду, выгодный для помѣщиковъ, крестьянъ и государства—это сдача цѣлыхъ имѣній въ полномъ ихъ составѣ въ аренду на долгій срокъ за посильную плату крестьянскимъ обществамъ, для веденія въ этихъ имѣніяхъ артельнаго хозяйства.

Такой способъ сдачи въ аренду цѣлыхъ имѣній крестьянскимъ общинамъ былъ бы очень *выгоденъ для землевладѣльцевъ*—я очень настаиваю на этомъ, потому что помѣщики постоянно твердятъ о бездоходности сельскаго хозяйства — такъ какъ общины, безъ сомнѣнія, платили бы болѣе, чѣмъ даетъ живущій на мужицкій счетъ прикащикъ или арендаторъ. Зачѣмъ тутъ еще посредствующіе члены-паразиты. У общины, конечно, было бы гораздо меньше накладныхъ расходовъ, работа стоила бы дешевле, потому что каждый работалъ бы на себя и не тратилъ бы силу безполезно; всѣ смотрѣли бы за общимъ дѣломъ, вслѣдствіе чего было бы меньше хозяйственныхъ ошибокъ; наконецъ, въ каждой общинѣ навѣрно нашлось бы одинъ, два, а то и болѣе, хозяевъ, смыслящихъ въ дѣлѣ, тогда какъ встрѣтить между прикащиками-управителями и старостами настоящаго хозяина большая рѣдкость. Нѣтъ никакого сомнѣнія — разъ дѣло заведется и станетъ на прочную ногу—что такія арендующія имѣнія общины будутъ прогрессировать и скорѣе выработаютъ правила наивыгоднѣйшихъ способовъ хозяйствованія для каждой мѣстности. Теперь же владѣлецъ или арендаторъ имѣнія — будь онъ даже самъ профессоръ агрономіи одного изъ нашихъ агрономическихъ заведеній—попавъ на хозяйство, сейчасъ же броситъ „агрономію“ и станетъ думать уже не объ улучшенныхъ плугахъ, многопольныхъ сѣвооборотахъ, а объ томъ, какъ бы половчѣе затѣснить мужика выгонами и отрѣзками.

Это вѣрно!

Совершенно понятно, что казарменно-фабричное батрачное хозяйство, если и можетъ конкурировать съ единоличнымъ разрозненнымъ хозяйствомъ—да и то въ такомъ только случаѣ, если немногія лишь лица ведутъ батрачное хозяйство, вслѣдствіе чего батраки дешевле пареной рѣпы—то не можетъ конкурировать съ общиннымъ кооперативнымъ хозяйствомъ.

Обыкновенно, частные арендаторы вовсе не хозяева, а маклаки,

кулаки, народныя піявицы, люди, хозяйства не понимающіе, земли не любящіе, искры Божьей не имѣющіе. Но мало того, что между арендаторами мало хозяевъ, они къ тому же являются съ голыми руками, съ пустымъ карманомъ, разсчитывая только на возможность затѣснить мужика. Совсѣмъ другое арендующая имѣніе община—она является съ гарантіей, съ капиталомъ: эта гарантія, этотъ капиталъ—ея общинная организація, ея круговая порука, ея крѣпость землѣ (а что представляетъ голоштанникъ арендаторъ?), ея руки, ея рабочій скотъ, ея орудія.

Такихъ арендаторовъ, которые вели бы батрачное хозяйство съ своимъ рабочимъ скотомъ, съ своими орудіями—нѣтъ; всѣ арендаторы ведутъ хозяйство при помощи тѣхъ же крестьянъ, которыхъ работать у нихъ побуждаетъ, вслѣдствіе недостатка крестьянскихъ надѣловъ, необходимость въ отрѣзкахъ, покосахъ, выгонахъ, лѣсѣ, деньгахъ.

Арендаторы хозяйничаютъ тѣми же рутинными способами и въ ихъ хозяйствахъ никакого прогресса не замѣчается; ничего они не вводятъ—ни улучшенныхъ системъ, ни машинъ. Да и разсчета нѣтъ дѣлать это при существующей дешевизнѣ труда и обиліи земли: никакія машины не даютъ тѣхъ выгодъ, какія даетъ самое примитивное приложеніе труда къ свѣжимъ землямъ, которыхъ не оберешься. Арендаторъ или прикащикъ, совершенно напрасно, за свой ненужный трудъ посредника, получаетъ плату, которая извлекается изъ крестьянъ, да еще, кромѣ того, тѣ же крестьяне платятъ за всѣ ошибки арендатора, за всю его неумѣлость. Встрѣтить между арендаторами настоящаго хозяина, человѣка образованнаго, обладающаго научными знаніями и хозяйственною опытностію, дающими ему возможность производительнѣе направить трудъ, необычайная рѣдкость, такая же рѣдкость, какъ встрѣтить настоящаго знающаго хозяина между землевладѣльцами помѣщиками. Вся сила, какъ хозяйствующихъ владѣльцевъ, такъ и арендаторовъ, заключается въ зависимости, бѣдности крестьянъ и въ дешевизнѣ труда.

Наконецъ и то сказать, арендаторъ чужой человѣкъ—сегодня онъ здѣсь, завтра тамъ. Онъ стремится вытянуть изъ имѣнія все, что можно, и затѣмъ удрать куда нибудь для новой эксплуатаціи, или уйти на покой, сдѣлавшись рентьеромъ. Между тѣмъ, арендующая имѣніе община остается всегда тутъ, на мѣстѣ, и будетъ всегда держать имѣніе въ арендѣ, если это ей выгодно. Для общины нѣтъ выгоды раззорять имѣніе, сводить его на нѣтъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше она будетъ нуждаться въ немъ, по мѣрѣ увеличенія населенія, и все болѣе и болѣе будетъ разработывать пустующія земли.

Сдавая имѣніе въ аренду общинѣ, владѣлецъ, если онъ желаетъ

лѣтомъ жить въ деревнѣ, можетъ оставить за собой усадьбу, которая общинѣ, конечно, не нужна. Если владѣлецъ интересуется хозяйствомъ, то опять таки никто не мѣшаетъ ему оставить за собою какую нибудь спеціальную часть, напримѣръ, скотоводство, или заниматься садоводствамъ, огородничествомъ, имѣть опытное поле, маленькую ферму... Да и сами общинники-крестьяне, если владѣлецъ есть человѣкъ дѣла, настоящій хозяинъ, безъ барскихъ затѣй, не чудитъ, никогда не побрезгаютъ его совѣтами. Повѣрьте, что никакихъ препятствій для владѣльца не будетъ, если онъ захочетъ сдѣлать какія нибудь капитальныя улучшенія, ввести новую систему. Мужики, ей Богу, вовсе не такъ глупы — они только любятъ, чтобы *настоящее дѣло* было, а не такъ: пшикъ! брыкъ! туда, сюда и ничего нѣтъ!

Я въ особенности налегаю на то, что сдача имѣній въ аренду крестьянскимъ общинамъ для артельной обработки выгодна для владѣльцевъ и представляетъ единственный исходъ изъ ихъ—не знаю, какъ выразиться — страннаго положенія. Землевладѣльцы постоянно жалуются на невыгодность хозяйства, на дороговизну рабочихъ, точно желали бы или возвращенія крѣпостного права, или какого то закрѣпощенія за дешевую плату батраковъ. Ни то, ни другое невозможно и никогда не будетъ. Своимъ нытьемъ они высказываютъ приговоръ своимъ способамъ хозяйствованія. Очевидно, что имъ остается только служить, пока есть служба, а для изысканія способовъ эксплуатаціи земель обратиться къ тѣмъ, которые около земли обходиться умѣютъ.

Скажу еще разъ: я не теоретически пришелъ къ тѣмъ соображеніямъ, которыя изложилъ въ этой статьѣ. Дѣйствительная жизнь въ деревнѣ, жизнь, съ которой я познакомилъ васъ въ моихъ письмахъ, наблюденія надъ положеніемъ крестьянъ и землевладѣльцевъ, привели меня къ этому. Я думаю, что каждый, кто вникнетъ въ эту жизнь, придетъ къ тѣмъ же заключеніямъ.

Земли много—такъ много, что и обработать ее всю нѣтъ возможности. Земля богата и производительность ея можетъ быть громадно увеличена. Трудъ земледѣльца можетъ превосходно оплачиваться, будь онъ хотя немножко пораціональнѣе приложенъ... Словомъ, всѣ данныя для развитія хозяйства, для благосостоянія есть, а между тѣмъ... всѣ, и владѣльцы, и крестьяне, бѣгутъ отъ этой земли, отъ этого хозяйства. Помѣстное хозяйство — и дворянское, и купеческое, и мѣщанское, всякое помѣстное хозяйство—не имѣетъ будущности. Общедеревенское крестьянское хозяйство въ настоящемъ его видѣ тоже ничего хорошаго не представляетъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи жизнь деревни не придетъ ли къ царству кулаковъ? Ни въ помѣстномъ, ни въ деревенскомъ хозяйствѣ никакого хозяйственнаго

прогресса нѣтъ, да и не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока существующее хозяйство не замѣнится артельнымъ хозяйствомъ, на иныхъ, новыхъ основаніяхъ. Понятно ли, что тутъ дѣло не въ той или другой системѣ полеводства или скотоводства, а въ самой *сути*, въ самыхъ основахъ.

Я устроилъ свое хозяйство прекрасно. Результатовъ, могу сказать, достигнулъ блестящихъ. Система хозяйства, если она не во всѣхъ частяхъ у меня вполнѣ проведена, то, по крайней мѣрѣ, совершенно для меня ясна. И что же? я вижу, что стоитъ мнѣ, не то что бросить хозяйство, а только заболѣть, и все пойдетъ прахомъ — никто не будетъ знать, что дѣлать, гдѣ что сѣять. Это понимаетъ и мой староста, и другіе крестьяне. „Умрете—и ничего не будетъ, все прахомъ пойдетъ“, говоритъ староста. „Кончится тѣмъ, что и вы сдадите имѣніе въ аренду нѣмцу“, говорилъ мнѣ одинъ мужикъ. И дѣйствительно, умри я—и все разрушится, если дѣти мои не перейдутъ къ *новой формѣ* хозяйства, не сдѣлаются сами *земледѣльцами*, не съумѣютъ создать *интеллигентную деревню*, работающую *на артельномъ началѣ*.

Человѣку такъ свойственно желать, чтобы дѣло рукъ его продолжалось; жалко подумать, что все должно разрушиться послѣ его смерти. И въ самомъ дѣлѣ, сдѣлай такъ или иначе, а все таки непремѣнно кончится тѣмъ, что земли опять заростутъ лозникомъ, скотъ, выведенный съ такою любовью, погибнетъ, рощи будутъ безтолково порублены, все придетъ въ запустѣніе и всѣмъ воспользуется какой нибудь кулакъ-арендаторъ или прикащикъ. А между тѣмъ, перейди мое хозяйство въ руки общины, *артельно*, сообща, ведущей хозяйство, оно продолжало бы процвѣтать и развиваться. За примѣрами ходить не далеко: что сдѣлалось съ стадами скота, тщательно подобраннаго и выведеннаго любителями скотоводства, которыхъ и прежде бывало не мало? — На моихъ глазахъ погибли здѣсь превосходныя стада скота, и какъ погибли! — такъ, что даже и слѣдовъ не осталось. И посмотрите, гдѣ у насъ сохраняется хорошій скотъ—въ *монастыряхъ*, только въ монастыряхъ, гдѣ *ведется общинное хозяйство* [1]).

[1]) Говорятъ, что человѣкъ гораздо лучше работаетъ, когда хозяйство составляетъ его собственность и переходитъ къ его дѣтямъ. Я думаю, что это не совсѣмъ вѣрно. Человѣку желательно, чтобы его дѣло — ну, хоть выводъ скота—*не пропало* и продолжалось: Гдѣ же прочнѣе, какъ не въ общинѣ? Въ общинѣ, выведенный скотъ останется и найдется продолжатель. А изъ дѣтей, можетъ, и ни одного скотовода не выйдетъ.

Нѣтъ никакого другого исхода, какъ артельное хозяйство на общихъ земляхъ!

Раціональные агрономы скажутъ, можетъ быть: да будетъ ли прогрессъ въ хозяйствѣ, когда оно перейдетъ въ руки невѣжественныхъ мужиковъ? Все, что выработано агрономическою наукою, не будетъ извѣстно невѣжественной мужицкой общинѣ, которая станетъ держать простой скотъ въ холодныхъ хлѣвахъ, будетъ кормить его не по нормамъ, выработаннымъ наукою, будетъ пахать простыми сохами и пр., и пр.

На вопросъ отвѣчу вопросомъ. А гдѣ же теперь прогрессъ въ хозяйствѣ? Кому же извѣстно то, что выработано наукой, и кѣмъ оно примѣняется? Гдѣ, кромѣ дутыхъ фальшивыхъ отчетовъ, существуетъ это пресловутое раціональное хозяйство? Что вышло изъ всѣхъ этихъ школъ, въ которыхъ крестьянскіе мальчики отбывали агрономію? Что вышло изъ этихъ опытныхъ хуторовъ, фермъ, учебныхъ заведеній? Что они насадили? Да, наконецъ, куда дѣваются агрономы, которыхъ выпускаютъ учебныя заведенія? Одни идутъ чиновниками въ коронную службу, другіе идутъ такими же чиновниками на частную службу, гдѣ прилагаютъ свои агрономическія знанія къ нажиму крестьянъ посредствомъ отрѣзокъ, выгоновъ.

Повѣрьте, что хуже не будетъ, потому что хуже теперешняго хозяйствованія быть не можетъ.

Напротивъ, когда устроится прочно хозяйство общинъ на артельномъ началѣ, то будетъ такой прогрессъ въ хозяйствѣ, о какомъ мы и помышлять не можемъ. Сила, когда она сила, свое возьметъ: при переправѣ черезъ Дунай Скобелевъ исполнялъ должность ординарца!

Не бойтесъ! крестьянскія общины, артельно обработывающія земли, введутъ, если это будетъ выгодно, и травосѣяніе, и косилки, и жатвенныя машины, и симентальскій скотъ. И то, что они введутъ, будетъ прочно. Посмотрите на скотоводство монастырей...

Если существуютъ странствующіе коновалы, волночесы, трещоточники, швецы и т. п., то почему же не быть странствующимъ учителямъ, медикамъ, агрономамъ? Пріѣзжалъ же въ прошломъ году извѣстный агрономъ и скотоводъ Бажановъ къ намъ просвѣщать нашихъ хозяевъ и земство. Все будетъ: если теперь у крестьянъ существуютъ *свои* неоффиціальныя школы, *свои* бабки, *свои* костоправы, дѣды, знахари, то нѣтъ сомнѣнія, что разбогатѣвшія при новомъ порядкѣ общины не останутся въ томъ же положеніи, какъ теперь: онѣ заведутъ школы граматности, агрономическія и ремесленныя училища, консерваторіи, гимназіи, университеты.

Дѣйствительно полезная наука проникнетъ и въ общины. А пока! пока еще масса темна...

Мало ли теперь интеллигентныхъ людей, которые, окончивъ ученье, не хотятъ удовлетворяться обычной дѣятельностію—не хотятъ идти въ чиновники? Люди, прошедшіе университетъ, бѣгутъ въ Америку и заставляются простыми работниками у американскихъ плантаторовъ. Почему же думать, что не найдется людей, которые, научившись работать по мужицки, станутъ соединяться въ общины, брать въ аренду имѣнія и обрабатывать ихъ собственными руками при содѣйствіи того, что даетъ знаніе и наука.

Такія общины интеллигентныхъ земледѣльцевъ будутъ служить самыми лучшими образцами для крестьянскихъ общинъ. Такія хозяйства будутъ служить гораздо лучшими хозяйственными образцами, чѣмъ всякія образцовыя казенныя фермы или образцовыя помѣщичьи имѣнія. Если знаніе, наука можетъ принести пользу въ хозяйствѣ, то вотъ тутъ-то, въ этихъ общинахъ, выкажется все ея значеніе.

Наконецъ, почему же бы выучившимся работать интеллигентнымъ людямъ не вступатъ въ союзъ съ крестьянами для совмѣстнаго арендованія и обработки земель? Почему же бы интеллигентнымъ людямъ не идти въ крестьянскія общины учителями, акушерками, докторами, агрономами, въ качествѣ старостъ?

Покажи только, что ты дѣйствительно не праздно болтающійся, а настоящій, способный работать умственный человѣкъ—и община приметъ тебя, признаетъ тебя своимъ, будетъ слушать тебя и твою науку.

Въ настоящее время, идутъ толки объ устройствѣ народныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Не менѣе важно было бы, по моему мнѣнію, устроить по близости отъ университетскихъ городовъ практическія *рабочія* школы, гдѣ желающіе могли бы обучаться земледѣльческимъ работамъ, т. е. могли бы учиться косить, пахать, вообще работать по мужицки.

VIII.

Какъ вытряхнуло насъ изъ колеи, такъ и сидимъ, разинувъ рты, и все чего-то ждемъ. Никакъ не можемъ опять зарыться въ навозъ, прійти въ то блаженное состояніе, когда всѣ наши мысли были сосредоточены на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ, когда ни до чего другого намъ дѣла не было.

Я писалъ вамъ, какъ и въ наше захолустье стали врываться

струи иного воздуха и полегоньку насъ пошевеливать. Платки съ изображеніями предводителей и героевъ сербскаго возстанія, барыни съ трехцвѣтными галстухами, бѣло-сине-красные карандаши. А вотъ и безсрочныхъ забираютъ, лошадей требуютъ; кружки съ красными крестами, книжки съ красными крестами, побирающіяся по міру солдатки.

Посмотрѣли бы вы на насъ, какіе мы тогда были, какъ высоко мы тогда подняли головы. Намъ казалось, что и мы нужны, что и мы чего нибудь да стоимъ.

Войны мы не боялись, страховъ никакихъ не разводили. Мы были увѣрены въ своей силѣ, были увѣрены, что побѣдимъ. „Неужто-жь наша сила не возьметъ? Какъ денегъ нѣтъ? Не хватитъ денегъ — царь велитъ еще надѣлать. Какой тамъ турокъ? И Кастиполь возьмемъ, и турецкую землю заберемъ — полно турку бунтовать! И Англичанкѣ въ хвостъ ударимъ!“

Петербургъ, чиновникъ—тотъ боялся. Чего, чего тамъ ни говорили: и солдаты-то наши распущены, молоды, выправки настоящей не имѣютъ, и оружія-то у насъ настоящаго нѣтъ, и денегъ нѣтъ, и Европа-то вся противъ насъ.

Въ началѣ ноября, я какъ-то поѣхалъ на станцію. Такъ себѣ поѣхалъ: понюхать, узнать, что новенькаго, на проходящихъ солдатъ посмотрѣть. Пріятно побыть въ народѣ, когда чувствуешь собя въ нѣкоторомъ родѣ единицей и ничего не боишься. Семь лѣтъ передъ тѣмъ просидѣлъ я въ деревнѣ, чувствуя себя нулемъ, сознавая, что я ровно ничего не стою, что мнѣ такъ только, изъ милости, дозволяется жить. И вдругъ показалось, что и я на что-нибудь годенъ, что и я что нибудь да стою.

Итакъ, ѣду на станцію. Морозъ знатный, снѣгу много; гуськомъ ѣздили. Подъѣзжаемъ. Подлѣ станціи костры, множество саней, запряженныхъ мохнатыми мужицкими лошаденками, толпы бабъ, дожидающихся того или другого поѣзда, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на сына, мужа, сунуть ему рубликъ, какую нибудь рубаху.

На станціи грязно, пахнетъ махоркой и особымъ солдатскимъ духомъ, который слышится даже на улицѣ, когда проходитъ рота солдатъ. Кромѣ обыкновеннаго „господскаго“ буфета, въ сторонѣ особый столъ, съ большими графинами простой водки, грудами булокъ, сельдей-ратниковъ, какихъ-то заплесневѣлыхъ колбасокъ, негодныхъ для „господскаго“ буфета, и прочей невзрачной солдатской закуски.

Тутъ я встрѣтилъ становогo, который суетился на счетъ какой-то мобилизаціи, и сосѣда помѣщика, только что возвратившагося изъ-за границы. Я тотчасъ же почувствовалъ, что „не боюсь“, не ощущаю

того безотчетнаго страха, который ощущалъ передъ начальникомъ прежде, той нервной дрожи, которая заставляла прежде какъ-то ежиться. Да и становой точно не тотъ; не ходитъ козыремъ, а какъ-то пришипился, точно самъ боится. Оно и понятно: тутъ офицеры военные, молодцы все, на войну ѣдутъ; что имъ какой нибудь становой или господинъ помощникъ исправника! А вѣдь это, согласитесь, имѣетъ вліяніе, когда видишь, что цѣлая куча людей не боится того, кого ты боялся.

Разговорились съ сосѣдомъ-помѣщикомъ. Его, только-что возвратившагося изъ-за границы, видимо поразила происшедшая во всемъ перемѣна. Разумѣется, разговоръ тотчасъ же зашелъ о войнѣ. Помѣщикъ, находившійся еще подъ вліяніемъ заграничныхъ и петербургскихъ впечатлѣній, высказывалъ сомнѣніе въ успѣхѣ. Я же нисколько не сомнѣвался, говорилъ съ энтузіазмомъ, доказывалъ, что, когда люди сражаются за идею, то они всегда побѣждаютъ, что тутъ дѣло не въ болѣе или менѣе усовершенствованномъ оружіи, что и набранная отъ сохи мужицкая рать, вооруженная топорами, одержитъ верхъ. Становой, хотя и не горячился такъ, какъ я, но, какъ начальство, тоже меня поддерживалъ. Сосѣдъ приводилъ обыкновенныя доказательства о молодости солдатъ, а я сыпалъ примѣрами изъ французскихъ войскъ прошедшаго столѣтія...

— А Дунай?

— Дунай. Этакіе-то не перейдутъ! указалъ я на ввалившуюся въ комнату толпу здоровыхъ, молодыхъ солдатъ, которые, промерзнувъ въ холодныхъ вагонахъ, забѣжали погрѣться и, потопывая ногами, окружили солдатскій столъ съ водкой.—Этакіе-то не перейдутъ! вы посмотрите только на нихъ! И Дунай перейдемъ, и Балканы, и Турецкую землю заберемъ, и Константинополь возьмемъ. Можетъ, и побьютъ насъ въ началѣ, но въ концѣ-концовъ все заберемъ.

— Ну, положимъ, согласился сосѣдъ, что турокъ разобьемъ, но ужь Константинополь не возьмемъ — этого Европа никогда не дозволитъ. Вы прочитали бы только, что пишутъ, что говорятъ за-границей.

— И Европу расколотимъ! И въ Европѣ мужикъ будетъ за насъ. Кто пишетъ противъ насъ? Англійскіе, нѣмецкіе, венгерскіе, турецкіе баре. Вотъ кто пишетъ, а мужикъ и въ Европѣ за насъ будетъ.

Спорили, горячились, даже объ закладъ побились—становой и разнималъ.

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали войны. Перешли черезъ Дунай; перешли черезъ Балканы; подъ Плевной застряли—заминка вышла—но и тутъ никто не сомнѣвался, не падалъ духомъ. Опять перешли черезъ Балканы. Кастиполь... Кастиполя не взяли.

Недоумѣніе какое-то было. Появились раненые воины. Пошло ликованіе. Недоумѣваютъ, но всѣ чего-то ждутъ, на что-то надѣются. Послѣ войны будетъ лучше. Теперь за внутреннія дѣла возьмемся! проговорили газеты.

Богъ внялъ сѣрой мужицкой молитвѣ, увидѣлъ праведные сѣрые мужицкіе труды: урожай хлѣба былъ на рѣдкость, травы отличныя, ленъ, конопелька, картошка—все уродилось. Цѣны на хлѣбъ понизились на три рубля, скотъ сильно вздорожалъ. Всѣ возликовали; мужикъ вздохнулъ свободнѣе. Хлѣба и картошки въ волю, по всѣмъ деревнямъ свадьбы, чуть не всѣ вѣковухи замужъ повышли... Какъ вдругъ *на мужика,* ни съ того, ни съ сего, напустили новыхъ начальниковъ—и пошли разныя „строгости“.

Еще лѣтомъ разнесся слухъ, что, въ помощь къ прежнимъ начальникамъ, будутъ заведены еще новые начальники. Многіе радовались этому, въ особенности сидящія на своихъ унылыхъ усадьбахъ слезливыя барыньки, вѣчно боящіяся разбойниковъ, поджигателей, грабителей, о которыхъ и не слышно въ нашихъ палестинахъ. Барыни думали, что новые начальники, верхами на коняхъ, будутъ разъѣзжать по своимъ участкамъ и за всѣмъ зрить, на подобіе петербургскихъ городовыхъ или, еще того лучше, знаменитыхъ лондонскихъ полисмэновъ. Поѣзжай тогда безъ опаски, куда хочешь: ни мятелей, ни волковъ, ни разбойниковъ тебѣ бояться нечего. Застигнетъ тебя мятель—объѣзжающій участокъ урядникъ выведетъ на дорогу; напали на тебя волки, прилетитъ урядникъ—и всѣхъ волковъ своей шашкой изрубитъ; объ разбойникахъ и говорить нечего: всѣхъ разбойниковъ, воровъ, конокрадовъ урядникъ переловитъ и въ клоповникъ, куда волостныхъ старшинъ за недоимки сажаютъ, засадитъ. Не менѣе барынь, радовались новымъ начальникамъ тѣ помѣщики, которые вѣчно судятся съ крестьянами. Въ самомъ дѣлѣ, есть такіе несчастные, которые все только судятся, такъ что имъ и хозяйствомъ заниматься некогда; все судятся—и въ волости, и у мирового, и у начальниковъ разныхъ. То работники не живутъ; какъ ни сдѣлаютъ крѣпко условіе, смотришь, поживетъ недѣлю, другую—и убѣжалъ; то крестьяне работъ не исполняютъ: возьмутся, напримѣръ, лугъ убрать, скосятъ, все какъ слѣдуетъ, копны поставятъ, а тамъ, смотришь, копны стоятъ да стоятъ, и снѣгъ уже выпалъ, а копны все на лугу стоятъ; то потравы, то порубы; на поденьщину никто не ходитъ, ягодъ и грибовъ никто продавать не носитъ, въ пастухи никто не нанимается, скотъ въ поле некому выгнать. Ѣздитъ баринъ по судамъ, а толку все нѣтъ; навозъ чуть не до августа остается не вывезеннымъ: у людей все сжато и свезено, а у него еще не начинали жать. Боль-

шую надежду возлагали такіе господа на новыхъ начальниковъ: *онъ* скрутитъ мужика въ бараній рогъ, *онъ* заставитъ лѣтняевъ работать; *онъ* и работниковъ, которые не живутъ, потому что ихъ плохо разсчитываютъ, удержитъ; *онъ* потравы и порубы уничтожитъ; *онъ* и на поденщину ходить заставитъ, *онъ* ягоды и грибы продавать прикажетъ, *онъ* воровство всякое уничтожитъ, потому что первая забота его будетъ—охранять собственность.

Грѣшный человѣкъ, я сомнѣвался, чтобы новымъ начальникамъ удалось предупреждать мятели, волковъ, пожары, конокрадовъ. Что говорить о какихъ нибудь деревенскихъ начальникахъ, когда сама петербургская полиція—и та предупреждать не можетъ. Вотъ еще недавно, чуть полгорода водой не залило! Сомнѣвался даже и въ томъ, чтобы урядникамъ удалось способствовать открыванію преступленій: что само откроется, то и откроется. По старой привычкѣ прибѣгать къ книгамъ, я и въ книги заглянулъ. Тутъ же кстати „Энциклопедія ума" вышла. Захотѣлось вообще ума набраться, а откуда же, думалось мнѣ, его легчо набраться, какъ не изъ такой книжки, въ которой собраны умныя слова, высказанныя умными людьми всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Книжица, вижу, небольшая, осилить не Богъ знаетъ какъ трудно; дай-ка, думаю, почитаю. И вотъ въ этой-то „Энциклопедіи ума" начиталъ я умное изреченіе одного извѣстнаго мыслителя, который говоритъ: „опытность доказала, что, чѣмъ менѣе у народа начальниковъ, тѣмъ лучше". Такъ ли это? Давно уже живу я въ деревнѣ, въ такомъ захолустьи, куда начальство въ кои-то вѣки навертывалось, а между тѣмъ, никакихъ преступленій не вижу. О грабежахъ, убійствахъ, преднамѣренныхъ поджогахъ ужь и говорить нечего, но даже воровство за рѣдкость, а если и случится, то такіе пустяки, что и сказать нельзя, воровство это или шалость. Конокрадство, о которомъ уши протрубили газеты—на рѣдкость. Если посчитать, что стоятъ новые начальники, да если притомъ считать не одно только жалованье, а всю ту массу невидимыхъ расходовъ, которые несетъ мужикъ отъ разныхъ начальническихъ выдумокъ и „строгостей", то составится такая сумма, что и десятой части ея хватитъ, чтобы откупиться отъ всѣхъ конокрадовъ и воровъ. Но мало того, именно конокрадовъ-то начальникъ и не изловитъ, потому что въ настоящіе конокрады идутъ что ни на есть умнѣйшіе люди, а въ новые начальники идутъ тѣ, которые ни къ какому другому мѣсту прибиться не могутъ.

Слыша о томъ, что будутъ заведены новые начальники, я, признаться сказать, думалъ, что они будутъ не для начальствованія, а такъ себѣ, для „формальности", для того, чтобы дать кусокъ хлѣба

заслуженнымъ воинамъ. Мало ли попорчено людей за эту войну, отчего же не вознаградить ихъ за службу, давъ имъ приличныя званію мѣста?

Пускай себѣ ѣздитъ по участку! усатый кавалеръ, верхомъ, при мундирѣ—отлично! Губернаторъ ли поѣдетъ, архіерей ли—впереди становой, по бокамъ кареты усатые молодцы при шашкахъ—красиво, а главное, форменно. А то теперь, ѣдетъ архіерей, впереди волостной старшина верхомъ скачетъ, ни виду, ни посадки, мужикъ, въ зипунѣ, токько медалишка на шеѣ больтается, на лошади сидѣть не умѣетъ, локтями машетъ, иной еще на кобылѣ выѣдетъ. То ли дѣло ловкій кавалеристъ при формѣ!

Вышло, однако, совсѣмъ не такъ. Заслуженнымъ воинамъ новыхъ мѣстъ и понюхать не дали; въ новые начальники поступили *благородные,* чиновные люди. Ташкентцы самаго низшаго разряда. Все, что не находило себѣ никакого исхода, все, что не могло прибиться ни къ какимъ мѣстамъ, все это попало въ новые начальники. И чего же ожидать отъ этой орды „благородій", которой *отдали подъ команду мужика?* Самаго поверхностнаго знакомства съ этимъ людомъ достаточно, чтобы предсказать, *какъ* онъ будетъ управляться. Сочтите только, что если ему по полуштофу въ день потреблять—а что ему полуштофъ!—такъ и то нужно 72 рубля въ годъ. Ну, гдѣ же тутъ „благородному" человѣку на какихъ-нибудь 200 рублей жить!

Извѣстно, какъ многое измѣнилось послѣ „Положенія". Были мировые посредники, наступили мировые суды. Народъ сталъ отвыкать отъ порокъ, мордобитій, даже въ судахъ стали говорить „вы". Полиція и та много измѣнилась. Прежніе дантисты повывелись или присмирѣли при новыхъ порядкахъ. Ну, конечно, въ случаѣ чего, покричитъ начальникъ, посердится, поругается, а чтобы пороть или въ морду—ни-ни. Я очень хорошо помню старое время до „Положенія"; помню еще то время, когда въ хорошихъ домахъ становой съ господами не обѣдалъ, а если и обѣдалъ, то гдѣ-нибудь на кончикѣ стола; помню, когда и исправникъ, подъѣзжая къ господскому дому, подвязывалъ колокольчикъ. Совсѣмъ другіе порядки тогда были. Безъ водки, порки, мордобитій, полицію среди мужика тогда и представить себѣ было невозможно. Послѣ „Положенія" много измѣнилось. Исправникъ сталъ важнымъ лицомъ, изъ города выѣзжаетъ рѣдко; ни къ кому не лѣзетъ—неприлично; съ мужикомъ въ непосредственное соприкосновеніе не входитъ. Исправникъ теперь, по важности, сталъ въ родѣ того, что прежде былъ губернаторъ; уѣздныя дамы, если онъ молодой, называютъ его „notre chef", а нынѣшнія деревенскія бабы даже не знаютъ, какая такая „исправницкая яичница"

бываетъ. Исправникъ занимается теперь высшими дѣлами. Предположить, что исправникъ сорветъ съ мужика троякъ, это все равно, что предположить, что губернаторъ возьметъ съ кого-нибудь четвертную. Въ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ все облагородилось, отвыкло отъ ручной расправы, даже становые не тѣ стали, водки многіе не пьютъ, въ господскихъ домахъ приняты, съ господами обѣдаютъ, прямо къ парадному подъѣзду съ колокольчиками подъѣзжаютъ, такъ что старые слуги, привыкшіе къ прежнимъ порядкамъ, только дивуются: „не тѣ ужь господа стали!“

Мужикъ, въ послѣднее время, зналъ только своего волостного, своего старосту, своего сотскаго, своего писаря (кстати: говорятъ, что и волостные писаря тоже будутъ чиновниками, будутъ состоять на коронной службѣ, по назначенію отъ начальства). Въ кои-то вѣки, бывало, проѣдетъ становой или пожарный „агѐлъ“, или палатскій чиновникъ—этотъ больше на мельницы, маслобойки, на торговлю налегаетъ. Да и проѣдетъ начальникъ только по главнымъ дорогамъ, отъ волости до волости, или по господамъ, за которыми недоимки есть, а въ деревни, лежащія въ сторонѣ, и не заглянетъ. Теперь же не то: *этотъ* всюду шныритъ; онъ знаетъ, что въ глухой деревнѣ скорѣе непорядокъ найдетъ и штрафъ сорветъ. И что сдѣлалъ мужикъ такое, что на него, ни съ того, ни съ сего, напустили орду „благородій“? А напустили-то *именно на мужика*. Помѣщику что! какое *онъ* къ нему отношеніе имѣетъ? развѣ заѣдетъ насчетъ установки вѣшекъ по дорогѣ напомнить или насчетъ поправки какого-нибудь мостика, или повѣстки какія-нибудь завезетъ. Къ помѣщику онъ вѣжливъ, почтителенъ, дожидается на кухнѣ, не сядетъ безъ приглашенія, хотя бы и изъ „благородныхъ“ былъ. Сорвать тоже съ помѣщика нельзя; рѣзвѣ кто изъ милости овсеца лошадкѣ пришлетъ или лужокъ плохенькій пожертвуетъ. Притомъ же, тѣмъ помѣщикамъ, у которыхъ поминутно бываютъ ссоры съ крестьянами насчетъ порубовъ, потравъ, неисполненія работъ, и *онъ* человѣкъ нужный. Все-таки же пріѣдетъ, накричитъ на мужиковъ, страху напустить, а мужикъ крика ужасно боится, сейчасъ робѣетъ и чувствуетъ себя виноватымъ, подобно тому, какъ робѣемъ мы при появленіи жандарма.

Словомъ сказать, помѣщикамъ, чиновникамъ эти новые начальники ни почемъ, они даже понять не могутъ, чего тутъ бояться.

Совсѣмъ другое дѣло—мужикъ...

Помѣщикъ можетъ учреждать у себя въ усадьбѣ ночные караулы или не учреждать,—никому до этого нѣтъ дѣла, а въ деревнѣ, будь она хотя изъ двухъ дворовъ, приказано быть ночному караулу. Морозъ ли, мятель ли—караульный не долженъ спать, долженъ всегда

быть на лицо, стучать въ доску, опрашивать проѣзжающихъ. Задремлетъ человѣкъ, отлучится въ избу погрѣться, трубочки покурить... вдругъ, налетѣлъ „онъ“!

Помѣщикъ можетъ строиться какъ онъ хочетъ; хоть посреди сѣнного сарая овинъ ставь—никому до этого нѣтъ дѣла; помѣщикъ можетъ обсаживать постройки деревьями или не обсаживать, можетъ имѣть кадки съ водой или не имѣть, можетъ имѣть пожарные инструменты или не имѣть. А въ деревнѣ не такъ: строиться долженъ по плану, какъ начальники требуютъ, не разбирая, есть ли достаточно земли или нѣтъ, удобно это тебѣ или нѣтъ. Хоть подъ кручей овинъ ставь, а чтобы было узаконенное разстояніе, хоть за версту по воду ходи. Приказано насадить по улицѣ березки—сади, хотя бы это было совершенно безполезно, неудобно и даже невозможно. Кадки чтобъ вездѣ съ водой были, сческовъ чтобъ на печахъ не сушили, инструментъ чтобы у каждаго положенный былъ, чтобы надъ каждымъ домомъ была дощечка съ изображеніемъ того инструмента, съ которымъ долженъ выходить на пожаръ хозяинъ. Налетѣлъ *онъ:* тутъ хлѣвушокъ для гусей безъ дозволенія придѣланъ, тамъ амбарушка не на мѣстѣ стоитъ, у того березки засохли, у того пожарной дощечки нѣтъ...

Помѣщикъ можетъ отворять или не отворять форточку въ комнатѣ для очищенія воздуха; можетъ мѣнять или не мѣнять рубаху—кому до этого дѣло? А насчетъ мужика строго: приказано было избы „студить“, какъ выражаются мужики, то есть растворять по нѣскольку разъ въ день двери въ избахъ для очищенія воздуха; приказано было для чистоты по два раза въ недѣлю мѣнять рубаху.

У помѣщика „онъ“ тихъ, пріѣзжаетъ трезвый, съ утра *проситъ* починить дорогу, при этомъ извиняется, оправдывается тѣмъ, что и на него начальство налегаетъ, вотъ-де недавно сенаторъ какой-то проѣзжалъ четверкой, такъ на одномъ мостикѣ у него лошадь провалилась, гонка отъ начальства была. На деревнѣ же *онъ лютъ,* ругается—за версту слышно, ногами топочетъ, къ мордѣ лѣзетъ.

Нужно видѣть, какой переполохъ, когда *онъ,* раздраженный, влетитъ неожиданно въ избу: дѣти съ перепугу плачутъ, забившись въ уголъ, мужикъ стоитъ оторопѣлый, а *онъ* оретъ, топочетъ.—Какъ ты смѣлъ! Какъ ты смѣлъ!.. бацъ! мало кулакомъ—шашкой, разумѣется, въ ножнахъ. Я какъ-то разсказывалъ про такую сцену одному высшему начальнику.—Неужели шашкой? спросилъ онъ.—Да, шашкой.—Обнаженной?—Нѣтъ. Начальникъ успокоился.

Съ этимъ новымъ начальствомъ, особенно, если деревня близко отъ усадьбы, за дѣтей страшно, у кого есть дѣти на возрастѣ: гим-

назисты, студенты, пріѣзжающіе на лѣтнія вакаціи въ деревню. Положительно страшно! Человѣкъ молодой, горячій, непривычный, можетъ не вынести, видя такую неправду, можетъ заступиться, а къ нему могутъ пристать другіе. А *онъ* возьметъ да и застрѣлитъ, или еще того хуже: вѣдь онъ начальство, при исполненіи своихъ обязанностей находится, тутъ чѣмъ пахнетъ?

Я какъ-то писалъ вамъ, что у насъ теперь заведены „березки" по деревнямъ. Пришелъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, приказъ насадить по деревнямъ вдоль улицъ березки. Отъ пожара, говорятъ, березки, чтобы, значитъ, пожаровъ не было. Обыкновенно наши деревни построены такъ: всѣ дворы стоятъ по одной сторонѣ улицы, сплошь, дворъ къ двору, какъ дома въ городѣ; если же гдѣ дворы разставлены, то промежутки между ними завалены ломомъ, лѣсомъ, дровами. Если черезъ деревню не пролегаетъ столбовая дорога, то улица всегда преузенькая, а черезъ улицу, на противуположной сторонѣ, противъ каждаго двора, стоятъ амбарчики, пуньки и т. п. Какая же можетъ быть польза отъ того, что по улицѣ, противъ каждаго двора, насажены въ одинъ рядъ березки, только затѣсняющія и безъ того узкую улицу? А между тѣмъ, сколько возни съ этими березками: насадятъ весной, къ осени посохнутъ, а слѣдующей весной опять сажай. На улицѣ грязь по колѣно, скотъ проходитъ, съ возами проѣзжаютъ. Какая же тутъ березка приживется и усидитъ? Такъ каждый годъ и сажаютъ; а то, надумались, заострятъ комли и втыкаютъ въ землю. Мнѣ случилось слышать очень интересное разсужденіе начальника по поводу этихъ березокъ. Начальникъ соглашался, что сажать березки для предохраненія деревень отъ пожаровъ совершенно безполезно, но находилъ, что это все-таки необходимо „для строгости". Послѣ того мнѣ стало понятно, когда мужики говорятъ, что караулы, березки и т. п.—все это для „строгости" заведено, чтобы, значитъ, „строго" было.

Опять-таки скажу, что если уже необходимы для „форменности", для приличія, новые начальники, то набрали бы ихъ изъ заслуженныхъ воиновъ, такъ какъ послѣдніе куда молодцоватѣе, форменнѣе, приличнѣе нынѣшнихъ „благородій".

Положимъ, и отъ заслуженныхъ воиновъ пользы никакой не было бы, но все-таки для мужика было бы легче. Солдатъ проще, ближе къ мужику и потому довольствовался бы меньшимъ. У него и „благородныхъ" потребностей, прихотей панскихъ нѣтъ, но, главное, начальникъ изъ солдатъ законовъ не знаетъ.

Положимъ, что и мужикъ, какъ только сдѣлается „начальникомъ", напримѣръ, волостнымъ старшиной, скоро обначальничивается, на-

цивилизовывается писарями и высшими начальниками, которые ему твердятъ, чтобы онъ мужика въ бараній рогъ крутилъ. Положимъ, и онъ тоже требуетъ, чтобы передъ нимъ ломали шапку, оказывали ему всякое почтеніе, сорвать тоже старается, но все-таки онъ проще, онъ свой братъ-мужикъ, съ мужицкими понятіями, а, главное, законовъ не знаютъ. Точно такъ же и какой-нибудь унтеръ-офицеръ навѣрное будетъ держать себя начальникомъ, будетъ требовать почтенія, будетъ считать мужика ниже себя, будетъ и рвать при случаѣ, но опять-таки онъ проще, свой братъ, и законовъ не знаетъ. Да и ломаться надъ мужикомъ такъ не будетъ, какъ благородный, который одно только и умѣетъ, что свой начальническій форсъ показать.

Пришла весна; радостные, мы привѣтствуемъ ее пѣснями, особенными, весенними, троицкими пѣснями. Сѣрый народъ, просидѣвъ семь зимнихъ мѣсяцевъ въ сѣрыхъ избахъ, въ сѣрыхъ зипунахъ, на сѣрыхъ щахъ, радуется первой весенней зелени. Въ первый же весенній праздникъ, на Троицу, мужикъ украшаетъ зеленымъ „маемъ" [1]) свою сѣрую избу, бабы отправляются въ свѣтлую майскую рощицу вѣнчать березки, кумятся, поютъ пѣсни, пляшутъ, угощаются водкой, пирогами, драченой. На заговѣнье опять идутъ въ ту же рощицу, срубаютъ березки, связываютъ ихъ макушками, обряжаютъ платками, бусами, крестами, надѣваютъ на головы вѣнки изъ березовыхъ вѣтокъ и съ пѣснями идутъ „топить май" въ рѣкѣ. „Страда" наступаетъ.

— Стой! кричитъ налетѣвшій начальникъ:—опять березки на „май" рубите! Не знаете, что березки на май рубить запрещено. Штрафъ!

— Помилуйте, ваше благородіе, мы не знали, нынче приказу не было.

— Не знала, ты не знала. Вишь сколько народу собралось—расходиться!

— Помилуйте, ваше благородіе!

— Расходиться по домамъ, говорю вамъ.—Ты что тутъ стоишь, разиня, въ шапкѣ? налетаетъ онъ на зазѣвавшагося малаго, позабывшаго снять передъ начальникомъ шапку.

Не разъ случалось—объ этомъ и въ газетахъ пишутъ—что разгоняли хороводы, вечеринки, игрища, посидѣлки, свадьбы; министръ внутреннихъ дѣлъ даже вынужденъ былъ издать по этому поводу *особый циркуляръ* отъ 23-го октября 1879 года, коимъ разъясняетъ,

[1]) Маемъ у насъ называютъ березки, которыя ставятъ на Троицу около избъ. Такимъ же „маемъ" украшаютъ церкви, и всѣ въ этотъ день приходятъ въ церковь съ букетами цвѣтовъ. Ставить „май" теперь запрещено.

что игрища и тому подобныя увеселенія народа не суть нарушенія общественной тишины и спокойствія. Но, если губернаторамъ нужно было дѣлать подобное разъясненіе, то какъ же намъ-то знать, что можно и чего нельзя. Кто же всѣ законы, распоряженія, постановленія знаетъ? А вдругъ „онъ“ запретитъ возить навозъ толокой? Тоже вѣдь „сборище“, да еще шумное, потому что сопровождается выпивкой, да еще всѣ съ желѣзными вилами. Если ему могло прійти въ голову разгонять хороводы, посидѣлки, свадебныя пирушки, то почему же не можетъ прійти въ голову разгонять „помочи“ и другія общія работы? Ужели сегодня разъяснять, что нельзя разгонять „толоки“, завтра—что нельзя требовать, чтобы всѣ проселочныя дороги были окопаны канавами; послѣ завтра—что *онъ* не можетъ требовать, чтобы всѣ жители участка знали его въ лицо и т. д. А между тѣмъ, покуда что, какъ ты „его“ не послушаешь? можетъ, онъ и правъ, а если и не правъ, какъ ты не послушаешься начальника, который находится при исполненіи своихъ обязанностей. Чѣмъ это пахнетъ? Нѣтъ, ужь лучше по доброму разойтись.

— Семъ-ка, ребята, угостимъ его, смекаетъ кто-то.

— Ваше благородіе, не откушаете ли винца? Бабы, тащите-ка драчены его благородію. Пожалуйте, ваше благородіе, выкушайте!

Сердце не камень, вѣдь и *онъ* человѣкъ. Выпиваетъ, закусываетъ, смягчается. Вотъ развеселился, подтягиваетъ пѣсни, подмигиваетъ бабенкамъ, подплясываетъ, и веселый, съ вѣнкомъ на кѐпкѣ, идетъ топить май. Не человѣкъ онъ развѣ? Неужели же ему не повеселиться па Троицу? Такъ-то по хорошему лучше...

И чего бы, кажется, жалѣть березокъ? Мы и безъ того кругомъ заросли березками. Ни полей, ни луговъ, все только березовыя заросли. Ни хлѣба, ни травы, ни скота, все лоза да березки, березки да лоза. А далеко ли уѣдешь на одной березовой кашѣ-то? Послѣ „Положенія“ запущено болѣе половины господскихъ полей, которыя сплошь заросли березнякомъ и лозой. Пустоши тоже всюду заросли. Всюду лѣсная поросль одолѣваетъ насъ. Теперь только то хозяйство у насъ и можно считать хозяйствомъ, въ которомъ расчищаютъ отъ зарослей старыя запущенныя поля и пустоши. Мужикъ ли купитъ земельку, баринъ ли возьмется за хозяйство—первое дѣло, чисти, корчуй, руби лѣсную поросль, жги ляда, раздѣлывай подъ ленъ, хлѣбъ, на луга. Только и хлѣба, что съ этихъ новинъ. Слава Богу, что хоть это не запрещаютъ. Въ восемь лѣтъ хозяйства, я выкорчевалъ 80 десятинъ березовыхъ зарослей и раздѣлалъ на поля и пастбища. Да и теперь, какъ только пришла весна, такъ и пошли чистить пустоши, рубить и корчевать поросль, и конца этой чисткѣ

нѣтъ: въ одномъ мѣстѣ вычистилъ, а на другомъ, смотришь, новая поросль такъ и претъ изъ земли. Что этихъ грудовъ за весну навалимъ—страсть! Бывало, на Троицу нуженъ „май", сейчасъ поѣдутъ къ груду, который въ тотъ день собранъ, выберутъ что ни на есть лучшія березки, привезутъ въ усадьбу—ставь, сколько хочешь, „маю" и около избъ, и около хлѣвовъ. А теперь—нельзя, запрещено. Корчуй, руби сколько хочешь, жги груды, а къ дому, изъ того же груда, березку привезти не смѣй.

Жаркій іюньскій день. Гонитъ пастухъ стадо; одиннадцатый часъ, жарко, пора и отдохнуть. Сосновая роща. Остановили стадо, коровы легли и смирно жуютъ; только быкъ угрюмо стоитъ, точно сторожитъ своихъ невѣстъ. Пастухъ присѣлъ подъ сосенку и закурилъ трубочку.

Вдругъ...

— Ты что это дѣлаешь? Не знаешь, что въ хвойномъ лѣсу запрещается курить табакъ въ сухое время?

— Да я, ваше благородіе, не табакъ, а махорочку, думаетъ отшутиться пастухъ.

— Махорочку! разговаривать еще! Вотъ я тебя!

„Лайка" и „Босоножка", видя, что ихъ хозяина ругаютъ, съ лаемъ бросаются ратовать. Быкъ, опасаясь, чтобы чужой человѣкъ не увелъ одну изъ его коровъ, грозится: мычитъ, сопитъ, роетъ землю.

— Вусь! вусь! натравливаетъ собакъ одинъ изъ подпасковъ.

— Утекай, утекай! кричитъ пастухъ, видя, что быкъ свирѣпѣетъ.—Утекай, убьетъ.

— Ко-ко-ко кудаахъ! дразнится изъ-за куста подпасокъ.

— Утекай, кричитъ пастухъ:—быкъ!

Начальникъ скрывается.

— Ишь ты испугался быка-то! говоритъ пастухъ, почесываясь.—Одначе, нынче строго стало. О-го-го-го!.. подымаетъ онъ стадо, вновь закуривая трубку.

И во все-то онъ, начальникъ, вмѣшиваться можетъ, потому—подъ все законъ подведенъ. Ты и не думаешь, и не гадаешь, анъ смотришь, не по закону. Никогда ты не можешь знать, правъ ты или нѣтъ. Ну, и боится человѣкъ.

— Ты для чего это березки рубишь?

— На метлы, батюшка, на метлы къ овину.

— Ну, руби себѣ, руби.

— Спаси тебя Богъ, родименькій! спасибо!

Одумался.

— Постой. Зачѣмъ теперь метлы, хлѣбъ еще не поспѣлъ?

— Гатуемъ напередъ, батюшка, напередъ гатуемъ.

И всюду такъ; всюду ему нужно носъ всунуть.

— Ты это что? Охотишься? останавливаетъ онъ мужика съ ружьемъ.—А покажи-ка, какіе у тебя пыжи? А! изъ пакли! А ты не знаешь, что это запрещено. Штрафъ!

— Что ты, батюшка, ваше благородіе, помилуй, ослобони, ради Бога. Не зналъ. Вотъ тебѣ зайчикъ молоденькій, русачокъ!

Конечно, всѣ эти законы, распоряженія издавались и прежде, потому что забота о мужикѣ всегда составляла и составляетъ главную печаль интеллигентныхъ людей. Кто живетъ для себя? всѣ для мужика живутъ! Всѣ мы, интеллигентные люди, знаемъ и чувствуемъ, что живемъ мужикомъ, что онъ нашъ кормилецъ и поилецъ. Совѣстно намъ, вотъ мы и стараемся быть полезными меньшей братіи, стараемся отплатить ей за ея труды своимъ умственнымъ трудомъ...

Мужикъ глупъ, самъ собою устроиться не можетъ. Если никто о немъ не позаботится, онъ всѣ лѣса сожжетъ, всѣхъ птицъ перебьетъ, всю рыбу выловитъ, землю попортитъ и самъ весь перемретъ. Ему бы только ухватить что можно: увидѣлъ тетерьку на яйцахъ весной—бьетъ: все же, говоритъ, кусокъ скоромины во щи! И не думаетъ, что уничтожаетъ цѣлый выводокъ, который доставилъ бы лѣтомъ огромное удовольствіе охотнику съ хорошимъ сетеромъ. Водится въ озерѣ снѣтокъ—онъ вылавливаетъ его до чиста, такія умудряется снасти строить, что нѣмецъ даже позавидуетъ; до чиста выловитъ, ни одной рыбешки не оставитъ. А для чего? для того, чтобы снѣтокъ продать, подати заплатить, хлѣба себѣ купить. А объ томъ и не думаетъ, что, вылавливая такъ снѣтковъ, онъ ихъ переводитъ на чисто, такъ что современемъ въ озерахъ снѣтковъ не будетъ и не съ чѣмъ будетъ въ посты купцамъ и попамъ щи готовить. Найдетъ въ лѣсу, да еще въ господскомъ, рябину, покрытую ягодами, рубитъ все дерево, чтобы набрать рябины на зиму. „Скусна, говоритъ, рябина, какъ ее морозомъ прохватитъ—не хуже яблокъ". Рубитъ цѣлое дерево, чтобы потомъ ѣсть такую дрянь, а объ томъ и не думаетъ, что если срубать деревья, то со временемъ не будетъ рябины и не на чемъ будетъ водку настаивать.

Повторяю: и прежде законовъ было много; но все же было легче, потому, начальство было далеко. Выйдетъ распоряженіе, отдадутъ приказъ по волостямъ—ну, и исполняютъ по деревнямъ, которыя на значительныхъ проѣзжихъ дорогахъ стоятъ. А затѣмъ такъ и остается. Безъ новаго приказа никто исполнять не станетъ; всѣ думаютъ, приказано было только на „тотъ разъ". Вышелъ приказъ не рубить бе-

резокъ на „май“; куда приказъ дошелъ „окретно“, тамъ и не рубили тотъ годъ. На слѣдующій годъ нѣтъ приказа—вездѣ „май“ ставятъ. Пришелъ „строгій“ приказъ насадить по улицамъ березки—насадили. Березки посохли; нѣтъ на слѣдующій годъ приказа—никто не подсаживаетъ новыхъ, да и начальство волостное само о приказѣ забыло. Притомъ же волостной староста, сотскій, какъ мужики, тоже помужицки думаютъ, что распоряженіе на этотъ разъ только и сдѣлано. Пришелъ приказъ канавы по деревнямъ копать, чтобы грязи на улицахъ не было, а какъ ее рыть? каждому противъ своего двора—не подходитъ; сообща—гдѣ же тутъ сговориться. Авось обойдется и такъ, авось начальство позабудетъ. Иногда и обходится. Казалось бы, вѣшки по дорогамъ зимой ужь положительно нужно ставить—самъ же безъ вѣшекъ ночью заплутаешься—однако, безъ приказа никто вѣшекъ не поставитъ, потому привыкли приказа дожидаться. Подати теперь платить. Каждому бы можно изъ опыта знать, что подати нужно заплатить въ срокъ, что ихъ не простятъ; а все-таки безъ особеннаго, да еще строгаго приказа, никто, ни одинъ „богачъ“ платить не станетъ: може и такъ обойдется, може и не потребуютъ.

И еще повторяю: всегда было много законовъ, но прежде легче было. Наѣдетъ когда высшій начальникъ, становой или самъ господинъ исправникъ, гдѣ ему все помнить! Онъ только то и помнитъ и насчетъ того и ѣдетъ, что „по времени“ требуется. Проявилась чума—налегли на чистоту: избы студить, рубашки мѣнять, рыбу тухлую не ѣсть. Донимали чистотой; мы уже боялись, какъ бы намъ не запретили навозъ на дворахъ копить. Мы-то радуемся, когда у насъ много навоза, мы его любимъ, намъ и духъ его пріятенъ, а начальство не знаетъ, что „положишь каку, а вынесешь папу“. Послѣ чумы насчетъ чистоты легче стало: ни избъ студить не приказываютъ, ни тухлой рыбы ѣсть не запрещаютъ. Пожары набѣжали. Пошли березки, кадки, пожарные инструменты, постройки по планамъ, амбарушки срывать, трубки не курить, овины на пятьдесятъ саженъ относить—земли-то у крестьянъ вѣдь много, такъ что-жь тутъ какія-нибудь пятьдесятъ саженъ значатъ? Проявились гдѣ-то злонамѣренные люди, опять пошла тревога: паспорты и билеты спрашиваютъ, оглядываютъ каждаго. Въ городъ нельзя безъ вида поѣхать, даже другъ къ другу въ гости съ билетами стали ѣздить, потому что безъ билета того и смотри въ холодную попадешь. Впрочемъ, ловля злонамѣренныхъ людей пришлась по вкусу, такъ что начальству тутъ не то что требовать, а скорѣе сдерживать нужно было. Мужики думали, что злонамѣренные люди, студенты то есть, возстаютъ противъ Царя за то, что онъ хочетъ дать мужику земли; помѣщики думали, что

злонамѣренные люди хотятъ отнять у нихъ земли; попы—что они настаиваютъ на уменьшенiи количества приходовъ, о точной повѣркѣ свѣчныхъ суммъ и разныхъ иныхъ, непрiятныхъ для поповскихъ кармановъ новшествахъ; желѣзно-дорожные чиновники—что при столкновенiи поѣздовъ они-то и возбуждаютъ протесты, разсматриваютъ гнилые шпалы, списываютъ; наконецъ, что они хлопочутъ объ уничтоженiи красныхъ форменныхъ фуражекъ, присвоенныхъ начальникамъ станцiй. Словомъ, каждый спѣшилъ помочь начальству изловить ихъ.

Прошла чума—прошла и чистота; прошли пожары—и амбарушки стоятъ на прежнихъ мѣстахъ; пройдутъ злонамѣренные люди—пройдутъ и билеты. Но такъ какъ начальство не захочетъ сидѣть сложа руки, то проявится еще что нибудь. Напримѣръ, чтобы птичьихъ гнѣздъ не раззоряли и кротко обращались съ животными.

Такъ все скачками и идетъ. Понятно, что гдѣ же высшему начальнику, напримѣръ, господину становому приставу, все помнить и знать? Онъ долженъ быть и архитекторъ, и химикъ, и врачъ, и инженеръ, и зоологъ, и политикъ, и историкъ. Ѣдетъ онъ и видитъ, что малецъ на деревѣ сидитъ и гнѣздо птичье раззоряетъ. Это запрещено, но при семъ есть исключенiе: гнѣзда хищныхъ птицъ раззорять дозволяется. Вопросъ: чье же онъ гнѣздо раззоряетъ: воронье или голубиное, воробьиное или трясогузкино? Гдѣ же начальнику всѣхъ птицъ знать, у которой птицы какое гнѣздо, какiя яйца. Къ счастью, тутъ является на выручку слѣдующее: истребленiе хищныхъ звѣрей въ запрещенные сроки допускается не иначе, какъ по предварительномъ о томъ, каждый разъ, извѣщенiи уѣздной полицiи.

— Эй! Петровъ, обращается онъ къ скачущему подлѣ экипажа низшему начальнику: — извѣщалъ онъ тебя, что будетъ истреблять гнѣзда хищныхъ птицъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Эй ты, мальчикъ!..

Но тутъ опять вспоминается, что правило сiе не распространяется на владѣльцевъ и стрѣлковъ ихъ, которые въ собственныхъ дачахъ могутъ истреблять хищныхъ звѣрей во всякое время года и безъ вѣдома полицiи.

— Эй, мальчикъ!

— Чаво?

— Изъ какой ты деревни?

— Изъ Подерёва, отвѣчаетъ мальчикъ, слѣзая съ дерева.

— Вы на выкупѣ?

— Чаво?

— Экій непонятный,—на выкупѣ вы?

Мальчикъ давай Богъ ноги, удираетъ въ лѣсъ. Ко-ко-ко-кудахъ! вдругъ гулко раздается изъ лѣсу.

А что, напримѣръ, щука хищный ли звѣрь? Мнѣ недавно одинъ охотникъ, господскій стрѣлокъ, разсказывалъ слѣдующій случай. Весною, когда щуки трутся, онѣ всплываютъ къ поверхности воды на мелкія мѣста. Въ это время ихъ стрѣляютъ изъ ружей. Охотникъ стрѣлялъ щукъ въ господскомъ прудкѣ, какъ вдругъ наѣхалъ „начальникъ“ и придрался.—Весною, во время вывода молодежи, запрещено стрѣлять, говоритъ. Охотникъ возражалъ, что щуки разведены бариномъ, собственныя, господскія, что этакъ весной, пожалуй, телятъ нельзя будетъ рѣзать. Услыхавъ этотъ разсказъ, я сталъ въ тупикъ. Знаю, что хищныхъ звѣрей дозволяется бить, знаю, что щука рыба хищная, но не знаю, распространяется ли законъ объ охраненіи весною животныхъ на рыбъ. Неводами, знаю, что и весною ловить не запрещается, но стрѣлять?

Нужно замѣтить, что здѣсь дѣло коснулось охотника, служащаго у богатаго барина, имѣющаго значеніе. Охотникъ, человѣкъ опытный, видавшій виды, понимающій, у кого онъ служитъ, и потому дѣло окончилось препирательствами. Ну, а попадись мужикъ: штрафъ и рыбу отобрать.

Высшему начальнику, напримѣръ, становому, нужно ужасно много знать. И гнѣзда всякія знай, и яйца у каждой птицы знай, и соціалиста умѣй отличить, и просто опаснаго человѣка узнай...

Когда появились злонамѣренные люди, то развелось такое множество охотниковъ писать доносы, что, я думаю, цѣлыя массы чиновниковъ требовались, чтобы только успѣвать перечитывать всѣ доносы. Всѣ хотятъ выслужиться: авось либо крайчикъ пирожка попадетъ, если открытіе сдѣлать; чуть мало-мальски писать умѣетъ, сейчасъ доносы пишетъ. Совсѣмъ начальниковъ загоняли, особенно къ кому въ станъ попадетъ подозрительный человѣкъ, который ни съ кѣмъ не знается, въ земствѣ не участвуетъ, занимается какимъ-то хозяйствомъ, клеверъ какой-то сѣетъ, съ мужиками никакихъ судебныхъ дѣлъ не имѣетъ. Тутъ доносовъ и не обобраться.

Доносятъ, напримѣръ, что къ какому-то помѣщику, тогда-то, приходила *толпа студентовъ*. Представьте себѣ: „толпа студентовъ“— вѣдь это что? Нельзя не сдѣлать дознанія. Ѣдетъ начальникъ въ деревню, подсылаетъ для разспросовъ начальника пониже. Да, говорятъ мужики, были какіе-то; къ нему большой пріѣздъ, разный народъ бываетъ, хозяйствовать учиться пріѣзжаютъ; недавно вотъ одинъ уѣхалъ, работать хотѣлъ, мужицкой работѣ научиться, не выдержалъ,

кишку испортилъ и уѣхалъ. А кои и научаться, одинъ былъ такъ ничего—до крестьянина куда—а ничего, большую силу имѣлъ. Справляется начальникъ, разспрашиваетъ и узнаетъ, что дѣйствительно приходила цѣлая толпа, что начальство одного учебнаго заведенія прислало къ помѣщику, для обозрѣнія хозяйства. Тьфу ты черти!—бѣсится становой.

Потомъ, доносятъ, что такой-то ходитъ на деревенскія свадьбы, разговариваетъ съ мужиками, разспрашиваетъ о хозяйствѣ, „возстановляетъ противъ другихъ помѣщиковъ", вслѣдствіе чего крестьяне у нихъ не работаютъ, а у него работаютъ; держитъ въ числѣ работниковъ дворянъ, студентовъ, нигилистокъ. Опять дознаніе, разспросы по деревнѣ. Какъ же! говорятъ мужики, бываетъ и на свадьбахъ; вонъ онамеднись у Ильича на свадьбѣ былъ; дочка баринова до утра съ нашими дѣвками плясала; бываетъ, вино пьетъ, пѣсни слушаетъ, разговариваетъ,—любопытный баринъ, примѣчательный. Хозяинъ, на разсчетъ аккуратенъ—оттого къ нему и на работу идутъ; у иныхъ еще и не жато, а у него ни снопа въ полѣ; онъ да Безносовскій баринъ первые на разсчетъ господа, оттого у нихъ и работаютъ. Судовъ тоже не любитъ, никогда не судится, а что на счетъ потравы или поруба, такъ держи ухо востро. Порядокъ у него; топора, шкворня ни разу не пропало, потому что порядокъ: каждому на руки сдано. Разный народъ къ нему ѣздитъ, хозяйствовать учатся. И пашутъ, и косятъ, и молотятъ; у него, чтобы баловство какое—нѣтъ, въ рядъ со всѣми гони. Какъ у него хозяйству не быть, разсчетъ чистый, насчетъ денегъ первый сортъ. У него денегъ много, ему изъ Питера присылаютъ: онъ по деревнямъ ходитъ, все разузнаетъ. Разузнаетъ, спишетъ, въ Питеръ отсылаетъ, а ему за это оттуда денежки присылаютъ—сотни по три присылаютъ; любопытствуютъ тоже, какъ хозяйство ведется.

Доноситъ желѣзнодорожный начальникъ, что къ такому-то тогда-то двое весьма подозрительныхъ молодыхъ людей, черненькій и бѣлокуренькій, пріѣхали, и чемоданъ у нихъ большой такой, тяжелый, еле втроемъ вынесли. Дознаніе. Оказывается, что къ помѣщику дѣти гимназисты пріѣхали и чемоданчикъ у нихъ съ книгами—извѣстно, гимназисты; имъ, чтобъ не баловались лѣтомъ, тоже кучу уроковъ задаютъ.

Трудно и высшимъ начальникамъ: скачи за 35 верстъ, дознавай! особенно нынѣшнимъ лѣтомъ трудно было, пока все не перемололось.

Знай всѣ законы, всѣ распоряженія, всѣ бумаги. Въ особенности съ бумагами трудно. Придумаютъ что-нибудь, напишутъ; ты только-

что выучилъ, запомнилъ,—глядишь, новое выдумали, а старое прочь. Когда-то я служилъ секретаремъ отдѣленія въ одномъ комитетѣ. Ужасно трудно было сначала, пока не подладился. Что ни день, то бумаги. Нужно „сообразить съ дѣломъ", собрать справки, подготовить журналъ, прочитать въ комитетѣ, измѣнить, согласно замѣчаніямъ членовъ. Однако, я скоро замѣтилъ, что составлять журналы по каждой бумагѣ совершенно излишне, потому что то и дѣло одна бумага отмѣняетъ другую. Вотъ и надумалъ я тогда гнѣздышко копить. Получу, бывало, бумагу и положу на полку, еще получу бумагу по тому же предмету—опять положу. Такъ гнѣздышко и коплю помаленьку. Бывало, предсѣдатель говоритъ: — что же вы не докладываете бумагъ?—Не время еще, ваше высокопревосходительство, отшучиваюсь я:—еще въ гнѣздышкахъ лежатъ, можетъ, и выведутся. И дѣйствительно, смотришь, бывало, и вывелись. Вдругъ получаешь бумагу, которая похѣриваетъ все гнѣздышко, такъ что или вовсе не нужно писать журналъ, или всего только одинъ журналъ на все гнѣздышко.

— Вывелось! радостно докладываю я генералу. Смѣется, бывало, старикъ,—добрый былъ генералъ. На улицѣ, бывало, встрѣтится, вытянусь, честь отдамъ.

— Не вывелось ли чего? смѣется.

— Насиживаются, ваше высокопревосходительство.

— Смотрите, чтобъ не заглохло, чтобъ заморышей не вышло.

— Смотрю ваше высокопревосходительство, поварачиваю, развѣ болтунъ окажется.

Всѣмъ совѣтую примѣнять мой способъ высиживанія бумагъ: много спокойнѣе служба будетъ. А то получатъ бумагу, гонятъ, точно и невѣсть что. Повремените; рѣдко которая сама собой не выведется, а народу-то легче будетъ.

Учрежденіе урядниковъ ознаменовалось тѣмъ, что по деревнямъ заведны были ночные караулы. Требовалось ли это прежде, или новые начальники завели—не знаю, только прошлую осень насчетъ карауловъ очень строго было. Всюду по деревнямъ повѣшены были доски, въ которые караульные должны были стучать по ночамъ. И дѣйствительно стучали; выйдешь, бывало, осенью на крыльцо,—изъ всѣхъ окрестныхъ деревень грохотъ слышится. Проѣзжающихъ всѣхъ останавливаютъ, опрашиваютъ; чиновника одного акцизнаго, ѣхавшаго ночью на заводъ—вотъ тебѣ и старайся незаконные отводы спирта ловить—въ одной деревнѣ обстановили, приняли за злонамѣреннаго человѣка и хотѣли въ холодную засадить, да благо кто-то опозналъ.

А *онъ*-то летаетъ орломъ отъ кабака до кабака и чуть гдѣ нѣтъ на улицѣ караульнаго — штрафъ. Въ одной деревнѣ разсказывали крестьяне, пришлось бабѣ зимою быть ночью караульной: съ ихъ двора чередъ, а мужъ былъ въ отлучкѣ. Вотъ она — извѣстно баба, дура—и отвернись въ избу ребенка грудью покормить, нѣженка вишь нашлась, не можетъ на улицѣ покормить и перепеленать. А тутъ на бѣду и налети начальство. — Это что? Гдѣ караульный? Поднялъ крикъ, шумъ, всполошилъ всю деревню, на бабу пять рублей штрафу наложилъ. Пять рублей! У насъ баба зимой за поденщину 15 копѣекъ получаетъ, за 20 копѣекъ она цѣлую ночь мнетъ ленъ. Пять рублей! да еще мужъ побьетъ. Баба испугалась, начала молить, чтобы помиловалъ, въ ногахъ у него валяется, а онъ стоитъ, подбоченясь, смѣется, куражится!

И зачѣмъ эти караулы по деревнямъ? И кого это они ловятъ? Конокрадовъ, воровъ? Такъ конокрадъ съ лошадьми мимо караула нарочно и поѣхалъ! Такъ ты вора и поймаешь—на лбу у него написано, что онъ воръ.—„Кто ѣдетъ?“ — „Свои люди“. Караульныя видятъ, что дѣйствительно мужикъ, свой человѣкъ, ну и ступай съ Богомъ. Такъ воръ и станетъ одѣваться по барски, по нѣмецки, чтобы его караульные остановили. Отъ пожаровъ караулы тоже не помогли: никогда столько пожаровъ не бывало, какъ въ прошломъ году, когда завели караулы. Мужики объясняютъ, что караулы заведены для „строгости“, чтобы значитъ „строго“. А что стоятъ мужику эти караулы! Не говоря уже о штрафахъ, о недосчитанныхъ зубахъ, если оцѣнить только время, потраченное мужиками на караулы, полагая всего по 30 копѣекъ за ночь на двухъ человѣкъ, составится громадная сумма сто рублей въ годъ на каждую деревню. Сто рублей на каждую деревню! Да за эти деньги всѣхъ воровъ и конокрадовъ купить можно. Я въ своемъ имѣніи давно уже пришелъ къ тому, что уничтожилъ сторожей и караулы, потому что, въ общей сложности, это убыточнѣе конокрадства. Это то же самое, что починка проселочныхъ дорогъ, если дорога, по моему, хороша, то есть я могу удобно проѣхать въ телегѣ, то разныхъ выдумокъ, окапыванія канавами и т. п. я просто не исполняю, пусть кто хочетъ починитъ самъ и потомъ вытребуетъ съ меня деньги. Зимою насчетъ карауловъ легче стало. Наступили холода, пошли вьюги, мятели, глубокіе снѣга: долго ли заблудиться въ глухомъ мѣстѣ и замерзнуть... Притихли, много притихли зимой; зато весной расходились еще пуще прежняго.

Допекаютъ мужиковъ, а ужь какъ евреевъ доняли, такъ удивительно даже, какъ это евреи живутъ. Всегда еврей долженъ бояться, всегда можно къ нему придраться, всегда можно его обидѣть, со-

рвать съ него, да и онъ самъ знаетъ, что безъ этого нельзя — бери только свое „полозѣное". И это положенное какъ-то тотчасъ у нихъ, евреевъ, опредѣляется само собою: явился новый родъ начальниковъ, явилось для нихъ и „полозоное".

У насъ евреямъ прежде вовсе не дозволялось жить, теперь дозволяется жить только ремесленникамъ. Между тѣмъ, есть евреи, которыхъ отцы тутъ жили, которые сами тутъ родились и народили кучу дѣтей. Разумѣется, теперь это все красильщики, дистиляторы и т. п. Жить ремесломъ въ деревнѣ, конечно, невозможно, да это и не въ натурѣ еврея, а потому живущіе здѣсь евреи содержатъ мельницы, кабаки, занимаются торговлей и разными дѣлами. Все это запрещено, но все такъ или иначе обходится. Помѣщикамъ евреи выгодны, потому что платятъ хорошо и на всякое дѣло способны. Преимущественно евреи ютятся около богатыхъ, имѣющихъ значеніе помѣщиковъ, въ особенности, около винокуренныхъ заводчиковъ. Какъ бы тамъ законно ни было все оформлено, но придраться начальнику все-таки можно, и еврей это долженъ чувствовать и чувствуетъ. Наконецъ, если самъ еврей живетъ законно, и у него всѣ „билеты" въ порядкѣ, такъ опять-таки можетъ оказаться, что у него незаконно проживаетъ какой нибудь родственникъ, какой нибудь учитель для дѣтей или просто наѣхали разные незаконные евреи къ какому нибудь празднику, свадьбѣ, шабашу. Евреевъ преслѣдуютъ не постоянно, а какъ то годами. Иногда ихъ совсѣмъ не трогаютъ и, отдавая свое „полозоное", евреи живутъ спокойно. Нѣтъ приказа свыше, а безъ особаго приказа на каждый разъ никакія правила, распоряженія, постановленія, вообще все, что у насъ называется закономъ, не исполняются и не требуются. Потому-то только и можно жить, ибо „если все по законамъ жить, то и самому господину становому приставу жить будетъ не можно", говоритъ одинъ мой знакомые еврей. Иногда евреи по долгу живутъ спокойно безъ всякихъ ремесленныхъ свидѣтельствъ — и ничего. Въ такія мирныя времена въ подходящихъ мѣстахъ, близь строющейся дороги, близь винокуренныхъ заводовъ, большихъ лѣсныхъ заготовокъ, вообще гдѣ предпріимчивый умственный еврейскій человѣкъ можетъ орудовать и наживать деньгу, евреевъ распложается множество. Въ то время, когда я пріѣхалъ въ деревню, у насъ былъ для евреевъ именно такой мирный періодъ, когда ихъ не гнали и не преслѣдовали; къ тому же, передъ тѣмъ строилась желѣзная дорога и гешефту всякаго было много: будки строить, шпалы рѣзать, камень добывать, хлѣбъ для рабочихъ доставлять—о водкѣ и говорить нечего. Конечно, и бревно мужикъ рѣжетъ, и камень мужикъ дробитъ, и водку мужикъ пьетъ;

но безъ умственныхъ евреевъ ничего этого онъ дѣлать не можетъ. Въ это время евреевъ здѣсь было множество; чуть не на всѣхъ, даже самыхъ маленькихъ, мельницахъ евреи сидѣли, кабаки содержали и всякими гешефтами занимались, совсѣмъ мѣщанъ отбили, потому что куда же какому нибудь мѣщанину противъ еврея.

Вдругъ началось гоненіе на евреевъ. Не дозволяютъ жить тѣмъ, которые не имѣютъ ремесленныхъ свидѣтельствъ, а таковыхъ ни у одного нѣтъ. Ну, евреи отмалчиваются, отсиживаются—не помогаетъ! гонятъ, приказъ за приказомъ сотскому: выпроводить изъ уѣзда! Напоятъ сотскаго разъ, напоятъ другой, сунутъ что нибудь... опять приказъ за приказомъ! Полетѣли евреи свидѣтельства добывать и „своихъ старшихъ“ просить, чтобы помогли, похлопотали; иные добыли, другіе нѣтъ, а тѣмъ временемъ, пока „свои“ выше хлопотали, все идутъ приказы да приказы. Ничего не подѣлаешь; начались выпроваживанія евреевъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Нельзя на мѣстѣ оставаться, нанимаетъ еврей подводы, забираетъ весь свой скарбъ, пуховики, скотъ, куръ, еврейку, дѣтей, переѣзжаетъ въ сосѣдній уѣздъ, поселяется тамъ и живетъ, пока не погонятъ и оттуда. Тогда онъ, смотря по обстоятельствамъ, ѣдетъ или въ третій уѣздъ, или возвращается въ прежній. Разумѣется, такія перекочевыванія не могли быть продолжительны. Поубавилось евреевъ, но оставшіеся жили довольно спокойно, а помаленьку стали и опять появляться новые.

Но вотъ наступили новые начальники. Эти скоро узнали, гдѣ раки зимуютъ; житья не стало евреямъ: никакое „полозоное“ не удовлетворяетъ.

Однажды, обходя поля, я встрѣтилъ еврейку, торгующую разнымъ мелочнымъ товаромъ

— Баринъ, а баринъ, куда тутъ дорога ближе въ городъ проѣхать? остановила она меня. Я указалъ дорогу.

— А чи есть тутъ по дорогѣ господа?

— Да вотъ сейчасъ за лѣскомъ начальникъ живетъ, онъ изъ „благородныхъ“, съ семействомъ живетъ, можетъ и купятъ что.

— Начальникъ! Ахъ, миленькій баринъ, нѣтъ ли другой дороги, не можно ли какъ начальника объѣхать?

— Можно. Да развѣ у тебя что не въ порядкѣ?

— Нѣтъ, все въ порядкѣ.

— Такъ чего же ты боишься? онъ—ничего.

— Миленькій баринъ! долго ли бѣдную еврейку обидѣть!

Разумѣется, я указалъ еврейкѣ другую дорогу.

И вотъ, разнесся какъ-то слухъ, что *ихъ* уничтожаютъ.

Заѣхалъ ко мнѣ знакомый еврей, который кондрабандой родился

здѣсь еще въ то время, когда евреямъ вовсе не дозволялось у насъ жить, контрабандой же выросъ и контрабандой самъ наплодилъ дѣтей.

Я сейчасъ догадался, что еврей, проѣзжая мимо, не утерпѣлъ, чтобы не подѣлиться свѣженькой новостью.

— Уництозаютъ! уництозаютъ!

— Ну, и слава Богу! перекрестился я.

Еврей по ошибкѣ тоже чуть не перекрестился.

— А все наси выхлопотали, похвастался еврей.—Потому, всего имъ мало. Ну, возьми свое „полозоное", а то и денегъ, и муки, и крупъ, и пѣтуха. Развѣ такъ мозно?

Потомъ оказалось, что вовсе не уничтожаютъ, а еще, говорятъ, *онъ* будетъ и подати собирать, и за правильной продажей вина смотрѣть. Отлично. Чего добраго, налетитъ, увидитъ, что пуншъ, сидя на балконѣ, попиваешь: „Зачѣмъ, скажетъ, водою разбавляете? отчего не пьете какъ есть за печатью? Штрафъ!" Вѣдь и водку полагается пить непремѣнно узаконенной крѣпости и не менѣе опредѣленнаго количества. Зимою какъ-то былъ я въ городѣ, зашелъ послѣ театра въ ресторанъ и спросилъ рюмку коньяку.

— Рюмку коньяку нельзя-съ.

— Развѣ у васъ пѣтъ коньяку?

— Есть-съ. Только рюмочкой пить нельзя-съ.

— А какъ-же?

— Извольте шкаликъ взять, за печатью съ.

— Мнѣ маленькую рюмочку. Кто же коньякъ шкаликами пьетъ?

— Нельсся-съ, не дозволено.

— Такъ цѣлый шкаликъ и выпить нужно?

— Цѣлый-съ.

И выдумаютъ же эти акцизные — всѣхъ превзошли. Выдумали, напримѣръ, заводы „тормозить". Слышу, разсказываетъ акцизный, что такому то заводчику открытіе завода „тормозятъ". Я и не понялъ сначала, а это вотъ видите ли что: если чиновники подозрѣваютъ какого нибудь заводчика, что онъ дѣлаетъ отводъ спирта, и не могутъ его изловить, такъ „тормозятъ" ему открытіе завода, то есть дѣлаютъ разныя придирки, чтобы тотъ вовсе отказался отъ винокуренія. Отлично.

Проявилась чума. Такой страхъ эта чума нагнала, что барыни наши бѣжать хотѣли. Однакожь, не бѣжали; мужей, которые при „мѣстахъ", покинуть, пожалѣли; но боялись все таки страшно.

Нѣмецъ прежде всѣхъ испугался, такъ испугался, что своихъ же нѣмцевъ не пожалѣлъ, сарептскій бальзамъ къ ввозу въ Германію

запретилъ. Нѣмецъ послѣдователенъ; ужъ коли чума, думаетъ, такъ она нетолько къ рыбинѣ пристанетъ, а и къ бальзаму; не вѣритъ нѣмецъ, что водка всякую насѣкомую уничтожаетъ. Заперся нѣмецъ, ничего къ себѣ не пущаетъ, окромя хлѣбушка: кушать и онъ хочетъ. Посыкнулся было изъ жалости прислать намъ своихъ нѣмецкихъ чиновниковъ за чумой смотрѣть, да не приняли, своихъ довольно.

Нѣмецъ послѣдователенъ, а мы... Хочется намъ и икорки, и осетринки—тутъ же и масляница подошла; и хочется, и страшно: вдругъ въ этой самой икрѣ чума сидитъ?!

Пришелъ объ чумѣ приказъ. Не пущать чуму. Установили противучумное начальство. Въ одномъ изъ нашихъ уѣздныхъ земствъ предлагали назначить, съ содержаніемъ отъ земства, двухъ урядниковъ, исключительною обязанностью которыхъ должно быть—„не допущать заразы“ въ предѣлы уѣзда. Обратились и къ врачамъ; въ томъ же земствѣ врачи единогласно высказались за необходимость строгаго осмотра паспортовъ у всѣхъ вновь прибывающихъ лицъ. И врачи ничего другого выдумать не могли. Урядники и паспорты, паспорты и урядники.

Не пущать!

Предложенію врачей насчетъ паспортовъ особенно повезло. На паспорты, билеты такъ усердно налегли, что и по сейчасъ не ослобоняютъ. Прежде насчетъ паспортовъ просто было; можно было нетолько къ сосѣду, нетолько въ уѣздный городъ, но даже въ губернскій безъ билета ѣхать, а теперь нѣтъ, шалишь; такъ настрочили сотскихъ, десятскихъ, старостъ, караульныхъ, что не проскочишь. — „Кто вы такой?“ „Можно у васъ билетъ спросить?“

Мужики насчетъ билетовъ налегаютъ больше на высшій классъ, на тѣхъ, въ комъ они заподозрѣваютъ барчатъ, возстающихъ противъ Царя „за то, что онъ хочетъ дать народу землю“. Своего брата, русскаго человѣка, мужика, попа, мѣщанина, купца, мужики не остановятъ; настоящаго барина, который ѣдетъ на своихъ лошадяхъ, съ „человѣкомъ“, имѣетъ барскій видъ, настоящія барскія замашки, мужики тоже боятся остановить. Однако, все таки, держась правила: „запасъ съ бѣдою не живетъ и хлѣба не проситъ“, слѣдуетъ всегда „про запасъ“ имѣть билетъ, если не желаешь угодить въ холодную, или еще того хуже. Въ особенности, если попадешь въ Никольщину, Покровщину, Спасовщину, когда деревня гуляетъ, когда и самъ начальникъ сторонится отъ гуляющихъ.

А *онъ*, онъ насчетъ паспортовъ болѣе на мужика налегаетъ, потому что тутъ ему пропиту болѣе.

— Ты кто такой? спрашиваетъ онъ мужика, который идетъ изъ сосѣдняго уѣзда, работы ищетъ, или къ родственникамъ въ гости.

Мужикъ робѣетъ.

— Не здѣшній?

— Изъ Подкалиновки я, батюшка, не тутошній.

— Билетъ есть?

Мужикъ окончательно теряется.

— Штрафъ! Ступай за мной. Ты безпашпортный тутъ шляешься... вотъ я тебя! Ступай, ступай за мной.

— Ослобони, батюшка.

— Штрафъ. Три рубля.

А газетчики все толковали, что паспорты вовсе будутъ уничтожены? А мы то вѣрили, думали, что они тамъ въ Питерѣ все знаютъ! Знатцы! Потомъ насчетъ „чистоты“ пошло. Узнали, что чума „чистоты“ не любитъ и налегли. Коленовъ, фельетонистъ „Смоленскаго Вѣстника“, разсказываетъ, что по волостямъ былъ приказъ три раза въ день избы „студить“, т. е. для очищенія воздуха растворять двери, и два раза въ недѣлю бѣлье мѣнять. Это мужику то, у котораго часто всего то на всего двѣ рубахи — два раза въ недѣлю бѣлье мѣнять! Дырявую избенку, въ которой и такъ еле тепло держится, студить по три раза въ день. Оно, конечно, въ избѣ, гдѣ дѣти, свиньи, телята, овцы, „духъ“ не очень то хорошій; но прежде, чѣмъ приказывать „студить“ избы, земство лучше бы похлопотало, какъ отвести мужику лѣсу на постройки и на дрова. Что тутъ „студить“, когда у многихъ топиться нечѣмъ. Боялись мы, что для „чистоты“ прикажутъ навозъ съ дворовъ возить и сожигать. Какъ не приказали мужикамъ ежедневно хорошо питаться, ѣсть говядину, пшеничный хлѣбъ? говорятъ, во время заразы, это необходимо. Какъ это еще земство не издало такого приказа! Вѣдь удивлялся же, разсказываетъ Коленовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ пріѣзжій графъ тупоумію смоленскихъ мужиковъ, которые питаются чернымъ хлѣбомъ вмѣсто бѣлаго, болѣе „питательнаго“, и потому постоянно голодаютъ, тѣмъ болѣе, что рожь родится при урожаѣ всегда самъ пятъ, а пшеница, какъ, напримѣръ, въ Малороссіи, даетъ самъ десятъ и болѣе...

Въ чуму мы узнали также, что нужно употреблять въ пищу свѣжіе припасы. Всегда ѣли и солонину съ душкомъ, и тронувшуюся рыбу, и тухлую астраханскую сельдь-ратникъ. Ѣли прежде все это, и вдругъ оказалось, что все это ядъ. Приказано было врачамъ осматривать рыбу, и, чуть замѣтятъ въ ней чуму, полиція должна была уничтожать зараженную рыбу. Трудненько было съ этимъ справиться; случалось и не разъ, что сожигаемую, признанную вредною, тухлую

рыбу, или рыбу, закопанную въ землю и предварительно облитую нечистотами изъ отхожихъ мѣстъ, все-таки утаскивали съ костровъ, вырывали изъ земли и пожирали. Случалось, что украденную рыбу, обмывъ хорошенько нечистоты, даже продавали!..

Пошла потомъ дезинфекція; говорили, что рыбу нужно дезинфектировать. Но какъ дезинфектировать рыбу? Карболизировать? Охлорять? Просѣрнивать? Любопытно, какой вкусъ охлоренной осетрины, карболизированной икры, просѣрненной севрюжки? Да это куда еще ни шло. А сельдь-то, сельдь, астраханская сельдь-ратникъ, которою мужикъ закусываетъ водку по всѣмъ кабакамъ, постоялымъ дворамъ, торжкамъ, ярмаркамъ? Сколько этой сельди привозится въ каждый городъ, и въ каждой селедкѣ, можетъ быть, чума сидитъ, каждая селедка можетъ заключать условія противугигіеническія и каждой селедкѣ ты въ нутро посмотри, понюхай. Кому же все это выполнять? Кто будутъ эти противу-селедочные охранители? Врачи? Урядники? Или иные, новые чины завести при формѣ, съ мѣдной селедочной головкой на кепкѣ: санитаръ, дескать, дезинфекторъ. Да и продезинфектируй-ка каждую селедку, а какъ передезинфектируешь карболовой-то, можетъ, и ѣсть нельзя будетъ. Карболка тоже вездѣ за нутро хватаетъ.

И какъ это врачи узнаютъ, что̀ именно протухлое можно ѣсть, а чего нельзя? Понюхаетъ и узнаетъ! Конечно, каждый изъ нихъ по малой мѣрѣ 12 лѣтъ учился въ разныхъ заведеніяхъ и все долженъ знать. А все-таки мудрено что-то; носы имъ что ли какъ-нибудь тамъ выдѣлываютъ? Такое меня насчетъ этого сомнѣніе брало, что, какъ случится въ городѣ быть, такъ я всякому встрѣчному врачу на носъ смотрю, не замѣчу ли чего особеннаго.

Понюхаетъ и узнаетъ! Мало ли есть такихъ предметовъ, которые мы употребляемъ въ пищу въ состояніи разложенія, гніенія, тухлости? Молоко, напримѣръ, превращаютъ въ сыръ; а что такое сыръ, какъ не молоко, протухлое, находящееся въ извѣстной степени разложенія, кишащее миріадами разныхъ низшихъ организмовъ? Ну, положимъ, честеръ, швейцарскій сыръ—куда ни шло, воняетъ, а все-таки еще ничего. А возьмите, напримѣръ, лимбургскій сыръ, невшатель, бри. Что это такое? Какая-то протухшая, полужидкая, вонючая масса. А вѣдь ѣдятъ же и не умираютъ; да и кто же станетъ ѣсть свѣжій бри или невшатель. А рокфоръ, который весь пронизанъ зелеными грибками, придающими ему особенный, специфическій, грибной привкусъ?

Говорятъ, что и въ сырѣ бываетъ иногда какой-то сырный ядъ, отъ котораго можно умереть. Но какъ узнать, въ какомъ сырѣ есть

ядъ, а въ какомъ его нѣтъ? Гдѣ предѣлъ, до котораго безвредно можно гноить молоко? Можно ли, посмотрѣвъ кругъ сыра и понюхавъ, узнать, есть ли въ немъ сырный ядъ?

Относительно употребленія въ пищу тухлыхъ веществъ, все дѣло въ привычкѣ. Крестьяне, напримѣръ, не привыкли ѣсть сыръ. Мужикъ ни за что не станетъ ѣсть сыръ, не выноситъ его запаха и удивляется, какъ это господа „могутъ ѣсть эту сыру", духъ-то отъ нея какой! И еслибы мужику поручили по запаху браковать съѣстные припасы, то онъ забраковалъ бы всякій сыръ и навѣрное пропустилъ бы тухлую рыбу. Тотъ же мужикъ, который не станетъ ѣсть сыръ, ѣстъ тухлыя яйца; и бары есть такіе охотники до тухлыхъ яицъ, что предпочитаютъ ихъ свѣжимъ; сверхъ того, мужикъ будетъ ѣсть ржавую селедку, тронувшуюся коренную рыбу, давшую духъ солонину. Извѣстно, что камчадалы питаются квашеной въ ямахъ рыбой, которая при этомъ превращается въ страшно вонючій студень. Треска, въ особенности соленая, всегда такъ воняетъ, что непривычный человѣкъ въ комнатѣ усидѣть не можетъ. Такой же тяжелый запахъ бываетъ, когда варится солонина съ душкомъ. А дичь-то! настоящіе охотники никогда свѣжей дичи не ѣдятъ, а даютъ ей предварительно повисѣть. Колбасы тоже—ужъ какой дряни туда ни кладутъ! всякая что ни на есть послѣдняя мясная дрянь, вся въ колбасы идетъ; срубится, посолится, чесночкомъ заправится... Въ обжорномъ ряду въ городѣ все поѣдятъ, говорилъ мнѣ одинъ знакомый прасолъ:—мужикъ ничѣмъ не брезгуетъ, лишь бы ему подешевле; въ оттепели начнетъ говядина или телятиня портиться, слизнуть—сейчасъ солимъ; разумѣется, продаемъ подешевле, мужикъ не разбираетъ. „Человѣкъ не свинья—рыть не станетъ".

Все сходитъ. Ѣли и ѣдятъ тухлую рыбу, тухлую солонину. Ничего. Прошла чума и рыбы не жгутъ, въ землю не зарываютъ. Говорятъ, что есть какой-то колбасный ядъ, есть какой-то рыбный ядъ, отъ котораго поѣвшіе ядовитой рыбы умираютъ. Можно ли по запаху узнать, что въ такой-то колбасѣ, въ такой-то рыбѣ есть ядъ? Можетъ ли это узнать каждый врачъ? Во время гоненія на тухлую рыбу, много рыбы уничтожали и все по наружному осмотру врачей. Пахнетъ—уничтожай. Рыбу, признанную негодною, обливали керосиномъ и жгли, или обливали нечистотами и зарывали въ землю. И ту и другую рыбу растаскивали, вырывали изъ земли и ѣли. И никто не умиралъ. Ну, положимъ, облитая керосиномъ рыба дезинфектировалась, а облитая нечистотами изъ отхожихъ мѣстъ?

Сосѣдняя барыня строго запретила „людямъ" ѣсть простыя сельди, а мы ѣли и не заболѣвали, не умирали. Да и „люди" тоже ѣли,

потому что барыня, запретивъ астраханскія сельди, не купила для „людей“ хорошихъ голландскихъ.

Простые люди, русскіе люди, мужики, мѣщане чумы не признавали, въ чуму не вѣрили, считали все это барской выдумкой. — Мало ли что баре не выдумаютъ, какая такая чума?

— Хоть торговлю совсѣмъ бросай, говорилъ купецъ: — зайдетъ это въ лавку, нюхаетъ, нюхаетъ, точно знаетъ, чѣмъ чума пахнетъ. Раззоренье, рыбы что забраковали; въ землю зарываютъ, а ее выроютъ и поѣдятъ! Чистоты вездѣ ищутъ, теленка на дворѣ у себя не зарѣжь.

Въ нынѣшнемъ году въ нашей губерніи на ленъ напали черви, которые страшно всполошили хозяевъ. Первый всполошился вяземскій помѣщикъ Шараповъ и тотчасъ вызвалъ по телеграфу исправника. Получивъ отчаянную телеграмму, исправникъ испугался:—какіе такіе черви? прискакалъ съ становымъ приставомъ и двумя банками карболовой кислоты („Смол. Вѣст.“ 1879 года № 56 и 57). Но черви ни карболовой кислоты, ни станового пристава, ни даже самого господина исправника не испугались; жрутъ ленъ, да и шабашъ—никакого уваженія къ начальству. Съ легкой руки г. Шарапова, посыпались статьи о червѣ и изъ другихъ уѣздовъ Смоленской губерніи. Всѣ корреспонденты, сообщая о червѣ, пишутъ одно и то же: ѣстъ червякъ ленъ, а начальство не смотритъ. Крестьяне, не зная другихъ средствъ, прибѣгаютъ только къ молебнамъ и крестнымъ ходамъ, а начальство бездѣйствуетъ, ни земство, ни администрація ни къ какимъ мѣрамъ не прибѣгаютъ!

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это ужасно! Червякъ пожираетъ нашъ ленъ, а начальство смотритъ, никакихъ мѣръ не принимаетъ. Ахъ! господа либералы, господа либералы! ничего-то вы сами не можете сдѣлать, все къ начальству прибѣгаете. Да и что же начальству дѣлать? Мало вамъ того, что по телеграммѣ прискакалъ самъ господинъ исправникъ, да еще съ становымъ и съ двумя банками карболовой кислоты! Чего больше? Не губернатору же въ самомъ дѣлѣ ѣхать? Что карболовая кислота не подѣйствовала, что червякъ и исправника не испугался, такъ въ чемъ же тутъ администрація виновата! червякъ вѣдь не студентамъ чета, вишь онъ какими тучами ползетъ. Исправникъ еще съ чумы помнитъ карболовую кислоту, ну, и везетъ. Чего-жь вамъ больше? Не новыхъ ли начальниковъ противъ червей завести, не паспорты ли особенные выдумать!

Я вамъ писалъ, что, когда я уѣзжалъ изъ Петербурга, то на станцію, въ числѣ другихъ родственниковъ и друзей, пріѣхала меня провожать одна близкая моя родственница, не молодая помѣщица,

долго жившая и хозяйничавшая въ деревнѣ, но давно пріѣхавшая въ Петеубургъ искать новой дѣятельности.

— Не знаю, говорила она:—дай Богъ тебѣ справиться съ хозяйствомъ; можетъ быть, оно у тебя и пойдетъ; только не знаю... Одного боюсь, сопьешься ты въ деревнѣ.

— Отчего?

— Такъ, мало ли бывало такихъ, которые ѣхали въ деревню полные силъ, съ жаждой дѣятельности, а тамъ спивались.

— Да отчего же?

— Ты подумай только, что ты всегда будешь одинъ: представь себѣ только зиму, зимніе вечера! Еслибъ васъ собралось нѣсколько человѣкъ въ одномъ мѣстѣ...

— Не сопьюсь.

Такъ какъ я прежде пилъ водку, то и въ деревнѣ продолжалъ пить. Пилъ за обѣдомъ и потомъ спалъ; пилъ за ужиномъ и потомъ спалъ. Мало того, говоря по-мужицки, „гулялъ" даже при случаѣ. Свадьбы, Никольщины, закоски, замолотки, засѣвки, отвальныя, привальныя, связыванія артелей и пр. и пр., все это сопровождается выпивками, въ которыхъ и я принималъ участіе. Случалось „гулять" здòрово, настояще. Однако, все было ничего. И вотъ восемь лѣтъ прошло, а на девятомъ, предсказаніе родственницы сбылось—спился. Теперь это уже дѣло прошлое, а спился, заболѣлъ, видѣнья одолѣвать стали...

Какъ это случилось? А вотъ послушайте...

Нужно вамъ сказать, что я ужасно боялся всякаго начальства, боялся безотчетно, нервно, какъ иные боятся мышей, лягушекъ, пауковъ. Никакъ не могъ привыкнуть къ колокольчикамъ, особенно вечеромъ, ночью, когда нельзя разсмотрѣть, кто ѣдетъ. Какъ заслышу колокольчикъ, нервная дрожь, сердцебіеніе дѣлается, безпокойство какое-то; только водкой и спасался: сейчасъ — хлопъ рюмку. Проѣхали. Ну, слава Богу, отлегло отъ сердце. Если же на дворъ завернули, хватаю бутылку и прямо изъ горлышка... Такъ становой меня иначе, какъ выпивши, и не видалъ.

Прежде у насъ становой былъ ужасно проницательный человѣкъ—сейчасъ замѣтитъ. И спасибо ему, деликатный былъ человѣкъ, рѣдко самъ заѣзжалъ, все черезъ сотскихъ посылалъ, а сотскихъ я не боялся: можетъ потому, что мужикъ, не при формѣ. Ну, а ужь если необходимо было становому самому заѣхать, такъ первое слово: „не безпокойтесь, ничего особеннаго нѣтъ". Славный былъ становой, шесть лѣтъ я подъ его начальствомъ пробылъ, какъ у Христа за пазухой жилъ, деликатный человѣкъ. Поступилъ потомъ другой становой, тоже

прекрасный человѣкъ, и наѣзжалъ рѣдко. Ну, и я тоже всегда въ аккуратѣ былъ, чтобы и повода ко мнѣ пріѣзжать не было: подати внесены во-время, дороги въ исправности, а если знаю, что высшее начальство поѣдетъ, велю и на исправной дорогѣ по сторонамъ землю поковырять, будто чинили, чтобы начальству видно было, что о его проѣздѣ заботились, уваженіе имѣли. Пріѣдутъ ли собирать съ благотворительною цѣлью—я и тутъ всегда въ порядкѣ; на крейсеровъ ли собираютъ, на крестъ ли, на лоттерею ли—сейчасъ трoякъ отваливаю...

Наконецъ, и новое начальство наступило — тоже ничего; ко мнѣ не заглядываетъ, потому, все въ порядкѣ.

Но съ прошлой зимы вдругъ иначе пошло. Наѣзжаетъ какъ-то начальникъ утромъ; разумѣется, я, какъ заслышалъ колокольчикъ, сейчасъ хватилъ; взглянувъ въ окно, вижу начальническія лошади— еще хватилъ. Повеселѣлъ. Думалъ за сборомъ — нѣтъ. Такъ, пустыя бумаженки; сидитъ, разговариваетъ, смотритъ какъ-то странно, распрашиваетъ, кто у меня бываетъ, насчетъ постороннихъ лицъ, что хозяйству учиться пріѣзжаютъ справляется.

Узнаю потомъ, что и въ деревнѣ какой-то былъ, распрашивалъ, и все больше у бабъ, кто у меня бываетъ, что дѣлаютъ, какъ я живу, какого я поведенія, „то-есть, какъ вы насчетъ женскаго пола“, пояснили мнѣ мужики.

Черезъ нѣсколько дней, опять начальникъ изъ низшихъ, изъ новыхъ, заѣхалъ. Попъ завернулъ, вижу, странно какъ-то себя держитъ, говоритъ обинякми, намеками, точно оправдывается въ чемъ.

Стало меня „мнѣніе“ брать, а это ужь послѣднее дѣло; мужики говорятъ, что даже „наносныя“ болѣзни больше отъ „мнѣнія“ пристаютъ. Сталъ я больше и больше пить.

Дальше, больше. Вижу, навѣщаютъ то и дѣло. А я всякій разъ выпью да выпью и все въ разное время: то днемъ, то вечеромъ, то утромъ; придется, выпьешь и на тощакъ. Чтобы не бѣгать за водкой, поставилъ бутылку въ комнату на письменный столъ. Въ ожиданіи наѣздовъ, сталъ потягивать и безъ колокольчика.

Слышу и между мужиками толки, подстраиваютъ ихъ: „будете вы, говорятъ, съ бариномъ своимъ въ отвѣтѣ. Что у него тамъ дѣлается? какія къ нему тамъ люди наѣзжаютъ? видно ли дѣло, чтобы баре сами работали?“

Нужно замѣтить, что для интеллигентныхъ людей, желающихъ сѣсть на землю, я признаю *одну науку* въ хозяйствѣ — *работать учись*, по мужицки работать, да еще въ мужицкой шкурѣ. Желающему научиться хозяйству я говорю: „поступай въ работники, работай, паши, коси, молоти, по мужицки работай, поживи съ работни-

ками, побудь въ ихъ шкурѣ". Русскому интеллигентному человѣку именно недостаетъ *умѣнья работать,* и нигдѣ онъ этому такъ не выучится, какъ побывавъ работникомъ-мужикомъ. Интеллигентнаго человѣка, желающаго быть земледѣльцемъ, я цѣню лишь настолько, насколько онъ мужикъ. Я убѣжденъ, что намъ болѣе всего нужны интеллигентные мужики, деревни изъ интеллигентныхъ людей, что отъ этого зависитъ наше будущее. Еслибы ежегодно хотя 1,000 человѣкъ молодыхъ людей изъ интеллигентнаго класса, получившихъ образованіе, вмѣсто того, чтобы идти въ чиновники, шли въ мужики, садились на землю, мы скоро достигли бы такихъ результатовъ, которые удивили бы міръ. Я вѣрю, что въ этомъ призваніе русской интеллигентной молодежи. И находились люди, которые соглашались съ моей системой обученія хозяйству, которые поступали въ работники, работали, какъ мужики, и *честно работали.*

Конечно, мужикамъ было странно, что вдругъ барчата работаютъ, по мужицки работаютъ, не „балуются", а настояще работаютъ. Но мужики понимаютъ, что это настоящее „дѣло", хотя и смотрятъ недовѣрчиво, даже презрительно, полагая, что барченку никогда не дойти въ работѣ до мужика. Мужики точно боятся, что если баре выучатся работать, то мужикъ потеряетъ все свое значеніе, все свое величіе. Тутъ самолюбіе мужика страдаетъ: вотъ изъ баръ, а выучился и работаетъ, „только гдѣ ему до всего дойти, далеко еще до мужика! гдѣ ему быть хозяиномъ, не съ той стороны рыло затесано!" точно утѣшаетъ себя мужикъ. Подсмѣивается мужикъ, когда видитъ начинающаго работать изъ интеллигентныхъ; онъ ему смѣшонъ, какъ смѣшна намъ обезьяна, подражающая человѣку; относится онъ презрительно, но не злобно. Совсѣмъ иначе относятся полубаре, всѣ эти барствующіе, деревенскіе и селянскіе люди, носящіе „панью" и „пинжаки", презирающіе необразованнаго мужика и его работу. Тутъ отношеніе—вполнѣ злобное. Какъ! сынъ священника, граматный, ученый, который могъ бы быть псаломщикомъ, могъ бы поступить на службу, могъ бы дослужиться до чина, вдругъ работаетъ, да еще настояще работаетъ, на ряду съ мужиками, съ необразованными мужиками! Обидно. Ну, вотъ этакіе-то больше и толковали, мужиковъ подтравливали, доносцы писали. Хотя мужики и говорили: „что-жь тутъ такого! они не таятся, на народѣ работаютъ, ни баловства, ни пустыхъ дѣловъ! ты поди-ка попаши—тутъ не до баловства!" однако, и на мужиковъ, казалось мнѣ подъ конецъ, оказали вліяніе. Или ужь можетъ быть „мнѣніе" меня одолѣло, только замѣчаю: отдаешь мужику деньги — ужь онъ вертитъ бумажку, вертитъ, разсматриваетъ. Эге! думаю, подозрѣваетъ, не дѣлаются ли у меня фальшивыя бу-

маги! Весною еще чаще стали наѣзжать начальники, билеты у всѣхъ спрашиваютъ, прописываютъ, разсматриваютъ, пріѣзжихъ осматриваютъ, примѣты ихъ списываютъ, „приказано всѣхъ въ лицо знать“, говорятъ. Дѣти пріѣхали; смотрю и у маленькаго гимназистика, чего прежде не бывало, тоже билетъ; онъ даже радуется, потому что теперь, какъ *большой*—при паспортѣ. Заѣхалъ начальникъ—я ему билеты дѣтей представилъ для прописи.

— Вашихъ дѣтей? Нѣтъ, помилуйте, не нужно.

— Да вы же говорили, чтобы у пріѣзжихъ виды отбирать для прописки. А вдругъ пойдетъ онъ на деревню съ ребятами гулять, а десятскій ему: „гдѣ билетъ?“ Нѣтъ ужь лучше пропишите.

Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще стали наѣзжать начальники. И мнѣ кажется, что распрашиваютъ, шпигуютъ, мужиковъ противъ меня подбиваютъ. Сталъ я сильно пить, безъ перемежки. Заболѣлъ, ходить не могъ, страшная одышка, грудь давитъ, сердцебіеніе, руки трясутся; выпьешь — на минуту какъ будто легче, а потомъ еще хуже. Отъ дѣла отбился, явилась страшная раздражительность, всякій пустякъ раздражаетъ, безпокоитъ... Пойдешь въ поле—нѣтъ силъ идти, потомъ обливаешься; вернешься домой, возьмешь газетину, еще болѣе раздражаешься, буквы сливаются въ какой то туманъ и вдругъ сквозь туманъ лѣзетъ лицо начальника въ кепкѣ... Самъ понимаю, что уже до чертиковъ допился; самъ знаю, что не нужно пить это зелье, и не могу бросить, воли нѣтъ...

Однажды, подъ вечеръ, зашелъ ко мнѣ *онъ,* подвыпивши; такъ зашелъ, пошелъ прогуляться и зашелъ провѣдать. Выпили вмѣстѣ; уходитъ *онъ,* пошелъ и я проводить, сошли съ крыльца, идетъ по двору, вдругъ *онъ,* не знаю уже почему, пришелъ въ какое-то умиленіе, потрепалъ меня по плечу: — „Молодецъ, говоритъ, вы, А. Н., молодецъ! Наполеонъ! настоящій Наполеонъ!..“

Черезъ нѣсколько дней, ко мнѣ пріѣхалъ братъ и ужаснулся. Пріѣхали племянники и съ ними знакомый докторъ. Докторъ посовѣтовалъ не пить и побольше быть на воздухѣ. Я послушался—смерти испугался, и бросилъ.

Теперь здоровъ, и не боюсь.

Вотъ какъ бываетъ.

IX.

Весна 187* года была сырая и мокрая, вредная плодамъ... Всю весну мы горевали съ посѣвами. Холода, дожди,—къ пашнѣ подсту-

питься нельзя. Наконецъ, кое-какъ посѣялись. Тутъ опять горе: наступила засуха; едва пробившіеся изъ земли всходы стали сохнуть. На яровое хоть не гляди: овесъ пожелтѣлъ, заострился, ленъ взошелъ только по низинамъ.

Вотъ ужь и навозы пришли, рожь зацвѣла. Однажды, въ жаркій полдень, я обходилъ поля. Побывалъ на паровомъ—сушь, водни, мука-мученическая и для лошадей, и для людей. Выпрягли въ одиннадцатомъ часу, невозможно работать. Прошелъ по клеверамъ—плохо. На яровое и глядѣть тошно. Зато рожь радовала—стоитъ, матушка, стѣна-стѣной и въ полномъ цвѣту; погода для цвѣтенія ржи самая благопріятная: тихо, жарко, водней и всякихъ мухъ неисчислимое множество, въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ жужжанія насѣкомыхъ, надъ полемъ точно туманъ отъ цвѣточной пыли, пахнетъ хлѣбомъ, медомъ. Радостно, потому, если во время цвѣтенія ржи погода стоитъ тихая, жаркая, много водней и всякихъ мухъ, то жди урожая, рожь выйдетъ умолотна.

Въ ржаномъ полѣ мнѣ повстрѣчался знакомый попъ.

— Здравствуйте, батюшка, откуда?

— Во имя Отца и Сына... изъ Подъеремина, отвѣчалъ попъ, благословляя.

— Изъ Подъеремина? Что-жь, поминки были или Петровщину выбиваете?

— Нѣтъ, богомоленье было.

— По какому случаю?

— Дождя просили.

— Дождя! Зачѣмъ? Что вы это дѣлаете, помилуйте, зачѣмъ вамъ дождь?

Попъ встрепенулся...

— Какъ зачѣмъ дождь? Яровое совсѣмъ посохло, травы...

— Яровое посохло, яровое посохло... Эхъ вы! хозяева! Что же такое? Яровое видите, а рожь не видите, вы на рожь посмотрите. Рожь цвѣтетъ, а они дождя у Бога просятъ, умницы!

— А и въ самомъ дѣлѣ! надоумился попъ.

— Рожь цвѣтетъ, а они дождя просятъ, хороши! Да развѣ вы не знаете, что когда пойдутъ дожди, наступятъ вѣтры, холода, водни попрячутся, то и мы будемъ безъ хлѣба. Развѣ вы не знаете, что если во время цвѣтенія ржи стоятъ холода, идутъ дожди, нѣтъ водней, то рожь бываетъ неумолотна, черezзерница. Помните, какъ было въ третьемъ году?

— Помню, помню, да яровое-то совсѣмъ посохло.

— Что-жь, что посохло? Носится съ своимъ яровымъ. Яровымъ

мы сыты не будемъ. Яровому теперь дождь много пользы не сдѣлаетъ; яровое пропало—и говорить нечего, а вы еще просите, чтобъ и ржи не было. Безъ ярового еще пробиться можно, а какъ ржи не будетъ, тогда что? Рожь цвѣтетъ, а они дождя просятъ! Вы бы лучше прежде дождя просили на яровые всходы, а то подогнали къ самому ржаному цвѣту!

— Пока собрались.

— То-то, пока собрались. Мірское дѣло. Одинъ говоритъ нужно богомоленье сдѣлать, а другой—можетъ, и такъ дождь пойдетъ! Вотъ и собрались, когда рожь зацвѣла. Во-время не просили дождя, теперь собрались.

— Да что вы...

— Я знаю, что я. Видалъ, какъ баба-бобылка пятакъ подаетъ, чтобъ и ея коровку-буренку помянули, чтобы и на ея грядку съ бурачками дождичекъ прошелъ. Бурачки, видишь, у нея засохли, лѣнь сходить за водой, да полить, тоже дождичка проситъ на свою грядку, пятакъ подаетъ, а объ томъ, дура, и не думаемъ, что рожь цвѣтетъ, что какъ обобьетъ дождемъ цвѣтъ, да будетъ неурожай, да подымется рожь до 15 рублей за куль, такъ она же сама будетъ въ будущемъ году жать за два рубля десятину, лишь бы кто вызволилъ, далъ впередъ денегъ зимой или весною.

— Это точно, необразованіе...

— А вы бы внушали. Самъ Христосъ училъ, что Отецъ Небесный лучше насъ знаетъ, что намъ нужно. И мужики говорятъ: Богъ старый хозяинъ, Богъ лучше насъ знаетъ, что къ чему. А чуть только засуха—просятъ дождика! напали черви на ленъ — просятъ избавить отъ червей! А можетъ оно такъ и нужно. Чѣмъ бы внушать, вамъ бы только пятаки собирать, да яйца. Вамъ же вѣдь урожай лучше, вамъ же лучше, если народъ богаче, зажиточнѣе: за одни поминовенья что наберете!

— Оно точно...

— Вы не помѣщикъ, не чиновникъ. Вамъ выгодно, когда урожай, когда хлѣбъ дешевъ, когда мужикъ благоденствуетъ. Это барину-помѣщику выгодно, когда хлѣбъ дорогъ, а мужикъ бѣдствуетъ и дешевъ, потому что помѣщикъ хлѣбъ продаетъ, а мужика покупаетъ. Это чиновнику выгодно, когда хлѣбъ дорогъ, потому что чиновникъ хлѣба ѣстъ всего крошку, а больше все мясцомъ пропитывается; а если хлѣбъ дорогъ и мужикъ бѣдствуетъ, такъ мясо и всякій чиновничій харчъ дешевъ. Нѣтъ хлѣба, такъ мужикъ тащитъ на базаръ скотину и продаетъ за ничто, лишь бы выручить денегъ на хлѣбъ. Вамъ въ урожай много лучше: и свадебъ больше и молебновъ, одной

ржи что соберете въ поповій зикъ [1]) Развѣ вотъ только, что въ хорошій урожайный годъ помирать меньше будутъ, меньше земляного [2]) дохода будетъ, такъ вѣдь земляной доходъ что! Вамъ, попамъ, выгоднѣе, когда мужикъ богатъ, зажиточенъ, благоденствуетъ!

— Конечно.

— Да и мужики тоже! Сами же говорятъ: „Богъ старый хозяинъ, Богъ лучше насъ знаетъ, что къ чему"—чего же тутъ дождя просить! Эхъ... вишь гонитъ! указалъ я на облако пыли, поднятое скачущимъ мужикомъ:—вѣрно за водкой!

— Мужикъ вскорѣ поровнялся съ нами, придержалъ лошадь и снялъ шапку.

— Куда ты, Стефанъ?

— Въ Погорѣловку.

— Ну такъ и есть. За виномъ?

— Да, міромъ рѣшили еще полведерочки взять. У насъ сегодня богомоленье, дождя у Бога просили. Еще сбрызнуть хотимъ, авось Господь дождичка пошлетъ.

„Богъ стырый хозяинъ, Богъ лучше насъ знаетъ, что къ чему". И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ такой хозяинъ, который могъ бы сказать, что нужно въ данную минуту, дождь или погода, тепло или холодъ, не только всѣмъ, но даже ему, этому хозяину? Есть ли такой умъ, который могъ бы обнять всю сумму факторовъ, имѣющихъ вліяніе въ хозяйствѣ, и опредѣлить ихъ истинное значеніе, все взвѣсить, вычислить, разсчитать? Мое огородное сохнетъ—нужно дождя, но у меня подкошено сѣно, для котораго дождь вреденъ, а между тѣмъ, дождичка бы нужно и для хорошаго налива ржи, и потому, что пары подбились, отавы на лугахъ ростутъ плохо, скотъ голодаетъ.

Стоитъ жаркая погода, уборка сѣна и клевера идетъ отлично, а на ленъ навалился червякъ и жретъ его, на глазахъ хозяина уничтожаетъ всякую надежду на урожай.

[1]) Лѣтомъ, когда появятся овода около „Акулины-задери хвосты" (13-го іюня), то они кусаютъ и безпокоятъ скотъ, который отъ оводовъ бѣсится, бѣгаетъ задеря хвосты, „зикуетъ", какъ у насъ говорятъ. Это время называется „коровьимъ зикомъ". Позднѣе, въ іюлѣ, появляются другіе овода, которые безпокоятъ лошадей. Это время называется „конскимъ зикомъ". Конецъ іюля и начало августа крестьяне называютъ „поповымъ зикомъ", потому что въ это время попы ходятъ по деревнямъ за „новью", рожь на посѣвъ выбираютъ.

[2]) „Землянымъ доходомъ" поповскіе называютъ доходъ, получаемый за погребеніе умершихъ. „Ныньче плохо, жалуется иная попадья или дьячиха: — плохо ныньче, земляного дохода мало—все больше дѣти мрутъ, нѣтъ, чтобъ настоящіе люди".

Но вотъ пошли дожди, сѣно гніетъ, къ уборкѣ ржи нельзя приступить, отавы хороши, но отъ сильныхъ дождей и недостатка солнечнаго свѣта трава водяниста, малопитательна, а между тѣмъ отъ дождей и холодовъ червякъ, пожиравшій ленъ, погибъ и ленъ поправился. Какъ тутъ уловить, что къ чему?

Въ прошломъ году, у насъ какой-то червякъ ѣлъ ленъ, и такъ перепугалъ хозяевъ, что либералы хотѣли еще новыхъ начальниковъ завести, энтомологовъ какихъ-то выписать. И чуть было не выписали, а энтомологъ сейчасъ обязательныя постановленія выдумаетъ, потому что онъ, какъ и всякій чоновникъ, думаетъ, что все просто и легко рѣшить. За примѣромъ ходить не далеко: вотъ, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году въ иныхъ губерніяхъ козявка какая-то рожь поизъянила; выписали энтомолога профессора, тотъ сейчасъ узналъ какая козявка: гессенская муха, говоритъ. Сейчасъ опредѣлилъ, какъ эта муха живетъ, котораго числа, какого мѣсяца кладетъ яйца и пр. и пр. Все вывершилъ. А что же противъ этой мухи дѣлать? спрашиваютъ. Знаю, говоритъ, и это. Цѣлую лекцію губернскимъ и земскимъ начальникамъ прочелъ. Нужно, говоритъ, жнивья выжигать, нужно жнивья тотчасъ послѣ уборки ржи запахивать, нужно рожь сѣять не раньше 15-го августа. Словомъ, все вывершилъ, все рѣшилъ, остается только обязательныя постановленія выдать. Вѣдь энтомологъ-то только свою гессенскую муху и видитъ, какъ баба-бобылка только свою грядку съ бурачками. Энтомологъ, конечно, никакого понятія объ хозяйствѣ не имѣетъ. Будетъ ли горѣть жнивье или не будетъ? Есть ли хозяину возможность въ самое горячее время, въ страду, запахивать жнивье? Будетъ ли хозяину время посѣять рожь послѣ 15-го августа? Возможно ли срокъ озимаго посѣва сократить на двѣ недѣли? Что произойдетъ отъ поздняго посѣва ржи, въ противность долголѣтней практикѣ, установившей ранніе посѣвы до 15-го августа? Не произойдетъ ли отъ этого поздняго посѣва того, что въ будущемъ году, нетолько людямъ, но и самой мухѣ нечего будетъ ѣсть? Ничего этого энтомологъ не знаетъ, ничего не понимаетъ; онъ знаетъ и видитъ одну только муху. Расчувствовались земцы, прослушавъ краснорѣчивую, ученую лекцію профессора энтомолога, да и нельзя же ничего не сдѣлать, зачѣмъ же было ученаго энтомолога приглашать? Одна глупость влечетъ за собою другую; сейчасъ—бацъ!—*обязательное* постановленіе: *сѣять рожь не ранѣе 15-го августа.* И вотъ земледѣльцы нѣсколькихъ губерній должны, *обязаны* сѣять озимь въ извѣстный срокъ, по назначенію начальниковъ: какого-то энтомолога, какихъ-то земскихъ

чиновниковъ. Господи! да что же это такое? Опытъ милліоновъ земледѣльцевъ-хозяевъ, долголѣтняя практика, показали, что рожь нужно сѣять *въ пору*, что эта *пора* начинается съ конца іюля, что эта *пора* для разныхъ мѣстъ разная, и вдругъ какой-то энтомологъ рѣшаетъ, что пора эта должна начинаться не ранѣе 15-го августа, а земство дѣлаетъ *обязательное постановленіе* и предписываетъ милліонамъ земледѣльцевъ сѣять озимь въ назначенный срокъ! Повторяю: понятно, что энтомологъ только свою муху и видитъ, хотя непонятно, какъ такой энтомологъ можетъ быть профессоромъ; но земство-то, не изъ энтомологовъ же однихъ оно состоитъ, должны же бы, кажется, въ немъ быть люди съ разсудкомъ! Или уже разъ человѣкъ дѣлается чиновникомъ, такъ Господь у него всѣ способности отнимаетъ? Это обязательное постановленіе для нѣсколькихъ губерній: сѣять рожь позже 15-го августа—характерный фактъ новѣйшаго времени. Посмотрите, съ какою легкостью третируется вопросъ наипервѣйшей важности для милліоновъ населенія, вопросъ, отъ котораго зависитъ жизнь этихъ милліоновъ, посмотрите съ какою легкостію дѣлаются обязательныя постановленія. Пріѣзжаетъ энтомологъ, да и энтомологъ-то пустой, какъ теперь вывершили другіе ученые, и говоритъ, что нужно сократить на двѣ недѣли срокъ посѣва хлѣба, отъ урожая котораго зависитъ благосостояніе всего населенія; и вдругъ, въ нѣсколько дней, не обдумавши, рѣшается такой важнѣйшій вопросъ и дѣлается *обязательное* постановленіе. Но этого мало; одно земство сообразило: сдѣлаемъ мы обязательное постановленіе, а что̀ если вдругъ его исполнять не будутъ! И вотъ елецкое земство (см. „Земледѣльческую газету“ 1880 г. № 31, стр. 513), сдѣлавъ обязательное распоряженіе не производить въ нынѣшнемъ году посѣва озимыхъ хлѣбовъ ранѣе 15-го августа, въ то же время поручило управѣ обратиться къ начальнику губерніи съ просьбой о томъ, чтобы земской полиціи было вмѣнено въ обязанность оказывать содѣйствіе управѣ при исполненіи ея постановленіи. Но этого еще мало: елецкое земство постановило *ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы, независимо отъ штрафа, налагаемаго по закону* (29 ст. устава о наказ. нал. мир. суд.), *было разъяснено, что при исполненіи этого постановленія собранія, преждевременный посѣвъ, т. е. произведенный до 15-го августа, подлежитъ запашкѣ на счетъ виновнаго.* Не вѣрится даже. Но это такъ; это сообщаетъ самъ энтомологъ, который выдумалъ, что муха повсюду вынесется по 15 августа, и который предложилъ колоссально-нелѣпую мѣру, обязать сѣять рожь послѣ 15 августа. Петръ Великій, за неисполненіе своихъ приказовъ по хозяйству, приказывалъ бить батогами, рвать ноздри, а теперь про-

трессъ, цивилизація: за ослушаніе будутъ запахивать посѣвъ, произведенный не въ то время, какъ назначили земскіе начальники! Бей не коломъ, а рублемъ. Мало показалось, что мировой оштрафуетъ, мало того, что, если губернское начальство прикажетъ смотрѣть, чтобы не сѣяли до 15-го августа, такъ урядники нагайками станутъ гонять мужиковъ съ пашни—нужно и еще: *запахивать на счетъ виновнаго посѣвъ, произведенный до 15-го августа.* Разсчетливый хозяинъ, разумѣется, скорѣе согласиться заплатить штрафъ у мирового, чѣмъ сѣять рожь не въ пору; и урядникъ ежели сгонитъ съ посѣва—тоже не бѣда: не будетъ же онъ цѣлый день торчать на полѣ. Земство это поняло и задумало покрѣпче сдѣлать: посѣешь раньше срока, который энтомологъ назначилъ, сейчасъ пріѣдетъ земство и *запашетъ твои всходы озими.*

Любопытно только, кто будетъ запахивать. Еще господскіе посѣвы запахать, можетъ быть, найдутъ кого-нибудь, а запахивать мужицкіе посѣвы едва ли кто пойдетъ. Ежели урядниковъ заставить, такъ они вѣдь изъ благородныхъ, изъ интеллигентныхъ набраны, пахать не умѣютъ. И вотъ, ходатайство елецкаго земства о запахиваніи преждевременныхъ посѣвовъ, пишетъ энтомологъ К. Линдеманъ, заварившій всю эту кашу, орловское губернское земское собраніе не нашло возможнымъ утвердить, въ виду того, что предлагаемая мѣра въ примѣненіи своемъ можетъ вызвать чрезвычайное неудовольствіе. Слава Богу!

Когда у насъ въ прошломъ году черви ѣли ленъ, то „поклонники науки“ тоже кричали, что слѣдуетъ выписать энтомологовъ. Но, къ счастію, у насъ энтомолога не выписали и потому никакихъ обязательныхъ постановленій на счетъ червей не вышло. Сѣяли мы и ныньче ленъ вольно, когда хотѣли, гдѣ хотѣли и сколько хотѣли. И *что же* бы вы думали? никакихъ ныньче червей на льнѣ не было, и ни одной былиночки черви не съѣли. Откуда черви въ прошломъ году взялись? Куда они дѣвались? Отчего ихъ въ нынѣшнемъ году не было? Какъ бы то ни было, ничего мы въ прошломъ году противъ червей не дѣлали, даже молебновъ не служили; ѣли черви ленъ, а мы смотрѣли и горевали. Да и что же было дѣлать? Въ иныхъ мѣстахъ въ прошломъ году выѣли черви ленъ на-чисто, въ другихъ только слегка тронули, и вдругъ, неизвѣстно отчего, пропали; въ нынѣшнемъ же году никакихъ червей на льнѣ не было. и, можетъ быть, десятки лѣтъ ихъ не будетъ. Я помню въ сороковыхъ годахъ какой-то червякъ поѣдалъ озими и производилъ страшныя опустошенія. Потомъ, этотъ червякъ самъ собою пропалъ, и вотъ десятки лѣтъ ничего объ немъ не слышно. То же самое можетъ

быть и съ гессенской мухой: ныньче она поѣла рожь, а въ будущемъ году, можетъ быть, и ни одной мушки не увидимъ.

Энтомологъ видитъ муху, ему бы только муху уничтожить, а тамъ хоть трава не рости. Конечно, и противъ мухи есть радикальныя средства—совсѣмъ не сѣять ржи, измѣнить принятую систему хозяйства, измѣнить систему обработки. Человѣкъ, у котораго голова набита мухами, чиновникъ, который думаетъ, что стоитъ только приказать, могутъ легко третировать подобные вопросы, но хозяинъ долженъ видѣть не муху только, а все. А есть ли такой хозяинъ? Гдѣ онъ?—Такой хозяинъ есть. Такой хозяинъ—всѣ.

Эхъ! вотъ бы гребнули сѣнца, еслибы постояла погодка, думаетъ хозяинъ, глядя на свои подкошенные луга и радуясь, что нѣтъ дождя. А не мѣшало бы и дождика! трава совсѣмъ посохла, жарко, овода, скотъ голодаетъ! думаетъ тотъ же хозяинъ, проходя по выгону. Насколько потеряетъ въ цѣнѣ сѣно оттого, что пробудетъ подъ дождемъ? насколько прибудетъ молока, насколько повысится въ цѣнѣ скотъ, оттого, что, вслѣдствіе дождей, поправятся выгоны? Кто можетъ все это вычислить? Обыкновенно, хозяинъ, такъ, зря, хочетъ дождя или погоды, видя только одно что-нибудь, что у него подъ носомъ. Еслибы хозяину дать власть надъ погодой, чтобы по его мановенію шелъ дождь или дѣлалось вёдро, словомъ, чтобы въ его рукахъ были всѣ атмосферическія измѣненія, то, я увѣренъ, что не найдется хозяина, который, командуя погодой, съумѣлъ бы такъ все подладить, чтобы у него былъ наивысшій урожай, наибольшій доходъ. Увлекся бы, напримѣръ, уборкой сѣна, напустилъ бы безмѣрно звонкую погоду, и въ тоже время позабылъ бы холодкомъ ударить на какую-нибудь бабочку или муху. Анъ у него червякъ либо ленъ, либо хлѣбъ пожралъ бы, или скотъ отъ язвы подохъ бы.

Да и то сказать, какъ всѣмъ угодить. Одинъ горюетъ, потерявъ отца, а другой радуется „земляному доходу“. Одному нуженъ дождь, а другому погода. У одного сѣно подкошено, а тутъ то дождикъ-сѣногной, то паритъ, нѣтъ уборки. Одинъ радуется и говоритъ: „благодать ныньче, паритъ! вишь какъ матушка поправилась, благодареніе Богу—ожидать урожая можно, хлѣбушка дешевъ будетъ“; а другой тутъ же сердится: „паритъ, паритъ, потомъ дождь ударитъ, ну, какъ тутъ быть дорогому хлѣбу!“

Вотъ и угоди на всѣхъ. Помѣщику, богачу-земледѣльцу, тому, кто производитъ хлѣбъ на продажу, неурожай иногда выгоднѣе урожая. Не подумайте, что я это такъ говорю, для словца. Нѣтъ, это совершенно вѣрно. Выгоднѣе же продать 200 четвертей по 14 рублей, какъ ныньче, чѣмъ 300 четвертей по 6 рублей, какъ было

два года тому назадъ. То есть, разумѣется, самое выгодное, чтобы у меня урожай былъ самъ-двѣнадцать, напримѣръ, а у другихъ, чтобъ былъ неурожай и хлѣбъ стоялъ бы въ высокой цѣнѣ, этакъ рубликовъ по пятнадцати за четверть!

Конечно, никто прямо не скажетъ, что онъ желалъ бы неурожая, высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, никто не будетъ такъ откровененъ, какъ какая-нибудь дьячиха, жалующаяся, что мало земляного дохода.

Конечно, всѣ желаютъ урожая, всѣ молятся объ урожаѣ, но это такъ только, потому что зазорно. А кто не радуется высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ? Кто не радуется, что хлѣбъ по высокимъ цѣнамъ шибко идетъ за границу? Мужикъ только не радуется, но развѣ онъ, сиволапый, что-нибудь понимаетъ въ важныхъ экономическихъ вопросахъ ввоза и вывоза, возстановленія цѣнности кредитнаго рубля и т. п. Ему бы только все жрать, да чтобъ хлѣбушка дешевъ былъ.

Для хозяевъ, ведущихъ свои хозяйства нанятыми руками, въ особенности тамъ, гдѣ обработка производится даже не батраками, а сосѣдними крестьянами-хозяевами, съ ихъ орудіями и лошадьми, важно не только то, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ, но еще болѣе важно то, чтобы былъ неурожай, чтобы мужикъ вынужденъ былъ наниматься на лѣтнія страдныя работы еще съ зимы за дешевую цѣну, чтобы онъ вынужденъ былъ запродаваться для того, чтобы упасти свою душу, какъ говорятъ мужики, словомъ, чтобы *мужикъ былъ дешевъ*.

Вы представьте себѣ только, что всюду, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, превосходный урожай, что мужику нѣтъ надобности покупать хлѣбъ—что тогда будутъ дѣлать помѣщики съ своими хозяйствами? Не нуждаясь въ деньгахъ для покупки хлѣба, мужикъ-хозяинъ, имѣющій свою землю, свое хозяйство, не продаетъ себя на лѣто, не хочетъ работать на другого; напротивъ, онъ самъ принайметъ покосу, земли. Еслибы не недостатокъ хлѣба, не нужда, кто сталъ бы, имѣя свое хозяйство, свою землю, работать на чужой землѣ, въ чужомъ хозяйствѣ? Свой покосъ стоитъ, свое подкошенное сѣно лежитъ, а ты иди убирать чужой покосъ, потому что „обвязался“, какъ у насъ говорятъ мужики, еще зимой, обвязался, чтобы упасти свою душу. Кто хоть сколько-нибудь знаетъ хозяйство, тотъ пойметъ, что только нужда можетъ заставить мужика-хозяина, имѣющаго свою землю, работать на чужой землѣ.

Мужикъ, который не обязывается лѣтними работами, который лѣто работаетъ на себя, богатѣетъ; мужикъ, который обязывается лѣтними работами — бѣднѣетъ. Сколько разъ приходится слышать,

что мужика упрекаютъ въ лѣности, въ нежеланіи работать, когда помѣщичьи хозяйства представляютъ столько заработка. „Что же, что хлѣбъ дорогъ, говорятъ: бери работу въ господскихъ имѣніяхъ, вотъ тебѣ и хлѣбъ будетъ“. Но вѣдь нужно посмотрѣть, каковъ этотъ заработокъ, котораго чурается мужикъ, отъ котораго онъ готовъ бѣжать даже къ кулаку. Отъ этого заработка мужикъ бѣднѣетъ, раззоряется—вотъ каковъ этотъ заработокъ.

Мужикъ, имѣющій свою землю, свое хозяйство, не долженъ идти лѣтомъ на страдную работу къ другому ни за какія деньги, потому что, работая лѣтомъ на другого, онъ неминуемо упускаетъ въ своемъ хозяйствѣ. Непродажному коню нѣтъ цѣны, и счастливъ тотъ, у кого есть непродажный конь. Непродажной работѣ нѣтъ цѣны, и счастливъ тотъ, у кого есть непродажная работа. Но голодъ заставляетъ продать любимаго коня, голодъ заставляетъ продавать и страдную работу.

Если вы живали когда нибудь лѣтомъ въ гостяхъ у помѣщика, то, безъ сомнѣнія, видѣли, какъ безпокоится, какъ волнуется хозяинъ лѣтомъ, когда дождь, напримѣръ, мѣшаетъ уборкѣ сѣна или хлѣба, видѣли, какъ помѣщикъ, староста, даже рабочіе, приходятъ въ волненіе въ виду заходящей тучи. Представьте же себѣ нравственное состояніе мужика-хозяина, когда онъ долженъ бросить подъ дождь свое разбитое на лугу сѣно, которое вотъ-вотъ сейчасъ до дождя онъ успѣлъ бы сгрести въ копны, бросить, для того чтобы ѣхать убирать чужое сѣно. Представьте себѣ положеніе хозяина, который долженъ оставить подъ дождемъ свой хлѣбъ, чтобы ѣхать возить чужіе снопы. Нужно быть самому хозяиномъ, чтобы вполнѣ понять то ужасное нравственное состояніе, въ которомъ находится человѣкъ въ такихъ случаяхъ, и нельзя не удивляться тому хладнокровію, съ которымъ мужикъ, оставивъ свое поле, ѣдетъ на господское. Только многіе годы рабства, крѣпостной работы на барина, могли выработать такое хладнокровіе. „Наше потерпитъ, лишь бы только ваше, господское, убрать“, говоритъ барину и теперь еще, по старой привычкѣ, мужикъ, повторяя то, что онъ привыкъ говорить, когда былъ крѣпостнымъ.

Но это хладнокровіе только кажущееся; нужно видѣть, что дѣлается внутри, въ душѣ хозяина, какъ онъ клянетъ судьбу, какъ онъ закаивается брать въ другой разъ страдную работу. Проявляется это наружно только у молодыхъ, не забитыхъ крѣпостными привычками, да у бабъ. Батракъ, безземельный, неимѣющій своего хозяйства, ничего подобнаго не испытываетъ, но оттого у него и выработывается извѣстная тупость.

Работа лѣтомъ, въ страду, въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, раззо-

ряетъ мужика, и потому на такую работу онъ идетъ лишь изъ крайности, отбиваясь отъ этой работы елико возможно. Конечно, я говорю не о батракахъ; батракъ—одно слово батракъ. Это или безземельный, или неспособный къ хозяйству человѣкъ, который не живетъ своимъ загадомъ, своей головой, который живетъ чужимъ загадомъ, на всемъ готовомъ, предпочитаетъ работать на другого, лишь бы только быть обезпеченнымъ, предпочитаетъ обезпеченную зависимость необезпеченной независимости. Такіе люди есть какъ и въ интеллигентномъ классѣ—тутъ ихъ еще болѣе—такъ и между крестьянами. И всегда они будутъ, пока крестьянскія деревни не превратятся въ настоящія общины, въ которыхъ работа будетъ производиться сообща и гдѣ тогда найдется мѣсто каждому.

Я говорю не о батракахъ, а объ мужикахъ, землевладѣльцахъ-хозяевахъ, способныхъ, было бы только съ чѣмъ и надъ чѣмъ работать, къ собственному загаду. Для такихъ, сдѣльныя работы въ страду въ помѣщичьихъ хозяйствахъ—бѣда, раззоренье. Отъ работъ у помѣщика въ страду мужикъ бѣжитъ. Онъ борется до послѣдней степени и беретъ страдную работу только тогда, когда нѣтъ никакой возможности обойтись, когда нѣтъ хлѣба, когда приступаютъ къ продажѣ скота за недоимки. Если можно какъ бы то ни было достать денегъ, хотя за большіе проценты, мужикъ предпочитаетъ занять, лишь бы только не обязываться лѣтнею работаю, въ особенности постоянною, на цѣлое лѣто, какова, напримѣръ, обработка земли кругами въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, состоящая въ томъ, что крестьянинъ, за извѣстную плату, обязывается въ теченіи лѣта, съ своими лошадьми и орудіями, произвести у помѣщика полную обработку земли въ трехъ поляхъ, подобно тому, какъ это дѣлалось при крѣпостномъ правѣ.

Совершенно иное дѣло зимняя работа; на зимнюю работу мужикъ нанимается охотно и дешево, и, если нѣтъ выгодной работы, то беретъ и такую, при которой только хлѣбъ на навозъ перегоняетъ, то есть заработываетъ лишь столько, чтобы себя и лошадь прокормить. Вся суть дѣла для мужика заключается въ выгодномъ зимнемъ заработкѣ, потому что зимній заработокъ даетъ ему возможность работать лѣтомъ на себя, не обязываться лѣтними страдными работами на другихъ. Хозяину-земледѣльцу, имѣющему свое хозяйство, выгоднѣе зимою работать за четвертакъ въ день, чѣмъ въ страду за три рубля. Между тѣмъ, помѣщичьи хозяйства зимою-то именно и не даютъ работы, или даютъ очень мало, а требуютъ лѣтней работы. Интересы крестьянъ и помѣщиковъ, при существующихъ порядкахъ, совершенно противоположны. Освободиться отъ

лѣтнихъ работъ на помѣщика—постоянная мечта мужика; заставить мужики работать лѣтомъ у себя—постоянная мечта помѣщика.

Существованіе помѣщичьихъ хозяйствъ, такихъ, какія мы теперь встрѣчаемъ, возможно только при существованіи подневольныхъ такъ или иначе—будутъ ли то крѣпостные по „положенію“, или крѣпостные по экономическамъ причинамъ, обязанные работать на помѣщичьихъ поляхъ, потому что нѣтъ хлѣба, нѣтъ выгона, нѣтъ денегъ.

„Крестьяне наши, говоритъ А. Ростовцевъ [1]) изъ Орловской губерніи, раздѣляются на двѣ категоріи. Болѣе зажиточные, которые имѣютъ 3—4 лошади и такое же число взрослыхъ работниковъ во дворѣ и вообще *исправное* хозяйство, всѣми силами *стараются пріобрѣсти себѣ землю или покупкою, или арендою,* и потому *на стороннія работы не нанимаются ни за какія деньги.* Бѣднѣйшіе же крестьяне, у которыхъ всего одна и по большей части плохенькая лошадка и хозяйство неисправное, нанимаются на полевыя работы съ большою охотою“. Про эту охоту прибавлю я отъ себя: „неволя велитъ и сопливаго любить“.

„Нанимаются крестьяне, говоритъ далѣе Ростовцевъ, обыкновенно съ осени, въ сентябрѣ и октябрѣ, и берутъ всѣ деньги впередъ почти за годъ. Но „у зимы ротъ великъ“, говоритъ пословица, поэтому зимою обыкновенно бываютъ разные случаи. Бываетъ очень часто, что бѣдный крестьянинъ, нанявшись у одного землевладѣльца и взявши впередъ деньги подъ отработки, среди зимы отправляется къ другому землевладѣльцу, нанимается также у него, потомъ нанимается и къ третьему. Когда придетъ время работать, его сразу вызываютъ къ тремъ лицамъ; онъ является къ одному, сработаетъ половину работы, потомъ бросаетъ—къ другому, у другого тоже только начнетъ работать и побѣжитъ къ третьему и, въ концѣ концовъ, бросаетъ всѣхъ и бѣжитъ убирать свой *несчастный хлѣбишко, который, къ этому времени, наполовину уже осыпался*“.

Существованіе помѣщичьихъ хозяйствъ *обусловливается* именно *существованіемъ такихъ подневольныхъ*, бѣдныхъ крестьянъ, у которыхъ не хлѣбъ, а *хлѣбишко, да и тотъ осыпается,* пока мужикъ исполняетъ работы, на которыя обязался зимой, у которой „ротъ великъ“. Зажиточные крестьяне не нанимаются ни за какія деньги. Слѣдовательно, *чтобы было кому работать въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, нужно, чтобы были нуждающіеся, бѣдные.* Порядокъ ли это? Иные думаютъ, что въ этомъ-то и порядокъ. Одинъ нѣмецъ—

[1]) „Земледѣльческая газета“, 1880 г., стр. 720, въ статьѣ о жатвенныхъ машинахъ.

настоящій нѣмецъ изъ Мекленбурга—управитель сосѣдняго имѣнія, говоритъ мнѣ какъ-то: „у васъ въ Россіи совсѣмъ хозяйничать нельзя [1]), потому что у васъ нѣтъ *порядка*, у васъ каждый мужикъ самъ хозяйничаетъ — какъ же тутъ хозяйничать барину? Хозяйничать въ Россіи будетъ возможно только тогда, когда крестьяне выкупятъ земли и подѣлятъ ихъ, потому что тогда богатые скупятъ земли, а бѣдные будутъ безземельными батраками. Тогда у васъ будетъ порядокъ и можно будетъ хозяйничать, а до тѣхъ поръ нѣтъ". Да, если постоятъ такія цѣны на хлѣбъ, какъ нынче—13—15 рублей за четверть—то порядокъ, про который говоритъ нѣмецъ, можетъ установиться и ранѣе.

И теперь, какъ при крѣпостномъ правѣ, основа помѣщичьихъ хозяйствъ не измѣнилась. Конечно, помѣщичьи хозяйства, въ нашихъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, упали, сократились въ размѣрахъ, но суть, основа, система остается все та же, какъ и до 1861 года.

Прежде, при крѣпостномъ правѣ, помѣщичьи поля обработывались крестьянами, которые выѣзжали на эти поля съ своими орудіями и лошадьми; точно такъ же обработываются помѣщичьи поля и теперь тѣми же крестьянами съ ихъ лошадьми и орудіями, съ тою только разницею, что работаютъ не крѣпостные, а еще съ зимы задолженные.

Точно такъ же, какъ и прежде, и теперь землевладѣлецъ нетолько не работаетъ самъ, не умѣетъ работать, но и не распоряжается даже работой, потому что большею частію ничего по хозяйству не смыслитъ, хозяйствомъ не интересуется, своего хозяйства не знаетъ. Землевладѣлецъ или вовсе не живетъ въ деревнѣ, или, если и живетъ, то занимается своимъ барскимъ дѣломъ, службой или еще чѣмъ, пройдется развѣ по полямъ — вотъ и все его хозяйство. Какой же онъ хозяинъ, когда онъ ни около скота, ни около земли, ни около работы ничего не понимаетъ, и понимаетъ только то, чему съ малолѣтства учился—службу. За бариномъ слѣдуетъ другой баринъ, подбаринъ, приказчикъ, который обыкновенно тоже работать не умѣетъ и работы не понимаетъ, около земли и скота понимаетъ немногимъ больше барина, умѣетъ только мерсикать ножкой и потрафлять барину, служить, подслуживаться. Затѣмъ, если имѣніе покрупнѣе, идетъ еще цѣлый рядъ подбариновъ — конторщики, ключники, экономки и прочій мерсикающій ножкой людъ, одѣвающійся въ пиджаки и носящій панью и шильоны — людъ ни въ хозяйствѣ, ни въ

[1]) Нѣмецъ попалъ въ мѣстность, которую я, подъ названіемъ „Счастливаго Уголка", опишу въ слѣдующемъ письмѣ.

работѣ, ничего не понимающій, работать не умѣющій и не желающій, и работу, и мужика презирающій. Наконецъ, уже идетъ настоящій хозяинъ, староста-мужикъ, безъ котораго хозяйство вовсе не могло бы идти. Староста-мужикъ умѣетъ работать, работу понимаетъ, знаетъ хозяйство, понимаетъ и около земли, и около скота, но, главное, староста знаетъ, что нужно мужику, знаетъ, когда мужикъ *повычхался,* знаетъ, какъ обойтись съ мужикомъ, какъ его *забротать,* какъ на него *надѣть хомутъ,* какъ его *ввести въ оглобли.* Административный штатъ помѣстья только ѣстъ, пьетъ, ѣдетъ и погоняетъ, а везетъ, работаетъ мужикъ и, чтобы запречь этого мужика, нужно, чтобы у него не было денегъ, хлѣба, чтобы онъ былъ бѣденъ, бѣдствовалъ. Зажиточный мужикъ старается арендовать землю и работать на ней на себя, на свой страхъ, на работу же у помѣщика не нанимается ни за какія деньги. Землевладѣльцевъ же, которые, подобно американцамъ-фермерамъ, работали бы съ своимъ семействомъ, я, между людьми интеллигентнаго класса, еще не знаю. Говорятъ, что есть такіе, но я не видалъ.

Не знаю и такихъ землевладѣльцевъ изъ интеллигентныхъ, которые, имѣя батраковъ, работали бы сами на ряду съ батраками, у которыхъ бы батраки, подобно тому, какъ у американскихъ фермеровъ, жили бы, ѣли и пили вмѣстѣ съ хозяевами.

Не знаю и такихъ хозяйствъ, въ которыхъ бы всѣ работы производились батраками съ помощію машинъ, а самъ хозяинъ-землевладѣлецъ, умѣющій работать, понимающій работу и хозяйство, всѣмъ распоряжался, смотрѣлъ за работой и хозяйствомъ, подобно тому, какъ въ большихъ американскихъ хозяйствахъ.

Ничего подобно у насъ нѣтъ. И, прежде всего, главное, землевладѣлецъ есть баринъ, работать не умѣетъ, съ батраками ничего общаго не имѣетъ и они для него не люди, а только работающія машины.

Батрацкое хозяйство считается невыгоднымъ, да оно, при существующихъ системахъ и порядкахъ хозяйства, и невозможно, потому что, если и возможно батраками обработать землю, то никакъ нельзя управиться въ страдное время—въ жнитво и въ покосъ. Поэтому, хозяйство ведется такъ: или вся земля сдается на обработку сосѣднимъ крестьянамъ-хозяевамъ—сдача кругами, снизками,—которые обработываютъ ее своими лошадьми и орудіями, и тогда въ имѣніи нѣтъ ни инвентаря, ни рабочаго скота; или часть работъ, именно земляныя работы, производятся батраками съ экономическимъ инвентаремъ и рабочимъ скотомъ, а другая часть работъ, страдныя ра-

боты: покосъ, жнитво, производятся крестьянами за взятыя по нуждѣ зимой деньги и хлѣбъ.

Между тѣмъ, какъ я уже говорилъ выше, для мужика-земледѣльца, имѣющаго свое хозяйство, дорого именно это страдное время, которое ему необходимо для работы на себя, въ своемъ хозяйствѣ. Извѣстно, что даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне занимаются отхожими или кустарными промыслами, какъ бы ни были выгодны эти промыслы, все-таки большинство крестьянъ на страдное время возвращается домой и работаетъ въ своемъ хозяйствѣ. Это совершенно понятно тому, кто знаетъ, что теряетъ мужикъ, не работая лѣтомъ въ своемъ хозяйствѣ и не посвящая ему все свое время. Если мужикъ бросаетъ лѣтомъ выгодные сторонніе заработки, чтобы работать въ покосъ и жнитво дома, въ своемъ хозяйствѣ, то понятно, что только крайняя нужда можетъ побудить его работать лѣтомъ на помѣщика.

Итакъ, съ одной стороны для мужика раззоренье, если онъ долженъ лѣтомъ работать на другого; съ другой стороны—помѣщикъ не можетъ вести свое хозяйство безъ лѣтней работы мужика-хозяина. Поэтому, между помѣщикомъ и сосѣдними крестьянами-хозяевами идетъ постоянная борьба. Помѣщикъ хочетъ забротать крестьянина, надѣть на него хомутъ, ввести его въ оглобли, а мужикъ не дается, выбивается, старается не попасть въ хомутъ. Всѣ помышленія помѣщика, его приказчика, старосты направлены къ тому, чтобы сдать мужикамъ на обработку землю за выгоны, за отрѣзки, на деньги; всѣ помышленія мужика, какъ бы обойтись безъ того, чтобы брать у помѣщика круги и вообще страдныя работы. Тутъ вопросъ вовсе не въ величинѣ заработной платы, а въ томъ, что мужикъ, имѣющій свое хозяйство, вовсе не хочетъ работать въ чужомъ хозяйствѣ. И вотъ, тамъ, гдѣ мужикъ успѣваетъ отбиться отъ работъ на господской землѣ, тамъ, гдѣ онъ лѣтомъ работаетъ на себя, тамъ крестьяне богатѣютъ, поправляются. Напротивъ, тамъ, гдѣ помѣщикъ забротал крестьянъ, надѣлъ на нихъ хомутъ, тамъ благосостояніе крестьянъ ниже, тамъ бѣдность, пьянство. Самое первое, самое важное средство, самая крѣпкая оброть, чтобы ввести крестьянъ въ оглобли—это *отрѣзки* и *выгоны*.

Уже въ прежнихъ моихъ статьяхъ я говорилъ, что крестьяне повсемѣстно болѣе всего нуждаются въ выгонахъ. Тамъ, гдѣ крестьяне въ крѣпостное время владѣли большимъ количествомъ земли, излишекъ земли, по „положенію“, отъ нихъ отрѣзанъ и эти „отрѣзки“ поступили во владѣніе помѣщиковъ; тамъ же, гдѣ крестьяне не имѣли лишней земли, такъ что владѣютъ тѣмъ, чѣмъ пользовались до

1861 года, они, при крѣпостномъ правѣ, пользовались еще господскими выгонами и нетолько у своего помѣщика, но и у сосѣдняго, такъ какъ тогда было просто и, по снятіи хлѣбовъ, скоту было ходить всюду вольно, тѣмъ болѣе, что всѣ смежныя поля были обыкновенно подъ одинаковыми хлѣбами. Въ настоящее же время никто *даромъ на свою землю, даже по снятіи травъ и хлѣбовъ, не пускаетъ*. Необходимость выгоновъ—теперь самое важное для крестьянъ. Если у крестьянъ есть достаточно своего хлѣба, хватаетъ хлѣба до „нови", если у нихъ къ тому же есть зимній заработокъ, то ничто, кромѣ нужды въ выгонахъ, не можетъ ихъ заставить взять на обработку помѣщичью землю. Никакими деньгами крестьянъ-хозяевъ, занимающихся землею, соблазнить нельзя. Покосъ крестьяне могутъ снять за деньги или съ части и въ отдаленности отъ деревни; дровъ, лѣсу, тоже могутъ купить на сторонѣ; земли заарендовать тоже могутъ; только выгонъ они должны взять непремѣнно подлѣ деревни, у сосѣдняго помѣщика. Оттого то мы и слышимъ такого рода восхваленія имѣній: „у меня крестьяне не могутъ не работать, потому что моя земля подходитъ подъ самую деревню, курицы мужику выпустить некуда", или: „у него отличное имѣніе, отрѣзки тянутся узкой полосой на четырнадцать верстъ и обхватываютъ семь деревень; ему за отрѣзки всю землю обработываютъ!" Словомъ, при оцѣнкѣ имѣнія, смотрятъ не на качество земли, не на угодья, а на то, какъ расположена земля по отношенію къ сосѣднимъ деревнямъ, подпираетъ ли она ихъ, необходима ли она крестьянамъ, могутъ или нѣтъ они безъ нея обойтись. Поэтому то теперь, при существующей системѣ хозяйства, иное имѣніе и безъ луговъ, и съ плохой землей, даетъ большой доходъ, потому что оно благопріятно для землевладѣльца расположено относительно деревень, а главное, обладаетъ „отрѣзками", безъ которыхъ крестьянамъ нельзя обойтись, которые загораживаютъ ихъ земли отъ земель другихъ владѣльцевъ, такъ что не можетъ быть и выгодной для крестьянъ конкурренціи между владѣльцами, желающими каждый залучить крестьянъ на работу къ себѣ.

Самое выгодное для крестьянъ, это, если отрѣзки и выгоны они могутъ заарендовать на деньги или получить въ пользованіе за какія нибудь зимнія роботы—рѣзку или возку дровъ, грузку вагоновъ и т. п., что бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣніе купитъ какой нибудь купецъ лѣсопромышленникъ, не занимающійся хозяйствомъ. Въ такомъ случаѣ, крестьяне тотчасъ поправляются, богатѣютъ, потому что, заплативъ за необходимые имъ выгоны или отрѣзки зимними работами, потомъ все лѣто работаютъ на себя, накашиваютъ много сѣна, арендуютъ земли подъ ленъ и хлѣба. Кормъ, который они

тогда свозятъ съ чужихъ угодій, поѣдается ихъ скотомъ на ихъ же дворахъ и получается навозъ, который идетъ на удобреніе ихъ крестьянскихъ надѣловъ. Но, если помѣщикъ самъ ведетъ хозяйство, то ни выгона, ни отрѣзковъ за деньги не отдаетъ, и требуетъ, чтобы крестьяне за выгоны и отрѣзки обработывали ему землю. Все искусство хозяина-помѣщика состоитъ въ томъ, чтобы заставить нуждающихся въ отрѣзкахъ крестьянъ обработывать какъ можно болѣе земли: всѣ старанія крестьянъ устремлены на то, чтобы работать какъ можно менѣе, а еще лучше вовсе не работать круговъ и платить за отрѣзки и выгоны деньгами.

Такимъ образомъ, между помѣщичьими и крестьянскими хозяйствами идетъ постоянная борьба, и гдѣ крестьяне одолѣваютъ, тамъ благосостояніе ихъ увеличивается и помѣщичьи хозяйства, часто *къ выгодѣ помѣщиковъ,* вытѣсняются. Да, *къ выгодѣ,* потому что, вмѣсто того, чтобы вести не приносящее дохода хозяйство, помѣщикъ тогда *сдаетъ свои земли въ аренду крестьянамъ* и получаетъ болѣе, чѣмъ онъ получалъ, когда велъ хозяйство, при которомъ доходъ поглощался содержаніемъ прикащиковъ и администраціи.

Но покуда помѣщикъ ведетъ хозяйство, онъ вынуждаетъ крестьянъ работать въ этомъ хозяйствѣ. И мужикъ, оттѣсненный выгонами, недостаткомъ земли, въ ущербъ себѣ, работаетъ у помѣщика. И тотъ, и другой теряютъ: одинъ мало получаетъ за землю, другой мало получаетъ за трудъ.

Мужикъ угнетенъ, мужикъ бѣдствуетъ, мужикъ не можетъ такъ подняться, какъ онъ поднялся бы, еслибы онъ не долженъ былъ попусту работать въ глупомъ, пустомъ, бездоходномъ помѣщичьемъ хозяйствѣ и могъ бы арендовать, или, еще лучше, купить ту землю, которую онъ *безполезно болтаетъ* у помѣщика. Съ другой стороны, и помѣщикъ отъ своего хозяйства не имѣетъ дохода—всѣ помѣщики справедливо жалуются на бездоходность хозяйствъ—потому что выработанный мужикомъ доходъ идетъ на содержаніе администраціи, орды не работающихъ, презирающихъ и трудъ, и мужика, дармоѣдовъ, изъ которыхъ, когда они наживутся, выходятъ кулаки, тѣснящіе народъ. Кому же тутъ выгода? Никому, кромѣ будущихъ кулаковъ.

Труда мужицкаго тратится пропасть; вслѣдствіе неразумной эксплуатаціи земли и неправильнаго приложенія, трудъ этотъ теряется безполезно, зарывается въ землю, а если что и вырабатывается, то идетъ не тому, кто работаетъ, и даже не тому, кто считается владѣльцемъ земли, а постороннему, не работающему человѣку.

Каждому понятно, что можно затратить много труда, но, разъ

этотъ трудъ приложенъ, то неразумно, если въ результатѣ ничего полезнаго не получается. Безплодно сожжено извѣстное количество углерода, безплодно зарыто извѣстное число пудофутовъ работы. Вы хотите осушить лугъ; если вы правильно провели канавы, лугъ осушенъ и получается хорошее пастбище; если провели неправильно, то, несмотря на массу потраченнаго для рытья канавъ труда, лугъ не высохъ и остается все тоже безполезное болото.

Вотъ такое-то безплодное толченіе воды идетъ въ большей части помѣщичьихъ хозяйствъ. Поистинѣ, нелѣпое положеніе вещей. Что же тутъ удивительнаго, что при всѣхъ нашихъ естественныхъ богатствахъ мы бѣдствуемъ. Работаетъ мужикъ безъ устали, а все-таки ничего нѣтъ.

Итакъ, первое, что заставляетъ крестьянъ работать въ помѣщичьихъ хозяйствахъ — это недостатокъ выгоновъ. Но это еще куда ни шло, если мужики зажиточны: работать за выгонъ приходится немного. Но одними работами за выгоны помѣщичьи хозяйства удовлетвориться не могутъ; при дороговизнѣ администраціи, имъ обыкновенно нужно обработывать гораздо болѣе земли, чѣмъ сколько крестьяне будутъ работать за выгоны, слѣдовательно, нужно, чтобы крестьяне, сверхъ того, работали и за деньги. Между тѣмъ, такъ какъ для крестьянъ работать кружкѝ раззоренье, то обработку кружковъ за деньги крестьяне берутъ только тогда, когда нуждаются въ деньгахъ для покупки хлѣба. Вотъ это-то и опредѣляетъ ихъ положеніе. Если крестьяне берутъ кружкѝ изъ-за денегъ, то это показываетъ, что положеніе крестьянъ очень плохое, что они бѣдствуютъ. Этотъ критерій до такой степени вѣрный, что для меня, напримѣръ, достаточно часъ, два поговорить съ помѣщикомъ и крестьянами, чтобы опредѣлить положеніе крестьянъ.

Поэтому-то урожай или неурожай, дешевизна или дороговизна хлѣба, имѣютъ громадное значеніе для помѣщика, ведущаго хозяйство трудомъ крестьянъ-хозяевъ. Если у мужика достаточно своего хлѣба, то хотя бы хлѣбъ и былъ дорогъ, мужикъ все-таки не пойдетъ наниматься на страдныя работы къ помѣщику. Слѣдовательно, для помѣщика важно нетолько то, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ — это, конечно, увеличиваетъ доходность—но важно еще и то, чтобы былъ неурожай, чтобы у мужика не было хлѣба, чтобы мужикъ еще съ зимы долженъ былъ запродавать свою лѣтнюю работу. Только тогда можно забротать его, надѣть на него хомутъ, ввести въ оглобли. Пока съ осени есть у мужика хлѣбъ, онъ, хотя и нанимается охотно и дешево на зимнія работы—умный разсчетливый мужикъ и дешевой зимней работой не брезгуетъ: „маленькій барышокъ, да почаще въ мѣ-

шокъ"—но въ хомутъ на лѣтнія работы не идетъ. Нѣтъ болѣе хлѣба, вышелъ весь свой, но есть деньги—мужикъ покупаетъ хлѣбъ, хотя бы и по дорогой цѣнѣ, но въ оброть все еще не дается. Вышли деньги, мужикъ идетъ занять у кулака хлѣба, денегъ за огромные проценты, но въ оглобли все еще не дается. Наконецъ, какъ послѣднее средство—идетъ брать на обработку кружкй въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Мужикъ, значитъ, „повычхался". Ни одно хозяйство, въ которомъ земля обрабатывается крестьянами-хозяевами, не знаетъ впередъ, будетъ ли сдана вся земля въ обработку: все зависитъ отъ положенія крестьянъ, отъ урожая, отъ величины зимнихъ заработковъ, отъ цѣны на хлѣбъ. И тутъ опять-таки дѣло не въ цѣнѣ за работу, а въ томъ, возьмутъ ли ее. Есть у крестьянъ хлѣбъ, нѣтъ нужды—ни за какую цѣну не возьмутъ круговъ; нѣтъ хлѣба—возьмутъ и за дешевую плату, и чѣмъ больше нужда, тѣмъ дешевле плата.

Я говорилъ, что въ нашей мѣстности большинство помѣщиковъ ведетъ хозяйства безъ инвентаря и рабочаго скота, сдавая свои земли на полную обработку крестьянамъ. Но есть хозяйства, въ которыхъ имѣется и инвентарь, и рабочій скотъ, и работа производится батраками. Однако, и такія хозяйства одними батраками обойтись не могутъ и должны на страдное время, въ особенности на жнитво, нанять крестьянъ. Батраками можно только произвести обработку земли, вывезти зимой навозъ, убрать часть покосовъ, но на огульныя работы, на жнитво, уборку, возку, вообще въ страду, нужна сторонняя сила. Самое важное—жнитво.

Первыми на жнитво нанимаются безземельныя бобылки, бабы живущія своими маленькими хозяйствами, но безъ земли; для бобылокъ жнитво самая важная работа, обезпечивающая ихъ зимнее существованіе. Такъ какъ бобылка хлѣба не сѣетъ, своего жнитва дома не имѣетъ, то она охотно нанимается на эту работу и для нея важно, чтобы было какъ можно менѣе конкуренціи, т. е. чтобы меньше было бабъ, имѣющихъ свой хлѣбъ, свое жнитво и взявшихъ господское жнитво еще съ зимы по нуждѣ. Слѣдовательно, и для бобылки важно, чтобы былъ урожай, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ, а мужикъ дорогъ, чтобы меньше было нужды зимой. Но для помѣщика однихъ бобылокъ мало, нужно, чтобы и дворовыя быбы, имѣющія свое жнитво, оставивъ его, шли жать на господскія поля. Но разъ наступило жнитво, разъ поспѣлъ хлѣбъ и можно, если не спечь хлѣбъ, то напарить ржаной каши, ни одна дворовая баба не броситъ свою ниву, свое жнитво и не пойдетъ ни за какія деньги жать на чужомъ полѣ. Чтобы баба оставила хлѣбъ на своей нивѣ осыпаться и пошла жать на чужомъ полѣ, нужно, чтобы эта баба обязалась впередъ еще зимою. Разъ

наступило время жнитва, никого уже, кромѣ бобылокъ, нанять нельзя, пока дворовыя бабы не пожнутъ своего хлѣба. Поэтому, чтобы не остаться на жнитво съ одними бобылками, нужно закабалить бабъ еще зимою, а это возможно только тогда, когда у мужика нѣтъ хлѣба. Какъ ни кинь, все клинъ.

Ясно, что помѣщику нужно, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ и не потому только, что онъ производитъ хлѣбъ на продажу, а и потому, что *хлѣбъ дорогъ—мужикъ дешевъ,* можно мужика ввести въ оглобли. Напротивъ, мужику нужно, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ, потому что мужикъ хлѣба не продаетъ, а большею частію прикупаетъ; если даже у мужика и ѣсть избытокъ хлѣба, то онъ все-таки не продаетъ, а хочетъ, чтобы у него хлѣба хватило за „новь", чтобы можно было прожить своимъ хлѣбомъ и еще годъ, въ случаѣ, если Богъ обидитъ градомъ. Если мужикъ по осени продаетъ хлѣбъ по мелочамъ, то это или пьяница, который продаетъ на выпивку, или бѣднякъ, которому не на что купить соли, дегтю, не чѣмъ заплатить попу за молебны въ праздникъ. Настоящій земельный мужикъ-хозяинъ хлѣба не продастъ, хотя бы у него былъ избытокъ, а тѣмъ паче не продастъ по осени. Зачѣмъ продавать хлѣбъ—*хлѣбъ тѣ же деньги*, говоритъ мужикъ, и, если, продавъ пеньку, ленъ, сѣмя, коноплю, онъ можетъ уплатить подати, то хлѣба продавать не будетъ, хотя бы у него была двухгодовалая пропорція; онъ будетъ кормить свиней, скотъ.

Потому-то мужикъ искренно молится Богу объ урожаѣ, объ томъ, чтобъ хлѣбъ былъ дешевъ.

При существующей нынѣ системѣ хозяйства, при существующихъ отношеніяхъ, каждому производителю хлѣба на продажу выгодно чтобы хлѣбъ былъ дорогъ. Никто, конечно, не говоритъ: „ныньче, слава Богу, неурожай", но развѣ не радуются, когда за-границей неурожай, когда требованіе на хлѣбъ большое, когда цѣны на хлѣбъ большія? „У нѣмца ныньче недородъ, нѣмцу хлѣбъ нуженъ, требованіе большое, цѣны подымаются", ликуютъ всѣ.

Въ третьемъ году продавали рожь по 6 р. 50 к. за четверть, въ прошломъ году по 9 рублей, ныньче по 14 рублей... Платить-то въ банкъ все одну сумму нужно, будетъ ли хлѣбъ 6 руб. или 14. Какъ же тутъ не радоваться! Естественно, что радуются. Сердобольная помѣщица, продавъ ржицу рубликовъ по 14 за четверть, разсказывая о выгодной продажѣ, конечно, по христіанству, вспомнитъ о бѣдномъ мужичкѣ, каково-то ему бѣдному покупать хлѣбъ по такой цѣнѣ; такъ и дьячиха, смекая сколько будетъ землянаго доходу,

по христіанству жалѣетъ покойника и сердобольно утѣшаетъ его родныхъ на поминкахъ.

Вотъ тутъ-то вся и разница. Баринъ желаетъ, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ, мужикъ желаетъ, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ. Мужикъ, даже богатый, никогда не радуется дороговизнѣ хлѣба. Эта потребность массы крестьянъ въ хлѣбѣ, эта необходимость, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ, характеризуется тѣмъ, что никогда ни одинъ крестьянинъ не скажетъ: „слава Богу, хлѣбъ дорогъ“ — это болѣе, чѣмъ неприлично, болѣе, чѣмъ зазорно, это надругательство, это грѣхъ, большой грѣхъ, за который Богъ покараетъ.

— Какъ можно сказать: „слава Богу, хлѣбъ дорогъ“, говорилъ мнѣ одинъ мужикъ:—это большой грѣхъ. Вотъ я вамъ разскажу случай, которому самъ свидѣтелемъ былъ. Везли мы пеньку — вотъ и Евдокимъ съ нами былъ, спросите у него, онъ то же самое скажетъ— только пріѣзжаемъ на постоялый дворъ по утру. Былъ праздникъ, хозяева только-что изъ церкви пришли. Убрали мы это лошадей, сѣли обѣдать; вотъ хозяинъ сталъ хлѣбъ рѣзать, отрѣзалъ скибку, да и говоритъ невѣсткамъ—онъ съ двумя невѣстками на постояломъ жилъ, а сыновья въ городѣ торговали—ну, слава Богу, хлѣбъ вздорожалъ; если такая цѣна постоитъ—а у него хлѣба было много скуплено — продамъ хлѣбъ, куплю вамъ, бабы, по шелковому платку. Только сказалъ онъ это, а самъ вторую скибку рѣжетъ, зарѣзалъ, повернулъ хлѣбъ, вдругъ у него ножъ соскочилъ, да прямо въ брюхо; пропоролъ такъ, что кишки вывалились; всѣ вскочили, кто на село за попомъ бросился, кто къ нему, положили его навзничъ, зашили брюхо, однако ничего не помогло; ѣхали мы назадъ—померъ. Вотъ какъ говорить: „слава Богу, хлѣбъ дорогъ“, вотъ Богъ и покаралъ. Нельзя этого говорить. Хлѣбъ всему народу нуженъ, всему хрестьянству! какъ же хрестьянину жить, если хлѣбъ дорогъ! Оно понятно, дворнику радостно, что ему барыши большіе, только говорить-то „слава Богу, хлѣбъ дорогъ“ нельзя! Пусть будетъ по Божьему. Богъ цѣны строитъ; дорогъ ли, дешевъ ли хлѣбъ, Богъ лучше насъ знаетъ, что къ чему. Вотъ оно что.

— Однако же говорятъ: „слава Богу, скотъ нынче дорогъ!.. славо Богу, мясо въ цѣнѣ“, замѣтилъ я.

— Это другое дѣло; хрестьянинъ скотъ продаетъ. Мясо — другое дѣло: мясо можно ѣсть или не ѣсть, безъ мяса живъ будешь; мужикъ мяса не ѣстъ, а хлѣбъ каждому нуженъ, безъ хлѣба никто жить не можетъ. Такихъ, что говядину ѣдятъ, немного, а хлѣбъ ѣдятъ всѣ хрестьяне. Большой грѣхъ желать, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ.

А мы-то, интеллигентные люди, радуемся, что хлѣбъ дорогъ.

Посмотрите, что было послѣдніе года. Третьяго года урожай былъ у насъ хорошій, въ степи хлѣбъ родился хорошо, хлѣба было много и цѣна на него была невысокая, даже весною прошлаго года хлѣбъ былъ еще дешевъ. Былъ дешевъ хлѣбъ, скотъ былъ дорогъ, дорогъ былъ мужикъ, дорогъ былъ его лѣтній трудъ.

Урожай: хлѣбъ дешевъ, говядина дорога, мужикъ дорогъ, мужикъ благоденствуетъ.

Мужикъ ликовалъ: ненужно мужику закабаляться на лѣтнія работы, можно лѣто работать на себя.

Совершенно иначе относились интеллигентные люди, которые хлѣба ѣдятъ такую малость, что и въ счетъ не ставятъ, которымъ лишь бы дешева была говядина, масло, молоко и всякій барскій, чиновничій харчъ. Съ весны прошлаго года, газеты оповѣстили, что за-границей не надѣются на хорошій урожай, что нѣмцу много нужно прикупить хлѣба, что требованіе на хлѣбъ будетъ большое. Всѣ радовались, что у нѣмца неурожай, что требованіе большое, цѣны—крѣпчаютъ. Да и какъ не радоваться—вывозъ увеличится, денегъ къ намъ прибудетъ пропасть, кредитный рубль подымется въ цѣнѣ.

Дѣйствительно, хлѣбъ сталъ дорожать, вывозъ увеличился, прошлую осень цѣны на хлѣбъ поднялись выше весеннихъ, хлѣбъ пошелъ за-границу шибко, все везутъ, да везутъ, едва успѣваютъ намолачивать. Къ зимѣ рожь поднялась у насъ съ 6 рублей на 9, но такъ какъ урожай третьяго года былъ очень хорошій, прошлаго года изрядный, картофель, яровое и травы уродились хорошо, зимніе заработки были порядочные, то и нынѣшней весной, несмотря на высокую цѣну хлѣба—(хотя это были только цвѣточки!)—скотъ все еще не падалъ въ цѣнѣ, мужикъ былъ дорогъ и на лѣто не закабалялся. А хлѣбъ все везутъ, да везутъ, и все мимо, къ нѣмцу. Но вотъ стали доходить слухи, что тамъ-то хлѣбъ плохъ, тамъ-то жукъ поѣлъ, тамъ саранча, тамъ муха, тамъ выгорѣло, тамъ отмокло — неурожай! голодъ! И у насъ тоже ржи оказался недородъ, яровое плохо, травы изъ рукъ вонъ, сѣна назапасили мало, уборка хлѣба плохая. А стараго хлѣба нѣтъ—къ нѣмцу ушелъ.

Начали молотить, отсѣялись; „новь“ — самое дешевое время для хлѣба, а хлѣбъ не то, чтобы дешевѣть, все дорожаетъ, быстро поднялся до неслыханной цѣны—12 рублей за четверть ржи въ „новь“. Ржаная мука поднялась до 1 руб. 60 коп. за пудъ. А тутъ еще корму умаленіе — скотъ сталъ дешевѣть, говядина 1 р. 50 коп. за пудъ, дешевле ржаной муки. Нѣтъ хлѣба—ѣшь говядину.

Вотъ вамъ и неурожай у нѣмца! Вотъ и требованіе сильное! Вотъ и цѣны большія! Вотъ и много денегъ отъ нѣмца забрали! Радуйтесь!

Конечно, мужики хлѣба не продавали; у мужика нетолько нѣтъ лишняго хлѣба на продажу, но и для себя не хватитъ, а если у кого изъ богачей и есть излишекъ, такъ и онъ притулился, ждетъ, что будетъ дальше. Хлѣбъ продавали паны, деньги получали паны, но много ли изъ этихъ денегъ разошлось внутри, потрачено на хозяйство, на дѣло? Мужикъ продастъ хлѣба, такъ онъ деньги тутъ же на хозяйство потратитъ. А онъ продастъ хлѣбъ, и деньи тутъ же за море переведетъ, потому что панъ пьетъ вино заморское, любитъ бабу заморскую, носитъ шелки заморскіе и могарычъ за долги платитъ за море. Хлѣбъ ушелъ за море, а теперь кусать нечего. Хорошо, какъ своимъ хлѣбомъ, *хоть и пушнымъ*, перебьемся, а какъ совсѣмъ его не хватитъ и придется его у нѣмца въ долгъ брать! Купить-то вѣдь не на что. А въ Поволжьи народъ, слышно, съ голоду пухнуть началъ.

Вспомните, какъ ликовали въ прошломъ году газеты, что спросъ на хлѣбъ большой, что цѣны за-границей высоки. Вспомните, какъ толковали о томъ, что намъ необходимо улучшить пути сообщенія, чтобы удешевить доставку хлѣба, что нужно улучшить порты, *чтобы усилить сбытъ хлѣба за-границу*, чтобы *конкурировать съ американцами*. Думали, должно быть, и невѣсть чтò у насъ хлѣба, думали, что намъ много есть что продавать, что мы и американцу ножку подставить можемъ, были бы только у насъ пути сообщенія, удобныя для доставки хлѣба къ портамъ.

Ничего этого не бывало. И безъ улучшенія путей сообщенія, и безъ устройства пристаней съ удобоприспособленными для ссыпки хлѣба машинами, просто-на-просто, самыми обыкновенными способами, на мужицкихъ спинахъ, такъ-то скорехонько весь свой хлѣбъ за-границу спустили, что теперь и самимъ кусать нечего.

И съ чего такая мечта, что у насъ будто бы такой избытокъ хлѣба, что нужно только улучшить пути сообщенія, чтобы конкурировать съ американцемъ?

Американецъ продаетъ избытокъ, а мы продаемъ необходимый насущный хлѣбъ. Американецъ-земледѣлецъ самъ ѣстъ отличный пшеничный хлѣбъ, жирную ветчину и баранину, пьетъ чай, заѣдаетъ обѣдъ сладкимъ яблочнымъ пирогомъ или папушникомъ съ патокой. Нашъ же мужикъ-земледѣлецъ ѣстъ самый плохой ржаной хлѣбъ съ костеремъ, сивцомъ, пушниной, хлебаетъ пустыя сѣрыя щи, считаетъ роскошью гречневую кашу съ конопляным маслом; объ яблочныхъ пирогахъ и понятія не имѣетъ, да еще смѣяться будетъ, что есть такія страны, гдѣ нѣженки-мужики яблочные пироги ѣдятъ, да и батраковъ тѣмъ же кормятъ. У нашего мужика-земледѣльца не хва-

таетъ пшеничнаго хлѣба на соску ребенку; пожуетъ баба ржаную корку, что сама ѣстъ, положитъ въ тряпку—соси.

А они объ путяхъ сообщенія, объ удобствахъ доставки хлѣба къ портамъ толкуютъ, поредовицы пишутъ! Вѣдь если намъ жить, какъ американцы, такъ не то, чтобы возить хлѣбъ за границу, а производить его вдвое противъ теперешняго, такъ и то только что въ пору самимъ было бы. Толкуютъ о путяхъ сообщенія, а сути не видятъ. У американца и на счетъ земли свободно, и самому ему вольно, дѣлай какъ знаешь въ хозяйствѣ. Ни надъ нимъ земскаго предсѣдателя, ни исправника, ни непремѣннаго, ни урядника, никто не начальствуетъ, никто не командуетъ, никто не приказываетъ, когда и что сѣять, какъ пить, ѣсть, спать, одѣваться, а у насъ на счетъ всего положеніе. Нашелъ ты удобнымъ, по хозяйству, носить русскую рубаху и полушубокъ — нельзя, ибо по положенію, тебѣ слѣеутъ во фракѣ ходить. Задумалъ ты самъ работать — смотришь, анъ на тебя изъ за куста кепка глядитъ. Американскій мужикъ и работать умѣетъ, и наученъ всему, образованъ; онъ интеллигентный человѣкъ, учился въ школѣ, понимаетъ около хозяйства, около машинъ; пришелъ съ работы—газету читаетъ, свободенъ—въ клубъ идетъ Ему все вольно. А нашъ мужикъ только работать и умѣетъ, но ни объ чемъ никакого понятія, ни знаній, ни образованія у него нѣтъ; образованный же, интеллигентный человѣкъ только разговоры говорить можетъ, а работать не умѣетъ, не можетъ; да еслибы и захотѣлъ, такъ боится, позволитъ ли начальство. У американца трудъ въ почетѣ, а у насъ въ презрѣніи: это, молъ, черняди приличествуетъ. Какая нибудь дьячковна, у которой батька зажился, довольно пятаковъ насбиралъ, стыдится корову подоить или что по хозяйству сдѣлать: я, дескать, образованная, нѣжнаго воспитанія барышня. Амереканецъ и коситъ, и жнетъ, и гребетъ, и молотитъ все машиной—сидитъ себѣ на козлицахъ да посвистываетъ, а машина сама и жнетъ, и снопы вяжетъ, а нашъ мужикъ все хребтомъ, да хребтомъ. У американскаго фермера батракъ на кровати съ чистыми простынями подъ одѣяломъ спитъ, ѣстъ вмѣстѣ съ фермеромъ тоже, что и тотъ, читаетъ ту же газету, въ праздникъ вмѣстѣ съ хозяиномъ идетъ въ сельскохозяйственный клубъ, жалованье получаетъ большое; заработалъ деньжонокъ, высмотрѣлъ участокъ земли и самъ сѣлъ хозяиномъ.

Гдѣ же намъ конкурировать съ американцами! И развѣ въ облегченныхъ способахъ доставки хлѣба къ портамъ дѣло? Вотъ и безъ облегченныхъ способовъ доставки, какъ потребовался нѣмцу хлѣбъ, такъ въ одинъ годъ все очистили, что теперь и самимъ ѣсть нечего. Что же было бы, еслибы облегчить доставку?

Когда, въ прошедшемъ году, всѣ ликовали, радовались, что за границей неурожай, что требованіе на хлѣбъ большое, что цѣны ростутъ, что вывозъ увеличивается, одни мужики не радовались, косо смотрѣли и на отправку хлѣба къ нѣмцамъ и на то, что массы лучшаго хлѣба пережигаются на вино. Мужики все надѣялись, что запретятъ вывозъ хлѣба къ нѣмцамъ, запретятъ пережигать хлѣбъ на вино. „Чтожь это за порядки! толковали въ народѣ: — все крестьянство покупаетъ хлѣбъ, а хлѣбъ везутъ мимо насъ къ нѣмцу; цѣна хлѣбу дорогая, не подступиться, а что ни на есть лучшій хлѣбъ пережигается на вино, а отъ вина то всякое зло идетъ!“ Ну, конечно, мужикъ никакого понятія ни о кредитномъ рублѣ не имѣетъ, ни о косвенныхъ налогахъ; мужикъ не понимаетъ, что хлѣбъ нужно продавать нѣмцу для того, чтобы получить деньги, а деньги нужны для того, чтобы платить проценты по долгамъ; мужикъ не понимаетъ, что чѣмъ больше пьютъ вина, тѣмъ казнѣ больше доходу; мужикъ думаетъ, что денегъ можно надѣлать сколько угодно. Не понимаетъ мужикъ ничего въ финансахъ, но все-таки, должно быть чуетъ, что ему, пожалуй, и не было бы убытковъ, еслибъ хлѣбушка не позволяли къ нѣмцу увозить, да на вино пережигать. Мужикъ сѣръ, да не чортъ у него умъ съѣлъ.

Еще въ октябрьской книжкѣ „Отеч. Записокъ“ за прошлый годъ помѣщена статья, авторъ которой, на основаніи статистическихъ данныхъ, доказывалъ, что мы продаемъ хлѣбъ не отъ избытка, что мы продаемъ за границу нашъ насущный хлѣбъ, хлѣбъ, необходимый для собственнаго нашего пропитанія. Авторъ означенной статьи вычислилъ, что, за вычетомъ изъ общей массы собираемаго хлѣба того количества, которое идетъ на сѣмена, отпускается за границу, пережигается на вино, у насъ не остается достаточно хлѣба для собственнаго продовольствія. Многихъ поразилъ этотъ выводъ, многіе не хотѣли вѣрить, заподозрѣвали вѣрность цифръ, вѣрность свѣдѣній объ урожаяхъ, собираемыхъ волостными правленіями и земскими управами. Но, во-первыхъ, извѣстно, что нашъ народъ часто голодаетъ, да и вообще питается очень плохо и ѣстъ далеко не лучшій хлѣбъ; а во-вторыхъ, выводы эти подтвердились: сначала нѣсколько усиленный вывозъ, потомъ недородъ въ нынѣшнемъ году—и вотъ мы безъ хлѣба, думаемъ уже не о вывозѣ, а о ввозѣ хлѣба изъ-за-границы. Въ поволжьи голодъ. Цѣны на хлѣбъ поднимаются непомѣрно; теперь, въ ноябрѣ, рожь уже 14 рублей за четверть, а что будетъ къ веснѣ, когда весь мужикъ станетъ покупать хлѣбъ.

Тѣ же самыя газеты, которыя въ прошломъ году ликовали по поводу усиленнаго требовбнія на хлѣбъ за-границу и высокихъ цѣнъ,

которыя толковали объ конкуренціи съ американцами, о необходимости улучшить пути, чтобы споспѣшествовать сбыту хлѣба за границу, теперь, когда мы и безъ путей сбыли хлѣбъ и дождались голодухи, запѣли иную пѣсню и толкуютъ о необходимости воспретить вывозъ хлѣба за-границу. Говорятъ: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Выходитъ, однако, что мужикъ давно уже крестился, давно уже чуялъ бѣду, да не по его, мужицкому, вышло. Кто его, мужика глупаго, слушать станетъ, его, который ничего въ политической экономіи не смыслитъ? Тому, кто знаетъ деревню, кто знаетъ положеніе и бытъ крестьянъ, тому ненужны статистическія данныя и вычисленія, чтобы знать, что мы продаемъ хлѣбъ за-границу не отъ избытка. Такія вычисленія нужны только для начальниковъ, которые деревенскаго быта не понимаютъ и положенія народа не знаютъ. Всякій деревенскій житель очень хорошо понимаетъ, что, *чѣмъ дешевле хлѣбъ, тѣмъ лучше для народа,* и только ненормальность хозяйственныхъ отношеній причиною, что есть такіе, которымъ выгодно, что хлѣбъ дорогъ, которые желаютъ, чтобы былъ неурожай, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ.

Ну, развѣ это порядокъ, развѣ это добро, развѣ такъ нужно, развѣ такъ можно жить?

Авторъ статьи „Отеч. Записокъ“ доказываетъ, что остающагося у насъ за вывозомъ хлѣба не хватаетъ на собственное прокормленіе. Этотъ выводъ поразилъ многихъ, возбудилъ у многихъ сомнѣніе въ вѣрности статистическихъ данныхъ. Составитель календаря Суворина на 1880 годъ, стр. 274, говоря о томъ, что для собственнаго потребленія на душу приходится у насъ всего $1^1/_2$ четверти хлѣба, прибавляетъ: *если цифры о посѣвѣ и урожаѣ вѣрны, то можно вывести, что русскій нардъ плохо питается, восполняя недостачу хлѣба какими либо суррогатами.* Въ человѣкѣ изъ интеллигентнаго класса такое сомнѣніе понятно, потому что просто не вѣрится, какъ это такъ люди живутъ, не ѣвши. А между тѣмъ, это дѣйствительно такъ. Не то, чтобы совсѣмъ не ѣвши были, а *не доѣдаютъ,* живутъ въ проголодь, питаются всякой дрянью. Пшеницу, хорошую, чистую рожь, мы отправляемъ за-границу, къ нѣмцамъ, которые не станутъ ѣсть всякую дрянь; лучшую, чистую рожь мы пережигаемъ на вино, а самую что ни на есть плохую рожь, съ пухомъ, костеремъ, сивцомъ и всякимъ отбоемъ, получаемымъ при очискѣ ржи для винокурень— вотъ это ѣстъ ужь мужикъ. Но мало того, что мужикъ ѣстъ самый худшій хлѣбъ, онъ еще *не доѣдаетъ.* Если довольно хлѣба въ деревняхъ — ѣдятъ по три раза; стало въ хлѣбѣ умаленіе, хлѣбы коротки—ѣдятъ по два раза, налегаютъ больше на яровину; картофель,

коноплянную жмаку въ хлѣбъ прибавляютъ. Конечно, желудокъ набитъ, но отъ плохой пищи народъ худѣетъ, болѣетъ, ребята ростутъ туже, совершенно подобно тому, какъ бываетъ съ дурносодержимымъ скотомъ. Желудокъ очень растяжимъ, и жизненность въ животномъ очень велика. Посмотрите на скотъ. Кормите скотъ хорошо — онъ чистъ, рослъ, гладокъ, силенъ, здоровъ; болѣетъ и околѣваетъ мало, молодежь ростетъ хорошо. Стали кормить худо, въ проголодь, плохимъ кормомъ—скотъ начитаетъ слабѣть, паршивѣетъ, болѣетъ, совсѣмъ видъ его становится другой: тотъ же скотъ, да не тотъ, сгорбился, косматъ сталъ, грязенъ. Одна корова заболѣла—Богъ ее знаетъ отчего—околѣла, другая заболѣла; телята что-то не стоятъ. Не всѣ заболѣваютъ, не всѣ околѣваютъ, но, чѣмъ хуже кормъ, тѣмъ процентъ смертности все увеличивается, являются и падежи—дохнетъ скотина, да и только. А все-таки не все подохнетъ, кое-что и живетъ, кое-что и выростаетъ, приспособившись къ условіямъ жизни. Вотъ такъ и мужикъ— довольно хлѣба, онъ и бѣлъ, и пригожъ, и чистъ, и здоровъ. Пришли худолѣтки—сгорбился, сѣръ изъ лица сталъ, болѣетъ: дифтеритъ, тифъ, чума... Однако, не всѣ вымираютъ, кои и присобляются. Еслибы скотъ всюду получалъ хорошее питаніе, то всюду былъ бы рослый черкасскій и холмогорскій скотъ; еслибы всюду народъ хорошо питался, то всюду былъ бы рослый здоровый народъ.

Да, не доѣдаютъ; да, мы продаемъ не избытокъ, а необходимое. Все это такъ, вѣрно.

Авторъ статьи „Отеч. Зап." говоритъ, что остающагося у народа хлѣба не хватаетъ на продовольствіе, но изъ его вычисленій количества хлѣба, необходимаго для продовольствія, видно, что онъ разумѣетъ такое только продовольствіе, которое составляетъ minimum, чтобы человѣкъ могъ прокормиться, такое продовольствіе, какое необходимо, чтобы, какъ говорятъ мужики, упасти душу. Но развѣ этого достаточно? Развѣ только это и нужно?

Четвертую часть производимой пшеницы мы отсылаемъ за границу, оставляя себѣ одну часть на посѣвъ и двѣ части на прокормленіе.

Нѣмецъ съѣдаетъ третью часть остающейся намъ за посѣвомъ пшеницы. Ржи мы отсылаемъ и пережигаемъ на вино около одной шестой того, что остается за посѣвомъ, и на это идетъ самая лучшая рожь. Конечно, „рожь кормитъ всѣхъ, а пшеничка по выбору", но почему же ей непремѣнно выбирать нѣмца, чѣмъ же нѣмецъ лучше? Конечно, черный ржаной хлѣбъ—отличный питательный матеріалъ, и, если приходится питаться исключительно хлѣбомъ, то нашъ ржаной хлѣбъ можетъ быть и не хуже пшеничнаго. Конечно, русскій человѣкъ привыкъ къ черному хлѣбу, ѣстъ его охотно съ

пустымъ варевомъ; на черномъ хлѣбѣ, на черныхъ сухаряхъ русскій человѣкъ переходилъ и Балканы, и Альпы, и пустыни Азіи, но всетаки же и русскій человѣкъ не отказался бы ни отъ крупичатаго пирожка, ни отъ папушника: въ тяжелой работѣ на морозѣ и русскій человѣкъ любитъ закончить обѣдъ изъ жирныхъ щей и каши папушникомъ съ медомъ.

Почему русскому мужику должно оставаться только необходимое, чтобы кое-какъ упасти душу, почему же и ему, какъ американцу, не ѣсть хоть въ праздники ветчину, баранину, яблочные пироги? Нѣтъ, оказывается, что русскому мужику достаточно и чернаго ржаного хлѣба, да еще съ сивцомъ, звонцомъ, костеремъ и всякой дрянью, которую нельзя отправить къ нѣмцу. Да, нашлись молодцы, которымъ кажется, что русскій мужикъ и ржаного хлѣба не стоитъ, что ему слѣдуетъ питаться картофелемъ. Такъ, г. Родіоновъ („Земл. Газета", 1880 г., 701) предлагаетъ приготовлять хлѣбъ изъ ржаной муки съ примѣсью картофеля, и говоритъ: „если, вмѣсто кислаго чернаго хлѣба изъ одной ржаной муки, масса сельскихъ обывателей станетъ потреблять хлѣбъ, приготовленный изъ смѣси ржаной муки съ картофелемъ, по способу, мною сообщенному, то *половинное количество ржи можетъ пойти за-границу для поддержанія нашего кредитнаго рубля,* безъ ущерба народному продовольствію". И это печатается въ „Земледѣльческой Газетѣ", издаваемой учеными агрономами. Я понимаю, что можно совѣтовать и культуру кукурузы, и культуру картофеля: чѣмъ болѣе разнообразія въ культурѣ, тѣмъ лучше, если каждому плоду назначено свое мѣсто: одно человѣку, другое—скотинѣ. Понимаю, что въ несчастные голодные годы можно указывать и на разные суррогаты: на хлѣбъ съ кукурузой, съ картофелемъ, пожалуй, даже на корневища пырея и т. п. Но тутъ не то. Тутъ все дѣло къ тому направлено, чтобы конкурировать съ Америкой, чтобы поддержать нашъ кредитный рубль (и дался же имъ этотъ рубль! точно онъ какое божество, которому и человѣка въ жертву слѣдуетъ приносить)! Ради этого, хотятъ кормить мужика, вмѣсто хлѣба, картофелемъ, завернутымъ въ хлѣбъ, да еще увѣряютъ, что это будетъ *безъ ущерба народному продовольствію.*

Пшеница—нѣмцу, рожь—нѣмцу, а своему мужику—картофель. Черному хлѣбу позавидовали!

Чистый, хорошій ржаной хлѣбъ — отличный питательный матеріалъ, говорилъ я, хотя и онъ всетаки не можетъ одинъ удовлетворить при усиленной работѣ. Но ржаной хлѣбъ удовлетворяетъ только взрослаго; для дѣтей же нужна иная пища, болѣе нѣжная. Дѣти— всегда плотоядныя. Корову мы кормимъ соломой и сѣномъ, курицу—

овсомъ, но теленка поимъ молокомъ, цыпленка кормимъ творогомъ. Начинаетъ подростать теленокъ — мы не переводимъ его прямо съ молока на солому и сѣно, но даемъ сначала сыворотку, сѣянную овсяную муку, жмыхи, сѣно самое лучшее, нѣжное, перваго закоса изъ сладкихъ травъ. Не скоро, только на третьемъ году, ставимъ мы теленка на такой же кормъ, какъ и корову. Точно также и цыпленка мы кормимъ сначала яйцами, потомъ творогомъ, молочной кашей, крупой, и только когда онъ выростетъ — овсомъ. То же и для человѣческихъ дѣтей слѣдуетъ. Взрослый человѣкъ можетъ питаться растительной пищей и будетъ здоровъ, силенъ, будетъ работать отлично, если у него есть вдоволь хлѣба, каши, сала. Дѣтямъ же нужны молоко, яйца, мясо, бульонъ, хорошій пшеничный крупичатый хлѣбъ, молочная каша. Кумъ первымъ дѣломъ даритъ кумѣ бараночекъ для крестника; баба-мамка заботится, чтобы было молоко и крупа ребенку на кашку; подростающимъ дѣтямъ нужна лучшая пища, чѣмъ взрослымъ: молоко, яйца, мясо, каша, хорошій хлѣбъ. Имѣютъ ли дѣти русскаго земледѣльца такую пищу, какая имъ нужна? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Дѣти питаются хуже, чѣмъ телята у хозяина, имѣющаго хорошій скотъ; смерность дѣтей куда больше, чѣмъ смертность телятъ, и, если бы у хозяина, имѣющаго хорошій скотъ, смертность телятъ была такъ же велика, какъ смертность дѣтей у мужика, то хозяйничать было бы невозможно. А мы хотимъ конкурировать съ американцами, когда нашимъ дѣтямъ нѣтъ бѣлаго хлѣба даже въ соску! Еслибы матери питались лучше, еслибы наша пшеница, которую ѣстъ нѣмецъ, оставалась дома, то и дѣти росли бы лучше и не было бы такой смертности, не свирѣпствовали бы всѣ эти тифы, скарлатины, дифтериты. Продавая нѣмцу нашу пшеницу, мы продаемъ кровь нашу, т. е. мужицкихъ дѣтей. А мы для того, чтобы конкурировать съ американцами, хотимъ, чтобы народъ ѣлъ картофель—полукартофельный Родіоновскій хлѣбъ какой-то для этого изобрѣли. „Конь везетъ не кнутомъ, а овсомъ“, „молоко у коровы на языкѣ“. Первое хозяйственное правило: выгоднѣе хорошо кормить скотъ, чѣмъ худо; выгоднѣе удобрять землю, чѣмъ сѣять на пустой. А относительно людей развѣ не то же? Государству развѣ не выгоднѣе поступать, какъ хорошему хозяину? Развѣ голодные, дурно питающіеся люди могутъ конкурировать съ сытыми? И что же это за наука, которая проповѣдуетъ такіе абсурды!

Цѣны на хлѣбъ начали подниматься еще съ осени 1879 года, но пока еще достаточно было хлѣба въ запасѣ отъ предыдущихъ годовъ, пока цѣны на хлѣбъ росли только вслѣдствіе требованія за границу—по мѣрѣ того, какъ возрастали цѣны на хлѣбъ, возрастали

и цѣны на мясо и трудъ. Еще весною 1880 года цѣны на скотъ и на мясо были очень высоки. Но возростаніе цѣнъ на мясо испугало интеллигенцію, и посмотрите, что запѣли всѣ газеты весной 1880 г., когда возвысились цѣны на мясо.

Всѣ радовались въ прошломъ году, что у нѣмца неурожай, что требованіе на хлѣбъ большое, что цѣны на хлѣбъ ростутъ, что хлѣбъ дорогъ; да, *радовались, что хлѣбъ дорогъ,* радовались, что дорогъ такой продуктъ, который *потребляется всѣми,* безъ котораго никому жить нельзя. Но какъ только поднялись цѣны на мясо, на чиновничій харчъ, посмотрите, какъ всѣ возопили. Оно и понятно, своя рубашка къ тѣлу ближе. Радуются, когда дорогъ хлѣбъ, продуктъ, потребляемый всѣми, печалуются, когда дорого мясо, продуктъ, потребляемый лишь немногими.

А между тѣмъ: *дешевъ хлѣбъ — дорого мясо, дорогъ трудъ, мужикъ благоденствуетъ.* Напротивъ: *дорогъ хлѣбъ — дешево мясо, дешевъ трудъ, мужикъ бѣдствуетъ.*

Интеллигентный человѣкъ живетъ не хлѣбомъ; что значитъ въ его бюджетѣ расходъ на хлѣбъ, что ему значитъ, что фунтъ хлѣба на копѣйку, на двѣ дороже? Ему не это важно, а важно, чтобы дешево было мясо, дешевъ былъ мужикъ, потому что ни одинъ интеллигентный человѣкъ безъ мужика жить не можетъ.

Весною 1880 года, мясо, дѣйствительно, вздорожало, но это было не на долго, только пока не вышли запасы хлѣба. Когда вышли запасы хлѣба, когда увезли хлѣбъ за-границу и оказалось, что урожай плохъ, все измѣнилось, и мясо стало дешево. Чѣмъ болѣе дорожалъ хлѣбъ, тѣмъ болѣе дешевѣло мясо. Прошлою осенью скотъ былъ нипочемъ, и въ то время, когда ржаная мука продавалась по 1 р. 60 к. пудъ, говядина стояла 1 р. 50 к., значитъ, дешевле ржаной муки. Неурожай хлѣба, неурожай травъ, хлѣбъ дорогъ—мужикъ ведетъ на продажу скотину, продаетъ ее за безцѣнокъ для того только, чтобъ купить хлѣба. Но скотъ проданъ—нѣтъ и навоза. Дороговизна хлѣба побуждаетъ нетолько продать скотъ, но и продать самого себя. Мужикъ ищетъ работы, беретъ на обработку кружкѝ, жнитво, покосъ, лишь бы получить впередъ денегъ. Тутъ ужь не до того, чтобы самому снимать покосы, землю, сѣять ленъ,—тутъ только бы денегъ заполучить, купить хлѣба, пропитать свою душу.

А не ошибочно ли мы радуемся, когда хлѣбъ дорогъ и мужикъ дешевъ? Не ошибочно ли мы надѣемся поднять нашъ несчастный рубль тѣмъ, что посадимъ мужика на картофель? Да и хорошо ли, дѣйствительно, живется интеллигентному человѣку, хотя дешевы и мясо, и мужикъ? Не кажущееся ли это добро? Не позавидовать ли

американцу? Ѣстъ американецъ хорошо, пьетъ хорошо, работаетъ машиной, досуга у него довольно; да безъ досуга и машины не выдумаешь; богатъ онъ, себя не обижаетъ и другихъ хлѣбомъ надѣляетъ. А у насъ неурожай, бѣдность... Земли что ли у насъ мало, земля что ли не хороша?

И земли много. Поѣзжай куда хочешь, все только пустыри. Плоха земля? И то нѣтъ — подпимай гдѣ хочешь, родитъ отлично и ленъ, и хлѣбъ, и траву. А углуби-ка ее, пропаши хорошенько, пробери ее такъ, какъ нѣмецъ пробираетъ—хлѣба не оберешься. Удобрить нужно землю, и на это матеріалу пропасть—и извести, и торфу, и фосфоритовъ, столько добра, что нѣмцамъ и во снѣ не снилось.

Нетронутой земли пропасть—есть куда раздаться.

Пашемъ мы всего на какихъ нибудь два вершка, и, если этотъ слой истощенъ, хотя и того нельзя сказать, такъ есть еще куда податься въ глубь.

А между тѣмъ, неурожай, голодъ, бѣдность. Почему бы это такъ?

Не вѣрится мнѣ, чтобы, посадивъ мужика на кукурузу и картофель, можно было нажить богатство. Что нибудь другое нужно, а что? Я недостаточно наученъ, чтобы отвѣчать на такіе вопросы: пусть отвѣтятъ тѣ, которые научены всякимъ наукамп, а я съ своей стороны, ограничусь тѣмъ, что разскажу въ слѣдующемъ письмѣ объ одномъ „Счастливомъ Уголкѣ“, гдѣ народъ живетъ хорошо, гдѣ благосостояніе крестьянъ за послѣднія десять лѣтъ улучшилось, гдѣ и въ нынѣшнемъ году, несмотря на дороговизну хлѣба, нѣтъ большой нужды. Интересно, по моему, указать причины, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе земледѣльцевъ этого „Счастливаго Уголка“.

X.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я обѣщалъ разсказать объ одномъ „Счастливомъ Уголкѣ“, гдѣ крестьяне живутъ хорошо, гдѣ за послѣднія десять лѣтъ положеніе крестьянъ много улучшилось, гдѣ даже въ нынѣшній бѣдственный, голодный годъ, когда еще до Николы цѣна ржи поднялась до 14 руб. за четверть, крестьяне не бѣдствуютъ и не будутъ бѣдствовать. Большинство этихъ крестьянъ просидитъ на „своемъ“ хлѣбѣ до „нови“, а тѣ, у которыхъ „своего“ хлѣба не хватитъ, найдутъ денегъ для покупки хлѣба, не закабаляя себя на лѣтнія работы. Этотъ „Счастливый Уголокъ“—нѣсколько деревень около с. Батищева, изъ котораго, вотъ уже десять лѣтъ, я пишу вамъ мои письма.

До сихъ поръ я очень мало говорилъ о положеніи здѣшнихъ крестьянъ, но все-таки изъ предыдущихъ моихъ писемъ вы могли видѣть, что положеніе это было незавидное. Но вотъ прошло десять лѣтъ, и положеніе крестьянъ въ „Счастливомъ Уголкѣ“ замѣтно измѣнилось къ лучшему, а, если какія-нибудь особенныя обстоятельства не попрепятствуютъ, то есть надежда, что оно все будетъ улучшаться. Районъ „Счастливаго Уголка“ не великъ—это какихъ-нибудь восемь, десять деревень. Не далеко нужно проѣхать—верстъ десять—чтобы встрѣтить деревни, гдѣ положеніе мужика совсѣмъ иное, гдѣ мужикъ бѣдствуетъ, запродается на лѣтнюю работу съ ранней зимы, бросаетъ землю, нанимается въ батраки, идетъ на заработки.

Я говорилъ въ прошломъ письмѣ, что я недостаточно наученъ, чтобы говорить вообще о положеніи крестьянъ въ Россіи, и даже о положеніи ихъ въ Смоленской губерніи. Я говорю только о томъ, что *доподлинно знаю*, а въ настоящемъ письмѣ говорю о положеніи крестьянъ въ „Счастливомъ Уголкѣ“ въ какихъ-нибудь восьми, десяти деревняхъ. Эти деревни я знаю хорошо, лично знаю въ нихъ всѣхъ крестьянъ, ихъ семейное и хозяйственное положеніе.

Но къ чему говорить о какихъ-нибудь восьми, десяти деревняхъ, которыя составляютъ каплю въ морѣ бѣдствующаго крестьянства? Какой интересъ можетъ представить то обстоятельство, что въ какихъ-нибудь восьми, десяти деревняхъ какого-то „Счастливаго Уголка“ положеніе крестьянъ за послѣднія десять лѣтъ улучшилось?

Не говоря уже о томъ, что, еслибы во многихъ мѣстахъ Россіи были произведены мѣстными людьми, близко и лично знакомыми съ крестьянами, точныя изслѣдованія ихъ положенія, то эти изслѣдованія въ суммѣ дали бы отличный матеріалъ для общихъ выводовъ, я думаю, что и частное, единичное изслѣдованіе можетъ имѣть интересъ, если только *уяснены причины, отъ чего* зависитъ въ данномъ случаѣ то или другое положеніе крестьянъ.

Проживъ въ „Счастливомъ Уголкѣ“ десять лѣтъ, и притомъ не внѣшнимъ только наблюдателемъ, а лично ведущимъ свое дѣло хозяиномъ, который неминуемо долженъ былъ войти въ близкія соотношенія съ окрестными крестьянами, я изучилъ ихъ положеніе въ данномъ мѣстѣ и нетолько могу сказать, улучшилось или ухудшилось это положеніе за десять лѣтъ, и въ чемъ именно, но могу также сказать, *отчего это произошло*. Весь интересъ, по моему, и заключается въ *уясненіи причинъ*, вліявшихъ на измѣненіе положенія, потому что такія же причины должны имѣть вліяніе и въ другихъ мѣстахъ.

Говорю прямо: въ „Счастливомъ Уголкѣ“ *положеніе крестьянъ*

за послѣднія десять лѣтъ *улучшилось*, много улучшилось, *неизмѣримо улучшилось*. Но прежде всего поговоримъ о томъ, что понимать подъ выраженіемъ „улучшилось“, и чѣмъ измѣряется это улучшеніе.

Если кто-нибудь, незнакомый съ мужикомъ и деревней, вдругъ будетъ перенесенъ изъ Петербурга въ избу крестьянина „Счастливаго Уголка“, и не то, чтобы въ избу средственнаго крестьянина, а даже въ избу „богача“, то онъ будетъ пораженъ всей обстановкой и придетъ въ ужасъ отъ бѣдственнаго положенія этого „богача“. Темная, съ закоптѣлыми стѣнами (потому что свѣтится лучиной) изба. Тяжелый воздухъ, потому что печь закрыта рано и въ ней стоитъ варево: сѣрыя щи съ саломъ и крупникъ, либо картошка. Подъ нарами у печки теленокъ, ягнята, поросенокъ, отъ которыхъ идетъ духъ. Дѣти въ грязныхъ рубашенкахъ, босикомъ, безъ штановъ, смрадная люлька на зыбкѣ, полное отсутствіе какого-либо комфорта, характеризующаго даже самаго бѣднѣйшаго интеллигентнаго человѣка. Все это поразитъ незнакомаго съ деревней человѣка, особенно петербуржца, но не мало удивитъ его и то, когда онъ, зайдя въ избу, чтобы нанять лошадей до ближайшаго полустанка, отстоящаго всего на шесть верстъ, услышитъ отъ мужика: „Не, не поѣду, вишь какая ростопель, мокреть на дорогѣ, поспрошай въ другомъ дворѣ, мòже кто и поѣдетъ, а я не поѣду“.

Бѣдная обстановка мужицкой избы и это нежеланіе ѣхать въ дурную погоду за шесть верстъ обыкновенно очень удивляютъ людей, незнающихъ деревни. Судить по обстановкѣ о положеніи и состоятельности земельнаго мужика, даже купца, живущаго по-русски, торгующаго русскимъ товаромъ, никакъ нельзя, въ особенности если *брать мѣриломъ ту обстановку, въ какой живутъ интеллигентные люди*. Конечно, и по обстановкѣ можно судить о зажиточности мужика, но только по обстановкѣ хозяйственной или, лучше сказать, по обстановкѣ въ смыслѣ тѣхъ орудій, которыя служатъ для веденія дѣла и для расширенія его. Какъ о зажиточности мужика-кулака, занимающагося ростовщичествомъ, можно судить по количеству денегъ, какое онъ пускаетъ въ оборотъ, такъ о зажиточности земельнаго крестьянина, занимающагося землей, хозяйствомъ, можно судить по количеству и качеству имѣющихся у него лошадей и скота, по количеству имѣющагося въ запасѣ хлѣба, по исправности сбруи, орудій. Но главное, самое вѣрное средство для опредѣленія положенія земельныхъ крестьянъ извѣстной мѣстности—это знать, *насколько крестьяне обязываются чужими работами*, напримѣръ, на помѣщика, въ лѣтнее время, самое важное для хозяйства. Чтобы правильно судить о

положеніи мужика, о его благосостояніи, о достаточности или недостаточности его надѣла, больше всего необходимо обращать вниманіе на *время, въ какое мужикъ нанимается на чужую работу.* Благосостояніе мужика—*въ землѣ,* въ хозяйствѣ, и, если онъ долженъ продавать свою лѣтнюю работу въ ущербъ своему хозяйству, то это дурной признакъ. Человѣкъ изъ интеллигентнаго класса, не понимающій хозяйства, можетъ часто судить о дѣлѣ совершенно ошибочно, не принимая въ разсчетъ значенія времени въ хозяйствѣ: *въ иную пору мужикъ нанимается на чужую работу за рубль въ день только изъ бѣдности, въ другую пору и богатый охотно работаетъ за полтинникъ въ день.* Это нужно понимать и этого очень часто не понимаютъ. Отъ этого и происходитъ, что лѣтняя работа, которую можетъ дать помѣщикъ, ведущій свое хозяйство, мужику-хозяину невыгодна, а зимняя работа, которую даетъ лѣсоторговецъ мужику, напротивъ, выгодна. Только человѣкъ, непонимающій дѣла или недобросовѣстный, можетъ упрекать мужиковъ въ лѣности, нерадѣніи, если они не идутъ къ помѣщику косить, напримѣръ, за 75 коп. въ день; только человѣкъ, непонимающій дѣла, можетъ думать, что онъ—благодѣтель крестьянъ, что онъ ихъ кормитъ, даетъ ими заработки, если онъ ихъ нанимаетъ на лѣтнія страдныя работы.

Если я говорю, что благосостояніе крестьянъ „Счастливаго Уголка" за послѣднія десять лѣтъ улучшилось, то потому именно, что вижу уменьшеніе для нихъ необходимости обязываться на лѣтнія работы у помѣщиковъ.

Въ нашихъ мѣстахъ, крестьянинъ считается богатымъ, когда у него хватаетъ *своего* хлѣба до „нови". Такой крестьянинъ уже *не нуждается въ запродажѣ своего лѣтняго труда* помѣщику, можетъ *все лѣто работать на себя,* а слѣдовательно, будетъ богатѣть, и скоро у него станетъ хватать хлѣба нетолько до нови, но и за „новь". И тогда онъ нетолько не будетъ запродавать свою лѣтнюю работу, но еще будетъ покупать работу мужика бѣднаго, какихъ не въ дальнемъ разстояніи отъ „Счастливаго Уголка" множество. Если у крестьянина хватаетъ своего хлѣба до „нови" и ему не нужно прикупать, то онъ обезпеченъ, потому что подати выплатитъ продажею пеньки, льна, льнянаго и конопляннаго сѣмени, лишней скотины и зимнимъ заработкомъ; если же къ тому есть еще возможность заарендовать земли у помѣщика для посѣва льна или хлѣба, то крестьянинъ богатѣетъ быстро.

Затѣмъ, степень зажиточности уже опредѣляется тѣмъ временемъ, когда крестьянинъ начинаетъ покупать хлѣбъ: до Рождества, до масляной, послѣ святой, только передъ новью. Чѣмъ позднѣе онъ начинаетъ

покупать хлѣбъ, тѣмъ зажиточность его выше, тѣмъ скорѣе онъ можетъ обойтись тѣми деньгами, которыя заработаетъ на сторонѣ зимою, осенью, весною, тѣмъ менѣе онъ обязывается лѣтними работами у помѣщика. Чѣмъ ранѣе мужикъ проѣстъ свой хлѣбъ, чѣмъ ранѣе онъ *вычхается,* по выраженію старостъ и прикащиковъ, тѣмъ легче его *закабалить* на лѣтнюю страдную работу, тѣмъ легче *надѣть ему на шею хомутъ, ввести его въ оглобли.*

Въ теченіи десяти лѣтъ, что я занимаюсь хозяйствомъ, я только одинъ разъ продалъ свою рожь гуртомъ на винокуренный заводъ; обыкновенно же всю рожь я запродаю на мѣстѣ окрестнымъ крестьянамъ. Такъ какъ рожь моя отличнаго качества, хорошо отдѣлана, чиста и тяжеловѣсна, то крестьяне прежде берутъ рожъ у меня, и тогда только ѣдутъ покупать рожь въ городъ, когда у меня все распродано. Продавая рожь по мелочамъ крестьянамъ въ теченіи десяти лѣтъ, я аккуратно записывалъ, почемъ продавалъ рожь, кому и когда, такъ что по этимъ десятилѣтнимъ записямъ я могу судить, когда кто изъ окрестныхъ крестьянъ начиналъ покупать хлѣбъ, сколько покупалъ, по какой цѣнѣ, покупалъ ли на деньги *или бралъ подъ работу* и подъ какую именно: зимнюю или лѣтнюю. Такъ какъ ближайшимъ сосѣднимъ крестьянамъ нѣтъ никакого разсчета брать хлѣбъ гдѣ-либо помимо меня, то мои записи представляютъ расходныя книги сосѣднихъ крестьянъ и даютъ прекрасный матеріалъ для сужденія о положеніи этихъ крестьянъ за послѣднія десять лѣтъ, восполняемый близкимъ, личнымъ знакомствомъ съ этими покупателями моего хлѣба и, вмѣстѣ съ тѣмъ, производителями его, такъ какъ работы въ имѣніи производятся тоже большею частію сосѣдними крестьянами.

Десять лѣтъ тому назадъ, въ деревняхъ описываемаго „Счастливаго Уголка“ было очень мало „богачей“, то есть такихъ крестьянъ, у которыхъ своего хлѣба хватало до „нови“, не болѣе какъ по одному „богачу“ на деревню, да и то, даже у богачей, хватало своего хлѣба только въ урожайные годы; при неурожаѣ же и богачи прикупали. Нужно еще замѣтить къ тому, что тогдашніе богачи все были кулаки, имѣвшіе деньги или изстари, или добытыя какимъ-нибудь нечистымъ способомъ. За исключеніемъ этихъ богачей-кулаковъ, всѣ остальные крестьяне покупали хлѣбъ и притомъ лишь немногіе начинали покупать хлѣбъ только передъ „новью“, большинство покупало съ великаго поста, много было такихъ, что покупали съ Рождества, наконецъ, много было такихъ, что всю зиму посылали дѣтей въ „кусочки“. Въ моихъ первыхъ письмахъ „Изъ деревни“ объ этой безхлѣбицѣ у мѣстныхъ крестьянъ и объ „кусочкахъ“ разсказано довольно подробно.

Въ настоящее время, дѣло находится въ совершенно другомъ положеніи. Въ одной изъ деревень послѣдніе два года уже *всѣ были богачи*, то есть никто хлѣба не покупалъ, у всѣхъ хватало хлѣба до нови, хватитъ и въ нынѣшнемъ году. Въ этой деревнѣ есть уже нѣсколько такихъ дворовъ, которые ныньче далеко за „новь" просидятъ съ прошлогоднимъ старымъ хлѣбомъ, до сихъ поръ „нови" еще не кушали, слѣдовательно, могутъ продать часть нынѣшняго хлѣба или раздать его подъ работы. Въ другихъ деревняхъ почти на половину „богачей", которые просидятъ съ своимъ хлѣбомъ до нови, а остальные станутъ покупать хлѣбъ только передъ новью и будутъ имѣть для этого достаточно денегъ изъ зимняго заработка, такъ что не будутъ вынуждены *изъ-за хлѣба* закабаляться на лѣтнюю работу. Разумѣется, есть и теперь въ этихъ деревняхъ нѣсколько бѣдняковъ, которые должны покупать хлѣбъ съ Рождества — о безземельныхъ я не говорю—и при нынѣшней дороговизнѣ хлѣба вынуждены будутъ посылать зимой дѣтей „въ кусочки", но и тутъ все-таки будетъ разница противъ прежнихъ лѣтъ въ томъ, что дѣти эти не пойдутъ далеко, а будутъ побираться въ своей деревнѣ и много-много сходятъ въ сосѣднія деревни. Такихъ бѣдныхъ дворовъ въ „Счастливомъ Уголкѣ" стало очень мало, они всѣ наперечетъ, подобно тому, какъ прежде на перечетъ были дворы богачей. Бѣдность этихъ дворовъ зависитъ или оттого, что хозяинъ недоумокъ, плошакъ, не хозяйственный человѣкъ, или отъ какихъ-либо случайныхъ особенныхъ причинъ, напримѣръ, оттого, что хозяинъ работникъ одинъ, а дѣтей маленькихъ много; мало рабочихъ рукъ, много ртовъ; оттого, что хозяинъ плошакъ; старшій сынъ умный пошелъ въ солдаты, а оставшійся дома младшій — плохъ.

Не стало такой нужды въ хлѣбѣ, какъ было прежде, десять лѣтъ тому назадъ, не стало той нужды въ деньгахъ, когда нужно платить подати, потому что явилась возможность вырученныя отъ продажи пеньки, льна, скота деньги, которыя прежде шли на покупку хлѣба, обращать для уплаты податей. Въ „Счастливомъ Уголкѣ" подати не залегаютъ, недоимокъ нѣтъ, ни о поркахъ, ни о продажѣ скота за подати не слыхать, между тѣмъ, какъ въ другой части той-же волости — повторяю: „Счастливый Уголокъ" небольшой раіонъ изъ восьми-десяти деревень — постоянныя недоимки, продажа скота и пр.

Въ 1878 году у насъ былъ хорошій урожай. Въ 1879 году урожай тоже былъ удовлетворительный, хлѣба крестьянамъ приходилось прикупать мало, заработки зимой были хорошіе. Цѣны на хлѣбъ въ началѣ 1879 года были невысокія, а къ осени, хотя и стали подыматься, но такъ какъ это происходило не столько отъ неурожая,

сколько отъ сильнаго требованія, то и на другіе продукты, напримѣръ, на скотъ, цѣны были высокія. Къ тому же, урожай травъ въ 1879 году былъ превосходный, корму наготовили пропасть. Въ нынѣшнемъ 1880 году урожай хлѣба тоже не дурной, по крайней мѣрѣ, въ „Счастливомъ Уголкѣ"; къ тому же, есть запасы стараго хлѣба, и хотя на траву урожай очень плохъ, но крестьяне все-таки продержатся соломой и хлѣбомъ и не будутъ продавать за безцѣнокъ ни скотъ, ни трудъ, какъ это дѣлаютъ крестьяне другихъ мѣстностей.

Въ „Счастливомъ Уголкѣ" крестьяне и нынче будутъ ѣсть чистый ржаной хлѣбъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ уже теперь ѣдятъ хлѣбъ съ ячменемъ, овсомъ, картофелемъ, какой-то бараболей, мякиной. А индѣ, если нѣтъ хлѣба, могутъ ѣсть говядину, потому что тамъ, гдѣ нѣтъ хлѣба, говядина дешевле ржаной муки. Да, могутъ ѣсть говядину; даже разумная „Земледѣльческая газета" совѣтуетъ ѣсть говядину или баранину. Въ самомъ дѣлѣ, въ „Земледѣльческой газетѣ" 1880 г. стр. 749 читаемъ: „однимъ изъ очень хорошихъ средствъ замѣны, если не сполна, то отчасти, ржаного хлѣба служитъ усиленіе потребленія мясной пищи и именно *баранины*". „Земледѣльческая газета" совѣтуетъ, поэтому, „въ тѣхъ мѣстностяхъ Поволжья, гдѣ картофель дешевъ, обратить особенное вниманіе на баранину". Что значитъ ученье, какъ подумаешь! Нѣтъ у тебя хлѣба—ѣшь баранину. Мужикъ-то, дуракъ, тащитъ скотъ на продажу, продаетъ за безцѣнокъ, на вырученныя деньги покупаетъ ржаную муку, мѣшаетъ ее съ овсяной, съ ячной, съ мякиной, чтобы только имѣть хоть какой-нибудь хлѣбъ, не знаетъ, оселъ, что *мясная пища, именно баранина, есть хорошее средство замѣны ржаного хлѣба!*

Конечно! нѣтъ хлѣба—слѣдуетъ ѣсть баранину и благодарить ученыхъ агрономовъ „Земледѣльческой газеты" за хорошій совѣтъ. Оно и тѣмъ еще хорошо, что съѣдятъ скотъ, съѣдятъ барановъ, мякины къ веснѣ больше останется, будетъ изъ чего пушной хлѣбушка печь.

Великое дѣло наука, ученье: агрономы „Земледѣльческой газеты" вычислили даже, на основаніи научныхъ данныхъ, что картофельный хлѣбъ лучше, питательнѣе ржаного. Мужикъ считаетъ несчастьемъ то худолѣтье, когда нужно прибѣгать къ картофельному хлѣбу, а ученые агрономы говорятъ, что такой хлѣбъ даже лучше, „что имъ не побрѣзгаютъ даже за богатнымъ столомъ"; одинъ агрономъ даже самъ ѣстъ картофельный хлѣбъ и дѣтей своихъ имъ кормитъ („Земл. г.", 1880, стр. 752, статья Малышева). Съ чѣмъ и поздравляемъ! Совѣтуемъ попробовать хлѣбъ съ конопляной жмакой, льняной мя-

киной, гнилымъ деревомъ (возьмутъ гнилую колоду, высушатъ, растолкутъ и прибавляютъ въ муку)—можетъ, тоже вкусенъ покажется. А какъ бы поднялся нашъ кредитный рубль, еслибы народъ ѣлъ гнилое дерево, а рожь можно было бы всю отправлять за-границу на продажу!

Нѣтъ, у насъ въ „Счастливомъ Уголкѣ" крестьяне не дошли до *такого несчастья*, чтобы ѣсть картофельный хлѣбъ—пусть его ученые агрономы „Земледѣльческой газетѣ" кушаютъ! Ѣдятъ у насъ и въ нынѣшнемъ бѣдственномъ году кислый ржаной хлѣбъ, ѣдятъ, разумѣется, картошку съ конопляныммъ масломъ, ѣдятъ и баранину, но послѣднюю не для замѣны хлѣба, а какъ роскошное блюдо въ праздникъ.

Не имѣя нужды въ деньгахъ для покупки хлѣба, удовлетворяя свои потребности въ деньгахъ—подати, попу, вино, деготь, соль—продажею пеньки, льна, лишней скотины, крестьяне „Счастливаго Уголка" не нуждаются въ продажѣ лѣтняго труда, какъ это было прежде, десять лѣтъ тому назадъ. Разъ же крестьяне не нуждаются въ деньгахъ, чтобы запродавать свою лѣтнюю работу, и работаютъ лѣтомъ *на себя*, снимаютъ за деньги или изъ-полу покосы, арендуютъ земли подъ ленъ и хлѣбъ, они быстро заправляются, богатѣютъ, потому что нетолько получаютъ деньги за проданные продукты—ленъ, скотъ, сѣмя—но, имѣя много корму, держатъ болѣе скота, получаютъ болѣе навоза, которымъ и *удобряютъ свои надѣлы*.

Конечно, и теперь, какъ десять лѣтъ тому назадъ, въ „Счастливомъ Уголкѣ" есть крестьяне, которые бѣдствуютъ, не имѣютъ хлѣба, съ ранней зимы запродаютъ свой лѣтній трудъ, но такіе считаются единицами, тогда какъ прежде большинство было въ такомъ положеніи. Десять лѣтъ тому назадъ, и въ „Счастливомъ Уголкѣ", несмотря на то, что было еще много помѣщиковъ, ведущихъ хозяйство—лучше сказать, именно, потому что было много помѣщиковъ—несмотря на то, что всюду требовалась лѣтняя крестьянская работа, крестьяне работали круги за 25 рублей. То есть за 25 рублей крестьянинъ обработывалъ у помѣщика кругъ или три хозяйственныхъ (3200 кв. саж.) десятины—паровую, яровую, ржаную, и производилъ на нихъ всѣ работы, включая и молотьбу. Значитъ, посѣетъ и всыплетъ хлѣбъ въ закромъ за 25 рублей отъ круга. За 28 рублей работали круги изъ четырехъ десятинъ—паровая, яровая, ржаная и десятина покоса. Работа была дешевле пареной рѣпы. Получая 25 рублей за кругъ, крестьянинъ получаетъ за день работы, на своихъ харчахъ, съ своими орудіями, не болѣе 15 копѣекъ. Что же, какъ не крайняя нужда въ деньгахъ, для покупки хлѣба и уплаты податей, можетъ побудить

продать свою лѣтнюю работу за такую ничтожную плату! Та же причина, по какой теперь продается за безцѣнокъ скотина, вліяетъ и на дешевизну труда: деньги нужны, чтобы не умереть съ голода, а потому, за что ни продать, лишь бы продать, получить деньги и купить хлѣба. Прежде работать круги крестьяне брались не изъ за того только, чтобы имѣть выгонъ для скота—это еще другое дѣло, на это идутъ и богатые мужики—но именно *изъ-за денегъ*, чтобы получить зимою впередъ денегъ. Тогда землю на обработку можно было сдать не только огульно, извѣстное число круговъ, сосѣдней деревнѣ, но и отдѣльно по кружкамъ крестьянамъ дальнихъ деревень. Не имѣя зимою денегъ на хлѣбъ, крестьянинъ метался изъ угла въ уголъ, бралъ кружокъ у одного помѣщика, бралъ у другого, и потомъ цѣлое лѣто разрывался на работѣ то туда, то сюда, не имѣя возможности во-время обработать свою ниву. Я межу прочимъ разсказалъ объ этомъ давно, въ одномъ изъ своихъ писемъ.

За послѣднія десять лѣтъ, мало-по-малу, все это измѣнилось въ „Счастливомъ Уголкѣ". Съ каждымъ годомъ сдать круги становилось все труднѣе и труднѣе, и теперь здѣсь уже нѣтъ крестьянъ, которые брали бы круги изъ-за денегъ; если нѣкоторыя деревни работаютъ у помѣщиковъ круги, то только для того, чтобы имѣть выгонъ, если этотъ выгонъ они не могутъ нанять за деньги.

Цѣны за круги въ послѣдніе годы повысились; круги берутъ безъ молотьбы и покоса, а главное, *берутъ неохотно*. Каждая деревня старается взять какъ можно менѣе круговъ—лишь бы только выгонъ получить; каждый хозяинъ тоже старается, чтобы на его долю пришлось какъ можно менѣе.

Прежде, когда крестьяне брали круги изъ-за денегъ, богачи работали менѣе, а главную массу работали бѣдняки, которымъ нужны деньги. Теперь же, когда крестьяне берутъ круги только изъ-за выгоновъ, и никто уже не льстится на плату—не нуженъ былъ бы выгонъ, ни за двойную плату, ни за какую бы не работали—стали дѣлить работу по количеству лошадей и скота, такъ что богачу, который имѣетъ много животинъ, наваливаютъ и больше работы.

То же самое, что относительно круговъ, сдѣлалось правиломъ и относительно всякихъ страдныхъ работъ. На всякія зимнія работы, на многія весеннія и осеннія, крестьяне идутъ охотно, но на лѣтнія страдныя — нѣтъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уже съ Рождества, являлось много охотниковъ брать покосъ подесятинно, съ платою четыре рубля за уборку хозяйственной десятины луга или клевера; точно также брали жнитво ржи, овса, выборку льна и пр., только бы деньги впередъ зимой получить. Но въ настоящее время, уже

рѣдко-рѣдко, кто изъ крестьянъ „Счастливаго Уголка“ возьметъ убрать десятину луга или скосить десятину клевера за деньги; между тѣмъ, какъ убирать изъ части всѣ луга разбираютъ на расхватъ.

Тоже и относительно батраковъ, поденщицъ. Бывало около „Алдакей“ (1 марта — Евдокіи), когда начинаютъ выбивать подати, ежедневно только и слышишь:

— Мужикъ изъ Д. пришелъ.

— Что тебѣ?

— Хлѣбца нѣтути, укусить нечего, нѣтъ ли работки какой.

— Нѣтъ, работы нѣтъ.

А теперь, въ кои вѣки, придетъ какой нибудь унылый, лядащій Филимонъ, попросить денегъ подъ уборку десятины покоса. Между тѣмъ, прежде во всѣхъ окрестныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ велось хозяйство, всюду нужно было много рабочихъ рукъ, нужны были поденщики, жнеи, косцы; работы было пропасть, и всю эту работу выполняли окрестные крестьяне, и получали деньги. И, несмотря на массу даваемой помѣщичьими хозяйствами работы, крестьяне были бѣдны, вѣчно нуждались, хотя хлѣбъ былъ дешевъ (8 рублей за четверть тогда была дорогая цѣна, а теперь 14 рублей), недоимокъ было пропасть. *Не споры, должно быть, помѣщичьи денежки.*

Теперь же многія помѣщичьи хозяйства вовсе прикрыты, слѣдовательно, работъ не требуется, да и не нужны онѣ никому, никто изъ крестьянъ этихъ работъ не ищетъ, никто въ нихъ не нуждается. А между тѣмъ крестьяне разбогатѣли: гдѣ прежде было въ деревнѣ 20 лошадей, тамъ теперь 50, гдѣ было 40 коровъ—теперь 60. Кому не хватитъ своего хлѣба, то, не затрудняясь, прикупаютъ по 14 рублей за четверть и подати уплачиваютъ исправно.

Прежде работали въ помѣщичьихъ хозяйствахъ и бѣдствовали, вѣчно искали работы, денегъ, хлѣба. Теперь работаютъ въ своихъ хозяйствахъ, снимаютъ у помѣщиковъ земли и богатѣютъ. Правду говоритъ мужицкая поговорка: „Богъ труды любитъ“, „Богъ больше подастъ, чѣмъ богачъ“.

Прежде, несмотря на то, что во всѣхъ имѣніяхъ велось хозяйство и, слѣдовательно, требовалась работа, не было отбоя отъ желающихъ продать свой лѣтній трудъ, и въ тоже время множество молодежи шло въ Москву на заработки. Молодые ребята изъ многихъ дворовъ жили тогда въ Москвѣ на заработкахъ изъ года въ годъ, и зиму и лѣто, присылали изъ Москвы порядочно денегъ, а дворы все-таки были пусты — ни скота, ни коней. Остающіеся дома хозяева были вѣчно въ долгахъ, пьянствовали. Теперь никто въ Москву надолго не ходитъ. „Зачѣмъ въ Москву ходить, говорятъ мужики: — у

насъ и тутъ теперь Москва, работай только, не лѣнись! еще больше, чѣмъ въ Москвѣ заработаешь".

Теперь, если кто изъ молодежи идетъ въ Москву, то развѣ только на зиму, свѣтъ увидать, людей посмотрѣть, пообтесаться, пріодѣться, на своей волѣ пожить. Ходившіе прежде въ Москву, вернувшись домой, засѣли за хозяйство, вплотную взялись за землю, старики отошли на второй планъ, перестали пьянствовать—молодежь не дозволяетъ — сдѣлались полезными членами дворовъ. „Есть старикъ во дворѣ—убилъ бы, нѣтъ старика—купилъ бы". Перестали ходить въ Москву на заработки, *занялись землей* и дворы стали богатѣть.

Замѣтно *уменьшилось пьянство* въ „Счастливомъ Уголкѣ", несмотря на то, что, вслѣдствіе уменьшенія кабаковъ отъ возвышенія цѣнъ на патенты, сильно распространена тайная продажа водки, которая есть во всѣхъ деревняхъ. Конечно, и теперь крестьяне гуляютъ на свадьбахъ, въ общественные праздники, гуляютъ здòрово, пьютъ много, больше, можетъ быть, чѣмъ прежде, но отошли праздники — кончилась гульня, и пьянства нѣтъ. Нѣтъ пьянства. Куда дѣвалась страсть къ пьянству! Пьяницы сдѣлались степенными мужиками, многіе вовсе даже перестали пить. Встрѣтить не въ свадебный, или не въ общественнопраздничный день, пьянаго мужика, не то что въ будни, но даже въ воскресенье—необыкновенная рѣдкость. Гораздо чаще можно встрѣтить пьянаго попа, дьячка или урядника, чѣмъ пьянаго мужика.

Вмѣстѣ съ уменьшеніемъ пьянства, сильно развилась между крестьянами страсть къ охотѣ. Чуть не всѣ молодые люди — охотники, чуть не всѣ имѣютъ ружья, кое-гдѣ можно увидать и гончую собаку. Въ воскресенье, въ праздникъ, молодежь отправляется на охоту за рябчиками, тетеревами, зайцами.

Замѣтно также увеличивается стремленіе къ образованію, къ граматности. Когда была мода на разведеніе граматности, вскорѣ послѣ „Положенія", и у насъ была при волости школа, но въ эту школу приходилось собирать ребятъ насильно, отцы не хотѣли отдавать дѣтей въ школу, считали отбываніе школы повинностью. Неохотно отдавали отцы дѣтей въ школу, неохотно шли и дѣти, да и до школы ли было, когда ребята зимой ходили въ „кусочки"? Потомъ, волостная школа, не знаю почему — мода должно быть прошла — была закрыта. Позднѣе была открыта школа при селѣ, но и то для поповскаго сына, чтобы ему въ солдаты не идти, говорили мужики, учениковъ же въ школѣ было мало. Въ послѣдніе же годы, стремленіе къ граматности стало сильно развиваться; нетолько отцы хотятъ, чтобы ихъ дѣти учились, но и сами дѣти хотятъ учиться. Ребята зимою сами просятъ, чтобы ихъ поучили граматѣ, да нетолько ребята,

а и взрослые молодцы: день работаютъ, а вечеромъ учатся граматѣ. Даже школы *свои* у крестьянъ по деревнямъ появились. Подговорятъ хозяева какого-нибудь граматѣя-учителя, наймутъ у бобылки изобку— вотъ и школа. Ученье начинается съ декабря и продолжается до Святой. Учитель изъ отставныхъ солдатъ, заштатныхъ дьячковъ, бывшихъ дворовыхъ и тому подобныхъ граматѣевъ, получаетъ за каждаго ученика по рублю въ зиму и содержаніе. Относительно содержанія учителя, родители учениковъ соблюдаютъ очередь; въ дворѣ, въ которомъ находится одинъ ученикъ, учитель живетъ, напримѣръ, три дня, тамъ же, гдѣ два ученика — шесть дней, и т. д., подобно тому, какъ деревенскій пастухъ. Изба для школы нанимается родителями сообща, дрова для отопленія доставляются поочереди; учебныя книги, бумага, грифельныя доски покупаются родителями.

Эти мужицкія школы служатъ примѣромъ того, что, если является въ чемъ потребность, то народъ съумѣетъ устроить то, что ему нужно; потребовалась граматность, и вотъ мужики устроили *свои* школы, завели *своихъ* учителей, подобно тому, какъ имѣютъ *своихъ* коноваловъ, *своихъ* повитухъ, *своихъ* лекарей, *своихъ* швецовъ, шерстобитовъ, волночесовъ, трещеточниковъ, живописцевъ, пѣвцовъ и т. п.

Плохи, конечно, эти школы, плохи учителя, не скоро въ нихъ выучиваются дѣти даже плохой граматѣ, но важно то, что это *свои* мужицкія школы. Главное дѣло, что эта школа близко, что она у себя въ деревнѣ, что она своя, что учитель свой человѣкъ, не бѣлоручка, не баринъ, не прихотникъ, ѣстъ то же, что и мужикъ, спитъ какъ и мужикъ. Важно, что учитель учитъ тутъ въ деревнѣ, подобно тому, какъ для бабъ важно, что есть въ деревнѣ своя повитуха. Положимъ, въ земской школѣ учатъ лучше, но гдѣ она, эта земская школа? — за десять верстъ гдѣ-нибудь! Положимъ, что земская акушерка лучше простой повитухи, но гдѣ она, эта земская акушерка? — а тутъ бабѣ приспѣло время родить. Все дѣло интеллигентныхъ людей состоитъ въ томъ, чтобы способствовать развитію этихъ мужицкихъ учрежденій, поддерживать, наставлять этихъ мужицкихъ учителей, повитухъ, дѣдовъ. Необходима хорошая школа съ хорошимъ учителемъ, но этотъ учитель долженъ знать всѣ мужицкія школы своего участка, помогать имъ, направлять учителей. Необходима хорошая акушерка, но ея главное дѣло должно состоять въ томъ, чтобы она знала всѣхъ повитухъ своего участка, направляла ихъ, учила и сама являлась для помощи въ экстренныхъ случаяхъ. Таково же должно быть отношеніе ученаго врача ко всѣмъ фельдшерамъ, лекарямъ, знахарямъ, дѣдамъ, костоправамъ своего участка. *Трудно* это, конечно, но *гуманный*, истинно образованный, дѣльный, знающій человѣкъ не можетъ

не имѣть здѣсь успѣха. Вотъ это было бы настоящее дѣло, и за него мужикъ сказалъ бы спасибо.

А между тѣмъ эти мужицкія школы составляютъ предметъ опасенія. Какъ только провѣдаетъ начальство, что въ деревнѣ завелась школа, такъ ее разгоняютъ, гонятъ учителя, запрещаютъ учить. Конечно, пока-то еще начальство узнаетъ о школѣ, пока еще волостной соберется вызвать учителя и заказать ему, чтобъ онъ не держалъ школы, учитель все учитъ да учитъ, а тамъ, смотришь, Святая близко, все равно ученье кончается. На слѣдующую зиму опять „ученье граматѣ“ заводится, тотъ же или другой учитель учитъ, иную зиму такъ и сойдетъ, начальство не узнаетъ, а запретитъ, такъ опять кое-какъ до Святой дотянется, а тамъ осенью опять заводится школа, и такъ безъ конца. Запрещенія начальства школы окончательно не уничтожаютъ—такъ или иначе, ребята граматѣ учатся—но, само собою, они служатъ помѣхой мужицкой школѣ. Еслибы не запрещали эту свободную мужицкую школу, еслибы не запрещали учить кому вздумается, то это принесло бы большую пользу народному образованію.

Мнѣ какъ-то случилось разговориться объ этихъ мужицкихъ школахъ съ однимъ умнымъ мужикомъ—это былъ швецъ, который у меня въ домѣ шилъ на меня и дѣтей полушубки. Мужикъ спрашивалъ, почему разгоняютъ школы и запрещаютъ каждому желающему учить ребятъ граматѣ. Я объяснилъ, что это потому, вѣроятно, что, если будетъ дозволено учить кому угодно, то можетъ попасться такой учитель, который будетъ научать ребятъ чему-нибудь дурному.

— Чему же дурному можетъ онъ научить?

Я затруднился объяснить. Сказать мужику, что въ учителя можетъ попасть злонамѣренный человѣкъ, который будетъ „потрясать“, будетъ говорить, что крестьяне обижены надѣлами и т. д. Но какъ же отвѣчать такимъ образомъ мужику, который и безъ того надѣется, что Царь прибавитъ мужикамъ землицы и ужъ прибавилъ бы, еслибъ не помѣшали паны, студенты, и злонамѣренные люди, которые бунтуютъ противъ Царя за то, что онъ освободилъ крестьянъ? Обо всѣхъ этихъ вопросахъ мужикъ свободно говоритъ у себя дома при дѣтяхъ, на сельскихъ сходкахъ, и никакой злонамѣренный человѣкъ *ничего новаго* по этимъ вопросамъ ребятамъ не скажетъ.

— Можетъ, противъ Бога будетъ что говорить ребятамъ, наконецъ, сказалъ я.

Мужикъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Противъ Царя, можетъ...

— Какъ это возможно! да если же учитель начнетъ учить моего дѣтенка чему-нибудь пустому, развѣ я этого не увижу, развѣ я потерплю! Нѣтъ, не то, должно быть; я думаю, что оттого запрещаютъ граматѣ учиться, что боятся: какъ научатся-дескать мужики граматѣ, такъ права свои узнаютъ, права, какія имъ Царь даетъ—вотъ что!

А какое бы громадное значеніе имѣло предоставленіе полной свободы всѣмъ и каждому учить ребятъ граматѣ и заводить школы! какъ бы подвинулось въ народѣ образованіе, въ которомъ онъ такъ нуждается! Для того, чтобы конкурирровать съ американцами, нужно не пути сообщенія устроить, а дать народу образованіе, знаніе, а для этого нужно только не мѣшать ему устраивать свои школы, учиться свободно, чему онъ хочетъ, *у кого хочетъ*. Только люди, совершерно не знающіе мужика, могутъ опасаться кякихъ-то злонамѣренныхъ людей, а между тѣмъ именно эти опасенія и высказываются по поводу нелегальныхъ мужицкихъ школъ.

Народу нужны образованные учителя, лекаря, ветеринары, акушерки, знающіе сельскіе хозяева, механики, инженеры, но только не казенные. Дѣла для образованныхъ, интеллигентныхъ людей въ народѣ много. Ступайте въ деревню и, если вы будете учить по-просту, безъ казенныхъ затѣй, у себя въ домѣ или у мужика въ избѣ, то у васъ не будетъ отбою отъ ребятъ, желающихъ научиться граматѣ, просвѣтиться свѣтомъ науки. Если вы докторъ или акушерка—у васъ не будетъ недостатка въ практикѣ: страждущихъ много, помощи искать не у кого. Если вы хозяинъ, знающій и толковый, и *работаете землю сами*, то и къ вамъ придутъ за совѣтомъ. *Садитесь на землю* и не опасайтесь, что вамъ нечего будетъ дѣлать среди мужиковъ. Дѣла не оберетесь, дѣла пропасть.

Итакъ: увеличеніе урожаевъ хлѣба, уменьшеніе необходимости продавать свой лѣтній трудъ, увеличеніе возможности работать лѣтомъ на себя, уменьшеніе отхода на заработки, усиленіе стремленія къ хозяйству, къ землѣ, уменьшеніе стремленія бросать землю и идти въ батраки, уменьшеніе пьянства, стремленіе къ грамотности — вотъ что доказываетъ, что положеніе крестьянъ въ „Счастливомъ Уголкѣ“ улучшилось за послѣднія десять лѣтъ. Посмотримъ же теперь, отъ чего зависитъ это улучшеніе.

Первая общая причина — это *увеличеніе урожаевъ хлѣба на крестьянскихъ надѣлахъ, вслѣдствіе постояннаго усиленнаго удобренія и происходящаго оттого улучшенія, удобренія, утучненія надѣльной земли.*

Урожаи хлѣбовъ на крестьянскихъ надѣлахъ возвышаются годъ отъ году. Это говорятъ сами крестьяне. Хлѣба у крестьянъ стали родиться гораздо лучше, нетолько сравнительно съ тѣмъ, какъ родились до „Положенія“, при крѣпостномъ правѣ, но и сравнительно съ тѣмъ, какъ они родились десять лѣтъ тому назадъ. Въ „Счастливомъ Уголкѣ“ это возвышеніе урожаевъ совершилось на моихъ глазахъ за послѣднія десять лѣтъ. Произошло это безъ, сомнѣнія, отъ *улучшенія пахатныхъ земель крестьянскихъ надѣловъ*, отъ *усиленнаго удобренія*, отъ лучшей обработки, отъ употребленія лучшихъ, болѣе чистыхъ, сѣмянъ ржи, безъ костеря и сивца, отъ менѣе густыхъ посѣвовъ. Если крестьянскіе хлѣба въ чемъ и уступаютъ теперь господскимъ, то не потому, чтобы крестьянскія земли были болѣе истощены, хуже удобрены, чѣмъ панскія, а потому что онѣ раздѣлены на узкія нивки, которыя и удобряются, и обрабатываются каждымъ хозяиномъ отдѣльно. Еслибы крестьянскія земли и обрабатывались, и удобрялись *сообща*, не нивками, а сплошь всѣми хозяевами вмѣстѣ, какъ обрабатываются помѣщичьи земли, съ дѣлежомъ уже самаго продукта, то урожаи хлѣбовъ у крестьянъ были бы не ниже, чѣмъ у помѣщиковъ. Съ этимъ согласны и сами крестьяне. Узкія нивки, обрабатываемыя каждымъ хозяиномъ отдѣльно, препятствуютъ и хорошей обработкѣ, и правильному распредѣленію навоза. При обработкѣ земли *сообща*, эти недостатки уничтожились бы и урожаи были бы еще лучше.

Люди изъ интеллигентнаго класса, которые, научившись сами работать, сядутъ на землю, образуютъ *деревни изъ интеллигентныхъ людей*, и будутъ *сообща* вести хозяйство, *сообща* работать землю, своимъ примѣромъ могутъ имѣть большое значеніе для крестьянскихъ деревень, ибо крестьяне понимаютъ, что работать сообща выгоднѣе. Но какъ это сдѣлать? — это должны показать интеллигентные люди на дѣлѣ.

Что урожаи на крестьянскихъ надѣлахъ увеличиваются, такъ это совершенно естественно, потому что, вслѣдствіе удобренія, земля постоянно улучшается. *Что она должна улучшаться, такъ это ясно, если вникнуть въ систему крестьянскаго хозяйства.*

Въ нашихъ мѣстахъ, какъ помѣщики, такъ и крестьяне удобряютъ землю навозомъ; необходимость удобренія такъ вошла въ сознаніе каждаго, что хозяинъ все свое вниманіе обращаетъ на то, чтобы назапасить какъ можно болѣе навоза. „Навозъ и у Бога „крадетъ“, „вози навозъ, не лѣнись, хоть Богу не молись“, „гдѣ лишнее навозу колышко, тамъ лишняя хлѣба коврижка“, „положишь каку, а вынешь папу“. Но въ то время, какъ помѣщикъ, продавая хлѣбъ и скотъ,

сдавая съ части покосы, отдавая въ аренду земли подъ ленъ и хлѣбъ, истощаетъ свои земли, вслѣдствіе вывоза почвенныхъ частицъ (главное—фосфорнокислыхъ солей) съ хлѣбомъ, скотомъ, сѣномъ—крестьянинъ, напротивъ, пріобрѣтая на сторонѣ хлѣбъ, сѣно и проч., улучшаетъ, утучняетъ свою землю, ввозя почвенныя частицы извнѣ.

У крестьянина часть земли находится подъ усадьбой, огородомъ, коноплянникомъ, часть подъ естественными лугами, да и то самая небольшая. Именно та земля, которая негодится подъ пашню, наиболѣе подходитъ для луговодства, напримѣръ: заливные берега рѣкъ, овраги, низины на поляхъ. А главная часть—подъ пашней. Съ своей земли крестьянинъ ничего или почти ничего не вывозитъ, а что и вывозитъ, такъ на то мѣсто онъ ввозитъ съ избыткомъ. Крестьянинъ прежде всего и больше всего продаетъ свой трудъ; личный трудъ, заработокъ на сторонѣ зимою, доставляетъ ему главный денежный доходъ. Затѣмъ онъ продаетъ пеньку, ленъ, а это такіе продукты, въ которыхъ не уносится почвенныхъ частицъ. Только съ продаваемымъ имъ льнянымъ сѣменемъ, коноплею, скотомъ, онъ вывозитъ незначительное количество почвенныхъ частицъ. Напротивъ, ежегодно крестьянинъ ввозитъ на свой надѣлъ почвенныя частицы со стороны.

Крестьянину недостаточно сѣна съ своихъ луговъ—онъ старается наготовить какъ можно болѣе сѣна на сторонѣ, для чего арендуетъ покосы, если имѣетъ на то средства, или коситъ у помѣщика съ части. Всѣ силы крестьянина употретреблены на покосъ; во время покоса онъ работаетъ до изнеможенія; на покосъ и со стороннихъ заработковъ возвращается домой. Накошенное на чужихъ лугахъ сѣно крестьянинъ свозитъ къ себѣ, кормитъ имъ коней и скотъ, и полученнымъ навозомъ удобряетъ свой надѣлъ.

Такимъ образомъ, съ сѣномъ крестьянинъ привозитъ почвенныя частицы изъ другихъ мѣстъ, и эти почвенныя частицы остаются на его надѣлѣ, увеличивая собою сумму питательныхъ веществъ его земли.

Чѣмъ выше благосостояніе крестьянина, чѣмъ менѣе онъ запродаетъ свой лѣтній трудъ, чѣмъ болѣе онъ работаетъ на себя лѣтомъ—тѣмъ болѣе онъ заготовляетъ сѣна, тѣмъ лучше удабриваетъ свой надѣлъ.

Разъ заправившись, крестьянинъ не ограничиваетъ хозяйства своимъ надѣломъ, потому что онъ можетъ обработать болѣе земли, чѣмъ у него въ надѣлѣ; тогда онъ снимаетъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ землю подъ ленъ и хлѣба, беретъ изъ части ляда и т. п. Выбранный ленъ, сжатый хлѣбъ, онъ опять-таки везетъ къ себѣ: ленъ и сѣмя продаетъ, хлѣбъ потребляетъ самъ, костру, мякину, солому употребляетъ въ кормъ своему скоту и въ подстилку. Тутъ опять-таки

получается навозъ, который вывозится крестьяниномъ на его же надѣлъ.

Все сѣно и солому съ своего надѣла, сѣно и солому, добытыя на сторонѣ, и весь кормъ — крестьянинь стравливаетъ на своемъ дворѣ. Весь свой хлѣбъ, весь хлѣбъ, купленный или добытый на сторонѣ, овощи, молоко, часть мяса, крестьянинъ поѣдаетъ самъ и экскременты оставляетъ на своемъ дворѣ.

Дрова, добытые на сторонѣ, онъ сожигаетъ дома, и зола опять таки остается на его дворѣ. Все это, переработанное въ навозъ, съ двора онъ *вывозитъ на свою землю.*

Ясно, что при такомъ порядкѣ *крестьянинъ ввозитъ на свой надѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ вывозитъ* и притомъ ввозитъ тѣмъ больше, чѣмъ больше возвышается его благосостояніе, потому что, тѣмъ болѣе тогда онъ работаетъ на себя лѣтомъ, тѣмъ болѣе запасаетъ всякаго корму.

Крестьянскіе надѣлы, постоянно удобряемые почвенными частицами, привозимыми извнѣ, съ хлѣбомъ, кормомъ, дровами, неминуемо должны годъ отъ году утучняться и, нѣтъ сомнѣнія, превратятся современемъ въ тучные огороды.

Всѣ тѣ обстоятельства, которыя благопріятствуютъ развитію крестьянскаго хозяйства, увеличиваютъ и плодородіе крестьянскихъ надѣловъ. Относительно ввоза и вывоза почвенныхъ частицъ крестьянское хозяйство въ нашихъ мѣстахъ поставлено наираціональнѣйшимъ образомъ.

Только агрономы-чиновники, да либералы, не понимающіе сути дѣла, могутъ думать, что крестьянамъ слѣдуетъ измѣнить трехпольную систему и замѣнить ее многопольною съ травосѣяніемъ. Для крестьянъ, имѣющихъ возможность работать лѣто на себя и заготовлять кормъ на сторонѣ, *трехпольная система совершенно раціональна.* Крестьянамъ же, которые такъ затѣснены отрѣзками и высокими платежами, что должны лѣто работать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и не могутъ готовить въ страду кормъ для себя, *никакое травосѣяніе не поможетъ.*

Совершенно другое дѣло въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Тамъ почва всегда истощается, и хозяйство ведется истощающее землю. Помѣщики въ нашихъ мѣстахъ всегда вели и теперь ведутъ истощающее землю хозяйство. При крѣпостномъ правѣ помѣщики и у насъ производили огромное количество хлѣба, который выпродавался изъ имѣній и уносилъ съ собою массу драгоцѣннѣйшихъ почвенныхъ частицъ, извлеченныхъ изъ земли, уносилъ за море къ нѣмцамъ и англичанамъ, уносилъ въ города, откуда эти частицы спускались въ рѣки. Для пополненія того, что извлекалось продаваемыми на сторону хлѣ-

бами съ полей, помѣщики удобряли навозомъ, который готовился изъ соломы, взятой съ тѣхъ же полей, изъ сѣна, взятаго изъ луговъ, которые, если это были не заливные луга, по истощеніи, запускались подъ заросли, а на то мѣсто изъ подъ лѣсовъ раздѣлывались новые луга.

Послѣ „Положенія", запашки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ значительно—полагаю, на двѣ трети—сократились, все еще сокращаются и будутъ сокращаться, если благосостояніе крестьянъ будетъ увеличиваться. Помѣщичьи хозяйства не имѣютъ будущности, они должны уничтожиться, потому что *смыслу нѣтъ* въ томъ, чтобы мужики-хозяева, имѣющіе свои земли, свое хозяйство, работали въ чужихъ хозяйствахъ. *Это — нелѣпость.*

Съ уменьшеніемъ запашекъ, конечно, уменьшилось и количество хлѣба, продаваемаго изъ помѣщичьихъ хозяйствъ, слѣдовательно уменьшилось и истощеніе земель черезъ вывозъ хлѣба. Но за то явился другой путь для истощенія. Не имѣя возможности убирать все сѣно съ луговъ въ свою пользу, помѣщики вынуждены сдавать луга съ части, и такимъ образомъ, изъ помѣщичьихъ имѣній вывозится часть сѣна. Затѣмъ, тѣ помѣщики, которые не могутъ затѣснить крестьянъ отрѣзками и выгонами и имѣть обязательныхъ рабочихъ, въ родѣ крѣпостныхъ, не имѣя притомъ возможности вести хозяйство батрачное, требующее и капитала, и знанія, и труда — вовсе прекратили хозяйство и стали раздавать крестьянамъ въ аренду луга и пахатныя земли. Все сѣно, весь ленъ, весь хлѣбъ съ арендованныхъ крестьянами земель стали вывозиться изъ помѣщичьихъ имѣній. Помѣщичьи земли истощаются, а насчетъ ихъ удобряются крестьянскіе надѣлы.

Улучшеніе крестьянской земли, вслѣдствіе ежегоднаго удобренія насчетъ помѣщичьихъ земель, есть, по моему мнѣнію, одна изъ основныхъ причинъ, почему улучшилось благосостояніе крестьянъ „Счастливаго Уголка".

Въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, крестьянскіе надѣлы, на моихъ глазахъ, замѣтно улучшились, и урожаи увеличились. Ежегодно крестьяне изъ окрестныхъ помѣщичьихъ имѣній везутъ въ свои дворы сѣно, солому, ленъ, хлѣбъ, двора; все это въ деревняхъ превращается въ навозъ, который вывозится на крестьянскія поля. Количество ежегодно вывозимаго на крестьянскіе надѣлы навоза замѣтно увеличилось за послѣднія десять лѣтъ. Удобряемые насчетъ помѣщичьихъ земель крестьянскіе конопляники и поля стали неузнаваемы. Въ будущемъ, тамъ, гдѣ крестьяне заправились, надѣлы ихъ превратятся въ тучные огороды, на которыхъ крестьяне будутъ вести интенсивное хозяйство; эти надѣлы будутъ представлять оазисы среди пустынныхъ

помѣщичьихъ земель, которыя будутъ экстенсивно эксплуатироваться тѣми же крестьянами.

Весьма важно, что въ нашихъ мѣстахъ крестьяне получили сравнительно довольно большіе надѣлы, хотя и дурного качества земли, которая не родитъ безъ удобренія. Эта земля составляетъ основной фондъ, и, лишь бы только *обстоятельства благопріятствовали*—возможность работать лѣто на себя—крестьяне удобрятъ надѣлы, и положеніе ихъ будетъ улучшаться. Благопріятствующія обстоятельства—это именно *возможность работать лѣто на себя,* а для того, чтобы имѣть эту возможность тамъ, гдѣ земли хороши, достаточно, если у крестьянъ есть выгодные зимніе заработки, тамъ же, гдѣ крестьяне затѣснены отрѣзками, необходимо, чтобы эти отрѣзки, *по дѣйствительной* ихъ стоимости, поступили во владѣніе крестьянъ, дабы посредствомъ этихъ необходимыхъ крестьянамъ отрѣзковъ нельзя было вѣжимать у крестьянъ лѣтнія работы, нельзя было ихъ затѣснять. Наконецъ, есть и такія мѣста, гдѣ необходимо, если не вовсе *снять съ крестьянъ платежи,* то, по крайней мѣрѣ, уменьшить ихъ и *разложить на долгій срокъ.* Въ нынѣшній бѣдственный, голодный годъ, многія уѣздныя земскія собранія положили ходатайствовать объ отсрочкѣ сбора недоимокъ и платежей за слѣдующій годъ, но во многихъ мѣстахъ требуется сдѣлать это *не на одинъ только* нынѣшній годъ, а вовсе уменьшить платежи, *разложить ихъ на долгій срокъ,* чтобы дать крестьянамъ возможность заправиться.

Гдѣ, какъ въ „Счастливомъ Уголкѣ“, крестьяне уже заправились, удобрили надѣлы, взяли силу—тамъ и въ нынѣшній годъ нѣтъ недоимокъ и уплата податей за слѣдующій годъ не представляетъ большихъ затрудненій. Когда и въ другихъ мѣстахъ крестьяне такъ же заправятся, возьмутъ силу, то и тамъ подати будутъ вноситься безъ затрудненія и исправникамъ не придется сажать старшинъ и старостъ въ клоповни. Крестьяне, даже находящіеся въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ относительно земли, получившіе хорошіе надѣлы, съ хорошей землей, хорошими лугами и огородами, пока эти надѣлы не были достаточно удобрены и не давали достаточно хлѣба для собственнаго прокормленія, не могли обходиться безъ стороннихъ заработковъ. И въ „Счастливомъ Уголкѣ“ на первыхъ порахъ сторонніе заработки играли весьма важную роль, да и теперь еще имѣютъ значеніе, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ прежде. Но сторонніе заработки въ такомъ только случаѣ способствуютъ улучшенію положенія крестьянъ, когда крестьянинъ, главнымъ образомъ, занимается землей, хозяйствомъ, а сторонніе заработки, не мѣшая хозяйству, служатъ *только подспорьемъ.* Земля, хо-

зяйство—вотъ *основа,* а сторонній заработокъ долженъ служить лишь подспорьемъ, какъ картофель служитъ подспорьемъ хлѣбу. Это уже не дѣло, если крестьянинъ видитъ основу въ стороннемъ заработкѣ. Въ деревняхъ, расположенныхъ около городовъ, желѣзнодорожныхъ станцій, фабрикъ, несмотря на обиліе выгоднаго заработка, крестьяне рѣдко живутъ зажиточно, хозяйственно. „На столѣ самоваръ кипитъ, а въ хлѣвѣ трясцы", говорятъ мужики.

Это уже самое послѣднее дѣло, когда мужикъ не занимается землей, а смотритъ на сторонній заработокъ. Заниматься землей трудно. Земля, хозяйство требуютъ заботы, постояннаго вниманія. Конечно, даромъ денегъ нигдѣ не даютъ, и на стороннемъ заработкѣ, на фабрикѣ, въ городѣ, тоже требуется работа, и не менѣе легкая; но та работа батрацкая, не требуетъ заботы, вниманія и всегда даетъ опредѣленный заработокъ. Хорошо ли, дурно ли, отработалъ извѣстное число часовъ, а тамъ, что бы изъ работы ни вышло—получи жалованье. Человѣкъ, при такихъ условіяхъ, привыкаетъ беззаботно жить со дня на день, не думая о будущемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привыкаетъ къ извѣстной обстановкѣ, къ извѣстному комфорту. Въ подгородныхъ и подфабричныхъ деревняхъ все разсчитано на сторонній зарабокъ, а хозяйство опускается; земля, хозяйство являются уже подспорьемъ къ заработку, а не наоборотъ. Поэтому, въ такихъ деревняхъ, гдѣ хозяйство должно бы процвѣтать, вслѣдствіе удобства сбыта продуктовъ и возможности въ свободное отъ полевыхъ работъ время имѣть заработки, мы, наоборотъ, видимъ, что масса населенія бросаетъ землю, относится къ землѣ и хозяйству спустя рукава и живетъ со дня на день. Обыкновенно, въ такихъ подгородныхъ, подфабричныхъ деревняхъ масса населенія живетъ вовсе не зажиточно, и только нѣсколько разбогатѣвшихъ торговлею кулаковъ эксплуатируютъ своихъ однодеревенцевъ.

Совсѣмъ другоо дѣло сторонніе заработки для земельныхъ хозяйственныхъ крестьянъ, которые въ землѣ видятъ основу, занимаются хозяйствомъ, влагая въ него свою душу, всю свою умственную и физическую силу, а на сторонній заработокъ смотрятъ лишь, какъ на подспорье. Но для такихъ крестьянъ имѣетъ значеніе только такой заработокъ, который не отрываетъ ихъ отъ занятій въ собственномъ хозяйствѣ, слѣдовательно, никакъ не заработокъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ лѣтомъ.

Съ „Счастливомъ Уголкѣ", пока крестьяне не заправились, не удобрили надѣловъ, сторонніе заработки имѣли большое значеніе, именно заработки, доставляемые желѣзною дорогою и лѣсоторгоргговцами; эти заработки подняли хозяйства крестьянъ; но не они одни,

камъ увидимъ ниже, были причиною улучшенія ихъ положенія. Сторонніе заработки *только дали толчокъ*.

Гораздо больше значенія, чѣмъ сторонніе заработки, имѣютъ заработки у себя, хозяйственные, когда крестьянинъ можетъ снять въ аренду земли, насѣять льну, переработать его у себя дома зимой. Вотъ это—заработки, когда, снявъ у помѣщика десятину облоги за 8, за 10 рублей, крестьянинъ посѣетъ ленъ и продастъ съ десятины льна и сѣмени на 100 рублей, а въ урожайный годъ, да при хорошихъ цѣнахъ, и на 150 рублей, и получитъ за свою работу отъ 90 до 140 рублей, занимаясь этимъ льномъ между дѣломъ, не опуская своего хозяйства, да еще кромѣ того въ барышахъ получитъ съ этой десятины костру для подстилки, да мякину на кормъ скотинѣ. Вотъ это заработки! Въ какомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ, у какого кормильца-помѣщика мужикъ заработаетъ такую сумму, работая даже изо дня въ день, цѣлое лѣто? И много ли работы на одной десятинѣ льна? Конечно, тутъ рискъ: можетъ случиться неурожай, или червякъ поѣстъ; но если даже ленъ уродится совсѣмъ плохо, если мужикъ выручитъ съ десятины всего только 50 рублей — за 10 лѣтъ моего хозяйства у меня еще не было случая, чтобы десятина льна дала менѣе 60 рублей—то и это все-таки будетъ хорошій заработокъ между дѣломъ, не упуская хозяйства; заработокъ, какого не дастъ мужику ни одно помѣщичье хозяйство. Но, кромѣ десятины льну, крестьянинъ можетъ еще обработать подъ хлѣбъ десятину перелому изъ подъ того же льна, а по перелому рожь и безъ навозу родится хорошо. Вотъ онъ и съ хлѣбомъ. Да еще соломка, мякинка скотинѣ на кормъ—вотъ и навозъ.

Хлѣбушкомъ съ своего надѣла, да съ арендованной земли, крестьянинъ прокормится самъ, прокормитъ и свиненка, и куренка—будетъ, значитъ, что и въ варево кинуть. Продавъ пенечку, ленокъ, сѣмячко, онъ выручитъ достаточно денегъ, чтобы заплатить подати, попу, купить на праздникъ вина, заарендовать въ будущемъ году покосъ, десятину - другую земли подъ ленъ и хлѣбъ. Всѣмъ хорошо: подать Царю уплочена, мужикъ живетъ спокойно, ѣстъ сыто, на дворѣ у него копится навозъ и надѣлъ все утучняется, да утучняется. И пану—чѣмъ воловодиться съ хозяйствомъ, да кормить на счетъ мужика прикащиковъ—получай прямо денежки за землю и живи въ свое удовольствіе! Для лучшаго объясненія, какъ это совершилось, что въ „Счастливомъ Уголкѣ“ мужикъ за десять лѣтъ поправился такъ, что даже въ нынѣшнемъ году не бѣдствуетъ, я разскажу подробно о положеніи нѣсколькихъ деревень.

Вотъ деревня Д.—Построена деревня около мерзкой болоти-

стой лужи, въ которой можно только скотъ поить. Воду для питья и варки кушанья крестьяне возятъ за двѣ версты изъ сосѣдней деревни. Луговъ въ надѣлѣ нѣтъ, лѣсу нѣтъ, полевая земля плохая, *отрѣзки*, отошедшіе барину, врѣзались въ самые крестьянскіе надѣлы, господскій лѣсъ прилегаетъ къ надѣламъ и мѣстами врѣзывается въ нихъ. Скотину выпустить некуда, кромѣ своего пара, да и то гляди въ оба, сейчасъ попадетъ или на господскіе отрѣзки, или на пустоша сосѣднихъ помѣщиковъ. Недалеко, верстахъ въ пяти отъ деревни, идетъ желѣзная дорога и находится небольшой полустанокъ, съ котораго отправляютъ лѣсъ и дрова.

При крѣпостномъ правѣ, деревня Д. была одна изъ бѣднѣйшихъ въ округѣ; помѣщикъ, говорятъ, былъ звѣрь — полиціймейстеромъ въ старые года гдѣ-то служилъ, можно, значитъ, представить себѣ, что за птица—запашки имѣлъ огромнѣйшія, мучилъ на работѣ, крестьяне изъ пушного хлѣба не выходили. Послѣ „Положенія“ хотя и полегчало, но все-таки еще дясять лѣтъ тому назадъ, когда я пріѣхалъ въ деревню, крестьяне Д. были очень бѣдны, *ѣли пушной хлѣбъ,* недоимокъ было много, скота и лошадей мало, постройки плохія, деревня была одна изъ бѣднѣйшихъ въ „Счастливомъ Уголкѣ“. Чтобы имѣть свободный выгонъ для скота, чтобы пользоваться отрѣзками, вообще господскими землями, прилегающими къ ихъ надѣламъ, не трогая, разумѣется, лѣса, крестьяне Д. работали у своего помѣщика въ имѣніи, отстоящемъ верстъ на 5 или на 6 отъ деревни, круги за деньги и косили заливной помѣщичій лугъ.

Помѣщикъ самъ въ деревнѣ не жилъ; хозяйствовалъ староста. Хозяйство велось обыкновеннымъ порядкомъ: сѣно стравливалось скоту, который содержался для навоза, поля удобряли, но хлѣбъ родился плохо. Земли пахалось только незначительная часть противъ того, что пахалось при крѣпостномъ правѣ, остальная была запущена, заобложила, занялась лѣсною порослью. За всѣми расходами, помѣщикъ имѣлъ самый ничтожный доходъ, и затѣсненные крестьяне лишь втунѣ болтали землю. Крестьяне Д., несмотря на то, что по близости прошла желѣзная дорога, которая дала заработокъ, когда въ округѣ стали рѣзать дрова, поправлялись туго, и, если поправлялись, то не столько оттого, что дорога давала заработокъ, сколько оттого, что *занимались* лядами, снимали у *оскудѣвшихъ* помѣщиковъ съ половины годные для лядъ лѣса, рубили съ половины дрова, жгли ляда и сѣяли съ половины пшеницу. Съ этихъ-то лядъ, съ этой-то пшеницы, крестьяне стали заправляться—свою половину пшеницы съ лядъ

крестьяне получали снопами и везли къ себѣ домой и зерно, и солому: пшеницу продавали, а солома и мякина шла скоту.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, помѣщикъ продалъ свой лѣсъ на срубъ на значительное число лѣтъ, съ тѣмъ, что покупатель, въ теченіи этого времени, можетъ пользоваться и землею подъ лѣсомъ. Крестьянамъ это было на руку. Явились, во-первыхъ, домашніе зимніе заработки по рѣзкѣ и перевозкѣ дровъ у себя подлѣ самой деревни; явились заработки по нагрузкѣ дровъ въ вагоны на станціи. Но это еще не все: главное, что лѣсоторговецъ купилъ лѣсъ на срубъ въ года, съ правомъ рубить лѣсъ, когда вздумаетъ, и пользоваться землей въ теченіи всего времени, на которое купленъ лѣсъ. Но что же будетъ дѣлать съ землей лѣсоторговецъ? Разумѣется, онъ сдалъ ее подъ ляда крестьянамъ и не съ половины, а за извѣстную плату, и притомъ не деньгами, а зимними работами по вывозкѣ дровъ и т. п. И лѣсоторговцу выгодно, и крестьянамъ отлично—каждому свое. Крестьяне, за вывозку извѣстнаго количества дровъ зимою—а возка близкая, такъ что ежедневно, отвезя дрова, возвращаются ночевать домой—получили право распоряжаться землей изъ-подъ срубленнаго лѣса. По вывозкѣ дровъ, крестьяне жгли сучья и ломъ—дровъ для себя покупать имъ, конечно, не приходится—и сѣяли по лядамъ пшеницу и ячмень. А кàкъ родится къ году ячмень на лядахъ! Я знаю случай, что крестьянинъ посѣялъ на лядѣ 9 мѣръ ячменя и намолотилъ 15 кулей—ну, и богачъ, значитъ, съ хлѣбомъ и кормомъ для скота. По снятіи хлѣба, крестьяне пользуются лядами нѣсколько лѣтъ для покоса и выгона скота. Жаль только, что крестьяне *не дошли* еще, чтобы на лядахъ по хлѣбу сѣять клеверъ съ тимоѳеевкой, которые рорятся превосходно по лядамъ и даютъ отличнѣйшіе укосы, такъ что на первый же годъ, несмотря на неудобство косить на свѣжемъ лядѣ, за множествомъ сучьевъ, пеньковъ, отростковъ, у меня посѣянный на лядахъ клеверъ съ тимоѳеевкой крестьяне охотно берутъ косить изъ половины.

Вскорѣ послѣ продажи лѣса, помѣщикъ все имѣніе сдалъ въ аренду купцу-лѣсопромышленнику. Купецъ взялъ имѣніе вовсе не для того, чтобы вести хозяйство, такъ какъ онъ исключительно занимается лѣсною торговлею, а какъ центральный опорный пунктъ для конторы, да къ тому же разсчелъ, что, не занимаясь хлѣбопашествомъ, сдавая въ аренду покосы и земли крестьянамъ, онъ все-таки не останется въ убыткѣ. Скотъ онъ сейчасъ же продалъ, и получилъ капиталъ, который можно на все время, пока длится аренда, пустить въ оборотъ; заливные луга сталъ запродавать желающимъ на скосъ; хлѣбопашество почти уничтожилъ и сталъ сдавать земли въ аренду

крестьянамъ подъ посѣвы льна и хлѣба; отрѣзки сдать въ пользованіе крестьянамъ за извѣстную съ ихъ стороны плату *зимними работами.*

Такимъ образомъ, крестьяне Д. сдѣлались *совершенно свободны*; имъ уже не нужно за отрѣзки убирать помѣщичьи луга и обрабатывать землю. *Все лѣто они работаютъ на себя.* Имѣя лѣто свободнымъ, они сѣютъ хлѣбъ на лядахъ, снимаютъ покосы и заготовляютъ много сѣна для своихъ коней и скота, берутъ въ аренду земли подъ ленъ. Зимою они работаютъ въ лѣсу, возятъ дрова, грузятъ вагоны. Въ нѣсколько лѣтъ, деревня стала неузнаваема; крестьяне обстроились, завели больше коней и скота, послѣднее время стали даже улучшать скотъ и покупать у меня заводскихъ холмогорскихъ телятъ—и акцизъ на соль еще не былъ отмѣненъ, а крестьяне стали улучшать скотъ!—стали лучше удобрять землю. Что же тутъ дѣйствовало? Ничего больше, кромѣ того, что крестьяне *получили возможность работать лѣтомъ на себя,* не обязаны теперь попусту болтать землю у помѣщика, и имѣютъ отрѣзки и выгоны за денежную плату или за зимнія работы. Прекращеніе купцомъ, заарендовавшимъ помѣщичье имѣніе, полевого хозяйства имѣло благодѣтельное вліяніе нетолько на крестьянъ Д., но и на крестьянъ другихъ сосѣднихъ деревень. Купецъ сдаетъ заливные луга на скосъ; берутъ эти луга крестьяне разныхъ деревень и сѣно свозятъ къ себѣ, сѣномъ кормятъ скотъ и коней, получаютъ навозъ, которымъ удобряютъ свои надѣлы. Купецъ сдаетъ пахатныя земли крестьянамъ подъ посѣвы льна и хлѣба; крестьяне увозятъ къ себѣ ленъ и хлѣбъ въ снопахъ.

По окончаніи срока аренды, помѣщикъ уже не въ состояніи будетъ возобновить прежнее хозяйство, во-первыхъ, потому, что хозяйство уже будетъ опущено: скотъ нужно вновь заводить, постройки ремонтировать, а, во-вторыхъ, *главнымъ образомъ,* потому, что *заправившихся* крестьянъ *нельзя будетъ ввести въ оглобли.* Да и къ чему помѣщику заводить прежнее хозяйство, которое, какъ справедливо жалуются всѣ помѣщики, не даетъ дохода и только стѣсняетъ крестьянъ? Къ чему это хозяйство для хозяйства, хозяйство, не дающее дохода и только мѣшающее развитію крестьянскаго хозяйства? Кому отъ этого хозяйства польза? Помѣщикъ жалуется, что хозяйство не приноситъ дохода; мужикъ затѣсненъ, обязанъ производить безплодную работу на помѣщичьемъ полѣ, мужикъ бѣдствуетъ, не доѣдаетъ и въ недоимкахъ. Я никакъ не могу понять этихъ, такъ ясно выраженныхъ нѣкоторыми гласными въ прошлогоднемъ смоленскомъ земскомъ собраніи, сѣтованій на то, что, если крестьяне полу-

чатъ кредитъ для покупки земель, то, пріобрѣтая необходимые для нихъ отрѣзки и выгоны, они заправятся и не станутъ работать въ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Сами же говорятъ, что хозяйничать невыгодно, что хозяйства не приносятъ дохода, а, между тѣмъ, непремѣнно хотятъ вести эти хозяйства, хотятъ, чтобы крестьяне были затѣснены для того, чтобы *нужда* заставляла ихъ безполезно болтать землю въ этихъ не приносящихъ дохода хозяйствахъ!

Итакъ, по окончаніи срока аренды, помѣщикъ не можетъ возобновить хозяйство, да и зачѣмъ ему заводить его? Самъ онъ въ деревнѣ не живетъ, хозяйствомъ не занимается, а, если вздумаетъ пользоваться деревней, какъ дачей, на лѣто, то усадьба къ его услугамъ. Чѣмъ вести бездоходное, стѣсняющее крестьянъ хозяйство, не проще ли помѣщику поступить, какъ купецъ-арендаторъ, и сдавать свои земли крестьянамъ. Заливные луга, сдаваемые на скосъ, не могутъ истощаться, будутъ приносить доходъ постоянный, и доходъ этотъ будетъ даже увеличиваться съ возрастаніемъ багосостоянія крестьянъ, такъ какъ они тогда выгоднѣе будутъ утилизировать сѣно, и, при благосостояніи крестьянъ, не будетъ такой нелѣпости, что говядина въ городахъ будетъ продаваться по полтора рубля за пудъ. За отрѣзки и выгоны крестьяне всегда будутъ платить хорошую цѣну. Если же дастся крестьянамъ возможность пріобрѣсти эти отрѣзки или выгоны въ собственность съ разсрочкой платежа, то помѣщикъ получитъ капиталъ, который будетъ приносить ему проценты. Наконецъ, и остальная пахтная и пустошная земля, сдаваемая въ аренду подъ посѣвы льна, хлѣба и на скосъ травъ, если завести правильную систему сдачи этой земли въ аренду, тоже будетъ приносить постоянный доходъ.

Помѣщикъ, не получающій, какъ онъ самъ говоритъ, дохода, при теперешнемъ своемъ нелѣпомъ хозяйствѣ, будетъ получать тогда хорошую ренту, которой будетъ жить, занимаясь службой. Помѣщикъ не будетъ, въ разрѣзъ съ желаніями всего народа, всего крестьянства, молить Бога о томъ, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ и мужикъ дешевъ.

Если же дѣти этого помѣщика, наскучивъ службой, *захотятъ жить на волѣ*, захотятъ сѣсть на землю и сдѣлаться свободными земледѣльцами, то, научившись работать и сдавъ лишнюю землю крестьянамъ, они заведутъ свое хозяйство и будутъ работать, какъ американскіе фермеры. Пригласятъ къ себѣ интеллигентныхъ безземельныхъ пролетаріевъ—имъ же нѣсть числа—и образуютъ деревню изъ интеллигентныхъ земледѣльцевъ, самолично работающихъ землю.

Вотъ тогда-то мы получимъ возможность думать объ томъ, чтобы конкурировать на всемірномъ рынкѣ съ американцами.

Я вѣрю, что наша молодая интеллигенція пойдетъ по этому пути, я живу этой вѣрой. Что можетъ быть ужаснѣе жизни въ отчужденіи отъ своего народа? Что можетъ быть нелепѣе положенія человѣка, который долженъ для своей выгоды желать бѣдствія для другихъ?

Зажиточный мужикъ, говоритъ г. Ростовцевъ („Землед. Газ.“, 1880 г.), имѣющій исправное хозяйство, *на постороннія работы не нанимается ни за какія деньги;* бѣдный же мужикъ набираетъ зимой множество работъ у разныхъ хозяевъ, а, когда придетъ время работать, то, не окончивъ работы ни у одного, перебѣгаетъ отъ одного къ другому, наконецъ бросаетъ всѣхъ и бѣжитъ убирать свой *несчастный хлѣбишко, который къ этому времени на половину уже осыпался.* Чтобы пособить этому горю, г. Ростовцевъ ищетъ жатвенную машину; но развѣ жатвенная машина поможетъ? А съ мужикомъ-то, набирающимъ зимой работы, что будетъ?

У американскаго фермера тоже жатвенная машина: собираются нѣсколько фермеровъ съ семействами на толоку, жнутъ пшеницу у одного, потомъ идутъ жать къ другому, потомъ къ третьему. На толокѣ весело; одна хозяйка старается перещеголять другую, угощаетъ циплятами подъ соусомъ, какъ сообщаетъ одинъ русскій интеллигентъ, попавшій въ Америку, работавшій у фермеровъ и бывшій на ихъ толокахъ.

Жатвенная машина и голодающій зимою мужикъ, которому не у кого набрать работы! Гдѣ тутъ жатвеннымъ машинамъ быть! Американцы работаютъ жатвенными машинами, которыя *они сами и выдумали;* говорятъ, у нихъ объ серпахъ и косахъ уже забыли. Наши помѣщики ищутъ по нашимъ *моднымъ магазинамъ сельско-хозяйственныхъ машинъ* жатвенную машину и не находятъ. Оно и понятно...

Счастливъ тотъ, кто спокойно ѣстъ свой хлѣбъ, зная, что онъ заработалъ его собственнымъ трудомъ. Можетъ ли человѣкъ быть спокоенъ, счастливъ, если у него является сознаніе, что онъ ѣстъ не свой хлѣбъ? Счастливъ ли нашъ интеллигентъ, котораго интересы до такой степени противоположны интересамъ мужика, что, когда мужикъ молится о дешевизнѣ хлѣба, онъ долженъ молиться о его дороговизнѣ?

Не оттого ли такъ мечется нашъ интеллигентъ, не оттого ли такое недовольство повсюду?

Кто счастливъ? откликнись!

И чего метаться! идите на землю, къ мужику! Мужику нуженъ интеллигентъ. Мужику нуженъ земледѣлецъ-агрономъ, нуженъ земледѣлецъ-врачъ, на мѣсто земледѣльца-знахаря, земледѣлецъ-учитель, земле-

дѣлецъ-акушеръ. Мужику нуженъ интеллигентъ-земледѣлецъ, самолично работающій землю. Россіи нужны деревни изъ интеллигентныхъ людей.

Тѣ интеллигенты, которые пойдутъ на землю, найдутъ въ ней себѣ счастіе, спокойствіе. Тяжелъ трудъ земледѣльца, но легокъ хлѣбъ, добытый своими руками. Такой хлѣбъ не станетъ поперегъ горла. Съ легкимъ сердцемъ будетъ ѣсть его каждый. А это ли не счастье! Когда некрасовскіе мужики, отыскивающіе на Руси счастливца, набредутъ на интеллигента, сидящаго на землѣ, на интеллигентную деревню, то тутъ-то они вотъ и услышатъ: мы счастливы, намъ хорошо жить на Руси!

Россія — государство земледѣльческое, русскій народъ — земледѣлецъ, русскій интеллигентъ долженъ внести свѣтъ въ русское земледѣліе, а внести свѣтъ онъ можетъ только тогда, когда будетъ самъ работать на землѣ.

Тогда мы, быть можетъ, будемъ конкурировать съ американцами.

Вотъ другая деревня С. При крѣпостномъ правѣ, крестьяне ея были нищіе. Помѣщикъ былъ строгій хозяинъ и вытягивалъ всѣ соки изъ крестьянъ; жилъ онъ постоянно въ деревнѣ. Крестьяне по „Положенію“ получили въ надѣлъ совершенно истощенную, плохую землю; луговъ и лѣсу у нихъ вовсе нѣтъ. Надѣлы, къ счастію для крестьянъ, только съ одной стороны прилегаютъ къ имѣніямъ прежняго помѣщика; съ другихъ же сторонъ прилегаютъ къ имѣніямъ чужихъ помѣщиковъ; *отрѣзковъ*, отдѣляющихъ крестьянъ отъ другихъ помѣщиковъ, нѣтъ, и потому они могутъ примкнуть для выгоновъ или къ своему, или къ чужому помѣщику, куда имъ выгоднѣе. Крестьяне трудолюбивы, выносливы, умѣютъ работать, работы не боятся, хозяйство понимаютъ — это выработалось у нихъ еще при прежнемъ строгомъ баринѣ. Подборъ — все неспособное къ работѣ, невыносливое погибало, забивалось, сдавалось въ солдаты. Десять лѣтъ тому назадъ, я засталъ, что крестьяне не работали у своей барыни, но работали у другого сосѣдняго помѣщика. Они снимали у этого помѣщика подъ покосъ и выгоны большую пустошь, за что отрабатывали ему восемь круговъ земли; сверхъ того, они косили у того же помѣщика хорошіе луга съ половины и пользовались правомъ выгона по всей его землѣ. Такъ жили крестьяне девять лѣтъ и въ это время нѣсколько заправились скотомъ и удобрили свои надѣлы. Выгоновъ у крестьянъ С. тогда было вволю, сѣна они накашивали много, но своего хлѣба не хватало и денегъ отъ продажи пеньки, конопли, сѣмени не хватало на уплату податей и покупку хлѣба. Нужно было дополнять недостатокъ сторонними заработками. Зимою крестьяне рѣзали и возили дрова, но всего этого не хватало — очень ужь голы

они вышли изъ крѣпостного права и надѣлъ получили такой, про который говорится: „эту землю только зайцы удобряли, да и то наскокомъ“. Многимъ для пополненія дефицита приходилось продавать свою лѣтнюю работу: брали кружки, брали уборку покосовъ, жнитво, ходили на поденщину. Въ деревнѣ былъ всего одинъ богачъ, заправившійся стороннимъ заработкомъ — братъ его торговалъ краснымъ товаромъ въ разносъ и скупалъ тряпки, а потомъ поступилъ старостой къ помѣщику — нѣсколько человѣкъ жили такъ себѣ, сводили концы съ концами, остальные были бѣднота, жили со дня на день, нѣкоторые стали-было заниматься воровствомъ и конокрадствомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьяне С. перешли работать къ своей барынѣ, стали ей работать восемь круговъ за деньги съ правомъ пасти свой скотъ вмѣстѣ съ господскимъ на господскихъ выгонахъ. Покосы, кто имѣлъ средства, брали на сторонѣ за деньги, а другіе, которые побѣднѣе, брали съ части. Между тѣмъ, подскочили довольно выгодные зимніе заработки вблизи отъ деревни, надѣлы, постоянно удобряемые привозимымъ со стороны сѣномъ, улучшились, хлѣбъ у крестьянъ сталъ родиться лучше, такъ что у многихъ стало хватать хлѣба до нови, а, если кому и приходилось покупать, то самую малость.

Наконецъ, барыня продала имѣніе купцу - лѣсоторговцу и, получивъ денежки, уѣхала доживать свой вѣкъ въ Питеръ. Купецъ имѣніе купилъ для лѣсу. Тотчасъ же онъ занялся рѣзкой лѣса, что доставило крестьянамъ зимніе заработки у себя дома. Хозяйство купецъ хотя и продолжалъ, но опустилъ; у барыни былъ прекрасный скотъ, который она отлично кормила, для чего прикупала, по недостатку своихъ луговъ, отличное днѣпровское сѣно, сѣяла клеверъ. У купца первый же годъ корму не хватило, ухода за скотомъ не стало— коровы перестали давать молоко, телята не стояли, процентъ убыли скота увеличился; на слѣдующій годъ, часть скота купецъ продалъ. Купецъ думалъ вести хозяйство за даромъ, хотѣлъ нажать крестьянъ, хотѣлъ, чтобы крестьяне работали ему извѣстное количество круговъ земли за самый пустой выгонъ, на которомъ пасется и купецкій скотъ; но это купцу не удалось, потому что крестьяне уже оправились, взяли силу, да и не затѣснены его землей со всѣхъ сторонъ — рядомъ есть другія имѣнія, столь же для крестьянъ сподручныя. Крестьяне откинулись отъ купца и сняли у сосѣдняго помѣщика за половинную противъ того, что хотѣлъ взять за пустой выгонъ купецъ, работу хорошій пустошной лугъ, который и пустили себѣ подъ выгонъ. Купецъ обработывалъ землю кое-какъ, батраками, поденщиками, и еще болѣе опустилъ хозяйство. Нѣтъ сомнѣнія, что купецъ-лѣсоторговецъ

хозяйствомъ заниматься не будетъ и, вырубивши лѣсъ, постарается или продать кому-нибудь имѣніе, или выгодно заложить. Крестьяне очень желали бы взять это имѣніе въ аренду или купить въ вѣчность съ разрочкой платежа на значительное число лѣтъ, и могли бы это сдѣлать, и выгодно бы имъ это было, потому что они разработали бы новыя, еще не выпаханныя земли изъ-подъ вырубленнаго купцомъ лѣса, но какъ это сдѣлать? Купецъ, который, очевидно, не будетъ и не можетъ вести хозяйство, между тѣмъ, надѣлалъ новыхъ построекъ, которыя вовсе не нужны крестьянамъ, но за которыя онъ захочетъ взять то, что онѣ ему стоютъ. Должно полагать, что и постройки-то эти купецъ дѣлаетъ не для себя — выстроилъ скотный дворъ, напримѣръ, а часть скота продалъ и т. п. — а для того, чтобы всучить имѣніе какому-нибудь охотнику заняться хозяйствомъ. Купитъ кто-нибудь, похозяйничаетъ и броситъ, потому что имѣніе для помѣщичьяго хозяйста пустое — ни луговъ, ни лѣсу, *ни отрѣзковъ, отѣсняющихъ* крестьянъ. И долго, можетъ быть, протянется такое положеніе; будетъ стоять земля безъ пользы — ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга, а между тѣмъ, еслибы раздѣлить это имѣніе на части и продать въ разсрочку: одну часть деревнѣ Д., другую —деревнѣ С., третью— деревнѣ В., то крестьяне разработали бы всю землю и нашли бы въ ней пользу. Для того, чтобы это дѣлать, нужны такія мѣстныя учрежденія— банки, что ли—которыя скупали бы подобныя имѣнія, отъ которыхъ землевладѣльцы рады отдѣлаться, и, раздѣливъ на части, продавали въ разсрочку крестьянамъ. Разумѣется, учрежденія эти должны быть мѣстные, и агенты ихъ должны быть не чиновники, а дѣльные, трудовые люди, которые бы настояще, не по чиновничьи, занимались дѣломъ, вникали въ суть его, знали гдѣ что мужику нужно и относились къ нему не какъ начальники. Опасаться, что цѣнность имѣній сильно повысится, когда явится возможность ихъ распродавать крестьянамъ, по моему мнѣнію, нельзя, если только дѣло будетъ вестись правильно, потому что каждая покупка земли крестьянами, уменьшивъ ихъ зависимость отъ помѣщиковъ, уменьшитъ для послѣднихъ возможность вести свое хозяйство, нажимая крестьянъ. Еслибы, напримѣръ, сказанное имѣніе купца было раздѣлено на части и распродано въ разсрочку крестьянамъ деревень Д., С. и В., то крестьяне этихъ деревень, обративъ всѣ свои силы на разработку купленной земли, которая въ крестьянскихъ рукахъ тотчасъ бы стала приносить доходъ, не стали бы работать у другихъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Поэтому, и тѣ помѣщики *вынуждены* были бы продать такимъ же образомъ свои земли. Смоленскіе гласные, которые говорили въ земскомъ собраніи, что, еслибы устроилась продажа крестьянамъ необходимыхъ имъ зе-

мель, то крестьяне не стали бы работать у помѣщиковъ, по моему, *были совершенно правы*. Конечно, не стали бы. Но къ чему же помѣщикамъ эти не приносящія дохода хозяйства? Къ чему это безплодное болтаніе помѣщичьихъ земель затѣсненными въ землѣ крестьянами? Двадцать лѣтъ прошло со времени освобожденія крестьянъ, и помѣщичьи хозяйства нисколько не поднялись. Ни агрономіи, ни раціональныхъ культуръ, ни альгаузскихъ скотовъ помѣщики не развели, не разведутъ и не могутъ развести, потому что почвы, основы для ихъ хозяйствъ нѣтъ, такъ какъ нѣтъ ни крѣпостныхъ, ни безземельныхъ кнехтовъ. Если смоленскіе гласные и правы, говоря, что, получивъ возможность пріобрѣтать земли, крестьяне не будутъ рабоу помѣщиковъ, то напрасно они думаютъ, что это и безъ того не совершится. И безъ того, въ концѣ-концовъ, не будутъ работать, и безъ того нынѣшнія помѣщичьи хозяйства уничтожаются. Они нелѣпы, и такое нелѣпое положеніе, какъ теперь, не можетъ существовать вѣчно. Крѣпостное право уничтожено, а хотятъ, чтобы существовали такія же помѣщичьи хозяйства, какія были при крѣпостномъ правѣ! Ибо нынѣшнія хозяйства отличаются отъ прежнихъ только объемомъ, размѣромъ, да еще тѣмъ, что хозяинъ никогда не знаетъ, удастся ли ему къ слѣдующему лѣту надѣть на крестьянъ хомутъ. Развѣ это не безсмыслица?

Однако, возвращаюсь къ разсказу о деревнѣ С. Переходъ имѣнія въ руки купца благопріятно отразился на крестьянахъ. Вмѣсто восьми круговъ, которые крестьяне работали у барыни, они теперь работаютъ только два круга за нанятый для выгона лугъ. Все лучшее страдное время они работаютъ на себя, потому что, не обязавшись напередъ съ зимы, они работаютъ купцу—притомъ за хорошую плату—только тогда, когда имъ свободно. Жали у купца только послѣ того, какъ пожали у себя, косили у него пустоша осенью и т. д. Но, кромѣ того, по свозкѣ дровъ изъ лѣсу, крестьяне, за разныя послуги, стали брать годныя мѣста подъ ляда и сѣять пшеницу и ячмень. Лишнія земли купецъ сталъ сдавать въ аренду подъ посѣвы льна и т. д.

Третья деревня, А., была еще при крѣпостномъ правѣ одна изъ самыхъ зажиточныхъ. Помѣщикъ никогда въ имѣніи не жилъ, а потому и въ крѣпостное время крестьяне не были сильно угнетены. Народъ въ деревнѣ А. особенный, отличающійся на всю округу, рослый, здоровый, трудолюбивый, сметливый, хозяйственный. Надѣлъ крестьяне получили хорошій: есть хорошіе луга, есть порядочная березовая роща, которую крестьяне берегутъ и изъ которой послѣ „Положенія“ не вырубили ни одного прутика; отличные конопляники, превосходная полевая земля, одна изъ лучшихъ по здѣшнимъ мѣстамъ.

Одно изъ моихъ полей прилегаетъ къ надѣлу деревни А., и это поле всегда даетъ отъ 3 до 4 четвертей ржи болѣе, чѣмъ другія мои поля. Десять лѣтъ тому назадъ, когда я прибылъ сюда, крестьяне этой деревни были самые зажиточные въ округѣ, славились хорошими конями и скотомъ—и акцизъ на соль еще былъ—и назывались А—ми богачами. Только одинъ дворъ въ деревнѣ былъ крайне бѣденъ, потому что хозяинъ былъ недоумокъ, лѣнтяй, нерадивый, жена его отъ двора отбилась, по чужимъ людямъ шлялась, дѣти были еще малы; въ этомъ дворѣ была страшная бѣднота: недоимки, нехватки хлѣба и корму, необходимость брать лѣтнія работы, чтобы заполучить зимой нѣсколько рублей. Теперь, когда подросъ старшій сынъ, здоровый, рослый дѣтина, трудолюбивый и рачительный хозяинъ, и этотъ бѣдный дворъ сталъ поправляться — доказательство, что бѣдность двора зависѣла не отъ общихъ условій, а отъ частныхъ, отъ неспособности самого хозяина.

Уже десять лѣтъ тому назадъ, въ деревнѣ А. крестьяне жили изрядно, исправно платили подати. У многихъ хватало своего хлѣба до „нови“, другіе должны были прикупать хлѣба, но легко оборачивались продажей пеньки, скота и зимними заработками; лошадей и скота у нихъ было много. Для того, чтобы имѣть свободный выгонъ и не собачиться, какъ они говорятъ, съ помѣщикомъ изъ-за потравъ, они работали у помѣщика за деньги пять круговъ безъ молотьбы и покоса. До моего пріѣзда, говорятъ, изъ этой деревни ежегодно нѣсколько человѣкъ ходили на заработки въ Москву или на линію, но въ послѣднія десять лѣтъ никто уже на заработки не ходитъ. Одинъ только парень ушелъ отъ отца за женой и живетъ ремонтщикомъ на линіи; этотъ парень женился по любви на хорошенькой дѣвушкѣ-крестьянкѣ нѣжнаго сложенія, которая была неспособна выносить тяжелую работу въ этой трудолюбивой, жадной на работу деревнѣ, не могла выносить и суроваго свекра, иногда запивающаго, звѣря въ пьяномъ состояніи. Поживъ во дворѣ нѣсколько мѣсяцевъ, молодая женщина не выдержала тяжелой грубой жизни въ этой деревнѣ — она была слишкомъ нѣжна, воздушна, поэтична, если можно такъ сказать про бабу — и ушла къ своему отцу; за ней ушелъ и влюбленный въ нее мужъ.

Что за здоровенные молодцы крестьяне этой деревни, что за выносливые, ловкіе работники—можно судить по тому, что эти крестьяне выѣзжаютъ пахать съ одной сохой на парѣ: одну лошадь пуститъ пастись, а на другой пашетъ, потомъ перемѣнитъ лошадь и опять пашетъ, а первая лошадь пасется, и такъ цѣлый день безъ отдыха;

только и отдыхаетъ, когда обѣдаетъ, да немного залогуетъ посреди упряжки.

Въ началѣ послѣдняго десятилѣтія, крестьяне А. зимою занимались сторонними заработками, а лѣтомъ, главное, налегали на покосъ; косили они ежегодно на запущеномъ хуторѣ одного помѣщика съ части, сѣна накашивали пропасть и, такъ какъ присмотра на хуторѣ за покосомъ не было, то на долю помѣщика доставалась пономарская часть, а поповскую крестьяне брали себѣ. Привозя домой огромное количество сѣна, крестьяне заправились конями — менѣе тройки нѣтъ даже у одиночекъ—и скотомъ—есть дворы, у которыхъ по 20-ти штукъ скота—отлично справили свою и безъ того хорошую пахатную землю, такъ что въ послѣдніе годы у нихъ нетолько стало хватать своего хлѣба, но у многихъ есть запасы впередъ на годъ и излишки, которые они раздаютъ въ долгъ или подъ работу крестьянамъ дальнихъ деревень.

Но что особенно поправило крестьянъ А.—это возможность вблизи брать выгодно въ аренду земли подъ посѣвы льна и хлѣба. Рядомъ съ деревней А. находится помѣщичье имѣніе, въ которомъ они берутъ землю въ аренду. Послѣ „Положенія“, владѣлецъ этого имѣнія, старикъ-помѣщикъ, рьяный крѣпостникъ, одинъ изъ рьяныхъ противниковъ освобожденія крестьянъ нетолько съ землей, но и безъ земли, много лѣтъ бился съ своимъ хозяйствомъ, но никакъ не могъ устроиться — работалъ и кругами, работалъ и батраками, нажималъ потравами, вѣчно судился съ крестьянами. Ничего не брало. Хозяйство все опускалось и опускалось, какъ ни бился дѣло не шло, никто не бралъ круговъ, никто не нанимался въ батраки. Наконецъ, помѣщикъ бросилъ все: продалъ на срубъ свой отличный вѣковой лѣсъ, получилъ деньги и перебрался жить въ Москву. Порученное старостѣ хозяйство совсѣмъ опустилось; поля были запущены, покосы заросли, скотъ перевелся, коней покрали, постройки кои рушились, кои сгорѣли. Нѣсколько лѣтъ имѣніе стояло въ полномъ запустѣніи, наконецъ попало въ управленіе къ одному сметливому дворовому человѣку. Тотъ догадался раздавать землю въ аренду крестьянамъ. Первые взялись за это крестьяне деревни А., ближайшіе сосѣди, поле съ полемъ. Одинъ попробовалъ, снялъ десятину за 8 рублей, посѣялъ ленъ, ленъ уродился, выручилъ сто рублей, другой взялъ десятинку и пошло — стали на расхватъ разбирать землю подъ ленъ. Попробовали послѣ льна по перелому безъ навозу сѣять рожь—уродилась хорошо, копъ по 15-ти на десятинѣ, да и умолотна. Дальше, больше, въ нѣсколько лѣтъ крестьяне А. распахали въ имѣніи всѣ поля, и не нахвалятся барышами. Это не то, что круги у помѣщиковъ рабо-

ботать; деньги, что за круги получаешь, не деньги, говорятъ теперь эти крестьяне; тѣми деньгами и сытъ не будешь. Вотъ тутъ такъ деньги, тутъ стоитъ поработать; Богъ труды любитъ, Богъ за труды подастъ больше, чѣмъ помѣщикъ. Заплатилъ за землю рублей восемь, десять, а смотришь, три четвертныхъ получилъ, а не то и цѣлую катеринку, да еще соломка, мякинка—хозяину все въ пользу. Съ этого имѣнія крестьяне А. сильно заправились, нѣкоторые батраковъ стали держать, хлѣбъ подъ работы въ другія деревни раздавать. Между тѣмъ и другіе помѣщики, поoскудѣвъ, тоже стали бросать хозяйство и сдавать земли въ аренду. Крестьяне деревни А., а за ними и крестьяне другихъ деревень „Счастливаго Уголка", *найдя пользу въ землѣ,* стали всюду пронюхивать, не сдаютъ ли гдѣ землю въ аренду, и, не стѣсняясь разстояніемъ, стали брать въ аренду земли подъ ленъ и хлѣбъ верстахъ въ 10, 15 отъ своихъ деревень, тамъ, гдѣ мѣстные крестьяне еще не заправились или „не дошли" до того, чтобы рѣшиться сѣять ленъ на арендованныхъ земляхъ.

Крестьяне чрезвычайно косны, не вдругъ принимаются за новое дѣло, долго высматриваютъ, но за то ужь если возьмутся, такъ дѣло идетъ. Когда я пріѣхалъ въ деревню и завелъ новое хозяйство, сталъ сѣять ленъ, то помѣщики и крестьяне всѣ утверждали, что я *затѣваю пустое.* Помѣщики говорили, что ленъ истощаетъ землю, что я испорчу льномъ свою землю, на что я обыкновенно отвѣчалъ: „пусть себѣ истощаетъ—ленъ даетъ чистаго дохода мало-мало 50 рублей съ десятины, а земли можно купить сколько хочешь по 30 рублей за десятину". Крестьяне говорили, что напрасно я завожу посѣвы льна, что ленъ въ нашихъ мѣстахъ не родится, что ленъ—хлѣбъ опасный: постелешь иногда, снѣгомъ занесетъ — корму съ него нѣтъ. Я говорилъ на это: „подождите, сами ленъ сѣять станете". Оказалось, что и у насъ ленъ родится хорошо, даетъ огромный доходъ; оказалось, что ленъ нисколько не болѣе истощаетъ землю и вовсе ея не сушитъ, какъ говорили крестьяне, разумѣется, если его сѣять правильно; оказалось, что послѣ льна рожь родится превосходно. Точно также всѣ были и противъ разныхъ другихъ новшествъ, которыя я ввелъ въ свое хозяйство—посѣвъ клевера, улучшеніе скота, введеніе плужковъ, желѣзныхъ боронъ, употребленіе въ постилку костры, кормленіе скота и овецъ конопляной жмакой и проч., и проч. Всѣ мои нововведенія не имѣли значенія для помѣщичьихъ хозяйствъ, никто изъ помѣщиковъ ничего у меня не перенялъ. Но крестьяне кое-что переняли: плужковъ, надъ которыми подсмѣивались, говоря, что я дѣдовскаго навоза должно быть хочу достать болѣе глубокой пашней, приходятъ уже иногда просить для подъема земли подъ ленъ; же-

лѣзныя бороны завелись у многихъ крестьянъ; во всемъ округѣ развели высокорослый ленъ отъ моихъ сѣмянъ; рожь стали очищать, и начинаютъ понимать, что, когда посѣешь костерь, такъ костерь и народится; телятъ заводскихъ, каторые родятся въ то время, когда телятся коровы у крестьянъ, раскупаютъ у меня на расхватъ—своихъ рѣжутъ, а моихъ выпаиваютъ на племя. Объ клеверѣ и говорить нечего, каждый радъ косить клеверъ съ части. Обо всемъ этомъ я говорю не для похвальбы, не для того, чтобы доказывать, что я своимъ примѣромъ въ данной мѣстности принесъ пользу крестьянскимъ хозяйствамъ — дошли бы и безъ меня, хотя можетъ быть нѣсколькими годами позже. Я очень хорошо понимаю, что не будь тѣхъ причинъ, которыя обусловили развитіе благосостоянія крестьянъ „Счастливаго Уголка", они и до сихъ поръ сѣяли бы рожь съ костеремъ, не сѣяли бы льна, поили бы своихъ тасканскихъ телятокъ, отдавали бы жмаку за выбой масла и проч., и проч.

Крестьяне деревни А. въ нашихъ мѣстахъ были первые, которые стали снимать земли подъ ленъ и хлѣбъ, заводить хорошій скотъ; они выбрали лучшія земли въ ближайшихъ имѣніяхъ и получили ихъ за дешевую плату; когда лучшія земли были ими выпаханы, они оставили ближайшія земли другимъ, а сами двинулись далѣе, стараясь разыскивать новыя земли въ такихъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне еще не дошли, еще не заправились. Снимая всюду сливки, крестьяне А. быстро богатѣли; но нужно имѣть въ виду, что крестьяне деревни А. и прежде были одни изъ самыхъ зажиточныхъ въ округѣ, получили въ надѣлъ прекрасныя земли съ отличными коноплянниками и лугами, получили всю землю, которой владѣли до „Положенія", и *отрѣзковъ* у нихъ не было.

Разскажу еще о четвертой деревни, Б., которая отличается отъ вышеописанныхъ тѣмъ, что въ ней есть крестьянинъ-кулакъ, настоящій кулакъ, ростовщикъ-процентщикъ.

Извѣстной дозой кулачества обладаетъ каждый крестьянинъ, за исключеніемъ недоумковъ, да особенно добродушныхъ людей и вообще „карасей". Каждый мужикъ въ извѣстной степени кулакъ, щука, которая на то и въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Въ моихъ письмахъ я не разъ указывалъ на то, что, хотя крестьяне и не имѣютъ еще понятія о наслѣдственномъ правѣ собственности на землю—земля ничья, земля царская—но относительно движимости, понятіе о собственности у нихъ очень твердо. Я не разъ указывалъ, что у крестьянъ крайне развитъ индивидуализмъ, эгоизмъ, стремленіе къ эксплуатаціи. Зависть, недовѣріе другъ къ другу, подкапываніе одного подъ другого, униженіе слабаго передъ сильнымъ, высо-

комѣріе сильнаго, поклоненіе богатству—все это сильно развито въ крестьянской средѣ. Кулаческіе идеалы царятъ въ ней; каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася. Каждый крестьянинъ, если обстоятельства тому поблагопріятствуютъ, будетъ самымъ отличнѣйшимъ образомъ эксплуатировать всякаго другого, все равно крестьянина или барина, будетъ выжимать изъ него сокъ, эксплуатировать его нужду. Все это, однако, не мѣшаетъ крестьянину быть чрезвычайно добрымъ, терпимымъ, по своему, необыкновенно гуманнымъ, своеобразно, истинно гуманнымъ, какъ рѣдко бываетъ гуманенъ человѣкъ изъ интеллигентнаго класса. Вслѣдствіе этого, интеллигентному и бываетъ такъ трудно сойтись съ мужикомъ. Посмотрите, какъ гуманно относится мужикъ къ ребенку, къ идіоту, къ сумасшедшему, къ иновѣрцу, къ плѣнному, къ нищему, къ преступнику—отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся—вообще ко всякому несчастному человѣку. Но при всемъ томъ, нажать кого при случаѣ—нажметъ. Если скотъ изъ сосѣдней деревни, съ которой нѣтъ общности въ выгонахъ, будетъ взятъ крестьянами въ потравѣ, то они его не отдадутъ даромъ; если крестьяне поймаютъ въ своемъ лѣсу порубщика, то вздуютъ его такъ, что онъ и дѣтямъ своимъ закажетъ ходить въ этотъ лѣсъ—потому-то въ крестьянскомъ лѣсу и не бываетъ порубокъ, хотя тамъ нѣтъ сторожей и полѣсовщиковъ. Какъ бьютъ воровъ и конокрадовъ—всѣмъ извѣстно. Помѣщикъ скорѣе, чѣмъ крестьянинъ, проститъ потраву, порубъ, воровство; такъ себѣ проститъ: помѣщику это ничего не стоитъ; онъ добро не своимъ хребтомъ наживалъ. Когда крестьяне деревни А., выпахавъ ближайшія земли, стали снимать земли въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне бѣдны, просты, сильно нуждаются, то они—и при томъ не одинъ какой-нибудь, а всѣ—сейчасъ же стали эксплуатировать нужду тамошнихъ крестьянъ, стали раздавать имъ подъ работы хлѣбъ, деньги. Каждый мужикъ, при случаѣ, кулакъ, эксплуататоръ; но, пока онъ земельный мужикъ, пока онъ трудится, работаетъ, занимается самъ землей, это еще не настоящій кулакъ: онъ не думаетъ все захватить себѣ, не думаетъ какъ бы хорошо было, чтобы всѣ были бѣдны, нуждались, не дѣйствуетъ въ этомъ направленіи. Конечно, онъ воспользуется нуждой другого, заставитъ его поработать на себя, но не зиждетъ свое благосостояніе на нуждѣ другихъ, а зиждетъ его на своемъ трудѣ. Отъ такого земельнаго мужика вы услышите: „я люблю землю, люблю работу; если я ложусь спать и не чувствую боли въ рукахъ и ногахъ отъ работы, то мнѣ совѣстно; кажется, будто я чего-то не сдѣлалъ, даромъ прожилъ день“. У такого земельнаго мужика есть и любимый непродажный конь; такой

мужикъ радуется на свои постройки, на свой скотъ, свой коноплянникъ, свой хлѣбъ. И вовсе не потому только, что это доставитъ ему столько-то рублей. Онъ расширяетъ свое хозяйство не съ цѣлью наживы только; работаетъ до устали, не досыпаетъ, не доѣдаетъ. У такого земельнаго мужика никогда не бываетъ большого брюха, какъ у настоящаго кулака.

Изъ всего „Счастливаго Уголка" только въ деревнѣ Б. есть настоящій кулакъ. Этотъ ни земли, ни хозяйства, ни труда не любитъ; этотъ любитъ только деньги. Этотъ не скажетъ, что ему совѣстно, когда онъ, ложась спать, не чувствуетъ боли въ рукахъ и ногахъ; этотъ, напротивъ, говоритъ: „работа дураковъ любитъ", „работаетъ дуракъ, а умный, заложивъ руки въ карманы, похаживаетъ, да мозгами ворочаетъ". Этотъ кичится своимъ толстымъ брюхомъ, кичится тѣмъ, что самъ мало работаетъ: „у меня должники все скосятъ, сожнутъ и въ амбаръ положатъ". Этотъ кулакъ землей занимается такъ себѣ, между прочимъ, не расширяетъ хозяйства, не увеличиваетъ количества скота, лошадей, не распахиваетъ земель. У этого все зиждется не на землѣ, не на хозяйствѣ, не на трудѣ, а на капиталѣ, на который онъ торгуетъ, который раздаетъ въ долгъ подъ проценты. Его кумиръ—деньги, о пріумноженіи которыхъ онъ только и думаетъ. Капиталъ ему достался по наслѣдству, добытъ неизвѣстно какими, но какими-то нечистыми средствами, давно, еще при крѣпостномъ правѣ, лежалъ подъ спудомъ и выказался только послѣ „Положенія". Онъ пускаетъ этотъ капиталъ въ ростъ и это называется „ворочать мозгами". Ясно, что для развитія его дѣятельности важно, чтобы крестьяне были бѣдны, нуждались, должны были обращаться къ нему за ссудами. Ему выгодно, чтобы крестьяне не занимались землей, чтобы онъ пахалъ со своими деньгами. Этому кулаку очень не на руку, что бытъ крестьянъ „Счастливаго Уголка" улучшился, потому что теперь ему тутъ взять нечего и приходится перенести свою дѣятельность въ большія деревни. Кулакъ этотъ, какъ и всѣ кулаки, имѣетъ значеніе; онъ поддерживаетъ всякія мечты, иллюзіи; отъ него идутъ всякіе слухи; онъ, сознательно или безсознательно, не знаю, старается отвлечь крестьянъ отъ земли, отъ хозяйства, проповѣдуя, что „работа дураковъ любитъ", указывая на трудность земельнаго труда, на легкость отхожихъ промысловъ, на выгодность заработковъ въ Москвѣ. Онъ видимо хотѣлъ бы, чтобы крестьяне не занимались землей, хозяйствомъ—съ зажиточнаго земельнаго мужика кулаку взять нечего— чтобы они, забросивъ землю, пользуясь хозяйствомъ только какъ подспорьемъ, основали свою жизнь на легкихъ городскихъ заработкахъ. Онъ видимо желалъ бы, чтобы крестьяне получали много денегъ,

но жили бы съ дня на день, безпечною жизнью, „съ базара“, какъ говорится. Такой бытъ крестьянъ былъ бы ему на руку, потому что они чаще нуждались бы въ перехватѣ денегъ и не имѣли бы той устойчивости, какъ земельные мужики: молодые ребята уходили бы на заработки въ Москву, привыкали бы тамъ къ безпечной жизни, къ легкимъ заработкамъ, къ легкому отношенію къ деньгамъ—что ихъ беречь! заработаемъ!—къ кумачнымъ рубашкамъ, гармоникамъ, чаямъ, отвыкли бы отъ тяжелаго земледѣльческаго труда, отъ земли, отъ хозяйства, отъ солиднаго земледѣльческаго быта, отъ сельскихъ интересовъ, отъ всего, что мило селянину, что дѣлаетъ возможнымъ его тяжелый трудъ. Молодые ребята жили бы по Москвамъ, старики и бабы, оставаясь въ деревнѣ, занимались бы хозяйствомъ кое-какъ, разсчитывая на присылаемыя молодежью деньги. Кулаку все это было бы на руку, потому что ему именно нужны люди денежные, но живущіе изо дня въ день, денегъ не берегущіе, на хозяйство ихъ не обращающіе. Нужно платитъ подати—къ кулаку. Ребята изъ Москвы пришлютъ—отдадимъ. И кулакъ можетъ давать деньги совершенно безопасно, потому что, когда пришлютъ изъ Москвы, онъ уже тутъ—„за тобой, братъ, должокъ есть“. За одолженіе заплатятъ процентъ, да еще, *за уваженіе,* поработаютъ денекъ, другой — какъ не уважить нужнаго человѣка, который вызволяетъ? А у него есть гдѣ поработать; даетъ тоже въ долгъ деньги помѣщикамъ, а тѣ ему за процентъ либо лужокъ, либо лѣсу на избу, либо десятинку земли подъ ленъ, помѣщику это ничего не стоитъ, какъ мужику ничего не стоитъ поработать денекъ, другой. Сознательно или безсознательно поступаетъ кулакъ—не знаю, но повторяю: всѣ дѣйствія его таковы. Онъ всегда поддерживаетъ разныя мечты, иллюзіи относительно земли, освобожденія лѣсовъ, какихъ-то запасовъ хлѣба у Царя, заказовъ заготовить денегъ для выручки мужика; онъ всегда толкуетъ о трудности и невыгодности земледѣльческаго труда, о недостаткѣ вольныхъ выгоновъ, лѣсовъ, земель, о невозможности при такихъ условіяхъ заниматься хозяйствомъ; онъ яркими красками рисуетъ прелесть беззаботной жизни безземельнаго, ничѣмъ не связаннаго, легкость заработковъ, и часто увлекаетъ молодыхъ людей, которые слушаютъ его, бросаютъ хозяйство и землю. Прежде крестьяне Б. были очень бѣдны; почти вся молодежь уходила на заработки въ Москву, высылала порядочно денегъ, но все-таки хозяева постоянно были въ нуждѣ, должали, запродавали лѣтнюю работу. Въ послѣднее время, примѣръ крестьянъ Д., С., А. подѣйствовалъ и на Б., стали и они поговаривать: „зачѣмъ въ Москву ходить, у насъ и тутъ Москва“; стали больше заниматься хозяйствомъ, землею и видимо поправля-

ются. Нынче ужъ никто изъ семейныхъ въ Москву не ходитъ и слушаются кулака только сироты, пріемыши, возвращающіеся молодые солдаты. Кулаку стало менѣе выгодно около крестьянъ и онъ переноситъ свою дѣятельность на помѣщиковъ, около которыхъ, по его словамъ, тоже пожива хороша.

Я думаю, четырехъ примѣровъ достаточно, хотя могъ бы привести ихъ гораздо болѣе. Но зачѣмъ — все будетъ одно и то же. Благосостояніе мужика увеличивается тамъ, гдѣ онъ занимается землей на себя и не запродаетъ свой лѣтній трудъ, гдѣ *онъ лѣто работаетъ на себя*, гдѣ вы не услышите отъ мужика: „нѣтъ, нынче плохо, нынче *не вывернешься*, придется таки взять у пана жнитво, придется взять кружокъ, нынче не вывернешься, надѣнешь хомутъ“.

Здѣсь, въ „Счастливомъ Уголкѣ“, открывшіеся съ проведеніемъ желѣзной дороги зимніе лѣсные заработки дали крестьянамъ возможность заправиться настолько, чтобы не закабаляться на лѣтнія работы къ помѣщикамъ, чему способствовало еще и то, что отъ постояннаго удобренія насчетъ помѣщичьихъ земель крестьянскіе надѣлы поправились и стали давать лучшіе урожаи хлѣбовъ. Сокращеніе и полное прекращеніе многими помѣщиками хозяйства, тоже благодѣтельно повліяло на благосостояніе крестьянъ, потому что, прекративъ хозайства, помѣщики стали сдавать крестьянамъ необходимые для нихъ *отрѣзки и выгоны* въ аренду *за деньги*, не требуя, чтобы за пользованіе этими существенно необходимыми для крестьянъ землями, они непремѣнно отбывали лѣтнія работы. Съ прекращеніемъ помѣщичьихъ хозяйствъ, крестьянамъ явилась возможность дешево арендовать земли подъ посѣвъ льна и хлѣбовъ, что еще болѣе способствовало возвышенію ихъ благосостоянія и развитію крестьянскихъ хозяйствъ.

Недалеко отъ „Счастливаго Уголка“ есть кружокъ деревень, гдѣ крестьяне и до сихъ поръ бѣдствуютъ, постоянно нуждаются въ хлѣбѣ, накопили большія недоимки, набираютъ множество лѣтнихъ работъ. Условія относительно зимнихъ заработковъ и для тѣхъ крестьянъ такія же, но одного этого недостаточно: тамъ у крестьянъ земли плохія, а *отрѣзки* огромные. При крѣпостномъ правѣ крестьяне пользовались большимъ количествомъ земли, такъ какъ она была плохого качества, и теперь за эти отрѣзки, окружающіе ихъ земли, крестьянамъ приходится работать лѣтомъ на помѣщиковъ.

Еще разъ скажу: я не знаю, какъ идетъ дѣло въ другихъ мѣстахъ и отчего тамъ бѣдствуютъ крестьяне—а что бѣдствуютъ, мы это слышимъ отовсюду—я недостаточно наученъ разнымъ наукамъ,

чтобы разсуждать о такихъ важныхъ вопросахъ. Но я знаю свой уголокъ, знаю его доподлинно, и знаю вѣрно, что въ немъ дѣйствуютъ именно тѣ причины, на которыя я указалъ.

Не разъ случалось мнѣ говорить объ этомъ предметѣ съ разными лицами. Помѣщики-хозяева, которые знаютъ, что мужикъ беретъ жнитво и другія страдныя работы только тогда, если нельзя иначе вывернуться, которые сами понимаютъ, что мужику нужно насильно надѣть хомутъ, насильно запречь его въ работу, для него невыгодную, тотчасъ же соглашались со мной, что крестьяне „Счастливаго Уголка" поправились именно отъ тѣхъ причинъ, которыя я выставилъ. Мнѣ возражали, однако, что такой порядокъ, какъ въ „Счастливомъ Уголкѣ", вреденъ для дальнѣйшаго развитія хозяйства, потому что, хотя такимъ образомъ крестьяне и доведутъ свои надѣлы постояннымъ удобреніемъ до высокой степени плодородія, превратятъ ихъ въ тучные огороды, но за то они истощатъ остальныя земли и превратятъ ихъ въ пустыри.

Конечно, это будетъ до извѣстной степени такъ, пока народонаселеніе не возростетъ, но дѣло въ томъ, что то же самое все равно происходитъ и теперь, потому что, при существующихъ порядкахъ и системахъ въ хозяйствахъ, иначе и быть не можетъ. Города всегда будутъ спускать въ рѣки массу удобрительныхъ веществъ, драгоцѣннѣйшихъ почвенныхъ частицъ и истощать такимъ образомъ земли, на которыхъ производятся необходимые для потребленія городовъ хлѣбъ и другіе продукты.

И теперь, только въ крестьянскихъ хозяйствахъ, въ которыхъ почти вся земля подъ пашнею, почва не истощается, но ежегодно обогащается отъ ввоза удобрительныхъ частицъ извнѣ. Ибо безъ этого ввоза извнѣ крестьянскія хозяйства и существовать не могутъ, такъ какъ, по недостаку луговъ въ надѣлахъ, крестьяне необходимо должны добывать кормъ для своего скота на сторонѣ. Въ помѣщичьихъ же хозяйствахъ и теперь, при существующей системѣ хозяйства, все равно, производится постоянное истощеніе почвъ и опустошеніе. Такія хозяйства, въ которыхъ почва не истощается, напримѣръ, хозяйства съ винокуренными заводами, маслобойнями, сильно развитымъ скотоводствомъ и т. п., всѣ наперечетъ, считаются единицами, объ нихъ, значитъ, и говорить нечего. Но посмотрите на обыкновенныя помѣщичьи хозяйства — развѣ тутъ не производится постоянное и самое усиленное истощеніе? Луга отдаются крестьянамъ на скосъ съ части, слѣдовательно, часть сѣна увозится на сторону и потому, если луга не заливные, то они истощаются; хлѣбъ, производимый на поляхъ, тоже продается на сторону и съ нимъ увозятся

драгоцѣннѣйшія частицы почвы; наконецъ, остающіяся дома солома и сѣно стравливаются скоту и выроіценный скотъ продается, а съ нимъ опять-таки вывозятся изъ имѣнія почвенныя частицы. Чѣмъ же это не грабительское, не истощающее почву хозяйство? И тутъ весь доходъ получается черезъ истощеніе почвы, и тутъ имѣніе мало по малу превращается въ пустырь, такъ что, наконецъ, хозяйство поневолѣ приходится бросить. Дѣйствительно, держатся только хозяйства въ имѣніяхъ съ заливными лугами, а въ другихъ имѣніяхъ мало по малу хозяйства прикрываются. Начинается съ того, что запашки все уменьшаютъ да уменьшаютъ и, наконецъ, видя, что нѣтъ дохода, вовсе уничтожаютъ и переходятъ, по необходимости, къ сдачѣ земель въ аренду. И въ теперешнихъ хозяйствахъ истощеніе производится наиотличнѣйшимъ образомъ, только толку отъ этого нѣтъ. Владѣлецъ, въ деревнѣ не живущій, хозяйствомъ самъ не занимающійся, получаетъ ничтожный доходъ, крестьяне, поневолѣ попавшіе въ хомутъ, безполезно болтаютъ земли, и, если кто имѣетъ выгоды отъ такого порядка, такъ одинъ только приказчикъ, который, нажившись, дѣлается потомъ кулакомъ.

Между тѣмъ, если помѣщикъ не будетъ вовсе вести хозяйства и будетъ сдавать землю въ аренду крестьянамъ, то, при правильной организаціи сдачи земли, истощеніе будетъ не больше, чѣмъ нынче, и землевладѣльцы, не затѣсняя крестьянъ, не вынуждая ихъ непродуктивно работать въ своихъ хозяйствахъ, будутъ получать хорошую ренту, на которую могутъ жить, занимаясь службой и другими панскими дѣлами. За отрѣзки и выгоны крестьяне будутъ платить деньгами, а то и выкупятъ ихъ, если имъ будетъ оказанъ кредитъ. Заливные луга всегда будутъ ходить по высокой цѣнѣ и истощаться не будутъ; пустоша будутъ истощаться не болѣе, чѣмъ теперь, и можно навѣрно сказать, скоро тоже пойдутъ въ распашку и станутъ приносить доходъ; наконецъ, и пахатныя земли, если только ихъ не отдавать зря въ аренду для того, чтобы сразу, какъ можно скорѣй, выхватить деньги, но сдавать въ правильной послѣдовательности, давая землѣ необходимый отдыхъ, будутъ тоже приносить постоянно хорошій доходъ. При такой системѣ, уже практикуемой въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, землевладѣльцы будутъ получать болѣе дохода, чѣмъ они получаютъ теперь, балуясь хозяйствомъ; крестьяне не будутъ затѣснены, не будутъ безплодно болтать помѣщичьи земли, себѣ въ убытокъ и помѣщику не въ барышъ; масса труда не будетъ, какъ теперь, пропадать безполезно и земля будетъ производить гораздо болѣе.

Могутъ возразить, что когда хозяйство перейдетъ въ руки необразованныхъ мужиковъ, то не будетъ никакого агрономическаго про-

гресса, мужики будутъ стремиться извлечь изъ арендованныхъ земель какъ можно болѣе, и хозяйство будутъ вести самымъ рутиннымъ образомъ. Не будетъ ни альгаузскихъ скотовъ, ни конскаго зуба, ни клевера. Но почему же думать, что мужики всегда будутъ оставаться во тьмѣ, что никогда свѣтлый лучь науки, анализа не освѣтитъ ихъ. Я уже говорилъ выше, что въ „Счастливомъ Уголкѣ", чуть только положеніе крестьянъ улучшилось, пьянство уменьшилось, безобразно-пьяное препровожденіе времени въ кабакахъ замѣнилось охотою съ ружьемъ, явилось стремленіе къ граматности, выразившееся заведеніемъ *своихъ, не казенныхъ* школъ, со своими учителями. Нынѣшняя деревенская, крестьянская молодежь въ „Счастливомъ Уголкѣ" жаждетъ просвѣщенія, хочетъ учиться, хочетъ знать. Зачѣмъ же ей препятствовать учиться? И какъ же не понять, что безъ полной свободы ученья мы все будемъ оставаться во хвостѣ?

Конечно, плохи мужицкія школы, плохи мужицкіе учителя, плоха граматность; но неужели же это всегда такъ и будетъ? Неужели стремленія мужика, чуть онъ матеріально оправился, учиться такъ и останутся неудовлетворенными? Вѣрится, что будетъ не такъ. Разъ у мужика будетъ вольный хлѣбъ, онъ станетъ учиться, и тогда явится такой агрономическій прогрессъ, о какомъ мы и не мечтаемъ.

Да и кромѣ мужика—неужели же участь всѣхъ интеллигентныхъ людей служить, киснуть въ канцеляріяхъ? Неужели же земля не привлечетъ интеллигентныхъ людей? Мнѣ кажется, что самыя экономическія причины, обиліе людей, жаждущихъ мѣстъ на службѣ и вообще легкаго интеллитентнаго труда, дешевизна платы за такой трудъ, вслѣдствіе большого предложенія, при дороговизнѣ матеріальныхъ потребностей и дороговизнѣ производительнаго мужицкаго труда, неминуемо будутъ споспѣшествовать переходу интеллигентныхъ людей на землю. Наконецъ, земля должна привлечъ интеллигентныхъ людей, потому что земля даетъ свободу, независимость, а это также благо, которое выкупаетъ всѣ тягости тяжелаго земледѣльческаго труда.

Каждый интеллигентный человѣкъ знаетъ достаточно, чтобы быть хозяиномъ, и ему нужно только научиться работать, научиться работать такъ, какъ умѣетъ работатъ мужикъ. Затѣмъ формы, въ какихъ умѣющіе работать интеллигентные люди будутъ заводить хозяйство, могутъ быть различны. Можно завести одиночное хозяйство, въ которомъ хозяинъ, подобно американскому фермеру или зажиточному русскому мужику, будетъ работать самъ съ семействомъ, имѣя одного, двухъ батраковъ, которые будутъ работать наряду съ нимъ и жить тою же жизнію, пока, въ свою очередь, не сдѣлаются самостоятельными хозяевами. Могутъ нѣсколько лицъ соединиться вмѣстѣ,

образовать деревню, подобно тому, какъ были деревни изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, работавшихъ иногда на ряду съ своими крѣпостными. Такая форма болѣе подходяща, потому что, при нашихъ климатическихъ и общественныхъ условіяхъ, жить въ одиночку интеллигентному человѣку было бы очень трудно, въ особенности на первыхъ порахъ, пока такихъ хозяйствъ, напоминающихъ одиночекъ, было бы немного.

И интеллигентнымъ людямъ, садясь на землю, удобнѣе было бы слѣдовать примѣру крестьянъ и соединяться въ деревни, пріобрѣтать земли сообща, заводить хозяйство сообща, обрабатывать земли сообща. Но не въ формахъ дѣло.

Интеллигентный человѣкъ нуженъ землѣ, нуженъ мужику. Онъ нуженъ потому, что нуженъ свѣтъ для того, чтобы разогнать тьму. Великое дѣло предстоитъ интеллигентнымъ людямъ. Земля ждетъ ихъ и мѣсто найдется для всѣхъ.

XI.

Сегодня получилъ газеты за цѣлую недѣлю и въ одинъ присѣстъ всѣ прочиталъ. Счастливцы вы!

Зависть даже беретъ, какая кипучая дѣятельность: совѣщанія, засѣданія, комиссіи; засѣданія, комиссіи, совѣщанія...

Все затронуто, мѣста живого не осталось. Сколько вопросовъ разработывается, да и какіе вопросы! пьянство, уменьшеніе выкупныхъ платежей, урегулированіе переселеній, упорядоченіе начальства, направленіе самоуправленія!

И какъ заказано въ прошломъ году, объ иллюзіяхъ ни слова. Да и къ чему иллюзіи! Чего еще? Уничтоженіе хищенія, упорядоченіе, урегулированіе—вотъ дѣло. Работай только и говори обо всемъ опрятно.

И все ко благу мужика. Теперь отъ всѣхъ только и слышимъ: подождите, все будетъ урегулировано. И урядникъ, и становой, и капитанъ, всѣ начальники только и твердятъ: подождите, все будетъ урегулировано.

А мужикъ-то, представьте вы себѣ, такъ-таки ничего обо всей этой на его пользу дѣятельности и не знаетъ. Да, мужикъ ни объ чемъ этомъ не думаетъ, мало того, вовсе поднятыми вопросами не интересуется. Право, еслибы я не получалъ газетъ, то, сидя въ своемъ захолустьи, ничего бы объ упорядоченіи и не зналъ. Слуховъ, толковъ, разговоровъ и между мужиками достаточно; но мужикъ

толкуетъ вовсе не объ томъ, такъ что, когда благодать снизойдетъ на мужика, то онъ будетъ, пожалуй, даже удивленъ.

Объ иллюзіяхъ мужикъ вовсе не думаетъ и понятія объ нихъ не имѣетъ.

Насчетъ пьянства пронесся было слухъ, что съ новаго года вино будетъ по 25 рублей за ведро, но никакой сенсаціи этотъ слухъ не произвелъ. Будетъ вино по 25 рублей за ведро—пить не будемъ. Для мужика водка вѣдь не составляетъ ежедневной потребности, какъ для господъ. Мужикъ не пьетъ ежедневно водку передъ обѣдомъ, для аппетиту. У мужика и безъ водки аппетитъ всегда хорошій: какъ вымахается на молотьбѣ, такъ и безъ водки хорошо ѣстъ. Мужикъ пьетъ водку для веселья, напивается праздничнымъ дѣломъ, на свадьбѣ, все равно какъ напиваются господа у Борелей, потому что, при извѣстной степени развитія и извѣстномъ случаѣ жизни, безъ вина нельзя. Будетъ водка 25 рублей за ведро—мужикъ съ однимъ ведромъ свадьбу съиграетъ. Прежде и всегда справляли свадьбу однимъ ведромъ—это вѣдь недавно пошло, что на свадьбу десять ведеръ берутъ. А на Никольщинѣ, Покровщинѣ, Михайловщинѣ, Егорьевщинѣ, Временщинѣ и бражкой обойдутся. Для батюшки конечно въ богатомъ дворѣ полштофчикъ припасутъ, потому каждый понимаетъ, что ему, не подкрѣпившись, нельзя пятьдесятъ службъ отслужить.

Чего ближе, кажется, для мужика вопросъ о сложеніи недоимки и уменьшеніи выкупныхъ платежей; но даже и этимъ онъ не интересуется. Говорятъ: кто платилъ, тому обидно, а кто не платилъ, съ того и безъ того ничего не возьмешь. Эти недоимки сложатъ—новыхъ надѣлаютъ; кому не подсильно платить, съ того ничего не возьмешь; а вотъ у А—хъ и недоимокъ нѣтъ, какъ они землей ни обижены. И насчетъ уменьшенія платежей тоже говорятъ: по рублю скинутъ—для казны много денегъ, а намъ и не видно; мы платить завсегда готовы, кабы только землицы...

Объ уничтоженіи хищенія, объ упорядоченіи начальства, объ направленіи самоуправленія, между мужиками даже и слуховъ никакихъ нѣтъ. Мнѣнія мужика насчетъ начальства такъ глупы и странны, что даже и скатать неловко. Знаете ли, какъ мужикъ насчетъ начальства думаетъ? Не повѣрите! Мужикъ думаетъ, будто начальство вовсе ненужно! Ни Царю, ни мужику начальство не нужно, говоритъ онъ, начальство только для господъ. При такихъ понятіяхъ мужика, для него не можетъ быть ни лучшаго, ни худшаго начальства.

Но когда разнесся слухъ, что не будутъ позволять жениться ра-

нѣе 25 лѣтъ—говорили, что начальство не хочетъ, чтобы женились прежде, чѣмъ солдатскую службу каждый не отслужитъ, потому что теперь много бабъ съ малолѣтними дѣтьми безъ мужей остается — то всѣ бросились поскорѣе женить ребятъ, даже и не достигши полнаго возраста, что дозволяется съ особаго разрѣшенія архіерея. Повторяю, объ вопросахъ, которые у васъ тамъ разрабатываются, я знаю только изъ газетъ. Между мужиками никакихъ слуховъ и толковъ объ этомъ нѣтъ; мужики ждутъ *только милости насчетъ земли*. И платить готовы, и начальство, и самоуправленіе терпѣть и ублажать готовы, только бы землицы прибавили, чтобы было податься куда.

Поэтому, насчетъ земли, толковъ, слуховъ, разговоровъ и не оберешься. Всѣ ждутъ милости, всѣ увѣрены — *весь мужикъ увѣренъ* — что милость насчетъ земли будетъ, что бы тамъ господа ни дѣлали. Поговорите съ любымъ мальчишкой въ деревнѣ, и вы услышите отъ него, что милость будетъ. Любой мальчишка стройно, систематично, „опрятно“ и порядочно изложитъ вамъ всю суть понятій мужика насчетъ земли, такъ какъ эти понятія онъ всосалъ съ молокомъ матери.

Никакихъ сомнѣній; всѣ убѣждены, всѣ вѣрятъ. Удивительно даже, какъ это люди слышатъ и видятъ именно то, что хотятъ видѣть и слышать. Впрочемъ, то же самое мы знаемъ изъ исторіи колдовства, чародѣйства. Люди видѣли золото тамъ, гдѣ его не могло быть, говорили съ нечистой силой, вѣрили въ то, что они колдуны. Да и не то ли самое мы и сейчасъ видимъ на спиритахъ?

Я не получаю „Сельскаго Вѣстника“, ни одного номера этой „газеты для мужиковъ“ не читалъ! но знаю, что въ ней ничего насчетъ земли не могло быть напечатано, потому что, будь что нибудь, такъ сейчасъ же въ другихъ газетахъ было бы сообщено. Между тѣмъ, люди увѣряютъ, что *сами читали* въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“, что будетъ милости насчетъ земли, увѣряютъ, что *сами слышали*, какъ читали въ волости.

Толковъ, слуховъ, повторяю, не оберешься. И всѣмъ этимъ слухамъ вѣрятъ, разубѣдить никого невозможно. Конечно, при господахъ говорятъ осторожнѣе, деликатнѣе, но объ томъ, что будетъ милость насчетъ земли и лѣсу, говорятъ всюду открыто. Замѣчательно, что слухи всегда идутъ въ формѣ приказа. „Приказъ“ вышелъ, чтобы не наниматься къ господамъ въ работники; можно наниматься только къ купцамъ и богатымъ мужикамъ, а къ господамъ нельзя. „Приказъ“ вышелъ свои поля убирать и не идти къ господамъ на жнитво и покосъ.

Весною, при сдачѣ земли въ обработку, доходило до того, что

хоть оговаривай въ условіяхъ, что де, такъ и такъ, въ случаѣ если что выйдетъ „насчетъ земли“, то условіе считать не дѣйствительнымъ. Я совершенно увѣренъ, что волостному начальству такое условіе не показалось бы даже страннымъ и оно бы его утвердило своею печатью.

Въ нашемъ захолустьи ни объ какихъ пропагандахъ не было слышно, а между тѣмъ слуховъ, толковъ даже черезъ чуръ было достаточно. Превратныя толкованія ничего не прибавили бы. Да и чего же еще, когда люди и безъ того такъ убѣждены, что слышатъ и видятъ не то, что есть, а то, что имъ хочется.

Даже распоряженія высшаго начальства, и тѣ объяснились мужиками по своему. Вышло, напримѣръ, весною распоряженіе, чтобы письма съ желѣзнодорожныхъ полустанковъ отправлялись въ волостныя правленія и чтобы тамъ наблюдалось, дабы въ письма, адресованныя къ крестьянамъ, не попали прокламаціи и фальшивые манифесты. Мужики же поняли это распоряженіе такъ, что приказано письма, адресованныя господамъ, въ волостныхъ правленіяхъ распечатывать и публично прочитывать, дабы *слѣдить за господами.* То есть, мужики и волостное начальство поняли распоряженіе такъ: что господа отданы *подъ надзоръ* мужиковъ. Этому способствовали также и низшіе полицейскіе чины, урядники, а можетъ даже кто и повыше, потому что урядники не пренебрегали никакими средствами, чтобы что нибудь открыть. Мужики по поводу того, что нѣкоторые господа были недовольны, что письма ихъ будутъ распечатываться и прочитываться въ волостныхъ правленіяхъ, наивно разсуждали, что у кого ничего худого въ письмахъ нѣту, тому все равно, что письмо его будутъ читать на сходѣ. Но мало того, иные поняли это распоряженіе еще и такъ, что письма приказано распечатывать въ волости для того, чтобы господа не скрыли манифеста о землѣ. Тому, кто знаетъ деревню, кто знаетъ, что весь мужикъ убѣжденъ, что „все“ сдѣлали господа изъ мести за волю, тому, кто знаетъ, что ближайшее къ мужику начальство: староста, волостной, десятскій, сотскій — тоже мужики, и какъ мужики совершенно убѣждены, что бунтуютъ именно господа, будетъ совершенно ясно, какая въ настоящее время существуетъ въ деревнѣ путаница понятій.

Здѣсь, въ деревнѣ, поминутно натыкаешься на такія разсужденія, которыя напоминаютъ разсказъ объ солдатѣ, который на вопросъ, зачѣмъ ты тутъ поставленъ?“ отвѣчалъ: „для порядка“. „Для какого поряда?“ „А когда жидовскія лавки будутъ разбивать, такъ чтобы русскихъ не трогали“.

Толки о томъ, что будетъ милость „насчетъ земли“, только уси-

лились нынѣшней весной, а начали ходить еще давно. Каждый, кто, живя въ деревнѣ, находится въ близкихъ отношеніяхъ крестьянамъ, напримѣръ, самолично ведетъ хозяйство, навѣрно слышалъ объ этомъ еще въ 1878 году, когда толки и слухи вдругъ особенно усилились. Послѣ взятія Плевны, о „милости“ всюду говорили открыто: и на сельскихъ сходахъ, и на свадьбахъ, и на общихъ работахъ. Даже къ помѣщикамъ обращались съ вопросами, можно ли покупать земли въ вѣчность, будутъ ли потомъ возвращены деньги тѣмъ, которые купили земли и т. п., какъ я писалъ вамъ объ этомъ въ моихъ прежнихъ письмахъ. Всѣ ожидали тогда, что въ 1879 году выйдетъ „новое положеніе“ насчетъ земли. Тогда каждое малѣйшее обстоятельство давало поводъ къ толкамъ о „новомъ положеніи“: приносилъ ли сотскій барину бумагу, требующую какихъ-нибудь статистическихъ свѣдѣній насчетъ земли, скота, построекъ и т. п., въ деревнѣ тотчасъ собиралась сходка, на которой толковали о томъ: что вотъ-де къ барину пришла бумага насчетъ земли, что скоро выйдетъ „новое положеніе“, что весной пріѣдутъ землемѣры землю нарѣзать. Запрещала ли полиція помѣщику, у котораго имѣніе заложено, рубить лѣсъ на продажу, толковали что, запрещеніе наложено потому, что лѣса скоро отберутъ въ казну и будутъ тогда для всѣхъ лѣса вольные: заплатилъ рубль, и руби сколько тебѣ на твою потребу нужно. Закладывалъ ли кто имѣніе въ банкъ — говорили, что вотъ-де господа уже прочухали, что землю будутъ ровнять, а потому и спѣшатъ имѣнія подъ казну отдавать, деньги выхватываютъ.

Повторяю, послѣ взятія Плевны, зимою 1878 года и въ особенности лѣтомъ 1879 года, о „новомъ положеніи“ громогласно говорили повсемѣстно, нисколько не стѣсняясь и не скрываясь. Эта мысль глубоко сидитъ въ сознаніи нетолько мужика, но и всякаго простого русскаго человѣка не изъ господъ. Понятіемъ о землѣ простой человѣкъ рѣзко различается отъ не-простого. Эти понятія составляютъ самое характеристичное различіе. Съумѣйте вызвать простого человѣка на откровенный разговоръ, или, лучше, съумѣйте прислушаться къ нему, понять его, и вы увидите, что мысль о „милости“ присуща каждому— и деревенскому ребенку, и мужику, и деревенскому начальнику, и солдату, и жандарму, и уряднику изъ простыхъ, мѣщанину, купцу, попу, и нетолько такому человѣку который, какъ мужикъ, мѣщанинъ, попъ, не имѣетъ собственной земли, а пользуется общественной, но и такому, который пріобрѣлъ землю покупкою. Толки объ этомъ никогда не прекращаются, но затихаютъ до перваго случая, до перваго выходящаго изъ ряда событія.

До войны, слуховъ и толковъ было меньше. Сильно толковать

стали послѣ взятія Плевны, и какъ-то вдругъ, сразу, повсемѣстно. „Кончится война, будетъ ревизія и будутъ равнять землю“. Такъ какъ толковали совершенно открыто и повсемѣстно, то понятно, что обо всѣхъ этихъ толкахъ скоро сдѣлалось всѣмъ извѣстно. Стали появляться въ газетахъ корреспонденціи изъ разныхъ мѣстностей Россіи о ходящихъ въ народѣ толкахъ и слухахъ. Дошло, разумѣется, и до начальства. Министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ, желая убѣдить народъ, что никакихъ равненій не будетъ, такъ какъ правительство и законъ ограждаетъ собственность, издалъ въ 1879 году извѣстное „объявленіе“. Въ сентябрѣ того же года, по военному вѣдомству сдѣлано распоряженіе, чтобы начальники воинскихъ частей приняли мѣры къ распространенію въ средѣ нижнихъ чиновъ „объявленія“ министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ слухи о предстоящемъ будто бы новомъ надѣлѣ земель проникли въ войска, и вслѣдствіе этого, нѣкоторые унтеръ-офицеры отказываются отъ поступленія на вторичную службу, надѣясь получить, на основаніи указанныхъ слуховъ, земельные участки.

„Объявленіе“, однако, не достигло цѣли. Хотя нѣкоторыя газеты говорили въ то время, что „положить конецъ недоразумѣніямъ всего лучше, ставъ на почву права собственности, всѣмъ общаго и понятнаго („Новое Время“), но такъ какъ у мужика нѣтъ такой почвы, да и не откуда было ей взяться, то оказалось, что положить конецъ недоразумѣніямъ невозможно. „Объявленіе“ вызвало еще большіе толки среди мужиковъ въ направленіи совершенно обратномъ. Замѣтно только стало, что говорятъ осторожнѣе, не при всякомъ: „приказано не говорить пока о землѣ, до поры до времени“. Событія 1879 года дали иное направленіе толкамъ и слухамъ; толковали, что господа ставятъ препятствія, что еслибы не злонамѣренные люди, то было бы не то. Высокія цѣны на хлѣбъ въ 1880 году, недостатокъ хлѣба и корма еще болѣе повліяли въ этомъ отношеніи. „Хлѣба нѣтъ, хлѣбъ дорогъ, мужику податься некуда, а у господъ земли пустуетъ пропасть“.

Наконецъ, съ весны 1881 года явилось полнѣйшее убѣжденіе, что будетъ милость насчетъ земли.

Я очень внимательно слѣдилъ за всѣми этими слухами и толками и пришелъ къ убѣжденію, что мысль о равняніи землей циркулируетъ среди крестьянскаго населенія настойчиво, издавна, безъ всякой посторонней пропаганды. Одно уже то, что толки объ этомъ явились одновременно въ извѣстный моментъ (конецъ 1877 г.) повсемѣстно, во всей Россіи, что говорили всюду, не стѣсняясь, безъ всякой опаски, что сами сельскіе начальники, сотскіе, старшины, под-

держивали эти слухи, способствовали ихъ распространенію, служитъ, по моему мнѣнію, несомнѣннымъ доказательствомъ, что слухи эти идутъ отъ самого народа, что мысль эта присуща самому народу.

Газетные корреспонденты совершенно ошибочно говорили, что слухи о передѣлѣ не продукъ народной фантазіи, какъ они выражались; совершенно ошибочно утверждали они, что слухи разносятся по селеніямъ злонамѣренными людьми, для которыхъ нужно только смущать народъ и нарушать общественное спокойствіе. Все это совершенно невѣрно. Возможно ли допустить, чтобы какіе-то злонамѣренные люди вдругъ могли разнести подобную мысль по всей Россіи? Откуда взялась такая масса злонамѣренныхъ людей, и куда они потомъ дѣвались? И какъ они могли такъ обстоятельно привить мужикамъ извѣстныя убѣжденія, и нетолько взрослымъ, но и *малолѣткамъ*, которые разсуждаютъ совершенно такъ же, какъ взрослые, и, очевидно, съ измала всосали эти убѣжденія. Только люди, занимающіеся бумажнымъ дѣломъ, могутъ думать, что подобныя убѣжденія прививаются такъ легко: написалъ бумагу, циркуляръ, передовую статью — прочитаютъ и сейчасъ же убѣдятся. Какъ бы не такъ. Легко бы было прививать убѣжденія, еслибы это дѣлалось такъ просто. Въ нашихъ мѣстахъ, положительно можно сказать, не было ни злонамѣренныхъ людей, разносящихъ слухи по селеніямъ, ни подметныхъ писемъ, а между тѣмъ и у насъ, какъ и вездѣ, мужики послѣ Плевны стали толковать, да и теперь совершенно убѣждены, что будетъ „милость". Спросите любую бабу, любого малолѣтка, и онъ вамъ разскажетъ все совершенно обстоятельно.

Вотъ какіе на моихъ глазахъ были случаи. Однажды утромъ, пришелъ ко мнѣ сотскій и принесъ изъ стана бумагу, которой требовалось, не знаю для чего, сообщить свѣдѣнія о количествѣ земли, количествѣ построекъ въ имѣніи и т. п. Бумага самая обыкновенная, какія получаются очень часто: начальство собираетъ статистику для какой-нибудь комиссіи. Я взялъ бумагу, тотчасъ же на присланномъ бланкѣ проставилъ требуемыя свѣдѣнія, запечаталъ, и отдалъ сотскому для доставленія обратно въ станъ. Съ сотскимъ я ничего не говорилъ, никому изъ домашнихъ о полученной бумагѣ тоже ничего не говорилъ, да и говорить было нечего, потому что ничего интереснаго въ ней не было. Между тѣмъ, очень скоро, черезъ нѣсколько часовъ, я узналъ, что въ деревнѣ на сходкѣ уже толкуютъ о томъ, что баринъ получилъ бумагу насчетъ земли, что скоро выйдетъ новое положеніе, что весной пріѣдутъ землемѣры нарѣзать землю. Въ деревнѣ ни отъ кого другого, кромѣ сотскаго, не могли узнать, что я получилъ бумагу; кромѣ сотскаго, никто не могъ знать, что

отъ меня требовали какихъ-то свѣдѣній о количествѣ земли. Стало быть, распространителемъ ложныхъ слуховъ является полицейскій сотскій, который только кинулъ искру въ готовый костеръ.

Дѣло объясняется очень просто: сотскій въ становой квартирѣ, или въ какомъ-нибудь помѣщичьемъ домѣ, куда онъ заносилъ бумагу, слышалъ, что отъ помѣщиковъ требуютъ какихъ-то свѣдѣній насчетъ земли, построекъ и пр. Какъ мужикъ, да еще притомъ мужикъ бѣдный, плохой хозяинъ, неспособный къ работѣ, сотскій вмѣстѣ со всѣми мечтаетъ о вольномъ лѣсѣ, вольной землѣ. Услыхавъ, что въ бумагѣ требуютъ отъ помѣщиковъ свѣдѣній о землѣ, сотскій вообразилъ, что это бумага „насчетъ земли", насчетъ „новаго положенія". Проходя по деревнѣ, онъ сказалъ мужикамъ, что разноситъ по господамъ бумагу „насчетъ земли". Этого было достаточно. Собралась сходка и пошли толки, разговоры. Слухъ тотчасъ же распространился и по другимъ деревнямъ, гдѣ уже стали говорить: „самъ видѣлъ бумагу, малахвестъ пришелъ къ Б—му пану, сотскій приносилъ". Чего проще? Никакого тутъ злонамѣреннаго человѣка нѣтъ. И какого-нибудь сотскаго Ивана виноватить тоже нельзя, потому что точно такъ же поступилъ бы сотскій Петръ, сотскій Андрей, всякій сотскій. Еслибы становой и исправники стали убѣждать сотскихъ, что передѣла не будетъ, то еще того хуже было бы: сотскіе ихъ не поняли бы, а напротивъ, подумали бы, что вотъ тутъ-то скоро и будетъ: „самъ исправникъ говорилъ". Вамъ можетъ показаться это страннымъ; но вотъ вамъ фактъ: нынѣшнимъ лѣтомъ бабы въ деревнѣ разсказывали, что пріѣзжалъ становой и самъ говорилъ, что будетъ милость насчетъ земли. Конечно, становой ничего не говорилъ, или, если говорилъ что-нибудь, то совсѣмъ не то, но, повторяю, при извѣстномъ настроеніи, охватившемъ всѣхъ, люди слышатъ и видятъ только то, что сами хотятъ. Когда пошли строгости и приказано было осматривать у всѣхъ паспорты, останавливать проѣзжающихъ и пр., то всѣ эти мѣры исполнялись мужиками очень усердно, потому что мужики думали, что когда переловятъ господъ, которые бунтуютъ, то вотъ тогда и будетъ „милость". Со стороны очень странно было видѣть, какъ различно понимаютъ дѣло разные люди: высшіе полицейскіе чины „изъ господъ" подъ злонамѣренностью понимали одно, а низшіе полицейскіе чины „изъ мужиковъ" понимали совершенно другое, противоположное. По однимъ, тотъ, кто думаетъ, что нужно поровнять землю—злонамѣренный человѣкъ, по другимъ—злонамѣренный человѣкъ тотъ, кто думаетъ, что не нужно ровнять землю. Путаница понятій страшная, и выходитъ иногда очень комично.

И волостное начальство тоже нужно причислить къ злонамѣреннымъ людямъ. Въ самомъ дѣлѣ, мужикъ хочетъ купить у помѣщика землю и, въ виду слуховъ о нередѣлѣ, совѣтуется съ своимъ родственникомъ, волостнымъ старшиной. И что же? старшина не совѣтуетъ покупать, какъ бы деньги не пропали, потому что скоро, съ новаго года, „новое положеніе насчетъ земли выйдетъ".

Вотъ и волостной старшина является злонамѣреннымъ человѣкомъ. Или, можетъ быть, этого старшину смутили какіе-нибудь злонамѣренные люди, стремящіеся нарушать общественное спокойствіе? Ничего этого нѣтъ. Просто старшина, какъ и сотскій, какъ и всякій мужикъ, вѣритъ, и по родству предупреждаетъ своего дядю, „чтобы деньги не пропали". А дядя мужикъ, котораго предупреждалъ старшина, странствующій коновалъ. Каждое лѣто онъ обходитъ за своей работой тысячи деревень въ разныхъ губерніяхъ. Неужели же онъ такъ-таки все и молчитъ? Какъ человѣкъ, желающій купить подходящую землю и опасающійся, чтобы деньги не пропали, онъ неминуемо будетъ стараться разузнать, что слышно насчетъ земли. Зайдя для работы ко мнѣ, онъ и со мной посовѣтовался и меня разспросилъ, не слышно ли чего насчетъ земли по вѣдомостямъ. Точно также, онъ непремѣнно будетъ разговаривать и съ мужиками, у которыхъ работаетъ, будетъ разузнавать, разспрашивать, сообщать свои опасенія, свой разговоръ съ старшиной. Этотъ странствующій коновалъ явится, такимъ образомъ, самъ того не зная, распространителемъ ложныхъ слуховъ. И замѣтьте, хотя этотъ коновалъ и по сейчасъ остается при своихъ мужицкихъ понятіяхъ о землѣ, это все-таки не помѣшало ему купить землю. Онъ купилъ 90 десятинъ земли—земля продавалась очень дешево, кажется, по 5 рублей за десятину—и началъ ее разработывать, выкорчевалъ и сжегъ часть зарослей, засѣялъ рожью и, по моему примѣру, хочетъ весною по ржи посѣять клеверъ, для чего просилъ меня выписать для него сѣмянъ.

Я совершенно увѣренъ, что, если какой-нибудь простой человѣкъ разговорится по душѣ за стаканомъ пива съ скучающимъ на станціи въ ожиданіи поѣзда жандармомъ о податяхъ, о землѣ, о господахъ, то и жандармъ будетъ говорить то же, что и всѣ мужики, потому что онъ, *какъ мужикъ*, имѣетъ такія же убѣжденія.

Предостерегать въ этомъ смыслѣ сельское населеніе, по меньшей мѣрѣ, безполезно. Точно также безполезно предостерегать солдатъ. И какъ ни поддѣлывайся къ мужицкому языку, бумага будетъ не понята или понята совершенно въ обратномъ смыслѣ.

„Читали, скажутъ, въ волости бумагу насчетъ земли". „Насчетъ

„милости“ бумага пришла, ровнять будутъ“. Даже и граматные, которые сами будутъ читать, и тѣ ничего не поймутъ или поймутъ наоборотъ, а если кто пойметъ смыслъ бумаги, *то не повѣритъ, чтобы это была настоящая бумага.* Это господа, злонамѣренные люди, выдумали, а настоящая бумага должна быть не такая.

Сельское начальство предостерегали; мало того, сельскому, волостному, полицейскому, начальству вмѣнено было въ обязанность зорко и неослабно слѣдить за появленіемъ вѣстовщиковъ, а введенныхъ въ обманъ всячески вразумлять и удерживать отъ распространенія вредныхъ слуховъ. Но, спрашивается, какъ же сельское волостное и низшее полицейское начальство будетъ предпринимать мѣры противъ распространенія слуховъ, когда само это начальство *твердо убѣждено,* что рано или поздно будетъ милость, само съ *жадностью ловитъ* всякія извѣстія, до этого предмета относящіяся, само *распространяетъ ихъ?*

Кто будетъ принимать строгія мѣры противъ сотскаго, сообщающаго въ деревнѣ, что онъ несетъ помѣщикамъ бумагу насчетъ земли? Не деревенскій ли староста, жаждущій самъ узнать что-нибудь насчетъ земли?

Кто будетъ принимать строгія мѣры противъ волостного старшины, предостерегающаго дядю-мужика отъ покупки земли, чтобы деньги какъ не пропали? Ужь не сотскій ли? Только исправникъ, становой, да иной урядникъ могутъ понять смыслъ бумаги и будутъ говорить, что ни теперь, ни въ послѣдующее время никакихъ дополнительныхъ нарѣзокъ къ крестьянскимъ надѣламъ не будетъ и быть не можетъ.

Конечно, когда исправники пригрозили старшинамъ, чтобы не было разговору насчетъ земли, то и тѣ, въ свою очередь, пригрозили старостамъ и десятскимъ: „не велѣно, дескать, болтать зря насчетъ земли до поры до времени“.

Что же касается приказа „слѣдить“, то это исполняется строго: стой! билетъ есть? Тащи его въ холодную. И тащатъ иной разъ бѣднаго акцизнаго чиновника, посѣщающаго ночью подозрительный винокуренный заводъ.

Тѣмъ не менѣе, газетные корреспонденты ошибочно передавали, что въ народѣ ходятъ слухи, будто съ предстоящей ревизіей земли отъ помѣщиковъ отберутъ и передадутъ крестьянамъ. Толковали не о томъ, что у однихъ отберутъ и отдадутъ другимъ, а объ томъ, что будутъ ровнять землю. И замѣтьте, что во всѣхъ этихъ толкахъ дѣло шло *только о землѣ* и никогда не говорилось о равненіи капиталовъ или другого какого имущества.

Въ объявленіи бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, г. Макова, совершенно вѣрно было сказано, что въ сельскомъ населеніи ходили

слухи и толки о *землѣ*. Именно толковали о томъ, что будутъ ровнять землю и каждому отрѣжутъ столько, сколько кто можетъ обработать. Никто не будетъ обойденъ. Царь никого не выкинетъ, каждому дастъ соотвѣтствующую долю въ общей землѣ. По понятіямъ мужика, каждый человѣкъ думаетъ за себя, о своей личной пользѣ, каждый человѣкъ эгоистъ, только міръ да Царь думаетъ обо всѣхъ, только міръ да Царь не эгоисты. Царь хочетъ, чтобы всѣмъ было *ровно*, потому что всѣхъ онъ одинаково любитъ, всѣхъ ему одинаково жалко. Функція Царя—всѣхъ *равнять*.

Дѣло это, о которомъ столько говорятъ, мужики понимаютъ такъ, что черезъ извѣстные сроки, при ревизіяхъ, будутъ общія *равненія всей земли* по всей Россіи, подобно тому, какъ теперь въ *каждой общинѣ*, въ частности, черезъ извѣстные сроки, бываетъ передѣлъ земли между членами общины, причемъ каждому нарѣзается столько земли, сколько онъ можетъ осилить. Это совершенно своеобразное мужицкое представленіе прямо вытекаетъ изъ всѣхъ мужицкихъ аграрныхъ отношеній. Въ общинахъ производится черезъ извѣстный срокъ передѣлъ земли, *равненіе* между членами общины; при общемъ передѣлѣ будетъ производиться передѣлъ всей земли, *равненіе* между общинами. Тутъ дѣло идетъ вовсе не объ отобраніи земли у помѣщиковъ, какъ пишутъ корреспонденты, а объ равненіи *всей земли*, какъ помѣщичьей, такъ и крестьянской. Крестьяне, купившіе землю въ собственность или, какъ они говорятъ, въ вѣчность, точно также толковали объ этомъ, какъ и всѣ другіе крестьяне, и нисколько не сомнѣвались, что эти „законнымъ порядкомъ за ними укрѣпленныя земли“ могутъ быть у „законныхъ владѣльцевъ“ взяты и отданы другимъ. Да и какъ-же мужикъ можетъ въ этомъ сомнѣваться, когда, по его понятіямъ, вся земля принадлежитъ Царю и Царь властенъ, если ему извѣстное распредѣленіе земли невыгодно, распредѣлить иначе, *поровнять*. И какъ стать на точку закона права собственности, когда населеніе не имѣетъ понятія о правѣ собственности на землю? Давно ли мужики, дотолѣ никогда не владѣвшіе землями, стали покупать земли въ собственность! Возможно ли, чтобы исконныя понятія перемѣнились такъ быстро? Да и много ли такихъ, которые купили земли? Могутъ ли единицы такъ быстро отстать отъ міра, стать съ нимъ въ разрѣзъ? Развѣ, купивъ земли, мужикъ купилъ вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о правѣ собственности на землю, опредѣленное закономъ? Мужикъ и законовъ-то никакихъ объ укрѣпленіи земли не знаетъ, точно такъ же, какъ не знаетъ законовъ о наслѣдствѣ. Мало того, мужикъ имѣетъ даже смутное представленіе о правѣ собственности и на другіе предметы, потому что, если земля принадлежитъ обществу, состоящему изъ извѣ-

стныхъ членовъ, то другіе предметы: скотъ, лошади, деньги, принадлежатъ дворамъ, семьямъ. Этотъ конь нашъ, то есть такого-то двора. Отецъ, хозяинъ двора, не можетъ не дать отдѣляющемуся сыну лошадь. Міръ его принудитъ раздѣлить имущество двора по справедливости. Во всякомъ случаѣ, равненіе, по мнѣнію мужика, не можетъ быть по отношенію къ кому-нибудь неправдой или обидой.

Видя, что у помѣщиковъ земли пустуютъ или обработываются не такъ, какъ слѣдуетъ, видя, что огромныя пространства плодороднѣйшей земли, напримѣръ, изъ подъ вырубленныхъ лѣсовъ, остаются невоздѣланными и заростаютъ всякою дрянью, не приносящей никому пользы, мужикъ говоритъ, что такой порядокъ *Царю въ убытокъ.* Хлѣба нѣтъ, хлѣбъ дорогъ, а отчего? Оттого что нѣтъ настоящаго хозяйства, земли заброшены, не обработываются, пустуютъ. *Царю выгоднѣе,* чтобы земли не пустовали, обработывались, приносили пользу.

По понятіямъ мужика, земля—царская, конечно, не въ томъ смыслѣ, что она составляетъ личную царскую собственность, а въ томъ, что Царь есть распорядитель всей земли, главный земляной хозяинъ. На то онъ и Царь. Если мужикъ говоритъ, что Царю невыгодно, когда земля пустуетъ, что его царская польза требуетъ, чтобы земля воздѣлывалась, то тутъ дѣло вовсе не въ личной пользѣ Царя—Царю ничего не нужно, у него все есть,—а въ пользѣ общественной. Общественная польза требуетъ, чтобы земли не пустовали, хозяйственно обрабатывались, производили хлѣбъ. Общественная польза и справедливость требуютъ равнять землю, производить передѣлы. Мужикъ широко смотритъ на дѣло, а вовсе не такъ, какъ сообщаютъ разные корреспонденты: отнимутъ землю у господъ и отдадутъ крестьянамъ. Нѣтъ, это не такъ. Царь объ общественной пользѣ думаетъ. Видитъ Царь, что земля пустуетъ, и скорбитъ его Царское сердце о такомъ непорядкѣ. Видитъ Царь, что у однихъ земли мало, податься некуда, а у другихъ много, такъ что они справиться съ ней не могутъ, и болитъ его сердце.

И ждетъ мужикъ Царской милости насчетъ земли, ждетъ новаго царскаго положенія, ждетъ землемѣровъ къ веснѣ.

Весна. Нѣтъ корму, скотъ голодаетъ, отощалъ. „Потерпимъ, теперь ужь недолго, скоро дастъ Боженька тепло". Показалась коегдѣ травка, овечка, слава Богу, отвалилась. „Потерпимъ, теперь не къ Рождеству дѣло идетъ, а къ Петрову дню. Вотъ и Егорій, дастъ Богъ дождичка, станетъ тепло, касаточка прилетитъ, скотинка въ поле пойдетъ. Потерпимъ".

Нѣтъ хлѣба, голодаютъ. „Потерпимъ, теперь ужь недолго, только бы до Ильи дотянуть". Мужикъ мечется, хлопочетъ, какъ бы раздо-

быться осминкой ржицы или хоть пудикомъ мучицы. Недолго теперь дожидаться, скоро и матушка поспѣетъ. „Недолго ждать, потерпимъ. Смилостивился Боженька, цвѣла нынче „матушка" отлично. Богъ не безъ милости, подастъ что-нибудь за труды. Богъ труды любитъ. Боженька больше дастъ, чѣмъ богатый мужикъ..." И живетъ человѣкъ въ ожиданьи Ильи...

Смололи первую рожь. Всѣ ликуютъ. Новь. Хлѣбъ вольный, ѣдятъ по четыре раза въ день. Привезли кабатчику долги, заклады выкупаютъ. Выпили. „Что пьянствуете? говоритъ старшина, наливая изъ полштофа третій стаканъ:—чѣмъ податй платить будете?—„Податй!—заплатимъ, Вавилычъ, заплатимъ! Дастъ Богъ, семячко продадимъ, конопельку, пенечку—заплатимъ. Богъ не безъ милости, дастъ Богъ, заплатимъ".

Продали семячко, конопельку, пенечку, заплатили податя, отгуляли свадьбы, справили Никольщину, святки проходятъ, до Аксиньи не далеко. Хлѣбы коротки стали. Ѣдятъ три раза въ день. Новыя податя поспѣваютъ. „Ничего не подѣлаешь,—придется, кажется, у барина работу, кружкй, брать; не вывернешься ныньче, хлѣба мало, податями нажимаютъ,—придется хомутъ надѣть. Дастъ Богъ, обработаемъ".

Зима. Соберутся вечеркомъ въ чью-нибудь избу и идетъ толкъ: „Царь видитъ, сколько у господъ земли пустуетъ—это Царю убытокъ. Царь видитъ, какое мужику затѣсненье, податься некуда, ни уруги для скотины, ни покоса, ни лѣсу. Вотъ придетъ весна, выйдетъ новое положенье, наѣдутъ землемѣры". Насчетъ лѣсу теперь какое закрѣпленье вышло: ни затопиться, ни засвѣтиться. Вотъ скоро выйдетъ новое положенье, лѣса будутъ вольные: руби, сколько тебѣ нужно на твою потребу. Подождемъ".

И идетъ какой-нибудь бѣдняга Ефёръ съ вечерней сходки въ свою холупинку, мечтаетъ о вольной землѣ, когда всюду будетъ просторъ: пустилъ кобылу не путавши, и никто ея въ потравѣ не возьметъ; мечтаетъ о вольномъ лѣсѣ, когда не нужно будетъ раздобываться лучиной и дровами: пошелъ въ лѣсъ, облюбовалъ древо, срубилъ,—вотъ тебѣ дрова и лучина—топись и свѣтись хоть цѣлый день. А на утро тотъ же Ефёръ идетъ къ барину добыть осьмину ржи: „возьмусь убрать полдесятины луга, да скосить десятину клевера", разсчитываетъ онъ.

Прислушиваясь къ толкамъ массы, слышишь только жалобы, мечтанія, упованія, надежды. Событія вызывали массу легендъ, разсказовъ, толковъ. „Это господа сдѣлали, господа сговорились, подкупили, споили; приказано смотрѣть за господами, приказано не нани-

маться къ господамъ въ работники; приказано прежде свой хлѣбъ убирать: свой хлѣбъ сыплется, а ты иди къ пану работать! какъ бы не такъ! мало ли что обязался—не приказано; приказано жидовъ разбивать"...

Такъ толкуетъ масса; этими отрывочными восклицаніями исчерпываются всѣ толки, общій смыслъ которыхъ понятенъ. Иначе, болѣе опредѣлительно толкуютъ богачи, богатые мужички, кулаки. Конечно, и богачъ-кулакъ тоже не прочь позюкать на вечерней сходкѣ, гдѣ мечтаютъ о передѣлѣ, о новомъ положеніи, хотя богачи не придаютъ большого значенія этимъ неопредѣленнымъ мечтаніямъ, упованіямъ, и больше всего налегаютъ на то, что господа бунтуютъ, господа мѣшаютъ, и, еслибы не господа... Богачи кулаки—это самые крайніе либералы въ деревнѣ, самые яростные противники господъ, которыхъ они мало того, что ненавидятъ, но и презираютъ, какъ людей, по ихъ мнѣнію, ни къ чему неспособныхъ, никуда негодныхъ. Богачей-кулаковъ хотя иногда и ненавидятъ въ деревнѣ, но, какъ либераловъ, всегда слушаютъ, а потому значеніе ихъ въ деревнѣ, въ этомъ смыслѣ, громадное. При всѣхъ толкахъ о землѣ, передѣлѣ, о равненіи, кулаки-богачи болѣе всѣхъ говорятъ о томъ, что вотъ-де у господъ земля пустуетъ, а мужикамъ затѣсненіе, что, будь земля въ мужицкихъ рукахъ, она не пустовала бы и хлѣбъ не былъ бы такъ дорогъ. Но что касается собственно толковъ о „равненіи земли", то богачи кулаки все это въ душѣ считаютъ пустыми мужицкими мечтаніями, фантазіями, иллюзіями. Принимая самое живое участіе въ деревенскихъ толкахъ, подливая масла въ огонь, они на сторонѣ съ презрительной усмѣшкой говорятъ, что это мужики все пустое болтаютъ. „Статочное ли дѣло, говорятъ, что такъ и отберутъ у всѣхъ земли! теперь это ужь и нельзя, потому что многія земли мужичками и купцами куплены. Просто такъ будетъ, что господскія имѣнія, которыя заложены, какъ только баринъ не заплотитъ въ срокъ, будутъ отбирать въ казну и потомъ мужикамъ раздавать!" А то еще, разсуждаютъ они, обложатъ всѣ господскія земли податями, по полтиннику или по рублю съ десятины. Многіе ли господа въ силахъ будутъ заплатить такую подать?—одинъ, два. Тѣ, которые на томъ только хозяйничаютъ, что мужичка землей затѣсняютъ, развѣ въ силахъ будутъ платить? Вотъ у такихъ земли будутъ отбирать и мужикамъ отдавать, которые возьмутся платить. А богатыхъ мужичковъ съ деньгами много найдется: деньги внесутъ, землю подъ себя возьмутъ и пользу въ землѣ найдутъ, потому-что мужичкамъ земля нужна. А то и такъ будетъ: найдется богатый мужичокъ,

который деньги внесетъ, земля подъ общество пойдетъ, а общество мужику выплачиваться будетъ. Богачъ найдетъ, съ чего взять.

Много толковъ, много слуховъ, много разныхъ легендъ ходитъ въ народѣ. Общій выводъ, какой можно сдѣлать изъ всѣхъ этихъ слуховъ и толковъ, тотъ, *что мужику мало этой земли, которою онъ надѣленъ*, что ему *нужно еще земли*, что онъ *платить готовъ* и заплатитъ Царю *болѣе, чѣмъ кто другой*, лишь бы было изъ чего платить. Мужикъ видитъ упадокъ помѣщичьихъ хозяйствъ, всю несостоятельность ихъ, мужикъ видитъ, что большинство этихъ хозяйствъ держится только нажимомъ, отрѣзками, выгонами и проч., онъ видитъ, что массы господскихъ земель или пустуютъ, или истощаются безпутно, вслѣдствіе дурного хозяйства, сдачи въ аренду на выпашку. Мужикъ говоритъ, что все это въ убытокъ Царю, государству, что отъ этого и хлѣбъ, и все дорого, что это не порядокъ. И мужикъ терпитъ, ждетъ, уповаетъ.

Интеллигенція не просмотрѣла это положеніе вещей: въ литературѣ давно уже поднятъ вопросъ о малоземельи, о недостаточности надѣловъ, о несоотвѣтствіи платы за землю съ ея доходностью и проч. Изслѣдованія показали, въ какой упадокъ пришли наши хозяйства въ послѣднее время. Въ этомъ отношеніи изслѣдованія, какъ частныхъ лицъ, такъ и правительственныхъ комиссій, совершенно совпадаютъ съ мнѣніями мужика, выражающимися въ его толкахъ. Однако, и въ литературѣ есть органы, которые, противно голосу народа, доказываютъ, что малоземелья вовсе нѣтъ. Эти литературные органы говорятъ, что малоземелье выдумано либералами, что это только либеральный догматъ, неожиданно, какъ лопушникъ, выросшій поперегъ дороги („Русь“ 1881, № 11). Они доказываютъ, что мужикъ надѣленъ достаточнымъ количествомъ земли, что никакой прибавки земли не нужно, что это даже было бы вредно, потому что мужикъ истощилъ бы и эту землю, какъ истощилъ свои надѣлы. (?!) Они говорятъ, что расширеніе крестьянскихъ надѣловъ убьетъ всякую идею о выработкѣ новыхъ, лучшихъ формъ хозяйства. Не будучи въ состояніи отрицать, что народъ жаждетъ земли, что всѣ его надежды и упованія заключаются въ этомъ, они говорятъ, что мужикъ, по глупости, хочетъ все больше и больше расширяться по землѣ и вести истощающее, грабительское, экстенсивное хозяйство. Агрономы „Руси“, нахватавшіеся изъ популярныхъ французскихъ книжекъ кое-какихъ поверхностныхъ химическихъ знаній, говорятъ, что мужикъ надѣленъ достаточнымъ количествомъ земли, но только не умѣетъ ею пользоваться раціонально, а потому не получаетъ съ нея того, что слѣдовало бы. Они указываютъ, какъ много получаетъ

нѣмецкій мужикъ съ такого же количества земли; они совѣтуютъ мужику измѣнить систему хозяйства, вести хозяйство интенсивное, совѣтуютъ мужику удобрять землю виллевскими искусственными туками. Идеалъ агрономовъ „Руси“: мужикъ, живущій на интенсивно обработанномъ клочкѣ земли. Мужичокъ въ сѣромъ полуфрачкѣ посыпаетъ Виллевскими туками свою нивку; баба въ соломенной шляпкѣ пасетъ свою коровку на веревочкѣ по клеверному лужку. Восхитительная картина! Точно въ Германіи.

Вотъ уже цѣлый годъ продолжается въ „Руси“ это выбиваніе либеральнаго догмата, которымъ, однако, проникнутъ и весь мужикъ, чего „Русь“ знать не хочетъ. Читая статьи славянофильскихъ агрономовъ, удивляешься только нахальству и безстыдству этихъ недоучекъ. Мужикъ глупъ, мужикъ не понимаетъ хозяйства, мужикъ не знаетъ, что скотъ нужно хорошо кормить, чтобы онъ былъ производителенъ, мужикъ не умѣетъ убирать сѣно, ухаживать за скотомъ, раціонально утилизировать молочные продукты; ѣстъ, дуракъ, самъ молоко, творогъ, топленое масло, вмѣсто того, чтобы приготовлять изъ него парижское масло и честеръ для продажи господамъ; мужикъ не знаетъ, что нужно удобрять землю, вести интенсивное хозяйство. А между тѣмъ, мы видимъ, что этотъ мужикъ, который не знаетъ, что скотъ нужно хорошо кормить, въ страду, въ покосъ, работаетъ по двадцати часовъ въ день, убивается на работѣ, худѣетъ, чернѣетъ съ лица и все для того, чтобы заготовить побольше корму для скота. Мы видимъ, что этотъ мужикъ, который не понимаетъ, что нужно удобрять землю, плохо ѣстъ, мало спитъ, лишь бы только заготовить побольше удобренія.

Я сѣлъ на хозяйство въ 1871 году, и, смѣю думать, достаточно подготовленный научно. Теперь, прохозяйничавъ одиннадцать лѣтъ, доведя хозяйство мое, по его производительности, до блестящаго состоянія, я говорю, что въ общемъ раздѣляю воззрѣнія мужика на хозяйство. Я считаю, что хозяйственныя воззрѣнія мужика, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, чрезвычайно раціональны, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія общей, государственной пользы.

Если мы посмотримъ на частныя хозяйства, ведущія свое дѣло раціонально, достигшія большой доходности, то мы увидимъ всегда, что эти хозяйства имѣютъ значеніе только сами для себя и никакого общаго значенія ихъ системы, пріемы и проч. не имѣютъ. Для себя эти хозяйства раціональны, но для общаго хозяйства страны они не имѣютъ смысла. Возьмемъ, напримѣръ, хозяйство, въ которомъ разведенъ отлично молочный скотъ, дающій огромный доходъ. Уходъ за скотомъ образцовый, сѣно заготовляется самаго ранняго закоса, скотъ

лѣтомъ подкармливается травой и проч., и проч. Все это, предполагаю, дѣлается не для виду только, а дѣйствительно. Хозяинъ показываетъ вамъ жирныхъ вычищенныхъ альгаузскихъ, голландскихъ и иныхъ скотовъ, дающихъ огромный доходъ, и разсказываетъ, какъ раціонально онъ ихъ кормитъ; показываетъ вамъ великолѣпное сѣно, для котораго трава убрана еще въ полномъ соку. Все это прекрасно, отлично, положимъ, и выгодно; но все это прекрасно, раціонально и выгодно только для него, для этого хозяина, и не имѣетъ никакого значенія для общаго хозяйства страны, такъ что мужикъ, оставляющій свою траву подрости, чтобы было побольше сѣна, поступаетъ раціональнѣе, если мы посмотримъ съ точки зрѣнія общей пользы хозяйства страны. Точно также съ этой точки зрѣнія можетъ быть болѣе раціональнымъ, когда мужикъ приготовляетъ топленое русское масло, сухой творогъ съ масломъ по-русски и проч , и проч. Точно также и воззрѣнія мужика на общую систему хозяйства страны, его экстенсивная система хозяйствованія разумнѣе интенсивной системы „Руси“ съ виллевскими туками. Чтобы развить мою мысль, я долженъ обратиться къ примѣрамъ спеціально изъ моего хозяйства.

Нынѣшнимъ лѣтомъ я пошелъ однажды, въ праздникъ, въ ржаное поле посмотрѣть отдаленный отъ дома участокъ ржи, посѣянной, для *испытанія,* на нови, на самой плохой землѣ, какая только нашлась въ моемъ имѣніи.

Еще издали, подходя къ участку, я замѣтилъ, что кто-то болтается около ржи; подхожу ближе, вижу, знакомый мужикъ изъ сосѣдней деревни тоже прогуливается, такъ себѣ, безъ дѣла, осматриваетъ мою рожь.

— Здравствуй, Потапъ! что, тоже прогуляться вышелъ?

— Да, праздничнымъ дѣломъ, вышелъ рожь вашу посмотрѣть. Удивленье!

— Что-жь? Хороша?

— Степь, какъ есть степь!

— А вы небось думали, ничего не будетъ. Смѣялись, чай, какъ я этотъ участокъ драть началъ.

— Правда, думали, что ничего не будетъ. Да помилуйте, какъ же можно ожидать было, что тутъ такая рожь будетъ! Самая пустая земля, трава не росла, а вы распахали.

— То-то вотъ. Это вы здѣсь привыкли на старой пахотѣ болтаться, а посмотри-ка въ Бѣльщинѣ, какъ за пустоша взялись; щетина, кочка, а онъ деретъ—и съ хлѣбомъ. Вотъ и я надумался за пустоша взяться, облоги-то у меня всѣ распаханы. Какова ржица?

— Степь, какъ есть степь!

— Еще получше степи. Во всемъ полѣ у меня такой ржи нѣтъ, какъ на этомъ участкѣ. Стебель-то, посмотри, какой—тростникъ. Раскустилась-то какъ! Тутъ, если Господь все совершитъ, сколько хлѣба будетъ?

— Много намолотите.

— На свѣжихъ земляхъ у насъ хлѣбъ отлично родится. Сколько я облогъ поднялъ — какой вездѣ отличный хлѣбъ былъ. И мужики вѣдь говорятъ, что на переяловѣвшей землѣ хлѣбъ отлично родится.

— То облоги, пахота прежде была; въ облоги-то мы теперь и сами руку вломили. Сами знаете, снимаемъ въ Б., сѣемъ ленъ, рожь,— большую пользу нашли, всегда съ хлѣбомъ теперь. А тутъ вѣдь пустакъ былъ; никто не помнитъ, чтобы тутъ когда хлѣбъ сѣяли; трава не росла,—кочки, щетина, лозникъ.

— А вотъ же. Не хуже чѣмъ на облогѣ хлѣбъ. Увидите, какой хлѣбъ,—не будете кочекъ, щетины бояться, сами станете пустоша снимать и распахивать; за дешево отдавать будутъ: пустошей-то видимо-невидимо безъ пользы стоитъ.

— Да, пустуетъ земля, а вѣдь вотъ какой хлѣбъ могъ бы родиться. Хлѣбъ-то дорогъ, а земли пустуетъ много.

— То-то.

— У васъ вонъ сколько земли раздѣлано, какое хозяйство развели, на всю округу гремитъ.

— Да еслибы всѣ такое хозяйство развели, какъ мое, такъ откуда бы батраковъ взять? Ты вотъ въ батраки не пойдешь, самъ наровишь гдѣ-нибудь землицы снять. Тоже изъ вашей деревни никто не пойдетъ, всѣ норовятъ облоги снимать.

— Облогъ вблизи мало становится, все пораспахали.

— Довольно еще. Вонъ Ф. хозяйство уничтожается, станутъ на выпашку облоги отдавать. А тамъ еще какое хозяйство уничтожится— опять облоги на выпашку. Облоги повыпашете, пустоша приметесь выпахивать. Много еще земли. Вонъ подъ В., говорятъ, все уже повыпахано, все пустыри стали, не скоро отдохнутъ, а у насъ еще свѣжихъ земель довольно.

— А вы этотъ участокъ вѣрно клеверомъ засѣете?

— Конечно, не сейчасъ только. Въ будущемъ году яровымъ засѣю, овсомъ частицу, ячменемъ, льномъ, всего понемножку; можетъ даже и картофелю посажу, чтобы вы посмотрѣли, какой хлѣбъ на кочкѣ и щетинѣ родится, а тамъ опять рожь и по ней клеверъ.

— Такъ; и клеверъ вѣрно будетъ хорошъ?

— Надѣюсь, что будетъ. Года три буду косить, а потомъ подъ выгонъ, а тамъ отдохнетъ, переяловѣетъ, опять подыму; такъ кру-

гомъ и пойдемъ. Знаешь мой порядокъ: новыя земли распахиваю, а старыя клеверомъ засѣваю. Вотъ у меня и хлѣбъ, и трава.

— Знаю.

— А вы вотъ облоги снимете, льномъ, хлѣбомъ пересѣете, пока что родится, а потомъ бросите и стоитъ пустыремъ. Навозу не кладете, клеверомъ подъ конецъ не обсѣваете. Какъ повыпашете—все и будутъ пустыри, какъ подъ В.

— А что-жь намъ чужую землю навозить и клеверомъ обсѣвать; мы навозъ-то на свою землю валимъ.

— То-то на свою землю валите. Со всѣхъ концовъ кормъ себѣ везете, а навозъ на свою землю валите. Вотъ и возьми тебя въ батраки.

— А что-жь мнѣ его на чужую землю возить; колибы землицы побольше было, я бы тоже его разложилъ, съумѣлъ бы.

Дѣйствительно, рожь, посѣянная на этомъ участкѣ для испытанія, была замѣчательно хороша, лучшая въ моемъ полѣ, лучшая въ округѣ; но всего замѣчательнѣе то, что земля въ этомъ участкѣ была самая пустая, не приносившая никакого дохода; такихъ земель *у насъ всюду пропасть.* Даже самъ я не ожидалъ такого результата. Правда, я всегда думалъ, что наши пустошныя земли по большей части вовсе не дурныя земли, но только одичавшія, истощенныя поверхностно, и надѣялся, что при культурѣ онѣ будутъ не хуже пахатныхъ земель; но все-таки я не ожидалъ, что онѣ у насъ съ нови будутъ давать такіе замѣчательные урожаи.

Участокъ, выбранный мною для испытанія, величиною въ двѣ казенныхъ десятины, лежитъ въ концѣ поля и примыкаетъ къ лугу на рѣчкѣ. Мѣсто покатое, для пахаты удобное, не слишкомъ сырое, хотя и обращенное къ сѣверу. Вѣроятно, когда нибудь, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, участокъ этотъ былъ подъ пахатой; но потомъ запущенъ и ходилъ то подъ покосомъ, то подъ выгономъ, хотя это былъ и плохой покосъ, и плохой выгонъ. Я засталъ этотъ участокъ въ самомъ дикомъ, некультурномъ состояніи; онъ былъ покрытъ моховыми кочками, мѣстами паршивыми лозовыми кустиками, заросъ мхомъ и густой щетиной, бѣлоусомъ, сквозь который пробилась кое-гдѣ травка-дубравка, куманица. Въ тѣ годы, когда участокъ приходился за паромъ, онъ былъ подъ выгономъ; выгонъ это былъ плохой, скотъ и кони только проходили по участку, потому что взять на щетинѣ было нечего. Въ тѣ годы, когда участокъ былъ за хлѣбомъ, его покашивали; обыкновенно его бралъ „побить“ съ третьей копы какой-нибудь лядащій мужичонко, не успѣвшій раздобыться покосомъ. Обыкновенно со всего участка накашивалось не болѣе шести копенъ сѣна, изъ кото-

раго мнѣ доставалось двѣ. Вотъ такой-то пустàкъ, дававшій три копны плохого сѣна съ десятины, я и задумалъ для испытанія пустить въ обработку, такъ какъ, по моимъ соображеніямъ, этотъ пустàкъ былъ потому только мало производителенъ, что земля, не находясь въ культурѣ, одичала; я надѣялся, что и эта одичавшая земля, производящая только мохъ и щетину, какъ земля „свѣжая“, „переяловѣвшая“, будетъ съ нови давать хорошіе урожаи.

Осенью 1878 года, участокъ, предварительно очищенный отъ кустиковъ лозы, былъ поднятъ шведскимъ одноконнымъ плужкомъ № 29, причемъ по серединѣ участка во всю ширину была оставлена неподнятою довольно широкая полоса, дабы впослѣдствіи наглядно можно было видѣть каждому, что достигнуто культурой на такой почти сплошь поросшей мхомъ и щетиной землѣ.

Весной 1879 года, участокъ былъ хорошо разборонованъ вдоль пластовъ желѣзными боронами и по пласту посѣянъ ленъ, котораго высѣяно полторы четверти. Ленъ вышелъ не особенно хорошъ, неровенъ, мѣстами былъ густъ и высокъ, мѣстами низокъ и рѣдокъ. Однако, все-таки съ участка было собрано 30 копъ, изъ которыхъ намолочено $6^1/_2$ четвертей льняного сѣмени и намято 45 пудовъ льну. Сѣмя продано по 10 р. 50 к. за четверть, ленъ по 2 р. 40 к. за пудъ. Слѣдовательно, за сѣмя было выручено 68 руб. 25 коп., а за ленъ 108 рублей. Всего же съ участка было выручено на 176 р. 25 к. въ первый годъ, что онъ былъ подъ льномъ.

Участокъ давалъ прежде 6 копъ сѣна, стоющаго много 6 р.

Подъ льномъ онъ далъ на 176 р. 25 к. сѣмени и волокна, да еще мякину на кормъ скоту и костру на подстилку.

Льнище было оставлено непаханнымъ. Зимою 1879—1880 года на участокъ было вывезено 200 одноконныхъ зимнихъ возовъ навозу. Весною навозъ былъ запаханъ, въ теченіи лѣта 1880 г. участокъ былъ подвергнутъ паровой обработкѣ и засѣянъ двумя четвертями озимой ржи. Осенью 1880 г. зелень на участкѣ была прекрасная, весною нынѣшняго года зелень вышла изъ подъ снѣга въ хорошемъ состояніи и затѣмъ великолѣпно пошла въ ходъ, такъ что скоро рожь стала лучшею не только въ моемъ полѣ, но и во всей округѣ.

Поразительно было видѣть такую великолѣпную рожь на пустой, повидимому, плохой землѣ, какъ свидѣтельствовала оставленная посрединѣ участка непаханною полоса въ первобытномъ видѣ, густо заросшая щетиной. Урожай превзошелъ всѣ ожиданія. На участкѣ нажато 48 копенъ, *изъ которыхъ намолочено $26^1/_2$ четвертей ржи*. Такъ какъ посѣяно 2 четверти, то значитъ рожь пришла *самъ-13*. Урожай великолѣпнѣйшій, лучшаго не надо, такой урожай, какой у

насъ рѣдко бываетъ на самыхъ лучшихъ, сильно удобренныхъ земляхъ. При нынѣшней цѣнѣ, 12 р. за четверть, съ участка выручено за $26^1/_2$ четвертей 318 р., да за солому и мякину (считая по 10 к. за пудъ, что еще дешево по нынѣшнему неурожайному на кормы году) нужно положить 42 рубля, итого съ участка подъ рожью получено 360 р.

Сопоставьте слѣдующія цифры:

Въ дикомъ состояніи участокъ давалъ 6 копъ сѣна на 6 р.

Первый годъ подъ льномъ далъ на 176 р.

Второй годъ подъ рожью далъ на 360 руб.

Всего за три года (такъ какъ одинъ годъ участокъ былъ подъ паромъ) съ участка получено на 536 руб. Кладите, что хотите за сѣмена, навозъ, работу, и все-таки останется огромная польза. Я буду далѣе разрабатывать этотъ участокъ: въ будущемъ году засѣю его яровымъ, потомъ, удобривъ, засѣю рожью и по ней клеверомъ съ тимоѳеевкой, оставлю на нѣсколько лѣтъ подъ покосомъ и выгономъ, пока будетъ давать стоющіе укосы, а затѣмъ опять ленъ, рожь и т. д. Но, еслибы и не продолжать культуру, а, взявъ одинъ разъ яровое, оставить подъ покосъ и выгонъ, то развѣ участокъ не будетъ давать тѣ же 6 копъ сѣна, которыя давалъ прежде. Будетъ давать больше 6 копъ и лучшаго чѣмъ прежде качества сѣна.

Когда участокъ былъ подъ льномъ, то крестьяне еще не особенно имъ интересовались; но въ нынѣшнемъ году, когда они увидали, какой вышелъ хлѣбъ, и узнали, что, посѣявъ на участкѣ 2 четверти, я намолотилъ 26 четвертей, то удивленію не было конца. Въ самомъ дѣлѣ, 26 четвертей — вѣдь это цѣлое богатство для нашего мужика, у котораго не хватаетъ хлѣба для прокормленія. 26 четвертей—вѣдь это достаточно для прокормленія года семьи изъ 10 душъ. 26 четвертей при посѣвѣ 2-хъ! Мужикъ, при посѣвѣ 2 четвертей на своемъ надѣлѣ, получаетъ 8, много 12 четвертей, т. е. самъ-6; въ помѣщичьихъ хозяйствахъ урожай самъ-6 тоже считается отличнымъ.

Я постоянно удобряю все поле подъ рожь отличнымъ навозомъ: скотъ получаетъ клеверъ, сѣно, жмыхи, муку, овесъ; кромѣ этого, $^1/_3$ ржи всегда приходится по свѣжей землѣ послѣ льна, посѣяннаго на облогахъ или на десятинахъ, бывшихъ шесть лѣтъ подъ клеверомъ. Мой хлѣбъ обыкновенно бываетъ одинъ изъ лучшихъ въ округѣ, а между тѣмъ при посѣвѣ $1^1/_2$ четверти на хозяйственную десятину въ 3,200 кв. сажень, я имѣлъ послѣдніе годы слѣдующіе урожаи:

Въ 1876 г. у меня рожь пришла самъ-$6^1/_4$.

Въ 1877 г. самъ-$6^1/_2$.

Въ 1878 г. самъ-8¹/₄.

Въ 1879 г. самъ-6¹/₂.

Въ 1880 г. самъ-7¹/₂.

А тутъ самъ-13!

На „перяловѣвшихъ“ земляхъ хлѣбъ всегда хорошо родится, говорятъ мужики; они убѣдились въ этомъ, арендуя облоги въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и засѣвая ихъ льномъ, а потомъ рожью; но и мужики въ нашихъ мѣстахь не знали—еще *не дошли*—что пустоша, заросшія щетиной, могутъ давать урожаи хлѣба не хуже облогъ.

— Вотъ тебѣ и щетина: посѣялъ 2 четверти, а намолотилъ 26, хвастаюсь я.

— Всетаки же вы и навозъ клали на эту землю, замѣтилъ мнѣ одинъ мужикъ.

— Клалъ. По 100 возовъ на десятину положилъ. А вы развѣ не кладете навозу на свои земли? ты развѣ мало положилъ навозу на подворную землю? А много ли ты намолотилъ? Изъ двухъ кулей 10 намолотилъ ли?

— Десять, должно быть, намолотилъ.

— А я 26! Вотъ тебѣ и щетина, кочка!

— Да, теперь и мы щетины и кочекъ бояться не будемъ. Во какъ пустоша драть возьмемся.

— И отлично будетъ.

Въ два посѣва выручено на 536 руб. съ пустака, который давалъ всего по 6 копъ плохого сѣна! А сколько *у насъ такихъ пустошей стоятъ непроизводительными,* въ одной только Смоленской губерніи! Куда ни поѣдешь, вездѣ пустоша и пустоша съ самой скудной растительностью. Какое количество хлѣба производилось бы, еслибы эти пустоша распахивались! Теперь Смоленская губернія нуждается въ привозномъ хлѣбѣ; но, если распахать пустоша, то мы нетолько не нуждались бы въ хлѣбѣ, но завалили бы имъ рынокъ. Распахать эти пустоша можетъ только мужикъ, а намъ говорятъ, что мужикъ долженъ вести интенсивное хозяйство съ виллевскими туками на маленькихъ кусочкахъ и что только такимъ путемъ можетъ быть поднято наше упавшее хозяйство. Въ № 11 газеты „Русь“ за 1881 годъ, въ статьѣ „Наше земское самоуправленіе“, редакція, сообщая о томъ, что смоленское земство, по инициативѣ вяземскаго помѣщика Шарапова, взялось за земскую (?!) разработку вопроса объ искусственныхъ удобреніяхъ, говоритъ: „такимъ образомъ, вопросъ о поднятіи сельскаго хозяйства смоленское земство поставило на совершенно новый путь и этимъ сразу отрѣшилось отъ всѣхъ разсужденій о малоземельи“. „Быть можетъ, вопросъ о выгодности туковъ“,

говорится далѣе, разрѣшится на практикѣ и отрицательно,—важна лишь его постановка, основанная на сознаніи собранія, что *не въ недостаткѣ земли заключается зло, губящее сельское хозяйство, а въ несоотвѣтствіи этого хозяйства съ законами природы, причемъ пропадаетъ даромъ чуть не вся масса труда крестьянина*" (подчеркнуто въ подлинникѣ).

Мы не знаемъ, что сдѣлало смоленское земство по части *земской* разработки вопроса объ искусственныхъ удобреніяхъ. Кажется, что ничего. Г. Шараповъ предлагалъ организовать земскій кредитъ на искусственныя удобренія! Въ земствахъ не разъ поднимался вопросъ объ организаціи кредита крестьянамъ для прикупки земель, коихъ у насъ пустуетъ множество, но *этому „Русь" не сочувствуетъ, такъ какъ она считаетъ малоземелье выдумкой либераловъ*. „Русь" сочувствуетъ организаціи кредита на искусственныя удобренія!

Однако, что за безсмыслица такая! Огромныя пространства земель, которыя могутъ дать превосходные урожаи хлѣба, доходящіе до самъ-13, чего и съ виллевскими туками не достигнешь, мы оставимъ пустовать—ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга—а сами засядемъ на маленькіе кусочки земли и будемъ ихъ удобрять виллевскими туками, въ выгодности которыхъ даже сама „Русь" сомнѣвается.

Огромныя пространства пустошей стоятъ непроизводительными; пустоша эти владѣльцы готовы продать дешево, потому что владѣльцамъ, ничего или очень мало получающимъ съ этихъ пустошей и только платящимъ за нихъ поземельный налогъ, выгоднѣе продать земли и имѣть капиталъ, съ котораго они могутъ получать проценты. Вмѣсто того, чтобы помочь жаждущимъ земли, затѣсненнымъ на своихъ надѣлахъ крестьянамъ скупать пустующія земли, съ которыхъ они, распахавъ, могутъ выбрать суммы, имѣющія съ лихвою покрыть уплаченныя за земли деньги, предлагаютъ организовать кредитъ на искусственныя удобренія! Этому „Русь" сочувствуетъ, это она считаетъ правильной постановкой вопроса. Что угодно, какія хотите дѣлайте глупости, только не затрогивайте вопроса о малоземельи!

Мужикъ хочетъ земли, потому что онъ знаетъ, что въ земствѣ найдетъ пользу. У землевладѣльца земля пустуетъ и онъ не знаетъ, что съ ней дѣлать. И тому, и другому было бы выгодно, чтобы земля пришла къ мѣсту. Мужикъ нашелъ бы пользу въ землѣ, землевладѣлецъ нашелъ бы пользу въ капиталѣ. Нѣтъ, пусть земля останется пустовать, а мы устроимъ кредитъ на виллевскіе туки. Ну, а если мужикъ, взявъ деньги въ кредитъ, не найдетъ пользы въ виллевскихъ тукахъ, чѣмъ же онъ тогда платиться будетъ? Что же, у него тогда за долгъ послѣдній надѣлъ отобрать?

Я разсказалъ выше какіе замѣчательные результаты даетъ распашка даже самыхъ плохихъ одичавшихъ пустошныхъ земель. Такихъ земель у насъ пустуетъ *видимо-невидимо.* Но вотъ что замѣчательно, что на старопахатныхъ земляхъ (старопахатными я называю крестьянскія и помѣщичьи пахатныя земли, которыя обработываются), *даже при сильномъ удобреніи* и хорошей обработкѣ, получаются далеко не такіе отличные урожаи, какіе получаются при разработкѣ новей, пустующихъ теперь, одичавшихъ земель, дающихъ лишь скудные урожаи травъ. На этихъ облогахъ, пустошахъ, „съ нови" хлѣба родятся превосходно *и при слабомъ удобреніи.*

Я въ моихъ статьяхъ много разъ уже указывалъ на это обстоятельство и на вытекающую изъ него необходимость измѣнить систему хозяйства въ нечерноземной полосѣ, но до сихъ поръ я говорилъ только о необходимости расширять хозяйство на счетъ облогъ, то есть запущенныхъ, послѣ „Положенія", полей, теперь же я изъ опыта убѣдился, что нетолько облоги, но и пустоша—разъ мѣсто не низко и годно для хлѣбопашества—могутъ съ нови давать отличные урожаи хлѣба, и потому расширеніе хозяйства можетъ идти и на счетъ пустошей. Въ противоположность агрономамъ „Руси", которые говорятъ, что массы земель нужно оставлять пустовать и лишь на кусочкахъ вести интенсивное хозяйство съ виллевскими туками, я, на основаніи научныхъ соображеній, на основаніи многолѣтней практики, въ одинъ голосъ съ мужикомъ говорю, что мы должны, наоборотъ, *вести экстенсивное хозяйство, расширяться по поверхности, распахивать пустующія земли.* Я утверждаю, что это единственное средство поднять наше упавшее хозяйство, единственное средство извлечь тѣ богатства, которыя теперь лежатъ втунѣ, и, такъ какъ сдѣлать все это можетъ *только мужикъ,* такъ какъ *будущность у насъ имѣетъ только общинное мужицкое хозяйство,* то всѣ старанія должны быть употреблены, чтобы эти *пустующія земли пришли къ мужику.* Этого требуетъ благо страны, благо всѣхъ.

Если вѣрно, что смоленское земство поставило вопросъ о поднятіи сельскаго хозяйства на путь земской разработки виллевскихъ туковъ и отрѣшилось отъ всѣхъ разсужденій о малоземельи, то смоленское земство вступило на ложный путь. Не вѣрится что-то, чтобы это было такъ, не ошибается ли редакція „Руси"? И благо крестьянъ, и *благо самихъ землевладѣльцевъ* требуютъ совсѣмъ иной постановки вопроса о поднятіи сельскаго хозяйства.

Крестьяне, мы это вѣрно знаемъ, ждутъ милости на счетъ земли и живутъ упованіями, которыя они, не стѣсняясь, громко высказываютъ. Землевладѣльцы не знаютъ, что дѣлать съ своими пустую-

щими одичавшими, землями, бросаютъ хозяйства, уменьшаютъ запашки до такихъ размѣровъ, чтобы земля обрабатывалась крестьянами безденежно, за пользованіе „отрѣзками“, съ радостію отдаютъ крестьянамъ на выпашку до истощенія „облоги“, распродаютъ лѣса, готовы дешево продать земли, лишь бы кто покупалъ. Нѣтъ, земство не можетъ отрѣшиться отъ разсужденій о малоземельи. Только врагъ своей страны или какой-нибудь мѣднолобый можетъ отрѣшиться отъ этого обострившагося вопроса, который составляетъ злобу дня. На „отдохнувшихъ“ „переяловѣвшихъ“ земляхъ, на облогахъ, пустошахъ, *хлѣбъ „съ нови“ родится превосходно.* Между тѣмъ, тѣ же облоги и пустоши въ ихъ теперешнемъ, одичавшемъ состояніи даютъ самые ничтожные укосы травъ. Напротивъ того, какъ я убѣдился десятилѣтнимъ опытомъ, *на старопахатныхъ земляхъ, травы—клеверъ, тимоѳеевка—родятся превосходно,* такъ что мнѣ случалось съ одной хозяйственной десятины получать 50 копъ клеверу, а въ среднемъ я получаю не менѣе 30 копъ. Обратите вниманіе на это обстоятельство: старопахатныя земли даютъ превосходные урожаи травъ, тогда какъ хлѣбъ на нихъ, даже при хорошемъ удобреніи, родится не особенно хорошо; пустующія, одичавшія земли, облоги, пустоши, напротивъ, въ естественномъ ихъ состояніи даютъ скудные урожаи травъ, но при распашкѣ даютъ превосходные урожаи хлѣбовъ, даже и при слабомъ удобреніи. Этого еще мало: на старопахатныхъ земляхъ, послѣ того, какъ они пробудутъ нѣсколько лѣтъ подъ травой, хлѣбъ родится лучше, чѣмъ прежде, а пустоши, пробывъ подъ хлѣбомъ, будучи потомъ засѣяны клеверомъ, даютъ прекрасные урожаи клевера. Не естественно ли при такихъ условіяхъ расширить хозяйства, *не увеличивая притомъ много посѣвы хлѣбовъ,* распахать облоги и пустоша, сѣять на нихъ хлѣбъ, а на старопахатныхъ земляхъ, гдѣ теперь сѣется хлѣбъ, сѣять травы: клеверъ, тимоѳеевку? Какую бы громадную производительность увидали мы даже въ нашей бѣдной Смоленской губерніи! Было бы много хлѣба, было бы и много сѣна для корма скота, было бы, слѣдовательно, много навозу, было бы изъ чего земледѣльцу-мужику платить и казнѣ, платить и рентьеру, платить и фабриканту, купцу, попу, учителю, доктору. Всѣмъ было бы хорошо. А теперь, голь, бѣдность, хлѣба нѣтъ, скотъ кормить нечѣмъ, земли пустуютъ и какія земли! земли, которыя сразу могутъ дать 13-ть четвертей съ десятины! Ну, что толку для землевладѣльца, когда его земля пустуетъ или безпутно выпахивается, что толку для фабриканта, что голодный рабочій дешевъ, когда фабриканту некому сбыть свой миткаль, кумачъ, плисъ? да онъ, фаб-

рикантъ, втрое будетъ платить рабочему, лишь бы только былъ сбытъ на его товаръ. А кто же, какъ не мужикъ-потребитель, можетъ поддержать и фабриканта и купца? На господахъ далеко не уѣдешь. Не тотъ фабрикантъ живетъ, который производитъ господскій товаръ, а тотъ, который производитъ мужицкій. Богатѣетъ тотъ купецъ, который торгуетъ русскимъ, т. е. мужицкимъ, товаромъ. Не оттого ли купецъ, фабрикантъ, мѣщанинъ, попъ относятся такъ сочувственно къ упованіямъ мужика на милость на счетъ земли? Да и кому же можетъ быть невыгодно, если улучшается благосостояніе мужика, если мужикъ сдѣлается богатъ? А благосостояніе мужика можетъ улучшиться только тогда, если онъ такъ или иначе получитъ возможность увеличить свой надѣлъ, расширить свое хозяйство. Пустой разсчетъ тѣхъ, которые думаютъ, что, если мужикъ будетъ бѣденъ, то онъ будетъ дешево наниматься въ работу въ ихъ хозяйство. Пажалуй, будетъ наниматься дешево, да что толку-то? Еслибы только въ этомъ было дѣло, то помѣщичьи хозяйства не раззорялись бы, а мы видимъ, что они падаютъ и падаютъ. „Русь" говоритъ, что малоземелье выдумано либералами. Пусть же „Русь" и меня причтетъ къ либераламъ („Русь" въ № 18 за 1881 г., разбирая по поводу моихъ статей, что я такое?—говоритъ, что я не подхожу къ либераламъ; благодарю за аттестатъ), но пусть со мной причтетъ къ либераламъ и всего мужика, который *стонетъ отъ малоземелья*. Я мужикомъ не гнушаюсь.

Я въ своемъ хозяйствѣ давно уже принялъ экстенсивную систему и расширилъ запашку на счетъ облогъ, то есть пахатныхъ земель, запущенныхъ послѣ „положенія" (см. мои статьи „Изъ исторіи моего хозяйства", напечатанныя въ „Отеч. Зап." 1876 и 1878 г.), а теперь буду расширять ее насчетъ пустошей.

Въ нынѣшнемъ году, у меня уже было поле, въ которомъ всѣ облоги распаханы и находятся подъ хлѣбомъ, а старопахатныя земли подъ клеверомъ. Это поле наглядно доказывало вѣрность проводимыхъ мною хозяйственныхъ положеній. Въ этомъ полѣ всего 40 десятинъ, изъ коихъ 20 было запущено послѣ „положенія". Въ 1871 году, въ этомъ полѣ было 20 хозяйственныхъ десятинъ пахатной земли, которая засѣвалась хлѣбами, и 20 десятинъ облогъ. Средній урожай ржи въ имѣніи за шесть предшествовавшихъ 1871 году лѣтъ (1865—70) былъ $7^1/_2$ четвертей съ хозяйственной десятины, что при посѣвѣ $1^1/_2$ четверти на десятину составляетъ урожай самъ-пятъ. 20 десятинъ облогъ были покрыты порослью березняка, олешника, лозы и представляли лишь скудный выгонъ. За десять лѣтъ эти облоги разработаны и въ нынѣшнемъ году въ полѣ было уже 40 десятинъ въ культурѣ, изъ коихъ 27 дес. было подъ рожью и 13 подъ травами. На старопахат-

ной землѣ, которая до 1871 года была подъ хлѣбами, теперь былъ превосходный клеверъ съ тимоѳеевкой, на прежнихъ облогахъ—прекрасная рожь, гораздо лучшая той, которая родилась на томъ же полѣ до 1871 года. За 6 лѣтъ, предшествовавшихъ 1871 году, средній урожай ржи былъ самъ-пять, т. е. по $7^1/_2$ четвертей съ десятины, за 6 послѣдующихъ лѣтъ (1872—77), урожай былъ самъ-семъ, то есть по $10^1/_2$ четвертей съ десятины. Слѣдовательно, урожай возвысился на 2 зерна или на 3 четверти съ десятины. Изъ числа 27 десятинъ ржи нѣкоторыя уже опять были изъ прежнихъ старопахатныхъ и рожь шла по клеверу. Эта рожь была превосходна, лучше той, какая бывала до 1871 года, слѣдовательно, земля *не стала хуже родить оттого, что побыла шесть лѣтъ подъ травами.* Сравните же теперь, что давало это поле до 1871 года и что даетъ теперь!

Лѣтомъ нынѣшняго года, прогуливаясь по этому полю, я подошелъ къ мужику, который косилъ у меня съ части полевые ровки и канавы. Разговорились о прекрасной ржи, которая густой стѣной стояла у канавы, о клеверѣ.

— Ну, что, Семенъ, хороша рожь? спросилъ я.

— Преотличная.

— Ты помнишь, какая тутъ прежде бывала, до меня?

— Помню; теперь куда лучше.

— А клеверъ?

— Отличный. Чудеса вы тутъ надѣлали. Пустаки всѣ распахали; гдѣ прежде заросль была, тамъ теперь хлѣбъ, да и хлѣбъ-то какой, лучше прежняго; гдѣ прежде хлѣбъ былъ, тамъ теперь трава. На поляхъ луга завели не хуже заливныхъ днѣпровскихъ. Чудеса!

— Теперь ужь такъ чередомъ и пойдетъ: гдѣ хлѣбъ былъ—клеверъ будетъ, гдѣ клеверъ былъ—хлѣбъ будетъ.

— Понимаемъ, что чередой пойдетъ.

— Вы вѣдь теперь тоже въ это дѣло руку вломали, на меня глядя, тоже стали присѣвки дѣлать, снимаете облоги, льномъ, потомъ хлѣбомъ засѣваете.

— Да, и мы теперь стали этимъ дѣломъ заниматься.

— Выгодно вѣдь?

— Еще бы не выгодно. Снимешь облогу, льномъ засѣешь, ленъ и сѣмя продашь, а мякину и костру во дворъ—кормъ, подстилка. Какъ не выгодно! да къ тому же намъ только за облогу заплатить, а за работу не платимъ, сами работаемъ, все же три четвертныхъ, а то и цѣлую катеринку, съ десятины выручишь. Потомъ по перелому рожь безъ навоза посѣешь, хороша выходитъ—какъ не выгодно! Я лѣтомъ

съ десятины 15 копъ привезъ, четвертей 8 намолотилъ, а рожь-то была 14 рублей, вотъ и считайте, да еще мякина, солома во дворъ.

— Скоро вы выпашете Б., тамъ клевера не засѣютъ. Пересѣете всю землю по нѣскольку разъ—и конецъ.

— Это такъ.

Мужикъ этотъ былъ изъ сосѣдней деревни А. (см. мое X письмо), разбогатѣвшей за послѣдніе годы присѣвками. Рядомъ съ этой деревней господское имѣніе, въ которомъ хозяйство прекращено, господа уѣхали и земли сдаются на выпашку. Такъ какъ тамъ системы правильной, какъ у меня, не заведено, все, что снимается, увозится, земля выпахивается, то понятно, что имѣніе превратится въ пустырь, который нужно будетъ бросить лѣтъ на пятнадцать. Владѣлецъ теперь возьметъ кое-что, а потомъ и стопъ. Крестьяне пойдутъ искать другихъ земель, опустошать другія имѣнія. Не сидѣть же имъ въ самомъ дѣлѣ голодными, пока будетъ устроенъ земскій кредитъ на виллевскіе туки! Опустошили Б., опустошатъ и Ф. Доходно теперь владѣльцамъ, ну, а тамъ банкъ, въ которомъ заложено имѣніе, и возьми его. Въ концѣ концовъ, конечно, все къ мужику придетъ, такъ какъ что̀ же банки съ выпустошенными имѣніями дѣлать будутъ? Нужно продать мужику—ничего больше. И чѣмъ скорѣе это совершится, тѣмъ лучше, потому что *будь эта земля у мужиковъ, они бы ввели точно такую же систему, какъ у меня;* нашлись бы люди, которые научили бы и мужиковъ—не все же такое время будетъ, что нельзя и учить. Стали бы сѣять клеверъ, чередовать его съ хлѣбомъ, раскладывать удобреніе на большее пространство земли, а то теперь мужики, по необходимости, должны валить весь навозъ на свои надѣлы (причемъ навозъ не производитъ того, что могъ бы производить), а чужія земли выпахивать безъ навоза.

Мужики снимаютъ въ прекращающихъ хозяйство имѣніяхъ только облоги и пахатныя земли, и выпахиваютъ ихъ до истощенія. Но кромѣ того, есть еще масса другихъ пустующихъ земель—отрѣзковъ, пустошей, пространствъ изъ подъ вырубленныхъ лѣсовъ. Количество такихъ пустующихъ земель во много разъ превосходитъ количество пахатныхъ земель. И въ виду всей этой массы пустующихъ земель, которыя, будь раздѣланы сейчасъ, могутъ дать громадныя количества травъ и хлѣбовъ, земледѣльцамъ совѣтуютъ сидѣть на маленькихъ клочкахъ и интенсивно обработывать ихъ, удобряя виллевскими туками! Но что такое эти виллевскіе туки, съ которыми такъ носится газета „Русь“? Редакція „Руси“ думаетъ, что стоитъ только, когда земство организуетъ кредитъ на туки, взять денегъ, купить виллевскихъ туковъ, посыпать ими поля, обработанныя, какъ они обрабаты-

ваются, и тотчасъ же получатся урожаи самъ-20. Какъ бы не такъ. Редакція „Руси“ цѣлый годъ трубитъ о виллевскихъ тукахъ, попрекая всякій разъ по пути какихъ-то либераловъ, что они выдумали малоземелье, а между тѣмъ, даже и вопроса объ этихъ тукахъ не изучила основательно. Прочитавъ кое-какія популярныя книжечки объ тукахъ, ничего не смысля ни въ наукѣ, ни въ хозяйствѣ, она тычется всюду съ этими туками самымъ нахальнымъ образомъ. Весь эффектъ статей „Руси“ объ этомъ предметѣ въ томъ, что слово либералы поставлено въ ковычкахъ и, кажется, для одного этого всѣ статьи пишутся или скорѣе ради одного этого помѣщаются. Научно, дескать, въ ковычки ставимъ.

Вопросъ объ искусственныхъ удобреніяхъ мнѣ давно уже хорошо извѣстенъ. Много лѣтъ тому назадъ, когда редакторъ „Руси“ еще издавалъ „День“, агрономической химіей не занимался и съ виллевскими туками не носился, я уже былъ профессоромъ химіи и работалъ надъ вопросомъ объ искусственныхъ удобреніяхъ. Давно это было, какъ видите. Я очень увлекался геніальнымъ ученіемъ Либиха, да и нельзя имъ не увлекаться. Истощеніе почвъ, вслѣдствіе постояннаго вывоза хлѣбныхъ продуктовъ, такъ просто объясняетъ причины неурожаевъ, что человѣкъ теоріи можетъ легко поддаться тому, чтобъ всегда объяснять причины неурожаевъ только истощеніемъ отъ вывоза. Кто разъ вникнетъ въ химическую сущность совершающихся въ хозяйствѣ явленій, тому сдѣлается ясною причина истощенія почвъ и не менѣе ясно будетъ, что посредствомъ искусственныхъ удобреній, можно извнѣ ввести въ почву извлеченныя изъ нея вещества. Химическая теорія совершенно вѣрна. Истощенныя почвы могутъ быть исправлены удобреніемъ и искусственныя удобренія могутъ имѣть огромное значеніе для хозяйства. Все это совершенно вѣрно, но не менѣе вѣрно и то, что къ удобренію искусственными туками можно прибѣгнуть только *во-время,* при извѣстномъ состояніи культуры.

Но еще важнѣе понять, что искусственные туки составляютъ только *подсобное* удобреніе, что они *не исключаютъ удобренія навозомъ,* что они должны быть употребляемы вмѣстѣ съ навозомъ для усиленія его дѣйствія и, если могутъ быть употребляемы безъ навоза, то только на почвахъ высокой культуры, содержащихъ много перегноя и азотистыхъ веществъ.

Конечно, можно составить тукъ, такъ называемое полное удобреніе, который можетъ замѣнить навозъ на хорошо обработанной почвѣ, но такой тукъ употреблять невыгодно, а главное невозможно было бы достать матеріаловъ для приготовленія туковъ въ томъ количествѣ, какое бы потребовалось. Вотъ этого-то „Русь“ и не знаетъ.

Для того, чтобы составить полный тукъ, нужны минеральныя соли, щелочи, земли, фосфорная кислота и азотистыя вещества. Въ природѣ есть огромные запасы минеральныхъ солей, но нѣтъ, или очень мало, запасовъ веществъ азотистыхъ, а потому азотистыя удобренія очень дороги, да и нельзя добыть ихъ въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ. Нельзя основать хозяйство нетолько цѣлой страны, но и одной Смоленской губерніи, на употребленіи полныхъ искусственныхъ туковъ, содержащихъ азотистыя вещества, потому что азотистыхъ веществъ не хватитъ и на одну Смоленскую губернію. Искусственные туки, состоящія изъ минеральныхъ солей, спору нѣтъ, очень важны; нужно способствовать распространенію ихъ въ хозяйствахъ; но это только подсобное удобреніе, и навозъ, какъ удобреніе азотистое и, пожалуй, самое дешевое изъ азотистыхъ удобреній, всегда будетъ играть важную роль въ хозяйствѣ. Задача хозяина въ томъ и состоитъ, чтобы наидешевѣйшимъ образомъ собрать азотъ съ большой поверхности земли, сконцентрировать въ навозѣ и употреблять тамъ, гдѣ нужно. Это есть основное, самое важное положеніе хозяйства, котораго не знаетъ редакторъ „Руси“. Въ томъ-то его и ошибка. Впрочемъ, это всегда такъ бываетъ, когда люди, не изучившіе основательно науки и дѣла, прочитавъ нѣсколько популярныхъ книжекъ, легкомысленно начинаютъ примѣнять науку вкривь и вкось для подкрѣпленія своихъ мнѣній. Должно быть, это уже время такое у насъ, что даже серьезные, повидимому, люди ограничиваются лишь чтеніемъ популярныхъ книжонокъ. Нѣтъ, господинъ Аксаковъ, если вы желаете трактовать о такихъ важныхъ вопросахъ, какъ поднятіе хозяйства страны, то поступите сначала въ школу, поработайте въ лабораторіяхъ, позаймитесь хозяйствомъ. Доказывайте, пожалуй, что крестьянскіе надѣлы достаточны, если это ваше убѣжденіе, но не прибѣгайте для этого къ наукѣ, которой не знаете.

Еслибы вы только могли знать, какъ смѣшны, чтобы не сказать больше, ваши химическія и агрономическія разсужденія въ „Руси“, произнесенныя притомъ такимъ аррогантнымъ тономъ! Толки объ искусственныхъ тукахъ и о томъ невозможномъ значеніи, какое имъ придала „Русь“, вызвали въ „Земледѣльческой Газетѣ“ № 26 1881 г. прекрасную статью объ этомъ предметѣ. Совѣтуемъ редактору „Руси“ прочитать эту статью: она довольно популярно написана.

Однако, какъ бы тамъ ни было, но искусственные туки имѣютъ громадное значеніе какъ *подсобное* удобреніе, и примѣненіе ихъ въ хозяйствѣ можетъ имѣть важное значеніе. Но, говоря объ искусственныхъ тукахъ, мы можемъ говорить только о минеральныхъ тукахъ, между которыми самую важную роль играетъ фосфорная кислота. Дѣй-

ствительно, при культурѣ хлѣбовъ извлекается изъ почвы фосфорная кислота, запасы которой въ почвахъ не особенно велики. Эта фосфорная кислота накопляется въ зернахъ, при продажѣ которыхъ вывозится изъ хозяйствъ, черезъ что почва истощается. Это несомнѣнно вѣрно, и понятно, что для пополненія извлеченной изъ почвъ фосфорной кислоты слѣдуетъ употреблять искусственные туки, приготовленные изъ костей, фосфоритовъ и тому подобныхъ богатыхъ фосфорною кислотою матеріаловъ. Нѣмцы такъ и дѣлаютъ, и у нихъ искусственные туки, именно фосфорнокислые туки, получили громадное значеніе, употребляются въ громадномъ количествѣ, какъ подсобное удобреніе, что, однако, не исключаетъ употребленія и навоза. Нѣтъ сомнѣнія, придетъ время, и у насъ будутъ употреблять фосфорнокислые туки. Я не сомнѣваюсь даже, что и теперь, можетъ быть, выгодно сдабривать навозъ суперфосфатомъ для усиленія его дѣйствія. И не я, конечно, стану отрицать пользу производства практическими хозяевами опытовъ употребленія суперфосфатовъ и другихъ искусственныхъ туковъ. Суперфосфаты имѣютъ свое значеніе, но не они могутъ поднять наше упавшее хозяйство.

Каюсь, во время оно, я самъ придавалъ фосфорнокислымъ тукамъ слишкомъ большое значеніе и, не будучи знакомъ съ положеніемъ нашего хозяйства, думалъ, что стоитъ только изыскать способы дешево приготовлять эти туки, чтобы они вошли въ употребленіе. Почвы наши истощены относительно фосфорной кислоты, вслѣдствіе постояннаго вывоза хлѣбовъ, думалось мнѣ, поэтому удобреніе фосфорнокислыми туками должно быть полезно и необходимо для поправленія нашихъ истощенныхъ почвъ. Но если это такъ, то, казалось, стоило только найти способы приготовленія туковъ, чтобы они распространились. Въ то время я не могъ вполнѣ оцѣнить все значеніе положеній профессора Стебута, который, въ своей магистерской дисертаціи, проводилъ мысль о необходимости примѣненія у насъ прежде всего выгонной системы, введенія травосѣянія, известкованія и фосфорнокислымъ тукамъ большого значенія не придавалъ.

Много лѣтъ и много труда положилъ я на разработку вопроса о фосфорнокислыхъ тукахъ. Откуда взять фосфорной кислоты? Прежде всего—кости. Костей у насъ много, кости пропадаютъ безъ пользы, кости вывозятся за-границу. Для того, чтобы кость вошла въ употребленіе, нужно было изыскать практическіе способы приготовленія костянаго удобренія и притомъ такіе, которые бы давали каждому возможность приготовлять удобреніе изъ костей у себя дома. За-границей костяную муку для удобренія приготовляютъ механическими способами на спеціально для того устроенныхъ заводахъ; при

этомъ способѣ, необходимо кости, разбросанныя повсемѣстно, собрать, свезти въ извѣстные пункты на заводы, передѣлать муку и эту муку отправить въ хозяйство, то есть туда, откуда были привезены кости. Каждому понятно, что вся эта процедура страшно увеличитъ цѣнность препарата, и дѣйствительно, кости по деревнямъ можно скупить копѣекъ по 10 за пудъ, а приготовленная изъ нихъ костяная мука возвратится обратно въ деревни уже только за цѣну въ 1 рубль, даже въ 1 руб. 50 коп. за пудъ. Между тѣмъ, еслибы былъ дешевый способъ превращать кости въ удобреніе тутъ же, у себя дома, въ деревнѣ, безъ содѣйствія механическихъ заводскихъ приспособленій, то костяное удобреніе обошлось бы хозяину много дешевле, потому что не было бы расходовъ на собираніе костей, свозку ихъ въ извѣстные пункты, перевозку обратно муки, причемъ кости должны пройти много рукъ и всѣ эти руки должны получить что нибудь. Нужно было отыскать такой способъ приготовленія костяного удобренія, который давалъ бы возможность каждому мелкому хозяину, каждому крестьянину и такимъ образомъ передѣлать въ маломъ видѣ на удобреніе то небольшое количество костей, какое онъ можетъ собрать. Профессоръ Ильенковъ обратилъ вниманіе на возможность разлагать кости ѣдкими щелочами и такимъ образомъ далъ основаніе для требуемаго способа. Я изслѣдовалъ дѣйствіе щелочей на кости при различныхъ условіяхъ и нашелъ удобный способъ разложенія костей посредствомъ поташа или золы и извести, для приготовленія тука, богатаго фосфорною кислотою и, кромѣ того, содержащаго известь, щелочи, азотистыя вещества, амміакъ. Самъ Либихъ хорошо отозвался объ этомъ новомъ способѣ приготовленіи костяного удобренія. Разъ найденъ удобный практическій способъ, посредствомъ котораго каждый, какъ бы ни было мало количество костей, имѣющихся въ его распоряженіи, можетъ самъ у себя дома, въ кадочкѣ, приготовить изъ этихъ костей тукъ, то нелѣпо было бы собирать кости, продавать ихъ на заводы, получать дорогую костяную муку. Нѣтъ сомнѣнія, *что, когда придетъ время* употреблять костяное удобреніе, то его и будутъ приготовлять по предложенному мною способу въ самыхъ хозяйствахъ.

Я произвелъ цѣлый рядъ опытовъ, добился практическаго способа приготовленія костяного удобренія, способа, особенно пригоднаго для *мелкихъ* хозяйствъ, всѣми силами старался пропагандировать этотъ способъ, *но время еще не пришло и способъ мой остался безъ примѣненія.*

Но костей вообще нельзя собрать много; костями нельзя восполнить ту убыль фосфорной кислоты въ почвахъ, которая происходитъ отъ постояннаго вывоза изъ хозяйствъ хлѣбовъ. Природа представ-

ляетъ намъ другой источникъ фосфорной кислоты—это залежи фосфорнокислыхъ минераловъ — апатитовъ, фосфоритовъ и т. п., которые могутъ замѣнить кости для приготовленія фосфорно-кислыхъ туковъ. Естественно, что отъ костей я перешелъ къ изслѣдованію русскихъ фосфоритовъ, о существованіи залежей которыхъ въ губерніяхъ Курской и Воронежской уже имѣлись нѣкоторыя свѣдѣнія. Я занялся изслѣдованіемъ русскихъ фосфоритовъ и много поработалъ надъ этимъ вопросомъ. Я изъѣздилъ нѣсколько губерній, изслѣдовалъ залежи фосфоритовъ въ губерніяхъ: Смоленской, Орловской, Курской, Воронежской. При содѣйствіи моихъ учениковъ, я изслѣдовалъ фосфориты тамбовскіе, нижегородскіе, московскіе, нашелъ фосфориты подъ самой Москвой, на берегу рѣки Москвы, близь деревни Хорошева, сдѣлалъ десятки анализовъ фосфоритовъ, сопровождающихъ ихъ породъ, окаменѣлостей и пр., сравнилъ наши русскіе фосфориты съ суфолькскими и арденскими. Изъ всѣхъ этихъ изслѣдованій я пришелъ къ убѣжденію, что у насъ имѣются такіе запасы фосфоритовъ, что никогда не можетъ быть недостатка въ матеріалѣ, для приготовленія фосфорнокислыхъ туковъ. Наше земледѣліе навсегда обезпечено въ этомъ отношеніи и мы имѣемъ неисчерпаемые источники для удобренія, такъ что бояться истощенія намъ нечего. Громаднѣйшія залежи фосфоритовъ у насъ тянутся на сотни верстъ и эти драгоцѣнныя въ будущемъ для хозяйства камни, употребляются для мощенія дорогъ (Брянское шоссе, шоссе между Орломъ и Курскомъ вымощены фосфоритами), для мощенія улицъ, для бута при постройкахъ, для фундаментовъ, сельскихъ построекъ. Пыль на нѣкоторыхъ шоссе, уличная пыль въ Курскѣ есть порошокъ фосфорной кислоты. Послѣ моихъ изслѣдованій составилась компанія для разработки фосфоритовъ и приготовленія изъ нихъ туковъ, и устроился заводъ около Курска. Въ этомъ дѣлѣ я никакого участія не принималъ и объ участи завода ничего не знаю.

Фосфоритные туки, однако, не пошли, потому что время для нихъ еще не наступило, но опять-таки, какъ и относительно костей, я не сомнѣваюсь, что наши фосфориты будутъ имѣть громадное значеніе въ будущемъ, когда земледѣліе наше подымется, когда земли наши будутъ приведены въ культурное состояніе, когда хозяйство выльется въ опредѣленныя формы, когда прекратится теперешнее хищничество, гдѣ каждый старается выхватить что можно, точно опасаясь, что вотъ-тотъ ухватитъ другой.

Не для хвастовства разсказалъ я здѣсь о своихъ изслѣдованіяхъ костей и фосфоритовъ, а для того, чтобы не подумали, что я оспариваю мнѣнія „Руси“ такъ себѣ, зря. Не зря говорю я. Я имѣю

право говорить и говорю о дѣлѣ, надъ которымъ потрудился самъ. Я давно, очень давно, когда г. Аксаковъ еще не трубилъ объ виллевскихъ тукахъ и не доказывалъ, что при содѣйствіи этихъ туковъ даже кошачьи надѣлы будутъ давать достаточно хлѣба для пропитанія мужика, понималъ все значеніе фосфорнокислыхъ туковъ и, желая блага своей родинѣ, желая, чтобы она вѣчно славилась своими буйными хлѣбами, работалъ, искалъ матеріаловъ для удобрительныхъ туковъ. Искалъ и нашелъ, и знаю, какими богатствами мы обладаемъ. Болѣе даже, знаю, что нужно для того, чтобы эти богатства не лежали втунѣ. Я не только считаю себя въ правѣ, но и обязаннымъ разоблачить недоучекъ „Руси“, которые только пакостятъ науку, которые стараются затемнить ясный вопросъ о малоземельи, которые, идя въ разрѣзъ съ мужикомъ, работаютъ во вредъ своей родинѣ. Благо нашей родины зиждется на благосостояніи массы земледѣльцевъ; помѣщичье хозяйство, „grande culture“, не имѣютъ у насъ смысла, не имѣютъ „raison d'être“ и суть только тормозы для развитія хозяйства страны.

Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, судьба меня бросила въ деревню и я сдѣлался хозяиномъ. Я сѣлъ на хозяйство безъ капитала, въ небольшомъ сильно запущенномъ имѣніи въ 600 десятинъ. Я явился на хозяйство съ убѣжденіемъ, что земли наши, вслѣдствіе постоянной культуры хлѣбовъ, которые всегда вывозились изъ имѣній, сильно истощены относительно фосфорной кислоты и требуютъ фосфорнокислыхъ удобреній. Плохіе урожаи, которые я засталъ какъ въ своемъ имѣніи, такъ и у сосѣднихъ помѣщиковъ и крестьянъ, подтверждали это убѣжденіе. Я даже началъ съ того, что сталъ скупать кости, пережигалъ ихъ, мололъ и сдабривалъ полученной мукою навозъ. Скоро я бросилъ это—хотя не отрицаю и теперь полезности такого и подобнаго искусственнаго удобренія—потому что обратился къ экстенсивной системѣ хозяйства, которая имѣетъ смыслъ и значеніе для цѣлой территоріи и разработка которой, по моему мнѣнію, представляетъ общественный интересъ, такъ какъ эта система можетъ быть примѣнена всѣми, а не однимъ какимъ-нибудь лицомъ, хозяйство котораго состоитъ въ исключительныхъ условіяхъ.

Я нашелъ свое имѣніе въ слѣдующемъ состояніи: всей земли 450 хозяйственныхъ десятинъ въ 3,200 кв. саж.; изъ нихъ подъ пашней было только 66 десятинъ (около $^1/_7$), такъ что всего $^1/_7$ *часть земли была въ культурѣ,* хотя вся земля удобная. Затѣмъ, въ имѣніи было еще $97^1/_2$ десятинъ земли, которая когда-то пахалась; но потомъ была запущена, заросла березнякомъ. Изъ этихъ $97^1/_2$ десятинъ 42 были запущены уже давно (лѣтъ 40 тому), заросли берез-

някомъ и представляли порядочныя рощи, и $55^1/_2$ были запущены послѣ „положенія" и представляли или чистые облоги, или мелкія заросли. Естественныхъ луговъ по рѣчкѣ и оврагамъ было до 40 десятинъ, а остальная земля была подъ лѣсомъ и пустошами, которыхъ было до 40 десятинъ.

Вотъ въ какомъ состояніи находилось имѣніе въ 1871 году, когда я сѣлъ на хозяйство. Имѣніе мое не изъ худшихъ, не изъ самыхъ запущенныхъ, а среднее. То, что представляло мое имѣніе, представляютъ и окрестныя имѣнія. Вездѣ такъ. Вездѣ *количество земли, находящейся въ культурѣ, составляетъ лишь небольшую долю всей земли.* Затѣмъ, хорошо еще, если такое же количество земли находится подъ естественными лугами; остальное все облоги, пустоша, лѣса, пространства изъ-подъ вырубленныхъ лѣсовъ. Такія угодья представляютъ помѣщичьи земли. Только на крестьянскихъ надѣлахъ все распахано, за исключеніемъ неудобныхъ для культуры хлѣбовъ низинъ, которыя находятся подъ лугами. Если мы возьмемъ сумму всѣхъ земель, и господскихъ, и крестьянскихъ нашей губерніи, то увидимъ, что вся территорія представляетъ то же самое, что представляло мое имѣніе въ 1871 году: культивированныя земли (считая вмѣстѣ и крестьянскія, и господскія запашки) составляютъ лишь небольшую долю (много если $^1/_5$) всѣхъ удобныхъ земель, а затѣмъ необозримыя пространства дикихъ, не культивированныхъ земель: пустаковъ, зарослей, пустошей, выпустошенныхъ лѣсовъ и т. п. Что было въ моемъ имѣніи въ 1871 году, то и на всей территоріи. Мое имѣніе составляетъ извѣстную долю всей территоріи, и я полагаю, что только ту систему хозяйства можно будетъ назвать раціональною и для той только системы стоило работать, которая будетъ годна какъ для моего имѣнія, такъ и для всей территоріи, находящейся въ такихъ же условіяхъ.

Что долженъ былъ я дѣлать въ моемъ хозяйствѣ? Какую систему хозяйства долженъ былъ я ввести?

Слѣдовало ли мнѣ оставить пустовать всѣ эти облоги, заросли, пустоша и пр., пользуясь съ нихъ лишь тою скудною растительностію, какую они производили бы, оставаясь въ некультурномъ, дикомъ состояніи, и сосредоточиться на 56 десятинахъ, находившихся въ культурѣ, и вести на нихъ интенсивное хозяйство? Или слѣдовало распространиться по всей поверхности, вести экстенсивное хозяйство, привести въ культурное состояніе всю землю? Я думаю, что прежде всего слѣдовало бы привести въ культурное состояніе всю землю и потомъ уже можно перейти къ болѣе интенсивной системѣ. Такимъ путемъ я шелъ въ своемъ хозяйствѣ, такимъ путемъ иду

теперь и буду продолжать, и полагаю, что въ такомъ только случаѣ хозяйство можетъ служить образцомъ для всей территоріи. Все, что есть въ моемъ хозяйствѣ такого, что не можетъ быть обобщено, не годится для всей территоріи, не годится для всѣхъ хозяйствъ (считоя всѣ хозяйства въ суммѣ: и мужицкія, и господскія), не имѣетъ смысла, не представляетъ интереса ни для меня, ни для кого, не имѣетъ будущности, не можетъ упрочиться и служить ко благу всей территоріи.

Положимъ, что я, напримѣръ, оставилъ бы всю землю моего имѣнія въ дикомъ, некультивированномъ состояніи и завелъ бы такую систему хозяйства: со всей земли собиралъ бы траву, которая родится сама собою, безъ всякой культуры, скармливалъ бы эту траву скоту и весь навозъ складывалъ бы на одну десятину при усадьбѣ, и велъ на этой десятинѣ интенсивное хозяйство, разводилъ бы, напримѣръ, спаржу, шампиньоны, ананасы. Это было бы очень интенсивное хозяйство, оно могло бы быть очень выгодно для меня, но что толку было бы въ этой интенсивной системѣ хозяйства, какой интересъ могла бы она представлять и стоило ли бы работать надъ этимъ?

Отъ этой крайности пойдемъ далѣе. Положимъ, что, сѣвъ на хозяйство, я занялся бы культурою распаханныхъ уже 66 десятинъ и оставилъ остальную землю пустовать. Съ пустующихъ земель я пользовался бы покосами, выгонами или крестьянскимъ трудомъ, сдавая эти земли подъ уругу затѣсненнымъ на своихъ надѣлахъ крестьянамъ. На распаханныхъ же 66 десятинахъ завелъ бы интенсивную, многопольную, плодоперемѣнную систему съ сильнымъ удобреніемъ. Для того, чтобы имѣть много навозу, скупалъ бы сѣно, жмыхи завелъ бы винокуренный заводъ, на которомъ перерабатывалъ бы массы хлѣба и картофеля. Я имѣлъ бы массу корма, интенсивно кормилъ бы скотъ, получалъ бы огромныя количества молока и навоза, валилъ бы навозъ на 66 десятинъ земли, привелъ бы землю въ огородное состояніе, получалъ бы отличные урожаи. Допустимъ, что такое хозяйство было бы выгодно для меня; но затѣмъ, что толку въ этомъ интенсивномъ хозяйствѣ, какой общественный интересъ могло бы оно представлять? Что бы я ни сдѣлалъ, какихъ бы результатовъ ни достигъ, ни для кого, кромѣ меня, это ничего бы не значило. Ничего въ примѣръ съ меня не могли бы взять даже въ самой техникѣ моего хозяйства. Возьму простой примѣръ: я развожу племенной скотъ и веду интенсивное скотоводство; для того, чтобы имѣть хорошее, нѣжное сѣно, я кошу траву очень рано. Никто не станетъ отрицать, что такое сѣно превосходно, но нелѣпо бу-

детъ, если кто-нибудь станетъ утверждать, что всѣ такъ должны убирать сѣно. Нелѣпо было бы, если бы мы всѣ такъ убирали сѣно, потому что задача наша на сѣверѣ производить какъ можно болѣе клѣтчатки, производить массу корма, которую мы можемъ сдобрить концентрированными кормами, привезенными съ юга: хлѣбомъ, жмыхами и т. п. Баринъ, убирающій траву въ полномъ соку, поступаетъ менѣе раціонально (для общей экономіи страны), чѣмъ мужикъ, который ростить траву, чтобы имѣть большую массу сѣна. Точно также, для общей экономіи, раціональнѣе было бы, еслибы готовилось изъ молока, по русскому способу, топленое масло, которое употребляли бы всѣ съ кашей, чѣмъ еслибы готовилось парижское масло.

Наконецъ, редакторъ „Руси" думаетъ, что раціональнѣе было бы, еслибы я завелъ такую систему: главную массу земель оставилъ бы пустовать, траву съ нихъ продавалъ бы тѣмъ дуракамъ, которые содержать скотъ и удобряютъ поля навозомъ, уничтожилъ бы скотъ, какъ невыгодную статью въ хозяйствѣ, и завелъ бы интенсивную систему, съ удобреніемъ помощію искусственныхъ виллевскихъ туковъ. *Никакой ломки* въ хозяйствѣ, все осталось бы по старому: та же обработка, только вмѣсто навоза поля посыпаются искусственно приготовленными по наукамъ и агрономіямъ виллевскими туками, которые такъ облюбовалъ г. Аксаковъ. Главное дѣло, ни думать, ни соображать не нужно, всякій дуракъ можетъ хозяйничать: сдалъ землю крестьянамъ на обработку кругами, за уругу и покосы, купилъ на взятыя у земства въ кредитъ деньги виллевскихъ полныхъ туковъ, посыпалъ ими поля и дѣло въ шляпѣ—урожай самъ-15, загребай денежки. Допустимъ даже, что такое хозяйство съ виллевскими туками будетъ выгодно (чего, однако, на самомъ дѣлѣ не будетъ, и земство, открывъ кредитъ на туки для подобныхъ хозяйствъ, прогоритъ), но редакція „Руси" упустила изъ виду одну только малость: если всѣ заведутъ такія хозяйства, то азотистыхъ веществъ для удобренія (сѣрно-кислаго амміака, чилійской селитры) не хватитъ даже для одной только Смоленской губерніи. Нельзя, почтеннѣйшій господинъ, трактовать о подобныхъ вопросахъ, не поучившись химіи, хотя въ элементарной школѣ. Естественныя науки не то, что другое что-нибудь; тутъ измышленіями силы не возьмешь—*знаніе нужно*. Трубите, но на другой трубѣ.

Если имѣть въ виду только выгодность хозяйства въ данномъ случаѣ, то и интенсивное хозяйство съ разведеніемъ ананасовъ, спаржи, шампиньоновъ, и интенсивное хозяйство съ голландскимъ скотоводствомъ, травосѣяніемъ, прикупомъ кормовъ, винокуреніемъ—въ особенности если отводить спиртъ—и интенсивное хозяйство съ искус-

ственными туками могутъ быть выгодны, могутъ приносить выгоду хозяину. Когда дѣло идетъ о выгодѣ для хозяина, то и говорить нечего, хотя едва ли будетъ выгоднѣе употреблять свой капиталъ и интеллигентный трудъ на сельское хозяйство, чѣмъ на иные роды дѣятельности. Я полагаю, что гораздо выгоднѣе будетъ просто раздавать деньги въ займы, завести кабаки, арендовать казенныя земли большими участками и потомъ раздавать по мелочамъ крестьянамъ, которые, по глупости, все за землей лѣзутъ, или, наконецъ—въ особенности кому бабушка ворожитъ—служить въ банкѣ или даже хоть въ какой-нибудь палатѣ.

Но всѣ ли эти интенсивныя системы хозяйства имѣютъ какое-нибудь общее значеніе и могутъ быть образцами для хозяйства всей территоріи? Какой смыслъ въ томъ, что необозримыя пространства земли будутъ пустовать, принося ничтожную пользу тою скудною растительностью, которую производятъ сами собою, безъ всякой культуры, одичавшія земли, а на маленькихъ клочкахъ земли будетъ вестись интенсивная культура? Неужели не ясна вся нелѣпость подобной хозяйственной системы?

Не лучше ли было бы подумать о такой системѣ хозяйства, при которой бы земли не пустовали, но на всемъ ихъ пространствѣ *находились бы въ культурномъ состояніи?* Такая экстенсивная система хозяйства, разъ она устроена раціонально, безъ сомнѣнія, будетъ выгоднѣе для страны.

Когда я садился на хозяйство, то передо мной стоялъ вопросъ: оставить ли главную массу моей земли пустовать и на клочкѣ завести интенсивное хозяйство, или утилизировать всю землю, расшириться по поверхности, всю удобную землю привести въ культурное состояніе?

Я пошелъ этимъ послѣднимъ путемъ, я сталъ расширяться по поверхности и постоянно стремился наипростѣйшими, всѣмъ доступными средствами привести всю имѣющуюся въ моемъ распоряженіи землю въ культурное состояніе, утилизируя ее соотвѣтственно ея качествамъ. При этомъ оказалось, что вся эта масса пустующихъ у насъ земель вовсе не представляетъ безплодныхъ земель; это одичавшія безъ культуры земли, которыя, оставаясь въ дикомъ состояніи, въ залежи, накопили въ себѣ такой запасъ питательнаго матеріала, что, будучи подняты, даютъ тотчасъ же превосходнѣйшіе урожаи, какихъ и при интенсивномъ хозяйствѣ можно достигнуть только съ большимъ трудомъ, да и то не вдругъ. Я привелъ выше примѣръ того, что запущенная, одичавшая земля, не производившая ничего полезнаго, поросшая мхомъ и щетиной, будучи воздѣлана, дала прекрас-

ный урожай льна и затѣмъ урожай хлѣба самъ-13, такой урожай, какого, при томъ же трудѣ и удобреніи, невозможно получить на старопахатныхъ земляхъ.

Опытъ моего хозяйства убѣдилъ меня, что въ этихъ, повторяю, необозримыхъ пространствахъ заброшенныхъ, пустующихъ земель, *втунѣ лежатъ громадныя богатства*, которыя легко, съ небольшою сравнительно затратою, извлечь на пользу общую. Мы бѣдны, у насъ нѣтъ хлѣба, нѣтъ денегъ, а между тѣмъ въ пустующихъ земляхъ громадныя богатства лежатъ втунѣ. Порядокъ ли это?

Система хозяйства, которую я веду, есть многопольная, съ оставленіемъ земли подъ травами на долгій срокъ. Въ этой системѣ хлѣба чередуются съ травами, между которыми главную роль играетъ клеверъ. Но, мало того, я считаю въ извѣстныхъ случаяхъ раціональнымъ ввести въ полевую систему клуьтуру *лѣса*, такъ чтобы систематически хлѣбъ чередовался съ лѣсною зарослью. Напримѣръ, по одной системѣ, хлѣбъ воздѣлывается нѣсколько лѣтъ, затѣмъ засѣваются травы и земля на извѣстное число лѣтъ оставляется подъ травой, потомъ опять поступаетъ подъ хлѣбъ; по другой системѣ, послѣ хлѣба земля обсѣвается березой и стоитъ извѣстное число лѣтъ подъ березовою зарослью, а потомъ опять воздѣлывается подъ хлѣбъ.

При обиліи земель, такія экстенсивныя системы съ травами или березовыми зарослями совершенно раціональны. Чѣмъ оставлять земли пустовать безъ всякаго порядка, лучше вести на нихъ систематически даже хлѣбно-лѣсное хозяйство. Инымъ это можетъ показаться смѣшнымъ, но я утверждаю, что въ извѣстныхъ случаяхъ введеніе систематической культуры березы, которая въ системѣ будетъ занимать мѣсто клевера, можетъ быть очень раціонально. Такая, напримѣръ, система: ленъ, паръ безъ удобренія, рожь, овесъ, береза на пятнадцать лѣтъ, покосъ послѣ корчевки и затѣмъ опять ленъ и т. д.

Въ моемъ имѣніи, въ старину, пахалось въ трехъ поляхъ 163$^1/_2$ десятины. Въ 1871 году, я нашелъ въ обработкѣ всего 66 десятинъ, остальныя 97$^1/_2$ были запущены и заросли березнякомъ, 42 десятины были запущены давно и представляли березовыя рощи, 55$^1/_2$ десятинъ были запущены недавно, послѣ положенія, и представляли мелкія заросли. Я началъ съ разработки этихъ 55$^1/_2$ десятинъ. Производилась эта разработка такъ: гдѣ березнякъ былъ уже довольно рослый, его корчевали, что производилось легко, такъ что хозяйственную десятину выкорчевывали въ 30 дней; гдѣ березнякъ былъ мелокъ, его прямо подрубали. Мелкій березнякъ, прутья, сучья сожигались тутъ же на мѣстѣ; изъ болѣе крупнаго березняка выбирались дрова и этими дровами корчевка окупалась. Во время корчевки мѣсто на-

ходилось всегда подъ выгономъ для скота; на слѣдующій же годъ послѣ корчевки, особенно тамъ, гдѣ березнякъ былъ густъ и рослъ, появлялась прекрасная трава, при скосѣ которой получалось не менѣе 15 копъ сѣна съ хозяйственной десятины. Обыкновенно такой укосъ получался лишь первый годъ, какъ показали оставленные для опыта участки; слѣдующіе годы укосы были уже гораздо хуже и затѣмъ выкорчеванный участокъ давалъ такіе же скудные урожаи травъ, какъ и обыкновенныя чистыя облоги.

Взявъ послѣ корчевки одинъ укосъ, участокъ поднимали и по пласту сѣяли ленъ. Послѣ льна земля оставалась въ пару, слегка удабривалась навозомъ и засѣвалась рожью; послѣ ржи слѣдовалъ ленъ или овесъ, и земля поступала въ общій введенный у меня 15-ти-польный сѣвооборотъ: 1) паръ, 2) рожь, 3) яровое, 4) паръ, 5) рожь, 6) яровое, 7) паръ, 8) рожь, 9) трава (клеверъ съ тимоѳеевкой), 10) трава, 11) трава, 12) трава, 13) трава, 14) трава (первые года на укосъ, потомъ на выгонъ), 15) ленъ. На распаханныхъ вновь земляхъ, безразлично, были ли это чистыя облоги или заросшія болѣе или менѣе крупнымъ березнякомъ, *всегда получались превосходнѣйшіе урожаи льна ржи.* Урожаи ржи, даже при слабомъ удобреніи навозомъ, достигали иногда самъ-12 при посѣвѣ $1^1/_2$ четверти на хозяйственную десятину. Такихъ урожаевъ, какіе получались на вновь распаханныхъ земляхъ, я никогда не получалъ даже при сильномъ удобреніи на старопахатныхъ земляхъ, которыя засталъ въ обработкѣ въ 1871 году.

Для примѣра, приведу результаты разработки одного участка въ 5 хозяйственныхъ десятинъ.

Эти пять десятинъ были запущены, должно быть, тотчасъ послѣ „Положенія", потому что на нихъ былъ уже порядочный березнякъ.

Въ 1876 году, участокъ былъ выкорчеванъ. Зимою 1876—77 года выбраны дрова, весною 1877 сучья сложены въ кучахъ и участокъ окончательно подчищенъ.

Въ 1877 году съ участка снято 75 копъ прекраснаго сѣна, по дешевой цѣнѣ считая, на 75 р.

Осенью 1877 года участокъ поднятъ шведскими плужками.

Въ 1878 году по пласту посѣянъ ленъ.

Получено:	льняного сѣмени $23^1/_2$ четверти на	235 р.
	льна намято 165 пудовъ на . . .	330 „
	Всего съ 5 десятинъ на	565 „

Зимою 1878—79 года на участокъ вывезено по 107 возовъ навозу на десятину, лѣтомъ 1879 года онъ подвергнутъ паровой обработкѣ и засѣянъ рожью по $1^1/_2$ четверти на десятину.

Въ 1881 году съ участка было взято:

ржи 71 четверть на 994 р.
ржаной соломы 1,136 пудовъ на . 113 „

Всего на 1,107 „

Въ 1881 году, три десятины участка были вновь засѣяны льномъ, который вышелъ очень хорошъ, даже лучше, чѣмъ въ 1878 году и 2 десятины засѣяны овсомъ, который былъ посредственный, но не хуже, чѣмъ на остальныхъ десятинахъ того же поля.

Такимъ образомъ, *за три года съ участка въ 5 десятинъ, въ видѣ сѣна, льна и ржи, получено на 1,747 руб. или по 349 р. съ десятины.*

Чего еще лучшаго желать!

И послѣ этого участокъ остался въ обработанномъ видѣ, далъ прекрасный урожай ярового, земля на немъ не хуже, чѣмъ на старопахатныхъ десятинахъ. Обработанный участокъ теперь поступилъ въ общій сѣвооборотъ и послѣ двухъ оборотовъ ржи будетъ засѣянъ клеверомъ съ тимоѳеевкой, останется подъ травой шесть лѣтъ и затѣмъ вновь поступитъ подъ ленъ.

Вмѣсто того, чтобы пустовать, давать ничтожные укосы травы и производить лозу и березнякъ, участокъ принесъ огромное количество сѣна, льна, хлѣба, соломы и сдѣлался производительнымъ. Участокъ этотъ слишкомъ хорошъ, слишкомъ удобенъ для того, чтобы быть подъ лѣсомъ. Я нахожу болѣе выгоднымъ, чтобы онъ былъ подъ хлѣбами и клеверомъ, причемъ онъ будетъ постоянно въ культурѣ и, слѣдовательно, потребуетъ удобренія. Но еслибы даже, по недостатку навоза или другимъ причинамъ, нельзя было продолжать культуру этого участка въ общей системѣ хозяйства, то, взявъ съ него послѣ корчевки сѣно, ленъ, рожь безъ навоза, яровое, стоило бы только оставить участокъ обсѣмениться березнякомъ, что въ нашихъ мѣстахъ, при обиліи березовыхъ рощъ, совершается очень быстро, и запустить подъ березнякъ. Черезъ 15 лѣтъ участокъ опять могъ бы быть воздѣланъ подъ ленъ и хлѣба.

Вотъ какіе результаты даетъ разработка пустующихъ облогъ. Спрашивается теперь, неужели же я долженъ былъ оставить пустовать эти земли, съ которыхъ такъ легко и съ такимъ малымъ трудомъ можно получить массу льна и хлѣба? Неужели же я долженъ былъ оставить втунѣ богатства, которыя накопились въ брошенной зря послѣ „Положенія“ землѣ за то время, пока она пустовала? Неужели же я долженъ былъ, вмѣсто того, чтобы пустить въ ходъ эти втунѣ лежащія богатства, вести на старой землѣ интенсивное хозяйство съ искусственными виллевскими туками?

Не говоря уже о томъ, что описанная система хозяйства возможна, тогда какъ система, основанная на употребленіи виллевскихъ туковъ, невозможна, ибо азотистыхъ туковъ не хватитъ на одну Смоленскую губернію, спрашиваю еще, *гдѣ доказательства*, что на старопахатныхъ земляхъ, при содѣйствіи туковъ, получатся при тѣхъ же затратахъ такіе урожаи, какіе получаются при разработкѣ пустаковъ? Пусть редакторъ „Руси" докажетъ на дѣлѣ, что участокъ земли въ 5 десятинъ изъ среднихъ крестьянскихъ земель дастъ, при удобреніи виллевскими туками, такіе же урожаи.

Моему примѣру послѣдовали сосѣдніе крестьяне. Они тоже стали брать въ заброшенныхъ имѣніяхъ облоги и сѣять на нихъ ленъ и рожь. Тѣ деревни, которыя поняли, какую Калифорнію представляютъ облоги, теперь всегда съ хлѣбомъ, заправились конями, скотомъ, и богатѣютъ.

Въ моемъ предыдущемъ (X) письмѣ я описалъ „Счастливый Уголокъ", гдѣ крестьяне стали жить на счетъ облогъ. *Само собою разумѣется*, что мужикъ, снявъ землю въ господскомъ имѣніи на годъ, на два, сѣетъ на ней ленъ, рожь, овесъ, безъ удобренія, выпахиваетъ, вытягиваетъ изъ нея все, что можно, и тащитъ на свой надѣлъ, который удобряетъ самымъ тщательнымъ образомъ. Иначе мужикъ съ *чужой землей* и поступать не можетъ. Но еслибы эта земля была его, мужицкая, то онъ поступилъ бы съ ней такъ же, какъ и я, сталъ бы ее удобрять, ввелъ бы многопольную систему съ посѣвомъ клевера и проч. „Мужикъ хоть и сѣръ, да не чортъ у него умъ съѣлъ". Мужикъ вовсе не такъ глупъ, какъ думаетъ газета „Русь", въ каждой строчкѣ хозяйственныхъ измышленій которой сквозитъ полнѣйшее презрѣніе къ мужику, незнающему виллевскихъ туковъ и нѣмецкихъ агрономій. Мужикъ хоть и не читалъ популярныхъ книженокъ, изъ которыхъ вы черпаете вашу премудрость, но понимаетъ по хозяйству и *около земли* побольше васъ. Да оно и понятно: мужикъ не на жалованьи живетъ, а отъ земли-матушки.

Въ теченіи 10 лѣтъ, я распахалъ всѣ $55^1/_2$ десятинъ облогъ и пустилъ лежащее въ нихъ богатство въ оборотъ. И труда затрачивалось немногимъ болѣе, чѣмъ прежде, потому что, распахивая облоги, я въ тоже время засѣвалъ старопахатныя земли клеверомъ съ тимофеевкой. Количество ежегодно высѣваемой ржи и ярового не увеличилось, но увеличилось количество корма, а, слѣдовательно, увеличилось количество навоза, потому что на мѣстѣ ничего не производившихъ облогъ явились клеверныя поля.

Клеверъ на старопахатныхъ земляхъ родится отлично. Мнѣ случалось первый годъ получать до 50 возовъ съ десятины. Во второй

годъ получается отличный урожай тимоѳеевки. Потомъ, по мѣрѣ того, какъ клеверъ и тимоѳеевка начинаютъ выпадать, появляются мелкія сладкія травы и бѣлый клеверъ. Черезъ 6 лѣтъ я подымаю клеверныя поля подъ хлѣбъ и, такимъ образомъ, пока я раздѣлалъ всѣ пустаки, у меня уже поспѣли къ подъему клеверныя поля. Земля тѣмъ временемъ уже *перелловѣла*, *накопила питательный матеріалъ*, и даетъ теперь послѣ клевера прекрасные урожаи льна и хлѣба. *Хлѣбъ послѣ клевера родится лучше, чѣмъ на старопахатныхъ земляхъ.*

При обиліи у насъ земли, теперь пустующей непроизводительно, такой сѣвооборотъ съ посѣвомъ травъ на долгій срокъ превосходенъ.

Въ 10 лѣтъ я удвоилъ количество пахатной земли (было 66 десятинъ, теперь $121^1/_2$), но все-таки и теперь у меня въ культурѣ находится лишь немного болѣе $^1/_4$ всей имѣющейся земли. Какимъ же образомъ утилизировать остальную землю?

Луга по рѣкѣ и рвамъ такъ и должны остаться лугами, земля эта другого назначенія получить не можетъ, потому что для хлѣбопашества неудобна. Для улучшенія этихъ луговъ, я очистилъ ихъ отъ зарослей лозняка, осушилъ канавами и проч. Луга эти даютъ порядочные укосы сѣна, хотя и плохого качества, осоковатаго, кислаго, годнаго только для лошадей. Конечно, луга могутъ быть еще улучшены, но я считаю это дѣломъ преждевременнымъ, такъ какъ луга эти и теперь достаточно производительны, а у меня еще много такихъ земель, которыя менѣе ихъ производительны.

Затѣмъ остаются пустоша и лѣса. Пустоша — это пространства изъ-подъ лѣсовъ, раздѣланныя на покосы. Раздѣлка эта производится такъ: если мѣсто высокое, то въ рубкѣ лѣса, ломъ и сучья выжигаются и сѣется хлѣбъ (пшеница, ячмень), послѣ чего лядо поступаетъ подъ покосъ; если же мѣсто низкое, то оно прямо разбирается на покосъ, причемъ сучья и ломъ сожигаются въ грудахъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ пни отъ срубленныхъ деревьевъ остаются на мѣстѣ, пока сами собой не выгніютъ, и трава косится между пнями. На пустошахъ сначала травы родятся хорошо, но потомъ мало-помалу выраживаются и даютъ, особенно по высокимъ мѣстамъ, лишь скудные укосы; у насъ вообще замѣчено, что на пустошахъ травы родятся порядочно лишь до тѣхъ поръ, пока не выгніютъ пни. Послѣ того, укосы получаются ничтожные, пустоша заростаютъ щетиной и куманицей и представляютъ лишь скудные выгоны; въ особенности плохо родятся травы на пустошахъ, которыя постоянно находятся подъ выгономъ и никогда не косятся, потому что скотъ выѣдаетъ хорошую траву, а вслѣдстіе этого еще сильнѣе разростается плохая,

несъѣдобная; тутъ тоже явленіе, какъ при полкѣ огородовъ, гдѣ вырываютъ сорную траву, чтобы она не глушила овощей, только скотъ полетъ обратно, съѣдаетъ хорошую траву и черезъ это способствуетъ росту худой, несъѣдобной.

Въ моемъ имѣніи есть изрядное количество пустошей разнаго рода, и старыхъ, на которыхъ уже травы выродились, и свѣжихъ; наконецъ, ежегодно раздѣлываются новыя пустоши. Въ другихъ имѣніяхъ пустошей еще болѣе, чѣмъ у меня, и есть такія мѣстности, въ которыхъ всѣ покосы на пустошахъ; наконецъ, такъ называемыя „отрѣзки", „зацѣпки", то есть земли, бывшія до „Положенія" въ пользованіи крестьянъ, а теперь отъ нихъ отрѣзанныя, все это тоже пустоши. Вообще, пустоши у насъ составляютъ главную массу земельныхъ угодій. Какъ утилизировать эти пустоши—вотъ вопросъ, который, по моему мнѣнію, очень важенъ.

При раздѣлкѣ облогъ, запущенныхъ полей, меня особенно поражалъ тотъ фактъ, что *всякія облоги*, косились ли они до того или нѣтъ, были ли чисты или заросли березнякомъ, *все равно*, безразлично давали одинаково великолѣпные урожаи льна и хлѣба. Даже такія облоги, которыя давали самые скудные урожаи травъ, такъ что и косить не стоило, будучи подняты, давали прекрасные урожаи льна и въ особенности хлѣба. Фактъ весьма замѣчательный, который показываетъ, *что облоги даютъ скудные укосы травъ не оттого, что онѣ истощены* вслѣдствіе ежегоднаго скоса травы и увоза сѣна — питательнаго матеріала въ почвѣ, значитъ, достаточно, если получаются такіе великолѣпные урожаи льна и хлѣба—а оттого только, что земля задичала, оплотнѣла, задернѣла. Если такія выкосившіяся облоги даютъ при распашкѣ ихъ отличные урожаи хлѣба, то почему же не будетъ того же самаго на пустошахъ? А если при разработкѣ пустошей будутъ получаться такіе же урожаи, какіе получаются на облогахъ, то культура пустошей будетъ очень выгодна.

Производительность пустоши ничтожна: это плохой покосъ и плохой выгонъ. Поднимаемъ пустоши, сѣемъ ленъ, рожь, по ней клеверъ съ тимоѳеевкой и запускаемъ подъ покосъ и выгонъ на нѣсколько лѣтъ, чтобы опять потомъ поднять подъ ленъ. Система сѣвооборота такая: ленъ, паръ безъ удобренія, рожь, трава на нѣсколько лѣтъ, опять ленъ и. т. д. Если же бы оказалось невыгоднымъ сѣять послѣ ржи травы, то слѣдуетъ принять такую самоудобрительную систему, при которой почва *удобрялась бы насчетъ подпочвенныхъ слоевъ*. Для этого, поднявъ пустошь, взять съ нея ленъ, рожь, овесъ и потомъ обсѣменить или дать обсѣмениться березой и запустить подъ березнякъ лѣтъ на 15. Затѣмъ выбрать дрова и опять сѣять ленъ, рожь

и т. д. Система сѣвооборота такая: ленъ, паръ безъ удобренія, рожь, овесъ, березнякъ на 15 лѣтъ, ленъ и т. д. Въ то время, пока земля будетъ подъ березнякомъ, она удобрится насчетъ подпочвы опадающимъ листомъ и вліяніемъ атмосферическихъ дѣятелей. Въ сущности говоря, такая система и практикуется тамъ, гдѣ крестьяне занимаются полядками, срубаютъ мелкій березнякъ, сожигаютъ, сѣютъ одинъ хлѣбъ и вновь запускаютъ подъ березнякъ; только дѣлается это крестьянами неправильно, а такъ: что выхватилъ то и ладно.

На первый разъ, для испытанія, я распахалъ самый плохой пустошной участокъ, заросшій мхомъ и щетиной, наименѣе производительный изъ всѣхъ моихъ пустошей. Результатъ превзошелъ всѣ ожиданія; ко всеобщему удивленію, участокъ далъ прекрасный урожай льна и превосходнѣйшій урожай ржи—самъ-13. Вы представьте только себѣ: пустошь, совершенно пустая земля, ничего не приносящая и вдругъ на ней отличнѣйшая рожь самъ-13! И такихъ пустошей у насъ пропасть, видимо-невидимо, и цѣнность ихъ самая ничтожная—5, 10, 15 рублей десятина?

Въ настоящее время у меня есть довольно большая пустошь, десятинъ 20, на которой пни уже выгнили. Пустошь эта даетъ самые скудные укосы сѣна, 3—5 копъ съ десятины. Я ее началъ распахивать въ нынѣшнемъ году — пашется хорошо, гнилые пни и коренья выворачиваются легко — и заведу на ней систему сѣвооборота безъ удобренія, съ посѣвомъ травъ послѣ двухъ, трехъ хлѣбовъ. По мѣрѣ того, какъ будетъ разработываться одна пустошь, будутъ поспѣвать другія.

По вырубкѣ лѣса, я не оставляю вырубленныя пространства въ запустѣніи, но тотчасъ же разработываю ихъ на покосы. Я считаю въ высшей степени нераціональнымъ такія пространства изъ подъ лѣсовъ, въ которыхъ годами накопилась масса перегноя и почва очень плодородна, запускать опять подъ лѣса. Гораздо выгоднѣе тотчасъ же раздѣлывать эти пространства на луга, подъ хлѣбъ, и пускать въ культуру, а лѣса разводить на выпаханныхъ, истощенныхъ поляхъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, у насъ срублены громаднѣйшія пространства лѣсовъ и вся эта плодороднѣйшая земля брошена и заростаетъ всякой дрянью. Между тѣмъ, сколько сѣна, сколько хлѣба можно было бы получить съ этихъ земель, еслибы приложить къ нимъ хотя только тотъ трудъ, который прилагается теперь для обработки плохихъ, выпаханныхъ земель! *Нѣтъ хозяина* для этихъ превосходнѣйшихъ земель, и заростаютъ онѣ лозой и осинникомъ. *Нѣтъ хозяина,* такъ говоритъ и мужикъ.

Вырубленныя пространства я раздѣлываю, какъ обыкновенно: низ-

кія мѣста разбираются, выбираются прямо подъ покосъ, высокія мѣста выжигаются на лядa и засѣваются хлѣбомъ. Тутъ я сдѣлалъ только одно нововведеніе, которое дало прекрасные результаты: *на лядахъ по хлѣбу я сѣю клеверъ съ тимоѳеевкой. Это весьма важное усовершенствованіе при обработкѣ лядъ.* Клеверъ съ тимоѳеевкой превосходно родится на лядахъ. На другой годъ, послѣ снятія хлѣба, получается отличный урожай клевера, такъ что, несмотря на неудобство косить свѣжее лядо, гдѣ не выбиты еще мелкіе пенушки— большіе пни не мѣшаютъ — косить все-таки выгодно. Крестьяне охотно берутъ косить съ половины такой клеверъ на лядахъ. Такимъ образомъ, лядо *съ перваго же года послѣ снятія хлѣба дѣлается производительнымъ*; но этого мало: при косьбѣ, вмѣстѣ съ клеверомъ срѣзается и весь отростокъ, вся лѣсная поросль, такъ что лядо получается чистымъ и тотчасъ же образуется прекрасный покосъ. При обыкновенной же разработкѣ лядъ послѣ хлѣба, трава появляется не сейчасъ, такъ что годъ, два косить нечего и въ то же время идетъ отростокъ, лѣсная поросль, которую потомъ, когда появится трава, нужно вырубить, чтобы превратить лядо въ пустошной покосъ.

Не могу достаточно рекомендовать посѣвъ клевера на лядахъ; это самый лучшій способъ разработки пространствъ изъ подъ вырубленныхъ лѣсовъ. Я всѣмъ рекомендую этотъ способъ и стараюсь распространить его; подлѣ дороги, идущей по моимъ пустошамъ, я нарочно выжегъ два ляда; одно засѣялъ клеверомъ съ тимоѳеевкой, другое нѣтъ, чтобы проходящіе и проѣзжающіе могли видѣть разницу: одно лядо чисто, зелено, представляетъ прекрасный покосъ, другое поросло осинникомъ, между которымъ пробивается лишь скудная травка. Посѣвомъ клевера по лядамъ я достигъ нетолько хорошихъ пустошныхъ покосовъ, но и хорошихъ выгоновъ. Крестьяне очень интересуются такой обработкой лядъ и *понимаютъ всю выгоду ея*. Однако, примѣръ мой не находитъ подражателей: землевладѣльцы хозяйствомъ не интересуются и не занимаются, у крестьянъ же въ надѣлахъ лядъ нѣтъ, а, если крестьяне снимаютъ у помѣщиковъ на ляда пространства изъ подъ вырубленныхъ лѣсовъ, то, снявъ хлѣбъ, бросаютъ лядо на произволъ судьбы. Только одинъ крестьянинъ, купившій *въ собственность землю*, хочетъ разрабатывать лядо по моему способу: онъ выжегъ лядо, засѣялъ его рожью и просилъ меня выписать для него къ веснѣ сѣмянъ клевера и тимоѳеевки.

Вотъ система хозяйства, которую я принялъ, и думаю, что при обиліи земли, недостаточной разработкѣ ея, слабости пахатнаго слоя, никакой иной пока системы принять нельзя. Не естественнѣе ли,

при обиліи земли, прежде всего воспользоваться тѣми богатствами, которыя лежатъ въ ней втунѣ. Нужно вести экстенсивное хозяйство, но, конечно, *нужно вести его правильно*, не хищнически, не истощать громадное пространство земель для того, чтобы переудобрять отдѣльные клочки, а равномѣрно распредѣлять удобреніе по всей землѣ. Я распахиваю пустовавшія земли, извлекаю то, что накопилось въ нихъ подъ вліяніемъ атмосферическихъ дѣятелей и удобряю тѣ же земли, распредѣляя удобреніе въ правильной системѣ на всю находящуюся въ культурѣ землю. Я всю мою землю стараюсь привести въ культурное состояніе и сдѣлать въ то же время одинаковою по качеству, тогда какъ вообще въ нашихъ хозяйствахъ оставляютъ главную массу земель въ некультурномъ состояніи, извлекаютъ изъ нихъ что можно и на счетъ ихъ удобряютъ небольшіе кусочки. Въ этомъ вся разница между моимъ хозяйствомъ и хозяйствомъ цѣлой территоріи, хотя бы, напримѣръ, Сmоленской губерніи.

То, что въ маломъ видѣ представляло мое имѣніе, представляетъ и вся территорія, напримѣръ, Смоленской губерніи. Если мы соединимъ въ кучу всѣ земли, и помѣщичьи, и крестьянскія, будемъ разсматривать ихъ въ цѣлой совокупности и посмотримъ, какія угодья представляетъ вся территорія въ цѣлости, то найдемъ, что вся территорія представляетъ то, что представляло мое имѣніе до 1871 г. Угодья всей территоріи состоятъ изъ слѣдующихъ частей:

1) *Старопахатныя* земли, находящіяся въ культурѣ, удобряемыя и засѣваемыя хлѣбами. Эти единственно находящіяся теперь въ культурѣ земли (крестьянскіе надѣлы, небольшіе клочки пахатной земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, еще продолжающихъ вести хозяйство) *составляютъ лишь небольшую долю всей территоріи.*

2) *Облоги,*—запущенныя послѣ „Положенія" пахатныя земли, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ,—отрѣзанныя отъ крестьянъ полевыя земли. Количество такихъ запущенныхъ пахатныхъ земель, не находящихся въ постоянной правильной культурѣ, полагаю, будетъ вдвое болѣе, чѣмъ количество старопахатныхъ земель.

3) *Луга* по рѣкамъ, рѣчкамъ, оврагамъ, низины на крестьянскихъ надѣлахъ.

4) *Пустоша* помѣщичьи, „отрѣзки" отъ крестьянскихъ надѣловъ. Этотъ родъ угодій преобладающій, занимаетъ огромныя пространства. Есть мѣстности, въ которыхъ, кромѣ пустошныхъ, никакихъ другихъ покосовъ нѣтъ. Эти мѣстности болѣе всего страдаютъ недостаткомъ кормовъ, навоза и къ нимъ то моя система наиболѣе примѣнима.

5) *Пространства изъ подъ вырубленныхъ лѣсовъ,* большею частію брошенныхъ зря, и даже не разрабатываемыя на пустошные покосы

6) *Лѣса*, вырубаемые, опустошаемые, уничтожаемые вездѣ, гдѣ они имѣютъ какую-либо цѣнность.

Система хозяйства, которая ведется на всей совокупности этихъ земель, та же, какая велась въ моемъ имѣніи до 1871 г. Въ культурѣ находятся только *старопахатныя земли*, которыя удобряются навозомъ, получаемымъ изъ сѣна, собираемаго съ облогъ, луговъ и пустошей. Значительная часть этого сѣна поступаетъ на крестьянскіе надѣлы, потому что обыкновенно господскіе луга убираются крестьянами изъ части. Такъ какъ крестьяне для прокормленія своего скота (коней) неминуемо должны получать сѣно извнѣ (на надѣлахъ почти нѣтъ луговъ), и такъ какъ крестьяне хлѣба не продаютъ, но еще покупаютъ для собственнаго продовольствія, то съ крестьянскихъ надѣловъ ничего не вывозится, а, напротивъ, ввозится на нихъ извнѣ. *Возможностью такого ввоза со стороны обусловливается возможность крестьянскаго хозяйства*, и чѣмъ эта возможность болѣе, тѣмъ выше хозяйственная зажиточность крестьянъ. Гдѣ крестьяне почему-нибудь не могутъ ввозить извнѣ на свои надѣлы, тамъ хозяйство крестьянское въ упадкѣ, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ крестьяне должны вывозить, напримѣръ, продавать, для уплаты непомѣрныхъ платежей за землю, сѣно въ города или употреблять весь навозъ на конопляники и продавать пеньку, коноплю.

Всѣ эти, какъ господскія, такъ и крестьянскія, составляющія первый разрядъ угодій, *старопахатныя* земли удобряются на счетъ луговъ, облогъ и пустошей. Увидавъ, какую пользу можно извлечь изъ облогъ, мужики сильно взялись за распашку запущенныхъ помѣщичьихъ полей. Въ настоящее время всюду стали дѣлать то же самое, что я дѣлаю въ моемъ хозяйствѣ; крестьяне снимаютъ въ аренду облоги въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и сѣютъ на нихъ ленъ и хлѣбъ. Во многихъ имѣніяхъ хозяйство совсѣмъ прекращено, въ другихъ чрезвычайно ограничено и обработывается лишь такое количество земли, какое можно обработать за отрѣзки; свободныя же земли, уже отдохнувшія, снимаютъ крестьяне, распахиваютъ, выпахиваютъ и бросаютъ. Сходство между моимъ хозяйствомъ и хозяйствомъ всей территоріи ограничивается, однако, только тѣмъ, что, какъ я распахиваю запущенныя послѣ положенія поля, такъ и по всей территоріи распахиваются такія же поля, но далѣе начинается разница. Распахивая новыя земли, я ихъ *присоединяю* къ старопахатнымъ землямъ, *привожу въ культурное состояніе, ввожу* въ общую систему и, засѣвая новыя земли льномъ, хлѣбами, въ то же время засѣваю старыя земли травами, чтобы онѣ, оставаясь подъ травой, отдохнули и потомъ смѣнили новыя земли, когда тѣ, пробывъ извѣстное время подъ хлѣбами, поступятъ подъ

травы. На остальной же территоріи дѣлается не такъ; крестьяне, снявъ въ аренду новыя земли, распахиваютъ ихъ и засѣваютъ льномъ, хлѣбомъ до тѣхъ поръ, пока не истощатъ, а затѣмъ *бросаютъ*. Все, что извлекается съ этихъ земель, идетъ на удобреніе крестьянскихъ надѣловъ, за исключеніемъ небольшого количества почвенныхъ частицъ, продаваемыхъ съ льномъ, сѣменемъ и отчасти хлѣбомъ. Такимъ образомъ, часть земель истощается и на счетъ ея удобряется другая часть, на которой ведется болѣе интенсивное хозяйство. Слѣдовательно, распахиваемыя нови не *поступаютъ въ культуру* и, разъ выпаханныя, забрасываются, послѣ чего надолго остаются непроизводительными, пока не придутъ въ такое состояніе, чтобы быть годными для новой распашки; старыя же земли, хотя и удобряются на счетъ распахиваемыхъ новей, но не приносятъ того, что онѣ могли бы дать, не даютъ того, что даютъ у меня старыя земли, оставаясь извѣстное время подъ травами, пока распахиваются нови. Пространство земли, состоящее изъ старой пахоты и новей, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ у меня даетъ много болѣе, чѣмъ такое же пространство, состоящее изъ крестьянскихъ надѣловъ и арендуемыхъ ими новей. Все это происходитъ оттого, что *нови принадлежатъ однимъ лицамъ, а старыя земли другимъ*. Крестьяне не могутъ поступать такъ, какъ я, потому что арендуемыя ими земли *не ихъ земли,* даже не могутъ быть ими взяты въ аренду на *долгій срокъ*, не могутъ быть присоединены ими къ своимъ надѣламъ для *общей правильной систематической* культуры, какой слѣдую я. Естественно, что крестьяне истощаютъ арендуемыя чужія земли и на ихъ счетъ удобряютъ, скажу переудобряютъ, *свои* надѣлы. Понятно, что это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока земли, такъ или иначе, не попадутъ въ руки крестьянъ. *Крестьяне отлично понимаютъ все безобразіе такого хозяйства, всю невыгодность его для государства* и по своему выражаютъ это, говоря: Царю въ убытокъ, что земли пустуютъ, Царю въ убытокъ такой непорядокъ.

Пустошныя земли до сихъ поръ крестьянами подъ распашку въ аренду не берутся и снимаются для покосовъ; но тѣ пустошныя земли, которыя покупаются крестьянами въ *собственность,* ими распахиваются подъ хлѣбъ. Пространства изъ подъ вырубленныхъ лѣсовъ крестьяне охотно разбираютъ, если они годны на ляды, выжигаютъ, сѣютъ хлѣбъ, два, но потомъ бросаютъ, не засѣвая ихъ по хлѣбу травами, какъ это дѣлаю я.

Изъ всего этого мы видимъ, что по всей территоріи ведется *неправильное* хищническое хозяйство; крестьяне, снимая въ аренду земли на короткій срокъ, стараются только извлекать изъ этихъ *чу-*

жихъ земель все, что возможно, и понятно, что иначе крестьяне поступать не могутъ. Съ другой стороны, и помѣщики не находятъ возможности инымъ образомъ эксплуатировать свои земли.

Никакой кредитъ на виллевскіе туки тутъ не поможетъ, не помогутъ никакія школы, склады, выписки скотовъ и прочія затѣи. Единственное средство для поднятія нашего хозяйства, которое убыточно и для землевладѣльца, и для земледѣльца, это устроить дѣло такъ, чтобы земли перешли къ настоящему хозяину, къ мужику. Мужикъ съумѣетъ извлечь изъ нихъ пользу. Крестьяне все это отлично видятъ и понимаютъ, и съ часу на часъ ждутъ милости. Убѣждены крестьяне, что эта милость будетъ полнѣйшая, и они повсемѣстно *открыто* говорятъ объ этомъ.

Не изъ либерализма утверждаю что единственное средство для поднятія нашего хозяйства—это увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, вообще переходъ земли въ руки земедѣльцевъ. Не какъ „либералъ“, а какъ *хозяинъ*, говорю я, что у насъ до тѣхъ поръ не будетъ никакого хозяйственнаго порядка, что богатства наши будутъ лежать втунѣ, пока земли не будутъ принадлежать тѣмъ, кто ихъ работаетъ Мнѣ могутъ возразить, однако, почему же я не допускаю возможности поднятія хозяйства посредствомъ развитія помѣщичьихъ хозяйствъ, такъ называемой „grande culture“. На это я скажу, что „*grande culture*“ *возможна только при существованіи кнехта*, а у насъ такого кнехта нѣтъ или очень мало, да и *не желательно, чтобы онъ былъ*. Нельзя же считать десятокъ-другой процвѣтающихъ *до поры до времени* хозяйствъ, къ которымъ я причисляю и свое, и для которыхъ хватаетъ кнехтовъ. Ну что значатъ эти нѣсколько хозяйствъ среди массы запущенныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, которыя не даютъ дохода своимъ владѣльцамъ, безполезно для себя зажимаютъ крестьянъ, и заставляютъ ихъ *безплодно болтать* землю?

Крѣпостное право пало, вмѣстѣ съ нимъ пало и помѣщичье хозяйство. До 1861 года существовала извѣстная система. Помѣщикъ въ своемъ имѣніи былъ властелинъ извѣстнаго количества рукъ, имѣлъ въ своемъ полномъ распоряженіи извѣстную рабочую силу, которую могъ направлять, *какъ хотѣлъ*. При крѣпостномъ правѣ помѣщикъ хорошій хозяинъ устраивалъ обыкновенно свои отношенія такъ: крестьянамъ было отведено точно опредѣленное количество земли, которая обыкновенно такъ и называлась крестьянскою землею; крестьяне сами распоряжались этою землею, вели на ней свое хозяйство и за это доставляли, для работы на помѣщичьихъ поляхъ, извѣстное количество работниковъ съ лошадьми и орудіями и содержали этихъ работниковъ. Часть крестьянъ, *хозяева*, жили въ своей

деревнѣ, иногда верстъ за 20 и болѣе отстоящей отъ господскаго дома, вели свое хозяйство самостоятельно и были до извѣстной степени независимы; другая часть крестьянъ—*пригонщики*—съ лошадьми и орудіями жили на господскомъ дворѣ и производили всѣ работы на господскихъ поляхъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ страду, когда нужно было въ извѣстные моменты усилить число рабочихъ рукъ, дѣлались *сгоны*, при которыхъ являлись на работу всѣ хозяева. Зная точно количество рабочихъ рукъ и ихъ производительность, будучи полновластнымъ распорядителемъ этихъ рукъ, имѣя притомъ возможность въ извѣстные моменты увеличивать количество рукъ, помѣщикъ могъ вести свое хозяйство *совершенно правильно*. Это была система, и, чѣмъ правильнѣе были опредѣлены отношенія— а это такъ и было у помѣщика хорошаго хозяина того времени— тѣмъ правильнѣе шло хозяйство.

Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, вся эта система рушилась и сдѣлалась невозможною, и все хозяйство страны должно было принять новыя формы. Но естественно, что люди, сжившіеся съ извѣстными порядками, желали, чтобы эти порядки продолжались. Думали, что и послѣ освобожденія крестьянъ будутъ продолжаться тѣ же или подобные порядки, съ тою только разницей, что вмѣсто крѣпостныхъ будутъ работать вольнонаемные рабочіе.

Казалось, что все это такъ просто выйдетъ. Крестьяне получатъ небольшой земельный надѣлъ, который, притомъ, будетъ обложенъ высокой платой, такъ что крестьянинъ не въ состояніи будетъ съ надѣла прокормиться и уплатить налоги, а потому часть людей должна будетъ заниматься сторонними работами. Помѣщики получатъ плату за отведенную въ надѣлъ землю, хозяйство у нихъ останется такое же, какъ и прежде, съ тою только разницею, что вмѣсто пригонщиковъ будутъ работать вольнонаемные батраки, нанимаемые за оброкъ, который будетъ получать за отошедшую землю. Все это казалось такъ просто, да къ тому же думали, что, если станутъ хозяйничать по агрономіямъ, заведутъ машины, альгаузскихъ и иныхъ скотовъ, гуано и суперфосфаты, то хозяйство будетъ идти еще лучше, чѣмъ шло прежде, при крѣпостномъ правѣ. Въ началѣ было сдѣлано много попытокъ завести батрацкое хозяйство съ машинами и агрономіями, но всѣ эти попытки не привели къ желаемому результату. Чисто батрацкихъ хозяйствъ у насъ нѣтъ. „Grande culture" съ работающими въ хозяйствѣ вольнонаемными батраками оказалась невозможною, потому что она требуетъ безземельнаго *кнехта*, такого кнехта, который *продавалъ бы хозяину свою душу*, а такого кнехта не оказалось, ибо *каждый мужикъ самъ хозяинъ*. Количество обезземе-

мелѣвшихъ крестьянъ, бросившихъ хозяйство, слишкомъ мало для того, чтобы доставить контингентъ прочныхъ кнехтовъ для помѣщичьихъ хозяйствъ, и поглощается фабриками, заводами, городами, помѣщичьими хозяйствами въ качествѣ должностныхъ лицъ, а настоящаго-то *кнехта, сельскаго батрака*, *и нѣтъ*. А если нѣтъ прочнаго кнехта, то какъ же тутъ можетъ быть батрацкое хозяйство и какая-нибудь „grande culture"?

На выручку помѣщичьимъ хозяйствамъ пришло — но только *временно*—то обстоятельство, что крестьяне получили малое количество земли и, главное, должны были слишкомъ много платить за нее. Земли у мужика мало, податься некуда, нѣтъ выгоновъ, нѣтъ лѣсу, мало луговъ. Всѣмъ этимъ нужно раздобываться у помѣщика. Нужно платить подати, оброки — слѣдовательно, нужно достать денегъ. На этой-то нуждѣ и основалась переходная система помѣщичьяго хозяйства. Помѣщики оставили машины, агрономіи, батрацкое хозяйство, уменьшили запашки и стали вести хозяйство, сдавая земли на обработку крестьянамъ съ ихъ орудіями и лошадьми, сдѣльно, за извѣстную плату деньгами, выгонами, лѣсомъ, покосами и т. п. Но обработывающіе такимъ образомъ земли въ помѣщичьихъ хозяйствахъ крестьяне, сами хозяева, сами ведутъ хозяйство и нанимаются на обработку помѣщичьей земли только *по нуждѣ*. Человѣкъ, который самъ хозяинъ, самъ ведетъ хозяйство и *только по нуждѣ* нанимается временно на работу — это уже не кнехтъ и на такихъ основаніяхъ ничего прочнаго создать въ хозяйствѣ нельзя. Есть нужда— беретъ работу, и дешево беретъ; нѣтъ нужды — не беретъ. Чтобы имѣть рабочихъ на страдное время, нужно закабалить ихъ съ зимы, потому что, разъ поспѣлъ хлѣбъ, уже никто не пойдетъ въ чужую работу: у каждаго поспѣваетъ свой хлѣбъ. Всѣ помышленія мужика-хозяина клонятся къ тому, какъ бы не закабалиться въ работу, быть свободнымъ лѣтомъ въ страду; онъ все претерпѣваетъ, лишь бы сохранить свободу для своего хозяйства. Вся система нынѣшняго помѣщичьяго хозяйства держится, собственно говоря, на кабалѣ, на кулачествѣ. Есть при имѣніи отрѣзки, можно выгонами, покосами или инымъ чѣмъ затѣснить крестьянъ, „ввести ихъ въ оглоби", „надѣть хомутъ", крестьяне берутъ помѣщичью землю въ обработку; нельзя затѣснить — не берутъ. Дошло до того, что даже *цѣнность имѣнія опредѣляютъ не внутреннимъ достоинствомъ земли, а тѣмъ, какъ она расположена по отношенію къ крестьянскимъ надѣламъ и насколько затѣсняетъ ихъ*. Нѣтъ хлѣба, нѣтъ зимнихъ заработковъ,—берутъ у помѣщика работы, закабаляются съ зимы; уродился хлѣбъ, подошли хорошіе заработки—никто не нанимается. Какое же тутъ можетъ

быть правильное хозяйство? Мужикъ постоянно стремится освободиться отъ кабалы; онъ работаетъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ только временно, случайно, закабаляясь по нуждѣ. Одолѣваетъ или не одолѣваетъ мужикъ, а все-таки, въ концѣ концовъ, подрывается помѣщичья „grande culture“. Одолѣлъ мужикъ — онъ самъ увеличиваетъ хозяйство; не одолѣлъ—онъ уничтожаетъ хозяйство, бросаетъ землю и уходитъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, помѣщикъ остается ни съ чѣмъ. Поэтому-то помѣщичьи хозяйства годъ отъ году все падаютъ, сокращаются, уничтожаются, и землевладѣльцы переходятъ къ сдачѣ земель въ аренду на выпашку. Если же которыя хозяйства и держатся—на два, на три уѣзда батраковъ хватитъ—то это чистая случайность, ничего прочнаго въ нихъ нѣтъ и будущности они не имѣютъ. Безъ кнехта не можетъ быть правильнаго, прочнаго хозяйства. Представьте себѣ, что не было бы людей, которые изъ чиновничьей службы сдѣлали бы себѣ профессію. Представьте себѣ, что всѣ интеллигентные люди были бы люди вольные, занимались бы своими дѣлами, своими хозяйствами и, только въ случаѣ нужды, временно, нанимались бы на службу въ чиновники. Неурожай, торговый кризисъ, дороговизна — пропасть желающихъ послужить для того, чтобы перебиться, пока поправятся дѣла. Урожай, хорошо идутъ всякія торговыя и иныя дѣла—нѣтъ никого, во всѣхъ департаментахъ и канцеляріяхъ пусто. Ну, какъ же бы шла тогда служба? А вѣдь помѣщичья „grande culture“ находится въ такомъ именно положеніи.

Положимъ, что хозяинъ всѣ науки знаетъ, всякія агрономіи произошелъ, и за время, пока еще было можно заправиться, устроилъ хозяйство; хлѣба у него буйные, травы шелковыя, скоты по полямъ ходятъ тучные, но все-таки же зданіе выстроено на пескѣ. Нѣтъ у него прочнаго кнехта, который бы продалъ ему свою душу навсегда, хотя бы даже и за-дорого. Дѣло тутъ не въ цѣнѣ, а въ прочности. Мужикъ въ нуждѣ задаромъ закабаляется; но души, во-первыхъ, не продаетъ; онъ самъ хозяинъ, и душа его въ своемъ хозяйствѣ; а во-вторыхъ, измѣнились условія, поправился мужикъ — онъ и прочь.

Да и то еще сказать: весело смотрѣть на роскошный клеверъ, котораго становится 50 копъ на десятинѣ; но радость, какъ хотите отравляется при видѣ мужика Михайлы, съ зимы закабалившагося на уборку клевера. Не радуется Михайла, глядя на могучій клеверъ, въ ужасѣ стоитъ онъ передъ этой массой травы, которую онъ долженъ скосить и убрать. Думать тутъ, однако, нечего: обязался, нужно скосить; тамъ волостной, мировой, урядникъ, членъ, производитель... Положимъ, баринъ добрый, самъ понимаетъ, что клеверу народилась масса, что взятая еще зимой плата мала и прибавляетъ

Михайлѣ рубль-другой. Мужикъ радъ, кланяется, благодаритъ добраго барина... Но вотъ опять зима, пришло время сдавать работы, баринъ добрый не обидитъ, но Михайлы нѣтъ.

— Что же ты, Михайла, не берешь клеверъ косить? говоритъ баринъ, встрѣтившись съ Михайлой.

— Ныньче я не возьму, весело говоритъ Михайла: — ныньче я, слава Богу, съ хлѣбомъ, пенечку продалъ, подати уплатилъ, хлѣбушка есть.

Агрономія — прекрасно. Для агрономіи, однако, нуженъ мужикъ. Но мужикъ самъ агрономъ;—зачѣмъ онъ пойдетъ чужую агрономію разводить? Чтобы шли всѣ эти агрономіи и „grande culture“, нужно чтобы у мужика не было хлѣба, чтобы мужикъ былъ въ нуждѣ. Оно правда, что по-русски, попросту, по-Божески, можно до извѣстной степени вести хозяйство; но только чуръ ничего не стремиться упрочивать. Въ прошломъ году много надѣлалъ шуму процессъ люторичскихъ крестьянъ; но, по моему, это такъ только оборвалось на Бобринскомъ и Фишерѣ; да и то только потому, что они хотѣли завести прочную экономію. Почему Бобринскій и Фишеръ? Да вѣдь во *всѣхъ* помѣщичьихъ хозяйствахъ то-же или почти то-же самое. Если пересмотрѣть условія, дѣлаемыя въ волостныхъ правленіяхъ: особенно, если взять условія, которыя сдѣланы *покрѣпче,* то встрѣтится пропасть такихъ условій, какъ у Фишера. Да и какъ же иначе быть?

Бобринскій хотѣлъ устроить раціональное хозяйство на подобіе западно-европейскихъ, съ машинами, съ раціональными сѣвооборотами и пр., и пр., Завести хозяйство взялся нѣмецъ Фишеръ, обыкновенный нѣмецъ-агрономъ. Почему же Фишеру не вести хотяйство? Деруновы, Разуваевы, Колупаевы вѣдь хозяйствуютъ, почему же Фишеру не хозяйничать? Конечно, Деруновъ берется за хозяйство, перекрестясь, а Фишеръ не перекрестился. Деруновъ ни о какомъ прочномъ агрономическомъ хозяйствѣ не думаетъ, а Фишеръ хотѣлъ устроить прочную нѣмецкую агрономію. Деруновъ перекрестится, урветъ, ухватитъ, высосетъ, и пошла прочь, а то и такъ сидитъ, сосетъ; но дѣло въ томъ, что Деруновъ все по-Божески, съ крестомъ, Деруновъ свой къ тому же человѣкъ, русскій; каждый, дай ему опериться, будетъ дѣлать по-Деруновски. Деруновъ дѣлаетъ по-Божески, все на совѣсть; ни судовъ, ни контрактовъ, ни бумагъ; много, много, если у него есть толстая книга, въ которой крупными литерами записано: „Иванъ Петровъ—полштохъ, селетка“. Пришла пора пахать, косить, жать,—ѣдутъ Деруновскіе молодцы по деревнямъ народъ выгонять, и идутъ Иваны Петровы косить, жать. Пашутъ, косятъ, жнутъ, а тамъ въ книгѣ все стоятъ нескончаемые полштохи и селетки. У

Дерунова все идетъ какъ по маслу; дѣлается все по-Божески, по душѣ, безъ судовъ. Молодцы ѣздятъ по деревнямъ „во-время". „За тобой должокъ есть — вези-ка къ намъ пенечку". А тамъ, нуженъ подъ весну хлѣбъ или полштофъ къ празднику, Деруновъ не отказываетъ, развѣ что посрамитъ маленечко того, кто проштрафился чѣмъ. Идетъ все своимъ порядкомъ, по-Божески, по душѣ, чисто, хорошо, ни судовъ, ни судебныхъ приставовъ, ни войскъ.

Если такъ, по-Божески, по душѣ, то можно даже и маленькую агрономію развести, не прочную, конечно, а такъ себѣ, Божескую.

Но развѣ Бобринскій могъ поручить свое хозяйство какому-нибудь Дерунову?—онъ вѣдь хотѣлъ настоящую, прочную агрономію завести, нѣмецкую. Взялся Фишеръ и сталъ срудовать. Нѣмецъ, конечно, понялъ, что прочную агрономію нельзя завести безъ кнехта, безъ настоящаго кнехта. У крестьянъ же кстати надѣлы кошачьи. Ну, и началъ нѣмецъ орудовать, думалъ, должно быть, прочнаго кнехта устроить. Взялся за дѣло по-нѣмецки, съ судами, съ бумагами, думалъ все покрѣпче сдѣлать—и оборвался. Не перекрестясь нѣмецъ за дѣло взялся. А за что оплевали? За что? Что дѣлалъ нѣмецъ, то дѣлаютъ Деруновы, то дѣлаютъ *всѣ*; ну, положимъ, не такъ натягиваютъ, а по существу-то все то же; у нѣмца только хитрости, такъ сказать, не хватило, слишкомъ прямо орудовалъ, не перекрестясь. Чтобы вести хозяйство безъ агрономіи или по агрономіи, недостаточно имѣть только землю, машины,—нуженъ еще мужикъ. „Дикій баринъ" думалъ было безъ мужика обойтись, да и обстыдился. Нуженъ мужикъ, а мужикъ-то самъ хочетъ быть хозяиномъ, а кнехтомъ быть не хочетъ; это не то, что интеллигентъ, который въ какіе угодно кнехты готовъ идти, лишь бы только имѣть обезпеченное положеніе. У люторичскихъ крестьянъ нищенскій, кошачій надѣлъ. „Крестьяне" не могутъ жить „надѣломъ", говорилъ на судѣ адвокатъ люторичскихъ крестьянъ:—работа на сторонѣ и на поляхъ бывшаго помѣщика для нихъ неизбѣжна, къ ней они тяготѣютъ не какъ вольно договаривающіеся, а какъ невольно принуждаемые, а въ этомъ идея и смыслъ системы, практикуемой управляющимъ графскихъ имѣній".

Тутъ причиною нищенскій, кошачій надѣлъ. Крестьяне не могутъ жить надѣломъ, работа на помѣщика для нихъ неизбѣжна и работаютъ они не какъ вольно договаривающіеся, а какъ невольно принуждаемые, но гдѣ же мужики работаютъ, какъ вольно договаривающіеся? Мужикъ-хозяинъ, имѣющій свое хозяйство, никогда не работаетъ на господскомъ полѣ, какъ вольно договаривающійся, а всегда какъ „невольно принуждаемый". Кто же, имѣя свое хозяйство,

свою ниву хлѣба, *добровольно оставитъ свой хлѣбъ осыпаться* и пойдетъ убирать чужой хлѣбъ?

Что-нибудь одно: или мужицкое хозяйство, или „grande culture". Иные думаютъ, что хорошо, по агрономіи организованная „grande culture" можетъ платить мужику болѣе, чѣмъ онъ получитъ изъ своего хозяйства, такъ что мужикъ будетъ бросать землю, чтобы идти батракомъ въ „grande culture", подобно тому, какъ иногда бросаетъ землю, чтобы идти въ фабричные, въ прислуги, въ интеллигенты. Не говоря уже о томъ, что вовсе нежелательно, чтобы „grande culture" обезземеливала мужика, я думаю, что этого не можетъ быть и не будетъ. Теперь мы такой „grande culture" не видимъ, а видимъ только неимѣющія будущности, случайныя, кулаческія хозяйства и массу падающихъ хозяйствъ, земли которыхъ расхищаются выпашкой.

Старая помѣщичья система послѣ „Положенія" замѣнилась кулаческой, но эта система можетъ существовать только временно, прочности не имѣетъ и должна пасть и перейти въ какую-нибудь иную, прочную форму. Еслибы крестьяне въ этой борьбѣ пали, обезземелились, превратились въ кнехтовъ, то могла бы создаться какая-нибудь прочная форма батрацкаго хозяйства; но этого не произошло—падаютъ, напротивъ, помѣщичьи хозяйства. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе закрывается хозяйствъ, скотъ уничтожаетс и земли сдаются въ краткосрочную аренду, на выпашку, подъ посѣвы льна и хлѣба. Пало помѣщичье хозяйство, не явилось и фермерства, а просто-на-просто происходитъ безпутное расхищеніе— лѣса вырубаются, земли выпахиваются, каждый выхватываетъ что можно и бѣжитъ. Никакія техническія улучшенія не могутъ въ настоящее время помочь нашему хозяйству. Заводите какія угодно сельскохозяйственныя школы, выписывайте какой угодно иностранный скотъ, какія угодно машины, ничто не поможетъ, потому что нѣтъ фундамента. По крайней мѣрѣ, я, какъ хозяинъ, не вижу никакой возможности поднять наше хозяйство, пока земли не перейдутъ въ руки земледѣльцевъ. Кажется, что въ настоящее время и всѣ это начинаютъ понимать.

КОНЕЦЪ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

своею ниву хлѣба, добровольно [illegible] и помѣстъ убирать чужой хлѣбъ?

Что-нибудь одно: или мужицкое хозяйство, или „[illegible]". Или думать, что хорошо, по агрономіи [illegible] „[illegible]" можетъ платить мужику болѣе, чѣмъ онъ получитъ для своего хозяйства, тѣмъ что мужикъ отдастъ бросать землю, чтобы затѣмъ направить въ „[illegible]", [illegible] бросать землю, чтобы идти въ фабричные, въ кустари, въ [illegible]. Не говоря уже о томъ, что вовсе не доказано, что „[illegible]" обезпечивало мужика, а [illegible] этого не можетъ бывать не будетъ. Теперь мы также „[illegible]" не видимъ, а видимъ только невыгодную продажу, случайныя [illegible] хозяйства и массу падающихъ хозяйствъ, [illegible] переходящихъ въ [illegible].

Старыя неудачныя системы послѣ „Положенія" замѣнились [illegible], но эта система можетъ существовать только временно, [illegible] не имѣетъ [illegible] и должна [illegible] перейти въ [illegible] другую форму. [illegible] крестьянъ [illegible], обѣднѣвшихъ, превратились въ [illegible], то [illegible] прочная форма [illegible] хозяйства, [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] все болѣе и болѣе [illegible] хозяйствъ, [illegible] и земли [illegible] въ [illegible], [illegible] [illegible] и хлѣба. [illegible] хозяйства не [illegible], а просто [illegible] происходить [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], каждый [illegible] что можно [illegible]. [illegible] улучшенія не могутъ въ настоящее время помочь нашему хозяйству, [illegible] какія [illegible] [illegible] школы, [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], [illegible] не помогутъ, [illegible] [illegible]. Но [illegible], а [illegible] хозяина, [illegible] [illegible] возможности [illegible] [illegible] [illegible] не [illegible] въ [illegible]. [illegible], что въ настоящее время [illegible] [illegible] понимаетъ.

КОНЕЦЪ.

Buchbinderei
Chr. Klostermayer
München

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Engelhard, Aleksandr Nikolaevič

Iz derevni 11 pisem. <1872 - 1882 gg.> A. N. Ėgel'garda

S.-Peterburg 1882

P.o.russ. 65 a
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680311-8